8763

8763

~~8325~~

ДЕСЯТИЛѢТІЕ

РУССКАГО ЗЕМСТВА

1864 — 1875

Д. Л. МОРДОВЦЕВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)

1877

39

65407

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Глубокое нравственное успокоеніе долженъ испытывать историкъ, когда, переходя въ своихъ работахъ отъ столѣтія къ столѣтію, отъ мрачнаго, подавляющаго образа общественнаго и государственнаго строя жизни среднихъ вѣковъ къ картинамъ постепеннаго обновленія духа и содержанія жизни послѣдующихъ вѣковъ, онъ видитъ, что борьба съ природой, массовой нищетой и человѣческимъ невѣдѣніемъ во всѣхъ его неисчислимыхъ формахъ хотя медленно, утомительно медленно, но непоколебимо, шагъ за шагомъ очищаетъ человѣку поле для жизни и для разумнаго и безопаснаго повользованія повозможности всѣмъ, что̀ даетъ ему природа и трудъ, врожденная потребность довольства и счастья и высшія требованія разума.

Хотя по отношенію къ тысячелѣтіямъ, пережитымъ человѣчествомъ въ борьбѣ съ природою, бѣдностью и невѣдѣніемъ, послѣднія столѣтія, пережитыя Россіею, и составляютъ сравнительно ничтожный моментъ изъ всей, такъ сказать, исторической вѣчности, однако и на этомъ маломъ переходѣ отъ второй половины XVIII вѣка во вторую половину XIX историкъ выноситъ не менѣе глубокое нравственное успокоеніе въ томъ, что коллективною работою человѣчества, какъ она подъ часъ ни кажется работою египетскою, работою Сизифа, неуклонно руководитъ мерцающій гдѣ-то свѣточь правды и добра.

Изучая историческую жизнь русскаго народа и ея болѣе или менѣе массовыя, стихійныя проявленія въ прошломъ вѣкѣ, мы почти исключительно вынуждены были останавливаться на темныхъ ея рельефахъ—на явленіяхъ «Понизовой вольницы», «Самозванщины» всѣхъ видовъ, «Пугачовщины» и «Гайдамачины»; даже исторія русской женщины въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ представляла мало утѣшительнаго—болѣе горькихъ явленій женскаго существованія, чѣмъ отрадныхъ, и полезнаго менѣе, чѣмъ безполезнаго. Изъ этой тьмы, повидимому, не было выхода къ свѣту.

Нѣчто иное мы видимъ теперь. Не то представляетъ намъ и лежащая передъ нами книга, составляющая естественный переходъ отъ нашихъ прежнихъ историческихъ очерковъ къ изслѣдованію хотя одной стороны современнаго состоянія общественно-народнаго строя нашей жизни. Съ трудомъ вѣрится, что по-

томки государственныхъ и общественныхъ дѣятелей прошлаго вѣка, почти всю жизнь боровшихся противъ всевозможныхъ народныхъ волненій, мятежей и массовыхъ, враждебныхъ общественному строю движеній во всѣхъ частяхъ русской земли, и потомки этихъ волновавшихся и усмиряемыхъ массъ, въ настоящее время, какъ земскіе представители одной и той же русской земли, смѣшавшись въ общей земской работѣ, сидятъ за однимъ и тѣмъ же земскимъ столомъ, въ одномъ и томъ же земскомъ собраніи, облеченные равнымъ довѣріемъ своего населенія и располагающіе равными голосами въ обсужденіи потребностей и нуждъ той же самой страны, еще такъ недавно представлявшей неутѣшительную картину повальной борьбы и общей неладицы. Князья Щербатовы и Долгорукіе, Лобановы-Ростовскіе и Волконскіе, Гагарины и Крапоткины, Шаховскіе и Друцкіе-Соколинскіе, Репнины и Голицины, и другіе знатные русскіе роды, Рюриковичи и Гедиминовичи, неугасшія доселѣ отрасли великихъ и удѣльныхъ князей Святославовъ и Ярополковъ, Мономаховъ и Ярославовъ, Всеволодовъ и Ростиславовъ, потомки старыхъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ и владѣтельныхъ татарскихъ князей, хановъ и мурзъ, потомки украинскихъ гетмановъ и кошевыхъ атамановъ,—все это наше именитое историческое наслѣдство, въ силу безсмертныхъ государственныхъ актовъ 19 февраля 1861 года и затѣмъ 1 января 1864 г., подѣлилось и своими правами, и своимъ достояніемъ, и своимъ голосомъ съ другими сословіями русской земли, и бывшій крѣпостной, потомокъ удалаго добраго молодца, несетъ съ тѣхъ поръ повозможности равную съ бывшимъ своимъ владѣльцемъ долю и своего труда, и нравственнаго долга къ странѣ на общую земскую пользу. Къ этой общей работѣ приложила свою долю труда и русская женщина, можетъ быть, прямая отрасль Рогнѣды и Верхуславы, Ярославны и Гориславы, которой прошедшее предоставляло такъ мало возможности приложенія богатыхъ силъ и отзывчиваго сердца къ общему доброму дѣлу.

Все это, мы надѣемся, будетъ до нѣкоторой степени чувствовать читатель, пробѣгая настоящую книгу, какъ чувствовалъ это самъ авторъ ея, который хотя и сознаетъ, что многаго еще не достаетъ земскому дѣлу, что многое въ нашей общей работѣ далеко не совершенно, что много въ ней ошибокъ и недоразумѣній, что въ задачахъ земства много несознаннаго, невзвѣшеннаго, не достаточно уясненнаго, не мало и печальныхъ явленій, глубоко возмущающихъ душу своею неправдою; при всемъ томъ, въ общемъ, пишущій это вынесъ глубокое нравственное утѣшеніе въ томъ непоколебимомъ сознаніи, что многое изъ того, что̀ было—прошло и быльемъ поросло, а въ томъ, что̀ совершается въ настоящемъ, утѣшительнаго больше, чѣмъ неутѣшительнаго, и свѣтлаго, если не количественно, то качественно, больше, чѣмъ темнаго, въ силу библейской истины, что «свѣтъ свѣтится во тьмѣ, и тьма его не объятъ».

СОДЕРЖАНІЕ.

Вмѣсто предисловія..... I

ГЛАВА I. Значеніе земской реформы въ ряду другихъ реформъ.—Земская литература. — Обширность земской задачи. — На какихъ сторонахъ жизни уже отразилась земская работа.—Вліяніе земства на развитіе печатнаго дѣла въ провинціи. — Земство, какъ «средняя молодость» русскаго общества и какъ отживающее старчество..... 1

ГЛАВА II. Петербургское земство. — Его столичная сдержанность въ ущербъ гласности.—Лугское земство и растрата земскихъ суммъ Анненскимъ съ товарищами. — Оцѣнка темпераментовъ по уѣздамъ, сообразно величинѣ штрафныхъ суммъ, собираемыхъ мировыми судьями.—Петергофцы—«сангвиники» и ямбургцы—«лимфатики».—Объ обязательности службы земскихъ учителей.—«Вмѣшательство» прокурора въ лугскую исторію.—Портретъ барона Корфа—дипломъ на «вѣчную память» и на историческое безсмертіе..... 20

ГЛАВА III. Земство петербургскаго уѣзда.—Его «дачный» характеръ.—Борьба изъ-за Крестовскаго острова. — Истребленіе дѣтей. — Безобразовъ и его тезисъ о коровьемъ молокѣ. — Историческій минотавръ, изображаемый учителемъ Аврамовымъ. — Могилы Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и Рѣшетникова, питающія земскихъ учениковъ..... 30

ГЛАВА IV. Захолустныя земства. — О земскихъ Мининыхъ и Пожарскихъ, Заруцкихъ и Пугачовыхъ.—Крестьяне—земскіе дѣятели: Коняевъ, Мелединъ, Скачковъ.—Станокъ Гуттенберга въ «Ирбити».—Красноуфимское земство и его Микула-Селяниновичъ — крестьянинъ Начапкинъ. — Крестьяне, ратующіе за реальное образованіе. — Торжество крестьянина Скачкова.—Эмансипація мужицкой лошади. — Толки *крестьянъ о прессѣ*.—Провинціальная откровенность. — Пермское земство и врачъ Молле-

сонъ.—Борьба городовъ съ земствами.—Сибирскій трактъ. — Обидчивость управы-крестьянки.—Красноуфимскій Брайтъ и проѣзжій изъ Сибири... 42

ГЛАВА V. Сопоставленіе «курянъ» Слова о полку Игоревѣ съ «курянами» дмитріевскаго земства.—Гласный Волжинъ и гласные Аладьины.—Распущенность дмитріевской управы. — Управа «безъ докладовъ». — Выраженіе дмитріевской управѣ *«крайняго сожалѣнія»*. — «Малѣнька Золотоноша» и ея земство.—Гласные изъ украинцевъ «чистой крови» и «казаки».—Бѣлуха-Кохановскій о неудовлетворительности врачебной части.—Выраженіе золотоношской управѣ земскаго *«неодобренія»*. — Другое *«неодобреніе»*, отъ котораго спасаетъ себя гласный Цыбенко.—Третье *«неодобреніе»*.—Отсутствіе талантливыхъ дѣятелей и апатія. — Надежда на крестьянъ 60

ГЛАВА VI. Земство города Прилукъ.—Отсутствіе типографскаго станка. — Писаная земская литература. — Преобладаніе чиновныхъ земцевъ надъ крестьянами. — Миніатюрность земскаго дѣла. — Прилукская «ветеринарія».—Пособники народнаго образованія—Скоропадскій, Маркевичъ, Омельяненко, Джигурда, Погибко, Троцина, Семенченко и Лозовые. — Одно изъ поволжскихъ земствъ—симбирское.—Его безцвѣтность. — Гласный Мусоринъ—и сомнѣніе въ томъ, хотятъ ли крестьяне учиться.—Сызранское земство.—Рабочій вопросъ.—Перелеты «саранчи въ лаптяхъ».—Земскіе агенты: Бестужевъ, Кострюковъ, Юрасовъ и др.—Земскій агентъ-женщина: г-жа Пустошкина.—Откровенность гл. Воейкова. — Сызранскія женщины: Амбразанцева-Нечаева, Граббе, Бестужева. — Перестрѣлка города съ уѣздомъ.—Борьба земствъ съ «сусликами», «овражками», «кузьками».—Безсиліе профессора Мечникова въ борьбѣ съ «кузькою».—Земскій «волчій вопросъ». — Насакинъ — и повѣрка волчьихъ «хвостовъ и ушей».—Стипендіи студентамъ. — «Навозный вопросъ». — Выраженіе земской признательности гл. Воейкову «какъ человѣку» 72

ГЛАВА VII. Самарское земство на мѣстѣ «колоніи бѣглыхъ» и царства «понизовой вольницы». — Броженіе молодыхъ силъ. — *Неграматные* гласные.—Старые богатыри Святогоры и новые Микулы Селяниновичи. — Гл. Кноррингъ и дорожныя «вехи». — Земская петиція къ печати. — Самарскій голодъ.—Русскія женщины-Антигоны: Мордвинова, Луковникова, Никонова, Шумова, Шахларева, Коренева.—Народное образованіе.—Заявленіе свящ. Кульгинскаго: на земскаго учителя устремлено до 140 начальственныхъ глазъ.—Столкновеніе Кнорринга съ Аристовымъ—«разъѣздной команды» съ «понизовою вольницею»—«Столкновеніе земства съ случаями растраты земскихъ суммъ полиціею» 90

ГЛАВА VIII. Весьегонская земская глушь. — Яша Соколовъ, крестьянскій сынъ, порывающійся въ университетъ. — Его обращеніе къ своимъ бывшимъ «господамъ». — Ехидство гл. Корсакова. — Защита мировымъ судьей Поярковымъ и другими своихъ позицій. — Гл. Кисловскій желаетъ «объять необъятное». — «Открытіе новыхъ земель». — Нѣмцы заѣдаютъ русскихъ на сыровареніи. — Запахъ историческаго трупа и свѣжій голосъ крестьянина Арефія Авдѣева. — «Историческая мыше-

ядь». — Весьегонскій Муцій-Сцевола. — Вообще о выдающихся земскихъ «головкахъ». — Врачъ Европеусъ, замѣняющій земскую медицину половины уѣзда.—Адрессъ Европеусу.—Дочь г. фонъ-Райзеръ. — Баушки-повитухи и Хроносъ, поѣдающій земскихъ дѣтей.—Дѣланіе того *что можно* и «продажа съ аукціона человѣческихъ языковъ»..... 104

ГЛАВА IX. Дѣятельность земства на родинѣ говядаря Козьмы Минина-Сухорукова.—Учительское «подвижничество». — Преимущества положенія «лакея въ барскомъ домѣ» сравнительно съ положеніемъ земскаго учителя. — Остроумное сравненіе «тушенія пожаровъ» съ содѣйствіемъ дѣлу народнаго образованія, или невѣжество страшнѣе пожара. — Н. Ю. Арсеньева.—Земству не до хорового пѣнія.—Чердынское земство.—Въ хлѣбныхъ магазинахъ вмѣсто хлѣба—арестанскія вещи.—Опять историческая мышеядь.—Одинъ учащійся на 25,000 душъ населенія. — Св. Бурдинъ и вопросительные знаки. — Земская вавилонская башня и боязнь смѣшенія земскихъ языковъ.—Кунгурское земство. — Многолѣтіе государю императору и «служащимъ въ земскомъ учрежденіи».—Врачъ Морозъ и «летучія аптечки». — Теплое отношеніе къ земскимъ школамъ. — Земскія учительницы и учителя изъ крестьянъ. — *Сорока-двухмѣтній* школьникъ. — Историческій сонъ, продолжавшійся отъ 862 по 1862 годъ..... 121

ГЛАВА X. Смоленское земство. — Увѣренность князя Друцкого-Гурко въ томъ, что смоленская губернія — высшая «интеллигентная сила» всей Россіи. — Гл. Мельниковъ и «полная деморализація крестьянскаго сословія».—О податной реформѣ и *о налогѣ на гонораръ литератора*. — Гл. Путято, и «пѣтухъ подавившійся бобомъ». — «Всесословная волость», и гл. Маевскій, опасающійся за «образованное начало». — Гл. Давыдовъ — выдающаяся земская «головка», и соляной налогъ.—Гл. Кузнецовъ и его «Carthaginem delendam» — мужикъ. — Гл. Потемкинъ: причины мѣстной безвыходности.—«*Пьянство—не причина обѣднѣнія, а ея слѣдствіе*». — Приравненіе мужика къ желѣзнодорожному дѣятелю.— Нелестная характеристика «добраго русскаго народа». — Страшная картина всесословной волости, нарисованная гл. Пенскимъ. — Вопросъ о военной гимназіи. — Предложеніе гл. Герна — благодарить земскихъ дѣятелей тогда, «когда Господу Богу будетъ угодно прекратить ихъ дѣятельность» 135

ГЛАВА XI. Значеніе индивидуальной силы въ земской работѣ.—Харьковское земство.—Отсутствіе въ немъ выдающихся дѣятелей. — «Бесѣды» врача Лункевича съ крестьянами.—Земскія школы, «приводящія въ ужасъ» обозрѣвателя ихъ.—«Ящикъ» вмѣсто школы.—Наблюденія г. Силамова.— Желательность преподаванія въ школахъ на родномъ языкѣ. — Учитель Столбинъ.—Учительница Горбачевская. — «Квадратная дисциплина» отца діакона. — Участіе на учительскихъ съѣздахъ «*съ обѣтомъ молчанія*». — Г-жа Раевская.—Земское «кто виноватъ» и Гейневская «alte Geschichte».— Сборы «на содержаніе памятника Богдану Хмельницкому». — Преміи домашней прислугѣ—юбилеи рабочаго люда..... 153

ГЛАВА XII. Негодность старой системы народнаго продовольствія. — Попытки продовольственной реформы. — Замѣна натуральной продоволь-

ственной повинности денежною. — Разсчетъ ливенскаго земства о выгодности этой замѣны: геніальное средство противъ «исторической мышеяди».— Боязнь крестьянъ и причины этой боязни: глубокое пониманіе крестьянами русской исторіи при полномъ ея незнаніи. — Гл. Селищевъ, Мацневъ, Башкатовъ, Свидерскій—выдающіяся «головки».—Заявленіе учителя Ильинскаго.—Бури въ земскомъ стаканѣ изъ-за чистоты земской идеи.— Учитель и ученики, сидящіе на доскѣ.—Боязнь Тарквинія и его хлыста, сбивающаго земскія «головки» 163

ГЛАВА XIII. «Унынie» Некрасова и земскаго историка. — Земства съ печатью мѣщанства на челѣ: одесское и саратовское.—Расходы перваго на народное образованіе и на игральныя карты. — «Столица Поволжья» и аукціонъ на земскую желѣзную дорогу. «Потерянный рай» саратовскаго земства, написанный саратовскимъ Мильтономъ. — Земскіе гвельфы и гибелины.—Земское coup d'état.—«Желѣзный комитетъ». — Гл. Федоровскій и Шомпулевъ: «русскіе тупые умы» или «узкіе тупые умы»?—Херсонское земство. — Одесса и Херсонъ или братъ-негоціантъ и братъ мѣщанинишка.—Гл. Зеленый объ «одесскомъ сепаратизмѣ». — Сепаратистъ Соловейчикъ 175

ГЛАВА XIV. Удачность и неудачность подбора земскихъ дѣятелей. — Херсонскій конгрессъ народныхъ учителей.—Борьба съ «кузькою», «адонисомъ», «прусомъ» и «австріякомъ» — съ червями и жучками, обложившими русскій народъ данью.—Командированіе войскъ противъ этихъ новыхъ татаръ.—Война солдатъ съ «овражками».—Замѣчательное заявленіе гл. Бѣлоусовича о нѣмцахъ и овражкахъ.—Вопросъ о «десятинщикахъ».— Пренія о «лечебницѣ графа Коцебу»: схватки между гласными Сильванскимъ, Курисомъ, Фатуровскимъ, Никитинымъ. — Щекотливость Бертье-Делагарда. — Метаморфозы Григорья Соколова-Бородкина. — Слова гл. Значко-Яворскаго о мужикѣ, боящемся полиціи, и о крупномъ землевладѣльцѣ, небоящемся оной.—Вопросъ о наложеніи пени на казенныя земли: пораженіе на этомъ вопросѣ херсонскаго Цезаря херсонскою осторожностью 192

ГЛАВА XV. Рязанское земство.—Гл. Кошелевъ, кн. Волконскій и Дашковъ—«соль» русскаго земства.—Десятилѣтняя земская исповѣдь кн. Волконскаго. — Гл. Аѳанасьевъ и его хитроумный проектъ «умолчанія». — «Консервативная сессія».—Народныя школы—«въ семьѣ не безъ... михайловца».—Пренія о «просить» и «вмѣнить» 214

ГЛАВА XVI. Разсмотрѣніе сметъ.—Гл. Порозовъ и унизительность задѣльной платы.—Дашковъ противъ «общей миски». — Начало раздора въ администраціи школъ.—Кн. Крапоткинъ противъ всѣхъ. — Гл. Левашовъ: волость до изобрѣтенія азбуки.—«Сѣченый работникъ—не работникъ». — Оханское земство: «имѣетъ ли *хоть кто-нибудь хоть что-нибудь* заявить?»—«*Никто и ничего* не имѣютъ». — Содержаніе рязанскаго волка дороже содержанія сельскаго учителя. — Гл. Тимоховичъ съ «чайнымъ» вопросомъ 232

ГЛАВА XVII. Ростовское-на-Дону земство на мѣстѣ царства турецкихъ

пашей.—«Смѣсь одеждъ и лицъ».—Земскіе «бѣгуны». — Гл. Мигринъ. — Отсутствіе огонька Прометея. — Соперничество Таганрога и Ростова. — Равнодушіе къ земскому дѣлу.—Борьба съ губернскимъ земствомъ: побѣда сапога надъ лаптемъ..... 254

ГЛАВА XVIII. Земство «всѣмъ чужой ребенокъ».—Пермское земство и сибирскій или «каторжный» трактъ. — Екатеринбургское земство и гл. Русановъ противъ «серьёзныхъ журналовъ». — Новый Катилина изъ крестьянъ. — Снова сибирскій трактъ. — Земскіе паразиты. — Гл. Смышляевъ—и повальное обвиненіе.. 269

ГЛАВА XIX. Чухломское земство.—Сокращеніе бюджета и разгнѣванный исправникъ. — Отнесеніе свиней къ разряду рогатаго или «крупнаго скота».—Калужское земство.—«Безполезные» гласные. — Отказы всѣмъ и во всемъ.—Въ Сибири—«въ Ирбити».—Опять Смышляевъ — «первый земщины боецъ». — Его замѣчательный проектъ объ облегченіи лаптя. — Гл. Юшковъ — ирбитская Ксантиппа. — Врачъ Рудольскій противъ «голодной діэты». — Мужичонокъ-ирбитякъ Зенковъ—студентъ университета.—Учитель Ляпустинъ и его проектъ объ отвлеченіи мужика отъ кабака къ чтенію.. 284

ГЛАВА XX. Брянское земство и «новыя рѣчи».—Молоденькая поповна Анастасія Знаменская, доказывающая, что «силы духа и энергіи измѣряются не лѣтами и поломъ».—Гл. Азаровъ-Храповъ «на правду чортъ».—Заболѣваніе секретарей собранія.—Азаровъ-Храповъ требуетъ «сжечь 21 тысячу». — Записываньe въ журналъ собранія *всего*. — Трубчевское земство.—Отношеніе къ земскому дѣлу «бокомъ». — Покупка дома на несуществующія деньги.—Гл. Полетико противъ «длинныхъ отчетовъ» врачей. 295

ГЛАВА XXI. Крымъ и перекопское земство.—Татарскіе мурзы и беи, превратившіеся въ гласныхъ и устраивающіе школы для бывшихъ «полоняночекъ». —*Самое крайнее* русское земство на югѣ—хотинское.—Отсутствіе русскаго лаптя, русской чуйки, русскаго мастерового и семинариста — плохой знакъ. — Отсутствіе земскихъ задачъ. — Кишиневское земство.—Близость Европы и—*50 рублей* на народное образованіе.— Псковское земство.— Щедрость на народное образованіе. — Сравненіе дѣятельности «господина Пскова» съ дѣятельностью другихъ городовъ.—Ананьевское земство.—26 крестьянскихъ приговоровъ.—Дѣятельность женщинъ.— Спасское земство.—Отнѣкиванья управы.—Равнодушіе къ школамъ и неравнодушіе къ случнымъ конюшнямъ. — Земскія потребности «необходимыя» и «полезныя»..... 308

ГЛАВА XXII. Пирятинское земство.—Разнообразіе земскихъ силъ. — Малороссійская «жартливость» земства.—Непониманіе московской рѣчи.— Зѣньковское земство. — Его запорожскій характеръ. — «Открытіе земель, скрываемыхъ владѣльцами».—Ходатайство г. Филонова о томъ, чтобы земство «разбудило» своего врача.—Калужское земство.—Отсутствіе иниціативы. — Вопросъ о реальномъ училищѣ. — Отношеніе Калуги къ голодающимъ самарцамъ 323

ГЛАВА XXIII. Свіяжское земство.—Уравненіе дорожной повинности.—

Предубѣжденіе крестьянъ противъ «чалыхъ жеребцовъ».—Едва не исчезнувшее земство—чебоксарское.—«Ружный вопросъ». — Отклоненіе обязательнаго обученія за неимѣніемъ сапогъ у крестьянскихъ дѣтей.—Лечить крестьянъ—«преждевременно» 337

ГЛАВА XXIV. Значеніе «земскаго люстра» въ жизни земствъ. — Признаки новаго люстра въ жизни оханскаго земства. — Педагоги-«ходебщики» или новые перипатетики-«офени».—Бѣлевское земство. Его нищенскія задачи. «Чужіе волки» и «свои». Библіотека В. А. Жуковскаго съ капиталомъ въ рубль-двѣ копейки. Бѣлевскіе озорники.— Возвращеніе къ курскому земству и къ современнымъ «курянамъ». — Рыльское земство и его борьба съ городомъ изъ-за женскаго образованія. Земскіе случные жеребцы, отбивающіе послѣднюю копейку у народныхъ школъ 350

ГЛАВА XXV. Возвращеніе въ «лѣвобережную» Малороссію. Харьковское земство. Земское самобичеваніе. Земскій законоучитель, получающій 30 р. за 50 минутъ преподаванія въ школѣ.—Попытки полтавскаго земства о объединеніи земскихъ силъ. Гласный Яцевичъ и его предложеніе, въ которомъ сказался историческій геній Малороссіи 360

ГЛАВА XXVI. Взглядъ на прожитое русскимъ земствомъ десятилѣтіе.— Имена земскихъ гласныхъ, выдающихся своею дѣятельностью или вообще почему-либо наиболѣе замѣтныхъ.— Женщины-дѣятельницы. — Заключеніе. 366

ДЕСЯТИЛѢТІЕ РУССКАГО ЗЕМСТВА.

1864—1875.

I.

Изъ всѣхъ реформъ послѣдняго пятнадцатилѣтія нашей исторіи, на земскую реформу русское общество возлагало самыя скромныя, самыя ограниченныя надежды. Съ своей стороны литература относилась къ этому совершившемуся на ея глазахъ историческому акту болѣе чѣмъ сдержанно, по крайней мѣрѣ, реформу эту ни литература, ни общество не считали ни починнымъ до извѣстной степени, ни до извѣстной степени рубежнымъ актомъ русской исторіи, гдѣ, какъ въ крестьянской реформѣ, ставился конечный рубежъ одной формѣ нашей исторической жизни и полагался починный пунктъ другой формѣ этой жизни. Къ крестьянской реформѣ прилагали широкую историческую оцѣнку: то, что̀ было закрѣплено почти незапамятною историческою, юридическою и земскою давностію, разрѣшалось законодательнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, и актомъ этимъ создавалась такая форма жизни, которая должна была, въ сущности, отличать Россію послѣ 19-го февраля отъ Россіи до 19-го февраля въ несравненно болѣе значительной степени, чѣмъ отличалась Россія до-петровская отъ Россіи послѣ-петровской. Равнымъ образомъ къ земской реформѣ и русское общество и русская литература отнеслись болѣе сдержанно, чѣмъ къ судебной реформѣ, къ которой тоже прилагалась очень широкая историческая оцѣнка: гласный судъ и судъ присяжныхъ, какъ и крестьянская реформа, по этой оцѣнкѣ, должна была отличать

Россію съ присяжными отъ Россіи до присяжныхъ болѣе, чѣмъ отличалась Россія послѣ уложенія царя Алексѣя Михайловича отъ Россіи до уложенія и даже Россіи до «Русской Правды» отъ Россіи послѣ «Русской Правды». Наконецъ, почти равносильная историческая оцѣнка прилагалась къ третьей изъ наиболѣе крупныхъ реформъ послѣдняго пятнадцатилѣтія—къ реформѣ печати, когда положено было первое въ Россіи начало свободнаго оглашенія произведеній слова безъ предварительной цензуры.

Самая узкая историческая оцѣнка выпадала такимъ образомъ на долю земской реформы, какъ такого историческаго акта, который казался значительно ýже остальныхъ, ýже и по формѣ, и по содержанію: актъ этотъ не представлялся никому ни рубежнымъ историческимъ актомъ, ни починнымъ, а понимался, какъ хронологическое видоизмѣненіе тѣхъ формъ общественнаго строя, отъ вліянія которыхъ отчасти выработался и долго практиковался старинный гражданскій кодексъ—«Уставъ или повинность» и которые, въ свою очередь, выработались и окрѣпли отчасти въ силу этого самаго кодекса. Если бы въ данномъ случаѣ позволено было допустить сравненіе, то развѣ такого рода: первыя три реформы можно было бы назвать самостоятельнымъ актомъ историческаго твѳрчества, оригинальнымъ до извѣстной степени произведеніемъ русской исторіи, а послѣднюю реформу—работою компилятивною; тамъ создавалось что-то новое; здѣсь изъ стараго матеріала и нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ производились комбинаціи чисто хронологическія, т. е. такія, которыя исключительно приспособлялись ко времени: обязательное исполненіе земствомъ лежащихъ на немъ, по отношенію къ государству и по отношенію къ своей мѣстной территоріи и ея населенію, повинностей, указываемыхъ въ уставѣ земскихъ повинностей, положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ возлагалось только на большее число исполнительныхъ факторовъ этого дѣла, а факторскія обязанности съ одного сословія переносились еще на два другихъ, неучаствовавшихъ прежде въ мѣстной раскладкѣ земскихъ повинностей, на представителей городскихъ и крестьянскихъ обществъ. Въ послѣднемъ случаѣ смѣлая метафора не шла дальше перифраза извѣстной русской пословицы: тѣхъ же щей, да погуще влей; тогда какъ въ первыхъ трехъ случаяхъ метафора не могла даже подобрать подходящаго уподобленія: до 19 февраля 1861 года крестьянинъ былъ собственностью помѣщика, а съ 19 февраля крестьянинъ сталъ самъ собственникомъ; до 20 ноября 1864 года русскій народъ судили тѣ, которымъ это было поручено, а съ 20 ноября русскій народъ самъ себя су-

дитъ; до 5 апрѣля 1865 года русская печать могла оглашать только то, что̀ ей дозволено и за что̀ она, если оно уже было дозволено, не отвѣчала предъ закономъ; а съ 1865 года русская печать получила право оглашать, конечно до извѣстной степени, даже и то, что̀ могло бы быть и не дозволено къ оглашенію и за что̀ она, какъ имѣющая свободный выборъ, можетъ и отвѣчать предъ закономъ.

Какъ бы то ни было, отношеніе общества и литературы къ тому, что̀ на ихъ глазахъ, втеченіе отживаемаго нами пятнадцатилѣтія, совершалось внутри и на поверхности русской жизни, было, если можно такъ выразиться, не совсѣмъ спокойное отношеніе, нѣсколько возбужденное, придававшее тому, что̀ совершалось, или не подлежаще высокую цѣну, или не подлежаще умѣренную. Но теперь настало время болѣе спокойнаго отношенія и къ тому, что̀ совершилось въ этотъ пятнадцатилѣтній періодъ нашей исторической жизни, и къ тому, что̀ продолжаетъ совершаться. Крестьянская реформа сдѣлала свое дѣло, и больше того, что̀ она сдѣлала, по самому существу своему и по внутреннему содержанію этого историческаго акта, сдѣлать не можетъ: она исправила то, что̀, съ точки зрѣнія современности, считалось уже исторической ошибкою, исторической неправдою; она уничтожила крѣпостное право; она надѣлила крестьянъ землею. Дальше этого реформа не шла и не должна была идти: это была ея историческая миссія, которую она и окончила, подписавъ и представивъ куда слѣдуетъ послѣднюю уставную грамоту. Дальнѣйшаго развитія, движенія, жизни въ этомъ историческомъ актѣ нѣтъ и не должно быть: на основаніи его спокойно совершается нынѣ только процессъ выкупа крестьянами своихъ земель, но это—такой процессъ, какъ естественный процессъ роста, старѣнья человѣка: рано или поздно человѣкъ умираетъ, какъ рано или поздно выкупается самъ собою душевой надѣлъ.

Судебная реформа также сдѣлала свое временное дѣло, и больше того, что̀ она сдѣлала, сдѣлать не можетъ и, по существу, не должна: на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 года она предоставила русскому народу гласный судъ и судъ присяжныхъ, и вотъ русскій народъ судитъ, караетъ и милуетъ тѣ преступленія, какія вызываетъ жизнь и условія этой жизни. Тутъ также совершается простой, жизненный, спокойный органическій процессъ: меньше у насъ будетъ преступленій — меньше будетъ и осужденныхъ, наказанныхъ; увеличится число отклоненій отъ нормы жизни, увеличится и число осужденій, наказаній, если общественная совѣсть признаетъ эти отклоненія подлежащими наказанію. Опять также и здѣсь, отъ этого спокойнаго жизнен-

наго процесса, нельзя ожидать ни движенія, ни дальнѣйшаго развитія, кромѣ того, какое выработаетъ сама жизнь и какое должно подлежать уже оцѣнкѣ нравственной статистики, которая впослѣдствіи быть можетъ найдетъ, что такія-то преступленія втеченіе такого-то періода времени уменьшились на столько-то процентовъ, такія-то увеличились; но судъ тутъ будетъ ни причемъ: увеличеніе и уменьшеніе преступленій будетъ продуктомъ жизни и ея условій, а отнюдь не суда, подобно тому, какъ вообще возвышеніе или паденіе человѣческой нравственности является продуктомъ жизни и совокупности всѣхъ ея условій, а отнюдь не продуктомъ нравственной статистики, которая, какъ и судъ, только касается фактовъ и даетъ имъ соотвѣтственную оцѣнку. Совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ жизни, какъ сейчасъ упомянутыя нами двѣ реформы, поставлена и реформа печати: развитіе литературы, ростъ общественной мысли, явленіе и исчезновеніе талантовъ, выработка и солидарность общественнаго мнѣнія и печати—все это не будетъ имѣть никакого отношенія къ реформѣ печати и не находится ни въ прямой, ни въ косвенной отъ нея зависимости.

Такимъ образомъ три самые крупные историческіе акта нашего пятнадцатилѣтія: реформы крестьянская, судебная и печати, какъ факты, совершившіе и закончившіе свой историческій циклъ, являются теперь для насъ просто историческими воспоминаніями и историческими матеріалами. Это, если можно такъ выразиться, застывшіе факты русской исторической жизни.

Не то мы видимъ въ самой скромной изъ реформъ послѣдняго пятнадцатилѣтія, реформѣ земской. Менѣе всѣхъ вызывавшая возбужденность и широкія ожиданія въ обществѣ и литературѣ, болѣе всѣхъ, повидимому, прошедшая незамѣченною, спокойная, тихая, компилятивная реформа эта проявляетъ нынѣ болѣе жизненности, движенія и развитія, чѣмъ всѣ остальныя реформы. Это—не застывшій историческій фактъ: въ немъ есть жизнь, движеніе, прогрессъ. Онъ медленно, но послѣдовательно и все болѣе осязательно проявляетъ, что въ немъ, въ самомъ существѣ его, бьетъ живая струя живой воды, и струя эта внятно журчитъ намъ, что самая скромная реформа имѣетъ будущее, тогда какъ реформы, болѣе громкія, имѣютъ только прошедшее. Земское дѣло напоминаетъ теперь намъ излюбленныхъ русскою народною фантазіею гусей, самыхъ послѣднихъ, самыхъ жалкихъ, которые спасли отъ бабы-яги Ивашечка, единственнаго сына извѣстнаго старика и старухи. Эти гуси, если читатель помнитъ, послѣдними пролетали мимо того дерева, на которомъ сидѣлъ несчастный Ивашечекъ и которое съ такимъ остервененіемъ грыз-

ла баба-яга, сдѣланными ей кузнецомъ желѣзными зубами, чтобъ съѣсть злополучнаго Ивашечка. Это наконецъ тѣ гуси, о которыхъ три переднія пары гусей, пролетѣвшія мимо сказаннаго дерева, съ презрѣніемъ отзывались, когда Ивашечко просилъ ихъ взять его и унести отъ бабы-яги къ родимой матушкѣ: «пусть возьмутъ тебя послѣдніе, запачканные» (этимъ эпитетомъ мы замѣняемъ болѣе сильный народный эпитетъ, отнесенный передними гордыми гусями къ послѣднимъ).

Что земская реформа имѣетъ будущее, доказательствомъ можетъ служить прошедшее земство, еще столь недавнее, измѣряемое какими-нибудь восемью-девятью годами, но у котораго однако есть уже своя исторія, а въ ней—свои дѣятели, своя борьба, движеніе, побѣды и пораженія. Въ восемь лѣтъ земство создало свою литературу, и это—не та, извѣстная намъ, жителямъ, какъ принято выражаться, интеллигентныхъ центровъ, литература, которую, въ видѣ газетъ и журналовъ, создаютъ эти же самые интеллигентные центры, на основаніи отрывочныхъ, доходящихъ до столицъ провинціальныхъ корреспонденцій и другихъ извѣстій, а самостоятельная земская литература, произведенія которой не попадаютъ въ наши книжныя лавки, не выставляются въ окнахъ магазиновъ, произведенія, о выходѣ которыхъ не публикуется ни на послѣднихъ листахъ газетъ и журналовъ, ни въ особыхъ книгопродавческихъ и издательскихъ рекламахъ, но которыя, составляя библіографическую рѣдкость, попадаются иногда, и то по частямъ, разрозненными томами, въ кабинетахъ нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей, да въ публичной библіотекѣ, которыхъ наконецъ не имѣетъ, въ цѣломъ объемѣ, ни одно земство. Земская литература—это хроника земской жизни и дѣятельности, это—внутренняя исторія Россіи за послѣднія восемь-девять лѣтъ, но исторія не та, которая деморализуетъ читателя и извращаетъ его понятіе объ истинномъ смыслѣ и значеніи историческихъ событій, но которая, безъ прикрасъ, безъ предвзятой мысли, разоблачаетъ бытовую, экономическую и умственную жизнь не только провинціальныхъ центровъ, но и жизнь самыхъ глухихъ уголковъ русской земли, трудовую жизнь народа, его экономическія, продовольственныя, платежныя, санитарныя и образовательныя средства. Земская литература знакомитъ насъ съ тѣмъ, что былъ народъ девять лѣтъ назадъ и чѣмъ онъ сталъ теперь, что имѣлъ онъ при введеніи въ дѣйствіе земскихъ учрежденій и что имѣетъ теперь. Земская литература обнаруживаетъ передъ нами и другія стороны жизни народа: она показываетъ, есть ли у народа школы, учителя и каковы эти школы и руководящіе ими наставники, охотно ли народъ отдаетъ своихъ дѣтей въ эти школы,

вѣруетъ ли въ пользу ученья и какъ вѣруетъ, чего ожидаетъ онъ отъ ученья и отъ своихъ учащихся дѣтей; увеличивается ли въ массѣ число грамотныхъ на Руси, и какъ къ этому явленію относится не только народъ, но и интеллигентныя сословія, доселѣ заправлявшія участью народа. Земская литература показываетъ намъ, насколько крестьяне, еще недавно отбывавшіе барщину, поняли происшедшую въ ихъ жизни перемѣну и насколько усвоили и овладѣли своимъ новымъ положеніемъ, какъ они относятся ко всему ихъ окружающему и имѣютъ ли настолько гражданскаго такта, чтобы въ средѣ своей находить достойныхъ представителей интересовъ этой среды, представителей, которые были бы способны понять свое назначеніе и стать на своемъ мѣстѣ въ ряду земскихъ дѣятелей.

Земская литература обнаруживаетъ: существуетъ ли антагонизмъ между разнородными элементами земскаго населенія, или есть въ немъ какой-либо связующій цементъ, отрицающій возможность антагонизма; какъ эти элементы сплочиваются въ общемъ дѣлѣ; въ чьихъ рукахъ будущее и каково должно быть это будущее; какъ относятся провинціальные центры, города къ окружающему ихъ населенію, экономическими соками котораго они питаются, ростутъ, богатѣютъ и строятъ не только каменныя палаты на европейскій образецъ, но слѣдуютъ европейскимъ образцамъ и въ отношеніи экономической борьбы съ этимъ населеніемъ, на костяхъ котораго они строятъ свое благосостояніе. Земская литература обнаруживаетъ, наконецъ, въ какихъ мѣстностяхъ Россіи идея, которую носитъ въ себѣ земство, какъ доброе зерно, пала на здоровую, не чахлую почву, и гдѣ она пала на такую почву, которая, вслѣдствіе весьма сложныхъ историческихъ и экономическихъ условій, превратилась въ сухую, вывѣтрившуюся, каменистую и, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, совершенно безплодную земскую ниву. Земская печать до поразительности разоблачаетъ, какъ безконечно разнообразно населеніе Россіи по своей относительной общественной даровитости и—мы не можемъ этого скрывать—бездарности, по своей относительной жизненности и мертвенности, энергіи и апатіи, воспріимчивости и тупости, возбужденности и сонливости, такъ что въ то время, когда въ одной мѣстности молодыя силы неудержимо ищутъ исхода для своей дѣятельности и, такъ сказать, задыхаясь въ своихъ молодыхъ порываньяхъ, все-таки находятъ его, насколько это возможно и посильно для нихъ, въ другой—силы эти, повидимому, ничего не ищутъ и ничего не находятъ; земская работа отдаетъ здѣсь чѣмъ-то канцелярскимъ, казеннымъ, навязаннымъ извнѣ, а не живою внутреннею потреб-

ностью. Въ то время, когда въ одной мѣстности земскія собранія представляютъ картину оживленной борьбы взаимно сталкивающихся силъ и интересовъ, гдѣ насущные земскіе вопросы какъ бы изъ земли выростаютъ и требуютъ неотложнаго рѣшенія, гдѣ въ рѣшеніи ихъ заинтересованъ и мужикъ, и купецъ, и землевладѣлецъ, гдѣ рядомъ съ рѣчью привычнаго уѣзднаго или губернскаго говоруна раздается непривычная, но дѣльная, логическая рѣчь крестьянина, у котораго еще на рукахъ не прошли мозоли отъ барщины, гдѣ втеченіе десяти-пятнадцатидневной земской сессіи исписываются груды бумаги разными заявленіями, протестами, отдѣльными мнѣніями и для этого земскіе дѣятели не спятъ ночи, работая въ комиссіяхъ, подкомиссіяхъ, комитетахъ и на частныхъ земскихъ сходкахъ,—въ это время въ другой мѣстности земскія собранія проходятъ никѣмъ не замѣченными, въ самыхъ залахъ сессій вѣетъ глубокимъ гражданскимъ сномъ, не раздается ни одного живаго слова, не слышно дѣльной рѣчи не только въ устахъ мужика, но и въ устахъ развитаго землевладѣльца; самая почва повидимому неспособна родить никакихъ вопросовъ, и бумага остается дѣвственною, не исписанною, кромѣ тѣхъ немногихъ листовъ, на которыхъ земскія управы излагаютъ свои до тошноты сухіе, безжизненные, до послѣдней буквы изъѣденные канцелярскимъ тифомъ отчеты, сметы и раскладки.

Прежде, чѣмъ мы окончательно введемъ читателя въ тотъ невѣдомый ему міръ, который можно назвать мужичьимъ мыскомъ доброй надежды, прежде чѣмъ освѣтимъ лучшія и самыя здоровыя проявленія внутренней жизни этого міра, не обходя притомъ и болѣзненныхъ, тяжелыхъ, безнадежныхъ симптомовъ этой жизни, симптомовъ разложенія, этихъ—да позволено будетъ такъ выразиться—гражданскихъ пролежней больнаго общества,—мы намѣтимъ, въ общемъ конспектѣ, главный путь, который введетъ насъ въ тотъ новый міръ, о коемъ мы говоримъ, и откроетъ передъ нами цѣлый рядъ фактовъ и явленій этого, почти невѣдомаго намъ міра, фактовъ и явленій болѣе утѣшительныхъ, чѣмъ безотрадныхъ, болѣе говорящихъ о жизни и движеніи, чѣмъ о мертвенной неподвижности и безнадежности, болѣе положительныхъ, чѣмъ отрицательныхъ.

Вотъ что, съ перваго раза, бросается въ глаза, когда мы вступаемъ, съ помощью земской литературы, въ этотъ новый міръ. Тамъ, гдѣ восемь лѣтъ назадъ не было ни одной школы, гдѣ въ цѣломъ сельскомъ обществѣ не находилось ни одного грамотнаго человѣка и гдѣ рукоприкладства на роспискахъ, на денежныхъ и другихъ дѣловыхъ актахъ дѣлались буквальнымъ

«рукоприкладствомъ», т. е. обмакивался въ чернила палецъ или два и прикладывался къ бумагѣ, дѣлая на ней чернильное пятно, на подобіе слѣдовъ мастодонта или ихтіозавра, сохранившихся на первобытныхъ пластахъ земной коры; тамъ, гдѣ на сотни верстъ въ окружности крестьяне не находили грамотника «изъ своихъ», который бы прочелъ имъ только что полученное ими «Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости»,—тамъ крестьянскіе ребятишки, родившіеся передъ самою волею или уже послѣ воли, не только свободно читаютъ крестьянское и земское Положеніе, но и бойко росписываются на бумагахъ за своихъ безграмотныхъ отцовъ и дѣдовъ, охотно читаютъ «Родное Слово» Ушинскаго, народныя изданія барона Корфа, Толстого и другихъ учителей народа, посѣщаютъ ремесленныя школы, какъ вода сквозь плотину, такъ сказать, просачиваются въ гимназіи, а отцы ихъ, еще не забывшіе барщину, не рѣдко галдятъ на сходкахъ, чтобы всѣхъ ребятъ учить поголовно, обязательно. Въ деревняхъ и селахъ, гдѣ писчая и газетная бумага еще недавно казалась такою же рѣдкостью и невидалью, какъ желѣзная борона въ хозяйствѣ бѣднаго мужика или кожаные сапоги на ногахъ бурлака, гдѣ книжки считались исключительною принадлежностью попа и церкви, гдѣ гусиное перо шло только на прошивку ситъ и рѣшетъ или обдиралось для набивки богатымъ горожанамъ перинъ и подушекъ,—тамъ и бумага не кажется уже невидалью, и «Родное Слово» не рѣдко выглядываетъ изъ-за образовъ вмѣстѣ съ освященною вербою, и гусиное перо скрипитъ въ избѣ по бумагѣ подъ каллиграфическими усиліями бѣлоголоваго пострѣленка, родившагося какъ разъ въ тотъ день, когда въ церкви вычитывали волю, а бабы отъ радости и по глупости выли. Въ темныхъ захолустьяхъ, гдѣ учить крестьянскую дѣвочку грамотѣ равносильно было тому, что учить танцовать русскую дѣвушку временъ царя Алексѣя Михайловича, гдѣ если и выискивалось такое чудо—грамотная дѣвка, такъ развѣ у раскольниковъ, когда дѣвка готовилась въ начетчицы или «богородицы», гдѣ «учить» дѣвку въ русскомъ историческомъ значеніи этого слова могъ только отецъ, а женщину мужъ или свекоръ,—тамъ крестьянскія дѣвочки, учащіяся грамотѣ, составляютъ уже не рѣдко 25% и 35% всей учащейся крестьянской молодежи, и есть дѣвки, родившіяся до воли, которыя, выходя замужъ за грамотнаго же парня, сами подписываютъ въ церкви свой брачный «обыскъ», а старые родичи ихъ, глядя на это диво, или ожидаютъ кончины міра, или плачутъ отъ наивнаго умиленія.

Не меньшія перемѣны мы замѣчаемъ и на другихъ сторонахъ

общественной жизни глухихъ захолустьевъ. Прежде, когда крестьянинъ не зналъ, кто хозяинъ его общественной экономіи и общественнаго труда—помѣщикъ или становой и его письмоводитель, подводная повинность была однимъ изъ самыхъ тяжкихъ проявленій общественной барщины: крестьянскія или земскія лошади считались только въ идеѣ собственностью ихъ фиктивнаго хозяина, а ими всецѣло распоряжался исправникъ, становой, его письмоводитель, цѣлая когорта разсыльныхъ, сотскихъ, десятскихъ, сторожей, и какой-нибудь писарь станового не только самъ ѣздилъ на земскихъ лошадяхъ къ кумѣ въ гости за десятки верстъ или къ сосѣдней попадьѣ на блины, но и посылалъ каждый день разсыльныхъ «по казенной надобности» или, говоря общимъ человѣческимъ языкомъ, за виномъ и папиросами для своихъ гостей, за Акульками, да Дуняшками для начальства, и разгону крестьянскимъ лошадямъ никто не велъ счета, никто не контролировалъ дѣйствительности фиктивныхъ «казенныхъ надобностей», потому что слово писаря и станового замѣняло подорожную, открытый листъ, бланкъ и все что угодно; а теперь земства, конечно не всѣ, не только усчитываютъ писарей и становыхъ на посылкахъ разсыльныхъ «по казенной надобности», не только не позволяютъ становымъ ѣздить безъ открытаго листа, выданнаго изъ земской управы, и ѣздить на тройкѣ, а не на парѣ, не только не дозволяютъ поѣздки «къ кумѣ» или за Акульками считать «казенною надобностью», но и то, что прежде считалось поѣздками «по казенной надобности», «по секретнымъ и самонужнѣйшимъ дѣламъ», подчинено земскому контролю, такъ что мужицкая лошадь, стоящая въ хлѣвѣ, въ дѣлѣ разгона получила такія же гражданскія права, какъ и лошадь землевладѣльца, стоящая на конюшнѣ. Всему этому мы найдемъ фактическія подтвержденія въ земской литературѣ.

Прежде натуральная дорожная повинность, исправленіе полотна почтовыхъ и проселочныхъ дорогъ, насыпка гатей, рытье канавъ, стройка и починка мостовъ и проч., представлялась для непривычнаго глаза чѣмъ-то вродѣ рытья египтянами Меридова озера, стройки пирамидъ, плетенія веревокъ изъ песку, чѣмъ занимаетъ Асмодей провинившихся бѣсовъ, потому что крестьянъ на дороги выгоняли безъ счету и задавали имъ работу безъ счета дней, безъ зачета работы за повинности. Теперь хотя нѣкоторыя земства и исполняютъ эту повинность натурою, хозяйственнымъ образомъ, и притомъ иногда очень дурно, нерѣдко даютъ возможность своимъ членамъ грѣшить передъ земскимъ карманомъ вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, а подрядчикамъ также вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ помогаютъ иногда совсѣмъ выво-

чивать земскій карманъ наизнанку; однако, если подрядчикъ или членъ управы выгонятъ кого изъ крестьянъ на дорожную работу, то каждый день работника уже оплачивается, и Меридово озеро если и выкапывается исключительно крестьянскими руками, то за эту египетскую работу мужику все-таки перепадаетъ часть и дворянскихъ денегъ, вложенныхъ въ земскій сундукъ, и купеческихъ, положенныхъ туда же изъ домашней толстой мошны, и своихъ собственныхъ крестьянскихъ, внесенныхъ въ тотъ же земскій сундучокъ изъ крестьянскаго чахоточнаго кармана по земской раскладкѣ на общія земскія повинности. Мы не говоримъ уже о томъ, что и самыя дороги наши стали нѣсколько лучше, мосты прочнѣе, вмѣсто бездонныхъ гатей появились кое-гдѣ дамбы, вмѣсто дорогъ, на которыхъ осенью и весной гибли крестьянскія лошади и телѣги, тамъ и сямъ появляются шоссе: Меридово озеро выкапывается, у египетской работы видится если не конецъ, то начало конца,—что̀ все намъ покажутъ факты, которыми обогащаетъ наше отечествовѣдѣніе скромная земская литература.

Еще такъ недавно медицинская космогонія народа стояла на вѣдунахъ, вѣдьмахъ, знахаряхъ, знахаркахъ и шептунахъ. «Славянская миѳологія» Шеппинга и «Языческія вѣрованія славянъ» Аѳанасьева могли быть смѣло приложены къ народной демонологіи нашего времени; народъ лечился толченымъ стекломъ, принимаемымъ внутрь съ крѣпкою водкой; ѣлъ ртуть; крестьянскія бабы рожали, подвѣшенныя къ балкамъ въ баняхъ; представленіе о лекарѣ не отдѣлялось отъ представленія о человѣкѣ, исключительно поставленномъ затѣмъ, чтобъ вмѣстѣ съ становымъ поднимать и потрошить мертвыя тѣла; больница считалась преддверіемъ кладбища. Теперь народъ идетъ къ земскому лекарю такъ же охотно, какъ въ кабакъ, и хотя, изъ земской бережливости, получаетъ отъ врача лекарство не въ пузырькѣ и не въ коробочкѣ, какъ это принято вездѣ, а нерѣдко въ «косушкѣ», въ «шкаликѣ», «черепкѣ» и «буракѣ», однако, если лекарство поможетъ, то мужикъ охотно идетъ къ лекарю второй и третій разъ. Вмѣсто «баушекъ-повитухъ», вѣшающихъ своихъ роженицъ въ баняхъ на маточныя балки, крестьянскихъ ребятъ начинаютъ принимать образованныя дѣвушки, акушерки, эти бѣдныя «стриженыя дѣвки», надъ которыми такъ зло и такъ некстати смѣялись добрые люди и благонамѣренная литература и которыя этимъ неправымъ смѣхомъ заслужили историческое безсмертіе подъ этимъ осмѣяннымъ когноменомъ «стриженыхъ дѣвокъ». «Стриженыя дѣвки», благодаря доброй поддержкѣ земства, несутъ теперь на своихъ плечахъ едва ли не половину

бремени народнаго образованія, и тамъ, гдѣ онѣ учатъ, школьное дѣло идетъ нерѣдко лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ учатъ не стриженые, а долгогривые, готовящіеся въ попы и дьяконы семинаристы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ не одно земство.

Эпидемія пожаровъ, какъ доказала оффиціальная статистика, ежегодно истребляла *одну двадцать-четвертую часть* нашей деревянной и соломенной Россіи; цѣлыя селенія выгорали до тла, и безпріютные погорѣльцы-крестьяне скитались по сосѣднимъ уцѣлѣвшимъ деревнямъ, питаясь подъ окнами христовымъ именемъ и умирая нерѣдко отъ этой пищи въ первую же зиму. Ужасно подумать—*вся* Россія выгорала въ 24 года, и потомъ, какъ сказочный фениксъ, возникала изъ пепла, т. е. строилась опять постарому, изъ бревенъ, хворосту и соломы, и опять въ теченіи 24-хъ лѣтъ все, построенное руками русскаго человѣка, все, покрытое соломой, камышомъ, дранью, гонтомъ и даже жестью—все поѣдалъ огонь, какъ бы для того, чтобъ Россія опять строилась, опять истребляла лѣса, хворостъ и солому, и опять выгорала. Трудно повѣрить, что въ 24 года огонь пожиралъ цѣнность того, что̀ стоило жилье и всѣ постройки всего почти стамилліоннаго русскаго народа,—а между тѣмъ это подтверждаетъ русская оффиціальная статистика. И вотъ скромное земство втягиваетъ мужичка во взаимное земское страхованіе, заботится о возможно лучшей и безопасной отъ пожаровъ постройкѣ крестьянскихъ лачужекъ, клѣтей, овиновъ, и, если усилія его увѣнчаются хотя такимъ успѣхомъ, что деревянная и соломенная, а отчасти каменная и желѣзная Россія будетъ выгорать не въ 24 года, а хотя въ 48 лѣтъ, даже въ 30 годовъ, то и это уже спасетъ сотни и тысячи милліоновъ изъ общей народной экономіи.

Повальные падежи скота ежегодно отнимали у всего населенія Россіи около четверти рабочей силы, питательныхъ и платежныхъ средствъ, потому что чума похищала у иного селенія огуломъ весь рабочій скотъ, всѣ стада овецъ, у иного половину этихъ скудныхъ, но весьма дорогихъ для крестьянина богатствъ, у иного—треть и т. д. Скотъ умиралъ отчасти черезъ переносъ заразы, частью по безкормицѣ, частью и потому, что, вслѣдствіе дороговизны соли, народъ никогда не имѣлъ возможности примѣшивать въ кормъ скота эту необходимую приправу. Трупы палыхъ животныхъ валялись по полямъ не зарытые, окружали селенія, какъ трупы воиновъ окружаютъ лагерь побѣдителя въ день пораженія врага. Разоренные мужички, сами не вѣдая что̀ творятъ, сдирали кожу съ палаго, зачумленнаго скота, иногда съ послѣдняго добра своего, и, отвозя на продажу въ ближай-

шіе базарные пункты, развозили заразу по сосѣдямъ, какъ развозятъ нѣмцы по всему міру свой языкъ и свою цивилизацію—и отъ этого зараза охватывала не зараженныя еще мѣстности, а оттуда перебиралась изъ села въ село, изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ губерніи въ губернію. Исправникамъ и становымъ, городовымъ и уѣзднымъ лекарямъ было не до палаго скота: имъ въ пору было подобрать по уѣзду мертвыя тѣла, разлагавшіяся иногда на лѣтнемъ солнцѣ по двѣ и по три недѣли; имъ въ пору было успѣть пересѣчь мужиковъ, не плативщихъ недоимокъ, и продать уцѣлѣвшій отъ чумы скотъ въ уплату тѣхъ или другихъ платежей. И вотъ скромное земство заводитъ въ чумныхъ захолустьяхъ ветеринаровъ, вырываетъ глубокія ямы для зарыванія палаго крестьянскаго скота, ходатайствуетъ передъ правительствомъ объ удешевленіи соли, необходимой для корма людей и животныхъ. Земская литература рисуетъ иногда поразительныя картины того, что̀ еще до сихъ поръ совершается въ глуши и какія нужны усилія для того, чтобы хотя въ будущемъ не совершалось того, что̀ совершалось и еще къ несчастью совершается.

Продовольственная часть сельскаго населенія была не въ лучшемъ положеніи. Система обезпеченія народнаго продовольствія сохранялась такою, какою она, въ первобытной чистотѣ, преемственно перешла къ намъ отъ массагетовъ и гипербореевъ. Если въ общественныхъ запасныхъ магазинахъ и считался фиктивно, конечно, достаточный запасъ хлѣба по отчетамъ подлежащихъ властей, то къ концу зимы обыкновенно и къ веснѣ, когда начиналась неизбѣжная крестьянская голодовка, хлѣбъ этотъ былъ поѣдаемъ мышами. Мышеядь—это былъ историческій бичъ нашихъ продовольственныхъ силъ, и если массагеты спасали свой хлѣбъ отъ мышей тѣмъ, что зарывали его въ глубокія ямы, то мы даже въ ямахъ не могли спасать его отъ канцелярской и всякой другой мышеяди, которая проникала сквозь замки и стѣны, истачивала хлѣбъ по зерну, и съ поворотомъ солнца на лѣто, а зимы на морозъ насылала на мужичковъ голодовку, которая всегда совпадала съ памятью сорока мучениковъ, когда пчела въ мшаникѣ начинаетъ гудѣть къ веснѣ, а мужичекъ—къ голоду. Мѣстные продовольственные капиталы—это̀ тоже была фикція. Обсѣмененіе полей—фикція. Общественныя запашки—фикція. И вотъ скромное земство начинаетъ совать свой земскій носъ въ общественные запасные закрома̀, ставить ловушки для мышей, перемѣряетъ хлѣбъ, продаетъ залежалый, потерявшій производительную силу, если только онъ не потерялъ ея отъ мышеяди, и засыпаетъ закрома̀ свѣжимъ, производительнымъ

зерномъ, и хотя не въ состояніи иногда спасти населеніе отъ голодовки, какая, напримѣръ, постигла самарцевъ, ближайшихъ сосѣдей покойныхъ массагетовъ, однако причиной этому бываетъ не всегда беззаботность земства, а нерѣдко слишкомъ оптимистическое воззрѣніе на питаніе крестьянъ со стороны людей, имъ же и вѣтры, и исправники, и становые, и самая мышеядь повинуются. Или: выбьется бывало кое-какъ мужичекъ изъ бѣды, перетерпитъ голодовку, поглодаетъ древесной коры, покормится отчасти и мірскимъ подаяніемъ отъ имени того, который самъ видѣлъ, какъ голодные ученики его, проходя полями, срывали иногда колосья съ нивъ и, перетирая въ рукахъ, кормились общественнымъ зерномъ, подобно птицамъ небеснымъ,—дотянетъ мужикъ до весны, вспашетъ, взборонуетъ и обсѣменитъ поле, дождется хорошихъ всходовъ, быстраго роста будущаго хлѣбушки-кормильца и плательщика, ждетъ не дождется, когда зерно станетъ наливаться—и вдругъ на поля набѣгаютъ современные татары—суслики, овражки, саранча, рѣзвые кузнечики и «кузки», начинаютъ пожирать отъ корня до наливного колоса мужичье добро, и бѣдный мужикъ не знаетъ что̀ ему дѣлать, волосы на себѣ рветъ, съ вилами, рогатинами, метлами и кочергами идетъ на безбожнаго суслика, на подлаго овражка, топчетъ лаптемъ и метлой бьетъ прожорливую саранчу; но саранча, сусликъ, кузка и овражки все поѣдаютъ—и остается мужикъ опять ни съ чѣмъ. И опять на выручку приходитъ скромное земство. Противъ суслика и овражка оно устроиваетъ разныя губительныя машинки, изобрѣтаетъ какой-то удушающій газъ, вводитъ истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ въ кругъ натуральныхъ земскихъ повинностей на началахъ правильной тактики, изъ земскихъ дѣятелей и крестьянъ формируетъ цѣлые полки и отряды для войны съ сусликами и «кузками»», посылаетъ въ поле своихъ полководцевъ Сципіоновъ и Цезарей въ видѣ членовъ управы и земскихъ гласныхъ, считаетъ число хвостовъ, ушей и лапокъ истребительныхъ враговъ, какъ это дѣлали и классическіе полководцы древняго міра, выдаетъ на число сусликовыхъ ушей и хвостовъ квитанціи воинамъ-побѣдителямъ, зачитая ихъ воинственные трофеи за земскія и другія повинности—и суслики, овражки, саранча и «кузки» начинаютъ мало-по-малу чувствовать земскую силу, смиряться передъ нею, исчезать съ лица земли, какъ исчезали когда-то гунны, превращаясь въ мадьяръ. Мало того: въ то время, когда мужикъ не зналъ, какъ пособить, какъ побѣдить кузку и суслика и спасти свое зерно отъ прожорливыхъ враговъ, и обращался къ единственному прибѣжищу въ общественныхъ бѣдствіяхъ—къ молебну, къ водосвятію,—

земство, принявъ начальство въ войнѣ съ кузками, начинаетъ уже обращаться къ помощи науки, приглашаетъ спеціалистовъ, университетскія свѣтила — профессоровъ-натуралистовъ помочь мужицкому горю — научить, какъ распознавать «кузку», когда онъ еще невинный младенецъ, когда онъ еще личинка и летать не умѣетъ, чтобъ въ личинкѣ истребить его, — и свѣтила науки еще не успѣли помочь мужицкому горю, не успѣли изслѣдовать, каковъ бываетъ «кузка» въ невинномъ младенчествѣ, и вводятъ мужичка и земство въ ошибки, въ напрасныя траты времени и силъ. (Профессоръ новороссійскаго университета г. Мечниковъ ошибочно сообщилъ одесскому земству, обратившемуся за научной помощью къ ректору новороссійскаго университета относительно появившихся на поляхъ личинокъ неизвѣстныхъ насѣкомыхъ—что эти личинки произведутъ опаснаго истребителя хлѣбовъ, какого-то Crysomela Adonis; напуганное земство и крестьяне выступили ратью противъ этого Адониса, точно противъ Наполеона I въ 12-мъ году, потратили на ополченіе и ожиданіе Адониса много времени, а оказалось, что профессоръ ошибся: Адонисъ оказался безвреднымъ, скромнымъ насѣкомымъ, которое питалось исключительно бурьяномъ, а «кузка», который въ младенчествѣ казался такимъ невиннымъ и котораго г. Мечниковъ не узналъ, этотъ «кузка» сталъ поѣдать крестьянскій хлѣбъ (См. «Отчетъ о дѣятел. одес. уѣзд. земск. управы». Одесса. 1874, стр. 69—73).

Земская литература, наконецъ, открываетъ передъ нами цѣлый рядъ явленій, повидимому, второстепенной важности, въ исторіи внутренняго роста русскаго народа, но безъ сомнѣнія имѣющихъ свое историческое будущее. Трудно даже разобраться въ массѣ фактовъ, безпорядочно разбросанныхъ тамъ и сямъ въ кучѣ земскихъ изданій; но факты эти, взятые хотя бы на удачу, обнаруживаютъ присутствіе живой мысли и руководящей идеи, которая, какъ цвѣтная нитка, проходитъ по всѣмъ швамъ земской работы, начиная отъ третьяго Парголова и кончая, на югѣ, Аккерманомъ и Хотиномъ, а на востокѣ, въ Зауральѣ, Верхотурьемъ и Шадринскомъ, хотя нитка эта въ иныхъ мѣстностяхъ, по нѣкоторымъ швамъ, почти окончательно теряетъ свою цвѣтность, линяетъ до безцвѣтности и положительно выцвѣтаетъ до грязно-захватаннаго колорита, какъ мы это и увидимъ въ своемъ мѣстѣ и притомъ во многихъ мѣстахъ.

Вотъ эти второстепенныя явленія, которыя намъ достаточно освѣтитъ фактами земская литература.

Земство беретъ подъ свою непосредственную защиту мужика и, въ подлежащихъ случаяхъ, выдерживаетъ изъ за его лично-

сти, изъ-за его интересовъ, изъ за его кармана и здоровья довольно тяжелую борьбу съ полиціею, въ то время, когда эта послѣднял, слишкомъ спеціально и слишкомъ односторонне понимая свои права, относится къ крестьянскому населенію съ полицейскимъ увлеченіемъ, съ рвеніемъ не по закону и не по логикѣ.

Земство, при своихъ непосредственныхъ хозяйственныхъ заботахъ о населеніи, находитъ досугъ принимать на себя и нравственное, и экономическое руководство народомъ: съ разрѣшенія подлежащихъ властей устроиваетъ въ селеніяхъ общественныя библіотеки, дешовую распродажу книгъ общедоступнаго чтенія, сельско-хозяйственныя выставки и т. д.

Въ видахъ развитія педагогическаго дѣла, земство устраиваетъ въ лѣтнее время съѣзды учителей не только уѣздные, но и для цѣлой губерніи, а для ознакомленія сельскихъ учителей и учительницъ съ современными пріемами педагогики приглашаетъ извѣстныхъ знатоковъ дѣла изъ столицъ и университетскихъ городовъ.

Въ видахъ регулированія медицинской и вообще санитарной части, земство устраиваетъ съѣзды врачей, и на этихъ съѣздахъ вырабатываются и установляются общія и частыя мѣропріятія относительно оздоровленія народа.

Съ экономическими цѣлями земство заводитъ по селамъ ссудо-сберегательныя товарищества, строго отдѣляя идею ссудо-сберегательныхъ операцій отъ операцій банковыхъ, часто превращающихся въ монополизацію населенія и его труда и деморализующихъ экономическую, такъ сказать, нравственность народа-младенца.

Рядомъ съ этими товариществами устраиваются товарищества рабочія, артельные союзы и т. д.

Для поднятія уровня мѣстнаго экономическаго быта предпринимаются изслѣдованія края и его производительныхъ силъ, изслѣдованія экономическія, геологическія и т. д.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ излишекъ влаги убиваетъ производительность земли, земство осушаетъ болота.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ недостатокъ влаги губитъ край, земство входитъ въ переговоры съ знаменитою всемірною компаніею Ротшильдовъ—объ орошеніи полей.

Земство открываетъ минеральные источники и устраиваетъ общественныя земскія заведенія для пользованія водами и вообще для эксплуатаціи этихъ народныхъ богатствъ.

Земство беретъ отъ полиціи въ свое завѣдываніе продажу для народа казеннаго пороху, въ тѣхъ особенно мѣстностяхъ, гдѣ

платежныя средства населенія неразрывно связаны съ охотою на звѣрей и птицъ.

Земство изслѣдуетъ кустарные промыслы и помогаетъ ихъ развитію для противовѣса заводской монополіи, эксплуатирующей заводское населеніе при недостаткѣ земли и другихъ мѣстныхъ заработковъ.

Земство даетъ правильную циркуляцію мѣстному крестьянскому торгу и мѣнѣ продуктовъ, устраивая ярмарочные и базарные узлы тамъ, гдѣ требуютъ этого экономическія условія мѣстности.

Земство дастъ стипендіи молодежи, учащейся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, иногда требуя за это, въ будущемъ, послуги земскому дѣлу, а иногда дѣлаетъ это доброе дѣло въ видѣ ссуды, кредита, единовременнаго пособія.

Наконецъ, земская дѣятельность служитъ непосредственнымъ источникомъ такого явленія въ нашихъ далекихъ, оторванныхъ отъ цивилизованнаго міра захолустьяхъ, которое показываетъ, что зерно цивилизаціи, какъ сѣмена тайнобрачныхъ растеній, занесено невѣдомою силою и въ эти захолустья и подобно неприхотливому плющу даетъ ростки на самой, повидимому, неблагодарной почвѣ, на камнѣ, въ трещинѣ старой полуразвалившейся стѣны, на церковной колокольнѣ, на крышѣ дома волостного правленія и даже въ сундукѣ и въ карманѣ кулака капиталиста, если туда только хоть изрѣдка проникаетъ лучъ свѣта. Земская дѣятельность прямо и косвенно вызываетъ въ этихъ захолустьяхъ возникновеніе печатнаго, типографскаго дѣла. Типографскій станокъ, типографскія чернила и всякаго рода шрифты, начиная отъ петита и цицеро и кончая египетскимъ, невѣдомыми путями, словно цвѣточная пыль по вѣтру, перенесены за Рифейскія горы и пріютились въ какомъ-нибудь Шадринскѣ, Ирбити, Камышловѣ, Екатеринбургѣ. За этими рифейскими горами, тамъ, гдѣ только гномы добывали золото, появились теперь и другого рода гномы, гномы современные—это типографскіе наборщики, которые изъ груды разнородныхъ буквъ, наваленныхъ въ маленькихъ ящичкахъ, какъ гномы-рудокопы извлекаютъ то, что болѣе нужно человѣчеству, чѣмъ золото, извлекаютъ иногда такія золотыя, самоцвѣтныя буквы, которыя, поставленныя рядомъ съ другими буквами, извлеченными изъ ящичковъ тѣми-же гномами-наборщиками, иногда ярче солнца освѣщаютъ темный міръ, лучше и вѣрнѣе золота обогащаютъ бѣдняковъ, облегчаютъ тяжелую участь каторжниковъ, кормятъ голодныхъ и всему этому помогаютъ гномы-наборщики, можетъ быть, дѣти рудокоповъ-каторжниковъ, привлеченные земскою дѣятельностью

въ земскія типографіи, къ типографскимъ станкамъ, этимъ современнымъ золотымъ розсыпямъ, только дающимъ металлъ еще благороднѣе самого благороднаго металла. Еслибы составить карту съ нанесеніемъ на нее красками или какими либо особыми цвѣтными знаками мѣстъ провинціальныхъ типографій, то это наглядно показало бы, какимъ путемъ отъ нашихъ интеллигентныхъ центровъ развѣтвляется и растекается такъ-сказать міровой нервъ цивилизаціи по русской землѣ. Исключая губернскихъ городовъ, мы замѣтили бы, что первые узлы стягиваются все далѣе и далѣе къ востоку отъ нашихъ центровъ, и, встрѣтивъ типографію и до извѣстной степени развитое типографское дѣло въ Чухломѣ, мы увидѣли бы, что типографскій станокъ съ драгоцѣнными ящичками и свинцовыми пластиночками, охраняемый гномами-наборщиками, подвигается по направленію къ Вяткѣ, на Котельничъ, Слободской, Глазовъ, оттуда на Нолинскъ, Сарапулъ, Елабугу, затѣмъ подходитъ къ Уральскому хребту, перекидывается, словно Пугачовъ послѣ Оренбурга, въ Сибирь, въ Ирбить, Камышловъ, Шадринъ и т. д. И замѣчательно то, что когда-то, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и раньше, Малороссія занесла въ Москву, какъ птица заноситъ въ своемъ зобѣ на необитаемый островъ сѣмена неизвѣстнаго тамъ растенія, которое ея желудокъ не переваритъ,—тотъ типографскій станокъ изъ Малороссіи, который «тишайшій» царь пріютилъ на своемъ государскомъ печатномъ дворѣ, а затѣмъ сынъ этого царя, царь-плотникъ, царь, занимавшійся отхожимъ промысломъ во славу русской земли, перенесъ въ новопостроенный имъ Петербургъ «парадизъ»—этотъ малороссійскій типографскій станокъ съ типографскими чернилами и разными шрифтами и наборщиками пробирается теперь преимущественно по направленію къ Сибири, а Малороссія, давшая его когда-то Великой Россіи, забываетъ объ этомъ станкѣ, какъ о чемъ-то для нея чужомъ; и въ то время, когда типографское дѣло развивается въ Сибири, въ вятскихъ и пермскихъ далекихъ и глухихъ палестинахъ, въ Малороссіи оно только еще кое-какъ держится казеннымъ образомъ въ губернскихъ городахъ, при типографіяхъ губернскихъ правленій, а уѣздные города, нѣкогда игравшіе политическую роль въ историческомъ прошломъ Малороссіи и дававшіе иногда тонъ всѣмъ событіямъ южной половины Россіи, совершенно не знаютъ, что̀ такое типографское дѣло, и тамошніе уѣздные города и земства посылаютъ въ губернскіе города печатать одни прейсъ-куранты винамъ, другіе свои журналы, сметы и раскладки земскихъ сборовъ, а иногда

прибѣгаютъ даже къ помощи литографіи, словно земская литература можетъ умѣститься на литографировальномъ камнѣ, подобно визитнымъ карточкамъ и свадебнымъ пригласительнымъ билетамъ. Камышловцы, шадринцы и другіе сибиряки (зауральцы однимъ словомъ), недавно рывшіе руду вмѣстѣ съ каторжниками, теперь осваиваются съ печатнымъ станкомъ, съ кассами шрифтовъ, съ сверсткою набора, съ разными абцугами, петитами и всякими типографскими хитростями; а миргородцы, пирятинцы, прилукскіе, золотоношскіе, чигиринскіе, черкаскіе и борзненскіе казаки, когда-то воевавшіе съ ляхами и татарами, выбиравшіе вольными голосами своихъ гетмановъ, окуривавшіе дымомъ своихъ пушекъ и мушкетовъ стѣны Константинополя, вмѣстѣ съ Хмельницкими, Выговскими, Сагайдачными, Дорошенками, Паліями и Мазепами ораторствовавшіе на радахъ, посылавшіе посольства къ польскимъ королямъ, къ московскимъ царямъ, крымскимъ ханамъ и турецкимъ султанамъ—эти «казаки» такъ и остались «казаками», и когда земское собраніе замѣнило ихъ «рады» и «громады»—никто не хочетъ говорить на этихъ новыхъ «радахъ», а когда вмѣсто неудобнаго писарскаго писанія человѣческая рѣчь нашла себѣ хорошаго писаря въ типографскомъ станкѣ—казаки не хотятъ давать работу этому современному войсковому писарю, и молчатъ, «бо благоденствуютъ»

Все это раскрываетъ передъ нами земская литература—это новорожденное дитя русской общественной жизни послѣдняго десятилѣтія. Земская литература—это что-то слишкомъ незрѣлое, невыработанное, безсистемное. Но тѣмъ это новое явленіе и возвышаетъ свою цѣну, что оно—непосредственное обнаруженіе жизни, стремленій, задачъ, смѣлыхъ, иногда просто необдуманныхъ и невзвѣшенныхъ попытокъ создать что-то хорошее и полезное для страны. Въ этой литературѣ много мусора, нужнаго въ извѣстномъ только мѣстѣ и пригоднаго для извѣстныхъ только надобностей, много канцелярскаго балласта, но въ массѣ всего, что̀ дѣлаетъ, говоритъ, задумываетъ, отрицаетъ, отвергаетъ и принимаетъ земство, въ массѣ подчасъ дѣтскихъ и робкихъ, а подчасъ не въ мѣру самонадѣянныхъ заявленій земскихъ дѣятелей, въ кучѣ предположеній, къ которымъ не достаточно приложено критическаго анализа, въ перекрестномъ огнѣ преній и споровъ, иногда очень наивныхъ, нерѣдко и возмутительныхъ, во всемъ этомъ видится ростъ общества съ его здоровыми силами и инстинктами, а иногда и съ явленіями уродливыми, аномальными, давно отжившими свой вѣкъ и спѣвшими свою пѣсенку.

Читатель, можетъ быть, замѣтитъ, и не безъ основанія, что во

всемъ сказанномъ нами доселѣ—значительная доля идиллическаго отношенія къ такому общеизвѣстному явленію, какъ наше земство и его дѣятельность. Дѣйствительно, въ томъ запѣвкѣ, который какъ бы служитъ введеніемъ къ нашему очерку—читатель вправѣ видѣть нѣчто идиллическое и въ самомъ голосѣ запѣвка чувствовать идиллическій тонъ; но это не доказываетъ, что самое явленіе, о которомъ мы говоримъ, не можетъ быть хотя нѣсколько идиллическимъ:—оно и есть практическая идиллія. Идиллія—это неизбѣжное проявленіе всякой молодой силы при первомъ ея столкновеніи съ жизнью, когда вѣра въ себя еще сильнѣе осторожнаго и недовѣрчиваго анализа, неразлучнаго съ скептицизмомъ, съ старчествомъ мозга и фантазіи. Намъ могутъ замѣтить, что русское общество — не молодое, а ужь довольно-таки старое, порядкомъ износившееся, порядкомъ изуродованное морально, деморализованное исторически, и граждански, и порядкомъ извѣрившееся въ свои силы общество. Это отчасти правда только по отношенію къ нашему историческому или этнографическому старчеству; но къ обществу этого историческаго, этнографическаго и антропологическаго старчества примѣнять нельзя: общество — это всегда и вездѣ юноша, иногда, правда, рано испорченный, истаскавшійся до времени, но все же юноша, и если старость суетъ ему въ глаза свою и историческую опытность, то все-таки не можетъ остановить молодой вѣры въ будущее, потому что, съ одной стороны, молодая вѣра всегда сильнѣе и активнѣе старческаго невѣрія, и молодость, даже численно, какъ свидѣтельствуетъ статистика, всегда сильнѣе старости, потому что и мускулистѣе и многочисленнѣе ея, съ другой—та же статистика увѣряетъ насъ, что если смѣшать и сложить годы старости и молодости, и сумму раздѣлить на число этихъ смѣшеній и слагаемыхъ, то средняя человѣческая жизнь все-таки будетъ стоять на молодости, на 30—35, много-много на 45 годахъ возраста (въ Швеціи—на 45, въ Россіи—на 35, въ Италіи—на 31 годѣ).

Но въ нашемъ обозрѣніи будетъ не все земская идиллія. Мы увидимъ не въ однихъ захолустьяхъ, но и на бойкихъ мѣстахъ, какъ одна земская фракція силится эксплуатировать и держать въ черномъ тѣлѣ другую; какъ насчетъ мужичковъ проводятся желѣзныя дороги и мужички же должны гарантировать сомнительную доходность этихъ дорогъ; какъ дѣятели иныхъ фракцій рыцарски высказываются противъ народнаго образованія, другіе—хотѣли бы поворотить историческое колесо въ дореформенное пространство и вообще дать машинѣ задній ходъ; какъ нѣ-

которыя земства, повидимому, махнули рукой на свои земскія задачи и спятъ глубокимъ послѣобѣденнымъ сномъ; какъ немногія крупныя единицы хотятъ поглотить множество мелкихъ земскихъ единицъ и дробей, подобно тому, какъ китъ глотаетъ мелкія особи въ своемъ водяномъ земскомъ районѣ; какъ эти крупные киты, проглатывая мелкихъ рыбокъ, не чувствуютъ, что вводятъ въ свой желудокъ излишній пріемъ ипекакуаны, послѣдствія которой будутъ очень плачевны; какъ богатые землевладѣльцы или не хотятъ платить земскихъ сборовъ или требуютъ, чтобы ихъ богатыя земли оцѣнивались дешевле чахлыхъ мужичьихъ земель на томъ именно основаніи, что... да это старая европейская пѣсня, занесенная недавно и въ Россію нѣкоторыми земскими запѣвалами; какъ нѣкоторые представители земства открыто высказываютъ въ земскихъ собраніяхъ опасеніе, что, если въ дѣлѣ народнаго образованія обратить преимущественное вниманіе, въ виду нѣкоторыхъ весьма разумныхъ комбинацій, на образованіе крестьянской женщины, — женщины будутъ образованнѣе мужчинъ, и что это — дѣло щекотливое и небезопасное; какъ легковѣрные земскіе представители растрачиваютъ земскія суммы и, подобно тому греческому герою, котораго греки заложили въ храмѣ каменьями, когда онъ хотѣлъ туда спрятаться отъ классическаго прокурорскаго надзора, ищутъ такого храма въ всесословной волости, въ которой можно было бы отъ всего прятаться; какъ другіе земскіе дѣятели не хотятъ давать отчета въ растраченныхъ земскихъ суммахъ передъ гласными мужичками и т. д., и т. д.

Перейдемъ теперь къ фактическому обозрѣнію земской дѣятельности и литературы.

II.

Наши далекія, скромныя захолустья, забытыя столичною печатью и бо̀льшею частью пропускаемыя даже учебниками русской географіи, стоящія въ сторонѣ отъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, никогда не посѣщаемыя другими путешественниками и важными лицами, кромѣ мѣстныхъ исправниковъ и становыхъ, ярче выступятъ на сѣромъ фонѣ русской, до безконечности разнообразной въ своихъ краевыхъ оттѣнкахъ, общественной жизни, когда въ калейдоскопѣ нашего обозрѣнія они будутъ проходить передъ глазами читателя рядомъ съ столицами, и когда ихъ безцвѣтная, сѣренькая жизнь и безцвѣтная сѣренькая

дѣятельность поставлена будетъ въ перемежку и рядомъ съ цвѣтною жизнью и дѣятельностью столицъ и другихъ крупныхъ русскихъ центровъ.

Начнемъ съ Петербурга.

Передъ нами приличныя, не особенно толстыя и не особенно жиденькія изданія петербургскаго губернскаго земства. Это—вполнѣ дѣловые, сжатые, сдержанные, сдержанные до сухости рефераты людей дѣла, которые уже переросли громкую фразу и молодое увлеченье нѣкоторыхъ слишкомъ молодыхъ провинцій, которыя чужды увлеченій и порывовъ, говорятъ языкомъ оффиціальнымъ до безцвѣтности, осторожнымъ до темноты, хотя темноты изящной, отполированнымъ канцелярскою пемзою до скуки, до нежеланія читать книгу, до такой степени обезцвѣченную натянутостью изложенія. Юная провинціальная земская печать сразу знакомитъ васъ по именамъ и по отчествамъ со всякимъ земскимъ дѣятелемъ, объявляетъ во всеуслышаніе, что такой-то по имени, по отчеству и по фамиліи говорилъ то-то и такъ-то, а такой-то имя-рекъ возражалъ ему на это то-то и то-то. Петербургская губернская земская печать—ничего этого себѣ не позволяетъ: если она упоминаетъ о томъ, что такой-то вопросъ возбудилъ пренія, то ораторовъ не выставляетъ напоказъ, какъ это дѣлаетъ безтактная провинція, а упоминаетъ только, что «одинъ» гласный говорилъ то-то, а «другой» или «нѣкоторые» гласные отстаивали другую мысль, и развѣ ужь въ крайнихъ случаяхъ позволяетъ себѣ выставлять имена дѣйствующихъ или говорящихъ въ собраніи лицъ. Таково, напримѣръ, самое послѣднее изданіе петербургскаго губернскаго земства — «журналы засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія девятой очередной сессіи 1874 года, 8-го — 22-го декабря. Спб. 1875 г.» Эта тоненькая, въ 35+8 страничекъ довольно разгонистой печати, книжка начинается рѣчью г. с.-петербургскаго губернатора, тайнаго совѣтника Лутковскаго, который въ такихъ выраженіяхъ относится къ открываемому имъ собранію: «Мм. гг.! Уже третій разъ, со времени служенія моего въ С.-Петербургской Губерніи, производятся выборы въ земскихъ собраніяхъ, и составъ гласныхъ, въ большинствѣ своемъ, остается одинъ и тотъ же. Одного этого факта достаточно, чтобы показать, какою осмотрительностію, безпристрастіемъ и, можно сказать, прозорливостію отличались выборы 1868 года». Но тутъ же губернаторъ спѣшитъ оговориться, что, если петербургское земство и обладаетъ прозорливостію, то все-таки человѣческая прозорливость впадаетъ иногда и въ ошибки, потому что людямъ свойственно ошибаться.

«Errare» и т. д. «Если въ послѣднее время, говоритъ онъ, и встрѣтился прискорбный примѣръ злоупотребленія однимъ изъ земскихъ дѣятелей сдѣланнаго ему довѣрія, то этотъ случай, какъ единичный, не можетъ умалить значенія той добросовѣстности, которую вы постоянно вносили въ дѣло выборовъ; онъ доказываетъ только, что отдѣльныя ошибки свойственны всякому человѣческому дѣлу, и послѣ него, безъ сомнѣнія, вы усугубите контроль за вашими исполнительными органами, ибо только этимъ путемъ могутъ быть предотвращены злоупотребленія, которыя не только бѣдственно отзываются на плательщикахъ, но и даютъ поводъ подрывать въ обществѣ довѣріе къ земскимъ учрежденіямъ вообще».

Прискорбный случай, о которомъ упоминаетъ губернаторъ, это обнаруженная, за мѣсяцъ съ небольшимъ, передъ открытіемъ петербургскаго земскаго собранія, растрата суммы (до 15,000 р.) лугскаго уѣзднаго земства. Обвиненіе въ растратѣ этихъ денегъ падало на предсѣдателя лугской уѣздной земской управы, отставного полковника Н. Н. Анненскаго, и членовъ управы, Косяровскаго и Ратгофа. Но объ этомъ послѣ. Въ рѣчи своей губернаторъ выразилъ также губернскому земству свое удовольствіе по поводу того, что въ послѣдній годъ имъ не сдѣлано почти никакихъ замѣчаній земству по смѣтамъ и раскладкамъ на 1875 года. «Не доказываетъ ли это—поясняетъ тайный совѣтникъ Лутковскій—что земство здѣшней губерніи усвоило себѣ вполнѣ свои обязанности и стремится выполнить ихъ добросовѣстно, безъ увлеченія, въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ?» Увлеченье—это свойство молодости, а иногда невыдержанности, гражданской безтактности или, напротивъ, беззавѣтной юношеской честности. Этимъ послѣднимъ качествомъ отличаются, какъ мы увидимъ въ свое время, нѣкоторыя далекія, захолустныя наши земства, привыкшія и думать, и чувствовать, и говорить, и писать нараспашку. Но петербургское земство, хотя оно можетъ быть названо однолѣткомъ съ какимъ нибудь шадринскимъ или ирбитскимъ земствомъ, тѣмъ не менѣе уже давно переросло пору увлеченій, какъ петербургскій, десятилѣтній, прилично воспитанный и все извѣдавшій мальчикъ всегда раньше перерастаетъ, извѣстными сторонами своего внутренняго и внѣшняго *я*, какого нибудь двадцатилѣтняго, неопытнаго шадринца, который до 50 лѣтъ увлекается тѣмъ, чѣмъ потербургскій юноша перестаетъ увлекаться въ 15 лѣтъ (исключая увлеченій насчетъ m-me Анго). При всемъ томъ тайный совѣтникъ Лутковскій замѣчаетъ петербургскому земству, что, даже при отсутствіи увле-

ченій, онъ не можетъ не обратить вниманія на «неудовлетворительность» земскихъ дорогъ Петербургской губерніи. Чего же послѣ этого можно ожидать въ самомъ дѣлѣ отъ шадринскихъ, пермскихъ, вятскихъ, камышловскихъ, чухломскихъ и иныхъ земскихъ дорогъ, когда тамъ люди увлекаются до 50 лѣтъ?.. Но что сдержанное, благовоспитанное населеніе Петербургской губерніи, особенно нѣкоторыхъ уѣздовъ, такъ же не чуждо молодыхъ увлеченій, какъ и неблаговоспитанные провинціалы шадринцы, камышловцы, верхотурцы, усть-сысольцы, сольвычегодцы и другіе, видно, между прочимъ, изъ того мѣста рѣчи губернатора, гдѣ онъ говоритъ о неравномѣрности распредѣленія по разнымъ уѣздамъ Петербургской губерніи капитала, образующагося изъ штрафныхъ денегъ по приговорамъ мировыхъ судей и предназначеннаго исключительно на устройство мѣстъ заключенія. Дѣйствительно, въ Петергофскомъ уѣздѣ этого капитала накопилось уже 18,737 р. 77 к., а въ Ямбургскомъ — только 102 р. 79 к. Ясно, что населеніе Петергофскаго уѣзда увлекается въ 182 раза болѣе, чѣмъ ямбургское—и не удивительно: Петергофскій уѣздъ, съ его заманчивымъ уѣзднымъ городомъ, съ его роскошными парками, фонтанами, близостью гаденькаго, но все же поэтическаго чухонскаго моря, съ прелестью его дачъ и дачныхъ обитателей и обитательницъ, съ его одуряющими увеселительными заведеніями, естественно, долженъ возбуждать даже въ благовоспитанномъ человѣкѣ невольныя увлеченья, которыя и заканчиваются въ камерахъ мировыхъ судей, а иногда и въ мѣстахъ заключенія, тогда какъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ рѣшительно нечѣмъ увлекаться, и тамъ мировые судьи должны сидѣть безъ дѣла. Другіе уѣзды губерніи накопили штрафныхъ капиталовъ въ размѣрахъ, которые, по выраженію тайнаго совѣтника Лутковскаго, «вращаются въ предѣлахъ» вышепоименованныхъ цифръ, т. е. между 18 тысячами и сотнею рублей, такъ что, вѣроятно, въ Петербургскомъ и Царскосельскомъ уѣздахъ, по самымъ условіямъ жизни, больше увлекающихся, чѣмъ въ Шлиссельбургскомъ или Гдовскомъ и т. д. Лугскій тоже должно быть изъ увлекающихся, судя по растратѣ земскихъ денегъ. На основаніи этихъ соображеній губернаторъ проситъ земство войти въ обсужденіе вопроса о правильномъ распредѣленіи штрафного капитала, «ибо, говоритъ онъ, только чрезъ раздѣленіе его по уѣздамъ, соразмѣрно дѣйствительнымъ нуждамъ каждой мѣстности, можетъ быть достигнуто надлежащее устройство мѣстъ заключенія». Оно, конечно, такъ; но едва ли это будетъ справедливо. Чѣмъ, напримѣръ, виноваты петергофскіе увлекающіеся

люди, что ямбургцы—такой безстрастный, неподвижный народъ, и за все время существованія мировыхъ судей не могли настолько произвести естественныхъ увлеченій, чтобы сколотить капиталъ по крайней мѣрѣ въ 10,000 р., вмѣсто жалкихъ 100 р., чѣмъ, повторяемъ, виноваты тутъ живые, увлекающіеся петергофцы и за что ихъ мѣста заключенія, которыя, сообразно степени увлеченія петергофцевъ, могли быть роскошными помѣщеніями, должны будутъ лишиться части своихъ удобствъ въ пользу апатичныхъ ямбургцевъ? Не кутерьмилъ — ну, и сиди въ дурномъ помѣщеніи, а хочешь хорошаго помѣщенія — дебошир на такую сумму, чтобъ можно было для тебя построить палаты. Вѣдь въ противномъ случаѣ — это въ нѣкоторомъ родѣ отнятіе собственности у дѣльнаго богача въ пользу бездѣльнаго бѣдняка. Это отзывается чѣмъ-то слишкомъ западнымъ. Впрочемъ, мы можемъ и ошибаться.

Изъ наиболѣе выдающихся вопросовъ, обсуждавшихся петербургскимъ губернскимъ земствомъ послѣдней сессіи, безспорно слѣдуетъ назвать вопросы, непосредственно вытекавшіе изъ представленнаго губернскому земскому собранію ходатайства ямбургскаго земства (наиболѣе увлекающагося)—объ установленіи для учителей, выходящихъ изъ учрежденной земствомъ учительской школы, обязательной службы, впродолженіе трехъ лѣтъ, если они получаютъ отъ земства за занятія въ состоящихъ въ его вѣдѣніи начальныхъ училищахъ содержанія, въ размѣрѣ 240 руб. въ годъ. Это ходатайство вызвало въ средѣ собранія оживленныя пренія. Большинство гласныхъ высказалось въ томъ смыслѣ, что предполагаемая мѣра установленія для учителей обязательной службы, въ виду несостоятельности принимаемаго ими на себя при самомъ поступленіи въ школу обязательства, а также въ виду неудобства и даже безполезности занятій лицъ, отправляющихъ учительскія обязанности лишь для выполненія одного связавшаго ихъ съ этими обязанностями контракта, а не изъ другихъ, обусловливающихъ успѣхъ всякаго образованія побужденій,—не можетъ быть полезною ни въ какой школѣ, тѣмъ болѣе въ начальныхъ училищахъ, гдѣ полное знаніе учителя преподаваемыхъ предметовъ, совершенно свободное изложеніе этихъ предметовъ передъ учениками и разумное, добросовѣстное исполненіе важныхъ обязанностей наставника должны составлять непремѣнныя условія выбора учителей для такихъ школъ. Для удержанія пригодныхъ учителей на службѣ земства, по мнѣнію этихъ гласныхъ, слѣдуетъ не закрѣплять за школами учителей помощью контрактныхъ условій, заключаемыхъ съ ними въ

то время, когда ни та, ни другая изъ договаривающихся сторонъ не можетъ утвердительно опредѣлить—какихъ результатовъ можно ожидать отъ отбыванія будущимъ учителемъ обязательной службы, а, напротивъ, слѣдуетъ стараться, посредствомъ назначенія учителямъ хорошаго содержанія, привлекать въ школы исключительно способныхъ и исключительно, но свободно, по призванію посвятившихъ себя педагогической карьерѣ людей. Между тѣмъ, ямбургскіе губернскіе гласные, находившіеся въ собраніи, заявляли, что ихъ земство вынуждено было къ этому, отвергаемому всѣми, ходатайству уже извѣстнымъ фактомъ, что одинъ поступившій въ ямбургское народное училище преподаватель, получившій образованіе на счетъ земства, не смотря на назначенное ему вознагражденіе въ 240 руб. въ годъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ самовольно оставилъ службу въ училищѣ и даже не заявилъ объ этомъ земской управѣ. «Одинъ гласный добавлялъ даже, что, по его мнѣнію, польза обязательной службы доказывается бывшими уже примѣрами, когда нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія требовали отъ поступившихъ въ эти заведенія учениковъ обязательнаго прослуженія по окончаніи курса извѣстнаго срока тому вѣдомству, которому принадлежитъ воспитавшее его заведеніе, что, наконецъ, земство, дающее молодымъ людямъ средства къ образованію въ земскихъ школахъ, не только имѣетъ право, но должно обезпечить себя въ томъ, что средства эти не будутъ затрачены имъ безцѣльно и безполезно для земскихъ же школъ. Какъ бы то ни было, собраніе отказало ходатайству ямбургцевъ. Но за то земство пришло къ другому заключенію: такъ какъ петербургское губернское земство имѣетъ свою учительскую школу, то оно и поручило управѣ о всѣхъ воспитанникахъ, выпускаемыхъ изъ учительской школы, собирать полныя свѣдѣнія въ томъ отношеніи, поступили ли они на службу и въ какія именно заведенія, а равно какъ продолжаютъ они свою службу, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти лѣтъ. Этими статистическими свѣдѣніями земство хочетъ воспользоваться для вывода заключеній о пользѣ и пригодности учительской школы. Вмѣстѣ съ этимъ земство рѣшило и другой вопросъ, касающійся учительской школы. Прошлогоднимъ собраніемъ было поручено управѣ собрать свѣдѣнія о загородныхъ помѣщеніяхъ для школы. Управа донесла, что пріискать за городомъ помѣщеніе для школы невозможно. Тогда земство должно было поворотить вопросъ въ другую сторону. Пребываніе школы въ Петербургѣ представляетъ удобства, невозможныя для уѣздовъ. Весь учительскій персоналъ, проживающій

въ Петербургѣ, доставляетъ легкую возможность приглашать для преподаванія въ школѣ лучшихъ наставниковъ и руководителей, которыхъ въ уѣздѣ имѣть или вовсе невозможно, или, если и возможно, то за такое вознагражденіе, которое будетъ слишкомъ тяжело для земства. Затѣмъ Петербургъ, представляя обиліе разныхъ образовательныхъ учрежденій, библіотекъ, музеевъ, картинныхъ галлерей, выставокъ съ научною цѣлью, позволяетъ не только учить воспитанниковъ наглядно, но и воспитывать ихъ, развивать съ такою легкостью, съ какою въ глухомъ уѣздѣ это немыслимо. Наконецъ, Петербургъ доставляетъ и самихъ учениковъ для школы, которыхъ считается около 60, а уѣздъ этого не дастъ. Въ концѣ концовъ собраніе остановилось на рѣшеніи оставить школу по прежнему въ Петербургѣ (Журналъ засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія 1874 г., стр. 16—19).

Въ эту послѣднюю сессію петербургскому земству пришлось распутывать очень спутанный земскій клубокъ, пущенный подъ ноги всему русскому земству членами лугской управы и вызвавшій очень много толковъ въ петербургскомъ обществѣ, которое при этомъ раздѣлилось на два лагеря: одни доказывали, что земство должно быть неприкосновенно, другіе — что прокурорскій надзоръ можетъ прикасаться даже къ земству. Этотъ невинный петербургскій сепаратизмъ возникъ по поводу растраты лугскою управою земскихъ суммъ. Дѣло было такимъ образомъ. Лугское земское собраніе послѣдняго созыва, какъ это вездѣ водится, назначило особую комиссію для разсмотрѣнія дѣлъ мѣстной управы. Комиссія, приступивъ къ своимъ занятіямъ, пригласила письменно управу прибыть, въ полномъ ея составѣ, 21-го октября въ 10 часовъ утра, въ помѣщеніе, занимаемое этимъ учрежденіемъ. Оказалось, что въ засѣданіе прибылъ одинъ только предсѣдатель управы, отставной полковникъ Анненскій, и объяснилъ, что въ послѣднее время онъ былъ боленъ, а веденіе дѣлъ передалъ членамъ управы, и потому не знаетъ, гдѣ въ настоящее время находятся земскія суммы. А объ нихъ-то комиссія и спрашивала. Послѣ такого отвѣта, комиссія тотчасъ же приступила къ ревизіи денежной отчетности, а неявившихся членовъ управы просила прибыть въ засѣданіе въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера. Вечеромъ опять является одинъ г. Анненскій и опять говоритъ, что не знаетъ, гдѣ земскія деньги, но что они, вѣроятно, у членовъ управы, которые ихъ обыкновенно хранятъ въ казначействѣ, если денегъ много, или вотъ въ этомъ шкафу (онъ указалъ на шкафъ), если денегъ

мало. Комиссія для опечатанія этого шкафа приглашаетъ помощника исправника. Является этотъ чиновникъ. Смотрятъ—г. Анненскій исчезъ («внезапно и тайно удаляется»). Но въ 1 часу пополуночи предсѣдатель собранія получаетъ отъ г. Анненскаго записку, что-де «получивъ извѣщеніе о консиліумѣ для больной жены, онъ долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ». На слѣдующій день въ засѣданіе является членъ управы, г. Косяровскій. Онъ объясняетъ, что земскія деньги находились обыкновенно на рукахъ у г. Анненскаго, у него самого, г. Косяровскаго, и у третьяго члена, г. Ратгофа; что находящійся на его рукахъ ящикъ съ деньгами онъ представитъ въ комиссію, какъ только сличитъ наличность суммъ съ своею приходорасходною книжкою. Нечего дѣлать — приходилось вскрывать запечатанный шкафъ. Вскрыли. Тамъ, вмѣсто 16,608 р. 50 к., которые должны бы были быть на лицо, нашелся одинъ только деревянный ящикъ, отпиравшійся ключемъ г. Ратгофа, а въ ящикѣ 25 р. деньгами и купонъ въ 2 р. 50 к.! Является самъ г. Ратгофъ и приноситъ еще 250 р. Является снова г. Косяровскій съ своимъ ящикомъ и вынимаетъ изъ него мелочью 3 р. 52 к. и процентными бумагами 424 р. 80 к. Затѣмъ вынимаетъ изъ кармана 1,700 р. и тоже передаетъ комиссіи. Комиссія съ своей стороны всѣ эти жалкіе объѣдки земскихъ суммъ передаетъ на храненіе исправнику; не хватаетъ все-таки 14,652 р. 3 к. Проходитъ 4 дня. Г. Ратгофъ приноситъ откуда-то еще 4,976 р. 8 к. и тѣмъ очищаетъ себя отъ всякой отвѣтственности, потому что то, что̀ было у него на рукахъ, все возвращено въ цѣлости.

Между тѣмъ въ дѣло вмѣшивается прокурорскій надзоръ. «Вмѣшивается»—грубое слово; но оно—не наше слово: его употребило петербургское губернское земство для выраженія дѣйствій прокурорскаго надзора въ данномъ случаѣ. По порученію прокурора петербургскаго окружнаго суда, мѣстный судебный слѣдователь приступаетъ къ производству слѣдствія. Лугское земское собраніе съ своей стороны уполномочиваетъ по этому дѣлу г. Парскаго въ качествѣ гражданскаго истца. Исторія эта началась въ концѣ октября, а въ декабрѣ, сколько намъ извѣстно изъ земской литературы, она еще не разыгралась, потому что только въ это время открылось петербургское губернское земское собраніе. Собраніе это находитъ, что «вмѣшательство» прокурора въ эту земскую исторію, какъ въ семейное дѣло, несогласно съ законами, что возбужденіе уголовныхъ дѣлъ по преступленіямъ должности членовъ земскихъ управъ зависитъ единственно отъ губернскаго земскаго собранія, а назначеніе слѣдствія и предва-

ніе суду виновныхъ — отъ 1-го департамента сената. Съ своей стороны прокуроръ представляетъ собранію такое «квалифицированіе» своихъ дѣйствій: получивъ свѣдѣніе, что г. Анненскій, «внезапно и тайно удалившійся» изъ Луги, находится въ Петербургѣ и въ полиціи не прописанъ, а проживаетъ у родственника своего, генералъ-лейтенанта Чекмарева, и, «принимая во вниманіе вышеизложенное, а также имѣя въ виду, что Анненскій навлекаетъ на себя достаточное подозрѣніе въ совершеніи растраты земскихъ суммъ и что въ дѣйствіяхъ его высказывается явное желаніе уклониться отъ всякихъ объясненій и разъясненій по сему дѣлу, что затѣмъ таковый образъ дѣйствій даетъ основаніе предполагать въ Анненскомъ желаніе уклониться отъ законной отвѣтственности за злоупотребленіе общественнымъ довѣріемъ», онъ, прокуроръ, «нашелъ, что примѣненіе къ настоящему случаю порядка, установленнаго 116 ст. полож. о земскихъ учрежд., можетъ имѣть,—въ виду того, что губернское земское собраніе соберется лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ,—прискорбныя для правосудія послѣдствія, такъ какъ не привлеченный къ слѣдствію г. Анненскій могъ бы скрыться самъ или изгладить слѣды растраты. Вслѣдствіе сего, и усматривая въ дѣяніяхъ Анненскаго признаки преступленія, предусмотрѣннаго 2 п. 3 ч. 354 ст. улож. о наказ., онъ, прокуроръ, счелъ возможнымъ и даже необходимымъ воспользоваться указанными примѣчаніями къ ст. 117 полож. о земскихъ учрежд. и разъясненіями, преподанными общимъ собраніемъ 1-го уголовнаго и кассаціоннаго департаментовъ сената въ рѣшеніи по дѣлу Пересыпкина (9-го декабря 1871 г.). Посему и въ силу 1,089 ст. уст. учр. суд. имъ было предложено судебному слѣдователю лугскаго уѣзда приступить къ производству слѣдствія о растратѣ денегъ въ лугской уѣздной земской управѣ» — однимъ словомъ, г. прокуроръ отрѣзалъ земству такимъ классическимъ прокурорскимъ языкомъ, о какомъ законникамъ временъ царя Алексѣя Михайловича и во снѣ не снилось. Но тутъ же прокуроръ успокоилъ петербургское земство, что слѣдствіе приходитъ къ концу и будетъ имъ, на основаніи 1,091 ст. уст. угол. суд., передано на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія. Что оставалось земству, неприкосновенному земству, что ему оставалось, какъ не признать себя побѣжденнымъ великодушіемъ прокурорскаго надзора? Но оно не признало себя побѣжденнымъ. Правда, оно любезно приняло порывъ великодушія прокурорскаго надзора, но любезность эта была казуистическая. «Признавая вполнѣ, говоритъ земство: — что г. прокуроръ с.-петербургскаго окружнаго суда не

имѣлъ въ настоящемъ дѣлѣ другихъ цѣлей, кромѣ пользы дѣла и желанія помочь земству въ раскрытіи виновнаго, и допуская даже, что г. прокуроръ своимъ вмѣшательствомъ могъ способствовать къ полученію земствомъ обратно части растраченныхъ денегъ», земство все-таки... и т. д. Это упрямое «все-таки» земство подкрѣпляло закономъ, неотъемлемо ему, земству, принадлежащимъ. «Этотъ земскій законъ, говорили петербургскіе земцы: — «служитъ гарантіею для лицъ, служащихъ по выборамъ»; лица эти «не будутъ неправильно привлекаемы, вслѣдствіе интригъ, столь обыкновенныхъ въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ (точно интригъ въ большихъ городахъ нѣтъ: разница только въ томъ, что въ маленькихъ городкахъ — маленькія интриги, а въ большихъ — большія), къ слѣдствію и не лишатся, по одному только произвольному распоряженію неподлежащей власти, правъ, имъ принадлежащихъ по закону». Въ концѣ концовъ собраніе постановило: о дѣйствіяхъ прокурора представить сенату (Тамъ же, стр. 49—59, 43—45).

Наконецъ послѣднее, что̀ сдѣлало петербургское губернское земство послѣдней сессіи—это публичное и такъ-сказать осязательное выраженіе своей признательности одному изъ своихъ дѣятелей, барону П. Л. Корфу, за девятилѣтнее его служеніе земству. Въ засѣданіи 22 декабря гласный Домонтовичъ предложилъ собранію — въ память единогласнаго избранія барона Корфа въ предсѣдатели губернской земской управы на третье трехлѣтіе, выставить на вѣчныя времена, въ помѣщеніи губернской управы, почетную доску, на которой сдѣлать надпись, что, при произведенной закрытой баллотировкѣ шарами на третье трехлѣтіе, баронъ П: Л. Корфъ былъ избранъ предсѣдателемъ губернской земской управы единогласно. Но гласный Быковъ предложилъ—вмѣсто доски, выставить портретъ барона Корфа въ помѣщеніи управы, выразивъ въ надписи, сдѣланной подъ портретомъ, тоже, что предлагалъ выразить и г. Домонтовичъ. Собраніе приняло послѣднее предложеніе, и постановило просить г. Быкова принять на себя трудъ по заказу портрета, а расходъ на это—отнести на губернскій земскій сборъ (тамъ же, 94).

Остальные вопросы петербургскаго губернскаго земства и рѣшеніе ихъ въ послѣднюю сессію не представляютъ особеннаго интереса по своей блѣдности. Также блѣдно отразились они и въ земской литературѣ. Мы не говоримъ о той литературѣ, которая касалась земскаго дѣла петербургской губерніи въ текущихъ періодическихъ изданіяхъ; мы не говоримъ о сообщеніяхъ, рефератахъ, стенографическихъ и другихъ отчетахъ касательно

земской дѣятельности, которые появлялись въ нашей ходячей, насущной печати—въ газетахъ и журналахъ, начиная отъ дѣльныхъ рефератовъ покойныхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и кончая бездѣльной болтовней малой печати: все это уже выходитъ изъ области чисто земской литературы, и если земская работа въ этой ходячей печати представлялась намъ не безцвѣтною, то это заслуга уже не земской литературы, а лишь преломленіе земской дѣятельности въ призмѣ общественнаго мнѣнія, спектромъ котораго и служитъ печать.

Но это не все, что̀ дѣлало петербургское губернское земство втеченіе десятилѣтняго своего существованія: портретъ барону Корфу выставляется земствомъ за всѣ девять лѣтъ служенія земскому дѣлу этого крупнаго земскаго дѣятеля петербугскаго земства; баронъ Корфъ и его заслуги — это тоже призматическій спектръ, въ которомъ преломились и разложились лучи земской работы здѣшней губерніи, — и вотъ о суммѣ этой работы намъ предстоитъ еще поговорить впослѣдствіи, когда мы, обойдя съ посохомъ пилигрима всѣ земскія палестины необозримой земли нашей, снова воротимся къ своему родному очагу и разскажемъ, что̀ мы видѣли въ далекихъ палестинахъ, чему мы съ глубокою вѣрою въ святость дѣла поклонились до земли и гдѣ поплакали надъ мерзостью запустѣнія нѣкогда священныхъ мѣстъ, гдѣ, наконецъ, мы, съ старческимъ умиленіемъ, глядя, какъ честно земскія дѣти принялись за работу будущаго, съ старческою слезливостью готовы были сказать себѣ вмѣстѣ съ болѣзненно-нервнымъ римскимъ поэтомъ—«Hunc, Macrine, diem numera meliore lapillo», и гдѣ, напротивъ, видя залежавшихся земскихъ отцовъ до земскихъ пролежней, безнадежно качали своею сѣдою головою и снова возвращались къ земскимъ дѣтямъ, чтобъ хоть на ихъ работу порадоваться передъ смертью.

III.

Изъ Петербурга мы перейдемъ теперь въ уѣздъ. Столичный уѣздъ —это до извѣстной степени отраженіе своего центра, но отраженіе, разумѣется, слабое, обезсиленное оптическими недостатками своего рефрактора, потому что въ данномъ случаѣ рефракторомъ для Петербурга и его жизни служитъ какое-нибудь Мурино, Полюстрово, Парголово, гдѣ конечно и экономическія силы не тѣ, что въ Петербургѣ, и условія жизни совершенно другія. Что̀ наиболѣе помогаетъ отраженію столицы въ своемъ

уѣздѣ — это дѣятели земства, которые настолько же принадлежатъ уѣзду, насколько и столицѣ. Такъ въ числѣ уѣздныхъ земскихъ дѣятелей мы видимъ и графа А. П. Шувалова, и барона Ю. Ф. Корфа, и М. А. Безъобразова, и доцента петербургскаго университета М. С. Воронина, и гг. Ольхиныхъ, Овсянниковыхъ, Яковлевыхъ, Кусовыхъ. Ясно, что петербургское уѣздное земство, какъ бы низокъ ни былъ экономическій уровень его населенія, нельзя ставить рядомъ съ какимъ-нибудь шадринскимъ, или верхотурскимъ, или чухломскимъ, или золотоношскимъ, или кобелякскимъ земствами. Литература этихъ земствъ также носитъ на себѣ печать весьма сложныхъ, весьма разнообразныхъ условій, подъ которыми развивалась жизнь этихъ, опять-таки до безконечности разнообразныхъ мѣстностей Россіи, вызывались тѣ или другія потребности, слагался цѣлый обликъ мѣстной жизни и вырабатывался характеръ дѣятелей, которые отчасти и переносили свои личныя качества и качества своего общества вмѣстѣ съ его окраскою въ земскую работу и въ земскую литературу своего края.

И работа и литература петербургскаго уѣзднаго земства до нѣкоторой степени носятъ на себѣ родственныя черты работы и литературы петербургскаго губернскаго земства; но въ общемъ, характеръ физіономіи первыхъ значительно рознится отъ послѣднихъ. Уѣздная литература Петербурга съ внѣшней стороны такъ же прилична, какъ и столичная, даже нѣсколько щеголеватѣе послѣдней. Языкъ ея — дѣловой, сжатый, сдержанный, но сдержанный не до сухости: рефераты дѣятелей не всегда свободны отъ увлеченій, отъ фразы, и хотя вдавливаются въ рамку оффиціальности, но однако этимъ не обезцвѣчиваются; изложеніе осторожное, но осторожное не до темноты, не до натянутости; пренія сдержанны, но сдержанны не до скуки, не до нежеланья слушать ихъ или читать. Въ литературѣ и въ работѣ уѣзднаго земства есть что-то дачное, лѣтнее: тѣ же лица, что̀ зимою попадались на Невскомъ и на Большой Морской около Кумберга и Штрауха, тѣ же, что̀ въ оперѣ и въ концертѣ, на Сѣровѣ и на Мусоргскомъ, тѣ же, что̀ на выставкѣ передъ картиною Ге и на лекціи Ореста Миллера, на рысистыхъ бѣгахъ и на судѣ, въ буффѣ и на диспутѣ; лица тѣ же, но смотрятъ какъ-то иначе, одѣты иначе, проще, легче, и обращенье ихъ свободнѣе, и пренія ихъ снисходятъ отъ возвышенныхъ предметовъ до скромной дачной простокваши. Чувствуется вліяніе жизни въ Парголовѣ, въ Шуваловѣ, на Крестовскомъ и на Елагинѣ около приличнаго до тошноты пуэнта. Тутъ рѣчь заходитъ не только

о простоквашѣ, но и о мужичкахъ. объ ихъ нуждахъ, о питомцахъ воспитательнаго дома и о жизни на Крестовскомъ. Тутъ городовые не торчатъ подъ каждымъ угломъ зрѣнія и не напоминаютъ о суетности всего земнаго и о загробной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, развертывая послѣдній томъ изданій петербургскаго уѣзднаго земства, вы тотчасъ чувствуете атмосферу Крестовскаго острова. Даже и пренія въ земскомъ собраніи ведутся объ этомъ веселомъ островѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Крестовскій островъ былъ предметомъ преній въ послѣднемъ петербургскомъ ландтагѣ. Не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что Крестовскій островъ, столь любимый лѣтомъ нѣкоторыми петербуржцами, не составляетъ ни городской, ни уѣздной собственности, а весь принадлежитъ частному лицу, князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что петербургское уѣздное земство возбуждаетъ на счетъ этого острова вопросъ: къ городу ли Петербургу или къ Петербургскому уѣзду принадлежитъ имѣніе князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Крестовскій островъ? Вопросъ этотъ возбуждается вслѣдствіе того, что еще въ октябрѣ 1873 года повѣренный князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, г. Хартулари, заявилъ петербургской земской управѣ, что князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій не считаетъ себя обязаннымъ нести передъ петербургскимъ уѣзднымъ земствомъ какія-либо повинности, такъ какъ, въ силу Высочайше утвержденнаго 22 декабря 1833 года положенія о присоединеніи къ столицѣ дачъ, мѣстъ и острововъ, находящихся вокругъ Петербурга, Крестовскій островъ присоединенъ именно къ Петербургу, и потому несетъ свои повинности передъ петербургскою думою. «Нести же повинности, заявлялъ г. Хартулари, — и передъ думой, и передъ земствомъ, очевидно, невозможно». Управа отвѣчала на это, что Крестовскій островъ причисленъ къ Петербургу только въ полицейскомъ отношеніи и платитъ въ городскую кассу только то, что̀ причитается на содержаніе полиціи; а повинности по отношенію къ земству—это другой вопросъ, и Крестовскій островъ обязанъ нести земскія повинности наравнѣ съ послѣдней хижиной муринскаго золотопромышленника. Г. Хартулари обидѣлся этимъ отвѣтомъ и поручилъ уполномоченному по дѣламъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, титулярному совѣтнику Графу, обратиться въ петербургскую городскую управу съ просьбою, разсмотрѣть вмѣстѣ съ земскою управою вопросъ, кому принадлежитъ право на взиманіе повинностей съ Крестовскаго острова—городу или уѣзду? Городская управа задала такой же вопросъ земской. Земская отвѣчала, что Крестовскій островъ съ самаго открытія земскихъ учрежде-

ній числится за уѣздомъ, что острову этому въ свое время произведена была оцѣнка въ 669,861 р. (по 1 р. за квадратную сажень), и на этой оцѣнкѣ сдѣлана была подпись: «по довѣренности князя Бѣлосельскаго Бѣлозерскаго, генералъ-майоръ Перетцъ». Городская управа, какъ и г. Хартулари, осталась недовольна этимъ отвѣтомъ. Обратились къ губернатору. Губернаторъ отвѣчалъ черезъ нѣсколько времени, что онъ представлялъ объ этомъ обстоятельствѣ г-ну министру внутреннихъ дѣлъ и получилъ слѣдующій отзывъ князя Лобанова-Ростовскаго: «рѣшеніе означеннаго дѣла—если возникшее пререканіе не будетъ устранено инымъ путемъ—подлежитъ разсмотрѣнію мѣстнаго присутствія по городскимъ дѣламъ, но самая передача онаго на обсужденіе сего присутствія могла бы имѣть мѣсто не прежде, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи этого дѣла въ соединенномъ засѣданіи с.-петербургской городской думы и с.-петербургскаго уѣзднаго земскаго собранія» (отч. зем. упр. С.-Петерб. уѣзда за 1874 годъ. Спб. 1874, стр. 136—140).

Чѣмъ кончится этотъ споръ за прекрасную Елену—не извѣстно; но во всякомъ случаѣ можемъ съ увѣренностью сказать, что Троя не будетъ разрушена.

Хотя, какъ мы сейчасъ сказали, дѣятельность петербургскаго уѣзднаго земства и носитъ на себѣ печать нѣкотораго провинціализма по отношенію къ дѣятельности столичнаго земства, и провинціальность эта, этотъ патавинизмъ (patavinitas, замѣченная еще у провинціала классической столицы древняго міра — Рима, у Тита Ливія) выражается въ большей сравнительно свѣжести и свободѣ отношеній къ задачамъ земства, однакожь, по сравненію съ настоящей, трущобной провинціею, даже въ петербургскомъ уѣздномъ земствѣ есть что-то такое, о чемъ можно сказать: «Есть рѣчи...» и т. д. Напримѣръ, задумало полтавское земство устроить у себя учительскую семинарію по образцу Молодечнянской или Коростышевской, для приготовленія учителей въ народныя школы. Тотчасъ же являются добрые люди, которые хотятъ помочь этому дѣлу: г-жа Милорадовичъ безвозмездно предлагаетъ для устройства школы 6 десятинъ земли въ мѣстечкѣ Новыхъ-Сенжарахъ Кобелякскаго уѣзда, княгиня Репнина 10 дес. въ мѣс. Яготинѣ Пирятинскаго уѣзда, г. Остроградскій 75 дес. въ мѣс. Голтвѣ Кобелякскаго уѣзда (Сводъ журналовъ полтав. губерн. зем. собр. X-го очереднаго созыва 1874 г. Полтава. 1874, стр. 129). Петербургское уѣздное земство нуждается въ устройствѣ пріемнаго покоя для больныхъ въ одномъ изъ медицинскихъ участковъ и помѣщенія для доктора. Но подъ Пе-

тербургомъ не такъ-то легко найти клочокъ свободной земли, какъ въ Кобелякскомъ или Пирятинскомъ уѣздѣ, и потому надо искать этотъ клочокъ. Къ счастью, и Петербургъ не безъ добрыхъ людей: графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ устраняетъ это затрудненіе земства. Онъ изъявляетъ желаніе пожертвовать изъ принадлежащаго ему родоваго имѣнія, Парголова, знаменитаго своими прелестными дачами и горою Парнасомъ, *одну десятину* земли, съ тѣмъ, чтобы земство построило на этой десятинѣ непремѣнно больницу, училище или богоугодное заведеніе, но отнюдь не трактиръ, не питейный домъ, не постоялый дворъ, не ресторанъ, не увеселительное заведеніе и даже не дачу, ибо, въ противномъ случаѣ, даръ берется назадъ. Десятина эта уступается земству только въ пользованіе, а коренное владѣніе остается за графомъ Шуваловымъ. И вотъ въ февралѣ 1874 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на передачу жертвуемой десятины въ распоряженіе земства (Отч. зем. упр. С.-Петербургскаго уѣзда, 13—14). Но зато въ другихъ отношеніяхъ провинціямъ не легко тягаться съ столичными земствами. Задумаютъ въ провинціи устроить для народа пріемный покой или больницу въ какомъ-нибудь селѣ или попечительствѣ для бѣдныхъ, и такъ какъ провинціальный земскій карманъ почти такъ же тощъ, какъ тощи были египетскія коровы, пока не пожрали коровъ тучныхъ, потому что карманъ этотъ бо́льшею частью составляется изъ суммы мужицкихъ кармановъ, еще болѣе тощихъ, чѣмъ египетскія коровы, то и приходится въ этихъ больницахъ напр. вмѣсто пузырьковъ съ лекарствами отпускать медикаменты больнымъ въ «косушкахъ, шкаликахъ, буракахъ и черепкахъ», какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ г. Кармильскій, врачъ орловскаго земства Вятской губерніи (журн. орлов. уѣз. зем. собр. Вятс. губ. VII-й очеред. сессіи 1873 г. 2 ч. Вятка. 1874, стр. 191). Напротивъ, петербургское уѣздное земство, устраивая до десяти попечительствъ для бѣдныхъ, уже какъ бы напередъ знаетъ, что г-жа П. А. Зюзина или другая добрая дама пожертвуетъ свои карманные часы, за которые попечительство выручитъ 100 р., что г. Алабышевъ и его товарищи дадутъ концертъ въ пользу попечительства и выручатъ тоже крупную съ провинціальной точки зрѣнія сумму, что даже какая-нибудь простая крестьянка Екатерина Филиппова пожертвуетъ сторублевую облигацію, облигацію, которой въ провинціи не только не видали крестьянскія бабы, но и самые мужики, и даже многіе землевладѣльцы. Мало того, какой-нибудь англичанинъ Д. Р. Кетли пожертвуетъ попечительству для окраски крышъ 40-пудовую бочку смолы (Отч. зем. упр. С.-Петерб. уѣзда. 1874, 46—48).

Но за то самая глухая, самая бѣдная провинція не представляетъ намъ иногда примѣровъ такого безпощаднаго, хотя, конечно, невольнаго, но, къ несчастью, доселѣ неотвратимаго истребленія дѣтей, какое мы видимъ въ окрестностяхъ столицъ, и преимущественно въ районѣ петербургскаго уѣзднаго земства. Земство, по возможности, борется противъ этого избіенія младенцевъ, но не въ его силахъ разомъ повернуть исторію такъ, какъ повернуло ее историческое колесо еще въ прошломъ столѣтіи. Мы говоримъ о смертности питомцевъ воспитательнаго дома, которыхъ земство, по закону обязанное пещись о сохраненіи народнаго здоровья и рабочихъ, а равно платежныхъ силъ страны, силится вырвать у смерти, но до сихъ поръ не нашло такого оружія, которымъ можно было бы бороться противъ исторіи. Обыкновенно питомцевъ берутъ на выкормку бѣднѣйшія крестьянки изъ уѣзда затѣмъ, конечно, чтобы на выкормку ихъ получить изъ воспитательнаго дома извѣстное денежное пособіе. Имѣя своего ребенка, каждая крестьянка, взявшая питомца, конечно, скорѣе подкладываетъ къ груди свое, чѣмъ чужое дитя. Послѣднему предоставляется питаться коровьимъ молокомъ. Но въ томъ-то и бѣда, что у бѣдныхъ-то крестьянокъ еще свое-то молочко иногда и бываетъ, а ужь коровьяго— почти никогда: или надо имѣть корову, или покупать молоко. Но, принимая изъ воспитательнаго дома ребенка, баба на прокормленіе его получаетъ не деньги, а билетъ, по которому она можетъ получать деньги только въ Петербургѣ и притомъ за четыре *прошедшіе* мѣсяца. Ясно, что четыре мѣсяца баба должна кормить ребенка въ кредитъ, а потомъ ѣхать въ Петербургъ, расходоваться и получать деньги, когда ребенокъ, можетъ быть, уже умираетъ отъ недостатка питанія. Чтобы жить въ кредитъ, баба все-таки откуда-нибудь должна получить деньги въ ожиданіи получки ихъ изъ воспитательнаго дома. И вотъ бабьими банкирами въ этомъ случаѣ являются финны. Эти финны, «мѣстные содержатели постоялыхъ дворовъ, а бо̀льшею частью мѣстные зажиточные крестьяне, изъ коихъ нѣкоторые тоже имѣютъ или харчевни, или постоялые дворы, торговля въ которыхъ, будучи ведена добросовѣстнымъ образомъ, по замѣчанію земства, не даетъ особыхъ барышей, — силою обстоятельствъ сдѣлались ростовщиками и закладчиками, и къ нимъ-то стекаются всѣ билеты воспитательнаго дома крестьянокъ-воспитательницъ». Эти ростовщики-финны берутъ съ бабъ по 10% и болѣе въ мѣсяцъ, и притомъ деньги рѣдко выдаются наличностью, а уплачиваются кормомъ за весьма дорогую цѣну и не всегда хорошаго каче-

ства, съ накидкою еще 10% на этотъ кормъ. «Ни ожидать, ни надѣяться, чтобы воспитательный домъ принялъ для этого какія-либо мѣры, — нельзя», сознается земство, и рѣшается само воевать противъ исторіи. Оно говоритъ, что выкормка питомцевъ производится въ четырехъ финскихъ волостяхъ: кюлятской, лемболовской, коркомякской и вартемякской. Всѣхъ воспитанниковъ въ годъ бываетъ отъ 1,200 до 1,500. Для земства достаточно было бы имѣть капиталъ въ 3,000 руб., который, при помощи почетныхъ попечительницъ, г-жъ фонъ-Крузе, Перонiусъ, Кусовой и Кетцлеръ, и раздавался бы крестьянкамъ-воспитательницамъ подъ билеты воспитательнаго дома, а тѣмъ и спасалъ бы этихъ воспитательницъ отъ эксплуатаціи финнами-ростовщиками, а ихъ воспитанниковъ—отъ вѣрной смерти, потому что бабамъ было бы на что̀ покупать молоко для дѣтей. Вмѣстѣ съ этимъ земство желало бы устроить пріютъ, въ которомъ питомцы, за неимѣніемъ достаточнаго числа кормилицъ, выкармливались бы исключительно коровьимъ молокомъ, а не со̀сками изъ промозглаго хлѣба и всякой дряни (тамъ же, стр. 53—63).

Выше мы замѣтили, что петербургское уѣздное земство не обезцвѣчиваетъ своей дѣятельности въ своихъ литературныхъ о̀рганахъ, подобно тому, какъ обезцвѣчиваетъ себя губернское земство. Такъ, при обсужденіи вопроса о питомцахъ воспитательнаго дома, уѣздное земство не заключило своихъ преній въ канцелярскій мундиръ, не обезличило ихъ, а сообщило ихъ въ печати въ той формѣ, что можно видѣть, какимъ путемъ вырабатывалось то или другое рѣшеніе земства, чего намъ не даетъ губернская земская печать.

Такъ, когда зашла рѣчь объ устройствѣ пріютовъ для вскормленія воспитанниковъ исключительно коровьимъ молокомъ, М. А. Безъобразовъ заявилъ недовѣріе къ полезности этой мѣры:

— Мнѣ извѣстенъ одинъ частный случай, сказалъ онъ:—гдѣ ребенокъ, вскормленный исключительно коровьимъ молокомъ, впослѣдствіи обнаружилъ чисто животные инстинкты и наклонности. Хотя это явленіе могло быть и случайное, но я желалъ бы о томъ знать мнѣніе докторовъ и компетентныхъ лицъ.

На это докторъ Коминъ возразилъ, что «въ медицинѣ не существуетъ даже намёка о чемъ-либо подобномъ». А докторъ Сочава замѣтилъ, что трое собственныхъ его дѣтей вскормлены коровьимъ молокомъ. Слѣдовательно, бояться того, что пріютъ, выкармливающій питомцевъ однимъ коровьимъ молокомъ, сдѣлаетъ изъ нихъ звѣрей, не слѣдуетъ.

— Воспитательный домъ уже устроивалъ въ видѣ опыта подобный пріютъ, замѣтилъ докторъ Коминъ:—но опытъ былъ неудаченъ, такъ какъ изъ всѣхъ находившихся въ немъ дѣтей *выжилъ только одинъ ребенокъ;* однако, обстоятельство это не должно служить препятствіемъ для новаго опыта: вѣроятно, причиною неудачи былъ недостатокъ надзора.

— По моему мнѣнію, заявлялъ при этомъ баронъ Ю. Ф. Корфъ:—необходимо возобновить ходатайство земства 1866 года о томъ, чтобы питомцевъ, достигшихъ десятилѣтняго возраста, оставлять до совершеннолѣтія въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ они воспитывались, а не переводить въ другія. Такая мѣра, какъ переводъ питомцевъ, ничѣмъ не можетъ быть оправдана: едва злополучный питомецъ освоится и привяжется къ той семьѣ, гдѣ получилъ воспитаніе, какъ его насильственно отнимаютъ отъ нея, переводятъ иногда весьма далеко и помѣщаютъ въ такую семью, съ которою онъ не имѣетъ ничего общаго, никакихъ симпатій. Не можетъ быть, чтобы такого рода дѣйствіе не имѣло вредныхъ послѣдствій для характера ребенка. Въ 1866 году причиною отказа въ ходатайствѣ земства было то обстоятельство, что въ финскихъ волостяхъ почти не было православныхъ церквей, и потому опасались вліянія на питомцевъ ихъ воспитателей, лютеранъ; въ настоящее время, въ тѣхъ мѣстностяхъ возникли православныя церкви, и потому подобное опасеніе уже не имѣетъ мѣста.

— Я вполнѣ раздѣляю необходимость ходатайства, но сомнѣваюсь, чтобы оно было принято, возразилъ г. Кусовъ. — Причины отказа, бывшія въ 1866 году, существуютъ и нынѣ: кромѣ опасенія лютеранскаго вліянія на питомцевъ, воспитательный домъ озабочивается ихъ обрусѣніемъ и обезпеченіемъ въ матеріальномъ отношеніи, хотя при этомъ нерѣдко переводитъ питомцевъ для обрусѣнія въ нѣмецкія колоніи, и совершенно неизвѣстно, какъ ихъ обезпечиваетъ. Насколько твердъ въ этомъ отношеніи воспитательный домъ, можно видѣть изъ того примѣра, что въ одной изъ мѣстностей петербургскаго уѣзда находится на вскормленіи у крестьянки питомецъ; другая крестьянка, проживающая въ Финляндіи въ 65 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ воспитывается этотъ ребенокъ, — по всей вѣроятности, мать этого ребенка,—проситъ, чтобы ребенокъ былъ отданъ ей, причемъ обязуется сдѣлать духовное завѣщаніе, коимъ оставляетъ ребенку все свое движимое и недвижимое имущество; но, несмотря на это и не принимая во вниманіе убѣдительныхъ просьбъ, воспитательный домъ не отдаетъ ей ребенка, потому

что она живетъ въ Финляндіи (Журн. засѣд. спб. уѣзд. зем. собр. 1874 г. Спб. 1874, 18—20).

Дальше мы не распространяемся объ этой сторонѣ дѣятельности земства. Читатель можетъ самъ предвидѣть, что будетъ. А будетъ то, что земство рано ли, поздно ли, а все-таки побѣдитъ историческаго Минотавра, поѣдающаго дѣтей, ибо въ союзѣ съ земствомъ—жизнь, а въ союзѣ съ Минотавромъ—историческая мертвечина, которая только тѣмъ и сильна, что, при недостаткѣ общественной дезинфекціи, еще можетъ заражать собою воздухъ.

Въ дѣлѣ народнаго образованія петербургское уѣздное земство можетъ также, оглядываясь назадъ, видѣть, что вокругъ жилища Минотавра уже меньше валяется бѣлыхъ косточекъ, чѣмъ валялось тогда, когда чудовище это пожирало русскую крестьянскую молодость цѣлыми гекатомбами и разбрасывало обглоданныя косточки по чистому полю. Когда въ петербургской губерніи только открывались земскія учрежденія, то, по свѣдѣніямъ училищнаго совѣта, во всемъ петербургскомъ уѣздѣ считалось только 8 школъ съ 353 учащимися. Нѣкоторыя школы помѣщались при волостныхъ правленіяхъ, а въ одной такой школѣ отъ классной комнаты былъ отгороженъ чуланъ, въ которомъ помѣщались арестанты. Теперь число школъ выросло уже до 27, не считая трехъ двухклассныхъ училищъ, а число учениковъ—до 1,500. Въ отчетѣ земской управы за 1866 г. говорилось, что «положеніе народнаго образованія въ уѣздѣ представляетъ крайне неутѣшительную картину: все финское племя, составляющее $^2/_3$ населенія, не имѣетъ вовсе школъ, а существующія у православнаго населенія положительно не могутъ достигать своей цѣли, потому что учителями въ нихъ состоятъ лица, вовсе къ тому неприготовленныя, именно семинаристы, отставные чиновники, волостные писаря и отставные нижніе служители». Теперь составъ учителей и учительницъ такой, что едва ли можно желать лучшаго. Вотъ этотъ составъ: 2 изъ обучавшихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 5 — въ женскихъ гимназіяхъ съ особой подготовкой на женскихъ педагогическихъ курсахъ, 4—въ женскихъ прогимназіяхъ, 2—въ земской учительской школѣ, 2—въ учительской семинаріи, 3 — въ духовной семинаріи, 3 домашнихъ учителей и учительницъ, двѣ народныхъ учительницы, 2 изъ уѣзднаго училища, 2—изъ школы патріотическаго общества и 1—изъ народной школы.

Вся трудность борьбы съ Минотавромъ можетъ быть понятна только тогда, когда намъ хоть сколько нибудь будетъ извѣстна

сила этого чудовища. Петербургское уѣздное земство отчасти рисуетъ намъ образъ этого Минотавра въ описаніи одной изъ народныхъ школъ. Школа эта—подгородная, подъ бокомъ у самаго Петербурга. Это школа деревни Волковой. Г. Аврамовъ, учитель волковской школы, представляя петербургскому земству отчетъ о состояніи ввѣреннаго ему заведенія, предпосылаетъ этому отчету особое изображеніе Минотавра—условій жизни, подъ вліяніемъ которыхъ растутъ и воспитываются дѣти до поступленія въ школу.—Волково отдѣляется узенькою и грязною рѣчкою отъ знакомаго всѣмъ намъ кладбища, гдѣ покоятся дорогія всякому русскому сердцу жертвы Минотавра—Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Рѣшетниковъ и другіе «сочинители», могилы которыхъ напоминаютъ одинъ изъ самыхъ скорбныхъ стиховъ Некрасова. Хотя отъ этихъ жертвъ не осталось теперь и костей, но Минотавръ, пожравшій ихъ, боится посѣщать эти жертвы своей прожорливости, изъ опасенія, что изъ черепа ихъ, какъ изъ черепа коня Олегова, выползетъ змѣя—мысль неумирающая—и «уклюнетъ» его, какъ уклюнула змѣя вѣщаго Олега. Съ трехъ сторонъ деревня окружена кладбищами, и рѣчка, омывающая могилы и питающаяся отъ нихъ, поитъ своею могильною водою населеніе деревни, о которой идетъ рѣчь. Молодое поколѣніе, поступающее въ школу, выростаетъ между могилами. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что дѣтство его окружаютъ одни мрачныя картины. Напротивъ, все что̀ лѣтомъ «гуляетъ» на кладбищѣ, наполняетъ улицы Волкова, съ утра до ночи, и тоже гуляетъ: «улицы—говоритъ г. Аврамовъ—кишатъ взадъ и впередъ идущимъ, качающимся, падающимъ, ругающимся и дерущимся народомъ; площадная брань, неприличія всякаго рода, пѣсни развратнаго содержанія—все это становится предметомъ впечатлѣній ребенка еще въ самую раннюю эпоху его дѣтства». Кругомъ — «орды нищихъ женщинъ», которыя съ кладбища идутъ въ деревню, чтобы пропить полученные на церковныхъ папертяхъ гроши. Напиваясь съ такими же, какъ онѣ сами, мужчинами, орды эти паруются и—«не стараются даже скрыть образа своихъ дѣйствій...» А тамъ—«поле оглашается нерѣдко самыми раздирающими душу криками, до ушей долетаетъ стонъ едва не до смерти забитаго человѣка...» И все это—у самой деревни. «Представьте же себѣ теперь—говоритъ съ удивленіемъ г. Аврамовъ—на какую картину жизни наталкивается ребенокъ, выйдя за предѣлы своей деревни. Можно ли послѣ этого удивляться тому, что̀ всѣ игры, всѣ отношенія дѣтей оканчиваются обыкновенно дракой, обидой и произволомъ болѣе сильнаго?»

Такъ г. Аврамовъ рисуетъ передъ земствомъ слабый обликъ Минотавра. Ясно, что онъ не видалъ этого звѣря прежде и въ другой шкурѣ; а это было еще такъ недавно.

Въ описанной г. Аврамовымъ деревнѣ находится земская школа, которую, въ теченіе года, посѣщало среднимъ числомъ 53 ученика. По разсчету г. Аврамова, всѣхъ учебныхъ дней на это число учащихся приходится въ году 9,565; но въ сущности дѣти учились только 8,270 дней, т. е. всѣми 53 учащимися было сдѣлано въ году 1,295 пропусковъ. Замѣчательно, что изъ этого числа по *неуважительнымъ причинамъ* сдѣлано всего 301 пропускъ: это—когда дѣти или прогуляли классъ, или проспали, или были въ гостяхъ; остальные проступки сдѣланы были по *причинамъ уважительнымъ*: это—помощь родителямъ, работа въ полѣ, разноска на продажу молока, стирка бѣлья, вязанье метелъ для очищенья могилъ отъ снѣгу, домовничанье, няньченіе дѣтей, затѣмъ недостатокъ обуви и одежды, морозъ, вѣтеръ, дождь, снѣгъ, болѣзнь и баня, а равно непредвидѣнные случаи—смерть родныхъ, похороны, говѣнье, крестины, свадьбы. Такимъ образомъ главныя причины пропусковъ—*бѣдность родителей*. Какая громадная разница между крестьянскими дѣтьми подстоличными и крестьянскими ребятишками захолустными, дѣтьми глухихъ провинцій, видно, напримѣръ, хотя бы изъ слѣдующаго: въ глубинѣ провинцій почти всѣ дѣти ходятъ босикомъ и въ школу, и въ лѣсъ, и въ поле; здѣсь—«школу дѣти посѣщаютъ безусловно всѣ обутые, и вотъ, разорвись у ребенка сапогъ или башмакъ, а тѣмъ болѣе износись они, и ребенокъ не будетъ ходить въ школу до тѣхъ поръ, пока на ногахъ его не будетъ крѣпкая обувь». Но нищета навертывается если не на обуви, то на чемъ попадется. «Стоитъ только разъ зимою посѣтить школу и посмотрѣть на одежду дѣтей (говоритъ г. Аврамовъ), чтобы изумиться привычкѣ дѣтей переносить наши сѣверные морозы. На многихъ дѣтяхъ не только не увидите мѣховой одежды, но даже и ватной. Многіе прикрываются зимою только одними шерстяными платками, накинутыми на голову, и за отсутствіемъ послѣдняго—гуляютъ по улицамъ прикрытые кофтами и тальмами изъ лѣтнихъ матерій. Какъ часто въ морозные дни вбѣгаютъ въ школу дѣти съ крикомъ, съ плачемъ, съ застуженными руками и ногами, а, можетъ быть, и съ затаеннымъ проклятіемъ школѣ, и долго долго оглашается школа всхлипываньями дѣтей, пока не прекратится боль въ рукахъ и въ ногахъ, отходящихъ отъ холоду». До настоящаго года школа помѣщалась въ наемной избѣ. Кубическое содержаніе воздуха въ клас-

сной комнатѣ составляло всего 6 сажень. Г. Аврамовъ разсчитываетъ, что дѣти въ теченіе классныхъ занятій должны были дѣлать 254,000 дыханій (16 въ минуту) и поглощать чистаго воздуха 7.642,000 кубич. дюймовъ (30 куб. дюймовъ на каждое дыханіе). Если бы зимой, во время самого ученья, *форточки и дверь классной комнаты не отворялись* (зимой-то!), то—по разсчету г. Аврамова—«послѣ пяти часовъ занятій всѣ дѣти должны бы были задохнуться» (тамъ же, 57—78).

Дѣйствительно, это была бы прекрасная гекатомба Минотавру. Но земство пришло на помощь пожираемому звѣремъ молодому поколѣнію,—и вотъ въ деревнѣ Волковой выстроена школа, хотя не похожая на ликей гг. Каткова и Леонтьева, которые для богатыхъ дѣтей отвели въ лабиринтѣ Минотавра едва не по 10 куб. сажень на каждаго воспитанника, однако все же такая, въ которой классная комната занимаетъ вмѣсто 6 квадр. сажень—болѣе 16, и гдѣ, понятно, дѣти уже не задохнутся, какъ задыхались прежде, когда, по свидѣтельству г. Аврамова, очень часто повторялись случаи, что ребенокъ прибѣгаетъ въ школу веселымъ, а просидѣвъ въ хлѣвѣ у Минотавра съ часъ времени, начинаетъ блѣднѣть, жаловаться на головную боль, и ребенка, не смотря на зимніе холода, приходилось высылать въ сѣни или совсѣмъ отправлять домой.—Такія же школы какъ, въ Волковой, земство выстроило и въ Муринѣ, въ Лемболовѣ, въ Меккинѣ, Парголовѣ. Дѣти нищихъ учатся теперь не въ нищенскихъ избахъ и не рядомъ съ арестантами. Ученье въ опрятной, сухой, теплой и свѣтлой комнатѣ оставитъ поэтому и въ учащемся нищемъ доброе воспоминаніе о времени его ученья, если бы въ жизни и ожидало его нищенство. «Нищета школы—какое это ужасное несчастье!» восклицаетъ г. Аврамовъ въ своемъ отчетѣ, представленномъ земству. Вѣдь такъ восклицать можно только передъ земствомъ—и за то ему спасибо. А воскликни такъ подчиненный передъ начальствомъ въ рапортѣ, такъ сочтутъ это дерзостью.

Но на этотъ разъ, мы полагаемъ, было бы излишне долго останавливаться на Петербургѣ и его уѣздѣ, потому что впереди у насъ еще много уѣздовъ, и много намъ придется ходить съ нашимъ дорожнымъ посохомъ, толкаться во множество земскихъ дверей, чтобы потомъ снова возвратиться къ Петербургу. Загляднемъ же теперь въ далекіе углы русской земли, куда только сказочный воронъ могъ занести русскія косточки, а съ ними немножко и русскаго мясца, не отглоданнаго отъ этихъ костей Минотавромъ. Заглянемъ въ окраины. При безконечно разнообразномъ колоритѣ жизни въ разныхъ углахъ русской земли, въ

ея центрахъ и на ея окраинахъ, наша задача, которою мы задались въ данномъ случаѣ, была бы положительна невыполнима, если бы мы долго останавливались на всѣхъ тѣхъ подробностяхъ этой жизни, которыя хотя сами по себѣ и имѣютъ не малое значеніе, но не могутъ не уступить другимъ сторонамъ и рельефамъ русской жизни, на коихъ ея исторія строила ея прошедшее и на коихъ, быть можетъ, должно будетъ построиться ея невѣдомое будущее, о которомъ можно сказать словами поэта:

Ciemno wczędzie, glucho wczędzie.
Co to będzie? Co to będzie?..

IV.

Выше мы сказали, что земская исторія, какъ и исторія политическая въ тѣсномъ, потертомъ и полиняломъ значеніи этого слова, имѣетъ уже свое прошедшее, свое движеніе, можетъ указать на борьбу началъ, на битвы и пораженія, на ростъ одной исторической идеи и на старческое захирѣнье другой. Она имѣетъ уже своихъ дѣятелей, героевъ, полководцевъ. Тамъ были Минины и Пожарскіе, представители новаго въ извѣстный историческій моментъ порядка вещей, и Заруцкіе — обломки стараго. Мы не знаемъ нравственнаго и общественнаго облика Минина-говядаря, хотя представляемъ его себѣ мѣщаниномъ, чуть не мужичкомъ, съ двоякимъ, однако, обликомъ римскаго Януса. Господствующее, что̀ остается въ представленіи о немъ, это—то, что онъ былъ изъ сѣрой массы большинства населенія русской земли, хотя и отполированъ посадскою цивилизаціею; а исторія все-таки мало знаетъ его, какъ мало знаетъ она и много другого, что̀ бы ей слѣдовало знать, но чего ей, по независящимъ обстоятельствамъ, знать не дано, и потому объ этомъ многомъ ей приходится говорить гадательно, гипотетически. Мы не знаемъ, что̀ исторія скажетъ впослѣдствіи о нашемъ времени, о нашихъ задачахъ, о нашихъ дѣятеляхъ; но что независящихъ обстоятельствъ у нея будетъ меньше—это несомнѣнно, и то, что̀ настоящей исторіи знать не дано, то ей дастся, если только прожорливое время и какой нибудь новый миноторъ не пожрутъ всего нынѣ пишущагося и печатающагося, всѣхъ нашихъ публичныхъ и частныхъ библіотекъ, всѣхъ провинціальныхъ и государственныхъ архивовъ и—въ томъ числѣ юную земскую литературу. Можетъ быть, если исторія и не скажетъ о нашемъ скромномъ времени, что у него были свои

Минины и Пожарскіе, свои Заруцкіе и Пугачевы, то непремѣнно скажетъ, что у насъ были свои Микулы Селяниновичи-ратаи. Она скажетъ, что съ нашего скромнаго, повидимому безцвѣтнаго, въ героическомъ смыслѣ слова, времени выступаютъ на историческую сцену ратаи-дѣятели, ратаи-герои и ратаи-полководцы въ Микулиномъ значеніи этого слова—и эти ратаи-дѣятели выступаютъ на земской почвѣ, съ земскаго добраго почина. Гдѣ-то въ соликамской глуши выступаетъ *крестьянинъ* Иванъ Коняевъ, который, опираясь на доктрины Смайльса, Тена и свѣтилъ, стоящихъ за ихъ спинами и освѣщающихъ ихъ головы и головы всего современнаго человѣчества, проводитъ въ земство идеи, плодотворныя для земскаго дѣла. Мы не знаемъ, кто этотъ Иванъ Коняевъ — Богъ вѣсть, какой его нравственный и общественный обликъ; мы только видимъ складъ его мысли на сыпучемъ пескѣ земскаго дѣла («Отеч. Запис.» 1874, кн. 9: «Земство и его дѣянія»). Гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, за горами, которыя когда-то въ миѳическія и героическія времена назывались Рифейскими, а нынѣ Уральскими, гдѣ-то въ екатеринбургскомъ земствѣ *крестьянинъ* Мелединъ въ союзѣ съ ученымъ полковникомъ, и только двое, передъ всѣмъ земскимъ собраніемъ, ратуютъ за широкое примѣненіе образованія къ народу, ратуютъ за народныя школы, и *крестьянинъ* Мелединъ, между прочимъ, говоритъ въ глаза образованному представительству всего земства, что «по ученію политической экономіи, съ поднятіемъ уровня образованія работника увеличивается богатство страны», что «собственно для земскаго собранія слѣдуетъ озаботиться народнымъ образованіемъ, хотя бы въ тѣхъ видахъ, чтобы не видѣть въ средѣ своей крестьянъ-гласныхъ — совершенно безгласныхъ и на все согласныхъ», что въ настоящее время «доступность для народа реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій—то же, что̀ буфетъ при земскомъ собраніи: онъ открытъ для всѣхъ, но нашему брату мужику не по карману». (Постан. IV-го очеред. екатеринб. уѣзд. зем. собр. 1874, стр. 85—89). Гдѣ-то въ третьемъ темномъ углу русской земли, какъ «во полѣ незнаемомъ», въ красноуфимской глуши, является еще *крестьянинъ* Иванъ Скачковъ, можетъ быть ближайшій потомокъ одного изъ «Ивановъ, непомнящихъ родства», и буквально ворочаетъ цѣлымъ краемъ. Мѣстная земская печать безъ имени этого ратая была бы безцвѣтна; земская работа безъ его участія, можетъ быть, была бы вяла и слаба. И опять мы не знаемъ ни нравственнаго, ни общественнаго облика этого Микулы Селяниновича; слышимъ только его голосъ въ красноуфимской земской рабо-

тѣ — и голосъ этотъ покрываетъ всѣ голоса, и земская работа идетъ споро, земскія сваи для земскаго дѣла вбиваются въ земскую почву глубоко, прочно. Намъ и довольно этого, чтобы занести имя крестьянина Ивана Скачкова въ нашу земскую исторію, какъ лѣтописецъ занесъ въ свой хронографъ переяславскаго Иванушку-кожевника, «Яна-усмошвеца», побѣдившаго богатыря бусурманскаго и «перенявшаго славу» у враговъ русской земли.

Обращаясь къ земской печати, какъ изъ земли выросшей въ этомъ третьемъ темномъ углу русской земли, въ этомъ «полѣ незнаемомъ», въ красноуфимской глуши, мы не можемъ не остановиться съ особеннымъ любопытствомъ на земско-литературныхъ попыткахъ этого далекаго уголка русской земли. На изданіяхъ красноуфимскаго земства мы читаемъ на титулѣ книгъ: «Ирбить»—это мѣсто печати, мѣсто, гдѣ пріютился станокъ Гуттенберга. Для европейскаго библіофила это мѣсто печати ничего почти не выражаетъ и не объясняетъ: гдѣ-то печаталась книга—въ какой-то «Ирбити», гдѣ, какъ извѣстно изъ географіи и статистики, бываетъ ярмарка, довольно богатая, но первобытная почти, восточная, мѣновая. Мѣсто печати въ «Ирбити»—это для ученаго француза тоже, что изданіе «Sine loco» (безъ обозначенія мѣста) или «editio unica». Для нѣмецкаго гелертера, знающаго изданія Лейпцига, Галле, даже Amstellodami (Амстердама, стариннаго книжнаго Лейпцига)—изданіе, явившееся въ «Ирбити», тоже должно быть предметомъ библіофильскаго изумленія, какъ оно служитъ отчасти предметомъ изумленія даже для насъ, знающихъ преимущественно изданія Кожанчикова, Вольфа, Черкесова, а затѣмъ Манухина, Леухина и иныхъ, тиснящихъ наши книги въ Петербургѣ и Москвѣ. Перевертывая далѣе любопытную книгу, печатавшуюся за Рифейскими горами, мы вслѣдъ за оглавленіемъ ея читаемъ списокъ гласныхъ красноуфимскаго земства. Ихъ всѣхъ 22, и изъ нихъ—*16 крестьянъ*: Зайковъ, Скачковъ, Бочкаревъ, Шестеровъ и др. Остальные 6 гласныхъ, одинъ коллежскій совѣтникъ, три купца, одинъ мѣщанинъ и одинъ довѣренный отъ заводовладѣлицъ. Видно, что уголокъ земли русской—новъ, что столбовыхъ, старыхъ дѣятелей русскаго дѣла здѣсь не хватаетъ, и дѣятелями становятся мужички. Каковы же ихъ дѣянія, этихъ неученыхъ и невоспитанныхъ Микулъ-Селяниновичей? Открывая первую страницу книги, мы читаемъ, что «по отслуженіи красноуфимскимъ протоіереемъ отцомъ Іаковомъ Братчиковымъ Господу Богу молебствія» и по принятіи гласными установленной присяги, открывается четвертое очередное собраніе красноуфимскаго земства, и тутъ же большинствомъ голосовъ избирается секретаремъ собранія кре-

стьянинъ Иванъ Скачковъ. Секретарь земскаго собранія—крестьянинъ: это—больше, чѣмъ издатель и редакторъ политической и литературной газеты, банкиръ, биржевой маклеръ и т. п. Секретарь земскаго собранія—это душа, умъ, языкъ, перо и законъ всего земства, и этой душой, умомъ и перомъ является крестьянинъ Иванъ Ивановичъ Скачковъ. Является какое-то сомнѣніе, что нибудь да не такъ. Какъ же это—крестьянинъ? Онъ, значитъ, и законникъ тамъ, и литераторъ. Онъ, слѣдовательно, редакторъ и авторъ той книги, на титулѣ которой мѣсто печати обозначено: «Ирбить». Или это возможно у Рифейскихъ горъ, за неимѣніемъ, кромѣ крестьянъ, другихъ образованныхъ людей, другихъ юристовъ и писателей? Оказывается, что это именно только у этихъ горъ и за этими горами исторически возможно и исторически неизбѣжно. Дѣйствительно, развертывая другую книгу изъ земской литературы, книгу, на титулѣ которой мѣсто печати обозначено: «Камышловъ», и въ которой рѣчь идетъ о дѣятельности шадринскаго, зарифейскаго земства, мы также на первой страницѣ читаемъ, что «по отслуженіи Господу Богу молебствія съ водосвятіемъ» и по принятіи гласными присяги на вѣрность земской службѣ, секретаремъ собранія избирается священникъ Іоаннъ Первушинъ, а на случай отлучки его въ свой приходъ—помощникомъ его крестьянинъ Алексѣй Начапкинъ. (Журналы четвер. очер. шадрин. уѣзд. зем. собр. Камышловъ. 1874, стр. 1). Опять крестьянинъ, опять ратай Микула Селяниновичъ. Да впрочемъ, кому же и быть тамъ дѣятелями, кромѣ крестьянъ, когда изъ всѣхъ четырнадцати гласныхъ шадринскаго земства, изъ всѣхъ нравственныхъ, общественныхъ и экономическихъ представителей края—крестьянъ оказывается пять человѣкъ, священниковъ пять, два купца, нѣмецъ аптекарь Конрадъ Ивановичъ Шернингъ и казенный лѣсничій? Итакъ, крестьянинъ Алексѣй Михайловичъ Начапкинъ—четвертый современный Микула Селяниновичъ, котораго шадринское земство тутъ же и избираетъ предсѣдателемъ земской управы.

Но мы остановились на красноуфимскомъ Микулѣ Селяниновичѣ, крестьянинѣ Иванѣ Скачковѣ. Дѣйствительно, имя его неразлучно со всѣмъ, что только ни было задумано и рѣшено красноуфимскимъ замствомъ въ послѣдніе годы; имя его, слова его, заявленія его, указанія, совѣты, предложенія наполняютъ собою всѣ страницы книги, вышедшей изъ типографскаго станка въ Ирбити. Тотчасъ по открытіи собранія, при повѣркѣ правъ гласныхъ, г. Скачковъ заявляетъ, что выбранный въ гласные отъ города Красноуфимска купецъ Щегольковъ долженъ быть устраненъ отъ участія въ дѣлахъ земства, потому что былъ судимъ

за оказавшійся у него недочетъ въ городскихъ суммахъ, за неправильную выписку въ расходъ пожарныхъ инструментовъ, за невыдачу жалованья писцамъ, за захватъ чужой собственности и проч.—и голосъ Скачкова дѣлаетъ свое дѣло въ собраніи. Не много далѣе онъ подаетъ голосъ въ пользу сбереженія земскихъ суммъ: какъ бы ни усложнялись дѣла земской управы вслѣдствіе реформы воинской повинности—составъ управы увеличивать не слѣдуетъ, въ видахъ земской экономіи. Наконецъ онъ дѣлаетъ капитальное предложеніе земству—объ устраненіи существенныхъ затрудненій въ сельскомъ хозяйствѣ. Объ этомъ замѣчательномъ предложеніи мы еще упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ красноуфимскомъ земствѣ стоитъ на ходу живой вопросъ о реальномъ училищѣ. Единственный представитель крупнаго землевладѣнія, представитель заводчиковъ, г. Одинцовъ находитъ реальное училище излишнимъ и отяготительнымъ. Скачковъ отстаиваетъ необходимость для края реальныхъ знаній, говоритъ, что вопросъ о реальномъ училищѣ давно предрѣшенъ «съ строгою обдуманностью» и не подлежитъ уже никакому анализу. За крестьянина Скачкова и реальныя знанія встаютъ гласные-крестьяне: Горбуновъ, Платоновъ, Владиміровъ, Воробьевъ, Шелашовъ—и крестьяне отстаиваютъ реальное училище. Управа, вся состоящая изъ крестьянъ, и въ томъ числѣ изъ Скачкова, докладываетъ собранію о необходимости учрежденія въ Красноуфимскѣ типографіи. Г. Кавадеровъ, казенный представитель горнаго вѣдомства, высказывается противъ типографіи, говоритъ, что въ Златоустѣ есть типографія, но работаетъ въ убытокъ.

— Но въ Златоустѣ не введено положенія о земскихъ учрежденіяхъ и не существуетъ земской управы, въ которой всегда много матеріаловъ для печатанія, возражаетъ все тотъ же Микула-ратай, тотъ же Скачковъ,—и опять побѣда остается за нимъ, потому что крестьяне требуютъ типографіи. Или: студентъ казанскаго университета Крыловъ проситъ у земства стипендіи съ обязательствомъ отслужить эту стипендію земству по окончаніи курса. Представитель заводовладѣльцевъ, г. Одинцовъ, говоритъ на это: «собраніе не увѣрено, окончитъ ли съ полнымъ успѣхомъ курсъ наукъ г. Крыловъ, чтобы потомъ воспользоваться его услугами, и потому я не вижу необходимости затрачивать капиталъ для неизвѣстнаго земству человѣка. Другое дѣло, еслибы встрѣтилось такое заявленіе со стороны кого либо изъ мѣстныхъ жителей уѣзда». И опять въ собраніи слышится голосъ Скачкова.

— Съ точки зрѣнія филантропической—говоритъ онъ:—*я* не

нахожу излишнимъ оказать бѣдному человѣку помощь отъ земства, чтобы окончить образованіе, но съ точки зрѣнія экономической встрѣчается неудобство: земству нужны врачи *сейчасъ*, и ждать окончанія образованія юноши четыре года безполезно, потому что за то жалованье, какое назначаетъ себѣ впослѣдствіи г. стипендіатъ, можно и теперь имѣть врачей.

Тотъ же представитель крупныхъ заводовладѣльцевъ, г. Одинцовъ, онъ же и предсѣдатель ревизіонной комиссіи, разсматривавшей дѣйствія земской управы, читаетъ собранію докладъ, въ которомъ между прочимъ указывается, что члены земской управы, пользуясь безплатнымъ взиманіемъ земскихъ лошадей, допускали при своихъ разъѣздахъ иногда расходъ на прогоны.

— Я (снова раздается тотъ же голосъ Микулы Селяниновича Скачкова), я былъ командированъ управою въ село Киргшанское для наблюденія за исправленіемъ сибирскаго тракта передъ проѣздомъ его императорскаго высочества великаго князя Алексѣя Александровича, и, проживая въ Киргшанѣ, я имѣлъ честь явиться къ г. пермскому губернатору, въ проѣздъ его для встрѣчи великаго князя, и между прочимъ при объясненіи съ нимъ о положеніи тракта, получилъ предложеніе подать телеграмму въ управу, чтобы она немедленно озаботилась исправленіемъ Быковской станціи; но при этомъ я обратилъ вниманіе его превосходительства на безвыходное положеніе управы, по неимѣнію въ кассѣ ея денегъ. Его превосходительство посовѣтовалъ мнѣ обратиться отъ имени его съ просьбою къ опекуну Сергинскихъ заводовъ о выдачѣ хотя части земскихъ сборовъ въ число оклада за вторую половину года. Такимъ образомъ, вызвана была моя поѣздка въ Серги черезъ Гробовскую станцію; а такъ какъ я при себѣ не имѣлъ бланокъ губернской управы, чтобы взять земскихъ лошадей въ чужомъ уѣздѣ, я заплатилъ почтовые прогоны.

Собраніе находитъ объясненіе Скачкова «достаточно основательнымъ».

Приступаетъ собраніе къ балотировкѣ предсѣдателей и членовъ управы на новое трехлѣтіе—и предсѣдателемъ избирается тотъ же крестьянинъ Скачковъ.

Разсматривается собраніемъ проэктъ комиссіи объ устройствѣ медицинской части. Въ проэктѣ предполагается, между прочимъ, просить врачей, что бы они, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, во время собраній, собирались въ городъ для взаимнаго обсужденія вопросовъ по медицинской части и на случай приглашенія ихъ въ собраніе въ качествѣ совѣщателей по дѣламъ о народномъ здравіи.

— Врачи и безъ того съѣзжаются всякій разъ, когда управа встрѣчаетъ надобность въ ихъ созывѣ. Это—опять голосъ того же Скачкова.

Избирается комитетъ по устройству и открытію въ Красноуфимскѣ шестиклассnаго реальнаго училища. Въ члены комитета непремѣнно избирается крестьянинъ Скачковъ. Скачковъ же возбуждаетъ вопросъ о выдачѣ на будущее время членамъ управы, кончившимъ безпорочно срокъ своей службы, подъемныхъ денегъ на выѣздъ въ свое жительство. Члены управы, все это—народъ бѣдный, все это—крестьяне. Собраніе принимаетъ предложеніе Скачкова.

Наконецъ закрывается собраніе, подносится благодарственный адресъ предсѣдателю, коллежскому совѣтнику Голубцову, заявляется благодарность губернатору за назначеніе г. Голубцова предсѣдателемъ, и тутъ же, «съ общаго и единодушнаго желанія гг. гласныхъ, выражается искренняя признательность почтеннѣйшему секретарю собранія И. И. Скачкову, раздѣлявшему огромные труды г. предсѣдателя собранія для блага населенія уѣзда» (журналы IV-го очередн. красноуфимскаго уѣзднаго земскаго собранія и доклады красноуфимской уѣздной земской управы, съ приложеніями отчетовъ ея, смѣты, раскладки и докладовъ ревизіонной комиссіи 1873 г. Ирбить. 1874, стр. II, 1, 2, 3, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 22, 27, 37, 38, 43, 46).

До сихъ поръ наше вниманіе занималъ почти исключительно одинъ крестьянинъ Иванъ Скачковъ. Что же дѣлало само земство, земское собраніе и втеченіе трехлѣтняго существованія земская управа, вся состоящая изъ крестьянъ? Члены управы—сами крестьяне; они знаютъ самыя больныя стороны крестьянской жизни, знаютъ, на чемъ ихъ прежде донимали старые порядки, донимали, что называется, до живыхъ печонокъ. Между прочимъ, какъ мы говорили выше, ихъ допекалъ всякій становой разгономъ лошадей къ кумѣ въ гости подъ видомъ казенной надобности и на блины къ сосѣднему помѣщику, подъ видомъ экстреннаго дѣла, поднятія мертваго тѣла, поимки зажигателей, разбойниковъ. За этимъ разгономъ лошадей крестьянину не на чемъ было пахать, снопы возить, за дровами съѣздить. И вотъ управа, состоящая изъ крестьянъ, въ томъ числѣ и Иванъ Скачковъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы крестьянскія подводы выдавались становымъ приставамъ и прочимъ чинамъ полиціи, а равно волостнымъ правленіямъ только по бланковымъ билетамъ управы, а для своза пакетовъ—только въ важныхъ случаяхъ по дѣламъ смертоубійствъ, лѣсныхъ пожаровъ, зажигательствъ, грабежей и вообще чрезвычайныхъ происшествій,

требующихъ экстреннаго исполненія со стороны полиціи. И вотъ, послѣ своего распоряженія, крестьянская управа ревизуетъ по волостямъ книги о разгонѣ крестьянскихъ лошадей, и вотъ что докладываетъ, между прочимъ, земскому собранію: «Талоны бланковыхъ книгъ, обревизованныхъ управою, показываютъ, что вообще становые пристава давали билеты на безплатное требованіе земскихъ лошадей не только однимъ нарочнымъ, сотскимъ, десятскимъ и полицейскимъ стражникамъ, но иногда вмѣстѣ съ ними еще и людямъ, не имѣющимъ никакого права на безплатные разъѣзды на земскихъ лошадяхъ. На билетахъ означалось «стражнику такому-то съ крестьяниномъ такимъ-то», «съ мастеровымъ такимъ-то», «съ солдаткой такой-то», «съ мѣщаниномъ такимъ-то», или: «десятскому, сотскому такому-то съ солдатомъ такимъ-то», или: «съ рекрутомъ»; стражникамъ и десятскимъ, съ припиской «съ будущимъ», или «съ женкой», десятскому «съ крестьяниномъ такимъ-то и женой его», «сотскому съ дѣвкой», «съ кантонистомъ», «нарочному съ будущимъ». Такимъ образомъ, продолжаетъ управа, на счетъ земства разъѣзжали въ уѣздѣ, по распоряженію становыхъ приставовъ и иногда по одному направленію одинъ за другимъ люди всякаго сословія, съ тѣмъ лишь различіемъ въ названіи, что одни пристава писали на билетахъ «съ крестьяниномъ», «съ крестьянкой», «съ солдатомъ», «съ мѣщаниномъ», «съ будущимъ», а другіе: «съ мастеровымъ», «съ женкой», «съ рекрутомъ», «съ дѣвкой». Было бы уже откровеннѣе вмѣсто слова «съ будущимъ» писать на билетахъ «съ пріятелемъ», «съ прислугой», или что нибудь въ этомъ родѣ, если требовалось incognito для званія или фамиліи личности будущаго» (тамъ же, стр. 71). Дальше земцы-крестьяне тутъ же поясняютъ въ своемъ докладѣ: «впрочемъ подъ какимъ бы названіемъ ни проѣзжали будущіе, все это выражаетъ невниманіе къ интересамъ земства и нарушеніе установленнаго закономъ порядка, потому что въ нашихъ узаконеніяхъ нѣтъ правила, дозволяющаго ѣздить даромъ на земскихъ лошадяхъ неизвѣстнымъ личностямъ, поэтому разъѣзды будущихъ заставляютъ удивляться, какія для сего становые пристава имѣли основанія и какимъ образомъ можно было отправлять будущаго съ нарочнымъ? Потому ли, что будущій имѣлъ всѣ качества экстренной депеши и потому не могъ уѣхать одинъ безъ компаніона, или потому, что нарочный боялся одинъ ѣхать безъ будущаго? Непонятна причина ихъ неразрывной связи. У одного изъ приставовъ выданы были билеты для отвоза стражника съ сотскимъ и рядовымъ. Который изъ нихъ караулилъ котораго—неизвѣстно, а между тѣмъ не только они ѣхали безъ объясненія

законности причины, но и не имѣли даже права ѣхать на пароконной земской подводѣ, не говоря о томъ, что двоимъ охранять одного или одинъ другого слишкомъ прихотливо». Въ заключеніе этого замѣчательнаго доклада управа изъ крестьянъ говоритъ: «Имѣя въ виду, что по закону посылка нарочнаго допускается исключительно въ экстренныхъ случаяхъ, а командированіе нижнихъ полицейскихъ служителей или стражниковъ можетъ быть вызвано лишь появленіемъ какихъ-либо разбойничьихъ шаекъ, бѣглыхъ, съ другими чрезвычайными происшествіями, какъ-то убійствами, грабежами, зажигательствами, лѣсными пожарами и т. д., доводится прійти къ заключенію, что всѣ эти происшествія какъ бы не прекращались въ уѣздѣ въ 1872 году. Иначе, чѣмъ же, какъ не произволомъ можно объяснить себѣ такую громаду разъѣздовъ нарочныхъ и стражниковъ, показывающую неустанный разгонъ этихъ лицъ отъ 15 до 45 верстъ въ каждый день?» (тамъ же, стр. 72). За такое же безцеремонное отношеніе къ крестьянской экономіи земство борется и съ судебными слѣдователями. Оно говоритъ между прочимъ: «самое большое число разъѣздовъ выпадаетъ на долю слѣдователя Политковскаго, задолжавшаго для себя болѣе одной лошади въ каждыя сутки, а съ нарочнымъ безъ малаго двѣ лошади, и проѣзжавшаго ежедневно на парѣ (круглый-то годъ ежедневно!) 10 ½ верстъ, а съ нарочными по 30 верстъ въ день. Законъ, воспрещающій судебнымъ слѣдователямъ пользоваться земскими лошадьми безплатно для своихъ нарочныхъ, кажется настолько ясенъ и положительно извѣстенъ, что, казалось бы, можно было избѣжать нарушать его. Вѣроятно, на практикѣ этотъ законъ можетъ быть выполненъ, такъ какъ однимъ изъ гг. судебныхъ слѣдователей, именно г. Кутиловымъ, найденъ же такой способъ не нарушать этотъ законъ, что втеченіе года онъ пользовался парою земскихъ лошадей исключительно для своихъ разъѣздовъ, не употребилъ ни одной бланки на взиманіе лошадей для нарочныхъ. Отдавая полную справедливость г. Кутилову въ сознаніи имъ своей обязанности по отношенію къ земству, касательно этого предмета, нельзя того же сказать про остальныхъ гг. слѣдователей...» А у Политковскаго каждый нарочный проѣзжаетъ въ годъ даромъ на крестьянскихъ лошадяхъ на 82 р. 52 ½ к., такъ что этотъ «незаконный разгонъ» земскихъ лошадей нарочными составляетъ $^{8}/_{10}$ стоимости разъѣздовъ г. Кутилова, участокъ котораго еще больше, чѣмъ у другихъ слѣдователей (тамъ же, стр. 77).

Ясно, что настаетъ время, когда и крестьянская лошадь перестаетъ быть общественнымъ достояніемъ: эмансипація кресть-

янской лошади совершается при помощи земства, которому и за это спасибо.

Вслѣдъ за докладомъ по исполненію подводной повинности, красноуфимское земство, въ порядкѣ, указываемомъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, переходитъ къ докладу о исполненіи своихъ обязанностей по народному образованію.

На попеченіи красноуфимскаго земства находится 29 народныхъ школъ вмѣстѣ съ двумя городскими училищами—число, совершенно равное числу школъ, находящихся въ подстоличномъ петербургскомъ уѣздѣ. За то учащихся въ захолустномъ красноуфимскомъ населеніи *больше*, чѣмъ въ подстоличномъ, и, что особенно замѣчательно—въ то время, когда петербургское земство ассигнуетъ на народное образованіе своего уѣзда только 7,500 р., нечесаные красноуфимцы для своихъ неумытыхъ ребятишекъ ассигнуютъ 25,000 р., т. е. петербуржцы даютъ на керосинъ и на газъ для освѣщенія головъ своего крестьянскаго молодого поколѣнія только по 5 р. въ годъ, а красноуфимцы на лучину для освѣщенія курныхъ головенокъ своихъ ребятишекъ свѣтомъ образованія отваливаютъ по 16 руб. въ годъ на каждаго пострѣленка (отч. зем. упр. Спб. уѣз. 1874, стр. 102, и журн. красноуф .зем. 1874, стр. 298). Мало того, за неимѣніемъ въ Красноуфимскѣ книжной лавки, земство озаботилось завести свой складъ книгъ — учрежденіе, какъ выражается земство, помимо пользы школьному дѣлу, «полезное еще и въ томъ отношеніи, что оно даетъ возможность во всякое время покупать книгу и постороннему лицу» (тамъ же 86). Но есть и больныя мѣста въ жизни провинціальныхъ земствъ, больныя не потому, чтобы болѣзнь гнѣздилась въ самомъ земскомъ организмѣ или чтобы земское тѣло начинало уже свое разложеніе, а потому, что въ сущности еще не началось полное оздоровленіе земскаго тѣла. Петербургское земство, какъ мы видѣли, могло похвалиться удачнымъ подборомъ учительскаго персонала. Тамъ въ народныхъ школахъ есть учителя, получившіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. А провинціальному земству не рѣдко приходится, подобно классическому Діогену, съ фонаремъ искать учителей для молодого крестьянскаго населенія. Да и кому охота забираться въ глушь, и въ особенности въ далекую глушь? И вотъ въ провинціальныхъ земствахъ не рѣдко встрѣчаются такіе примѣры, которые красноуфимское земство называетъ «тормазами» своего дѣла. Въ іюлѣ 1872 года въ бисертское училище опредѣляется преподаватель изъ воспитанниковъ ярославской военной прогимназіи, г. Рыбниковъ, получившій дипломъ на званіе учителя изъ пермской гимназіи, а въ ноябрѣ того же года, ровно

черезъ четыре мѣсяца, исчезаетъ неизвѣстно куда, предварительно «утративъ дѣла и учебниковъ на 10 р. 52 к.» Почти черезъ годъ красноуфимская управа получаетъ письмо, подписанное г. Рыбниковымъ, и изъ письма узнаетъ, что бѣглецъ находится въ Перми и наивно проситъ управу прислать ему свидѣтельство на званіе учителя и—аттестатъ о службѣ, конечно полезной, въ бисертскомъ училищѣ. Изумленная управа отвѣчаетъ бѣглецу, что свидѣтельство будетъ выслано ему тогда, когда онъ возвратитъ училищу дѣла и деньги за утраченныя книги. Рыбниковъ скромно умолкаетъ, а земство ищетъ новаго учителя. а время идетъ, а крестьянскія дѣти не учатся, а дѣло народнаго образованія стоитъ, а Минотавръ торжествуетъ. При всемъ томъ красноуфимское захолустье даетъ блистательные результаты въ дѣлѣ такъ сказать умственнаго оздоровленія народа. Теперь тамъ уже считается одинъ учащійся на сто душъ наличнаго населенія. Есть мѣстности, гдѣ на 15 душъ наличнаго населенія приходится одинъ учащійся—это въ самомъ городѣ Красноуфимскѣ. Но есть еще болѣе замѣчательный примѣръ: сылвинское училище привлекаетъ учащихся одного изъ каждыхъ 14 душъ наличнаго населенія. Или: въ михайловскомъ училищѣ—одинъ изъ 16 душъ, въ артинскомъ—одинъ изъ 21, въ шайтанскомъ тоже, въ суксунскомъ—одинъ изъ 23. Самое меньшее число учащихся замѣчается въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. Причину этого земство видитъ въ тѣснотѣ и неудобствѣ училищныхъ помѣщеній. Есть школы, которыя помѣщаются въ однихъ зданіяхъ съ волостными правленіями, на однихъ сѣняхъ съ сборными избами для крестьянскихъ сходовъ и даже—для арестуемыхъ въ волости. Это явленіе замѣчено нами въ школахъ петербургскаго земства: тамъ тоже указывали на школы, которыя только перегородкою отдѣлялись отъ арестантской. Любопытно видѣть, какъ сама земская управа, состоящая изъ однихъ крестьянъ, относится къ дѣлу народнаго образованія. «Въ наше время—говоритъ она въ своемъ докладѣ собранію:—народное образованіе составляетъ настоятельную потребность, и доказывать это совершенно излишне *за обработкою этого вопроса прессою* и за сознаніемъ этого всѣми земствами, опережающими одно другое въ своихъ начинаніяхъ и жертвующими огромныя суммы на учрежденіе народныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній». Изъ этого мы видимъ, что крестьяне говорятъ о *прессѣ*—это что-то очень новое. Если бы подобные *крестьяне*, какъ Скачковъ, Мелединъ, Коняевъ были выведены въ современномъ романѣ, многіе бы не повѣрили автору, заподозрили бы возможность существованія въ Россіи такихъ «мужиковъ». «Но, продолжаетъ управа-кресть-

янка: — школьное дѣло только тамъ идетъ хорошо и успѣшно, гдѣ общества сами сознали необходимость воспитанія юношества и охотно отдаютъ своихъ дѣтей учиться, безъ малѣйшаго принужденія, принимая участіе въ содержаніи училищъ. По этимъ соображеніямъ, здѣшнее земство доселѣ принимало за правило открывать училища только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общества сами ходатайствуютъ о томъ» (тамъ же, стр. 346). Замѣчательно, что когда красноуфимское земство выдумало озаботиться открытіемъ школъ въ инородческихъ селеніяхъ уѣзда, у татаръ и черемисъ, то управѣ неудалось убѣдить къ этому ни одно изъ инородческихъ обществъ. Видно, что исторія обрекла эти общества на погибель, на постепенное вымираніе. Смерть ихъ не за горами. За то живучесть даровитой русской расы сквозитъ во всемъ. Эти недостойно обсмѣянныя, обиженныя, оскорбленныя въ самомъ лучшемъ человѣческомъ и исключительно женскомъ чувствѣ, эти «стриженыя дѣвки», обливаемыя съ головы до ногъ литературою нечистаго сорта или вѣрнѣе литературными помоями,—эти русскія женщины и дѣвушки честно работаютъ въ самой некрасивой глуши для общаго дѣла, и красноуфимское земство съ особенной похвалой отзывается объ учительницахъ Егановой и Книзе. Не зная, чѣмъ ихъ поощрить, добрые крестьяне выдали имъ за послѣдній годъ награды по 15 рублей! (тамъ же, 347, 355).

Въ дѣятельности нѣкоторыхъ провинціальнныхъ земствъ вообще есть что-то особенное, представляющее ихъ съ наиболѣе симпатичной стороны. Это—та откровенность, та молодая искренность, съ которою они относятся къ дѣлу, и какъ бы подчасъ это отношеніе ни было наивно, дѣтски-неумѣло, неумѣлость эта выкупается тою сердечностью, которою, какъ солью пересыпанное, доброе начинаніе предохраняется отъ преждевременной гнилости и разложенія. Земство откровенно сознается, что оно еще не въ силахъ успѣшно бороться съ ветхимъ, но доселѣ крѣпкимъ Минотавромъ, который противъ медицинскихъ заботъ земства о народномъ здоровьѣ выставляетъ свою рать — вѣру наивнаго народа въ спасительность «шарлатанства знахарей и колдуновъ». А рать Минотавра сильна до сихъ поръ потому, что земство, конечно, захолустное, не находитъ себѣ помощниковъ, не находитъ людей, въ которыхъ нуждается. Не смотря на то, что красноуфимское земство дало уже въ помощь народному здоровью пять врачей, тридцать одного фельдшера, двухъ ветеринарныхъ учениковъ, двухъ акушерокъ и четырехъ повитухъ, но все еще оно сознаетъ, что этотъ медицинскій персоналъ недостаточенъ, что народъ все еще, относительно, безпомощенъ.

И вотъ оно ищетъ людей для своего дѣла, изыскиваетъ мѣры, призываетъ компетентныхъ людей, и, въ случаѣ неудачъ, откровенно признается въ этихъ неудачахъ, небоясь даже печати — этого пугала для всего, что̀ неискренно, что̀ прячется или прячетъ свою нечистую совѣсть. Напротивъ, нѣкоторыя провинціальныя земства сами просятъ помощи у печати — это рѣдкое явленіе въ нашей общественной жизни, явленіе, съ которымъ только немногіе народы уживаются, и то только тѣ, которые, можетъ быть, на своихъ плечахъ, своими личными страданіями вынесутъ человѣчество изъ жилища Минотавра. Пермское губернское земское собраніе слушаетъ докладъ коммисіи объ отношеніяхъ врачей къ земству и обратно. Начинаются жаркія пренія. Врачи требуютъ какого-то сепаратизма отъ земства; въ области земства они хотятъ создать какое-то status in statu.

— Пермскіе врачи окружили ореоломъ славы пермское земство! восклицаетъ врачъ Моллесонъ, который, замѣтимъ кстати, составилъ замѣчательную, бьющую въ глаза записку о санитарномъ положеніи шадринскаго земства, въ коемъ онъ послѣ служилъ, а можетъ быть и служитъ. Вообще, это, повидимому—очень живая и энергическая личность.

Восклицаніе это поднимаетъ бурю въ собраніи. Но земство не боится этой бури, не боится гласности. Напротивъ, послѣ рѣзкаго оклика г. Моллесона, пермское земство требуетъ «разработать этотъ вопросъ въ литературѣ». И литература дѣйствительно призывается на помощь. Но прежде, чѣмъ эта помощь пришла, дѣло не терпитъ. Вырабатывается проэктъ, такъ сказать, земско-врачебнаго устава, гдѣ врачи отгораживаютъ себѣ широкое поле въ земствѣ, какъ католическое духовенство въ государствѣ. Но и у пермскаго земства есть свои Бисмарки, которые хотятъ подчинить врачей земству, какъ Бисмаркъ хочетъ подтянуть католическое духовенство и прикрыть его прусской каской.

— Если этотъ проэктъ осуществится, восклицаетъ предсѣдатель смѣшанной комиссіи и осинской управы, г. Дягилевъ: — если проэктъ осуществится, то я не останусь ни одной минуты не только предсѣдателемъ управы, но даже гласнымъ.

И губернское собраніе рѣшаетъ: разработать вопросъ предварительно въ уѣздныхъ собраніяхъ и — *въ печати*.

Земства, которыя въ ряду другихъ земствъ обнаруживаютъ наибольшую, такъ сказать, даровитость, наибольшую чуткость и отзывчивость къ краевымъ интересамъ и потребностямъ, этою самою чуткостью своею угадали будущую силу свою въ возможной солидарности съ печатью. Вотъ почему наиболѣе чуткія къ своимъ интересамъ земства спѣшатъ заводить свои типографіи.

Къ этому прибѣгаетъ и красноуфимская управа-крестьянка. Она докладываетъ своему собранію: «Со времени введенія въ Пермской губерніи земскихъ учрежденій потребность въ печатаніи разныхъ матеріаловъ и отчетовъ до такой степени увеличила работы существующихъ до сего времени типографій, что онѣ, при всемъ своемъ стараніи и усиленіи своихъ механическихъ снарядовъ, никакъ не могутъ удовлетворять современному требованію печати». Необходимость земскихъ типографій управа-крестьянка мотивируетъ еще и другимъ побужденіемъ—желаніемъ связать земское дѣло съ публикой посредствомъ печати. Журналы земства и все, что̀ къ нимъ слѣдуетъ—говоритъ эта управа:—«должны быть печатаемы, для распространенія въ публикѣ, тотчасъ же по закрытіи сессій; между тѣмъ, за отсутствіемъ мѣстной типографіи, они печатаются весьма медленно, въ продолженіе цѣлаго года, а иногда даже болѣе, такъ что, когда выйдутъ въ свѣтъ, то не только для публики, но и для мѣстныхъ земскихъ дѣятелей не могутъ имѣть уже интереса». И собраніе убѣждается доводами управы-крестьянки и постановляетъ рѣшеніе объ открытіи своей типографіи. (Тамъ же, 363—366). Является какой-то студентъ семинаріи, Михаилъ Первушинъ и предлагаетъ управѣ-крестьянкѣ рукопись подъ заглавіемъ: «Отчего наши пожары и какъ ихъ уничтожить». Управа находитъ сочиненіе полезнымъ для народа, желаетъ, чтобы оно было напечатано — и предлагаетъ собранію разослать, «для грамотнаго простонародья», 500 экземпляровъ брошюры г. Первушина.

Въ жизни нашего земства, можно сказать, только что еще начинающейся, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на одно явленіе, будущее котораго можетъ грозить роковыми послѣдствіями для земства, если это послѣднее будетъ побѣждено силою, возникающею у него подъ бокомъ и притомъ питающеюся его же соками. Это—борьба городовъ съ земствомъ. Города, разжившись на счетъ уѣздовъ, начинаютъ сознавать, что имъ, относительно богатымъ и обезпеченнымъ, не выгодно жить вмѣстѣ и ѣсть одною ложкою и изъ одной чашки съ голоднымъ сосѣдомъ, со стороны города же обираемымъ уѣздомъ. И вотъ города начинаютъ мечтать о земско-городскомъ сепаратизмѣ, о выдѣленіи себя въ отдѣльныя земскія единицы. Зачѣмъ-де намъ тратиться на земскія дороги и мосты въ уѣздахъ, по которымъ мы ѣздимъ покупать хлѣбъ у мужиковъ или, вѣрнѣе, по которымъ мужики возятъ свой хлѣбъ къ намъ въ городъ на продажу? Зачѣмъ намъ, городамъ, принадлежа къ уѣздному земству, тратиться на земскія больницы и аптеки въ уѣздѣ, зачѣмъ истощать свои карманы на народныя школы, въ которыхъ будутъ учиться мужи-

чата? Лучше отдѣлимся отъ бѣднаго брата: ему дадимъ обширный дворъ, мало застроенный, но требующій ремонта, уступимъ ему уѣздъ, а себѣ оставимъ каменный домъ, лавку, торговую площадь,—оставимъ себѣ городъ. Это богачъ начинаетъ чувствовать невыгоду совмѣстнаго хозяйства и жизни съ бѣдиякомъ. Изъза этого начинается уже глухая, пока еще замаскированная борьба. Въ нѣкоторыхъ земствахъ она уже обнаруживается въ видѣ мелкой перестрѣлки. Такъ начинаетъ перестрѣливаться и красноуфимское земство съ своимъ городомъ. Въ этомъ городѣ во время весенняго водополья разрушается укрѣпленіе берега рѣки Уфы. Надо предохранить городъ отъ дальнѣйшаго разрушенія берега, грозящаго поглотить нѣкоторыя городскія постройки. И вотъ городъ обращается за пособіемъ къ земству—проситъ на укрѣпленіе берега болѣе четырехъ тысячъ рублей. Что же отвѣчаетъ на это управа-крестьянка? «Всякая платежная единица—докладываетъ крестьянка своему собранію—въ дѣлѣ земскаго хозяйства и приносимыхъ имъ пользъ имѣетъ право участвовать пропорціонально платимой ею суммѣ, а разсчитывать на большее въ счетъ другихъ плательщиковъ, если въ извѣстномъ предметѣ не видится солидарности, было бы весьма не раціонально. Такъ въ данномъ случаѣ, городъ, уплачивая земству извѣстную сумму налоговъ, желаетъ взять обратно болѣе, чѣмъ онъ платитъ, и по такому именно предмету, который рѣшительно не представляетъ другимъ плательщикамъ никакихъ выгодъ, а именно—платя уѣздному земству всѣхъ налоговъ 931 руб. 72 коп. и получая обратно на содержаніе двухъ училищъ и городовой больницъ, независимо снятія съ него натуральной повинности по содержанію красноуфимскаго тракта и земской гоньбы—1,318 р., желаетъ еще воспользоваться вышесказаннымъ пособіемъ на укрѣпленіе берега рѣки Уфы, каковая сумма будетъ вдвое болѣе платимой городомъ. Конечно, еще можно бы было при этомъ избѣжать повода къ устраненію ходатайства городскаго общества о выдачѣ ему просимаго пособія, если бы само оно, въ лицѣ его городоваго управленія, шло такъ-сказать рука объ руку съ земствомъ, но на дѣлѣ оказалось иначе. Напримѣръ: управа, въ виду пользы какъ земства, такъ не менѣе того и самого города, ходатайствовала объ отчужденіи въ пользу перваго принадлежащаго казнѣ зданія, въ которомъ прежде помѣщался острогъ, для примѣненія его къ городской больницѣ; но городъ, присвоивая его себѣ, вмѣсто того, чтобы сочувственно отнестись къ этому ходатайству, отказалъ управѣ, представляя причиною, что мѣсто, занимаемое этимъ зданіемъ, нужно для расширенія торговой площади, не сообразивъ даже и той пользы, что больница

земская—вмѣстѣ и городская, и что это избавило бы городъ отъ платежа наемной платы за содержаніе городской больницы». (Тамъ же, 372—374). Ясно, что это только дипломатическіе ультиматумы, а въ полѣ, гдѣ стоятъ арміи земская и городская, т. е. интересы уѣзда и города, мелкая перестрѣлка уже давно началась.

Эта мелкая перестрѣлка, заглушаемая барабаннымъ боемъ благонамѣренности и военной музыкой, фальшиво исполняющей національный гимнъ, слышится не со стороны однихъ городовъ, но и со стороны лицъ, органически болѣе связанныхъ съ богатыми городами, чѣмъ съ бѣдными уѣздами. Крупный владѣлецъ завода, фабрики, даже чиновникъ, живущій, повидимому, однимъ жалованьемъ—все это мѣтитъ стрѣльнуть въ уѣздъ, въ мужика и, если можно, упрекнуть въ томъ, что у него лапти слишкомъ роскошны.

Красноуфимское земское собраніе, руководимое предсѣдателемъ своимъ коллежскимъ совѣтникомъ Голубцовымъ, избираетъ ревизіонную комиссію для повѣрки дѣйствій управы-крестьянки. Въ предсѣдатели и члены комиссіи попадаютъ большею частью не крестьяне, а чиновники и купцы: представитель заводовладѣльцевъ—Одинцовъ, онъ и предсѣдатель комиссіи, представитель землевладѣльцевъ—Іуда Зайковъ, представитель вѣдомства государственныхъ имуществъ—чиновникъ Грамолинъ, представитель горнаго вѣдомства—чиновникъ Кавадеровъ и два купца Юшмановыхъ; остальные пять человѣкъ—крестьяне. Не безъ ядовитости, сильно подслащенной изысканною, но снисходительною любезностью, комиссія относится ко всѣмъ дѣйствіямъ управы-крестьянки. То и дѣло она шпигуетъ управу замѣчаніями слѣдующаго, напримѣръ, рода: управа относится къ губернскому земству съ вопросомъ: не приметъ ли на губернскій счетъ исправленіе сибирскаго тракта, и, не получая въ теченіи двухъ мѣсяцевъ изъ губернскаго города отвѣта («странно!» замѣчаетъ при этомъ случаѣ комиссія), нашлась вынужденной («будто бы!» вновь замѣчаетъ комиссія) отправить въ Пермь своего предсѣдателя для полученія отвѣта на свое ходатайство. Этотъ образъ дѣйствій управы-крестьянки комиссія находитъ «болѣе, чѣмъ страннымъ». Видно, что это—не столичное земство: тамъ языкъ сдержанный, вѣжливый; здѣсь къ управѣ-крестьянкѣ обращаются, напротивъ, довольно жостко, шероховато. О торгахъ на исправленіе сибирскаго тракта опять говорится ядовито: результатъ торговъ «невольно, будто бы, наводитъ комиссію *на тѣни сомнѣнія* въ заботливости земской управы о соблюденіи земскихъ интересовъ». Этого мало. Управу упрекаютъ въ неэкономномъ

исправленіи сибирскаго тракта, хотя отъ этого исправленія въ земствѣ, дѣйствительно, осталась экономія. «*Къ сожалѣнію*, замѣчаетъ комиссія:—*эта экономія* осталась только въ предположеніи, и, слѣдовательно, постоянное стремленіе управы къ пользѣ земскаго дѣла, *какъ она старается выставлять въ своихъ отчетахъ, затушевывается снѣжными сугробами* до 3 аршинъ толщиною, срыть которые, въ совокупности съ другими зимними работами по сибирскому тракту, управѣ стоило за 1872 годъ 1,588 р. 49¾ к. Этою суммою обходится, полагая трактъ въ 155 верстъ, каждая верста 10 р. 24 к., и, полагая 4 зимнихъ мѣсяца или 120 дней, по расходу падетъ на версту и на день 8½ к. сер. Если (вотъ гдѣ вся ядовитость замѣчанія) поставить на каждыя 10 верстъ человѣка съ лошадью, то онъ, проѣзжая каждый день свой районъ, положительно можетъ, употребляя два часа на проѣздъ и 6 часовъ на работу, не допустить ни малѣйшихъ ухабовъ и сугробовъ, получая за это 85 к.». Комиссія обвиняетъ управу въ несвоевременномъ распубликованіи о производствѣ торговъ на исправленіе дорогъ, въ неявкѣ на торги конкурентовъ, въ допущеніи къ торгамъ лицъ несостоятельныхъ, обвиняетъ даже въ мелочахъ, равняющихся цѣнностью выѣденному яйцу, и огуломъ — въ «несовсѣмъ хозяйственномъ образѣ дѣйствій», хотя и разсыпается въ любезностяхъ передъ управою крестьянкою по поводу высокопоставленнаго ею народнаго образованія, «которому—снисходительно признаетъ комиссія—данъ значительный толчокъ, и тѣмъ болѣе при учрежденіи въ уѣздѣ женскихъ школъ», и что вообще къ народному образованію управа оказываетъ «особенное вниманіе».

Замѣчательны, однако, заключительныя слова, обращенныя комиссіею къ управѣ-крестьянкѣ. Вотъ они: «Красноуфимская земская управа, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, несмотря на то, что она начала дѣла съ самыхъ юныхъ поръ земскихъ учрежденій, и несмотря на то, что *весь персоналъ управы состоялъ изъ крестьянскаго сословія*, неполучившій ни средняго, ни высшаго образованія, но при всемъ томъ комиссія, по всестороннемъ взглядѣ на дѣятельность красноуфимской земской управы, имѣя въ виду, что идеальнаго въ тлѣнномъ мірѣ пока еще не существовало, и принимая во вниманіе дѣятельность другихъ уѣздныхъ земскихъ управъ Пермской губерніи, въ составѣ коихъ находились и люди средняго и даже высшаго образованія, пришла окончательно къ положительному заключенію, что красноуфимская земская управа оправдала довѣріе красноуфимскаго земскаго собранія настолько, что дай Богъ, по мнѣнію комиссіи, чтобы и будущая управа въ новомъ своемъ соста-

вѣ (тоже вся изъ крестьянъ) сдѣлала, по крайней мѣрѣ, хотя то же, что̀ сдѣлала настоящая. Да не обидится, а тѣмъ болѣе не оскорбится настоящій составъ управы, что комиссія, при разсмотрѣніи и ревизіи его отчетовъ въ частности, для предупрежденія на будущее время недоразумѣній, рѣшилась выставить на видъ предъ собраніемъ нѣкоторыя, впрочемъ, не особенно важныя упущенія, которыя, въ виду новости дѣла и при распоряженіи управы такими громадными дѣлами и значительными суммами, — можно почти считать ничтожными» (тамъ же, стр. 378—387).

Видно, что нельзя было не преклониться передъ фактомъ, и комиссія нашлась вынужденною преклониться передъ управою-крестьянкою. Но за то управа-крестьянка не хочетъ преклониться передъ приговоромъ комиссіи. Она требуетъ, чтобы съ нея снята была даже *тѣнь* сомнѣнія въ чемъ бы то ни было. Управа говоритъ, что «тѣнь» какого-то сомнѣнія въ ея дѣйствіяхъ — это признакъ слѣпоты самой комиссіи; что «тамъ, гдѣ управа находила пользу для уѣзднаго земства, комиссія усмотрѣла незаботливость управы къ интересамъ его»; что перенесеніе содержанія сибирскаго тракта на губернскій счетъ «поставлено, такъ сказать, всецѣло управѣ въ вину, между тѣмъ, какъ управа такое свое дѣйствіе ставила критеріумомъ своей заботливости къ интересамъ земства». Обвиненіе управы въ томъ, будто экономія ея на сибирскомъ трактѣ «затушевалась трехъ-аршинными снѣжными сугробами», вызываетъ ловкій отвѣтъ со стороны крестьянки, и отвѣтъ этотъ заставляетъ убѣждаться, что управа настолько же права въ своихъ дѣйствіяхъ, насколько комиссія была не права въ своихъ заключеніяхъ и слѣпа тамъ, гдѣ зоркій глазъ крестьянки все предвидѣлъ заранѣе. Собраніе преклоняется передъ ея правотой и признаетъ несомнѣннымъ фактомъ то, что честная крестьянка «не прибѣгала къ фиктивной экономіи», чтобы замаскировать замаранность своего хвоста.

Главу эту мы начали крестьяниномъ Скачковымъ, — имъ она должна быть и кончена, потому что личность эта какъ бы совмѣщаетъ въ себѣ все красноуфимское земство.

Недавно одинъ господинъ возвращался черезъ Красноуфимскъ изъ Сибири, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ находился по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, и отъ скуки зашелъ съ такимъ же проѣзжимъ въ красноуфимское земское собраніе послушать, какъ, должно быть, смѣшно ораторствуютъ въ своихъ трущобныхъ парламентахъ какіе-нибудь красноуфимскіе Брайты и Кобдены. Входитъ и садится. У стола какая-то темная фигура что-

то говоритъ. Всѣ слушаютъ, и особенно внимательно слушаютъ люди въ зипунахъ, остриженные помужицки.

— Кто это говоритъ? спрашиваетъ проѣзжій изъ Сибири своего сосѣда, тоже проѣзжаго.

— Я близорукъ—не вижу: кажется, онъ читаетъ. Должно быть это какой-нибудь помѣщикъ-агрономъ, членъ вольнаго экономическаго общества.

Рѣчь дѣйствительно дѣльная, съ логической постановкой фактовъ и выводовъ. Видно, что говоритъ человѣкъ, знающій и не по наслышкѣ, а практически проштудировавшій то, о чемъ говоритъ. Проѣзжій выслушиваетъ внимательно рѣчь до конца. Потомъ съ вопросомъ: кто это говоритъ? обращается къ зипунамъ.

— Это Иванъ Иванычъ, отвѣчаютъ зипуны.

— Кто онъ?

— Скачковъ, нашъ крестьянинъ.

«Такъ-то говорятъ теперь въ Россіи крестьяне», бормочетъ проѣзжій въ недоумѣніи, выходя изъ красноуфимскаго земскаго собранія.

А это дѣйствительно читалъ свой докладъ собранію крестьянинъ Скачковъ — о принятіи на себя земствомъ инициативы въ замѣнѣ ручной обработки земли машиною. И предложеніе Скачкова было принято собраніемъ, а самъ онъ избранъ предсѣдателемъ земской управы (тамъ же, стр. 415—422).

V.

Съ дальнаго востока, отъ Рифейскихъ горъ, куда Александръ Филипповичъ Македонскій заклепалъ гоговъ и магоговъ, перейдемъ теперь въ самую старую, центральную, литературную Русь, въ тѣ историческія области Курскаго края, гдѣ живутъ потомки прославленныхъ пѣвцомъ слова о полку Игоревѣ—«куряне». Посмотримъ, каковы теперь, какъ дѣятели земства, стали эти «куряне», о которыхъ герой древней русской поэмы, князь русской земли, тогда еще крошечной, раздѣленной между полянами, словенами, радимичами, дреговичами, сѣверянами и древлянами, говоритъ: «а мои-ти куряне свѣдоми кмети, подъ шеломомъ взлелѣяны, конецъ копія вскормлены, пути имъ знаеми, яруги имъ свѣдоми, сами скачуть аки сѣрые волци, ищучи себѣ чти, а князю славы». Посмотримъ, какъ они теперь «ищутъ себѣ чести, а князю славы» и такіе ли они теперь, какъ во времена Игоря Святославича «свѣдомые кмети».

Передъ нами современное «Слово о полку Игоревѣ»—эта земская литература, и—въ данномъ случаѣ—изданія «курянъ», собственно изданія не самого курскаго губернскаго земства, а одного уѣзднаго, самаго можетъ быть дѣятельнаго во времена Игоря Святославича—именно земства дмитріевскаго. При самомъ первомъ взглядѣ на внѣшность литературы курянъ-дмитріевцевъ является какое-то сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли они остались такими же дѣятельными «кметями», какими были тогда, когда объ нихъ пѣли русскіе бояны. Передъ нами книжечки тощенькія, жиденькія. Въ то время, какъ присибирскіе или рифейскіе красноуфимцы и верхотурцы издаютъ книги о своей земской дѣятельности въ 430 страницъ (красноуфимцы) и въ 656 страницъ (верхотурцы), дмитріевскіе «куряне» даютъ только 92 страницы. Но можетъ быть «куряне» держатся знаменитой пословицы болтуновъ-римлянъ: «non multa, sed multum». Такъ нѣтъ, «куряне» даютъ и «non multa» и «non multum».

Чтобы фактически убѣдиться въ этомъ, возьмемъ книгу дмитріевскихъ «курянъ» о дѣятельности послѣдняго земскаго года. Открываетъ земское собраніе предсѣдатель Н. П. Лагофетъ. Служатъ молебенъ. Приводятъ къ присягѣ гласныхъ. Тотчасъ же «свѣдомые кмети» избираютъ секретаря собранія, и не избираютъ, а приглашаютъ. «Куряне» уже приглашаютъ къ себѣ въ секретари не крестьянина, какъ красноуфимцы, избравшіе себѣ секретаремъ крестьянина Скачкова, или какъ шадринцы, остановившіе свой выборъ на крестьянинѣ Алексѣѣ Начапкинѣ: у курянъ есть на комъ остановиться и помимо крестьянъ—и они приглашаютъ въ секретари собранія князя А. А. Шаховскаго. Но тутъ же и обнаруживается вся безцвѣтность, вся апатія, вся, такъ сказать, спустярукавность дѣятельности дмитріевскихъ «курянъ» въ земскомъ дѣлѣ, такъ что при сопоставленіи ихъ съ энергическими красноуфимцами пѣвецъ и Слова о полку Игоря не назвалъ бы ихъ теперь «свѣдомыми кметями», а скорѣе отнесъ бы къ нимъ эпитетъ «невѣгласи». Встаетъ гласный Н. Н. Волжинъ и проситъ управу (состоящую уже не изъ крестьянъ, а изъ дворянъ-землевладѣльцевъ, изъ двухъ Аладьиныхъ, предсѣдателя Петра Дорофѣевича Аладьина и члена Егора Дорофѣевича Аладьина и другихъ курянъ) представить собранію ея докладъ о переводѣ дорожныхъ сооруженій съ губернскаго сбора на уѣздный. Оказалось, что управа и не думала составлять доклада не только объ этомъ предметѣ, но и о какихъ бы то ни было дѣлахъ и предположеніяхъ земства. И вотъ—«видя затрудненіе управы за неподготовкою доклада или ея сужденія о томъ, гласный А. Ф. Волжинъ (другой уже, не Н. Н. Вол-

жинъ), состоя техникомъ при губернской управѣ и, будучи много разъ свидѣтелемъ преній въ губернскомъ земскомъ собраніи, подробно объяснилъ все бывшее тамъ» и тѣмъ вывелъ управу изъ неловкаго положенія (журналы Дмитріевскаго очеред. уѣз. зем. собранія, съ 1-го сент. по 10-е сент. 1874 г. Курскъ. 1874 г., стр. 2). Очевидно, что дмитріевскіе «куряне» оказались не «свѣдомыми кметями», а «несвѣдомыми» въ томъ именно, за что они восхваляются въ Словѣ о полку Игоревѣ: они не обращаютъ никакого вниманія на положеніе ихъ земскихъ дорогъ, а это буквально значитъ, что «пути имъ невѣдоми», «яруги имъ незнаеми». И чѣмъ дальше вы слѣдите за дѣятельностью дмитріевцевъ, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что они потеряли всю свою древнюю энергію, приводившую въ восторгъ одного изъ первыхъ русскихъ поэтовъ, непосредственнаго ученика полумиѳическаго Бояна. Избирается, по обыкновенію, ревизіонная комиссія для разсмотрѣнія дѣйствій земской управы за истекшій годъ, и обнаруживаетъ въ дѣяніяхъ этой управы безпорядокъ за безпорядкомъ, недосмотръ за недосмотромъ, а быть можетъ, и худшее что-либо. Ревизуется денежная отчетность, наводятся справки въ казначействѣ, и по справкѣ обнаруживается, что отъ прошлаго собранія до настоящаго, до дня ревизіи, т. е. въ теченіе почти года, предназначенный для земскихъ суммъ «ящикъ изъ казначейства не брался», слѣдовательно, всѣ поступившія въ теченіе года въ земскія руки суммы «не хранились въ ящикѣ», а гуляли невѣдомо гдѣ. (Тамъ же, стр. 4). Не слѣдуя своимъ предкамъ, которымъ всѣ «пути были свѣдоми», дмитріевцы, однако, т. е. члены земской управы любятъ хозяйственнымъ образомъ исправлять гати и «яруги», и потому комиссія деликатно на этотъ счетъ замѣчаетъ, что «было бы болѣе выгоднымъ, чтобы гати исправлялись съ подрядовъ». (Тамъ же, стр. 7). Въ то время, когда полудикіе гиперборейцы, красноуфимскіе земскіе крестьяне назначаютъ на народное образованіе до 25,000 р., дмитріевскіе «куряне» ограничиваются въ этомъ случаѣ еще болѣе скудною суммою, чѣмъ петербургское уѣздное земство: куряне на всѣ свои 30 народныхъ школъ ассигнуютъ только 5,500 р. Слѣдовательно, въ то время, когда полудикіе красноуфимскіе гиперборейцы даютъ на школу каждому изъ своихъ учащихся гиперборейскихъ пострѣлятъ 16 р. въ годъ, а петербуржцы ассигнуютъ дѣтямъ тѣхъ мужиковъ, которые очищаютъ ихъ городъ отъ снѣга и «золота», и дѣтямъ тѣхъ бабъ, которыя даютъ имъ мызное масло и молоко, по 5 р. на каждаго ученика въ годъ, въ это время потомки прославленныхъ «курянъ» отпускаютъ на содержаніе

школы только по 3 р. 66 к. въ годъ на учащагося—это менѣе, чѣмъ за кресло въ оперѣ на одинъ вечеръ. Замѣчателенъ гомерически-простой и безъискусственный отзывъ ревизіонной комиссіи относительно заботъ дмитріевской земской управы о народномъ образованіи. «Земская управа—говоритъ этотъ отзывъ—въ дѣлѣ народнаго образованія ограничивалась полученіемъ ассигнованныхъ на этотъ предметъ денегъ изъ казначейства съ передачею ихъ училищному совѣту. Сельскихъ училищъ члены управы, какъ видно, не посѣщали». (Тамъ же, стр. 9). Дѣйствительно, это болѣе, чѣмъ дѣвственное отношеніе земства къ дѣлу народнаго образованія, и этой дѣвственностью славятся столь прославленные когда-то «куряне». Какъ ни нетребовательна, какъ ни скромна въ этомъ отношеніи дмитріевская ревизіонная комиссія, но и она не удержалась, чтобъ не замѣтить, что тутъ что-то не такъ, не ладно. «Училищный совѣтъ сообщаетъ, говоритъ комиссія, что въ сельскихъ училищахъ обучается 1,500 дѣтей обоего пола, но при этомъ не объясняетъ, сколько изъ этого числа обучается дѣвочекъ. Между тѣмъ, зная, что этихъ послѣднихъ обучается самый незначительный процентъ, комиссія находитъ полезнымъ, дабы обращено было вниманіе на образованіе дѣвочекъ въ сельскихъ училищахъ наравнѣ съ мальчиками. Это необходимо болѣе потому, что дѣвочки, какъ будущія матери семействъ, по своему вліянію на будущее поколѣніе, могутъ содѣйствовать, чтобы обученіе грамотѣ сдѣлалось потребностію для населенія, и чрезъ это вопросъ объ обязательномъ обученіи грамотѣ разрѣшится самъ собою». (Тамъ же, стр. 10). Это робкое заявленіе нѣкоторыхъ «курянъ» о необходимости уравненія женскаго образованія съ мужскимъ по отношенію къ грамотности крестьянъ, кажется, еще болѣе робкимъ, когда мы припомнимъ, съ какою настойчивостью нѣкоторыя сѣверовосточныя земства не сходятъ съ поднятаго ими весьма смѣлаго, даже, можно сказать, дерзкаго въ глазахъ всей Европы вопроса — о *преимущественномъ* предоставленіи образованія крестьянской женщинѣ передъ мужчиной — дѣйствительно, смѣлая мысль, которая напугала одного изъ гласныхъ шадринскаго земства, именно г. Кикина, поспѣшившаго заявить, что въ усиленіи женскаго образованія «онъ усматриваетъ нѣкоторое неудобство, потому что тогда жены окажутся образованнѣе своихъ мужей» («Журн. шадр. земства» 1874, стр. 25). Мы надѣемся, впрочемъ, что, несмотря на это кикинское «Carthaginem delendam esse», шадринскіе римляне не разрушатъ женскаго Карѳагена, который сооружается тамъ съ такой энергіею.

Далѣе геркулесовыхъ столбовъ пошли дмитріевскіе «куряне»

по отношенію къ обезпеченію народнаго продовольствія. Оказывается, что въ Курской губерніи, въ этой житницѣ Россіи, во многихъ запасныхъ магазинахъ не находится ни зерна хлѣба, и хотя дмитріевское земское собраніе поручало своей управѣ озаботиться засыпкою хлѣба въ пустые магазины, но управа этого «не исполнила», а у члена управы Егора Дорофѣевича Аладьина комиссія не нашла даже книги, куда обязательно онъ долженъ былъ записывать свѣдѣнія о состояніи въ уѣздѣ запасныхъ магазиновъ. И вотъ ревизіонная комиссія, докладывая представителямъ земства о томъ, что «куряне», которые могли бы буквально зарыться въ чистомъ хлѣбѣ, могутъ и съ голоду помереть по своей собственной винѣ, заключаетъ: «Изложивъ собранію о *грустномъ положеніи* продовольственной части въ уѣздѣ и бѣдствіяхъ, угрожающихъ населенію въ случаѣ неурожая хлѣбовъ, комиссія имѣетъ честь представить собранію о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ пополненію хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и тѣмъ избѣгнуть бѣдствій, которыя въ прошломъ году постигли Самарскую губернію». (Тамъ же, стр. 11, 12). Тѣ же «грустныя» явленія замѣчаются и въ остальныхъ проявленіяхъ дѣятельности дмитріевской управы: ржаной хлѣбъ въ больницу покупается по 2 к. фунтъ, а онъ можетъ обойтись по $^5/_6$ к. фунтъ; говядина покупается по 9 к. за фунтъ, а на базарѣ ей цѣна—2 к. лучшій сортъ; съ солью — тоже «грусть». Строится новая больница отъ земства—и вдругъ окна въ ней оказываются малы, доски въ потолкахъ—разсохлись, потолки—отвисли и покоробились, концы потолочныхъ досокъ не заложены въ стѣнные пазы и т. д., и т. д. На весь уѣздъ нѣтъ ни одной акушерки и только—двѣ повитухи! Литература другихъ земствъ представляетъ богатѣйшіе матеріалы для статистики народнаго здоровья, свѣдѣнія о господствующихъ въ народѣ болѣзняхъ, о санитарномъ состояніи мѣстностей — ничего этого не даетъ жалкая литература дмитріевскихъ «курянъ». (Тамъ же, стр. 15—17). Собраніе, желая лично разрѣшить важнѣйшія земскія дѣла въ теченіе сессіи, проситъ членовъ управы «прочесть доклады, подготовленные управою на разсмотрѣніе собранія», и г. Аладьинъ, предсѣдатель управы, докладываетъ, что «таковыхъ вовсе нѣтъ»! Собраніе желаетъ знать, гдѣ хранились земскія суммы и какимъ порядкомъ онѣ расходовались — и г. Аладьинъ снова докладываетъ, что «деньги получались изъ казначейства и расходовались имъ по мѣрѣ надобности, безъ журнальныхъ постановленій, такъ какъ члены управы почти никогда не присутствовали!» И вотъ собраніе резюмируютъ дѣятельность управы такъ: «принимая во вниманіе запущенность въ дѣлахъ управы»... но оста-

навливается съ заключеніемъ, потому что еще не все кончено. Въ засѣданіи 3-го сентября предсѣдатель управы г. Аладьинъ представляетъ отчетъ управы по производству въ городѣ построекъ, и тутъ же заявляетъ, что «онъ по внезапной болѣзни удаляется». Собраніе поставлено въ тупикъ: предсѣдатель управы отказывается давать объясненія, а единственный оставшійся въ собраніи членъ заявляетъ, что оно «не можетъ» ихъ дать. (Тамъ же, стр. 27). Во всемъ сумбуръ невообразимый. Въ засѣданіи 4-го сентября гласный А. П. Шульцъ, между прочимъ, заявляетъ: «всякій мелкій торговецъ, заведя какую-либо торговлю, считаетъ необходимымъ завести хотя одну лошадь; наше же земство—не содержитъ при земской управѣ ни одной лошади». (Тамъ же, стр. 31). И это—«куряне», которые, по словамъ ученика Бояна-поэта, «рыщуть въ полѣ аки сѣрые волци, ищучи себѣ чти, а князю славы!»

Кончается, наконецъ, жалкая сессія курско-дмитріевскаго земскаго собранія. Гласный А. В. Пучнинъ заявляетъ, что «въ прежнія сессіи собраніе постоянно высказывало управѣ за ея дѣйствія свою благодарность или сожалѣніе — то выразить ей о томъ свое мнѣніе». И собраніе выражаетъ это мнѣніе такъ: «*сознавая полное равнодушіе бывшей управы къ интересамъ земства, выразить ей крайнее сожалѣніе!*» (Тамъ же, стр. 49).

Изъ Курскаго края переходимъ въ другой историческій край, который лежитъ еще ближе къ тому мѣсту, гдѣ впервые образовывалось ядро русской государственной жизни—переходимъ въ Малороссію и останавливаемся на одномъ изъ уѣздовъ Полтавской губерніи, на Золотоношскомъ. Пишущій это, еще во времена своего студенчества, задавшись мыслью непосредственно познакомиться со всею русскою литературою, начиная отъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и преимущественно сороковыхъ годовъ и кончая литературою текущею, и въ то же время чувствуя въ себѣ особое влеченіе не только къ изученію всего, что̀ ни писалось по-малорусски, но и къ составленію для себя библіотечки, по возможности всей, такъ сказать, украинской литературы, съ неудержимымъ молодымъ рвеніемъ пріобрѣталъ по этой части все, что̀ можно было пріобрѣсть, и списывалъ все, чего пріобрѣсть было нельзя. Въ журналѣ «Маякъ», въ 40-хъ годахъ, издававшемся г. Бурачкомъ, пишущій это находилъ не мало малорусскихъ стихотвореній, довольно глупыхъ и бездарныхъ, и въ числѣ ихъ было одно стихотвореніе о Золотоношѣ, начинавшееся такъ:

Маленька та хороша
Моя Золотоноша...

Такъ съ тѣхъ поръ Золотоноша и осталась въ нашемъ воображеніи съ эпитетомъ «маленька та хороша». Когда въ настоящее время мы перебирали разнообразныя изданія всѣхъ земствъ русской и малорусской половины нашего обширнаго отечества, мы не могли не остановиться съ особеннымъ любопытствомъ на печатныхъ оглашеніяхъ дѣятельности золотоношскаго земства. Намъ особенно любопытно было знать, какова земская работа этой «маленькой» да «хорошей» Золотоноши. Разсматривая списки гласныхъ золотоношскаго земства и кандидатовъ къ нимъ, вы поражаетесь, если не преобладаніемъ, то значительностью въ нихъ числа «казаковъ», подобно тому, какъ поражало васъ преобладаніе крестьянъ-гласныхъ въ земствахъ сѣверо-восточной русской окраины. Здѣсь разумѣются казаки малороссійскіе, украинскіе, потомки запорожцевъ и тѣхъ нестроевыхъ казаковъ, изъ-за численности и правъ которыхъ пролито было когда-то столько польской и украинской крови. Слѣдовательно, нынѣшніе земскіе дѣятели казаки — это потомки тѣхъ громкихъ политическихъ дѣятелей, которые даже окуривали дымомъ своихъ мушкетовъ стѣны Цареграда, а крымскимъ ханамъ писали такіе дипломатическіе ноты и ультиматумы, которые нерѣдко отличались крайнею не только не сдержанностью и неполитичностью, но даже непечатностью выраженій. Въ земствахъ сѣверовосточныхъ окраинъ рядомъ съ гласными-крестьянами мы видѣли большею частью гласныхъ священниковъ и купцовъ, но очень мало чиновниковъ и землевладѣльцевъ. Здѣсь, напротивъ, рядомъ съ «казаками» мы видимъ и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и генералъ-маіора, и полковника, и поручика, и ротмистра, и капитана гвардіи, и всѣхъ чиновъ людей до коллежскаго регистратора включительно. Званіе, общественное положеніе, образованіе и прошедшее гласнаго—это очень важная статья въ земскомъ дѣлѣ, почему мы и останавливаемся на этомъ обстоятельствѣ. Національность — также не послѣдняя статья въ этомъ случаѣ. Въ золотоношскомъ земствѣ мы видимъ большею частью украинцевъ «чистой крови», pur sang: тутъ только и попадаются фамиліи—Марковичъ, Бѣда, Лазаренко, Носенко, Савичъ, Коропъ, Косюра, Томара, Усъ, Деркачъ, Иваненко, Ильяшенко, Денисенко, Каюнъ, Бабичъ, Марченко, Сушко, Строкань, Пискунъ, Товбичъ, Шкиря, Яковенко, Кириченко, Бѣлуха-Кохановскій, Жадько, Калашникъ, Тищенко, Козуля, Захарченко, Собко, Кенеберда, Заецъ, Болута, Дворный, Камышный, Радикъ, Бородай. Однихъ казаковъ въ составѣ гласныхъ и кандидатовъ мы насчитываемъ 27. Но за то много гласныхъ и изъ родовитыхъ, старинныхъ панскихъ домовъ, нынѣ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Крестьянъ всего семь человѣкъ. Что касается до активнаго состава земскаго собранія, то въ немъ преобладаютъ не казаки, но панскій элементъ.

Какъ же дѣйствуютъ въ земскомъ выборномъ дѣлѣ эти потомки украинцевъ, когда-то выбиравшихъ себѣ гетмановъ и кошевыхъ атамановъ, этихъ почти диктаторовъ и консуловъ древняго Рима, и не только выбиравшихъ ихъ вольными голосами на публичныхъ, народныхъ сборищахъ, радахъ, но и смѣщавшихъ ихъ за малѣйшую провинность передъ общественнымъ мнѣніемъ, за тѣнь сомнѣнія, за трусость, нераспорядительность, мало того, что смѣщавшихъ — убивавшихъ иногда публично по громадскому суду и безъ суда? Какъ ведутъ теперь свое не хитрое, не политическое, но чисто земское дѣло праправнуки безпокойныхъ, отважныхъ и свободолюбивыхъ распорядителей судебъ Украйны, этой едва ли не лучшей во многихъ отношеніяхъ половины всей великой русской земли? Умѣютъ ли они теперь распоряжаться—не судьбами, а просто путями сообщенія, мостами, переправами, хлѣбными магазинами, народными школами и общественнымъ хозяйствомъ своего края? Вопросы эти очень важны. Отвѣтъ на нихъ покажетъ намъ, всегда ли бываетъ прошлое учителемъ настоящему и всегда ли историческая и политическая жизнь народовъ даетъ поучительные и воспитательные примѣры для будущихъ поколѣній этихъ народовъ.

Предводитель мѣстнаго дворянства, М. М. Томара, открываетъ золотоношское земское собраніе. Секретаремъ собранія единогласно избирается гласный Я. Ф. Усъ, коллежскій секретарь. Это—опять уже не крестьянинъ Скачковъ или Начапкинъ, а безъ сомнѣнія человѣкъ, получившій университетское образованіе. Да и въ управѣ сидятъ не крестьяне, а корнеты, гвардейскіе офицеры, чиновники, и только одинъ крестьянинъ Келеберда. Но жизни, движенія, борьбы какъ-то не видится ни въ дѣятельности управы, ни во всей земской работѣ. Это движеніе не обнаруживается даже въ преніяхъ собранія по самымъ живымъ вопросамъ земства. Разсматривается положеніе въ уѣздѣ дорожной части. Отчетъ говоритъ, будто въ собраніи происходили по этому предмету «оживленныя пренія», но въ чемъ они состояли, какія стороны предмета вызывали особенное оживленіе—изъ отчета мы не видимъ этого и должны вѣрить книгѣ на слово. Идутъ пренія о состояніи медицинской части въ уѣздѣ. По бумагамъ видно, что все «обстоитъ благополучно». Но не то на дѣлѣ. Это подтверждаетъ гласный Бѣлуха-Кохановскій.

— Я со всѣхъ сторонъ слышу о неудовлетворительномъ состояніи этой важной части, говоритъ онъ:—врачи не посѣщаютъ

больныхъ поселянъ, фельдшера ничего не дѣлаютъ, и за ними никакого контроля нѣтъ. Желая повѣрить, насколько возможно, эти слухи, я прибылъ въ свое имѣніе, въ село Вознесенское и, по праву члена губернскаго по крестьнскимъ дѣламъ присутствія, потребовалъ отъ волостнаго старшины свѣдѣній объ этомъ. Старшина мнѣ донесъ, что съ 1-го января по 1-е іюня вознесенская волость не была посѣщаема врачемъ, а оспа не привита болѣе чѣмъ 400 младенцамъ. Между тѣмъ изъ отчетовъ управы и доклада ревизіонной комиссіи видно, что медицинская часть идетъ успѣшно. Поэтому я вправѣ полагать, что цифра, показанная въ отчетѣ управы за больныхъ (это—патавинизмъ въ выраженіи, провинціализмъ), только существуетъ на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Я полагаю, что устройство медицинской части въ нашемъ уѣздѣ требуетъ безотлагательныхъ коренныхъ преобразованій.

Казакъ Шкиря подтверждаетъ слова генерала Бѣлухи-Кохановскаго.

— Селенія Бѣлоусовской волости также не посѣщаются врачемъ, говоритъ онъ:—и тамъ нѣтъ вовсе фельдшера.

Собраніе, въ виду доказательствъ со всѣхъ сторонъ, убѣждается, что «медицинская часть въ Золотоношскомъ уѣздѣ находится дѣйствительно въ неудовлетворительномъ состояніи» («Сводъ журналовъ и постановленій золотоношскаго X-го очеред. уѣзд. зем. собр.». Полтава. 1874, стр. 12, 16, 17). Надо было во что бы то ни стало вывести уѣздъ изъ такого положенія. Тотъ же г. Бѣлуха-Кохановскій предлагаетъ для контроля за дѣйствіями врачей принять тотъ порядокъ, какой введенъ полтавскимъ земствомъ, именно—управа выдаетъ каждому земскому врачу книжку съ ярлычками, изъ которой врачъ, при посѣщеніи больныхъ, вырѣзаетъ ярлычекъ и, прописавъ на немъ званіе и фамилію больнаго и мѣсто, гдѣ подано пособіе, время посѣщенія больнаго, а также и средства ему прописанныя, отдаетъ этотъ ярлычекъ больному, отъ больныхъ же ярлычки передаются въ волостное правленіе, а оттуда въ управу. И собраніе принимаетъ предложеніе г. Бѣлухи. Но это не все: казнь управы за ея невниманіе къ здоровью народа этимъ не кончается. Встаетъ гласный Томара.

— Изъ разсмотрѣнія статей смѣты управы и ревизіонной комиссіи по дѣлу медицинской части въ городѣ, а также изъ происходившихъ по этому предмету преній и объясненій, данныхъ предсѣдателемъ управы, г. Самойловымъ, оказывается (говоритъ г. Томара), что земское аптечное дѣло въ уѣздѣ находится въ безпорядочномъ состояніи и, какъ видно, управа довольствова-

лась лишь формальной стороной дѣла, пренебрегая вполнѣ сущностью его. Въ виду этого, я нахожу необходимымъ *выразить управѣ неодобреніе* по этой статьѣ отчета, поручивъ ей привести въ порядокъ отчетное дѣло, принявъ во вниманіе поводы, послужившіе къ настоящему опредѣленію и, выяснивъ дѣйствительныя средства аптекъ, благонадежные или неблагонадежные долги, обо всемъ этомъ представить будущему собранію.

И собраніе «выражаетъ управѣ свое неодобреніе». Дмитріевскимъ «курянамъ», какъ мы видѣли, представители земства «выразили крайнее сожалѣніе»... «Неодобреніе», «сожалѣніе»—ничего этого не приходилось выслушивать крестьянамъ, завѣдывавшимъ земскими дѣлами нашихъ сѣверо-восточныхъ окраинъ, темнымъ верхотурцамъ, красноуфимцамъ, шадринцамъ, а выслушиваютъ потомки гетмановъ Малороссіи, потомки кошевыхъ атамановъ Запорожья, потомки бунчуковыхъ товарищей, генеральныхъ подскарбіевъ, народныхъ пословъ, историческихъ героевъ... Странно, очень странно! Прошлое не всегда, значитъ, бываетъ учителемъ настоящему, историческая и политическая жизнь народовъ не всегда даетъ поучительные и воспитательные примѣры для будущихъ поколѣній этихъ народовъ...

«Неодобреніе» представителей золотоношскаго земства мѣстной управѣ было выражено 30-го іюня 1874 года. На другой день, 1 іюля—новое «неодобреніе», но уже не исполнительному органу земства, а нѣкоторымъ изъ самихъ представителей уѣзда, изъ членовъ собранія. Дѣло было такъ. Когда, на другой день послѣ изъявленія «неодобренія» управѣ, «собраніе пожелало выслушать докладъ ревизіонной комиссіи»—самой комиссіи въ собраніи не оказалось. И вотъ собраніе вновь прибѣгаетъ къ нравственно-карательной мѣрѣ. Составляется постановленіе: такъ какъ «никого изъ членовъ комиссіи ко времени разсмотрѣнія доклада въ засѣданіи не оказалось и послѣ продолжительнаго ожиданія никто изъ членовъ комиссіи не явился, то собраніе не могло не видѣть въ этомъ невниманія гг. членовъ ревизіонной комиссіи къ собранію и уклоненія отъ исполненія ими принятой на себя обязанности», а потому постановило: «выразить членамъ комиссіи неодобреніе за ихъ невниманіе къ собранію и неисполненіе обязанности, а представленный ими докладъ оставить безъ разрѣшенія; обревизованіе же отчета управы за 1873 годъ поручить новой комиссіи». Начинаются выборы предсѣдателя и новыхъ членовъ управы и выборы губернскихъ гласныхъ. По окончаніи выборовъ въ собраніе является одинъ изъ членовъ наказанной земскимъ «неодобреніемъ» комиссіи, г. Цыбенко. Онъ заявляетъ, что, узнавъ о состоявшемся, во время его отсутствія

изъ собранія, какомъ-то постановленіи, относящемся до членовъ ревизіонной комиссіи, онъ проситъ собраніе объявить ему, въ чемъ именно заключается это постановленіе. Ему объявляютъ. На это г. Цыбенко объясняетъ, что оба эти дня онъ постоянно присутствовалъ въ собраніи и ждалъ, когда отъ него потребуютъ чтенія доклада ревизіонной комиссіи, что, если онъ и отлучился изъ сегодняшняго засѣданія, то никакъ не полагалъ, чтобы въ этотъ короткій промежутокъ времени потребовалось чтеніе доклада. Затѣмъ онъ проситъ собраніе дозволить ему прочесть докладъ. Собраніе смягчается. «Признавая объясненіе г. Цыбенко удовлетворительнымъ по отношенію къ нему, выраженное со стороны собранія неодобреніе членамъ ревизіонной комиссіи къ г. Цыбенко не относить», постановляетъ собраніе. На другой день, 2-го іюля, въ собраніе является новый членъ ревизіонной комиссіи, г. Кандыба, и заявляетъ, что «онъ не могъ прибыть въ предыдущее засѣданіе по причинѣ страданія болью въ раненой ногѣ». И собраніе вновь смягчается. «Признавая причину неявки г. Кандыбы совершенно заслуживающею уваженія, выраженное собраніемъ неодобреніе членамъ ревизіонной комиссіи къ г. Кандыбѣ не относить», вновь постановляетъ собраніе. Но этимъ дѣло не кончается: съ однихъ снимается «неодобреніе», на другихъ снова налагается.

Читаютъ докладъ о народномъ продовольствіи. Продовольственная часть, какъ и медицинская, оказывается въ неудовлетворительномъ состояніи. Хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ не перемѣняется, портится, недоимки хлѣба неизвѣстны. Гласный Н. А. Савичъ грозитъ бѣдственными послѣдствіями для населенія отъ такого положенія дѣлъ. Собраніе сугубо постановляетъ: «выразить управѣ неодобреніе за ея дѣйствіе по этому дѣлу». Управа повинуется. Только раненый членъ ревизіонной комиссіи не можетъ простить собранію, что и онъ въ числѣ прочихъ членовъ комиссіи подвергся «неодобренію» представителей земства.

— Хотя собраніе и осталось недовольнымъ дѣйствіями комиссіи, заявляетъ онъ:—но я полагаю, что для того, чтобы требовать отъ комиссіи такого строгаго отчета по обревизованію годичной дѣятельности управы, слѣдовало бы дать комиссіи инструкцію.

— Я нахожу, возражаетъ на это г. Бѣлуха-Кохановскій:—что лица, коимъ довѣряется повѣрка дѣйствій управы, въ этомъ не нуждаются. Гг. ревизоры должны относиться къ дѣлу съ сознаніемъ значенія возлагаемаго на нихъ порученія. На земскую ревизію слѣдуетъ смотрѣть не какъ на простую только формальность: она

должна представить не одну повѣрку цифръ, а строгую оцѣнку дѣйствій управы, насколько дѣйствія ея удовлетворяютъ требованіямъ земскаго собранія, насколько издержки, на какой-либо предметъ назначенныя, особенно если издержки эти велики, соотвѣтствуютъ своему назначенію. Недостаточно, напримѣръ, показать, что на какое-либо сооруженіе назначено 3,000 р., взято это сооруженіе съ торговъ за 2,350 р.—управа права; но произведены ли работы удовлетворительно—рѣшить это должна комиссія. Однимъ словомъ, я нахожу, что земская ревизія должна носить иной характеръ, чѣмъ тѣ ревизіи, которыя въ общихъ формахъ выражаются, что все обстоитъ благополучно.

По разсмотрѣніи другихъ дѣлъ, весьма рядовыхъ и мелочныхъ, собраніе объявлено закрытымъ. Оглядываясь назадъ на всю совокупную работу этого земства, мы видимъ, что въ ней чего-то недостаетъ. Недостаетъ въ ней—жизни и творчества. Представители земства не могутъ не видѣть, что въ ихъ земскомъ дѣлѣ царитъ запущенность, апатія, какое-то неохотное, точно насильственное отношеніе къ дѣлу—и свѣжія силы ни откуда не являются, чтобъ оживотворить то, въ чемъ лежитъ зерно несомнѣнной живучести, движенія, развитія. Вотъ почему жалкою представляется намъ картина этихъ метропольныхъ и южныхъ, конечно не всѣхъ, земствъ нашихъ, гдѣ люди копошатся, и даже не копошатся около своей широкой задачи, а ходятъ около нея сонно, апатично, точно она имъ чужая, не симпатичная задача. Тамъ, дмитріевскіе «куряне» выражаютъ сами себѣ «крайнее сожалѣніе», здѣсь—потомки Байды, Свирговскаго, Подковы, Тараса, Богдана Хмѣльницкаго, Павлюка, Остряницы, Наливайка, Пушкаря, Выговскаго, Дорошенки, Полуботка, Желѣзняка, Гонта выражаютъ сами себѣ «неодобреніе», и нѣтъ, повидимому, ни одного крупнаго таланта, ни одной молодой, горячей головы, которая бы вѣрила въ будущность своего дѣла и своего призванія и заставила бы другихъ увѣровать въ него. Отъ всего несетъ и отдаетъ старчествомъ. А между тѣмъ, на далекомъ сѣверо-востокѣ прорывается не одинъ талантъ, поднимается не одна горячая голова, которая, можетъ быть столько же богатая вѣрою въ свои силы и силы другихъ, сколько и наивнымъ невѣдѣніемъ, силится сдвинуть съ мѣста Сизифовъ камень и, повидимому, сдвигаетъ его, можетъ быть потому, что въ самомъ дѣлѣ вѣра въ идею способна двигать горами. Глядя на земскую работу, какъ-то невольно поддаешься сомнѣнію въ силѣ историческаго опыта: такъ и кажется, что онъ-то и есть тормозъ всякаго движенія—этотъ историческій опытъ, отнимающій даже у молодости вѣру въ свои силы и въ неизбѣжность грядущаго

торжества всего лучшаго надъ всѣмъ худшимъ. Въ то время, когда богатые историческимъ опытомъ образованные представители земства какъ бы съ отчаянья махаютъ на все рукой и изрекаютъ себѣ то «крайнее сожалѣніе», то «неодобреніе», юные и богатые невѣдѣніемъ крестьяне какой нибудь Красіоновки собираются на сходку и печалуются «объ улучшеніи быта своего красіоновскаго народнаго училища», а средствъ-то не хватаетъ: двѣ общественныя избы, въ которыхъ помѣщается училище, пришли въ ветхость, а построить новый домъ не на что. И вотъ на сходкѣ собираютъ 75 руб., и зданіе будущаго разсадника знаній уже строится. О томъ же печалуются и обыватели мѣстечка Жовнина; но денегъ у нихъ нѣтъ. Богатые вѣрой въ будущее, они не падаютъ духомъ, не выражаютъ себѣ ни «сожалѣнія», ни «неодобренія», а просятъ у земства пособія въ размѣрѣ 100 руб. Надо надѣяться, что и вѣра жовнинцевъ не обманетъ ихъ. («Сводъ журн. и постан. золотон. зем. собр.», стр. 18, 34, 35, 36, 96, 99—101, 107, 188, 189).

VI.

Не выходя изъ Малороссіи, мы подвинемся теперь ближе къ ея центру, къ Кіеву, и остановимся на одной изъ памятныхъ въ исторіи Украины мѣстностей, на Прилукахъ. Тутъ былъ когда-то одинъ изъ центровъ политической жизни лѣвобережной половины Украины, которая поперемѣнно тяготѣла то къ Переяславлю, то къ Прилукамъ, раздѣляя отчасти это тяготѣніе и съ другими городами, которые, какъ средоточіе малороссійскихъ полковъ, составляли отдѣльныя федеративныя единицы, въ свою очередь тяготѣвшія къ общему центру всего края, къ Кіеву. О славѣ и популярности Прилукъ говоритъ и извѣстная пѣсня, сильно распространенная не только въ украинскомъ народѣ, но и въ Великой Россіи, пѣсня, въ которой Прилуки ставятся рядомъ съ Полтавою:

Одъ Полтавы до Прилуки
Заломала закаблуки...

Обращаясь прежде всего къ литературѣ прилукскаго земства, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она находится какъ бы въ дѣтскомъ состояніи, изъ котораго хотя и желала бы выйти, но, подъ вліяніемъ условій, быть можетъ, намъ неизвѣстныхъ, продолжаетъ оставаться пока въ младенческомъ состояніи. Для развитія ей недостаетъ главнаго фактора, необходимаго въ данномъ случаѣ помимо другихъ, внутреннихъ условій жизни, — и

именно: ей недостаетъ типографскаго станка. Въ Прилукахъ нѣтъ своей типографіи ни земской, ни частной. Правда, отсутствіе типографій мы замѣчаемъ и въ другихъ городахъ, даже въ большинствѣ ихъ, исключая городовъ губернскихъ, гдѣ типографскій станокъ и печать пріютились при губернскихъ правленіяхъ, какъ передаточные органы правительственныхъ распоряженій. Мы не говоримъ о городахъ сѣверо-восточныхъ окраинъ, столь часто нами упоминаемыхъ: тамъ печать уже пріобрѣтаетъ мѣстное гражданство и типографскій станокъ нашелъ для себя тамъ работу не при однихъ губернскихъ правленіяхъ, но и въ глухихъ уѣздныхъ городкахъ. Зато Прилуки сдѣлали уже переходный шагъ въ этомъ отношеніи отъ младенчества къ отрочеству. Прилукское земство разсудило, что для сокращенія расходовъ на письмо выгоднѣе будетъ обзавестись на первый разъ, если не типографскимъ, то литографскимъ станкомъ, и, испросивъ на это разрѣшеніе губернатора, выписало станокъ съ шестью камнями изъ магазина Франца Марка въ Петербургѣ. Все это обошлось земству въ 422 руб. Литографу оно платитъ по 70 коп. за каждый рабочій день. И вотъ, мы не безъ удивленія видимъ, что прилукская земская литература является литографированною. Хотя это и напоминаетъ намъ нашу молодежь, когда нѣкоторые изъ нашихъ прилежныхъ товарищей-студентовъ обзаводились литографированными лекціями профессоровъ, чтобъ каждый годъ не записывать лекцій и тѣмъ не загромождать науку излишними научными новостями, однако, лучше имѣть дѣло съ литографированной земской литературой, чѣмъ съ писанной, или—что̀ еще хуже—не имѣть ни печатной, ни писанной. У сызранскаго земства, напримѣръ, литература писанная, напоминающая собою литературу раскольничью или то доброе старое время, когда Пушкинъ въ провинціяхъ ходилъ въ рукописяхъ, или даже то далекое прошлое, когда мысль и дѣянія человѣческія прикрѣплялись къ бумагѣ и къ пергаменту только въ монастырскихъ кельяхъ и когда книга была такою же рѣдкостью и драгоцѣнностью, какъ нынѣ картина Рафаэля или работа Бенвенуто-Челлини. И кромѣ сызранскаго есть много земствъ, довольствующихся пока писанною литературою и не смѣющихъ мечтать о типографскомъ станкѣ.

Въ прилукскомъ земствѣ, какъ и въ золотоношскомъ, не мало дѣятелей изъ простаго казацкаго сословія, хотя здѣсь значительно преобладаетъ между гласными процентъ представителей земства изъ привилегированныхъ сословій, изъ бывшихъ помѣщиковъ и чиновниковъ, чѣмъ изъ казаковъ и крестьянъ. На 10 казаковъ и 3 крестьянъ приходится 33 гласныхъ другихъ со-

словій, между коими есть и графъ, и генералъ-маіоръ, и тайный совѣтникъ, не мало отставныхъ военныхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, четыре купца и два священника. Есть и евреи. Фамиліи и здѣсь, какъ въ Золотоношѣ, преимущественно украинскія — Макаренко, Кудлай, Лахно, Гукъ, Ярмакъ, Самойленко, Котеленецъ, Роликъ, Скоропадскій, Московченко, Ковганъ, Кочубей, Горленко, Забѣла. Главные дѣятели, слѣдовательно — опять-таки не крестьяне. Секретаремъ собранія избирается не крестьянинъ, а губернскій секретарь Свирскій. Вся дѣятельность прилукскаго земства, какъ видно изъ его литературы, представляется чѣмъ-то скромнымъ, тихимъ, добросовѣстно, безъ порывовъ и увлеченій, но и безъ предосудительной апатіи и равнодушія исполняющимъ свое скромное дѣло. На первыхъ же порахъ, на первой страницѣ книги, изданной въ мѣстной литографіи, собраніе изъявляетъ земской управѣ не «неодобреніе» и не «сожалѣніе», а благодарность; благодарность выражаетъ оно и ревизіонной комиссіи. Во всемъ хозяйствѣ земства, въ его начинаніяхъ и рѣшеніяхъ не видно ничего выдающагося, но зато вездѣ, повидимому, порядокъ, все на мѣстѣ, маленькая работка дѣлается не спѣша, но съ достаточнымъ усердіемъ. Хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ цѣлъ, даже находится «лишекъ», какъ выражаются прилучане, и этотъ «лишекъ» возвращается крестьянамъ. Ассигнуемые на усиленіе женскаго образованія 200 руб. полностью передаются въ вѣдѣніе училищнаго совѣта; на этотъ предметъ даже хранится 500 руб. въ банкѣ. Эскадроны по селамъ распредѣлены хорошо, хотя не безъ обремененія для крестьянъ. Доктора свое дѣло дѣлаютъ, ветеринары—тоже. Всѣ порученія собранія управою исполнены, такъ что собраніе проситъ предсѣдателя управы, г. Александровича, остаться въ своемъ званіи еще на трехлѣтіе, но онъ «и послѣ усиленныхъ и неоднократно повторявшихся просьбъ» положительно отказывается продолжать службу, и вмѣсто него избирается г. Милорадовичъ, а членами—гг. Горленко, Самойленко и Макаренко. Не болѣе какъ въ четыре засѣданія собраніе сдѣлало все и, видя, что ему больше дѣлать нечего, закрылось.

Повторяемъ — вся маленькая работка земства идетъ тихо, скромно и какъ-то миніатюрно. Въ крошечномъ отчетикѣ управы также все скромно, все на мѣстѣ и всего понемножку: есть глава «о медицинѣ», есть особая глава и «о ветеринаріи», изъ которой видно, что фельдшеръ Сливка дѣлаетъ свое дѣло тоже скромно и тихо. Отчетъ училищнаго совѣта также вполнѣ добропорядоченъ, и, хотя онъ самъ о себѣ говоритъ, что «настоящій отчетъ будетъ заключать въ себѣ много статистиче-

скихъ данныхъ и таблицъ», но это «много» надо понимать въ скромномъ прилукскомъ смыслѣ: въ отчетѣ всего двѣ съ половиною таблички, изъ коихъ въ первой поименованы 20 училищъ земскихъ, во второй 38 общественныхъ - крестьянскихъ и въ половинѣ третьей—6 училищъ городскихъ. Прилукское земство также скромно отпускаетъ и на народное образованіе изъ земскихъ суммъ—именно 4,193 р. 7½ к.—не то, что красноуфимцы или шадринцы, отваливающіе на свои школы по 25,000 руб. и болѣе. Но зато, при этой скромности, Прилукскій уѣздъ имѣетъ 64 училища — вдвое болѣе, чѣмъ всѣ доселѣ наши извѣстные уѣзды, вдвое болѣе, чѣмъ даже Петербургскій. Скромныя, а по выраженію училищнаго совѣта, «щедрыя пожертвованія» земства на народное образованіе, «нисколько не повредили дѣлу возможнымъ развитіемъ въ сельскомъ населеніи безпечной надежды на земскую помощь», и дѣйствительно крестьяне сами не даютъ своимъ школамъ зачахнуть, а поддерживаютъ ихъ, сколько могутъ. При этой скромности въ Прилукскомъ уѣздѣ считается 2,056 учащихся—опять-таки почти вдвое, чѣмъ во всѣхъ доселѣ нами разсмотрѣнныхъ уѣздахъ. Только дѣвочекъ-украиночекъ учится пока очень мало—всего 133 дѣвочки на цѣлый уѣздъ. При этой скромности, наконецъ, на помощь народному образованію приходитъ частная благотворительность, и вотъ мы можемъ привести здѣсь имена тѣхъ благородныхъ пособниковъ народнаго образованія, къ которымъ съ благодарностью относится и прилукское земство: это—гг. Скоропадскій, Маркевичъ, Омельяненко, Джигурда, Погибко, Сорока, Троцина, Семенченко и братья Лазовые. (Постановленія X-го очереднаго прилукскаго уѣзднаго земскаго собранія 1874 г. и отчетъ о дѣйствіяхъ прилукской уѣздной земской управы. Прилуки, 1874 г., стр. 3—10, 16, 101, 180, 183—187, 189, 194, 199, 204—207).

Изъ поэтической Украины, изъ историческаго Приднѣпровья, гдѣ когда-то гуляли запорожцы, перенесемся теперь въ Поволжье, почему-то называющееся вольнымъ, въ то Поволжье, гдѣ еще такъ недавно гуляла «понизовая вольница» и гдѣ еще до сихъ поръ иногда раздается тотъ «стонъ, который пѣснью зовется», стонъ бурлака, этого историческаго героя русской земли, героя того проклятаго непосильнаго мускульнаго труда, который пѣсню превращаетъ въ стонъ, а человѣка—въ коноводную машину. Мы остановимся не на юномъ Поволжьѣ, не на самарскомъ и не на саратовскомъ краѣ, а на Поволжьѣ болѣе старомъ, уже историческомъ, куда еще при первыхъ московскихъ царяхъ заброшено было зерно русской государственности. Мы остановимся на симбирскомъ Поволжьѣ, на которомъ, такъ сказать, почіютъ и

далекія, и близкія историческія воспоминанія русской земли, какъ на краѣ, коимъ восхищались когда-то, на походѣ противъ казанскаго царства, Иванъ Грозный и Курбскій, ибо полки ихъ, говорится въ царственной книгѣ, «всюду яко Богомъ уготованну пищу обрѣтаху на поли, убо всякимъ благовоннымъ овощіемъ довляхуся, въ рѣкахъ же множество рыбъ ловяху, отъ воздуха же множество птицъ прилетаху и во всѣхъ полцѣхъ на землѣ приподаху, черемиса же и мордва вся потребная приношаху, хлѣбъ и медъ, и говядины, ова дарованіемъ, иная же продаваху», какъ на краѣ, наконецъ, считающемся родиною нашего славнаго историка Карамзина. Теперь уже нѣтъ здѣсь того естественнаго изобилія, какимъ отличалось полудикое, дѣвственное Поволжье при Грозномъ: ни птицы сами не прилетаютъ, ни рыбы такъ легко не ловятся, ни даже хлѣбъ въ полѣ не обрѣтается. Все здѣсь пріобрѣтается тяжелымъ трудомъ, и даже земское дѣло идетъ туго, вяло, точно въ сейчасъ оставленной нами Украинѣ. Видятся только добрыя попытки, добрыя начинанія, но все это какъ-то не смѣло, скряжнически, безъ молодого задора, какой мы видѣли въ Приуральѣ. Не знаешь, чему и приписать это — тому, ли, что взяться нечѣмъ, или тому, что взяться некому: людей нѣтъ, молодости нѣтъ, вѣры нѣтъ, а потому и ничего нѣтъ. Такъ и кажется, что вся эта исторія старитъ людей, историческое прошлое обрѣзываетъ у нихъ крылья, и они уже родятъ дѣтей безкрылыхъ, такъ что даже современная молодость страдаетъ безкрыльемъ, хотя вообще люди теряютъ крылья, какъ и зубы, уже въ извѣстномъ, болѣе или менѣе почтенномъ возрастѣ.

Открывается симбирское уѣздное земское собраніе — мы говоримъ о послѣдней сессіи 1874 года. Избирается секретаремъ г. Кахановъ. Не хватаетъ членовъ ревизіонной комиссіи, и избираютъ новыхъ — тутъ есть извѣстныя фамиліи, г. Языковъ, кн. Ухтомскій. Разсуждаютъ затѣмъ о раздѣленіи Симбирскаго уѣзда на призывные участки, о пополненіи запасныхъ магазиновъ, о квартирной повинности, о содержаніи канцеляріи мирового съѣзда, объ оспопрививаніи, о сопровожденіи въ ростополь почты и т. д. Зашевелилось что-то новое въ земствѣ—и оказывается, что шевеленье пришло извнѣ, изъ Петербурга. По порученію артиллерійскаго вѣдомства пріѣзжаетъ въ Поволжье какой-то технологъ, Поповъ, и говоритъ, что, вмѣсто того, чтобъ заваливать навозомъ овраги — не лучше ли изъ навоза дѣлать селитру и привлечь къ селитренному промыслу крестьянъ на артельномъ началѣ. Дѣло, казалось бы, хорошее. Дѣйствительно, въ нижнемъ и среднемъ Поволжьѣ навозомъ заваливаютъ не

только овраги, но рѣки и озера, самую Волгу хотѣли бы завалить, да она не дается. Но земство находитъ, что, хотя «полезность устройства селитреннаго завода не можетъ быть вообще отвергнута», однако, «нельзя не сознаться», что гораздо было бы полезнѣе и выгоднѣе употреблять навозъ для удобренія полей». На томъ и рѣшаютъ; а навозъ все-таки будетъ гнить даромъ: свѣчка чорту, а кочерга... ему же. Затѣмъ, такъ же вяло, безцвѣтно, что называется, черезъ пень колоду, идетъ остальная работа земства по рѣшенію другихъ мѣстныхъ вопросовъ. Учитель-руководитель симбирской чувашской школы ходатайствуетъ объ ассигнованіи 500 р. на стипендіи шести сиротамъ, обучающимся въ чувашской школѣ. Земство ассигнуетъ. Ходатайствуетъ у земства инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ о поддержкѣ русскаго элемента въ магометанскихъ школахъ ассигнованіемъ для этихъ школъ небольшой суммы. Земство въ пособіи отказываетъ, а поручаетъ училищному совѣту наблюдать за обязательнымъ преподаваніемъ русскаго языка въ татарскихъ школахъ. Училищный совѣтъ силится оживить свой отчетъ о состояніи народнаго образованія въ Симбирскомъ уѣздѣ: говоритъ, что школъ у нихъ 59, а обучающихся въ нихъ 1,305, изъ коихъ 968 мальчиковъ и 337 дѣвочекъ; что хорошихъ школъ мало; что народное образованіе нуждается «въ болѣе тепломъ отношеніи къ нему земства», что тогда школы, при поддержкѣ, «дадутъ подростающему поколѣнію то нравственно разумное направленіе, которое только и можетъ оградить его отъ прогрессивно развивающагося (будто-бы?) разгула и одуряющаго пьянства», что «въ виду повторяющихся отпаденій населенія отъ православія, инородческія школы требуютъ самаго тщательнаго наблюденія и особой поддержки», что, благодаря переводу на чувашскій языкъ «Начатковъ христіанства» и пѣнію молитвъ на чувашскомъ языкѣ, мѣстное чувашское населеніе начинаетъ относиться къ школѣ не съ прежнимъ тупымъ равнодушіемъ, а съ замѣтной симпатіей», что половина народныхъ школъ расположены «или въ темныхъ холодныхъ избахъ, или тѣсныхъ угарныхъ церковныхъ сторожкахъ, или въ домахъ, готовыхъ обрушиться», что священники, не получая отъ земства жалованья, не только не обучаютъ дѣтей грамотѣ, «но даже самымъ употребительнымъ молитвамъ», а въ женскихъ школахъ «все занятіе ограничивается безсознательнымъ пѣніемъ псалмовъ», потому что «невѣжественныя учительницы» получаютъ жалованья 15 р. въ годъ! и т. д., и т. д. Впрочемъ, въ этомъ «и такъ далѣе» ничего нѣтъ — нѣтъ даже картины, которая бы поразила земство своимъ безобразіемъ и за-

ставила бы его шевельнуться. Всѣ представленія училищнаго совѣта земство рѣшаетъ такъ: ассигновать на народное образованіе 3,000 р. (а въ приуральскихъ трущобахъ—25,000!); «убѣждать крестьянъ на волостныхъ сходахъ о необходимости учить дѣтей»—и только. Изъ этой безцвѣтности выдается предложеніе гласнаго Мусорина объ обязательномъ устройствѣ школъ въ селеніяхъ; но земство сомнѣвается, хотятъ ли крестьяне учиться; приводится даже въ примѣръ село Суровка, гдѣ лѣтъ десять существовалъ сборъ съ души копеекъ до 20 на школы, «а грамотныхъ не вышло, будто бы, ни одного». При всемъ томъ, земство рѣшается ходатайствовать объ обязательномъ обученіи только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть училищные дома.

Мы показали только рельефы въ дѣятельности симбирскаго земства. Все остальное—плоскость, плоскость и плоскость, такъ что глазу не на чемъ остановиться («Журналы Симб. уѣзд. зем. собр.» 1873, г. Симбирскъ. 1874, стр., 3, 4, 8, 9, 12, 26, 27, 67, 68, 70—72, 83, 84).

Но характеристика симбирскаго земства не можетъ служить шаблономъ характеристики всего Поволжья, которое имѣетъ свои несомнѣнно хорошія стороны. Въ свое время мы еще возвратимся къ Поволжью. Мы обойдемъ всю Россію отъ одной окраины до другой; посмотримъ на нее и подъ жаркимъ солнцемъ юга, и подъ непривѣтливо сдержаннымъ солнцемъ сѣвера; перейдемъ и черезъ ея сердцевину, не обходя и тѣхъ слоевъ, окружающихъ эту русскую сердцевину, которые въ тѣ времена, когда эта сердцевина не притягивала еще и не въ силахъ была притянуть къ себѣ всѣхъ соковъ русской земли, были самостоятельными княжествами, царствами, и имѣли свое собственное сердце, къ которому притекала кровь изъ связанныхъ съ нимъ общими нервами частей русской земли. Велика Россія, и исходить ее всю не легко, хотя бы наше паломничество ограничивалось поверхностнымъ наблюденіемъ того только, гдѣ и какъ копошится русская мысль, гдѣ живое дѣло пускаетъ ростки будущаго развитія и гдѣ живое дѣло почему-либо захирѣло. Съ Волги, носившей на себѣ легкія лодочки Ермака Тимоѳеевича и его удалой дружины, мы переберемся туда, куда удаль молодецкая да нужда постылая завела и Ермака Тимоѳеевича, за Уральскій хребетъ къ Верхотурью, а оттуда еще далѣе. Тамъ земство еще болѣе молодое, чѣмъ въ нашей половинѣ Россіи: у насъ земства имѣли уже по десяти очередныхъ сессій, слѣдовательно, доросли до десятилѣтняго возраста; тамъ, на востокѣ, они собираются только въ пятый разъ, слѣдовательно, могутъ считаться малолѣтками, обладающими пятилѣтнимъ только опы-

томъ. Но не все то умнѣе, что̀ опытнѣе, и не все молодое неопытно. Но пока, для возможно большаго ознакомленія съ характеромъ Поволжья, мы остановимся нѣкоторое время на этой полосѣ русской земли, въ населеніи которой есть, повидимому, признаки движенія и творчества, ставящіе поволжскую полосу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше другихъ мѣстностей Россіи, которыя доселѣ обнаруживаютъ недостаточно жизненности и даровитости. Не удаляясь отъ Симбирска, мы подвинемся только нѣсколько южнѣе, ближе къ молодому Поволожью, къ Сызрани и къ Самарѣ, которыхъ районы, хотя и соприкасаются, но, раздѣленные Волгой, служатъ выраженіемъ двухъ крайностей средняго Поволжья: на Сызранскомъ, какъ и на всемъ симбирскомъ районѣ лежитъ уже печать какой-то, если можно такъ выразиться, исторической помятости, придавленности, тогда какъ тутъ же за Волгой молодыя силы населенія, повидимому, только начинаютъ развертывать свои крылья. На этой сторонѣ Волги, на нагорной, земля уже отказывается достаточно питать населеніе и оно пытается найти исходъ въ отхожемъ промыслѣ и въ мѣстномъ разрѣшеніи уже начинающаго тяготѣть надъ нимъ рабочаго вопроса; на той сторонѣ Волги, на луговой, чувствуется еще пока недостатокъ рабочихъ рукъ, а между тѣмъ, мѣстная производительность и предпріимчивость сравнительно молодого населенія, вызываютъ сильное экономическое движеніе въ краѣ, толкаютъ капиталъ на дѣло предпріимчивости и ставятъ на дорогѣ земства такія задачи, къ рѣшенію которыхъ должны быть приложены всѣ не початыя силы молодого, такъ сказать, формирующагося еще края.

Мы сказали, что симбирское и сызранское Поволжье начинаетъ уже заѣдать рабочій вопросъ. Населеніе, народъ, это стихійное, безформенное земство безсознательно вынашивало въ себѣ зародышъ этого вопроса и, какъ всегда поступаетъ масса, разрѣшала его стихійно, какъ саранча разрѣшаетъ вопросъ о своемъ продовольствіи или какъ перелетная птица, въ зимнее время, разрѣшаетъ квартирный вопросъ. Подходитъ зима къ концу, нагорному симбирскому и сызранскому населенію питаться становится нечѣмъ, какой былъ хлѣбъ—съѣденъ, какіе были лапти—износились, заработка нѣтъ—и вотъ чуетъ это голодающее населеніе, какъ чуетъ саранча и птица, что за Волгой, въ маѣ и іюнѣ, созрѣваетъ трава, начинаются покосы—и летитъ народъ за Волгу питаться, летитъ стихійно, какъ летитъ на хлѣбъ саранча, какъ летитъ къ мѣстамъ выводки дѣтей птица: никто ими не управляетъ въ этомъ движеніи, какъ никто не управляетъ полетами саранчи и птицы; тамъ, за Волгой, начинаются покосы,

значитъ есть кормъ, заработокъ—туда и направляется стихійное движеніе нагорнаго населенія; тамъ, за степью, созрѣваютъ хлѣба, значитъ есть кормъ—туда и направляется стихійное движеніе саранчи. Но надежда на кормъ можетъ быть обманчива: вмѣсто заработка—мужика ожидаютъ одни проѣсты, голодъ, недостатокъ работы, потому что годъ на годъ не приходится—и мужикъ возвращается домой еще болѣе голоднымъ, чѣмъ вышелъ изъ дому; вмѣсто богатой нивы съ зрѣлыми колосьями—на саранчу налетаетъ полоса града, ливня—и туча саранчи побита, смѣшана съ мокрою землею. Такъ рѣшался народомъ, стихійно, рабочій вопросъ. Теперь земство думаетъ если не разрѣшить его,—до этого не дошла еще и Европа,—то, по крайней мѣрѣ, регулировать настоящее его положеніе по возможности раціонально, а не стихійно. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ положеніи вопроса, въ какомъ онъ наваленъ былъ на плечи народа исторіею и послѣдующими экономическими осложненіями жизни, было что-то рѣжущее глазъ, что-то кричащее во все горло: «батюшки родимые, православный народъ! да что̀-жь это дальше будетъ!» Земля въ симбирско-сызранскомъ Поволжьѣ давно уже носитъ въ себѣ всѣ признаки чахлости; если она еще и питаетъ населеніе кое-какъ, то ужь ни въ какомъ случаѣ не обезпечиваетъ; другихъ заработковъ, помимо земли, нѣтъ; бурлачество, какъ оно ни было тяжело, все же давало лишній грошъ, а теперь исторія и его схоронила; отхожій промыселъ, по условіямъ мѣстности, слабъ; кустарные промыслы только начинаютъ образовываться самыми мелкими кустами, да и то не у всего населенія. Жить тяжело безъ заработка. И вотъ, едва началась весна, едва пошла въ ростъ трава, по этой части Поволжья уже ходятъ слухи, что травы за Волгой—неслыханныя, что косарямъ будетъ работа, что рукъ потребуется много. А слухи эти часто распускаютъ тѣ изъ-заволжскихъ кулаковъ, которымъ косцы нужны; чѣмъ громче идетъ молва о ростѣ травъ, тѣмъ больше косцовъ приходитъ изъ Сызрани, Симбирска и прочаго нагорья. И вотъ изъ этого нуждающагося нагорья народъ валитъ за Волгу, какъ саранча, буквально стихійною силою, повинуясь одному слуху да голодному желудку—все идетъ кормиться отъ заработка. А нахлынули эти массы на заволжскіе, самарскіе базары, какъ тѣже кулаки говорятъ, что цѣна за косьбу—дешевая, «народу-де больно много навалило, цѣну сбили». И дѣйствительно, сами же рабочіе, стихійно нагрянувъ на заволжскія степи, сбиваютъ цѣну заработка. И вотъ массы этой саранчи или идутъ работать за безцѣнокъ, или возвращаются домой еще съ большею нуждою, чѣмъ вышли изъ дому. Во время лѣтней страды, во время уборки на

обѣихъ сторонахъ Поволжья хлѣбовъ, это стихійное движеніе нуждающагося люда бываетъ еще неудержимѣе и часто кончается еще болѣе трагически. Во время роста хлѣбовъ, какъ и во время роста травъ, начинаютъ ходить по Поволжью слухи, что урожай за Волгой необыкновенный, и, чѣмъ ближе подходитъ время къ найму рабочихъ, тѣмъ слухи становятся баснословнѣе, тѣмъ шире ростетъ легенда о необыкновенной дороговизнѣ рабочихъ рукъ. Все, что̀ только умѣетъ взять въ руки серпъ и косу и даже все неумѣющее, но жаждущее получить за уборку десятины 25—30 рублей—все это покидаетъ нагорную сторону Поволжья и, какъ саранча, стремится за Волгу, въ самарскія степи. Крестьяне покидаютъ свои хозяйства, свою землю, не особенно вознаграждающую, кухарки бросаютъ кухню и ухватъ, городской кучеръ бѣжитъ изъ конюшни, покидая на произволъ судьбы лошадей и экипажи, лакей оставляетъ барина, горничная барыню, — и все перебирается въ луговую сторону. Но часто слухи оказываются такими же истинными какъ и тѣ, когда-то ходившіе по русской землѣ слухи, что на Дарьѣ-рѣкѣ—райская жизнь, что берега тамъ кисельные, а вода въ рѣкахъ медвяная. Пишущій эти строки лично видѣлъ движеніе поволжской саранчи, но не той саранчи, которая хлѣба поѣдаетъ и никого знать не хочетъ, а той, у которой за спиной стоитъ становой съ окладнымъ листомъ, которая должна и сама кормиться и другихъ кормить, у которой есть душевой надѣлъ и лапти—движенія этой саранчи производятъ глубокое впечатлѣніе. Намъ удалось наблюдать это движеніе въ проѣздъ по Волгѣ мимо Сызрани и Самары и въ то именно время, когда особенно силенъ былъ полетъ саранчи съ душевымъ надѣломъ и въ лаптяхъ. Всѣ пристани, у которыхъ приставалъ нашъ пароходъ, были усѣяны этой саранчей: виднѣлась безобразная масса сѣрыхъ зипуновъ и дырявыхъ рубахъ, босыя ноги и ноги въ лаптяхъ, косы, косовища и серпы перевязанные тряпками; неумолкаемый говоръ разныхъ языковъ—русскаго, татарскаго, чувашскаго, мордовскаго. Часть саранчи попадала на пароходъ и устилала всю его палубу. Ночью эта саранча пѣла свои пѣсни такъ, какъ она умѣетъ ихъ пѣть, надрывая сердце слушающему. Саранча надѣялась, что завтра она будетъ сытая, а къ осени недоимку уплатитъ. Послѣ мы слышали, что эта бѣдная саранча воротилась изъ-за Волги голодная. О недоимкѣ она ужь и не думала...

Таково до сихъ поръ было стихійное рѣшеніе рабочаго вопроса въ мѣстности, о которой мы говоримъ. Земство, принявъ въ свое завѣдываніе народное хозяйство, не могло не видѣть, что такое положеніе дѣлъ не можетъ быть терпимо. Ежегодная страш-

ная растрата народнаго труда—это такое кричащее явленіе, которое должно было ужаснуть всякаго; къ сожалѣнію, ужасъ по штату не для всѣхъ полагается. Сызранское земство, безсильное въ своемъ ничтожествѣ и бѣдности, слишкомъ близко стояло къ явленію, о которомъ мы говоримъ, чтобы не испугаться за вопіющую растрату народнаго труда, и оно, при всемъ своемъ безсиліи, все-таки честно отнеслось къ народному и своему собственному горю. Но какъ ему помочь? Гдѣ найти средства для борьбы съ стихійнымъ явленіемъ? Земская агентура—вотъ первая попытка, которою сызранское земство рѣшилось начать борьбу съ непобѣдимою доселѣ стихіею. Оно хочетъ создать «земскихъ агентовъ», которые, между прочимъ, какъ сторожевые пикеты во время войны и даже какъ лазутчики, узнавали бы движеніе непріятеля и сообщали о томъ куда слѣдуетъ. Программа агентуры—обширная. Агенты могли бы принести громадную пользу и земству, и народу. Но, къ несчастію, вслѣдствіе канцелярскаго недоразумѣнія, постановленіе земства по этому предмету было опротестовано губернаторомъ. При всемъ томъ, сызранское земство не оставляетъ мысли объ агентахъ. Въ послѣднюю сессію мѣстная управа докладываетъ собранію, что, несмотря на протестъ губернатора, земство не должно отказаться отъ своего намѣренія, въ исполненіи котораго оно предвидитъ громадныя пользы для края. Управа знакомитъ насъ съ именами своихъ агентовъ: это—П. В. Бестужевъ, г. Кострюковъ, А. П. Юрасовъ, В. Н. Сабанинъ, Е. К. Кожинъ, Г. А. Снѣгиревъ, Н. В. Пустошкинъ, В. П. и С. П. Бестужевы, А. И. Цимбалинъ, А. С. Амбразанцевъ-Нечаевъ, Е. Г. Чертковъ, А. И. Игнатьевъ, Д. Д. Ребровскій, Л. Ѳ. Мейснеръ, Вл. Н. Насакинъ, С. М. Ушаковъ, В. А. Астраханцевъ, В. Н. и В. Н. Насакины, А. Д. Корсаковъ, М. А. Городецкій, Ф. А. Огрызко. Въ числѣ агентовъ есть и женщины, тонкая наблюдательность которыхъ скорѣе укажетъ имъ то, что̀ не всегда видитъ мужчина. И крестьяне довѣрчиво идутъ къ женщинѣ съ своимъ горемъ, какъ мы видимъ это въ обращеніи вязовцевъ и наяновцевъ къ М. П. Пустошкиной съ ходатайствомъ о разсрочкѣ взноса долга въ продовольственный капиталъ.

Трудно очертить объемъ и характеръ дѣятельности агентовъ. То, что̀ уловимо въ этой дѣятельности, можно передать вкратцѣ. Разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ не только своей губерніи, но и сосѣднихъ, агенты присматриваются къ экономической обстановкѣ жизни населенія, узнаютъ его нужды и, если можно такъ выразиться, прислушиваются къ біенію народнаго пульса. Цѣль благородная, если только агентъ отнесется къ ней съ глубокимъ

сознаніемъ той нравственной отвѣтственности, которую налагаетъ на него служеніе народу. Рядовая же дѣятельность агента весьма проста и незамысловата. Онъ—агентъ земства и слуга народа, хотя народъ, повидимому, и обращается къ нему какъ къ какому-то начальству. Агентъ долженъ знать, когда и какъ посѣянъ хлѣбъ крестьяниномъ, каковы всходы этого хлѣба, каковы цѣны на работу и каковъ можетъ быть у народа заработокъ. Агентъ долженъ знать, что дѣлается и на нагорной, и на луговой сторонѣ Волги, чтобъ въ самый опасный моментъ предупредить полетъ саранчи туда, гдѣ ее ждетъ разочарованье, а дома—недоимки. Агентъ шныряетъ на базарѣ и долженъ знать цѣну не только рабочимъ, но и слухамъ, сочиняемымъ народными эксплуататорами. У себя дома, между крестьянами, агентъ наблюдаетъ за общественной запашкой. Онъ частно контролируетъ дѣйствія старшины и старосты. Онъ исполняетъ должность пожарнаго старосты. Онъ—все и ничто. Одно опасно, если иной агентъ вообразитъ себя опекуномъ народа; но народъ уже знаетъ нѣсколько, что кому можно позволить и чего нельзя. Во что выродятся земскіе агенты впослѣдствіи—трудно сказать; но что въ настоящее время они уже возбуждаютъ опасеніе въ нѣкоторыхъ изъ представителей земства, это несомнѣнно. Опасеніе это—видимо эгоистическое, кастовое. Землевладѣльцы боятся, что, если нагорные крестьяне будутъ знать вѣрныя цѣны заработка за Волгой и если цѣны эти будутъ велики, то у нихъ не кому будетъ работать—всѣ уйдутъ за Волгу. Эти опасенія высказались отчасти въ засѣданіи сызранскаго собранія 16-го сентября 1874 года, когда гласный Насакинъ, въ виду того, что и въ этомъ году былъ замѣченъ перелетъ саранчи въ лаптяхъ не туда, гдѣ было бы ей больше корма, замѣтилъ, что районъ взаимнаго обмѣна свѣдѣній по рабочему вопросу слишкомъ малъ и «потому можетъ послужить лишь къ одностороннему возвышенію цѣнъ у насъ». Районъ этотъ надо разширить и распространить на Костромскую и другія губерніи. За то предсѣдатель управы, г. Воейковъ, откровеннѣе прочихъ гласныхъ высказался и за тѣхъ, которые опасаются земскихъ агентовъ по своимъ эгоистическимъ разсчетамъ, и за тѣхъ, которые смотрятъ на идею агентуры нѣсколько шире. «Ничто, заявлялъ онъ, кромѣ возможно скораго сообщенія вѣрныхъ свѣдѣній не въ состояніи устранить той громадной растраты труда, которая происходитъ по дорогамъ въ самое нужное время (въ пролетъ саранчи). Подобная мѣра, *какъ она ни противна экономическимъ выгодамъ отдѣльныхъ личностей*, служитъ однако на пользу всѣхъ, устраняетъ неправильныя колебанія и уравновѣшиваетъ цѣны».

*

Кромѣ сохраненія народнаго труда отъ непроизводительной растраты, земская агентура имѣетъ и другія, болѣе, повидимому, скромныя, но зато болѣе глубокія цѣли: это—нравственное и гражданское воспитаніе народа. Какъ поведетъ это дѣло наше молодое образованное поколѣніе—неизвѣстно; но что оно менѣе безкорыстно берется за это дѣло, чѣмъ земскіе экономисты—это несомнѣнно. Здѣсь сказывается также и участіе женщины, которая въ Россіи едва ли не лучше, чѣмъ въ остальной Европѣ, начинаетъ сознавать истинное свое призваніе и свою будущую роль въ исторіи человѣчества. Сызранское земство съ благодарностью относится къ именамъ женщинъ, идущихъ, по возможности, рука объ руку съ земскими дѣятелями: это—г-жа Амбразанцева-Нечаева, г-жа Пустошкина, г-жа Граббе, г-жа Бестужева; а есть не мало и другихъ женскихъ именъ, которыя извѣстны только тѣмъ, гдѣ дѣлается ихъ скромное, но хорошее дѣло.

Другія стороны дѣятельности сызранскаго земства имѣютъ много общаго съ тѣмъ, что̀ мы уже видѣли въ другихъ земствахъ. Мѣры къ развитію народнаго образованія, къ оздоровленію народа, къ улучшенію санитарныхъ условій, въ которыхъ до сихъ поръ, можно сказать, погибало наше сельское населеніе и т. д. Какъ и въ другихъ земствахъ, здѣсь тоже замѣчается уже борьба городскихъ интересовъ съ уѣздными: города, разжившіеся на счетъ уѣздовъ вообще и на счетъ крестьянскаго населенія въ особенности, прикидываются теперь или Плюшкиными, или нищими. Они кричатъ, что ихъ раззоряетъ земство на нужды мужиковъ, на нужды селъ и деревень, до которыхъ городамъ нѣтъ никакого дѣла. А когда Плюшкинымъ замѣчаютъ, что, если земство не улучшитъ хотя бы путей сообщенія въ уѣздахъ, то крестьяне не въ состояніи будутъ возить на городскіе базары для продажи свой хлѣбъ. «Пущай возятъ, какъ знаютъ!» отвѣчаютъ Плюшкины:—«это—ихъ дѣло. Захотятъ ѣсть, такъ и на четверенькахъ приползутъ—хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ». Въ Сызрани теперь между горожанами и уѣздомъ идетъ перестрѣлка изъ-за моста черезъ рѣку Сызрань. За этой рѣкой сидятъ три волости, отрѣзанныя отъ города. Земство хотѣло бы построить мостъ для этого отрѣзаннаго ломтя, но земскіе экономисты говорятъ, что для трехъ волостей не сто̀итъ тратить 20,000. «Нельзя же эти три волости бросить на произволъ судьбы», возражаетъ г. Юрасовъ. «Мостъ необходимъ». Въ это время гласный Насакинъ стрѣляетъ по городу.

— Земство, говоритъ онъ, устраивая мосты черезъ Сызрань, много платило за городъ, между тѣмъ перевозомъ пользуется одинъ городъ, получая отъ него доходъ.

На этотъ выстрѣлъ гласный Сопляковъ отвѣчаетъ двумя или тремя выстрѣлами разомъ, изъ городскаго револьвера.

— Указываемый гласнымъ Насакинымъ счетъ, кто за кого переплачиваетъ—не точенъ (говоритъ г. Сопляковъ): городскіе жители равномѣрно платятъ земскіе сборы на устройство мостовъ внутри и по окраинамъ уѣзда, которыми вовсе не пользуются, на училища и другія учрежденія, которыя никакого прямого отношенія къ городу не имѣютъ. Это я привожу только въ отвѣтъ на замѣчаніе гласнаго Насакина и считаю нужнымъ добавить, что городъ въ земствѣ представляетъ такую же единицу, какъ и другіе элементы, его составляющіе. Но оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, я заявляю, что мостъ необходимъ.

Тогда гласный Насакинъ стрѣляетъ въ гласнаго Юрасова.

— Настояніе гласнаго Юрасова преимущественно на то, что мостъ нуженъ для сельца Уваровки... замѣчаетъ онъ не безъ ядовитости, конечно чувствительной для г. Юрасова.

— Не отрицаю этого (отвѣчаетъ послѣдній). Шестьдесятъ душъ, сидящихъ въ Уваровкѣ, бѣдняковъ часто лишаются возможности попасть въ городъ съ дешевыми сельскими произведеніями, которыя они носятъ въ городъ на продажу, чтобы удовлетворить самымъ крайнимъ потребностямъ. Но—это не единственное основаніе для усилій о постройкѣ моста.

Въ гласнаго Юрасова стрѣляетъ гласный Пустошкинъ:

— Я, какъ житель южной части уѣзда, заявляю, что движеніе оттуда не велико, особенно весною, когда крестьяне заняты полевыми работами. Безъ моста крестьяне вовсе не бѣдствуютъ, какъ говорятъ нѣкоторые. Поэтому нѣтъ насущной потребности въ мостѣ.

Теперь во всѣхъ ораторовъ стрѣляетъ предсѣдатель управы г. Воейковъ.

— О томъ, бѣдствуютъ или не бѣдствуютъ, лучше спросить тѣхъ людей, которые испытывали удовольствія переправы весной, когда еще моста нѣтъ, а по мелководью и по спадѣ воды перевозъ прекращается. Долгомъ считаю разъяснить, что мостъ долженъ строиться на губернскія суммы, а отъ уѣзднаго земства только потребуется впослѣдствіи ремонтированіе моста и возвратъ отпущеннаго капитала изъ уѣзднаго земства въ продолжительный срокъ. Слѣдовательно, несправедливо говорить, что земство несетъ издержки въ 18,000 рублей, которыя на него вовсе не падаютъ. Я считаю излишнимъ входить въ сужденія, кому нуженъ мостъ и кому нѣтъ, и прошу поставить вопросъ въ такомъ смыслѣ: признаетъ ли собраніе нужнымъ постройку моста безъ затратъ со стороны уѣзднаго земства?

Собраніе отозвалось отрицательно.

Есть земства, на которыхъ лежитъ печальная необходимость, помимо войны съ бѣдностью и невѣжествомъ населенія, воевать еще съ животными и насѣкомыми, и эта война входитъ въ циклъ натуральныхъ повинностей этихъ земствъ. На югѣ идетъ неустанная война съ «сусликами», съ «овражками», съ саранчою, съ разными «кузьками», жучками, червями, которые поѣдаютъ хлѣбъ, истребляютъ посѣвы, травы, и вообще отнимаютъ у мужика послѣднее, что̀ еще не успѣла отнять у него исторія. Для этой войны образуются земскія арміи подъ предводительствомъ гласныхъ и другихъ земскихъ дѣятелей: иныя арміи выступаютъ съ голыми руками, другія съ метлами, особенно противъ саранчи, третьи съ помощью науки—химіи, естественной исторіи, приглашаютъ даже въ свои походы мѣстные университеты и спеціалистовъ-профессоровъ, какъ, напримѣръ, одесское земство приглашало въ походъ на невѣдомаго врага Cryromela Adonis и на страшнаго «кузьку» профессора новороссійскаго университета г. Мечникова, который, сознавъ безсиліе науки противъ страшнаго Аттилы «кузьки», со срамомъ бѣжалъ съ поля битвы, подобно тому, какъ бѣжалъ изъ сраженія славный римскій поэтъ Горацій (Отчетъ одесской земской управы 1874 г., стр. 70—73). Иныя, наконецъ, земства пускаютъ въ ходъ противъ врага разныя торпеды, митральёзы (химическія машинки, удушающія сусликовъ въ норахъ). По земствамъ, вмѣстѣ съ казначейскими счетами авансовъ, чековъ, квитанцій, кредитныхъ рублей и проч. идетъ счетъ сусликовыхъ хвостовъ, ушей, лапокъ. Вмѣсто податей мужикъ несетъ въ кассу земства сусликовы хвосты и уши, и радуется, что хвосты эти уменьшаютъ сумму лежащихъ на немъ недоимокъ. Въ сызранскомъ земствѣ идетъ война противъ волковъ и волчатъ, истребляющихъ земскія стада. Въ послѣднюю сессію сызранскаго земства, на основаніи постановленія симбирскаго губернскаго земскаго собранія относительно выдачи за убитыхъ волковъ и волчатъ вознагражденія: «выдавъ таковое разнымъ лицамъ, представившимъ неотдѣланныя шкурки убитыхъ животныхъ, просить уѣздное собраніе назначить кого-либо изъ членовъ онаго для освидѣтельствованія отрѣзанныхъ отъ шкуръ *хвостовъ* и *ушей* и для составленія по сему акта, для представленія послѣдняго въ симбирскую губернскую земскую управу на предметъ перечисленія изъ губернскихъ суммъ въ депозитъ уѣздныхъ денегъ, израсходованныхъ на вознагражденіе», сызранское земство для счета волчьихъ хвостовъ и ушей назначило гласнаго Вл. Н. Насакина, того самаго, который въ перестрѣлкѣ города

съ уѣздомъ стрѣлялъ въ г. Соплякова и получилъ отъ него три контузіи. Г. Насакинъ, повидимому, не былъ польщенъ довѣріемъ земства, поручавшаго ему счетъ волчьихъ хвостовъ и ушей, но, исполнивъ порученіе, какъ ловкій адъютантъ главнокомандующаго во время войны, не безъ ироніи докладываетъ земству объ исполненіи возложенной на него обязанности. «Вслѣдствіе порученія собранія (докладываетъ онъ), я повѣрялъ расходъ, произведенный земскою управою за убитыхъ волковъ, который и нашелъ правильнымъ. Волчьихъ хвостовъ съ ушами оказалось 81 штука; за нихъ выдано денегъ, по 2 руб. за каждаго убитаго волка, 162 руб. Всѣ хвосты и уши представлены въ управу при объявленіяхъ тѣми лицами, коими были убиты волки, съ удостовѣреніями волостныхъ правленій и сельскихъ старостъ. Затѣмъ я нахожу нужнымъ разрѣшить управѣ подобный же расходъ и въ будущемъ году. Повѣрку же хвостовъ предоставить членамъ управы, такъ какъ для этой операціи не нужно быть особымъ спеціалистомъ. Въ земскихъ учрежденіяхъ нѣтъ возможности имѣть на все спеціальныхъ гласныхъ: такъ мнѣ извѣстно, что предсѣдатель губернской управы — не архитекторъ, и не инженеръ, а занимается постройкой порѣцкой семинаріи».

Прочія мѣстныя потребности удовлетворялись сызранскимъ земствомъ по мѣрѣ средствъ населенія. На народное образованіе оно расходуетъ: 7,000 руб. на сельскія школы въ помощь къ тѣмъ 10,000 руб. которыя даютъ сами крестьяне для своихъ школъ, которыхъ считается 69—болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ, уже намъ знакомыхъ, начиная отъ петербургскаго на Невѣ и кончая симбирскимъ на Волгѣ; при всемъ томъ, многія школы все еще остаются въ церковныхъ караулкахъ, а «весь западъ уѣзда почти лишенъ школъ», какъ удостовѣряетъ училищный совѣтъ; 1,000 руб. даетъ сызранское земство на стипендіи при училищныхъ семинаріяхъ, около тысячи рублей на стипендіи студентамъ казанскаго, петербургскаго и дерптскаго университетовъ—гг. Менделѣеву, Рашидову, Викторову, Суходѣеву, тысячу рублей на женскую прогимназію въ Сызрани, болѣе тысячи на образованіе фельдшеровъ въ Москвѣ, Самарѣ и Симбирскѣ. Предполагалось завести въ Сызрани земскую типографію, но оказалось не по средствамъ земства — все надо съ мужичка тянуть, — и потому завели свою литографію, которая и познакомила насъ своею земскою литографированною литературою съ дѣятельностью сызранцевъ. Оригиналенъ взглядъ сызранскаго земства на благотворительность и въ особенности на предоставленіе народу дарового образованія, дарового леченья и вообще всего «дарового». «Нѣтъ сомнѣнія (говоритъ сызранское

земство въ лицѣ своей управы), что задача земства вовсе не давать все даромъ и, возбуждая такимъ образомъ непомѣрную требовательность, усыплять мѣстную самодѣятельность: это, несомнѣнно, путь самый опасный; непосредственный исходъ его — страшное возрастаніе земскихъ расходовъ и неудовлетворительное достиженіе цѣли, какъ вслѣдствіе неудовольствія населенія, такъ и потому, что на все даровое смотрятъ слишкомъ легко». Или въ другомъ мѣстѣ: «Говоря о вредѣ дарового, управа не желала бы быть невѣрно понятою: даровое можетъ быть необходимо временно, чтобы пріучить населеніе; наконецъ, даровое необходимо тамъ, гдѣ, спасая одного, мы спасаемъ сотни», и т. д.

Еще гдѣ оригинальнымъ образомъ проявилось несомнѣнное и самобытное творчество сызранскаго земства, такъ это въ «навозномъ вопросѣ». Дѣло въ томъ, что въ Поволжьѣ, какъ мы говорили выше, навозомъ засоряются не только селенія, овраги, озера, но и рѣки; а между тѣмъ чахлыя поля нуждаются въ удобреніи, въ то время, когда «многія селенія буквально завалены своимъ навозомъ». Для разрѣшенія этого «навознаго вопроса», который Гейне, еслибы жилъ въ Россіи, непремѣнно причислилъ бы къ своимъ «проклятымъ вопросамъ», сызранское земство призвало на помощь такую геніальную выдумку. «Такъ какъ—разсуждаетъ оно—вывозъ навоза очень полезенъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, то, при разрѣшеніи хлѣбныхъ ссудъ, управа во многихъ случаяхъ нерѣдко (простительный земско-канцелярскій плеоназмъ въ юной сызранской литературѣ), при неимѣніи другихъ ручательствъ въ аккуратной уплатѣ ссудъ, требовала отъ крестьянъ обязательства вывезти весь навозъ изъ селенія въ поле. Представлялось бы весьма полезнымъ, еслибы земское собраніе, одобривъ это распоряженіе, сдѣлало его обязательнымъ на будущее время при разрѣшеніи ссудъ». Дѣйствительно, мысль геніальная, къ которой бы слѣдовало прибѣгнуть и Геркулесу, когда онъ очищалъ конюшни царя Авгія, чѣмъ и прославился какъ полубогъ классическаго міра. Но жаль, что въ классическомъ мірѣ не существовало земскихъ учрежденій, а то Геркулесъ непремѣнно былъ бы или гласнымъ, или земскимъ агентомъ, или счетчикомъ волчьихъ хвостовъ, или, наконецъ, предсѣдателемъ петербургской земской управы вмѣсто барона Корфа, и теперь въ залѣ петербургскаго земства красовался бы портретъ Геркулеса рядомъ съ портретомъ барона Корфа не въ обиду послѣднему.

Кстати о предсѣдателяхъ. Мы видѣли, какъ другія земства выражали благодарность предсѣдателямъ управъ и членамъ за ихъ полезную общественную дѣятельность: петербургское выра-

зило эту признательность барону Корфу повѣшеніемъ его портрета въ залѣ собранія; красноуфимское выразило признательность своей управѣ-крестьянкѣ любезностью, что, не смотря на свое крестьянское происхожденіе и на отсутствіе между членами-крестьянами кандидатовъ университетовъ—управа-крестьянка такъ благородно и умно вела земское дѣло, что дай Богъ вести его такъ не только кандидатамъ университетовъ, но магистрамъ и докторамъ. Дмитріевцы—«куряне» выразили своей сонной управѣ «крайнее сожалѣніе» за ея сонливость; золотоношское земство выразило своей управѣ «неодобреніе». Сызранское земство, напротивъ, охотно приняло слѣдующее предложеніе на этотъ счетъ гласнаго С. М. Ушакова: «Намъ случалось нерѣдко (сказалъ г. Ушаковъ) благодарить членовъ управы, и, къ сожалѣнію, иногда такія выраженія благодарности, повторяясь слишкомъ часто, принимали характеръ простой формальности. Въ настоящемъ случаѣ этого, конечно, нѣтъ, и наша признательность вполнѣ заслужена управою. Но, при выраженіи нашего мнѣнія объ управѣ, мнѣ хотѣлось бы въ особенности выдѣлить дѣятельность ея предсѣдателя, Д. И. Войекова. Г. Воейковъ былъ не простымъ руководителемъ занятій управы. Главное направленіе земскихъ дѣлъ по преимуществу принадлежало ему. Мнѣ извѣстно, что онъ не принадлежитъ къ числу предсѣдателей, которые сами мало занимаются подробностями земскаго управленія. Онъ не только работалъ самъ, но не вносилъ въ собраніе ни одного доклада, который не былъ бы лично имъ обдуманъ. Его полезной дѣятельности мы обязаны тѣмъ, что наше земское управленіе оживилось въ послѣдніе три года. Я увѣренъ, что собраніе, выразивъ ему свою признательность вмѣстѣ съ другими членами управы, сочтетъ нужнымъ поблагодарить его и лично, какъ человѣка, который относился горячо къ своему дѣлу и клалъ въ него свою душу».

И сызранское земство выразило эту признательность г. Воейкову лично, какъ человѣку, и какъ предсѣдателю управы (Журналы—литографированные — сызранскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1874 года и доклады сызранской уѣздной земской управы. Сызрань. Земская литографія, 1874 г. Безъ обозначенія страницъ).

Но и на этомъ мы еще не можемъ проститься съ обозрѣніемъ земской жизни въ Поволжьѣ, потому что не считаемъ достаточною и полною представленную нами картину земской жизни на восточной окраинѣ русской земли.

VII.

Среднее, самарско-саратовское Поволжье, по отношенію къ старой, центральной Россіи, составляетъ край новый, молодой, въ которомъ разнородные элементы населенія напластывались и формировали земскую почву почти что на нашихъ глазахъ, въ XVIII и XIX столѣтіи. Край этотъ имѣетъ отчасти и характеръ колоніи, который тѣмъ отличается отъ характера метрополіи, что, унаслѣдовавъ отчасти историческія и бытовыя добродѣтели и пороки своей матери, молодой край вырабатываетъ себѣ и нѣкоторыя своеобразныя общественныя и бытовыя формы жизни, усвояетъ себѣ нѣкоторыя воззрѣнія, которыя обыкновенно дѣти усвояютъ внѣ вліянія родителей и, по свойственной молодости увѣренности въ своихъ силахъ, идетъ дальше того рубежа, до котораго не позволила бы доходить осторожная и нерѣшительная старость. Хотя наши колоніи нельзя сравнивать съ колоніями стараго свѣта въ молодой Америкѣ, гдѣ въ сумбурѣ унаслѣдованныхъ отъ матери Европы подчасъ дикихъ и безнравственныхъ общественныхъ воззрѣній и формъ, вырабатываются новыя, невѣдомыя въ Европѣ, формы жизни, но гдѣ все-таки не выходятъ изъ общественнаго организма тѣ внутренніе недуги, не залечиваются тѣ застарѣлыя болячки, не сходятъ съ общественнаго тѣла тѣ накожныя сыпи и худокачественные лишаи, которыми надѣлило новый свѣтъ историческое худосочіе старой Европы; однако и въ нашихъ колоніяхъ, въ Поволжьѣ, въ Приуральѣ и въ Новороссіи есть что-то напоминающее порывы молодости, выражающіеся иногда даже въ уродливыхъ формахъ, въ выходкахъ странныхъ, въ протестахъ, подчасъ доходящихъ до безобразія. Да и вся внѣшняя исторія Поволжья слагалась изъ этихъ порывовъ: тамъ гуляла «понизовая вольница», начиная отъ дружинъ Ермака и Стеньки Разина и кончая Пугачевщиной, удалыми шайками Заметаева, «славнаго» Кулаги, Брагина и другихъ атаманушекъ. Тамъ до сихъ поръ народъ поетъ о прошломъ, какъ и настоящемъ:

Волга-матушка бурлива, говорятъ,
Подъ Самарою разбойнички шалятъ,
А въ Саратовѣ дѣвицы хороши.

Остановимся на самарскомъ Поволжьѣ. Эта часть Поволжья, какъ и Поволжье саратовское, можетъ быть по справедливости названо русскою колоніею, и притомъ «колоніею бѣглыхъ». Лѣвое или правое поволжье, почти пустынное до половины XVIII вѣка, только съ этого времени, послѣ извѣстнаго манифеста

Екатерины II, стало заселяться выходцами изъ-за границы, русскими раскольниками, бѣжавшими изъ отечества во время гоненій на раскольниковъ, на русскую бороду и на русское платье, и нѣмецкими колонистами. Естественно, что старинныхъ помѣщичьихъ вотчинъ здѣсь не могло быть много, а равно не много было и помѣщиковъ, унаслѣдовавшихъ отъ предковъ московскій боярскій темпераментъ, и вмѣстѣ съ нимъ и историческія традиціи боярщины. Бродяги по преимуществу захватили въ свои руки Поволжье, а жизненный идеалъ бродяги всего менѣе можетъ быть консервативный, традиціонный. Бродяжническая колонизація Поволжья шла до послѣдняго времени. Бродяги шли сюда не только изъ раскольничьихъ пограничныхъ притоновъ и осаживались по Иргизу и по Волгѣ, не только изъ Германіи, изъ Швабіи, Вестфаліи, Эльзаса и Лотарингіи и осаживались въ заволжскихъ колоніяхъ, удержавшихъ имена метрополіи—въ Цюрихѣ, Золотурнѣ, Шафгаузенѣ, Гларусѣ, Нефшателѣ, не только изъ Малороссіи—украинцы послѣ мазепинскаго погрома, гайдамаки послѣ уманской рѣзни, но и бѣглые, и каторжники изъ Сибири, какъ говоритъ объ этомъ современная острожная пѣсня, записанная въ саратовскомъ тюремномъ замкѣ:

Мы заочно, братцы, распростимся
Съ бѣлой каменной тюрьмой,
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонятъ,
Мы не будемъ унывать—
Намъ въ Сибири не бывать,
Въ глаза ее не видать:
Здѣсь дороженька большая,
И съ путя можно бѣжать;
Деревушка стоитъ къ пути близко,
На краю Самаръ кабакъ,
Цѣловальникъ намъ знакомый,
Онъ изъ насъ же изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,
Кандалы съ насъ посымаетъ,
Можно будетъ намъ бѣжать, и т. д.

Дѣйствительно, въ Поволжье шла со всѣхъ концовъ Россіи и изъ Европы «нагота и босота», «голь кабацкая», «голытьба», «голота», «понизовая вольница», «удалые добрые молодцы-разбойнички все поволжскіе». И великороссіяне, и малороссіяне, и нѣмцы, скучившись въ Поволжьѣ, представляли какой-то невообразимый общественный аггломератъ, жили первое время бездомно, въ землянкахъ, и не легко было «недреманному оку» государственности наблюдать за этимъ сбродомъ. Но въ этомъ

сбродѣ, разорвавшемъ всякія связи съ прошедшимъ, тѣмъ сильнѣе сказалась живучесть, чѣмъ меньше у него было позади *своего*, дорогаго, неудобозабываемаго. Выходецъ изъ польской раскольничьей слободы Вѣтки забылъ, что онъ или его предокъ былъ москвичемъ; украинецъ, осѣвшійся за Волгой, забылъ, что онъ былъ мазепинцемъ, гайдамакою, запорожскимъ казакомъ; выходецъ изъ Вестфаліи забылъ о своей дорогой родинѣ и о вестфальской ветчинѣ, хотя и до сихъ поръ, самъ не вѣдая почему, охотно коптитъ свиные окороки и продаетъ ихъ въ Саратовѣ и въ Самарѣ. Прошло сто лѣтъ—и «колонія бѣглыхъ» превратилась въ богатый и цвѣтущій, относительно, поволжскій край. Она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ начинаетъ опережать свои метрополіи, какъ аттическая Греція въ свое время опередила метропольную Малую Азію и Египетъ, какъ Сѣверная Америка, эта европейская «колонія бѣглыхъ», опередила старушку Европу съ ея грекоримскимъ аристократизмомъ, плебеизмомъ, деспотизмомъ, цезаризмомъ, пауперизмомъ, консерватизмомъ, плутократизмомъ, милитаризмомъ и т. д., и т. д., и т. д.

Это броженье молодыхъ силъ отражается отчасти и въ земской дѣятельности Поволжья, хотя и тамъ наслѣдіе метропольной жизни гнетъ иногда молодую силу края такъ, какъ медвѣдь гнетъ въ лѣсу дуги, не паривши дерева, и ломаетъ ихъ. Къ сожалѣнію, намъ приходится имѣть дѣло съ самарскимъ земствомъ преимущественно въ то несчастное трехлѣтіе, когда край этотъ болѣзненно перемогался нѣсколько лѣтъ отъ сплошныхъ неурожаевъ и скотскихъ падежей и, наконецъ, окончательно изнемогъ подъ тяжестью голода. Передъ нами—результаты земской работы 1873 года, одного изъ самыхъ тяжелыхъ для самарскаго Поволжья. Весной 1873 года голодъ уже предчувствуется. Но на земствѣ лежатъ не одни заботы о продовольствіи, «не о хлѣбѣ единомъ». Открывается очередное майское самарское уѣздное земское собраніе. Въ собраніи не много дѣятелей изъ старинныхъ вотчинниковъ, потомковъ боярщины. Тутъ, напротивъ, вы видите не мало крестьянъ, которыхъ дореформенное время не научило грамотѣ, хотя дѣти ихъ уже бойко читаютъ и бойко пишутъ, а иные ужь сидятъ въ университетскихъ аудиторіяхъ и внимаютъ послѣднему слову науки. Тутъ не мало дѣятелей и изъ священниковъ, изъ того сословія, изъ котораго у насъ не мало выходило всегда или «крайнихъ правыхъ» силъ, или «крайнихъ лѣвыхъ». Секретаремъ собранія единогласно избирается священникъ Протасовъ, членами редакціонной комиссіи—священники же Кульгинскій, Ласточкинъ и Кильдюшевскій. *Неграмотные* гласные: Дворяниновъ, Мокѣевъ и Дюльдинъ избираютъ гласнаго Бѣлякова для

подписи за нихъ журналовъ данной сессіи. «Неграмотные гласные»—это еще остатки «добраго стараго времени». Намъ невольно при этомъ вспоминается личность того гласнаго изъ крестьянъ, именно Меледина, въ екатеринбургскомъ земствѣ, съ которымъ мы уже отчасти знакомы. Мелединъ—тоже продуктъ добраго стараго времени, крестьянинъ; но это крестьянинъ—ратай Микула Селяниновичъ, который, подобно такимъ же ратаямъ-крестьянамъ, Коняеву—соликамскому гласному, Скачкову—красноуфимскому, Начапкину—шадринскому, отвѣчаетъ земскимъ витязамъ-дворянамъ, богатырямъ Святогорамъ, представителямъ отживающаго богатырскаго цикла, которые, хвастаясь своею силою, не могли поднять «лыковой торбы» крестьянина Микулы Селяниновича:

«Зовуся Микулъ Селяниновичъ я,
Коль вѣдать изволитъ то милость твоя,
Вотъ тутъ изъ села недалече.
Кормилицѣ нашей землѣ я служу,
Ее берегу, обряжаю,
Съ молитвой за плугомъ весною хожу,
А по лѣту съ пѣснею жну, не тужу,
А въ зиму голодныхъ питаю.
Затѣмъ и котомка моя не пуста
И съ ногъ непривычнаго коситъ.
Въ ней земская, видишь, *лежитъ тяжота*;
Подъ ней подломилась твоя могота,
А мать-то земля ее сноситъ...».

Этотъ Мелединъ, какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, отвѣчалъ екатеринбургскимъ богатырямъ Святогорамъ, ратовавшимъ противъ увеличенія смѣты на народныя школы, что «политической экономіей уже доказано, какъ съ поднятіемъ уровня образованія работника увеличивается богатство страны», и что земство должно, обязано озаботиться народнымъ образованіемъ, «чтобы не видѣть въ средѣ своей крестьянъ-гласныхъ — совершенно безгласныхъ и на все согласныхъ».

Въ томъ году, о которомъ мы говоримъ, самарскому земству приходилось собираться три раза: одно собраніе было очередное и два чрезвычайныхъ. Въ очередную сессію земство занималось текущими дѣлами; но и текущія дѣла въ такомъ краю, какъ самарскій, возбуждаютъ иногда вопросы, которыхъ не приходится поднимать въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Кому приходилось проѣзжать въ зимнее время по степямъ восточныхъ окраинъ Россіи, тотъ знаетъ, каковы зимнія путешествія въ этихъ краяхъ. Богатыри Святогоры едва ли могли бы пуститься въ путь на своихъ добрыхъ коняхъ въ глухую самарскую или оренбургскую степь, когда на снѣжномъ океанѣ ничего не видно, на чемъ

бы могъ остановиться глазъ—ни деревца, ни кустика, ни горки, ни дорожнаго столба: одна бѣлая, ослѣпляющая гладь, заметаемая иногда буранами, да кое-гдѣ торчитъ степной объиндивѣвшій бурьянъ, который въ степномъ миражѣ кажется подчасъ лѣсомъ, рощею или садомъ, и тотчасъ же исчезаетъ, какъ вы къ нему приближаетесь. Только Микулы Селяниновичи осмѣливаются пускаться въ это неоглядное снѣжное море съ своею лыковою котомкою или на своихъ дровняхъ съ лыковою упряжью. И вотъ земство, чтобы возможно было Микуламъ Селяниновичамъ пробираться степями изъ села въ село и не быть занесенными снѣгомъ, не попадать иногда, во время свирѣпствованія снѣжнаго бурана, въ степные овраги, обозначаетъ пути отъ села до села «вехами» или «вѣшками», состоящими бо̀льшею частью изъ клочка соломы, воткнутаго въ снѣгъ или взоткнутаго на палочку, которая опять-таки укрѣпляется въ снѣгѣ. Лѣсу въ степи мало или почти совсѣмъ нѣтъ, и потому невозможно «вешить» дорогу болѣе замѣтными знаками, хотя бы хворостяными треножками, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ чумаки варятъ кашу въ степяхъ. Но что въ состояніи сдѣлать соломенная, камышевая и даже хворостяная вѣшка передъ бураномъ? Ее сверху до низу занесетъ снѣгомъ, и часто случается видѣть, что крестьянинъ, сбившись съ дороги, ползаетъ по сугробамъ, ощупывая въ снѣгу, не занесенъ ли тамъ вьюгою клочокъ соломы — спасительный кокпасъ въ снѣжномъ морѣ. — Чтобы дать возможность сельскимъ жителямъ имѣть сношенія въ зимнее время съ сосѣдними жильями — возить въ городъ хлѣбъ, ѣздить за покупками, вносить въ казначейства подати, возить въ рекрутскія присутствія своихъ рекрутъ, а въ остроги — своихъ «несчастненькихъ», земство задумало замѣнить вехи какими-либо болѣе прочными и болѣе видимыми знаками. Въ этихъ видахъ гласный Кноррингъ заявляетъ, что «постановка вехъ настоящимъ способомъ, т. е. навязываніемъ соломы на воткнутые извѣстной величины прутья, или постановка сноповъ камыша на вбитые колья не достигаетъ цѣли, потому что въ сильные зимніе бураны вехъ тѣхъ становится не видно». По мнѣнію г. Кнорринга, было бы цѣлесообразнѣе, вмѣсто обыкновенныхъ вехъ, становить столбы, толщиною отъ 3 до 4 вершковъ, на разстояніи 10 сажень одинъ отъ другого, и постановку этихъ дорожныхъ знаковъ сдать на продолжительное время. Кноррингу возражали гласные Мохинъ, Елизаровъ, Кильдюшевскій и другіе, находя, что и постановка столбовъ, и сохраненіе ихъ обойдется земству очень дорого, и что, кромѣ стоимости самого лѣса и постановки столбовъ, столбы эти будутъ вытаскивать изъ земли и увозить на топку печей

и на другія надобности, особенно въ безлѣсной степи, гдѣ всякій прутикъ дорогъ для мужика, у котораго на душевомъ надѣлѣ даже лучина не ростетъ, а за оглоблю, за дугу, за деревянную чашку и ложку онъ долженъ платить изъ того же душеваго надѣла, надъ которымъ виситъ и земскій сундучокъ, требующій пищи, и казначейскій сундучище, обладающій волчьимъ аппетитомъ. Гласный Милинъ дѣлаетъ возраженія весьма вѣскія. Онъ говоритъ, что если постановка каждаго столба будетъ стоить хотя 50 коп., то, поставивъ ихъ на каждой верстѣ по сотнѣ, земство должно разомъ затратить 25,000 рублей на одни только почтовыя и коммерческія дороги, протяженіе которыхъ по Самарскому уѣзду доходитъ до 500 верстъ. «Однихъ процентовъ съ 25,000 руб. достаточно для ежегодной постановки вехъ по нынѣшнему способу на всѣхъ трактахъ». Но ему возражаютъ, что вехи—это фиктивное успокоеніе земской совѣсти, будто земскія дороги имѣютъ путевые знаки, что надо подумать о доставленіи дѣйствительныхъ способовъ зимняго передвиженія. Земство останавливается на томъ, чтобы разработать вопросъ о замѣнѣ нашихъ историческихъ, національныхъ вехъ другими дорожными знаками.

Но земству надо подумать и о томъ, чтобы «меньшому брату», уходящему—отъ нашей экономической неурядицы и неладицы, унаслѣдованныхъ по законамъ исторической преемственности отъ полянъ, древлянъ, радимичей и варяговъ, убѣгающему отъ исторической деморализаціи, предразсудковъ, невѣжества и безграмотности—дать средства бороться съ окружающими его темными силами. И вотъ земство, сколько можетъ и сколько ему позволено, заводитъ школы, вынимая для этого иногда послѣднюю копейку изъ кармана меньшого брата, чтобы ему же купить книжку, построить школу, нанять учителя. Самарское земство,—особенно тѣ уѣзды, которые примыкаютъ къ саратовскому Поволжью,—стоитъ въ числѣ первыхъ нашихъ земствъ по степени заботливости о народномъ образованіи. Мы говорили, что нѣкоторыя уѣздныя земства, особенно въ сѣверо-восточныхъ, приуральскихъ окраинахъ нашихъ, ежегодно ассигнуютъ на народныя школы до 25,000 рублей. Нѣкоторыя самарскія уѣздныя земства не уступаютъ въ этомъ отношеніи приуральскимъ, и даже въ голодный 1873 годъ самарское уѣздное земство рѣшилось ассигновать болѣе 13,000 рублей на народное образованіе, тогда какъ петербургское, не опасаясь голода, ассигнуетъ почти вдвое менѣе этого, одесское тоже, когда, между тѣмъ, къ Петербургу и къ Одессѣ приливаютъ сотни милліоновъ и даже мильярды изъ народной экономіи всей русской земли, а къ какому нибудь Новоузенску, построенному еще

такъ недавно на мѣстѣ, занимаемомъ киргизскою кибиткою, приливаютъ только грошй да копейки. Самарское земство понимаетъ великое значеніе женщины въ народномъ образованіи и, не опасаясь, подобно г. Кикину, шадринскому лѣсничему и гласному, что «женщины станутъ образованнѣе мужчинъ», открываетъ школу для сельскихъ учительницъ. Въ эту школу поступаютъ земскими стипендіатками и крестьянскія дѣвочки, и дочери мѣстныхъ земскихъ гласныхъ: будущія учительницы изъ народа, дочери земскихъ дѣятелей, поучающія своихъ «братьевъ», уже не «меньшихъ», а ровесниковъ, и своихъ сестеръ отбиваться отъ темныхъ силъ — это самый цѣнный историческій памятникъ, который созидаетъ себѣ земство и къ которому, дѣйствительно, «не заростетъ народная тропа». Такъ, въ разсматриваемую нами сессію самарскаго земства, дочь гласнаго Кочанова зачисляется земскою стипендіаткою въ школу сельскихъ учительницъ. Затѣмъ выдаются суммы на устройство двухкласснаго училища въ селѣ Новыхъ-Костычахъ и народной школы въ селѣ Студенцѣ. Тутъ же земство удовлетворяетъ ходатайства: самарскаго губернатора — о пособіи на устройство школъ съ русскимъ языкомъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Розенталѣ, Бергталѣ и Константиновкѣ, менонитовъ — объ устройствѣ училища съ русскимъ языкомъ въ колоніи Александрталь, и сельскихъ обществъ—о пособіяхъ на ихъ народныя школы. Наконецъ, земство же входитъ съ ходатайствомъ къ высшему училищному начальству: «въ видахъ необходимаго образованія дѣтей малоимущихъ дворянъ, на участкахъ которыхъ нѣтъ вовсе училищъ, образовать двухклассную школу съ содержаніемъ отъ казны». Не ограничиваясь этими мѣрами, непосредственно относящимися къ дѣлу народнаго образованія, самарское земство способствуетъ своими средствами изученію края, его экономическаго положенія и тѣхъ нуждъ, о которыхъ населеніе не всегда можетъ, не всегда умѣетъ и не всегда смѣетъ само заявлять. Да и куда могутъ идти эти заявленія, еслибъ они были возможны? До полиціи это дѣло не касается. До суда не касается. У насъ пока еще существуетъ три способа заявленій — это прошеніе на гербовой бумагѣ, жалоба по начальству и «гласное» заявленіе передъ полиціей, выражаемое крикомъ: «караулъ!» «батюшки, грабятъ! рѣжутъ!» Другихъ формъ заявленій наша историческая жизнь не выработала. Но вѣдь нужды населенія само населеніе не можетъ же выразить въ этихъ трехъ простѣйшихъ формахъ— въ просьбѣ на гербовой бумагѣ, въ жалобѣ на обиду, въ судебномъ искѣ и въ крикѣ «караулъ!». Бываютъ нужды очень сложныя, и ихъ на гербовой бумагѣ не напишешь, тѣмъ болѣе, что

скопомъ подписываться подъ форменной бумагой законъ воспрещаетъ. Теперь являются для населенія двѣ, только-что еще выработанныя нашею современною исторіею, формы петицій—обращеніе къ земству и къ печати. Нѣкоторыя земства сознали уже эту простую истину и позволяютъ населенію входить къ нимъ съ своими петиціями, а сами, съ своей стороны, входятъ съ петиціями къ печати, если только эти петиціи и формы, въ которыхъ они выражаются, одобрены губернаторомъ. Въ формѣ петиціи къ печати представляется намъ содѣйствіе самарскаго земства, оказанное имъ г. Гончарову, секретарю самарскаго статистическаго комитета, при изслѣдованіи имъ положенія мѣстнаго сельскаго населенія въ экономическомъ отношеніи. Помогая г. Гончарову своими средствами, самарское земство выговорило себѣ одну только награду: просило г. Гончарова, «не найдетъ ли онъ возможнымъ, при отпечатаніи результатовъ, добытыхъ во время поѣздки, прислать въ управу по одному экземпляру на каждаго гласнаго». Пишущій это имѣлъ потомъ случай видѣть г. Гончарова во время его поѣздокъ по Заволжью, которыя совершались имъ вмѣстѣ съ однимъ англичаниномъ, давно изучающимъ Россію и въ прошломъ году избраннымъ въ члены русскаго географическаго общества. Если русская печать не обогатится научными результатами этого путешествія по нашему «новому свѣту»—невѣдомымъ міру и литературѣ заволжскимъ степямъ, то безъ сомнѣнія, эти результаты обогатятъ литературу западной Европы при посредствѣ любознательнаго спутника г. Гончарова. Земская же петиція къ печати хотя косвенно и окольнымъ путемъ достигнетъ своей цѣли.

Мы остановились на томъ годѣ, когда самарское Заволжье посѣтилъ голодъ. Въ началѣ уже лѣта земство видѣло, что страшный гость близко, что скоро онъ начнетъ стучаться въ двери каждой крестьянской избушки. Потому земство настояло на созваніи чрезвычайнаго земскаго собранія. Созывъ состоялся въ августѣ 1873 года, когда литература — эта любознательная гоголевская почтмейстерша, знавшая всѣ городскія новости и сообщавшая своимъ знакомымъ даже о томъ, о чемъ писали имъ друзья ихъ и родные, прежде чѣмъ тѣ, коимъ адресованы были письма и коимъ содержаніе ихъ почтмейстерша сообщала, получали эти письма,—когда, повторяемъ, литература уже стала поговаривать о томъ, что въ самарскомъ Поволжьѣ ожидается голодъ. По открытіи собранія, ему тотчасъ же было доложено управою о томъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ неожиданно очутилось населеніе уѣзда, а вмѣстѣ съ нимъ и земство, какъ исполнительно-хозяйственный органъ края. Собраннаго хлѣба въ большей части волостей оказа-

лось недостаточно на годичное продовольствіе населенія и на обсѣмененіе полей: всего собрано было хлѣба менѣе четверти озимаго и по четверти съ небольшимъ яроваго на душу. «Этимъ хлѣбомъ, по словамъ управы, должно обезпечиваться не только годичное продовольствіе и обсѣмененіе полей, но и всѣ прочія потребности хозяйства, повинности общественныя, земскія и государственныя, такъ какъ все населеніе Самарскаго уѣзда по преимуществу земледѣльческое и другими промыслами почти не занимается. Ясное дѣло (говоритъ управа), что при этомъ условіи, собранный съ полей хлѣбъ далеко не покроетъ въ текущемъ и будущемъ году нуждъ населенія, а существовавшіе хлѣбные запасы за неудовлетворительными урожаями прежнихъ трехъ лѣтъ, всѣ почти разобраны въ ссуду». Въ докладѣ, между прочимъ, говорится, что на вспомоществованіе одному Самарскому уѣзду потребовалось бы не менѣе милліона рублей, «какой суммы, по словамъ управы, правительство не отпуститъ», что, по этому въ виду крайне безвыходнаго положенія населенія, слѣдуетъ просить хотя тысячъ 50, а для пополненія на будущее время запасовъ—установить общественныя запашки подъ общимъ земскимъ контролемъ. Но бѣда, какъ извѣстно, не приходитъ одна. Въ другомъ докладѣ управа говоритъ, что «плохіе или хорошіе урожаи хлѣбовъ стоятъ въ самой тѣсной связи съ успѣшнымъ или неуспѣшнымъ поступленіемъ земскихъ сборовъ», что, «за неудовлетворительными урожаями хлѣбовъ въ трехъ прошлыхъ и положительно плохимъ урожаемъ ихъ въ настоящемъ году, сборы земскіе все болѣе и болѣе поступаютъ медленно и несвоевременно, а недоимки увеличиваются»; что «между тѣмъ, за тѣми же неурожаями, исполненіе потребностей земскихъ по многимъ частямъ *обходится дороже и требуетъ значительно большихъ наличныхъ суммъ противъ урожайныхъ годовъ*»; что, по этому, многіе земскіе контрагенты оказываются несостоятельными, а земство, передавая исполненіе разныхъ земскихъ потребностей другимъ контрагентамъ, должно дѣлать переплаты противъ прежнихъ условій; что ремонтеры и содержатели земскихъ дорогъ оказались несостоятельными, и земство вновь должно переплачивать; что, наконецъ, въ это бѣдственное время, даже мѣстная администрація требуетъ отъ земства излишнихъ жертвъ—на полотно почтовой дороги, на изготовленіе плановъ селеній и т. д.

Дѣйствительно—положеніе отчаянное. Но въ этомъ отчаянномъ положеніи земству ничего не оставалось, какъ просить объ ассигнованіи жалкихъ 50 тысячъ на спасеніе цѣлаго уѣзда. Тогда, какъ извѣстно, заговорила печать, къ которой съ своею

петиціею вошелъ графъ Толстой, извѣстившій Россію, что въ богатомъ самарскомъ Поволжьѣ люди ѣдятъ хлѣбъ, ничѣмъ не отличающійся по виду и по своимъ питательнымъ качествамъ отъ уличной грязи, и пухнутъ отъ голода. Очевидно, что земство тутъ уже ничего не могло сдѣлать—оно было безсильно. Оно поневолѣ должно было изображать изъ себя сидѣлку въ камерѣ опасно больныхъ, и для одного больного изготовлять домашнее, послѣднее лекарство, другому—шить саванъ. Въ декабрѣ открыто было второе чрезвычайное собраніе. Управа представляетъ этому собранію составленную ею, при помощи присяжныхъ лицъ, вѣдомость нуждающимся и голодающимъ: по этой вѣдомости оказывается въ одномъ Самарскомъ уѣздѣ, да и то не по всѣмъ волостямъ, 55,957 человѣкъ, нуждающихся въ хлѣбѣ. На прокормъ ихъ оказывается нужнымъ 210,000 рублей, да на обсѣмененіе полей хлѣба—на 694,000 рублей. Дѣйствительно, одному уѣзду нуженъ милліонъ рублей. У земства должны были опуститься руки, и надо было ждать спасенія извнѣ. Со всѣхъ концовъ Россіи являются эти спасители-жертвователи: поступаютъ приношенія, какъ читатель вѣроятно помнитъ изъ газетъ, отъ Коли, отъ Пети, отъ младенца Лидіи, отъ «маленькой Кати», отъ Наташи и т. д. Эти крошки становятся, невѣдомо для нихъ самихъ, земскими дѣятелями. На сцену выступаетъ «дамскій комитетъ». Русскія женщины, въ лицѣ Мордвиновой, Луковниковой, Никоновой, Шумовой, Шахларевой, Кореневой и другихъ, заносятъ свои имена на страницы исторіи, потому что будущій историкъ, можетъ быть въ XX или XXX вѣкѣ, воспроизводя картину прошедшихъ бѣдствій человѣчества, отыщетъ эти имена въ забытыхъ архивахъ и книгохранилищахъ и не забудетъ занесть ихъ на страницы своей исторіи, какъ мы не забываемъ въ своихъ учебникахъ напоминать дѣтямъ объ Антигонѣ, водившей и кормившей нищаго царя-отца, о кореагенянкахъ, отрѣзывавшихъ свои прекрасныя косы для витья канатовъ на корабли, безжалостно истребляемые римлянами.

Но мы не будемъ долго останавливаться собственно на этой дѣятельности самарскаго земства: печать и молва достаточно познакомили въ свое время всю Россію съ тѣмъ, что̀ дѣлалось тогда за Волгой.

Посмотримъ теперь, что̀ сдѣлало поволжское земство для народнаго образованія, для просвѣтленія того населенія, которое еще недавно могло назваться «колоніею бѣглыхъ». Оказывается, что «бѣглые» едва ли не способнѣе сидячихъ къ развитію, и если подстоличное населеніе и населеніе метропольныхъ центровъ успѣло, въ восемь—десять лѣтъ земской самодѣятельности

сдѣлать одинъ шагъ къ этому пути, то бѣглые или скорѣе ихъ потомки сдѣлали два, три и болѣе. Въ одномъ Самарскомъ уѣздѣ считается теперь 55 училищъ—это почти вдвое больше чѣмъ въ Петербургскомъ и въ другихъ центральныхъ, такъ сказать, историческихъ уѣздахъ. Тамъ учащихся насчитываютъ до полуторы тысячи, здѣсь—болѣе 2,300 учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ. И при всемъ томъ дѣятели самарскаго земства желаютъ и ищутъ большаго. Напримѣръ, тамошній гласный, священникъ Кульгинскій, между прочимъ, предъявляетъ земству слѣдующее: «Изъ мѣстной, окружающей среды слышатся нерѣдко такіе отзывы объ училищахъ, что они находятся не въ весьма удовлетворительномъ состояніи оттого будто бы, что учителя нашихъ народныхъ училищъ или очень плохи, или не занимаются, какъ слѣдуетъ, своимъ дѣломъ, вслѣдствіе чего и народное образованіе идетъ плохо и медленно. Съ подобными отголосками отчасти и можно согласиться; но нельзя же такъ строго относиться изъза нѣкоторыхъ ненормальныхъ явленій училищной жизни ко всему училищному строю, потому собственно, что наше народное образованіе имѣетъ не далекое начало свое. Составъ учителей нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ; но и этотъ составъ успѣлъ достаточно заявить себя въ дѣлѣ народнаго образованія, при всемъ препятствіи какъ со стороны матеріальной, мало обезпечивающей содержаніе ихъ, такъ и со стороны лицъ, равнодушно и ретроградно относящихся къ этому дѣлу. Предположимъ, что учителя нашихъ народныхъ училищъ мало приносятъ пользы, *за то*, мнѣ кажется, *они положительно не могутъ принести никакого вреда*».

Если бы священникъ Кульгинскій говорилъ это въ англійскомъ парламентѣ или во французскомъ собраніи, то при послѣднихъ словахъ его изъ разныхъ мѣстъ собранія послышались бы голоса: «слушайте! слушайте!» или: «правда», или: «браво!» Но въ самарскомъ земскомъ собраніи этихъ голосовъ не было слышно: у насъ это еще не принято. А между тѣмъ г. Кульгинскій затронулъ своимъ заявленіемъ очень живое и больное мѣсто нашего училищнаго строя. Кому не извѣстно, что добрые люди распускали недобрую молву о земствѣ и учительствѣ. Но молва напрасно обижала наше училищное начальство и заставляла сомнѣваться въ дальнозоркости его «недреманнаго ока». *Священникъ* Кульгинскій, лицо духовное, само стоящее на стражѣ нравственности, тоже отрицаетъ справедливость недоброй молвы о народномъ учительствѣ: «Положеніе учителя—самое колеблющееся. *Они контролируются и министерствомъ народнаго просвѣщенія въ лицѣ инспектора народныхъ училищъ, и членами училищнаго совѣта*

и мировыми посредниками, и благочинными, и мѣстными приходскими священниками, и членами волостныхъ правленій, и, наконецъ, мѣстнымъ обществомъ, въ лицѣ каждой отдѣльной личности, такъ что угодить на такую, съ различными взглядами, понятіями и убѣжденіями, корпорацію почти невозможно. А между тѣмъ, дѣло народнаго образованія идетъ впередъ и въ количествѣ учащихся и въ развитіи ихъ». Изъ заявленій члена училищнаго совѣта г. Симакова, мы видимъ также, что потомки «бѣглыхъ» обгоняютъ потомковъ сидней-сидячихъ. Было бы невозможно сообщать отдѣльные факты о томъ, что̀ и какъ дѣлается въ Поволжьѣ въ этомъ отношеніи. Но мы укажемъ на одинъ фактъ, говорящій въ пользу того, что, глядя на молодежь, и старики-крестьяне начинаютъ учиться, чтобы хоть на тотъ свѣтъ уйти грамотными, не темными людьми, какими ихъ застала прежняя наша неприглядная жизнь. Наприм., въ Дубовомъ-Уметѣ народная школа не только переполнена молодежью, но тамъ воскресаетъ и погребенная болѣе десяти лѣтъ въ Россіи народная воскресная школа: въ нее идутъ всѣ, начиная отъ двадцатилѣтняго до пятидесятилѣтняго возраста. Но при всемъ томъ отовсюду слышатся жалобы, что учителей для народа мало. Да и кому охота, безъ крайней нужды, толкаться съ своими познаніями въ дверь народной школы, въ виду полоротой молвы, обзывающей всѣхъ учителей неблагонамѣренными, и въ виду того, что, по отзыву отца Кульгинскаго, народное образованіе находится у семи нянекъ на рукахъ, а на учителя смотрятъ разомъ отъ четырнадцати до ста-сорока начальственныхъ глазъ, неодинаково смотрящихъ на дѣло (у инспектора два глаза, у училищнаго совѣта-minimum шесть глазъ, у мироваго посредника два, у благочиннаго два, у священника отъ двухъ до шести, у волостнаго правленія minimum шесть глазъ и у общества—болѣе сотни). Не удивительно послѣ этого слышать такіе отзывы объ учителяхъ, какіе мы слышимъ отъ г. Симакова, что «можно пожелать болѣе мягкости и любви къ дѣлу въ школѣ Александровской-Еланской, а Томыловской—усердія»; что «колыванскому учителю слѣдуетъ обратить вниманіе на односторонность трудовъ его и направленія школы»; что «г. Аргентовъ такъ проникся въ семинаріи религіозною и почти исключительно догматическою стороною дѣла, что продолжаетъ вести въ этомъ же направленіи и свою сельскую школу, упуская изъ виду другую, болѣе практическую сторону» и т. д. Наконецъ, и инспекторъ народныхъ училищъ, изображающій собою наше историческое «недреманное око», г. Книзе, говоритъ, что, по произведенному имъ осмотру, «школы Самарскаго уѣзда, за небольшими исключенія-

ми, найдены вообще въ удовлетворительномъ состояніи»; что «число учащихся, сравнительно съ третьегоднимъ, *увеличилось почти вдвое*, а преподаваніе годъ отъ году становится разумнѣе»; что «улучшеніе замѣчается и въ хозяйственной части школъ»; что «несмотря на неурожайный годъ, къ нему поступило четыре приговора о постройкѣ новыхъ помѣщеній для училищъ» и т. д., и т. д.

Въ разсматриваемую нами сессію самарскаго земства случилось нѣчто странное, чего мы не беремся объяснять. Въ засѣданіи 17-го декабря разсматривалось прошеніе «малоимущихъ дворянъ» елшанской волости, которые просили земство оказать имъ пособіе отпускомъ изъ земскаго сбора по 400 руб. въ годъ на содержаніе предполагаемаго къ устройству въ селѣ Елшанкѣ двухкласснаго для дворянъ отъ казны училища. Докладывалъ это прошеніе г. Кнорринтъ, уже нѣсколько знакомый намъ изъ предыдущаго. Во время доклада г. Кнорринтъ, между прочимъ, заявляетъ слѣдующее:

— Многіе изъ крестьянъ, бывшихъ на волостномъ сходѣ, и въ особенности крестьяне села Елшанки, какъ я замѣтилъ, бывши на сходѣ вмѣстѣ съ инспекторомъ народныхъ училищъ, г. Книзе, хотя и согласны были бы принять на себя причитающіеся на ихъ часть расходы на содержаніе училища, но отказались отъ этого только по разстройству ихъ и настоянію волостного старшины, который *вѣроятно* дѣйствовалъ по иниціативѣ г. мироваго посредника, и *вѣроятно* этого не случилось бы, если бы г. мировой посредникъ относился болѣе сочувственно къ дѣлу народнаго образованія и внушеніями своими направлялъ волостное начальство и крестьянъ къ содѣйствію правительству и земству въ этомъ полезномъ для нихъ дѣлѣ.

Мы увѣрены, что въ петербургскомъ земствѣ такого откровеннаго, откровеннаго до шероховатости, заявленія никто бы себѣ не позволилъ. Сейчасъ видно, что мы находимся не въ Петербургѣ, а въ Поволжьѣ. Надо замѣтить, что мировой посредникъ, г. Аристовъ, о которомъ такъ откровенно говоритъ г. Кнорринтъ, сидитъ тутъ же и слушаетъ, что онъ будто бы разстроивалъ крестьянъ—«не помогайте-де дворянамъ».

— Я до сихъ поръ не слыхалъ ничего подобнаго о дѣйствіяхъ елшанскаго волостнаго старшины, отвѣчаетъ г. Аристовъ: — а если г. Кнорринтъ точно сочувствуетъ дѣлу народнаго образованія и замѣтилъ какое-либо, хотя и тайное противодѣйствіе этому дѣлу со стороны старшины, то прямою его обязанностью было сейчасъ же, по возвращеніи въ управу, сообщить объ этомъ отъ управы мировому посреднику, который навѣрное произвелъ

бы дознаніе и такой поступокъ старшины предалъ бы законному преслѣдованію, еслибы заявленіе г. Кнорринга подтвердилось, но не оставлять его на долгое время въ какомъ-то секретѣ и потомъ голословно заявлять объ этомъ собранію, какъ бы только въ порицаніе мировому посреднику.

— Я имѣю свидѣтелей, настаиваетъ на своемъ обвиненіи г. Кнорингъ:—и могу доказать совершившійся фактъ...

Третій изъ присутствовавшихъ въ собраніи, г. Санинъ, замѣтивъ, что «фактъ этотъ имѣетъ весьма существенное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія», проситъ записать заявленіе г. Кнорринга въ журналъ. Записываютъ и—расходятся.

На другой день г. Аристовъ проситъ предсѣдателя собранія выдать ему копію съ журнала, въ которомъ его обвиняютъ въ подстрекательствѣ крестьянъ противъ дворянъ. Гласный Долговъ заявляетъ на это, что законъ не обязываетъ собраніе выдавать копіи съ своихъ журналовъ гласнымъ, а что впослѣдствіи г. Аристовъ получитъ печатный экземпляръ всѣхъ журналовъ собранія.

Г. Кнорингъ, видя, что дѣло принимаетъ нѣсколько щекотливое направленіе, начинаетъ извиняться передъ г. Аристовымъ.

— *Если г. Аристовъ* (говоритъ онъ) *считаетъ для себя выраженіе «вѣроятно по иниціативѣ г. посредника» оскорбительнымъ, то я беру это выраженіе назадъ...* Я не имѣлъ задней мысли чѣмъ-либо *оскорбить* г. Аристова, а нахожу только дѣйствія старшины недобросовѣстными.

Такъ и пахнетъ отъ всего этого XVIII вѣкомъ въ XIX. Одинъ хочетъ изобразить изъ себя «разъѣздную команду», которыя высылали воеводы противъ «понизовой вольницы», противъ «воровъ-разбойниковъ», а другой смѣло отвѣчаетъ: «мы не воры, не разбойнички—мы удалые добрые молодцы, ребята все поволжскіе...» Но XVIII вѣку уже не воротиться, и разъѣздныхъ командъ высылать не на кого.

Замѣчательно, однако, до чего измѣнились дѣла въ Поволжьѣ, въ томъ Поволжьѣ, гдѣ полиція когда-то изъ силъ выбивалась, ловя «понизовую вольницу», а потомъ бѣглыхъ: теперь дѣти этихъ бѣглыхъ ловятъ полицію. Самарское земство печатно, чрезъ *земскую* типографію, заявляетъ, что оно, «при настояніи лично у городскихъ землевладѣльцевъ о скорѣйшей уплатѣ земскаго налога за прежнее время, *сталкивалось* съ нѣсколькими случаями растраты земскихъ денегъ чинами самарской полиціи...» (Постановленіе третьяго очереднаго самарс. уѣз. зем. собр. въ третьемъ трехлѣтіи, и двухъ чрезвычайныхъ собраній 1873 года. Самара. Самарская *земская типографія*. 1874, стр. 1, 2, 3—5, 39—42, 48, 56, 60, 62, 63, 64—66, 68—72, 75, 87, 88, 91, 92, 93, 409—423).

VIII.

Хотя и слѣдовало бы теперь для полной характеристики земской дѣятельности въ Поволжьѣ привлечь къ разсмотрѣнію работы саратовскаго земства, тѣмъ болѣе, что въ саратовскомъ Поволжьѣ, повидимому, сходятся всѣ главные нервные узлы духовной и экономической жизни цѣлаго Поволжья, однако на этотъ разъ мы обойдемъ Саратовъ и весь тяготѣющій къ нему районъ, имѣя на это свои причины, а заглянемъ прежде въ мѣстности, лежащія ближе къ метропольнымъ центрамъ. Въ нашемъ земскомъ паломничествѣ, странствуя изъ града въ градъ, изъ веси въ весь для поклоненія живымъ угодникамъ русской земли, мы посѣтили и Петербургъ съ его окрестностями, заходили и далеко на востокъ, за Рифейскія горы, гдѣ видѣли на свободѣ тѣхъ несчастныхъ гоговъ и магоговъ, которыхъ еще Александръ Филипповичъ Македонскій, этотъ великій раззоритель вселенной, заклепалъ въ эти каменныя горы; заходили и къ «курянамъ», прославленнымъ нѣкогда пѣвцомъ «Слова о полку игоревѣ»; прошлись и по Украинѣ, по поэтической родинѣ Наталки-Полтавки; заглянули и въ Поволжье. Но мы не были еще въ тѣхъ областяхъ русской земли, которыя когда-то спорили съ Москвою за первенство и за владѣніе всею этою великою землею—не были во владѣніяхъ бывшаго «Господина Великаго Новгорода»; во владѣніяхъ Пскова—въ этихъ двухъ умершихъ республикахъ древней Руси, а равно не видали, что̀ дѣлается въ тверской землѣ, когда-то сильно тѣснившей царственную московскую землю. Прежде, чѣмъ мы заглянемъ въ Новгородъ и Псковъ, остановимся на время въ бывшихъ владѣніяхъ тверскихъ князей, погибшихъ отъ своего неумѣнья ладить съ ордою и кланяться ей низкимъ московскимъ поклономъ.

Передъ нами весьегонская глушь; но это—глушь не заволжская и не зауральская, не украинская даже, а глушь, имѣвшая свое историческое прошлое. Весьегонскій и краснохолмскій мужикъ вѣроятно пахалъ свое поле на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пашетъ теперь, еще и тогда, когда татары мучили его князя въ ордѣ за то, что онъ не умѣлъ кланяться ниже Москвы. До сихъ поръ пашетъ весьегонскій мужикъ свое историческое поле и незнаетъ, что оно историческое, не узналъ бы, можетъ быть, и никогда этого, еслибъ его парнишку Яшу весьегонское земство не выучило читать и писать, не повело бы въ тверскую гимназію и не дало ему возможности узнать, что онъ—потомокъ того

весьегонскаго мужика, который когда-то воевалъ съ Москвою за гегемонію Твери и Весьегонска надъ всею русскою землею. Изъ весьегонскаго крестьянскаго мальчика Яши вышелъ образованный молодой человѣкъ Яковъ Соколовъ, и вотъ что̀ этотъ Яковъ Соколовъ, теперь уже оканчивающій курсъ въ тверской гимназіи, вотъ съ какими замѣчательными словами обращается къ весьегонскому земству, какъ бы отъ имени всего тамошняго крестьянскаго люда, давая этимъ понять, *чѣмъ* бы могло быть наше земство для *всей* Россіи:

«До сихъ поръ мнѣ ни разу не представлялось случая представиться своимъ добрымъ воспитателямъ ни на одномъ изъ собраній и выразить свою нижайшую благодарность за тѣ великія для меня благодѣянія, которыми я пользуюсь со стороны земства уже четвертый годъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я умѣю различать правую руку отъ лѣвой, съ тѣхъ поръ, какъ я въ состояніи, насколько возможно, понимать порядокъ вещей, я знаю и цѣну того, что̀ до сихъ поръ сдѣлано для меня земствомъ. Всякій разъ, когда я попристальнѣе всматриваюсь въ свое настоящее, всякій разъ, когда я припоминаю свое недалекое прошлое и сопоставляю его съ настоящимъ, проходящимъ передъ моими глазами, какъ картина того счастія, какое только можетъ видѣть человѣкъ въ своемъ образованіи, всякій разъ въ такихъ случаяхъ я горю тою искреннею благодарностью къ весьегонскому земству, на какую могутъ вызвать человѣка только сознанныя благодѣянія. Да и возможно ли не быть въ высшей степени благодарнымъ земству, если я сознаю всю важность и драгоцѣнность своего образованія, въ которомъ я единственно обязанъ земству и о которомъ при другихъ обстоятельствахъ я могъ бы только мечтать? Могу ли я не быть благодарнымъ земству, если я сознаю, что единственно съ помощью его я вышелъ, какъ говорится, на свѣтъ божій по столь похвальному пути, какъ образованіе, какъ наука, *и притомъ вышелъ изъ того мрака и невѣжества, на которые до сихъ поръ была обречена жизнь нашей бѣдной крестьянской среды и въ которыхъ необходимо долженъ былъ бы коснѣть и я?* Средства, предоставленныя мнѣ земствомъ, даютъ мнѣ возможность видѣть себя настолько счастливымъ, что мое образованіе въ среднемъ учебномъ заведеніи идетъ уже къ концу, и, быть можетъ, въ скоромъ времени будутъ отверсты для меня и двери высшихъ учебныхъ заведеній— счастіе, *которому не можетъ не радоваться бѣдный крестьянинъ*! Но кого видѣли отцы наши, чтобъ, къ чести и славѣ цѣлаго сословія, кто нибудь былъ настолько осчастливленъ судьбою и добродѣтелью полезнѣйшаго учрежденія, какимъ является нынѣ

для насъ земство? Полученіе стипендій воспитанниками—не новость; видѣть получившихъ образованіе не только среднихъ учебныхъ заведеній, но даже и высшихъ—тѣмъ болѣе не новость; *но кого мы видимъ таковыми изъ крестьянъ, или, если видимъ, то много ли ихъ? Мы, бѣдные и доселѣ заброшенные крестьяне, съ тѣхъ только поръ и видимъ, какъ озаряетъ людей свѣтъ образованія, когда стало намъ извѣстно и знакомо имя земства; съ этихъ только поръ сталъ снисходить на насъ этотъ согрѣвающій, произращающій и оживляющій наши заглохшія силы лучъ счастія, когда дѣло нашего образованія ввѣрено земству* и вошло въ многосложную программу его общеполезной дѣятельности; *съ этихъ только поръ мы слышимъ голосъ, призывающій насъ смѣло и радостно-гордо заявлять, что мы такіе же граждане отечества, какъ и всѣ, и что у насъ скорѣй недостаетъ матеріальныхъ силъ, чѣмъ умственныхъ*; мы не только слышимъ этотъ благодѣтельный для насъ голосъ со стороны земства, но и получаемъ, насколько возможно, средства, изысканныя имъ и предоставленныя намъ для того, чтобъ идти рука объ руку съ прочими сословіями и въ этомъ сліяніи служить украшеніемъ своихъ возрождающихся собратій. Кто, слѣдовательно, изъ насъ не скажетъ достойное «спасибо» своему благодѣтельному учрежденію—земству за все, что̀ до сихъ поръ сдѣлано имъ для нашего давно желаннаго образованія? И такъ, повторяю, я знаю цѣну того, что̀ до сихъ поръ сдѣлано для меня земствомъ и по этому-то сознанному побужденію хоть разъ осмѣливаюсь докладывать представителямъ благодѣтельнаго земства настоящеее изліяніе искренней души, какъ мою скромную благодарность».

Это говоритъ крестьянскій мальчикъ или уже юноша, дошедшій до седьмого класса гимназіи. Въ его словахъ, правда, нѣсколько обезсиленныхъ и обезцвѣченныхъ риторическою восторженностью, нельзя не видѣть однако обобщенія тѣхъ понятій, какія могутъ быть связаны съ дѣятельностью земства по отношенію къ поднятію крестьянина до общаго уровня гражданина въ государствѣ. У Соколова, крестьянскаго сына, не удивительно, что голова должна закружиться, когда онъ съ той высоты, до которой его довела земская помощь, оглядывался назадъ, въ ту глубокую долину, изъ которой онъ вышелъ и гдѣ онъ видѣлъ «мракъ и невѣжество». Въ словахъ—«мы, бѣдные и заброшенные крестьяне»—вся прошедшая исторія того сословія, которое стояло въ сторонѣ отъ общаго движенія человѣчества по пути прогресса, хотя медленнаго, но все же существовавшаго, и которому, какъ крестьянской дѣвушкѣ въ «Тройкѣ» Некрасова, приходилось только «жадно глядѣть на дорогу въ сто-

ронѣ отъ веселыхъ подругъ». Все заявленіе г. Соколова—этого юнаго Микулы Селяниновича—имѣетъ для насъ цѣну историческаго документа. Въ самыхъ словахъ и выраженіяхъ, съ которыми онъ обращается къ земству, къ бывшимъ своимъ «господамъ», слышится еще отзвукъ историческаго, весьма недалекаго прошлаго: онъ говоритъ къ собранію—«господа мои благодѣтели». Но тутъ же онъ слышитъ въ себѣ призваніе идти путемъ новаго историческаго развитія своей родины и своего сословія, и, какъ бурлакъ, тянувшій лямку 3 и 4 тысячи верстъ, онъ не отказывается и самъ отъ лямки: онъ говоритъ, что «нужда и усиленный трудъ» ему «не страшны»; что въ глазахъ его «они имѣютъ свою особенную прелесть и не опротивѣютъ до тѣхъ поръ, пока сознаніе выгодъ и благотворныхъ послѣдствій настойчиваго труда будетъ служить какъ бы будильникомъ духа и силъ молодаго человѣка и будетъ свѣтить надеждою на отрадное будущее»—что когда нибудь лямка дотащитъ же судно до мѣста, до пристани. «Но хватитъ ли этихъ силъ, силъ физическихъ, которыя въ такомъ случаѣ необходимо дѣлить на два довольно не легкихъ труда, и выстоятъ ли эти силы до конца?»—вотъ какимъ вопросомъ задается г. Соколовъ, этотъ современный типъ русскаго бурлака, порѣшившаго дотянуть лямку до университетской скамьи, до ученой степени. Боясь, что силъ этихъ не хватитъ, молодой образованный юноша опять чувствуетъ въ себѣ прежняго крестьянина и робко проситъ земство дать ему возможность поступить въ университетъ—«*помочь* бѣдному простолюдину въ его благомъ и не лишенномъ интереса для цѣлаго крестьянскаго сословія предпріятіи». (Протоколы засѣданій весьегонскаго очереднаго уѣзд. зем. собр. и приложен. къ нимъ за 1874 г. Тверь. *Типографія губернской земской управы*. 1875, стр. 75—79).

Посмотримъ же теперь на самую дѣятельность земства, къ которому обращаются съ такими заявленіями молодыя поросли стараго крестьянскаго дерева. Земство это, повидимому, отличается оживленіемъ, хотя сами дѣятели его не рѣдко мѣняются другъ съ другомъ очень рѣзкими мнѣніями и говорятъ однинъ другому жосткія истины. Сначала, судя поверхностно, можно подумать, что весьегонскіе земскіе дѣятели больше спорятъ и говорятъ другъ другу колкости, чѣмъ дѣло дѣлаютъ; но такое заключеніе будетъ ошибочно: весьегонскіе земцы и колкости успѣваютъ другъ другу говорить, и дѣло успѣваютъ дѣлать. Такъ, напримѣръ, открывается сентябрьская сессія 1874 года. Едва, по обыкновенію, собраніе приступило къ избранію ревизіонной комиссіи, какъ гласный Г. А. Бирюлевъ уже заявляетъ, что из-

бранная прежнимъ собраніемъ ревизіонная комиссія не могла выполнить своего назначенія потому, «что никогда не находилась въ составѣ трехъ человѣкъ, т. е., другими словами, которыя подразумѣваетъ г. Бирюлевъ—комиссія ничего не дѣлала. Тутъ же гласный П. А. Корсаковъ вставляетъ ехидное замѣчаніе, что комиссія не должна ограничиваться «одной только бумажной отчетностью, но провѣряла бы и матеріальную часть». Это ехидное замѣчаніе вынуждаетъ предсѣдателя собранія поставить такой вопросъ: «должна ли постоянная комиссія, избранная на цѣлый годъ, повѣрять не только письменную отчетность, но и матеріальную часть?» Вопросъ напугалъ многихъ: боялись, что въ годъ нельзя обревизовать всего земскаго имущества. Но г. Корсаковъ опять ехидничаетъ и утѣшаетъ робкихъ тѣмъ, что «если ежегодно будетъ ревизоваться хотя нѣкоторая часть имущества, то и то будетъ важно и будетъ служить гарантіей, что въ земствѣ не будетъ затратъ, *и ревизіи эти заставятъ невольно управу дѣйствовать болѣе обдуманно*». Ясно, что г. Корсаковъ безъ церемоніи предъявляетъ собранію, что управа дѣйствовала «необдуманно». Но земское ехидство г. Корсакова, какъ «царство науки незнаетъ предѣла», по выраженію русскаго поэта. Едва собранію предложено было разсмотрѣть сметы на содержаніе мировыхъ судей, какъ г. Корсаковъ уже начинаетъ ехидничать противъ этихъ послѣднихъ.

— Имѣя въ виду небольшое количество дѣлъ, падающихъ на каждаго мироваго судью, а во-вторыхъ, *обремененное платежами населеніе*, я предлагаю ограничиться тремя мировыми участками (вмѣсто четырехъ), возвышаетъ голосъ г. Корсаковъ.

Корсакова поддерживаетъ и предсѣдатель собранія, мотивируя свое согласіе съ первымъ тѣмъ, что «обязательные расходы для земства слишкомъ тяжки и ложатся бременемъ на расходы необязательные». На это гласный П. М. Поярковъ, онъ же и мировой судья, возражаетъ, что у мировыхъ судей дѣлъ вовсе не такъ мало, какъ предполагаетъ г. Корсаковъ.

— Если собраніе постановитъ о сокращеніи одного изъ четырехъ участковъ, то я отказываюсь отъ должности мироваго судьи за невозможностью выполнить непосильный трудъ, заключаетъ онъ свое возраженіе.

Пояркова поддерживаетъ гласный и предсѣдатель мироваго съѣзда Л. А. Кисловскій.

— У мировыхъ судей дѣлъ не мало—въ годъ болѣе двухъ тысячъ, говоритъ онъ. — Число уголовныхъ дѣлъ нѣсколько уменьшилось, но какихъ дѣлъ?—о нарушеніи тишины и спокойствія и личныхъ обидъ; но что касается воровства, кражъ,

то этихъ дѣлъ ничуть не меньше. *Къ сожалѣнію, на это имѣетъ вліяніе и самое наше законодательство.* Сравнивая его съ самымъ гуманнымъ уголовнымъ кодексомъ германскаго суда, что̀ мы видимъ? За политическія преступленія тамъ дѣйствительно наказанія уменьшены, но за то за воровство, кражу и прочіе проступки, наказываемые у насъ тюрьмой не свыше одного года, тамъ положено тюремное заключеніе до четырехъ лѣтъ. И надо знать, что̀ такое наша тюрьма: это—какой-то факультетъ безнравственности, въ которомъ происходитъ не исправленіе, а развращеніе... Если мы уменьшимъ число мировыхъ участковъ, то невольно придемъ къ тому же, къ чему пришли и петербургскіе мировые судьи, рѣшающіе въ день по двадцати дѣлъ. Кассаціонный департаментъ заваленъ петербургскими дѣлами по обжалованію рѣшеній... Если у насъ будетъ уменьшено число мировыхъ участковъ, то я, какъ и г. Поярковъ, тоже выхожу въ отставку.

— И я, присовокупляетъ свой голосъ баронъ Штемпель, тоже мировой судья.

— И я! говоритъ г. Друри, тоже мировой судья.

Споръ разгарается. Начавшись изъ-за охраненія земскаго кармана, пренія переходятъ въ личную пикировку и потомъ получаютъ и общественное значеніе, потому что задѣваютъ вопросъ живой, ходячій, въ которомъ многіе видятъ общественную мозоль.

Когда четверо судей разомъ заявили, что выйдутъ въ отставку, если число ихъ сократятъ, предсѣдатель собранія, желая примирить враждебныя мнѣнія, подливаетъ масла въ огонь. «Есть много уѣздовъ—говоритъ онъ—гдѣ судей меньше, но дѣлъ больше, а жалобъ на медленность между тѣмъ нѣтъ никакихъ». Г. Друри возражаетъ, что онъ недавно изъ любопытства провѣрялъ число листовъ, исписанныхъ въ канцеляріи мироваго судьи въ теченіе шести лѣтъ, и насчиталъ 20,000 листовъ. Вслѣдъ за Друри говоритъ снова Кисловскій.

— У судей, кромѣ охранительнаго производства, отнимаютъ много времени вводы во владѣніе. Я думаю, мировая юстиція создана не для судей, но для судящихся: если принять предложеніе г. Корсакова и уменьшить число участковъ, то будетъ ли удобно и выгодно въ рабочую пору тащиться за 50 верстъ и болѣе на судъ? Положа руку на сердце, какъ предсѣдатель съѣзда и какъ лицо знакомое съ дѣлопроизводствомъ остальныхъ судей, я заявляю, что уголовныя дѣла разбирались ими добросовѣстно, не часъ и не два, а часто одно дѣло занимало цѣлыя сутки. Дѣлать можно и иначе; но предоставляю судить каждо-

му гласному, было ли бы это полезно или вредно. Г. предсѣдатель судьею не былъ и не испыталъ этой дѣятельности, и потому *заявленіе его похоже на желаніе объять необъятное...*

— Объять необъятное нельзя, защищается предсѣдатель. — Хотя я и незнакомъ спеціально съ юстиціей, но довольно быть мѣстнымъ жителемъ уѣзда, чтобы судить, достаточно ли трехъ мировыхъ судей на уѣздъ и есть ли необходимость въ четырехъ.

Для пораженія судей г. Корсаковъ вновь пускаетъ въ ходъ свое ехидство.

— Я и знакомъ съ дѣлопроизводствомъ мировой юстиціи, говоритъ онъ:—и видѣлъ движеніе дѣлопроизводства не менѣе г. Кисловскаго, и не въ одномъ весьегонскомъ уѣздѣ, но полагаю, что цифра 700 дѣлъ вовсе не такъ велика.

— Одно дѣло можно разбирать цѣлыя сутки, зато въ другія сутки легко можно рѣшить двадцать пустыхъ дѣлъ, вставляетъ свое слово г. Карякинъ.

Дальше слѣдить за этими преніями было бы и безполезно, и скучно. Спорящія стороны сильно горячились. Судьи жалѣли крестьянъ, что имъ далеко будетъ ѣздить за правосудіемъ, а имъ возражали, что «разстояніе не должно много пугать», что «судья служитъ для общества» и въ отдаленныя мѣста долженъ самъ ѣздить за разборомъ дѣлъ. Выражались сожалѣнія, что пренія приняли «личный оттѣнокъ»; сожалѣли и о томъ, что всѣ судьи разомъ выйдутъ въ отставку, что настоящіе судьи хороши, и жаль, если они бросятъ службу.

— Сожалѣете вы, или нѣтъ—намъ рѣшительно все равно! восклицаетъ г. Кисловскій—и собраніе не рѣшилось трогать судей: земскій карманъ долженъ былъ уступить, а г. Корсаковъ—признать себя побѣжденнымъ.

Какъ на характеристическую черту, показывающую, съ какими трудностями приходится еще бороться нашему земству въ нашемъ пространномъ отечествѣ и какъ мало историческое прошлое подготовило почву, на которой бы русскій человѣкъ могъ стать твердою ногою и не вязнуть въ исторической тинѣ, мѣшающей ему идти къ своему счастью,—можно указать хотя бы на то, что въ Россіи до сихъ поръ приходится—открывать новыя земли! Мы видѣли примѣры, что одно земство, именно соликамское, открыло въ своемъ уѣздѣ такихъ обитателей, которые не принадлежали, повидимому, никакому государству, не находились въ подчиненіи ни у одного исправника и, смотря по обстоятельствамъ дѣла, называли себя подданными то соликамскаго становаго пристава, то какого нибудь сосѣдняго. Теперь мы видимъ, что весьегонское земство открываетъ новыя

земли, о которыхъ не зналъ не только замученный въ ордѣ тверской князь Михаилъ Александровичъ, но и предсѣдатель весьегонскаго земскаго собранія, пока самъ же, подобно Христофору Колумбу, не открылъ какимъ-то образомъ эти земли. Дѣйствительно, когда на разсмотрѣніе весьегонскаго собранія былъ внесенъ проектъ земской раскладки на 1875 годъ, то «по желанію гласныхъ, г. предсѣдатель пояснилъ, что въ прошломъ году *открыто 17 тысячъ десятинъ земли* и затѣмъ *остается неоткрытой около 40 тысячъ десятинъ*», и «собраніе послѣ сего поясненія постановило выразить благодарность г. предсѣдателю за его личный трудъ *по открытіи земель*».

Тверская губернія, какъ извѣстно, отличается сыровареніемъ. Производство сыра сдѣлалось какъ бы сплошнымъ промысломъ этой губерніи и вызываетъ нѣкоторыя экономическія явленія, характеризующія отчасти весь экономическій и гражданскій складъ русской жизни. Извѣстно, что существованіе въ странѣ рабства, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, влечетъ за собою рабство экономическое, а затѣмъ и политическое. Рабомъ становится не только тотъ, кѣмъ владѣютъ другіе, но и тотъ, который владѣетъ другимъ. Наше рабство не за горами: въ теченіи какихъ-нибудь четырнадцати лѣтъ, послѣ 19-го февраля 1861 года, мы еще не такъ много успѣли пройти, чтобъ на нашихъ ногахъ и на нашемъ лицѣ не оставалось ни пылинки отъ насѣвшей на насъ весьма ѣдкой пыли рабства, и вслѣдствіе-то этого наше экономическое рабство и зависимость отъ Европы—явленіе законное. Едва тверичи, потомки тѣхъ тверичей, которые когда-то воевали съ Москвою, задумали варить сыръ, какъ на нихъ насѣла Европа: швейцарцы и нѣмцы вырвали у нихъ изъ рукъ кусокъ сыру, дурно сваренный непривычными руками, испорченными барщиннымъ трудомъ и барщиннымъ пользованіемъ результатами этого труда, и стали господами надъ тверичами въ дѣлѣ сыроваренія. Теперь земство, видя это, вздумало обложить земскимъ налогомъ сыровареніе или, по крайней мѣрѣ, увеличить налогъ на этотъ промыселъ. Но оказалось, что и этого сдѣлать нельзя, потому что этимъ налогомъ обидишь только своего брата мужичка, а нѣмца не обидишь. При всемъ томъ, гласный Бирюлевъ высказываетъ мнѣніе, что налогъ на сыровареніе необходимъ, что онъ не обременитъ этого промысла, и что сыроварни «выдержатъ обложеніе и бо̀льшее». Гласный Горбатовъ предлагаетъ облагать налогомъ только тѣхъ лицъ, «кои занимаются сыровареніемъ не изъ собственнаго молока, такъ какъ лица эти не имѣютъ вліянія на увеличеніе матеріальнаго богатства уѣзда, ни на развитіе скотоводства». Гласный Каря-

кинъ возражаетъ на это, что, если бы усиленіе налога на сыровареніе относилось ко всей губерніи, то это—другое дѣло, но въ противномъ случаѣ усиленный налогъ заставитъ сыроваровъ перенести свою дѣятельность въ другіе уѣзды. Г. Кисловскій раздѣляетъ сыровареніе на три разряда: сыровареніе «изъ собственнаго молока», сыровареніе артельное и сыровареніе хищническое: послѣднее «производится людьми нерусскими, чуждыми уѣзду швейцарцами и нѣмцами, коихъ помышленія сосредоточены на томъ, какъ бы сколотить деньгу и удалиться на родину», и потому, по мнѣнію г. Кисловскаго, «было бы нераціонально лицъ этихъ избавлять отъ налоговъ».

— Люди эти не уйдутъ (утверждаетъ онъ). Со всѣхъ трехъ разрядовъ сыроваренія налогъ можетъ быть упятеренъ.

— Упятерить налогъ нельзя (возражали гласные Поярковъ и Кузнецовъ). Процентъ обложенія по закону считается не съ производства, а съ оцѣнки строеній, *что, хотя и не довольно правильно, но законно.*

Бились, бились тверичи, да на томъ и остались, съ чѣмъ прежде были: отъ историческаго наслѣдства отмахаться не легко, и земству долго еще придется отмахиваться отъ мухъ, слетающихся міріадами къ нашему разлагающемуся историческому трупу.

Запахъ этого трупа слышится намъ хотя бы, напримѣръ, въ преніяхъ весьегонскаго земства о кадастраціи крестьянскихъ земель. Земли эти, по мнѣнію земства, не одинаковаго достоинства: «въ Краснохолмскомъ краѣ земли состоятъ чуть не изъ одной пашни», а «въ замоложскомъ краѣ находятся цѣлыя пространства пустопорожней земли», не приносящей никакого дохода по малолюдности населенія.

— Краснохолмскій край вовсе не состоитъ весь изъ пашни (возражаетъ на это г. Кисловскій). Есть тамъ и выгоны, есть и пустоши. Богатства этой части уѣзда происходятъ не отъ лучшаго качества, а отъ бо̀льшей энергіи, предпріимчивости и дѣятельности жителей: въ то время, какъ замоложанинъ сидитъ сложа руки или лежитъ на печи, краснохолмецъ работаетъ и трудится. Перерядиться изъ балахона и лаптей въ сапоги и хорошую поддёвку зависитъ отъ самого замоложанина. Краснохолмецъ нуждается въ лѣсѣ, покупаетъ каждый прутъ на отопленіе, на постройку, на ремонтъ огорода, и весьма часто возитъ это издалека и по дорогой цѣнѣ. Замоложанинъ можетъ прибѣгать къ лединному хозяйству, чрезвычайно выгодному, и снимать съ лединъ постоянно хорошіе урожаи, а краснохолмецъ безъ отдыха беретъ съ земли постоянно.

Запахъ трупа слышится все болѣе и болѣе. За жужжаньемъ

мухъ не слышно далѣе словъ г. Кисловскаго: слышны только отрывочныя фразы: «сидитъ сложа руки»... «лежитъ на печи»... «лапти»... «балахонъ»... «лѣнь»...

Въ этомъ жужжаньѣ мухъ явственно раздаются слова «крестьянина Арефія Авдѣева»:

— Бѣдность Замоложскаго края происходитъ *не отъ лѣни*, а отъ истощенія и крайней бѣдности почвы и самого крестьянскаго населенія (тамъ же, стр. 2—8, 12—14).

Запахъ историческаго трупа чувствуетъ и самъ г. Кисловскій, когда земству пришлось подумать о хлѣбныхъ крестьянскихъ запасахъ, о томъ, чтобы предотвратить населеніе отъ періодическихъ голодовъ.

Мы уже говорили выше объ исторической мышеяди, вслѣдствіе которой въ нашихъ запасныхъ магазинахъ почти никогда не оказывалось хлѣба, когда къ населенію подкрадывался голодъ. Въ устраненіе этой исторической мышеяди, какъ извѣстно, состоялся недавно законъ, по которому съ 1-го мая 1875 года выдача ссудъ изъ магазиновъ должна производиться не иначе, какъ при членѣ земской управы. «Чтобы постановленіе это не осталось мертвой буквой», какъ выражается весьегонская управа, ей «надо знать, что̀ въ магазинахъ есть и чего нѣтъ», такъ какъ постоянно ходятъ слухи, что бо̀льшая часть хлѣбныхъ запасовъ растрачена. Въ весьегонскомъ уѣздѣ всѣхъ запасныхъ магазиновъ считается 218. Такъ какъ повѣрить 218 магазиновъ одному свободному члену управы «нѣтъ физической возможности», то управа и обратилась къ гласнымъ съ просьбою—помочь ей въ повѣркѣ хлѣба, находящагося въ магазинахъ, а также принять на себя трудъ слѣдить за выдачей хлѣбныхъ ссудъ. Эту же просьбу поддерживаетъ и предсѣдатель управы:—«чтобъ голодъ не могъ застать насъ врасплохъ», умоляетъ онъ гласныхъ, прося о помощи. Начинаются «долгія и оживленныя пренія». И что̀ же?—само земство сознается, что «бо̀льшая часть преній вертѣлась около того, что магазины въ настоящее время находятся чуть не въ каждой деревнѣ, что счетовъ прихода и расхода отпускаемаго хлѣба почти нигдѣ не ведется, что самый хлѣбъ—низкаго качества и рѣдко годится на сѣмена, *что трудъ этотъ не по силамъ гг. гласнымъ, что, наконецъ, гласные къ этому не обязаны и прочее*». Въ этомъ сумбурѣ споровъ рѣзко вырѣзались только выдающіяся рѣчи гг. Бирюлева и Кисловскаго.

— Хлѣбные магазины отъ голода не спасутъ (говорилъ первый изъ нихъ). Въ настоящее время они таковы, что крестьяне считаютъ ихъ безполезнымъ налогомъ, потому что выгодой получки изъ магазиновъ хлѣба пользуется не столько бѣдный,

сколько богатый (вездѣ таже пѣсня!). Чтобы магазины не были мертвымъ тѣломъ, надо устроить ихъ на манеръ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и, кромѣ того, слѣдуетъ просить правительство о полной передачѣ магазиновъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій.

— *Хлѣбные магазины въ старомъ порядкѣ отзывались мертвячиной, какъ и все* (говорилъ въ свою очередь г. Кисловскій). Правительствомъ въ это дѣло введенъ новый, свѣжій элементъ—это земскія учрежденія. Для управы нѣтъ физической возможности и провѣрять все, и услѣдить за всѣмъ. Мы, гласные, собираемся не для разговоровъ. Надо быть земцомъ не на словахъ, но и на дѣлѣ. Отказаться отъ дѣла въ данный моментъ было бы грѣхомъ, потому что это дѣло—святое. Хотя я и согласенъ съ гласнымъ Бирюлевымъ о выгодѣ устроить магазины на иныхъ началахъ, но и при теперешнемъ ихъ устройствѣ, хотя бы они совсѣмъ и не могли спасти отъ голода—все-таки послужили бы большимъ подспорьемъ. *Не будемъ обходить законъ, какъ дѣлывалось въ былое время, и оживимъ мертвое тѣло, взявъ по возможности каждый на себя повѣритъ хотя одинъ магазинъ.*

И дѣйствительно, рѣчь г. Кисловскаго произвела на весьегонскій земскій сенатъ тоже, что̀ произвелъ геройскій подвигъ Муція-Сцеволы на римлянъ: девятнадцать гласныхъ изъявили согласіе провѣрять хлѣбъ въ магазинахъ по своимъ волостямъ. Имена этихъ гласныхъ мы съ удовольствіемъ выписываемъ здѣсь: А. А. Кисловскій (другой, не Муцій-Сцевола: тотъ Л. А. Кисловскій), Н. М. Карякинъ, баронъ Штемпель, Ѳ. В. Друри, И. Д. Карауловъ, В. В. Голованов̀ъ, Н. И. Кузнецовъ, А. И. Шиллингъ, П. С. Дементьевъ, И. Д. Родичевъ, Ѳ. А. Бырдинъ, С. Ф. Кельчевскій, крестьянинъ И. И. Кріулевъ, П. А. Корсаковъ, крестьянинъ Арефій Авдѣевъ (тоже знакомый намъ), Д. В. Друри, Зерновъ, Сокольскій и фонъ-деръ-Нонне.

Упомянувъ о Муціѣ-Сцеволѣ весьегонскаго земства, о гласномъ Л. А. Кисловскомъ, мы упомянули о немъ не къ слову только, а въ видѣ обобщенія одного весьма замѣтнаго явленія, на которое мы можемъ указать почти въ каждомъ изъ нашихъ земствъ. Явленіе это—общечеловѣчное впрочемъ явленіе. Въ исторической жизни всего человѣчества философія исторіи признаётъ, съ одной стороны, то, что человѣчество двигается впередъ коллективною работою массъ, какъ бы стихійною силою; что только этою массовою, стихійною силою она дѣлаетъ великія дѣла—и хорошія, которымъ можетъ гордиться человѣчество, и дурныя, отъ которыхъ даже всепрощающая исторія не можетъ очистить прошлое человѣчества; съ другой стороны, философія исторіи не

отрицаетъ и того, что крупныя дѣла въ человѣчествѣ дѣлаются не всегда коллективною, чисто пассивною работою массъ, но чаще геніемъ единицъ, и что эти выдающіяся единицы, продуктъ той же сѣрой, безразличной, пассивной массы, двигаютъ эту массу силою своей энергіи, своего ума, своего творчества, своего генія. Въ обоихъ случаяхъ философія исторіи права, отводя и генію, и массѣ подобающее мѣсто въ коллективной работѣ человѣчества, а иначе пришлось бы отказаться отъ вѣры въ творческій геній человѣчества и его единицъ, отказаться отъ вѣры въ творчество всего человѣчества. Эту крупную общечеловѣческую мѣрку мы прикладываемъ и къ мелкимъ явленіямъ жизни: вездѣ творчество единицъ имѣетъ неотразимое вліяніе на сумму дѣятельности всѣхъ единицъ вмѣстѣ взятыхъ, на сумму дѣятельности массъ. И въ крупныхъ, и въ мелкихъ явленіяхъ жизни—вездѣ свои геніи и свои посредственности, сѣрая, безразличная масса, дюжинность; въ крупныхъ явленіяхъ жизни и геній долженъ быть крупный, большой геній; въ мелкихъ явленіяхъ—геній соотвѣтственный. Вездѣ есть свои Муціи-Сцеволы, свои Гракхи, Цесари, Бруты, свои Ньютоны, Колумбы, Гуттенберги—и рядомъ съ ними Фальстафы, Молчалины, Расплюевы, Скотинины. Этотъ общій законъ неизбѣжно повторяется и въ жизни нашего земства. Вездѣ можно найти болѣе или менѣе крупныя, выдающіяся единицы, крупныя, конечно, по сравненію съ своими мелкими единицами; все же остальное—болѣе или менѣе сѣрая, безразличная масса или только кажущаяся таковою. Въ однихъ земствахъ мы видимъ относительно крупныя земскія единицы изъ крестьянъ—Мелединъ, Скачковъ, Коняевъ, Начапкинъ, хотя, можетъ быть, это—совсѣмъ дюжинныя личности; но они изъ сѣрой массы крестьянскихъ и некрестьянскихъ дѣятелей выдаются чѣмъ-то болѣе крупнымъ, болѣе рельефнымъ; въ другихъ земствахъ—другія головы возвышаются надъ общимъ уровнемъ. Это именно—тѣ головки цвѣтовъ, выдававшіяся изъ всего поля, по которому гулялъ когда-то Коріоланъ, задумавшій измѣнить Риму, тѣ головки, переросшія остальное поле, которыя началъ сбивать Коріоланъ, желая этимъ показать, что, не будь этихъ головокъ, сѣрыми массами, этою мягкою, податливою дюжинностью всегда можно легко вертѣть, какъ это и доказано всею горькою исторіею человѣчества, которое, къ сожалѣнію, по своей дюжинности и недомыслію, всегда почти шло не за тѣми головками, за которыми слѣдовало идти, и уже поздно спохватилось, что не всѣ выдающіяся головки ведутъ массу туда, куда слѣдуетъ.

Такою выдающеюся головкою въ весьегонскомъ земствѣ представляется намъ г. Кисловскій (Л. А., а не А. А.), котораго мы

вовсе не знаемъ, какъ не знаемъ также ни Скачкова, ни Начапкина, ни Коняева, ни Меледина, ни даже Кикина-Шадринскаго, опасающагося, чтобы жены не были развитѣе своихъ мужьевъ. Какъ тамъ мы вездѣ видѣли и слышали Скачкова, Коняева, такъ здѣсь вездѣ видимъ и слышимъ Кисловскаго. Кисловскій, какъ мы видѣли, почти одинъ отстоялъ настоящій составъ мѣстной судебно-мировой юстиціи. Хорошо-ли онъ сдѣлалъ—мы не говоримъ; но онъ это сдѣлалъ. Кисловскій заставилъ всѣхъ гласныхъ своего уѣзда воевать противъ нашей исторической мышеяди—противъ исчезновенія хлѣба изъ крестьянскихъ запасныхъ магазиновъ и противъ неизбѣжнаго спутника мышеяди—голода. На другой день послѣ этихъ земскихъ побѣдъ, тотъ же Кисловскій заявляетъ своему земству слѣдующее:

— Неоспорима та истина, что мы ведемъ хищническое хозяйство, что уже нѣсколько столѣтій мы беремъ съ земли и далеко не возвращаемъ ей того, что̀ беремъ изъ нея. Многопольное хозяйство съ посѣвомъ корнеплодовъ, при возможности содержанія большого количества скота, конечно, есть улучшеніе, и для него нужны особыя условія: для содержанія большого количества скота необходимо большое количество сѣна; выкашивая обыкновенно наши луга или пустошные покосы, мы, вмѣстѣ съ выкашиваемымъ сѣномъ, лишаемъ ихъ постепенно извѣстнаго количества фосфорной кислоты, кали и извести, необходимыхъ для питанія, что̀ наглядно доказывается тѣмъ, что покосы эти годъ отъ году даютъ меньше сѣна. Сѣя клеверъ, тимофеевку и другія травы и вводя ихъ въ многопольную систему, мы точно также выбираемъ изъ земли вышеупомянутыя необходимыя минеральныя части не только изъ почвы, но и изъ самой подпочвы. Хорошо еще, гдѣ есть заливные по рѣкамъ луга, гдѣ ежегодно они удобриваются наносомъ отъ разлива рѣкъ; но, вѣроятно, каждому изъ васъ, мм. гг., извѣстно, что на сто владѣльческихъ имѣній и на сто деревень крестьянъ врядъ ли найдется одно владѣніе, гдѣ такіе луга существуютъ. Оттого мы и видимъ, что количество и качество скота годъ отъ году падаетъ, владѣльческія хозяйства или закрываются, или доходятъ до микроскопическихъ размѣровъ; *въ народѣ голодъ дѣлается явленіемъ хроническимъ*; вывозъ за границу сырья уменьшается; а такъ какъ произведеніе сельскаго хозяйства есть нервъ, питающій промышленность, то и промыселъ неминуемо долженъ пасть. *Куда же мы идемъ при такомъ порядкѣ вещей? Идемъ мы съ свойственною русскому человѣку безпечностію прямо и безвозвратно къ какой-то бездонной пропасти.* Вотъ почему то, что̀ въ теоріи преподавалъ Либихъ, Буссенго и что̀ на практикѣ доказалъ намъ Вилье—упо-

требленіе химическихъ удобреній есть для насъ вопросъ существованія, вопросъ, которому нельзя не посмотрѣть прямо въ глаза, какъ бы отвѣтъ ни былъ страшенъ. Отвѣтъ этотъ очень простъ и заключается въ нѣсколькихъ словахъ: *умирать ли нашимъ потомкамъ съ голоду—или нѣтъ*?.. Необходимость и выгодность химическихъ удобреній, проповѣдуемыя Либихомъ и его послѣдователями и такъ блистательно доказанныя на практикѣ опытами Ж. Вилье на венсенскихъ поляхъ, въ виду крайней необходимости ихъ для Россіи, наводятъ меня на слѣдующую мысль: мы всѣ бродимъ въ потьмахъ; никто изъ насъ, даже людей усердно занимающихся хозяйствомъ, не имѣетъ никакого точнаго понятія о почвенномъ составѣ своей земли; знаютъ только, что для хорошаго урожая нужно много удобренія, что молочный доходъ одинъ еще можетъ дать намъ какой-нибудь доходъ; лучшіе изъ хозяевъ силятся завести поболѣе скота, уменьшаютъ свои посѣвы до микроскопическихъ размѣровъ, сѣютъ клеверъ и другія травы, заводятъ многопольныя хозяйства съ посѣвомъ травъ; но все это, въ концѣ концовъ, приведетъ насъ къ истощенію той же земли и къ совершенной безвыгодности сельскаго хозяйства, и будетъ это продолжаться и постепенно усиливаться до тѣхъ поръ, пока мы не обратимъ настойчиваго и безотлагательнаго вниманія на употребленіе химическихъ удобреній. Но чтобы ввести это, намъ необходимо узнать химическій составъ нашей почвы, требуемое ею количество фосфорной кислоты, кали, извести и скота и сколько чего требуетъ почва для посѣва хлѣбовъ, корнеплодовъ и травъ. *Рѣшеніе этихъ трехъ вопросовъ непосильно одному нашему уѣзду и необходимо не одному ему, не одной нашей губерніи, но и всей нашей пространной и хронически голодающей, бѣдной Россіи.*

Въ заключеніе, г. Кисловскій предлагаетъ земству устроить химическую станцію около Твери и открыть опытную ферму при техническомъ училищѣ, на что̀ собраніе и выражаетъ свое согласіе.

Неутомимый Кисловскій обращается къ земству съ новымъ заявленіемъ, но уже другого рода.

— Больно и грустно, говоритъ онъ, что земство лишилось помощи такого дѣятеля, какъ отставной докторъ Иванъ Исакіевичъ Европеусъ. Этотъ гуманный и святой человѣкъ, на закатѣ дней своихъ, имѣя свыше восьмидесяти лѣтъ, не зная покоя, употреблялъ все свое свободное время на безмездный пріемъ больныхъ. Мало того, что онъ ихъ принималъ—много бѣдныхъ получало отъ него либо даромъ лекарство, либо деньги на леченье. Впродолженіи четырнадцати лѣтъ, онъ замѣняетъ собою

въ бо̀льшей половинѣ уѣзда земскую медицину. Оставилъ же свой трудъ докторъ Европеусъ вслѣдствіе неловкихъ дѣйствій въ отношеніи его какъ самого предсѣдателя управы, такъ и всей управы... Вслѣдствіе неправильнаго и несвоевременнаго отпуска лекарствъ изъ управы, долженъ былъ оставить службу и врачъ Поповъ. Лекарства присылались ему распечатанными, безъ каталоговъ; однихъ лекарствъ, которыхъ вовсе не требовалось, присылались фунты, а лекарствъ необходимыхъ либо совсѣмъ не высылалось, либо дозы да граны... Вслѣдствіе отказа Европеуса и Попова, Краснохолмскій край два съ половиною мѣсяца оставался безъ доктора, и я самъ долженъ былъ поневолѣ сложить съ себя званіе попечителя богоугодныхъ заведеній тамошняго края.

Разъясняя ходъ этого дѣла, предсѣдатель управы неоднократно поясняетъ собранію, что, съ своей стороны, и онъ тоже «глубоко скорбѣлъ о прекращеніи помощи, оказываемой населенію докторомъ Европеусомъ», но что теперь онъ, къ удовольствію своему, «можетъ порадовать» собраніе тѣмъ, что Европеусъ возобновилъ свою дѣятельность. Собраніе составляетъ благодарственный адресъ старику Европеусу и уполномочиваетъ гг. Кисловскаго и Карабчевскаго вручить ему этотъ адресъ.

При разсмотрѣніи доклада о ходѣ народнаго образованія, Кисловскій заявляетъ, что два училища и семь школъ закрыты— по недостатку хорошихъ учителей, такъ какъ лучшіе изъ нихъ переходятъ въ казенныя училища на болѣе обезпеченное содержаніе. Поэтому, вслѣдствіе предложенія гласнаго Карякина, земство рѣшается составить особый фондъ на народныя школы и поручаетъ управѣ разработать вопросъ о фондѣ, а г. Кисловскаго лично благодаритъ за его пожертвованія на дѣло народнаго образованія. Насколько еще не обезпечено это послѣднее дѣло, можно судить по докладу предсѣдателя весьегонскаго училищнаго совѣта и земской управы, предводителя дворянства г. Дементьева, который, между прочимъ, говоритъ, что есть школы, «въ которыя наставникъ является много-много разъ или два въ недѣлю, и то въ безчувственно-пьяномъ положеніи», что поэтому «нельзя думать, чтобы крестьянинъ охотно посылалъ своего сына въ такую школу и, мало того, чтобы онъ въ концѣ концовъ не пришелъ къ тому убѣжденію, что грамотность-то и есть чуть ли не мать всѣхъ пороковъ». И въ другомъ мѣстѣ г. Дементьевъ говоритъ, что только тамъ дѣло ученія идетъ хорошо, гдѣ хороши учителя и, какъ на примѣръ хорошихъ училищъ, указываетъ на одно, гдѣ прямое участіе въ дѣлѣ принимаетъ семейство г. Кисловскаго (опять Кисловскій), и на дру-

гое, гдѣ съ дѣтьми занимается дочь г. фонъ-Райзеръ... женщина и тутъ понемножку дѣлаетъ свое дѣло. Вообще же, по сравненію съ другими земствами, весьегонское хотя не въ такихъ широкихъ размѣрахъ даетъ свою помощь народу въ дѣлѣ его развитія, какъ нѣкоторыя приуральскія и приволжскія земства, однако, и не въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, какъ нѣкоторыя наиболѣе инертныя земства: здѣсь на школы идетъ болѣе 11,000 рублей, а всѣхъ учащихся въ послѣднемъ году считалось 1,824 мальчика и 251 дѣвочка. Земство, повидимому, и порывается поставить дѣло образованія на ноги, но въ дѣлѣ этомъ много тормазовъ—все надо брать съ бою. Напримѣръ, весьегонское земство задумало устроить педагогическіе курсы для подготовки къ своей спеціальности неопытныхъ учителей, и уже пригласило для этой цѣли; «но, къ несчастію, правительство открытіе курсовъ разрѣшило очень поздно, такъ что уже не было возможности созывать наставниковъ». Вотъ эта-то «невозможность открыть курсы повлекла за собою необходимость уволить несоотвѣтствующихъ своему назначенію наставниковъ» и—закрыть девять училищъ.

Наконецъ, многія земства что есть силъ бьются и надъ задачей оздоровленія народа, но и тутъ нерѣдко наталкиваются на неразрѣшимыя дилеммы. Такъ и разсматриваемое нами земство. Оно не можетъ не видѣть, что всей массѣ больного, худосочнаго, плохо питающагося и нерѣдко зараженнаго народа не достаетъ медицинской помощи. На полтораста-двѣсти тысячъ населенія полунищенскій народъ можетъ съ трудомъ поставить двухъ-трехъ, много пять врачей, двѣ-три больницы или пріемныхъ покоя на цѣлое, что называется, земское государство, судя по растянутости территоріи земства. Гдѣ же четыремъ-пяти врачамъ достать силъ и времени, чтобы не только лечить всѣхъ больныхъ, но даже познакомить населеніе, что есть какая-то иная сила, которая помогаетъ больному лучше знахаря и бабы-повитухи? И вотъ народъ все еще остается при своей медицинѣ, которую онъ создалъ еще тогда, когда поклонялся вѣтрамъ, солнцу, водѣ и огню, молился подъ овиномъ, боготворилъ «рожаницу». Дилемма земства, какъ и дилемма, которую встрѣтилъ на пути сказочный Иванъ Царевичъ—«поѣдешь-де въ эту сторону—коня потеряешь, поѣдешь въ эту—самъ пропадешь»,—заключается въ томъ, что, если врачи должны разъѣзжать по уѣзду, то они всю жизнь должны оставаться въ экипажѣ, а больницы и пріемные покои оставлять безъ призора, и все-таки всѣхъ больныхъ изъ экипажа и на ходу не перелечить; оставаться врачамъ по своимъ участкамъ и ждать больныхъ—но

какъ же повезетъ баба своего больного мужа или сына за сто верстъ или хоть бы и менѣе, когда ей и работать надо, и за скотинкой приглядѣть надо? А бываетъ и такъ, что больной за 30—40 верстъ приплелся въ врачебный пунктъ, а ему говорятъ, что лекарь уѣхалъ по деревнямъ и неизвѣстно, когда воротится. Весьегонское земство думаетъ такимъ способомъ выпутаться изъ тенетъ этой дилеммы: «Слѣдуетъ разъ навсегда твердо отрѣшиться отъ заблужденія и поставить себѣ задачею не невозможную, при настоящихъ средствахъ, недостижимую помощь массамъ, а неторопливое раціональное леченіе всѣхъ тѣхъ, которые обращаются къ врачу въ его постоянномъ мѣстѣ пребыванія». Земство полагаетъ, что «несравненно полезнѣе основательно вылечить одного больного, чѣмъ полечить безъ всякаго результата сотню людей»; что «въ принципѣ необходимо отказаться отъ безполезныхъ, безъ всякой нужды утомляющихъ врача срочныхъ объѣздовъ»; что, дабы «сколько-нибудь подорвать значеніе крайне вредныхъ знахарей и тому подобныхъ личностей, необходимо пріучить населеніе къ тому, что въ извѣстномъ мѣстѣ всякій больной непремѣнно найдетъ дѣльную медицинскую помощь»; что «достигнуть этого опять-таки возможно только въ томъ случаѣ, если врачъ будетъ вести не кочевую, а осѣдлую жизнь, отлучаясь отъ своего постояннаго мѣста пребыванія только для отдѣльныхъ случаевъ, по требованію такихъ больныхъ, которые почему-либо сами не могутъ прибыть къ нему» и т. д.

Также не мало приходится земству колотиться и съ задачей акушерства—чтобы крестьянскія бабы не рожали будущихъ земскихъ дѣятелей, будучи подвѣшены къ матицѣ въ банѣ. И акушерокъ мало, и денегъ у земства мало, а у народа еще меньше. И вотъ баушки-повитухи царствуютъ надъ народомъ, выводятъ на свѣтъ божій будущее поколѣніе русскихъ дѣятелей, а чаще сгоняютъ въ могилу какъ этихъ еще не выглянувшихъ на свѣтъ божій дѣятелей, такъ и ихъ матерей. Баушки-повитухи чувствуютъ свою силу, гордо могутъ говорить къ своимъ паціенткамъ: «на насъ смотрятъ девятнадцать вѣковъ съ высоты пирамидъ, складенныхъ изъ костей принятаго нами изъ материнскихъ утробъ русскаго народа». Но вотъ земство призвало на помощь свѣжую силу—молодую русскую женщину, устроило родильные пріюты—и пріюты стоятъ въ большинствѣ случаевъ «пустыми». Тутъ опять на сценѣ девятнадцать вѣковъ, опять исторія, опять запахъ трупа. Баба девятнадцать вѣковъ вѣритъ «въ глазъ» и знаетъ, что она легче родитъ, если никто не знаетъ, что она родитъ. Оттого часъ родовъ она прячетъ даже отъ родныхъ, отъ мужа, точно боясь, что мужъ, какъ Хроносъ, съѣстъ своихъ но-

ворожденныхъ дѣтей. И баба нейдетъ въ пріютъ. Да ей и некогда туда идти—ее не пустятъ: ей надо работать. «Дѣйствительно, говоритъ весьегонское земство, наши крестьянки въ лѣтнюю рабочую пору, которая продолжается почти полгода, принуждены работать до послѣдняго момента; почти ни одинъ мужъ, отецъ или братъ не пуститъ свою бабу валяться въ то время, когда стоитъ спѣшная работа, да и вообще, кромѣ того, присущая нашему народу неторопливость и крайняя любовь полагаться на «авось» да на «какъ-нибудь» обыкновенно приводятъ къ тому, что крестьянка успѣваетъ разрѣшиться, пока мужъ собирается закладывать лошадь» (тамъ же, стр. 21, 22, 26—28, 61, 62, 74, 75, 80—82).

Что̀ же, спросятъ насъ, сдѣлало вообще весьегонское земство какъ и всѣ прочія? А когда, спросимъ мы, и кто говорилъ прежде о томъ, что̀ говорится теперь въ земствѣ? Кому какая была нужда до того, ка̀къ родитъ баба въ полѣ или въ хлѣвѣ, ка̀къ умираетъ мужикъ, кто его лечитъ, умѣетъ ли онъ читать, будетъ ли что̀ ему ѣсть въ голодный годъ, каковы его дороги, гдѣ онъ голову себѣ ломаетъ, ка̀къ у него изъ-за сохи отнимаютъ лошадь, чтобъ ѣхать за кумой писаря становаго, и прочая, и прочая, и прочая? Кто говорилъ и даже думалъ объ этомъ? А теперь не только говорятъ, но и дѣлаютъ *что̀ можно*. Не все же разомъ, особенно тамъ, гдѣ кругомъ или нищета, или бѣшеная погоня за наживой, какъ это мы видимъ въ нашихъ интеллигентныхъ центрахъ, гдѣ къ прежней, все-таки хоть сколько-нибудь кроющейся отъ людскаго глаза, застѣнчивой продажности прибавилась открытая, беззастѣнчивая и гордая продажа съ аукціона человѣческихъ языковъ.

IX.

Съ береговъ рѣки Мологи, отъ Весьегонска, минуя Ярославль и Кострому съ ихъ уѣздными городами и земствами, о которыхъ сказано будетъ въ свое время, мы переберемся теперь къ Нижнему-Новгороду, откуда, по зову говядаря Козьмы Минина-Сухорукова, вышла та сила, которая утвердила въ русской землѣ порядокъ, заправлявшій историческимъ ходомъ русской жизни вплоть до 19-го февраля 1861 года.

Хроника девятилѣтней дѣятельности нижегородскаго земства не представляетъ намъ ни одного современнаго Минина или сколько нибудь однородную земскую силу. Въ этомъ земствѣ мы

не видимъ пока ничего выдающагося, такого, на что бы Кориоланъ обратилъ свое вниманіе. Въ числѣ земскихъ дѣятелей этого края ни одна голова, повидимому, не поднимается выше другихъ головъ: все ровно, гладко, безъ всякихъ рельефовъ. Но, можетъ быть, это только такъ кажется; можетъ быть, литература этого земства сглаживаетъ все выдающееся и, вмѣсто работы единицъ, выставляетъ только результаты коллективной работы всего земства. Какъ бы то ни было, но въ дѣятельности этого земства, въ его словахъ, заявленіяхъ, рѣшеніяхъ ничто не останавливаетъ вниманія, не приковываетъ глаза. Представители земства, повидимому, собираются въ опредѣленные сроки, выслушиваютъ доклады управы, утверждаютъ ея представленія — и снова расходятся до будущаго года. Все идетъ какъ бы по заведенному порядку, и мы готовы думать, что все идетъ хорошо, ровно, гладко, что народное продовольствіе тамъ обезпечено, пути сообщенія удовлетворительны, народъ лечится у лекарей, бабы родятъ при помощи акушерокъ, ребятишки учатся хорошо у хорошихъ учителей. Правда, если въ нижегородской земской хроникѣ можно надъ чѣмъ остановиться, такъ это надъ учащимися ребятишками и въ особенности надъ ихъ учителями. Изъ отчета училищнаго совѣта видно, что тамъ, въ послѣднемъ отчетномъ году, считалось 77 приходскихъ училищъ—цифра очень почтенная для одного уѣзда. Въ одномъ городѣ этихъ училищъ находится—семь мужскихъ и два женскихъ, да 62 въ селеніяхъ. Это вдвое больше, чѣмъ въ Петербургскомъ уѣздѣ. Учащихся тоже больше—болѣе 5,000. Но что замѣчательно въ отчетѣ училищнаго совѣта—такъ это отзывъ о наличномъ контингентѣ народныхъ учителей. «Изъ знакомства нашего съ ихъ преподаваніемъ, въ связи съ тѣми удобствами педагогическаго и экономическаго свойства, которыя представляются даннымъ положеніемъ вещей для учителя начальнаго народнаго училища, мы (говорятъ члены училищнаго совѣта) беремъ на себя смѣлость утверждать, что, хотя бы наши учителя были не совсѣмъ удовлетворительны, но они, при настоящей обстановкѣ, *еще черезчуръ хороши*, потому что, по нашему мнѣнію, *учительство въ сельской и даже городской школѣ въ концѣ концовъ есть подвигъ, которому нужно удивляться...* Это — какіе-то самоотверженные подвижники (учителя), только взявшіеся за подвижничество не по принципу, а подъ давленіемъ безъисходной нужды вынужденные на незавидную долю сельскаго учителя горькой необходимостью». Въ самомъ дѣлѣ, подвижники эти полученаютъ жалованья 75 руб. въ годъ. Если, по разсчету училищнаго совѣта, изъ этихъ денегъ подвижникъ уплачиваетъ за

квартиру со столомъ и освѣщеніемъ по 4 р. въ мѣсяцъ, помѣщаясь бо̀льшею частью въ крестьянской семьѣ, состоящей изъ 5 — 8 человѣкъ, то на всѣ остальныя нужды ему остается: 4×12=48 изъ 75=27 р. — всего 27 р. «При особомъ счастьи, говоритъ училищный совѣтъ, его экономія увеличивается нѣсколько, въ случаѣ, если ему удастся помѣститься *на печкѣ* въ самомъ училищѣ, почасту холодномъ даже и тогда, когда оно подогрѣвается во время класса дыханьемъ нѣсколькихъ десятковъ живыхъ существъ. Понятно, что, если при такихъ условіяхъ училище мало-мальски плетется, если ученики мало-мальски освоились съ механизмомъ чтенія, понимаютъ прочитанное, знакомы съ азбукой, счисленьемъ и заучили кое-что изъ внѣшнихъ признаковъ христіанскаго ученія, то училище уже нужно назвать удовлетворительнымъ и учителя исполнившимъ все, чего, при данной обстановкѣ его невзрачной жизни, можно требовать. Но еслибы увеличены были средства содержанія учителей, улучшена была вся внѣшняя и внутренняя обстановка училищъ, создано было такое положеніе для учителей, которое бы привлекало къ этой обязанности лучшія педагогическія силы и которое бы ихъ сильно привязывало къ школѣ, тогда можно было бы и требовать отъ учителей бо̀льшаго и *не удивляться тому, что учитель не мѣняетъ своей трудной и несоразмѣрно оплачиваемой обязанности на относительно цвѣтущее экономическое положеніе лакея въ барскомъ домѣ, получающаго на готовомъ сытомъ содержаніи гораздо большее жалованье*». Въ виду такого ужаснаго положенія учителей, положенія, въ которомъ не находились даже греческіе рабы, учившіе когда-то грамотѣ безграмотныхъ римлянъ, училищный совѣтъ проситъ у земства прибавки жалованья къ нищенскому содержанію нашихъ «подвижниковъ», но проситъ не прямо, а только рисуетъ картину жизни новыхъ нашихъ «подвижниковъ» передъ глазами собранія и прибавляетъ: «задачей послѣдняго уже будетъ показать то или другое пониманіе дѣла народнаго образованія и выразить къ нему то или другое сочувствіе свое». Земство выразило это сочувствіе тѣмъ, что къ сметному назначенію на народныя школы прибавило еще 3,500 р.

Впрочемъ, если въ составѣ дѣятелей нижегородскаго земства мы не видимъ теперь Мининыхъ и Пожарскихъ, то зато встрѣчаемся съ почтенными личностями изъ крестьянъ, которые на свой счетъ строятъ школы для дѣтей своего брата-крестьянина: эти современные Минины называются — одинъ крестьянинъ деревни Бѣлой, И. Я. Гришаковъ, другой — крестьянинъ Сергѣй Петровичъ Бѣловъ, третій—крестьянинъ села Елховки, Федоръ

Антоновичъ Гогловъ, четвертый — крестьянинъ села Тепелева, Димитрій Антоновичъ Швецовъ и пятый—крестьянинъ деревни Новинокъ, Иванъ Ефимовичъ Матюнинъ. Нельзя не указать при этомъ на одно весьма любопытное обстоятельство: нижегородскій училищный совѣтъ, въ видахъ поощренія крестьянъ къ содѣйствію народному образованію, придумалъ, кромѣ представленія къ медалямъ наиболѣе усердныхъ изъ крестьянъ къ дѣлу образованія въ качествѣ попечителей, выдавать имъ такія похвальныя свидѣтельства, отпечатанныя по особой формѣ, на подобіе свидѣтельствъ, выдаваемыхъ губернскою управою лицамъ, *оказавшимъ дѣятельное содѣйствіе при тушеніи пожаровъ*! И нижегородское земство право: неграмотность, невѣжество — это зло страшнѣе пожара. Мало того, нижегородское земство, для поощренія крестьянъ къ тушенію этихъ страшныхъ пожаровъ, т. е. всеистребляющаго и самопожирающаго невѣжества, предложило сельскимъ обществамъ такихъ тушителей-брандмейстеровъ, какъ Гришаковъ, Бѣловъ, Гогловъ, Швецовъ и Матюнинъ, освобождать отъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей, какъ-то: отъ постоя, дачи подводъ, отъ работъ на дорогахъ и т. п.

Затѣмъ Мининыхъ въ настоящее время замѣняютъ женщины. Такъ нижегородское земство указываетъ на Наталью Юрьевну Арсеньеву, которая и личнымъ содѣйствіемъ, и денежными пожертвованіями помогала дѣлу народнаго образованія.

Если гдѣ нижегородское земство показало классическій стоицизмъ, такъ это въ вопросѣ о хоровомъ пѣніи, которымъ потомковъ Минина и Пожарскаго хотѣлъ соблазнить петербургскій отдѣлъ московскаго общества распространенія грамотности. Дѣло въ томъ, что предсѣдатель этого отдѣла, дѣйствительный статскій совѣтникъ М. Чистяковъ, въ числѣ прочихъ земствъ, обратился и къ нижегородскому съ письмомъ, въ которомъ доказывалъ пользу хороваго пѣнія въ сельскихъ школахъ и въ примѣръ приводилъ Сѣверо-американскіе штаты. «Въ Сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ — говоритъ г. Чистяковъ — хоровое пѣніе включено въ число предметовъ школьной программы и сдѣлано почти во всѣхъ школахъ обязательнымъ. Если же американцы, народъ холодный (?) и въ высшей степени практическій, нашли необходимымъ ввести въ своихъ школахъ пѣніе и придаютъ такую важность вокальному образованію, то не гораздо ли свойственнѣе и необходимѣе сдѣлать это намъ, русскимъ, которые по природѣ любили пѣніе и въ натурѣ которыхъ кроются богатѣйшія музыкальныя силы. Въ самомъ дѣлѣ (продолжаетъ г. Чистяковъ), наши сборники народныхъ пѣсенъ, пока еще крайне скудные, тѣмъ не менѣе заставили даже за-

падный музыкальный міръ удивиться могучести и глубинѣ содержанія русскихъ мотивовъ. Почему знать? Быть можетъ, первые шаги въ музыкальной области, указанные народу школой, послужатъ причиною появленія въ этой области великихъ талантовъ, имѣющихъ оказать великія услуги искусству. Но мы остановимся на ближайшихъ благотворныхъ послѣдствіяхъ предлагаемой мѣры. Довольно представить, что въ храмахъ божіихъ, вмѣсто жалкаго, часто утомительнаго выкрикиванія одного причетника, мы будемъ слушать стройное, согласное пѣніе, что въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ мы будемъ встрѣчать импровизированные хоры, въ которыхъ нашъ простолюдинъ будетъ охотно проводить часы досуга, въ пѣснѣ изливая свое горе и радости, чтобы усмотрѣть всю важность введенія въ народныхъ школахъ хорового пѣнія». Поэтому г. Чистяковъ проситъ нижегородское земство назначить своего стипендіата или стипендіатовъ, съ 400 р. содержанія, и прислать его въ Петербургъ, къ нѣкоему г. Соловьеву, а деньги выслать М. В. Піуновскому, по Фонтанкѣ, у Аничкова моста, д. Сѣмянникова, кв. № 45. Нижегородское земство оказалось стоикомъ. Оно такъ рѣшило: «имѣя въ виду, что учителя сельскихъ школъ, получивъ образованіе въ духовной семинаріи, достаточно знакомы съ основаніями хорового пѣнія, собраніе не сочло нужнымъ имѣть такого рода стипендіатовъ».—Еще бы! въ то время, когда «подвижники» получаютъ по 75 р. и даже по 50 р. въ годъ жалованья, — имѣть стипендіатовъ для одного хорового пѣнія съ содержаніемъ по 400 р. въ годъ—это было бы недостойно потомковъ Минина и Пожарскаго, особенно же, когда нѣкоторыя селенія Нижегородскаго уѣзда, какъ видно изъ протоколовъ земства, «обременены и раззорены воинскимъ постоемъ» (журналы IX очеред. нижегородской уѣзд. зем. собр. 1873—1874 гг. Нижній-Новгородъ. 1874, стр. 20—22, 25, 34—36, 55—60, 62—65, 71, 73 и 74).

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ дѣятельности другихъ земствъ, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе, къ которому вынуждаетъ насъ наше нравственное убѣжденіе и требованіе исторической правды. Мы видѣли уже много земствъ, но видѣли меньше, чѣмъ намъ предстоитъ видѣть. То, что уже поверхностно осмотрѣно нами, представляетъ, безъ сомнѣнія, и отрадныя явленія или, по малой мѣрѣ, нѣкоторое ручательство въ возможности несомнѣнно хорошихъ явленій въ будущемъ и, можетъ быть, недалекомъ, и явленія далеко не отрадныя, явленія, которыя не должны бы имѣть мѣсто въ человѣческой жизни. Но, при всемъ томъ, мы, вѣроятно, затруднились бы отвѣчать на прямо или вѣрнѣе — круто поставленный вопросъ: что же, въ концѣ-

концовъ, сдѣлано нашимъ земствомъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ можетъ только вся исторія нашего земства, сопоставленная притомъ съ нашимъ историческимъ прошлымъ, даже тѣмъ прошлымъ, котораго мы сами были зрителями и воздухомъ котораго мы сами дышали. Только сопоставленіе настоящаго съ этимъ прошедшимъ даетъ намъ понять истинную цѣну перваго. Вѣдь прошедшее такъ легко забывается, особенно же при помощи всепрощающаго и всесмягчающаго времени — этого всемогущаго кальматива, котораго не можетъ прописать никакой врачъ. Стòитъ только оглянуться назадъ, и мы у себя за плечами увидимъ это прошлое. Четыре года, напримѣръ, какъ существуетъ чердынское земство (Пермской губерніи). Не далѣе, какъ четыре года назадъ, это земство принимало на свои руки свой уѣздъ, его населеніе, его порядки, его экономическій и административно-общественный статусъ — однимъ словомъ, все свое историческое наслѣдство. Это было въ 1871 году. Что̀-жь оно нашло? Чтобы убѣдиться и успокоиться, обезпеченъ ли народъ на случай голода, надо было заглянуть въ его запасные магазины. Заглянули и нашли: что̀ есть въ магазинахъ—*никто* не знаетъ; «остатки наличнаго хлѣба отъ одного года къ другому по магазиннымъ книгамъ не переносятся, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ даже и книгъ вовсе не ведется»; въ одномъ магазинѣ оказываются хранящимися уже много лѣтъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, какіе-то опечатанные тюки съ имуществомъ, отобраннымъ полиціею у бѣглыхъ раскольниковъ, проживавшихъ по рѣкѣ Лупьѣ»; тюки эти изъѣдены и растасканы мышами по магазину и служатъ лишь гнѣздами для нихъ» (историческая мышеядь); «во многихъ волостяхъ хлѣбъ попорченъ мышами и изъ закромовъ высыпался; перемѣрки и освѣженія не производится»; «волостные старшины, при вступленіи въ должность, хлѣбъ и магазины отъ предмѣстниковъ своихъ не принимаютъ и сколько находится налицо хлѣба — не знаютъ»; ключь отъ одного магазина «находится хранящимся не у смотрителя магазина, а въ волостномъ правленіи, въ шкафу, съ дѣлами»; «крыши на магазинахъ очень плохи» и т. д., и т. д. А между тѣмъ, по донесеніямъ подлежащихъ властей въ подлежащія мѣста, «все обстоитъ благополучно» (журналы чердынскаго уѣзд. зем. собр. и отчетъ и доклады уѣзд. управы 1871 года. Пермь. 1874, стр. 68—72). Заглядываютъ въ мірскія кассы, хотятъ узнать, какъ̀ народъ ведетъ свои общественныя дѣла, какое исторія дала ему общественное воспитаніе, и находятъ: кассъ или вовсе нѣтъ, или онѣ находятся въ хаотическомъ состояніи; «есть много такихъ долговъ, которые состоятъ за заемщиками лѣтъ до десяти и болѣе

и о которыхъ не только не знаютъ волостные начальники, но даже забыли и сами заемщики»; въ другой волости «какъ мірской капиталъ, такъ и вспомогательная касса, совсѣмъ растрачены, и въ кассѣ нѣтъ ни одной копейки, даже потеряны и кассовыя книги за минувшіе годы, а за настоящій вовсе таковыхъ не ведется»; спрашиваютъ объ этомъ начальниковъ, и тѣ объясняютъ, что «какъ касса растрачена, такъ и книги потеряны еще до вступленія ихъ на должности»; на вопросъ—почему же старшина не донесетъ объ этомъ кому слѣдуетъ—получается отвѣтъ, что «до него были старшины, да тоже не доносили, а потому и онъ не доноситъ»; спрашиваютъ крестьянъ — почему же они сами, бывая на волостныхъ сходахъ, не повѣряютъ состоянія своихъ мірскихъ капиталовъ и кассъ и не производятъ учета своимъ начальникамъ по завѣдываніи капиталами — и получаютъ отвѣтъ, что «это не ихъ дѣло и что для этого есть избранные ими волостные начальники и писаря»; имъ объясняютъ, что обязанность повѣрять свои капиталы и кассы и производить учеты волостнымъ и сельскимъ начальникамъ, по закону, лежитъ на самихъ обществахъ, и слышатъ въ отвѣтъ, что «они люди темные и ничего не знаютъ» (тамъ же, стр. 382—385). Таково воспитаніе, данное исторіею нашему народу, который земство принимало на свои руки. Но это—только часть картины такого близкаго къ намъ нашего прошлаго. Принимая на свое попеченіе народъ, земство ищетъ, гдѣ же школы, какъ и чему онъ учится? И находитъ въ цѣломъ огромномъ уѣздѣ всего *только шесть школъ*, которыхъ существованіе столько же обезпечено, какъ существованіе птицъ небесныхъ. Считаютъ—сколько учащихся въ уѣздѣ, и находятъ: *одинъ учащійся на 11,759 душъ мужскаго пола наличнаго населенія или—вмѣстѣ съ женскимъ населеніемъ — одинъ учащійся почти на двадцать пять тысячъ душъ*! Это—цифры, которымъ не только Европа—Азія не повѣритъ; а между тѣмъ, это—фактъ, это—наша почти современная исторія, наше близкое прошлое, отъ котораго мы ушли только на четыре года. Заглядываютъ въ школу (въ селѣ Косѣ) и находятъ: «Преподаваніе въ школѣ ведется по старой методѣ: ни на развитіе, ни на пониманіе учащимися уроковъ не обращается вниманіе, а требуется, чтобы ученикъ заучилъ заданное изъ слова въ слово. Чтеніе ведется по буквослагательному способу (буки, азъ, вѣди), звуковой же способъ обученія чтенію ввести въ училище наставникъ считаетъ безполезнымъ. Изъ ариѳметики ничего не пройдено, и учитель, за неимѣніемъ учебника, отказался дать урокъ ученикамъ, объяснивъ, впрочемъ, что онъ намѣревается заняться обученіемъ ариѳметикѣ съ сен-

тября мѣсяца, къ которому и запасется приличнымъ руководствомъ». Мы сомнѣваемся даже, можно ли въ настоящее время встрѣтить не только въ печати, но даже въ канцелярскомъ наивномъ рапортѣ такой отзывъ о народныхъ школахъ педагога, какой представилъ, четыре года назадъ, чердынскому земству предсѣдатель мѣстнаго училищнаго совѣта и штатный смотритель чердынскихъ училищъ, г. Будринъ. Спѣшимъ оговориться, что вопросительные знаки, поставленные послѣ нѣкоторыхъ словъ въ отзывѣ г. Будрина, принадлежатъ не намъ, а чердынскому земству, которое, печатая въ 1874 году то, что̀ писалось ему въ 1871 году, повидимому, не рѣшилось пустить подъ типографскій станокъ нѣкоторыхъ выраженій безъ вопросительныхъ знаковъ. Вотъ этотъ отзывъ: «Долго велись споры и у насъ, и заграницей, да не прекратились вовсе еще и теперь, о томъ (говоритъ г. Будринъ), что̀ читать народу. Были, да и въ настоящую пору не извелись еще люди, которые желали бы по возможности отдалить народъ отъ православной вѣры отцовъ нашихъ, которые готовы дать въ руки простому народу что̀ угодно, хотя бы даже сказку о Бовѣ-королевичѣ или что-нибудь въ этомъ родѣ, лишь бы не давать ему ничего такого, что̀ знакомило бы его съ христіанствомъ. Не по этой ли причинѣ намъ довелось встрѣтить недавно слѣдующаго рода невыносимо тяжелыя и даже возмутительныя (?) явленія: спрашивается девятилѣтняя дѣвочка, посѣщавшая какое-то (?) училище: «Ты знаешь Іисуса Христа?»—«Нѣтъ».—«А Божію матерь?»—«Нѣтъ».—«Николая чудотворца?»—«Нѣтъ».—«Кого же ты знаешь?»—«Незнаю никого».—«А богу молишься?»—«Молюсь». Спрашивается другая одиннадцати-лѣтняя дѣвочка, и къ крайнему прискорбію—прежнее признаніе, т. е. что и она тоже ничего не знаетъ. Искренно жалѣть нужно, что дѣло народнаго образованія у насъ (?) ввѣряется иногда людямъ вовсе почти необращающимъ вниманія на дѣло вѣры, тогда какъ начало и всякой премудрости-то человѣческой есть страхъ Господень и живая вѣра въ Бога. Одно при этомъ можетъ быть утѣшеніемъ, что эти люди, къ счастію, безсильны затемнить человѣческій разумъ; ряды ихъ часъ-отъ часу все болѣе и болѣе рѣдѣютъ; всѣ умные люди и даже такіе великіе авторитеты, предъ которыми поклоняется современное поколѣніе, каковъ, напримѣръ, извѣстный современный англійскій мыслитель Джонъ Стюартъ Милль и другіе, признаютъ безконечное превосходство божественнаго откровенія предъ разумомъ человѣческимъ, и въ изученіи слова Божія и затѣмъ въ примѣненіи его истинъ въ жизни полагаютъ истинную основу человѣческой свободы, человѣческаго счастія. Всѣ лучшіе совре-

менные педагоги считаютъ необходимымъ въ основу воспитанія класть точное изученіе слова Божія, христіанской религіи, потому что въ противномъ случаѣ все воспитаніе будетъ, по выраженію евангелія, зданіемъ, построеннымъ на пескѣ, а слѣдовательно, человѣкъ, воспитанный такимъ образомъ, безъ знанія истинъ вѣры, будетъ безсильнымъ устоять противъ житейскихъ бурь и треволненій». Вслѣдствіе этого, г. Будринъ совѣтуетъ, чтобы земская управа, принявъ въ свое вѣдѣніе училища, «для наблюденія за самымъ дѣломъ обученія почаще давала кому слѣдуетъ (?) случай посѣщать училища». (Тамъ же, стр. 78, 81, 85, 90 и 91).

Было бы утомительно и даже невозможно перечислить все, что̀ должно было земство, которое принимало въ свое вѣдѣніе уѣздъ въ такомъ неисповѣдимомъ состояніи, что̀ оно должно было дѣлать, чтобы по возможности поправить всѣ историческія прорухи, въ которыхъ очутилась жизнь всего уѣзда, все то экономическое и общественное безобразіе, которое бросалось въ глаза на каждомъ шагу. Каждая сторона жизни требовала приложенія къ ней особыхъ мѣръ, особыхъ распоряженій, а когда, при приведеніи въ исполненіе этихъ мѣръ, приходится натыкаться на нищенство да на повальное невѣжество, тогда по неволѣ руки опустятся. Но земство этого не дѣлало—за малыми, впрочемъ, исключеніями. Надо было поправить дороги, которыя въ пермскомъ краю отличались своимъ классическимъ безобразіемъ; надо было засыпать хлѣбомъ опустошенные мышами запасные магазины; надо было научить народъ, деморализованный исторіею и своимъ собственнымъ начальствомъ, умѣть беречь этотъ запасный хлѣбъ, умѣть контролировать своихъ выборныхъ, умѣть прятать ключи отъ мірскихъ бенефицій, отъ мірского добра; надо было учить народъ очищать свои дворы и селенія отъ навозу, потому что этому не научила его ни безталаннная исторія, ни такая же безталанная власть, ничему ненаученная тою же исторіею, кромѣ казнокрадства и лихоимства; надо было сначала церковныя сторожки и арестантскія превращать въ школы, а потомъ сколачиваться и на постройку школъ; надо было въ тоже время научать народъ не бояться школы, потому что безталанная исторія научила его бояться старой казенной школы, какъ казенной больницы и казеннаго острога, а казнокрадствующая, лихоимствующая и мздоимствующая власть подерживала въ немъ этотъ страхъ; надо было обманомъ заманивать народъ въ земскія больницы, обманомъ пріучать бабъ рожать по-человѣчески, а не по-собачьи, въ полѣ, на жнитвѣ, подъ кустомъ, подъ мостомъ и по коровьимъ хлѣвамъ. Скучно было бы все это

перечислять, утомительно переходить отъ одного года къ другому и шагъ за шагомъ слѣдить за работою земства. О какомъ нибудь вздорномъ мостѣ, который со временъ Рюрика каждый годъ обламывался и требовалъ отъ народа ремонта, о всякой водороинѣ, которую тоже со временъ Аскольда и Дира всякую весну размывало водою и портило проѣзжую дорогу и на засыпку которой, а скорѣе на засыпку хищническихъ кармановъ строителей ежегодно шли мужицкія денежки—обо всемъ этомъ говорится и пишется каждымъ земствомъ, все это заносится въ земскую литературу, и нѣтъ возможности все это обхватить разомъ, изобразить въ стройной картинѣ, потому что тутъ и нѣтъ цѣльной картины, а сумбуръ стройки, ломки, кучи мусора, доски, старые гвозди, ямы, грязь, щебень, известь, запачканные рабочіе и какой-то нестройный гамъ этихъ чернорабочихъ, иногда корящихся между собой, не понимающихъ другъ друга, иногда дерущихъ горло или спящихъ гдѣ-либо въ холодку. Это и есть земство. А зданіе строится—это видно, и, если злой рокъ не смѣшаетъ языки строителей, какъ Богъ смѣшалъ когда-то языки строителей Вавилонской башни, то и наше зданіе должно бы вознестись высоко подъ облака. Худо будетъ, если володимерцы не станутъ понимать ярославцевъ, ярославцы костромичей, костромичи чердынцевъ, чердынцы саратовцевъ, саратовцы пирятинцевъ, миргородцевъ и т. д. А теперь они, повидимому, нѣсколько понимаютъ другъ друга и таскаютъ по маленьку кирпичъ, глину, известь, желѣзныя и даже мраморныя подѣлки, а мусоръ и щебень сваливаютъ въ сторону. Но вотъ съ этимъ то мусоромъ и приходится бо̀льшею частью имѣть дѣло историку земства, задача котораго—не зданіе десяти-восьмилѣтней земской стройки изображать, потому что зданію-то еще и основанія не положено, а копаться въ щебнѣ, показывать доброкачественность и худокачественность кирпича, показывать даже, ка̀къ и кѣмъ строится этотъ кирпичъ и вмѣсто какого гнилья онъ кладется; показывать, какіе рабочіе лучше кладутъ стѣны, а какіе еще и изъ мусора не выбрались. Все это очень скучно, очень непривлекательно для историка, и потому онъ поневолѣ спѣшитъ выбраться изъ мусора и отъ перваго года земской стройки прямо перескочить къ послѣднему.

Мы сейчасъ видѣли, какую рухлядь, въ видѣ историческаго наслѣдства отъ стараго порядка вещей, должно было принимать чердынское земство. Ту же рухлядь, по описи, какъ законные наслѣдники послѣ безпорядочно жившаго, несчастнаго или промотавшагося родителя, должны были принимать на свои руки и всѣ остальныя земства Россіи. Подобный скарбъ приняло и дру-

гое земство пермской губерніи, на которой мы теперь остановились въ своемъ паломничествѣ,—кунгурское. Оно также переживаетъ только пятую осень своей жизни. О людяхъ говорится, что такая-то молодая особа переживаетъ семнадцатую, восемнадцатую и т. д. весну своей жизни; о земствахъ же слѣдуетъ говорить, что они переживаютъ—которое пятую осень своей жизни, которое девятую, потому что годичныя очередныя земскія собранія (уѣздныя), какъ греческія олимпіады, бываютъ осенью, потому что эти сроки созыва земствъ опредѣляетъ земское Положеніе. Кунгурское земство, слѣдовательно, изъ молодыхъ. Но и втеченіи четырехлѣтняго своего существованія оно уже успѣло кое-что сдѣлать, а гдѣ не успѣло по недостатку силъ и средствъ, а отчасти и по недостатку энергіи—тамъ, по крайней мѣрѣ, проложило слѣдъ для будущей работы. Въ первые годы жизни этого земства шла черновая, подготовительная работа, меньше даже чѣмъ подготовительная: приходилось только взглядываться, прилаживаться, дѣлать опыты. Опыты эти, можно сказать, продолжались все первое трехлѣтіе. Составъ гласныхъ перваго избранія какъ умѣлъ сдѣлать свое дѣло. Приходило второе трехлѣтіе—надо было отдохнуть дѣятелямъ перваго избранія и обновить составъ дѣятелей свѣжими силами. Что работа дѣятелей перваго избранія не прошла безслѣдно для края, видно хотя бы изъ того, что, когда открывалось первое собраніе второго трехлѣтія, въ 1873 году, то собраніе, послѣ молебствія съ водосвятіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, пожелало возгласить многолѣтіе «и служащимъ въ земскомъ учрежденіи». И многолѣтіе было возглашено.

Такъ какъ намъ предстоитъ исходить всю русскую землю изъ конца въ конецъ и заглянуть по возможности во всѣ уголки, гдѣ съ бо̀льшей или меньшей силой творчества совершается жизненно-историческій процессъ нашего медленнаго развитія (а гдѣ же онъ не совершается!), то едва ли мы имѣемъ право долго останавливаться надъ такими явленіями этого процесса, которыя могутъ быть названы рядовыми и болѣе или менѣе тожественными вездѣ и масса которыхъ можетъ заслонить передъ нами другія явленія, хотя и не крупныя, но такія, въ коихъ чувствуется присутствіе самобытной созидающей силы. Правда, такихъ явленій не много; но они все-таки есть. Одно изъ такихъ явленій—это дружное заявленіе почти всѣхъ земствъ въ пользу того, что вся страна одинаково сознаетъ потребность распространенія въ массахъ современныхъ реальныхъ знаній, безъ которыхъ борьба съ часто упоминаемымъ нами Минотавромъ не мыслима. Такъ почти во всѣхъ городахъ, гдѣ только началось, такъ-сказать, броженіе

*

земской мысли, слышатся заявленія или со стороны городскихъ, или со стороны уѣздныхъ гласныхъ, что въ интересахъ развитія населенія необходимо учрежденіе реальнаго училища. Въ большинствѣ случаевъ заявленіе встрѣчается дружнымъ сочувствіемъ, и, несмотря на бѣдность большей части земствъ, предположеніе осуществляется. Городъ въ этомъ случаѣ приходитъ обыкновенно на помощь уѣзду, уѣздъ—городу. Въ земскихъ собраніяхъ, по поводу возбужденія вопросовъ о реальномъ образованіи, вы не замѣчаете даже ни раздѣленія общества на партіи, ни чего сколько-нибудь похожаго на борьбу классицизма съ реализмомъ. Въ большинствѣ случаевъ, и земства уѣздныя, и ихъ городскія фракціи оказываются реалистами, несмотря на большую, повидимому, поддержку со стороны высшей училищной администраціи мнѣнія въ пользу классицизма. Это самое видимъ мы и въ Кунгурѣ. Такъ какъ кунгурское земство еще очень юно, то оно, можно сказать, только-что еще становится на ноги и едва лишь начинаетъ задаваться общественными вопросами. На первомъ планѣ, конечно, стоитъ улучшеніе экономической стороны населенія, и въ этомъ отношеніи дѣлается то, что̀ земство въ силахъ сдѣлать при крайней ограниченности своихъ средствъ: обезпеченію народнаго продовольствія уже положено нѣкоторое основаніе возстановленіемъ хлѣбныхъ запасовъ; на улучшеніе путей сообщенія идетъ весьма значительный процентъ всего земскаго бюджета; въ уѣздѣ открыты больнички для народа и есть даже мысль завести «летучія аптечки» въ каждомъ приходѣ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ неимѣнія на мѣстѣ врача или фельдшера, больные немедленно обращались къ мѣстному священнику. Въ этихъ видахъ земскимъ врачомъ, г. Морозомъ, составленъ особый каталогъ медикаментамъ для летучихъ аптечекъ, который и долженъ быть розданъ священникамъ. Въ этотъ каталогъ вошло 29 родовъ общеупотребительныхъ медикаментовъ, съ употребленіемъ коихъ, въ подлежащихъ случаяхъ, можетъ освоиться всякій маломальски грамотный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что г. Морозъ составилъ и общепонятную инструкцію, какъ̀ и въ какихъ случаяхъ употреблять эти лекарства. Въ дѣлѣ народнаго образованія также дѣлаются первые шаги, правда робкіе, нерѣшительные, потому что широко шагать-то страшно—какъ̀ бы не выскочить изъ жалкаго земскаго бюджета и не обременить бѣдное населеніе непосильными налогами; но, при всемъ томъ, гдѣ не было ни одной школы, тамъ является двѣ, а гдѣ было двѣ—тамъ уже стало семнадцать. Въ самомъ отношеніи къ народной школѣ является что-то теплое, материнское, не то, что̀ у Тараса Бульбы къ сыну Андрею—«я тебя породилъ—я тебя и убью»: нѣтъ, тутъ самый

актъ призванія къ жизни народной школы земствомъ устанавливаетъ между этимъ земствомъ и школой родственныя отношенія, какихъ, по самой сущности вещей, не можетъ быть между населеніемъ и казенной школой: то «мое», а это «не мое», на то я имѣю мое личное вліяніе, на это—не имѣю. Въ самыхъ ревизіонныхъ отчетахъ земскихъ школъ, въ отзывахъ о состояніи и успѣхахъ мѣстнаго учащагося и учащаго контингента слышится что-то родственное. Объ одной школѣ вы читаете: ученики — «развиты, развязны, читаютъ бойко и сознательно, пересказываютъ прочитанное и могутъ излагать на бумагѣ своими словами»—это успѣхи хорошіе; «на счетахъ кладутъ бойко, въ умѣ считаютъ скоро и дѣлаютъ на письмѣ всѣ четыре дѣйствія простыхъ и именованныхъ чиселъ»; или—«дѣти смотрятъ весело, не сонливо, держатъ себя прилично, грязныхъ и растрепанныхъ не видно»; наконецъ—«общество къ училищу относится сочувственно за то, что сама школа начинаетъ оказывать уже на дѣлѣ свою задачу для общества—это очевидно: многіе отцы, бывшіе тутъ, были весьма довольны отвѣтами своихъ дѣтей-учениковъ». По другой школѣ: «читаютъ не бойко, прочитанное передаютъ туго—сдѣлано мало»; далѣе — «ученики держали себя скромно и вѣжливо, но замѣчается вообще какая-то неразвязность, недогадливость, замѣтно, что на развитіе умственныхъ силъ вліяли гг. преподаватели весьма мало»; наконецъ, отзывъ объ учителѣ: «учитель Собянинъ, изъ молодыхъ, лѣтъ 18, кончившій курсъ въ пермскомъ духовномъ училищѣ и не выдержавшій экзамена на поступленіе въ семинарію, но сдавшій на званіе учителя — человѣкъ мало подготовленный къ дѣлу; ему самому еще бы только въ пору учиться, а не другихъ учить... отецъ законоучитель отзывается слабостью здоровья» и тоже учитъ плохо; оттого и «общество какъ-то равнодушно относится къ школѣ». А вотъ отзывъ о школахъ, гдѣ учатъ дѣвушки—наша будущая земская сила: училище открыто всего только нѣсколько мѣсяцевъ, и уже успѣхи есть—«слабыхъ отвѣтовъ ни по одному предмету не было», хотя недавно дѣти «не знали ни одного звука»; «внѣшность учениковъ прилична, держатъ себя скромно; запуганныхъ нѣтъ, напротивъ—«дѣти казались веселыми и развязными, и видно, что съ ними хорошо, ласково и дружелюбно обращаются»; далѣе—«г-жа учительница Апполинарія Александровна Ктитарева, дѣвица лѣтъ 30 изъ окончившихъ курсъ въ пермскомъ женскомъ училищѣ, усердна и внимательна по своей должности, и ея обращеніе съ дѣтьми не заставляетъ и желать лучшаго: здѣсь, въ кунгурскомъ уѣздѣ, это—первый опытъ, что въ мужскомъ училищѣ учитъ женщина, но ошибки нѣтъ—дѣло идетъ

на первый разъ удовлетворительно». По другой школѣ, гдѣ тоже учитъ дѣвушка: «Къ училищу этому общество относится съ довѣріемъ: одна ученица уже 16 лѣтъ, а сидитъ за однимъ столомъ съ осьмилѣтками и держала экзаменъ, не стѣсняясь, и учится охотно и прилежно, и успѣла хорошо, пишетъ плавно». Далѣе—«г-жа учительница Козакова вести дѣло преподаванія умѣетъ, способна и усердна». Отзывъ о школѣ въ селѣ Осинцовскомъ еще замѣчательнѣе: «общество съ довѣріемъ относится къ школѣ и не считаетъ ее годною для однихъ только ребятъ; ею не брезгаютъ и взрослые: мы, къ удовольствію нашему, встрѣтили здѣсь ученика Лебедева—*сорока двухъ лѣтъ*, который на ряду съ дѣтьми девяти-десятилѣтними сидѣлъ за партою, а потомъ, выкликанный, подходилъ къ столу и держалъ экзаменъ—малость какая смущенный; а въ спискѣ еще есть ученики лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, но они были на «сплавкѣ»; учитель Приданниковъ—«изъ крестьянъ», «заботливъ, усерденъ, но еще не опытный». А вотъ образчикъ татарскаго училища, изъ котораго кунгурское земство тоже старается сдѣлать по-возможности что-либо болѣе соотвѣтствующее своему назначенію: «по-русски читаютъ вообще не бойко—главное недостаетъ правильности въ выговорѣ русскихъ словъ; прочитанное передаютъ не совсѣмъ удовлетворительно — сбиваются въ понятіяхъ русскихъ словъ; татарскую грамоту читаютъ бойко, но та бѣда, что не понимаютъ, что̀ читаютъ; и самъ учитель татарскаго языка, старикъ Кусамотдиновъ ровно ничего не понимаетъ, что̀ читаетъ въ книгѣ—человѣкъ совершенно не развитой. Для перевода и объясненія татарскаго языка приходилось обращаться къ мѣстному муллѣ, который тоже находился на экзаменѣ, а самъ учитель былъ при этомъ безмолвный зритель—какъ будто тутъ и не его дѣло. Учитель этотъ по-русски ни читать, ни писать не умѣетъ... Учитель русскаго языка, Введенскій — человѣкъ скромный, терпѣливый, и видно, что трудится, сколько можетъ, а все-таки главнаго, что̀ именно нужно, въ учителѣ этого училища—не достаетъ, т. е. знанія ученаго, особенно разговорнаго татарскаго нарѣчія. Особенно замѣчательное здѣсь встрѣтилось то, что братъ этого учителя—Александръ Введенскій, мальчикъ лѣтъ 13, бойкій и смышленый, отлично читаетъ и пишетъ по-русски, знаетъ законъ Божій и первыя четыре дѣйствія простыхъ и именованныхъ чиселъ, и, при всемъ томъ, этотъ мальчикъ весьма много знаетъ—больше брата — татарскихъ словъ, легко говоритъ съ дѣтьми-татарами, бойко читаетъ и даже пишетъ по-татарски. Не согласится ли этотъ мальчикъ просить у кунгурскаго земства стипендію для поступленія въ окружное казанское инородческое учи-

лище, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи быть учителемъ въ татарскомъ вехкултымскомъ училищѣ?» (журналы четвер. очеред. кун. уѣзд. зем. собр. сентябр. сессіи 1873 г. съ докладомъ уѣздн. упр. и приложеніями къ нимъ. Вятка. 1874, стр. 77, 363—388, 512, 380—388 и др.).

Ясно изъ всего этого, что земству вездѣ приходится начинать съ азбуки, и притомъ не въ школѣ только, но и во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности: въ продовольствіи народа, въ улучшеніи путей сообщенія, въ оздоровленіи населенія и въ его развитіи. Россіи, во второмъ тысячелѣтіи своего существованія, повидимому, приходится начинать свою жизнь съизнова, потому что все, что̀ пережито ею отъ 862 по 1862 годъ, было какъ будто тяжелымъ историческимъ сномъ.

X.

Особенный интересъ представляетъ дѣятельность земства Смоленской губерніи, о которой одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей этого края выразился какъ о такой губерніи, въ коей заключается высшая интеллигентная сила всей обширной русской земли.

1-го марта 1874 года, въ засѣданіи чрезвычайнаго смоленскаго губернскаго земскаго собранія, князь П. П. Друцкой-Гурко, во время преній по вопросу «о радикальныхъ мѣрахъ, необходимыхъ для улучшенія быта сельскаго населенія», на замѣчаніе нѣкоторыхъ гласныхъ о томъ, что они призваны для обсужденія не обще-государственныхъ вопросовъ, а только такихъ, какіе касаются исключительно Смоленской губерніи, между прочимъ, сказалъ: «что касается до того, что мы не призваны обсуждать мѣры, имѣющія значеніе обще-государственное, то я не ошибусь, кажется, если скажу, что правительство предложило намъ обсудить мѣры улучшенія бѣдственнаго положенія губерніи, не только потому, что мы бѣдствуемъ болѣе другихъ,—примѣръ Самарской губерніи опровергаетъ это предположеніе, — но главнымъ образомъ потому, что *Смоленская губернія считается болѣе интеллигентною и способною выполнить предназначенія правительства. Вѣрность этого взгляда подтверждается исторіею. Великая Екатерина, приступая къ преобразованію воеводствъ въ губерніи—эту великую реформу начала съ Смоленской губерніи. Императоръ Николай Павловичъ по вопросу объ учрежденіи обязанныхъ крестьянъ обратился въ 1846 году исключительно къ нашей губерніи*».

Очевидно, что земская дѣятельность такой губерніи, которая хотя-бы даже въ лицѣ одного изъ ея представителей, считаетъ себя солью русской земли, должна имѣть высокій интересъ въ глазахъ всякаго русскаго.

Посмотримъ же въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ выразилась высшая интеллигентная сила этого Цезаря, претендующаго быть первымъ въ Россіи. Всего болѣе она могла выразиться въ вопросѣ «о принятіи радикальныхъ мѣръ для улучшенія быта сельскаго населенія». Вопросъ этотъ такъ всеобъемлющъ, что его никакимъ образомъ нельзя вмѣстить въ одну узкую смоленскую рамку, а для него едвали впору будетъ и широкая всероссійская рамка. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, почти въ началѣ дѣятельности земскихъ учрежденій. Для разработки его въ Смоленской губерніи назначена была особая комиссія, которая въ мартѣ 1873 г. представила выработанный ею проэктъ «о коренныхъ мѣрахъ» смоленскому губернскому земскому собранію. Собраніе, выслушавъ этотъ проэктъ или докладъ, разослало его въ копіяхъ всѣмъ губернскимъ гласнымъ съ просьбой дать по содержанію его свои замѣчанія и заключенія, и кромѣ того, выбравъ особую комиссію, поручило этой «новой» комиссіи разсмотрѣть докладъ и сдѣлать сводъ всѣмъ замѣчаніямъ гласныхъ. Новая комиссія исполнила все это и представила свой докладъ чрезвычайному губернскому собранію въ мартѣ 1874 г. Изъ доклада этого видно, что прежняя комиссія главными причинами упадка благосостоянія сельскаго населенія Смоленской губерніи признала — «неблагопріятность условій, въ которыя поставлена поземельная собственность вообще». Болѣе-же рельефное и такъ-сказать осязательное мнѣніе по этому предмету высказалъ гласный И. Н. Давыдовъ, который причинами упадка благосостоянія населенія признаетъ: «экономическія условія губерніи, какъ-то скудость и постоянное истощеніе почвы; краткость періода полевыхъ работъ; недостатокъ земельныхъ надѣловъ при возрастающемъ населеніи; низкія цѣны на трудъ и отсутствіе промысловъ; общую дороговизну предметовъ потребленія; возвышенность акциза на вино и существованіе налога на соль; безпорядочность въ употребленіи водки; тягость косвенныхъ налоговъ вообще и, наконецъ, несоразмѣрность сборовъ и выкупныхъ платежей съ стоимостью и доходностью земель». Напротивъ, другимъ гласнымъ, Н. А. Мельниковымъ, признаются: «не климатическія или почвенныя условія, а единственно полная деморализація крестьянскаго сословія (а кто же его морализовалъ?)». Для насъ важны въ этомъ отношеніи оба мнѣнія, и г. Давыдова, и г. Мельникова

Но еще важнѣе «радикальныя мѣры», какія предлагались для спасенія населенія отъ тѣхъ бѣдствій, въ которыя ихъ ввергла исторія. Вотъ эти мѣры, по мнѣнію первой или старой комиссіи:

Измѣненіе существующей податной системы, съ совершенною отмѣною подушной подати, а въ основаніе новой системы налоговъ ввести: налогъ на доходъ съ имущества, будетъ-ли онъ заключаться въ землѣ, фабрикѣ, промышленномъ заведеніи, денежномъ капиталѣ и проч., и *налогъ на трудъ*, будетъ-ли послѣдній проявляться въ заработной платѣ рабочаго, въ жалованьѣ служащаго, *гонорарѣ литератора* и т. п.

раздѣленіе натуральныхъ повинностей на общегосударственныя и мѣстныя земскія, съ отнесеніемъ постойной и подводной повинности на бюджетъ военнаго министерства;

устройство долгосрочнаго и дешеваго поземельнаго кредита посредствомъ учрежденія государственнаго земскаго поземельнаго банка для всей Россіи, съ подраздѣленіемъ на конторы по губерніямъ;

развитіе народнаго образованія, между прочимъ, посредствомъ государственныхъ земскихъ учрежденій, къ участію въ которыхъ вмѣстѣ съ высшими, болѣе образованными классами, должны быть допускаемы и крестьяне;

сокращеніе числа уѣздныхъ земскихъ управъ и учрежденіе окружныхъ управъ для нѣсколькихъ уѣздовъ;

учрежденіе всесословныхъ волостей, съ сокращеніемъ числа волостей нынѣ существующихъ;

замѣна безаппелляціоннаго крестьянскаго суда или судомъ волостнымъ всесословнымъ, съ правомъ аппелляціи въ съѣздѣ мировыхъ судей, или увеличеннымъ числомъ участковыхъ мировыхъ судей;

упраздненіе должностей мировыхъ посредниковъ (что уже и совершилось);

преобразованіе полиціи—отдѣленіемъ отъ нея обязанности собирать подати (послѣ требовалось и назначеніе исправниковъ отъ земства);

учрежденіе при волостяхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ;

поощреніе развитію рабочихъ артелей, въ особенности для работъ на желѣзныхъ дорогахъ;

устраненіе причинъ и поводовъ къ крестьянскимъ раздѣламъ, между прочимъ, уничтоженіемъ круговой поруки;

разрѣшеніе сельскимъ обществамъ, въ видахъ уменьшенія пьян-

ства, открывать самимъ общественныя питейныя заведенія на своихъ земляхъ и подъ своимъ контролемъ;

и отмѣна налога на соль.

Любопытны въ этомъ случаѣ нѣкоторыя отдѣльныя мнѣнія, высказанныя гласными по поводу проэктированія указанныхъ нами выше общихъ мѣропріятій. Такъ, напр., г. Давыдовъ полагаетъ, что существующіе административные и финансовые порядки «сами по себѣ во всякомъ случаѣ безсильны измѣнить неблагопріятныя экономическія условія губерніи», а что касается до измѣненія податной системы, «то одна реформа прямыхъ податей, хотя бы съ полной отмѣной подушной подати, весьма не много облегчитъ крестьянъ, если при этомъ народное потребленіе не будетъ освобождено отъ страшныхъ косвенныхъ налоговъ». Въ дѣлѣ народнаго образованія признается необходимымъ «установленіе обязательности обученія въ принципѣ» и въ особенности развитіе техническихъ и реальныхъ знаній. Въ то же время, гласный А. Г. Шутято считаетъ возможнымъ привлечь народъ къ дѣятельному участію въ устройствѣ и содержаніи сельскихъ школъ—увеличеніемъ народнаго благосостоянія (объ этомъ то и рѣчь идетъ), предоставленіемъ крестьянамъ, получившимъ извѣстную степень образованія, преимущественнаго права занятія должностей съ хорошимъ содержаніемъ и учрежденіемъ для лучшихъ учениковъ сельскихъ школъ бо́льшаго числа стипендій при университетахъ, гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. И вотъ земство, выслушавъ множество отдѣльныхъ мнѣній, умныхъ и неумныхъ, все-таки становится въ тупикъ передъ тѣмъ наслѣдствомъ, которое завѣщала намъ исторія—передъ бѣдностью во всѣхъ ея видахъ. Исхода изъ этого отчаяннаго положенія не видитъ нигдѣ и высказываетъ свой ультиматумъ въ томъ смыслѣ, что «безъ увеличенія нынѣ существующаго числа учебныхъ пунктовъ невозможно примѣнить обязательнаго ученія, а также нельзя привести въ исполненіе съ достаточной пользой предположенія о приданіи народному образованію болѣе практическаго значенія, присоединеніемъ къ книжному обученію возможности изученія ремеслъ или техническихъ и сельскохозяйственныхъ производствъ»; что «весь вопросъ первоначально сводится на отсутствіе средствъ, какъ у земства, такъ и у крестьянскихъ обществъ къ содержанію въ достаточномъ числѣ хорошо организованныхъ сельскихъ школъ и училищъ»; что, наконецъ (pia, atque vana desideria) — «единственнымъ выходомъ представляется ходатайство предъ правительствомъ объ усиленіи той суммы, которая министерствомъ народнаго просвѣщенія ежегодно отпускается на народное образованіе». Прекрасно. Но

гдѣ же министерство возьметъ эти суммы? Вѣдь и у министерства, и у земства одинъ источникъ, изъ котораго они могутъ черпать свои суммы,—это благосостояніе страны. Положимъ, правительство дастъ министерству эти суммы, министерство дастъ ихъ земству, земство—народу; но гдѣ же возьметъ ихъ само правительство?—у того же народа, у страны. Очевидно, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе, которое смоленскимъ земствомъ разрѣшается подобно тому, какъ народное творчество разрѣшаетъ вопросъ о пѣтухѣ, подавившемся бобомъ: «липа дала листу, листу дали водѣ, воды дали пѣтуху — пѣтухъ лежитъ не дышитъ—бобомъ подавился». Этимъ историческимъ бобомъ подавились всѣ мы, подавился народъ—и лежитъ не дышитъ, хоть ему и дали воды при помощи благодѣтельной липы, которая питается тою же водою, какъ и подавившійся пѣтухъ.

По вопросу о «всесословной волости» высказано было также не одно крайнее мнѣніе. Г. Путято, между прочимъ, заявилъ, что при учрежденіи всесословной волости въ должности волостныхъ старшинъ должны избираться лица, получившія извѣстное образованіе или хотя бы окончившія курсъ въ гимназіи. А гласный П. И. Маевскій высказываетъ, что въ осуществленіи предположенія о всесословной волости онъ видитъ «неизбѣжныя и почти непреодолимыя препятствія». Главнымъ изъ этихъ препятствій признается «численная незначительность землевладѣльцевъ, проживающихъ въ волостяхъ и могущихъ, вслѣдствіе этого, принимать участіе въ сходахъ только въ качествѣ самаго крайняго меньшинства», и потому «*образованное начало, представляемое землевладѣльцами, должно быть подавлено необразованною массою и удалить само себя, видя свое безсиліе*». Мало того, по мнѣнію г. Маевскаго, «участіе постороннихъ лицъ въ разрѣшеніи, такъ сказать, интимныхъ крестьянскихъ вопросовъ можетъ породить недовольство и враждебное настроеніе со стороны крестьянъ и тѣмъ самымъ повести не къ сліянію, а къ озлобленію между сословіями». По вопросу объ уменьшеніи въ народѣ пьянства тотъ же г. Маевскій сочувственно относится къ предположенію объ открытіи общественныхъ питейныхъ заведеній и признаетъ полезнымъ, въ видахъ огражденія страны отъ чрезмѣрнаго увеличенія числа кабаковъ, опредѣлить количество ихъ для каждаго уѣзда и назначить для этого извѣстные пункты, а затѣмъ отдавать общественные кабаки съ торговъ, съ тѣмъ чтобы часть вырученной суммы поступала въ казну, часть — въ земство на потребности народнаго образованія и часть, наконецъ, въ пользу сельскихъ обществъ того района, въ которомъ открыто питейное заведеніе. Между тѣмъ г. Давы-

довъ, этотъ, повидимому, выдающійся своей головкою на земскомъ полѣ Смоленской губерніи цвѣтокъ, который непремѣнно былъ бы сбитъ римскимъ Тарквиніемъ, — этотъ г. Давыдовъ находитъ, что «вредъ, отъ пьянства происходящій, зависитъ не отъ количества употребляемаго вина, а отъ безпорядочности въ его употребленіи, и что возвышеніе акциза на вино не только не уменьшаетъ пьянства, но и является мѣрой въ высшей степени прискорбной, такъ какъ возвышеніе это всею своею тяжестью ложится на народное потребленіе и отвлекаетъ отъ крестьянскаго хозяйства огромныя суммы, которыя нашли бы болѣе производительное употребленіе». И опять земство, въ виду множества разнорѣчивыхъ мнѣній по данному вопросу, а главное въ виду унаслѣдованныхъ отъ исторіи порядковъ, отъ которыхъ отрѣшиться не въ силахъ цѣлый рядъ поколѣній, видитъ себя поставленнымъ въ безвыходное положеніе и робко высказываетъ такое полумнѣніе: «общая затруднительность въ разрѣшеніи вопроса о пьянствѣ зависитъ отъ противорѣчія тѣхъ интересовъ, которые имъ затронуты, и, какъ ни желательно, чтобы для пользы крестьянскаго населенія количество потребленнаго вина уменьшилось, но нельзя не признать, что желаніе это идетъ въ разрѣзъ съ успѣхомъ установленной системы косвенныхъ налоговъ, по которой акцизъ и пошлины съ торговли виномъ составляютъ одну изъ главныхъ статей государственнаго дохода». Другими словами это значитъ, что, если не дать липѣ воды, то она не дастъ и листу и т. д., а ужъ подавившагося бобомъ пѣтуха все равно не оживить, такъ не о чемъ и хлопотать. По поводу предположенія объ отмѣнѣ налога на соль, г. Маевскій высказывается, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія о необходимости уничтоженія соляного налога. За то г. Давыдовъ, на зло римскому Тарквинію, вновь выставляетъ свое мнѣніе выше другихъ, относя соляной налогъ «къ числу тяжестей, лежащихъ на народномъ потребленіи и отвлекающимъ значительныя суммы изъ народнаго оборотнаго капитала». За мнѣніе г. Давыдова стоитъ вся комиссія, мотивируя свою солидарность съ нимъ такъ: «принимая въ соображеніе, что никакой предметъ первой жизненной необходимости не долженъ подлежать обложенію налогомъ, комиссія полагаетъ, что возбужденіе ходатайства объ уничтоженіи акциза на соль является со стороны смоленскаго земства дѣйствіемъ не только правильнымъ, но и совершенно послѣдовательнымъ, такъ какъ въ прежнее время, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, губернскимъ земскимъ собраніемъ уже было заявлено правительству ходатайство по тому же предмету».

Когда такимъ образомъ высказаны были всѣ мнѣнія относи-

тельно предположенныхъ мѣропріятій, предсѣдателемъ собранія, княземъ В. Д. Урусовымъ, возбужденъ былъ вопросъ, не признаетъ ли собраніе необходимымъ раздѣлить мѣры улучшенія, о которыхъ шла рѣчь, на двѣ категоріи—на мѣры частныя, имѣющія только мѣстный интересъ, и мѣры общія, имѣющія общегосударственное значеніе, а потому и возбудить передъ правительствомъ два отдѣльныхъ ходатайства. На это гласный Д. Д. Игнатьевъ возразилъ, что отдѣлить мѣры мѣстныя отъ общихъ—невозможно, потому что, въ строгомъ смыслѣ, ни одна изъ высказанныхъ мѣръ не можетъ считаться исключительно мѣстною. Г. Игнатьеву возражалъ г. Арбузовъ, высказавъ при этомъ такую фразу: «едва ли мы въ правѣ разсуждать о мѣрахъ улучшенія общаго государственнаго строя». Вотъ тутъ то князь Гурко высказалъ свою нѣсколько смѣлую мысль о томъ, что Смоленская губернія составлаетъ соль русской земли.

— Раздѣленіе мѣръ улучшенія быта губерніи на мѣстныя и общія, по моему мнѣнію, невозможно, даже немыслимо (сказалъ онъ):—и вотъ тому лучшее доказательство: гг. губернскіе гласные Рославльскаго уѣзда, подавая въ комиссію свои мнѣнія о несогласіи съ заключеніями комиссіи, главнымъ аргументомъ несогласія своего выставляли то, что мѣры улучшенія, указанныя комиссіею, имѣли общій, а не мѣстный характеръ. И что же? тѣ же рославльскіе гласные, въ томъ же самомъ мнѣніи, предложили какъ одну изъ самыхъ полезныхъ мѣръ улучшенія положенія смоленскаго населенія—уменьшеніе выкупныхъ платежей. Мѣра эта уже никакъ не можетъ назваться мѣстною, а, напротивъ, болѣе нежели какая другая имѣетъ характеръ общегосударственный. Такимъ образомъ ясно, что нѣтъ возможности придумать такихъ частныхъ, мѣстныхъ мѣръ, которыя бы въ тоже время не были и общегосударственными. Что же касается до того, что мы не призваны обсуждать мѣры, имѣющія значеніе общегосударственное, то... и т. д. (здѣсь князь Гурко высказываетъ то, что мы привели выше, именно — что Смоленская губернія «считается» наиболѣе «интеллигентною» во всемъ Русскомъ царствѣ).

Но князь Гурко не зналъ, конечно, что послѣ него будетъ говорить г. Кузеневъ, гласный Рославльскаго уѣзда. Подобно римскому Катону, постоянно твердившему въ римскомъ сенатѣ свою безсмертную фразу «Cahrtaginem delendam», смоленскій Катонъ настойчиво твердитъ почти тоже о крестьянахъ. Въ своей энергической рѣчи онъ такъ объясняетъ причины бѣдственнаго состоянія Смоленской губерніи, а съ нею и всей Россіи.

— Дѣло идетъ о сельскомъ населеніи губерніи и объ упадкѣ

его быта и хозяйства. Докладъ комиссіи говоритъ о сельскомъ населеніи. Подъ этимъ именемъ я разумѣю не только крестьянъ, но и всѣхъ вообще землевладѣльцевъ. Упадокъ сельско-хозяйственнаго быта въ губерніи сознается всѣми! Четыре года тому назадъ я заявилъ объ этомъ упадкѣ въ рославльскомъ земскомъ собраніи—это было первое заявленіе въ собраніи. Что же касается до причинъ этого упадка, то самою главною изъ нихъ я считаю полнѣйшую безурядицу, существующую въ крестьянскомъ самоуправленіи и судѣ. Едва ли есть хоть одна волость, гдѣ бы сельскій староста или волостной старшина не растратилъ собранныхъ съ крестьянъ суммъ. Положеніями 19-го февраля 1861 года даны крестьянамъ такія права и обезпеченія, болѣе коихъ и желать невозможно. П. И. Маевскій, приступая къ разсмотрѣнію занимающаго насъ вопроса, весьма основательно началъ съ разсчета времени, необходимаго крестьянину на обработку и прочія занятія по его надѣлу, и оказалось, что за всѣмъ этимъ у крестьянина остается столько свободныхъ дней, что, если ихъ оцѣнить по самой нисшей цѣнѣ, у насъ существующей, то составится такая сумма, коею съ избыткомъ покрываются всѣ нужды и платежи крестьянскіе. Что же мы видимъ на дѣлѣ? Помѣщичьи земли пустуютъ безъ обработки и крестьяне бѣдствуютъ—по крайней мѣрѣ на нихъ накопились значительныя недоимки разныхъ платежей. Говорятъ, что таковы экономическія условія—съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Я понимаю, что, еслибы землевладѣльцы почему-либо не могли заплатить работнику, положимъ, 40 рублей въ годъ и онъ не нанялся бы у нихъ, разсчитывая на другой работѣ получить 50 р., я понимаю, что тогда могли бы запустовать помѣщичьи земли, но крестьяне были бы обезпечены заработками въ другихъ мѣстахъ и ими покрыли бы всѣ свои нужды; тогда бы я сказалъ, что дѣйствительно таковы экономическія условія. Но когда не обработаны земли мѣстныхъ землевладѣльцевъ и крестьяне, какъ говорятъ, бѣдствуютъ, пренебрегая подручнымъ заработкомъ, то, воля ваша! это, положеніе ненормальное. Говорятъ, что, будто бы, почва земли у насъ въ губерніи не хороша, бываютъ неурожаи, будто климатическія условія нашей мѣстности неблагопріятны земледѣлію: неурожаи бываютъ вездѣ, даже въ пресловутыхъ степныхъ и черноземныхъ губерніяхъ, на кои такъ любятъ ссылаться; земля же нашей губерніи такова, что съ избыткомъ окупаетъ земледѣльческій трудъ. Да дѣло-то въ томъ, что крестьянинъ трудиться не желаетъ, предпочитая пьянство труду. Вы нанимаете работника—онъ дурно работаетъ, или, забравъ впередъ деньги, уходитъ отъ васъ, и вы не находите на него ни

суда, ни расправы. Жаловаться мировому судьѣ — безполезно: хотя бы онъ и присудилъ взыскать извѣстную сумму, вы все-таки ея не получите. Какое же хозяйство возможно при такихъ условіяхъ? Климатическія условія нашей губерніи весьма благопріятны земледѣлію, благопріятнѣе многихъ даже южныхъ губерній. Еслибы они были такъ не хороши, какъ то хотятъ доказать, то южная граница нашей губерніи должна бы служить предѣломъ земледѣлія, а этого въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Я совершенно убѣжденъ, что никакія начинанія на пользу губерніи не принесутъ никакой пользы, если не измѣнятся къ лучшему тѣ условія и то положеніе, въ которомъ находится наша деревенская жизнь и наше хозяйство. Безъ школъ обойтись нельзя; а гдѣ взять для этого денегъ при такихъ порядкахъ, когда на каждомъ шагу не исполняется законъ? Никакія мѣропріятія на пользу губерніи положительно не будутъ возможны до тѣхъ поръ, пока будутъ лежать безъ обработки наши земли—ни на какое дѣло намъ не хватитъ денегъ, а безъ денегъ мы ничего не подѣлаемъ. Вотъ все, что̀ пока на этотъ разъ я хотѣлъ сказать!

Довольно и того, что̀ сказано. Но какъ князь Гурко не зналъ, что̀ послѣ него будетъ говорить г. Кузеневъ, такъ г. Кузеневъ не зналъ, что̀ послѣ него будетъ говорить г. Потемкинъ, гласный Смоленскаго уѣзда. Г. Потемкинъ идетъ уже вразрѣзъ не только съ заключеніями обѣихъ комиссій, старой и новой, но и съ отдѣльными мнѣніями каждаго гласнаго порознь, хотя, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ идетъ нога-въ-ногу съ г. Давыдовымъ. Не соглашаясь съ доводами своихъ соратниковъ относительно того, что мѣстныя нужды Смоленской губерніи невозможно отдѣлить отъ обще-государственныхъ нуждъ, и возражая князю Гурко по поводу высказанной имъ смѣлой гипотезы о первенствѣ смольнянъ въ великой русской семьѣ, г. Потемкинъ говоритъ: «что̀ касается преимущественной предъ другими мѣстностями интеллигенціи Смоленской губерніи, побудившей, будто бы, правительство передать на обсужденіе земскаго собранія изысканія мѣры противъ бѣдственнаго положенія губерніи, то, какъ бы пріятно ни было раздѣлить это убѣжденіе и сохранить подобную увѣренность, но, къ сожалѣнію, должно сознаться, что поводомъ къ этому послужили совершенно другія обстоятельства», и объясняетъ, что правительство никогда не поручало смоленскому земству обсужденія вопроса о бѣдственномъ положеніи края и что смольняне сами заблагоразсудили подумать объ этомъ. Точно также, возражая г. Кузеневу и доказывая, что подобно тому, какъ карѳагеняне, объ истребле-

ніи которыхъ постоянно твердилъ римскому сенату упрямый Катонъ, не были виноваты въ распущенности римлянъ и въ бѣдствіяхъ римской имперіи, такъ и смоленскіе крестьяне не виноваты въ бѣдственномъ положеніи всего смоленскаго края, г. Потемкинъ утверждаетъ, что именно чахлость почвы и недостаточность крестьянскихъ надѣловъ суть причина всѣхъ бѣдствій.

— Скудость почвы (говоритъ онъ) и стоящая въ связи съ ней малая производительность почвы Смоленской губерніи, за исключеніемъ пяти восточныхъ уѣздовъ, является вполнѣ доказанною не только постояннымъ, изстари ведущимся бѣднымъ положеніемъ крестьянскаго населенія этой мѣстности и тѣми значительными недоимками, которыя наросли въ послѣднее время, несмотря на самое дѣятельное настояніе мѣстной администраціи, но также и тѣми ничтожными результатами, къ которымъ въ той же мѣстности приходитъ огромное большинство хозяйствъ помѣщичьихъ. Недостаточность крестьянскихъ надѣловъ доказывается тѣмъ, что въ противоположность указаній, сдѣланныхъ большинствомъ собранія (и г. Кузеневымъ въ особенности), крестьяне во многихъ случаяхъ принуждены прибѣгать, на весьма для нихъ не легкихъ условіяхъ, или къ пользованію отрѣзочными землями, или къ арендованію съ половины небольшихъ помѣщичьихъ имѣній. Если же эти случаи не повсемѣстны и не настолько часты, насколько бы это было желательно для пользы и выгодъ крупнаго землевладѣнія, то причиной служитъ общая производительность земли, дѣлающая всякое исполненіе условій найма затруднительнымъ. Не отвергая того, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ въ губерніи цѣнности лѣсовъ возвысилась и плата за рубку дровъ, я полагаю, однако, что это измѣненіе, имѣющее значеніе только для мѣстностей, лежащихъ вблизи желѣзныхъ дорогъ, не только не удовлетворяетъ общей потребности населенія, но и далеко не возмѣщаетъ потери заработковъ, убитыхъ тѣми же желѣзными дорогами, именно извоза и сплава съ портовъ (пристаней?) гг. Бѣлаго и Порѣчья. Расходясь такимъ образомъ съ большинствомъ наличнаго состава губернскаго собранія въ мнѣніи на счетъ причинъ, вредно вліяющихъ на положеніе крестьянскаго населенія Смоленской губерніи, я считаю необходимымъ гласно заявить объ отсутствіи всякой съ моей стороны солидарности съ тѣми, по вопросу о коренныхъ мѣрахъ, опредѣленіями губернскаго собранія, по которымъ заключенія послѣдней комиссіи не будутъ приняты.

Не менѣе интересно знать, какъ высказалось большинство смоленскаго земства по вопросамъ о причинахъ бѣдственнаго

положенія смоленскаго края. Вотъ это, такъ сказать, общественное, хотя въ сущности фиктивно-общественное мнѣніе края: *возвышеніе акциза на вино* собраніе, большинствомъ 16 голосовъ противъ 12, *не признало* причиною, вліяющею на обѣдненіе губерніи; *налогъ на соль*, большинствомъ 23 голосовъ противъ 5, *признало* одною изъ такихъ причинъ; *безпорядочность въ употребленіи народомъ водки*, т. е. *пьянство*, большинство (22 голоса) *признало* одною изъ главныхъ причинъ обѣдненія, а меньшинство (6 голосовъ) — *видитъ въ пьянствѣ не причину бѣдности, а только ея слѣдствіе.* Когда затѣмъ подверглось голосованію мнѣніе г. Кузенева относительно того, что причиною обѣдненія народа служитъ *присутствіе* въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи весьма значительнаго числа *евреевъ*, то 16 голосовъ противъ 10 *признали* проживаніе евреевъ въ губерніи весьма вреднымъ для мѣстнаго народонаселенія. Наконецъ, замѣчательно въ этомъ случаѣ обвиненіе самымъ quasi—интеллигентнымъ въ Россіи земствомъ—повальное обвиненіе народа купно съ желѣзнодорожными компаніями (сопоставленіе по малой мѣрѣ неудобное). Князь Гурко, тотъ самый, который признаетъ Смоленскую губернію самою интеллигентною во всей Россіи, относя эту лестную репутацію не только къ настоящему своего края, но и къ вѣкамъ прошедшимъ, князь Гурко, въ засѣданіи 2-го марта 1874 г., между прочимъ, высказываетъ, что, «по его мнѣнію, существуютъ еще двѣ причины обѣдненія — это деморализація народа, указанная въ замѣчаніяхъ гласнаго Н. А. Мельникова, и слишкомъ обширныя права, предоставленныя компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, безконтрольностію при постройкѣ таковыхъ и полновластіемъ при эксплуатаціи, дающей компаніямъ возможность вызвать въ странѣ какой-либо новый промыселъ и затѣмъ самовольно убить его и всѣ потраченные на него капиталы».

На это г. Мельниковъ отвѣчаетъ: «я уже замѣтилъ, по прочтеніи доклада комиссіи, что опредѣленіе его характера и указанныхъ мною причинъ печальнаго положенія сельскаго населенія Смоленской губерніи однимъ лишь словомъ—*деморализаціи* крестьянъ — считаю невѣрнымъ. Самое слово «деморализація», кажется, ни разу не употреблено въ моей запискѣ по этому предмету. Комиссія, я полагаю, вывела свое односторонее заключеніе изъ того, что въ числѣ очень многихъ мѣръ, признаваемыхъ мною необходимыми для поднятія благосостоянія крестьянскаго населенія, я указалъ подъ-рядъ на нѣкоторыя, имѣющія нравственный характеръ, какъ-то: прекращеніе на будущее время послабленій и общихъ по губерніи отсрочекъ во взысканіи съ крестьянъ платежей и повинностей, раздачи имъ пособій день-

гами и хлѣбомъ почти поголовно, улучшеніе крестьянскихъ сословныхъ учрежденій, мѣры противъ пьянства, народное образованіе и тому подобное. Но, указывая на эти мѣры, я предлагаю и много другихъ, съ цѣлію противодѣйствія другого рода причинамъ — экономическимъ. Вслѣдствіе этого имѣю честь предложить собранію исключить изъ списка причинъ, отъ которыхъ, по заключенію собранія, происходитъ бѣдственное положеніе губерніи, деморализацію, какъ особую причину». При всемъ томъ, собраніе, большинствомъ 22 голосовъ противъ 6, *признало причинами обѣдненія:* а) *деморализацію народа, въ смыслѣ повальнаго пьянства, отсутствія добросовѣстности при исполненіи различнаго рода обязательствъ, пристрастія и подкупности волостныхъ судей и рѣшеній волостныхъ сходовъ* и пр., и б) тѣ широкія, безконтрольныя права, какими пользуются компаніи желѣзныхъ дорогъ какъ при постройкѣ, такъ и при эксплуатаціи таковыхъ».

Уже всего сказаннаго здѣсь было бы, кажется, достаточно для того, чтобы вывести заключеніе, въ какомъ смыслѣ надо понимать интеллигентное главенство Смоленской губерніи надъ всею остальною Россіею—главенство, оглашенное княземъ Гурко и подкрѣпляемое имъ авторитетностью исторіи. Смоленская интеллигенція, дѣйствительно, ставитъ себя очень высоко надъ всею русскою землею, и потому ясно, какъ низко въ сравненіи съ этою высотою долженъ стоять темный народъ, эта сѣрая, повидимому, безличная масса, вся изъѣденная «деморализаціею», «повальнымъ пьянствомъ», «недобросовѣстностью», «подкупностью» и т. д. Нигдѣ, ни въ какой губерніи, ни въ какомъ земствѣ, мы не встрѣчали такой характеристики «добраго русскаго народа» и потому должны бы, кажется, преклониться предъ величіемъ смоленской интеллигенціи, еслибы приговоръ, произнесенный ею надъ всѣмъ русскимъ народомъ, оправдывался исторіею. Смоленской интеллигенціи стоило бы только вспомнить 1612 и 1812 годы, чтобы удержаться отъ обвинительнаго вердикта надъ народомъ, которому судъ исторіи еще можетъ вынести оправдательный приговоръ и сказать позднѣйшимъ потомствамъ: «нѣтъ, русскій народъ не виновенъ». Но при всемъ томъ, прокурорская квалификація русскаго народа со стороны смоленской интеллигенціи будетъ не полна, если мы не скажемъ, въ какое отношеніе эта интеллигенція ставитъ себя къ вопросу о «всесословной волости». Когда секретарь собранія, въ засѣданіи 3-го марта, прочиталъ заключеніе комиссіи объ учрежденіи всесословныхъ волостей, гласный Дорогобужскаго уѣзда, А. В. Пенскій, предъявилъ собранію слѣдующее: «давно уже въ печати и въ

средѣ земскихъ собраній возбуждается вопросъ объ учрежденіи всесословной волости, съ цѣлію поднятія нравственнаго уровня крестьянскаго населенія и прекращенія тѣхъ неурядицъ, безпорядковъ и безобразій, которыми, какъ извѣстно и правительству, и земству, отличаются волостные и сельскіе сходы и въ особенности волостные суды. Цѣль несомнѣнно благая и разумная, но достигается ли она предположенною мѣрою? и можно ли надѣяться, что незначительное, по своей численности, количество просвѣщеннаго элемента въ лицѣ землевладѣльцевъ другихъ сословій, включенныхъ въ составъ волостей, будетъ въ силахъ повліять на возвышеніе нравственнаго уровня большинства—невѣжественнаго и полуварварскаго населенія, входящаго въ ихъ составъ? При этомъ невольно приходитъ на умъ мысль, высказанная въ прошедшемъ дворянскомъ собраніи однимъ изъ его членовъ, по поводу устройства въ Смоленскѣ военной гимназіи и вслѣдствіе возраженія на это въ томъ смыслѣ, что включеніе образованныхъ дворянъ въ ряды арміи, въ качествѣ нижнихъ чиновъ, необходимо для поднятія умственнаго и нравственнаго ея уровня, что едва ли ничтожная горсть просвѣщеннаго меньшинства, брошенная въ среду грубаго и необразованнаго большинства, можетъ съ успѣхомъ повліять на дѣйствительное возвышеніе его интеллектуальнаго и моральнаго состоянія и не рисковать, наоборотъ, быть сама имъ поглощенной? Къ этому, съ своей стороны могу добавить, что весьма сомнительно, чтобы незначительное по своему личному составу количество землевладѣльцевъ другихъ сословій, сколько бы ему ни было юридически дано голосовъ, могло на волостныхъ сходахъ фактически преобладать надъ массой невѣжественнаго крестьянскаго большинства, главнымъ нравственнымъ двигателемъ котораго есть водка—этотъ неизбѣжный суррогатъ всѣхъ мірскихъ рѣшеній въ русской общинѣ, расточаемый въ изобиліи кабакомъ, обязательною, такъ сказать, принадлежностію всякаго благоустроеннаго волостнаго правленія. Независимо отъ этого, считаю необходимымъ обратить вниманіе собранія и на то обстоятельство, что, вслѣдствіе замѣчаемаго повсемѣстно стремленія землевладѣльцевъ не крестьянскаго сословія покинуть свои имѣнія и искать болѣе производительнаго и лучше оплачиваемаго труда на государственной, общественной и даже частной службѣ, благодаря невыгодности условій, въ которыя поставлено у насъ частное землевладѣніе вообще, по случаю несоблюденія крестьянами заключаемыхъ ими договоровъ и принимаемыхъ ими на себя обязательствъ, а также фактической ихъ въ подобныхъ дѣлахъ безнаказанности и вслѣдствіе многоземельности и разбросанности

нашего крупнаго землевладѣнія, состоящаго нерѣдко изъ участковъ, лежащихъ не только въ районѣ различныхъ волостей одного уѣзда, но и въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ, многіе землевладѣльцы изъ лицъ не крестьянскаго сословія, въ особенности крупные, и, слѣдовательно, болѣе образованные, не будутъ имѣть на дѣлѣ возможности принимать участія въ дѣйствіяхъ всѣхъ волостныхъ сходовъ, къ которымъ будутъ принадлежать по расположенію своихъ владѣній. Съ другой стороны, не подлежитъ почти никакому сомнѣнію, что, въ случаѣ обязательнаго причисленія лицъ другихъ сословій въ составъ волостей, крестьянское большинство на сходахъ, руководимое присущими всякой необразованной средѣ одними эгоистическими и узкими взглядами на матеріальныя свои выгоды, въ ущербъ чувству справедливости, и которое, конечно, всегда будетъ преобладать на этихъ сходахъ численностію, сколько бы ни было дано юридически голосовъ прочимъ землевладѣльцамъ, немедленно этимъ воспользуется, чтобы обложить всѣ земли послѣднихъ, не обращая никакого вниманія на ихъ производительность или непроизводительность, наравнѣ съ своими надѣленными землями, представляющими одни только удобныя, обработанныя и хорошую ренту, дающія угодія, такъ что крупному землевладѣльцу, обладающему примѣрно 2,000 десятинъ земли въ районѣ волости, населенной 2,000 душъ крестьянъ, съ надѣломъ въ 4 десят. на душу, придется нести одному 1/5 часть всѣхъ мірскихъ сборовъ, взимаемыхъ въ пользу всѣхъ жителей волости; а это можетъ составить цифру довольно обременительную, если принять въ соображеніе, что въ составъ этихъ сборовъ, независимо отъ прямыхъ повинностей, не особенно значительныхъ, входятъ и разные, много увеличивающіе ихъ цифру, косвенные и темные, которые скорѣе могутъ называться поборами, каковы, напримѣръ, негласные поборы натурою и деньгами въ пользу сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и писарей, а нерѣдко и другихъ лицъ крестьянской администраціи или на покрытіе растратъ хлѣбныхъ магазиновъ и денежныхъ суммъ, сдѣлавшихся теперь явленіемъ весьма обыденнымъ и почти всегда, когда онѣ въ рѣдкихъ случаяхъ доходятъ до судебнаго разбирательства, судомъ оправдываемыя, вслѣдствіе установившагося между присяжными засѣдателями взгляда, что неграмотность волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ (а они почти всѣ неграмотные) есть обстоятельство нетолько смягчающее вину, но и вовсе ее уничтожающее». Далѣе г. Пенскій рисуетъ еще болѣе страшную картину всесословной волости, и мрачныя краски картины падаютъ исключительно на сторону «просвѣщеннаго меньшинства»: ему угрожаютъ страшныя «невыгоды и

непріятности», и преимущественно «нравственныя»; это меньшинство «подвергнется давленію произвола невѣжественной массы», которая въ своихъ рѣшеніяхъ руководствуется «какими-то фантастическими обычаями»; давленіе это поведетъ къ усиленію «абсентеизма представителей интеллигенціи страны», такъ что, если эта интеллигенція бѣжитъ изъ Смоленской губерніи, то въ Россіи уже не останется умныхъ людей и ни одна губернія не будетъ умнѣе другой и т. д. Поэтому, чтобы спасти Россію отъ такого бѣдствія, г. Пенскій предлагаетъ слѣдующее: если уже всесословная волость неизбѣжна, то всякій некрестьянинъ, хотя бы онъ былъ генералъ отъ кавалеріи, или дѣйствительный тайный совѣтникъ, или докторъ всѣхъ наукъ, или міровой геній, или даже самъ г. Пенскій, не можетъ имѣть права голоса и участія въ волостномъ сходѣ, если не будетъ имѣть столько десятинъ удобной земли, сколько ея находится у 10-ти крестьянскихъ дворовъ 3-душевыхъ надѣловъ, т. е. 30 полныхъ душевыхъ крестьянскихъ надѣловъ. Г. Пенскій хочетъ этимъ средствомъ заградить входъ въ волость всякимъ безземельнымъ прощалыгамъ, хотя и имѣющимъ свѣтлую голову, честное сердце, безупречную репутацію, бездну гражданскихъ заслугъ, неисчерпаемое море опытности, громкую славу ученаго, всесвѣтную популярность литератора, неподкупность Аристида, умъ Сократа, гражданскія доблести Гарибальди, Анну на шеѣ, но не имѣющимъ 30 полныхъ крестьянскихъ душевыхъ надѣловъ и способнымъ вслѣдствіе этого мутить народъ. Въ противномъ же, да и во всякомъ случаѣ, тѣмъ не многимъ «просвѣщеннымъ землевладѣльцамъ», которые, «руководимые лишь чувствомъ гражданской доблести («предъ которымъ—говоритъ г. Пенскій — я съ особымъ уваженіемъ преклоняюсь»), рѣшились бы принять на себя миссіонерски цивилизаторскій трудъ въ средѣ полудикаго крестьянскаго населенія—участвовать во всѣхъ дѣлахъ волости», г. Пенскій грозитъ неисчислимыми «невзгодами».

Въ чемъ нельзя упрекнуть смоленское земство—это въ недостаткѣ энергіи, съ которою оно рѣшало вопросъ о радикальныхъ мѣрахъ, необходмыхъ для улучшенія бѣдственнаго положенія своего края: такъ, 3-го марта, когда рѣшался вопросъ о всесословной волости и когда г. Пенскій громилъ карѳагенянъ своимъ безсмертнымъ «Carthaginem delendam esse censeo», представители смоленскаго земства и русской интеллигенціи не выходили изъ собранія ровно 11 часовъ, до половины четвертаго часа пополуночи. Одиннадцать часовъ—это хоть бы на фабрикѣ, такъ и то довольно.

Изъ другихъ выдающихся, но исключительно мѣстныхъ во-

просовъ, смоленское земство озабочено было вопросомъ о военной гимназіи. Мысль о необходимости создать въ Смоленскѣ военно-образовательный центръ давно занимала смоленское дворянство; но почему его занимала именно эта мысль, а не другая — мы не будемъ говорить. По мнѣнію смоленскаго земства, нѣкогда само правительство признавало необходимость военно-учебнаго заведенія въ Смоленскѣ, доказало это учрежденіемъ тамъ кадетскаго корпуса, а потомъ перевело этотъ корпусъ въ Полоцкъ. Послѣ того, смоленское дворянство не разъ ходатайствовало передъ правительствомъ объ учрежденіи военно-образовательнаго пункта въ Смоленскѣ, но ходатайства эти не имѣли успѣха. Но вотъ является новый законъ о воинской повинности, и уже не одно дворянство, а все смоленское земство заявляетъ, что, въ виду новаго закона, «открытіе военной гимназіи въ Смоленскѣ пріобрѣтаетъ еще бо̀льшую важность и не для одного дворянства, а для всѣхъ сословій. «Руководствуясь этой мыслью, земство входитъ въ сношеніе съ директорами военныхъ гимназій орловской и полоцкой, прося ихъ сообщить, сколько въ 1873 году изъ уроженцевъ Смоленской губерніи было желающихъ поступить въ эти заведенія и сколько принято; но ни директоры гимназій, ни главное управленіе военно-учебныхъ заведеній не могли дать на это положительнаго отвѣта. Они сообщили только, что желающихъ поступить въ военныя гимназіи, какъ на казенный счетъ, такъ и пансіонерами и приходящими, было болѣе, чѣмъ вдвое противъ числа имѣвшихся во всѣхъ этихъ семи гимназіяхъ вакансій. Этотъ отвѣтъ, конечно, долженъ былъ вызвать еще бо̀льшую настойчивость въ смоленскомъ земствѣ —создать свой военно-образовательный центръ. Настойчивость эта, при свойственной смольнянамъ энергіи, находила подкрѣпленіе еще и въ томъ, что симбирское земство, не менѣе смоленскаго отличающееся высокимъ подъемомъ дворянскаго духа, раньше заявило, что и оно желаетъ создать въ среднемъ Поволжьѣ военно-образовательный центръ. Замѣчательно, что смоленское земство не сочло щекотливымъ для своего интеллигентнаго главенства по данному вопросу попользоваться мотивами отъ симбирскаго земства и волей-неволей наступить на мозоль нашему почтенному классицизму. Смоленская земская управа въ своемъ докладѣ губернскому земскому собранію приводитъ именно то, что̀ симбирская управа говоритъ въ своемъ докладѣ своему губернскому собранію: «Опытомъ дознано, что многіе изъ молодыхъ людей оказываются неспособными къ высшему классическому образованію. Въ самой Германіи, не смотря на высокій уровень просвѣщенія, многіе поступаютъ въ реальныя училища». Вездѣ

Германія! она стала у насъ какимъ-то бѣльмомъ — и бѣльмомъ педагогическимъ, и бѣльмомъ военнымъ, и наконецъ, становится даже бѣльмомъ земскимъ. Далѣе смоленское земство, со словъ симбирскаго, говоритъ, что у насъ въ Россіи число молодыхъ людей, желающихъ поступить въ реальныя училища должно быть тѣмъ значительнѣе, сравнительно съ Германіей, что наша реформа гимназій министерства народнаго просвѣщенія произведена лишь недавно и «съ нею еще не успѣли освоиться»; что «высокія требованія на университетскихъ экзаменахъ и малое число поступающихъ въ университеты доказываютъ, что эта реформа еще не вполнѣ укоренилась»; что «для полнаго ея успѣха необходимо совмѣстное существованіе реальныхъ гимназій, куда могли бы поступать молодые люди, не чувствующіе призванія къ классическому образованію»; что министерство народнаго просвѣщенія, будто бы, «само это чувствовало и учредило особыя реальныя училища, но, во избѣжаніе конкуренціи между этими училищами и классическими гимназіями, оно дало имъ характеръ спеціальныхъ, техническихъ заведеній»; что «между тѣмъ, именно этотъ характеръ удаляетъ отъ нихъ многихъ»; что «бо̀льшая часть молодыхъ людей вовсе не желаетъ себя посвятить съ раннихъ лѣтъ какой-либо опредѣленной спеціальности и ищетъ въ школѣ только общаго образованія, съ которымъ потомъ, въ болѣе зрѣлые года, они могутъ свободно избирать ту или другую спеціальность», и что «этой цѣли военная гимназія содѣйствуетъ гораздо болѣе, чѣмъ реальное училище министерства народнаго просвѣщенія». И вотъ, для этой цѣли смоленское земство жертвуетъ принадлежащій ему домъ старой гимназіи. Говоря вообще объ отношеніяхъ смоленскаго земства къ дѣлу образованія (не народнаго, а своего, интеллигентнаго, потому что о народномъ образованіи губернское земство предоставляетъ заботиться уѣзднымъ, по принадлежности), слѣдуетъ замѣтить, что и въ этомъ отношеніи смольняне стоятъ, если не во главѣ всѣхъ прочихъ русскихъ земствъ, то и не въ хвостѣ: «такъ, оно своими средствами поддерживаетъ мужскую гимназію въ Вязьмѣ, женскія гимназіи въ Смоленскѣ и Вязьмѣ, прогимназію въ Дорогобужѣ, проектированное ремесленное училище въ Смоленскѣ, проектированныя прогимназіи въ Бѣломъ и Рославлѣ и, наконецъ, будущую военную гимназію въ Смоленскѣ».

Но замѣчательно отношеніе смоленскаго земства къ своимъ дѣятелямъ. Мы видѣли, напримѣръ, что петербургское земство за полезную дѣятельность барона Корфа выразило ему свою признательность повѣшеніемъ портрета барона въ зданіи земства на вѣчныя времена; сызранское земство благодарило г. Воей-

кова и какъ дѣятеля, и какъ человѣка, который въ земское дѣло «клалъ свою душу». Совсѣмъ не такъ дѣйствуетъ смоленское земство. Въ засѣданіи смоленскаго губернскаго очереднаго собранія 7-го декабря 1873 года, рѣшено было поднести благодарственный адресъ г. министру внутреннихъ дѣлъ «за достигнутое—по словамъ земства—нравственнымъ, какъ государственнаго дѣятеля вліяніемъ» г. министра «пониженіе московско-брестскаго желѣзнодорожнаго тарифа на смоленскія дрова, отправленныя въ Москву». Вслѣдъ за этимъ, гласный А. М. Борисовъ напоминаетъ собранію, что и князь Гурко «заслуживаетъ полной похвалы за принятый имъ на себя трудъ и хлопоты по удешевленію тарифа на провозъ дровъ по московско-смоленской желѣзной дорогѣ, а еще болѣе заслуживаетъ благодарности въ этомъ случаѣ Сергѣй Сергѣевичъ Ивановъ, бывшій предсѣдатель смоленскаго губернскаго земскаго собранія, потому что ему принадлежитъ и иниціатива, и осуществленіе проведенія смоленской желѣзной дороги, дѣлающейся жизненною артеріею для края. На это гласный Л. В. Черевинъ возражаетъ, что «благодарить С. С. Иванова за желѣзную дорогу — преждевременно, такъ какъ собраніе еще не видало отчета по постройкѣ этой дороги». Но это еще не все. За г. Черевинымъ встаетъ А. И. Гернъ и говоритъ:

— «Вполнѣ раздѣляю заявленіе Л. А. Черевина о преждевременности благодарности Сергѣю Сергѣевичу. Онъ, дѣйствительно, много сдѣлалъ для губерніи. Онъ продолжаетъ еще трудиться на ея пользу. Онъ еще слишкомъ близокъ намъ. Онъ многое можетъ слѣлать. *Такихъ людей благодарятъ, когда Господу Богу угодно будетъ прекратить ихъ дѣятельность*».

Вотъ тебѣ на! Благодарить человѣка, когда онъ умретъ... Да это, еслибъ, къ примѣру сказать, хоть бы меня за мои литературные труды благодарили гонораромъ только тогда, когда бы прекратилась моя дѣятельность, то пришлось бы благодарить всего одинъ разъ, потому что эта дѣятельность прекратилась бы послѣ первой моей литературной попытки, написанной еще на школьной скамьѣ, и мнѣ не пришлось бы нетолько читать постановленія смоленскаго земства и, въ особенности, безсмертной рѣчи г. Пенскаго о всесословной волости, но и удостоиться попасть на Волково въ «литераторскій участокъ» или, вообще, лежать тамъ, гдѣ, по выраженію Некрасова, «нѣтъ ни плиты, ни креста». Впрочемъ, г. Гернъ отчасти правъ: литераторовъ всегда почти благодарятъ послѣ смерти, что̀ очень непрактично, потому что черезъ это они всегда очень рано у насъ умираютъ. Въ этомъ случаѣ земства, по простому экономическому разсчету,

должны слѣдовать другому правилу — благодарить своихъ дѣятелей за приносимую ими пользу тогда, когда они еще не умерли и могутъ продолжать свою полезную дѣятельность. Такъ поступило весьегонское земство,ославъ благодарственный адресъ г. Европеусу за то, что онъ нѣсколько лѣтъ своею личною дѣятельностью замѣнялъ для Весьегонскаго Уѣзда всю земскую медицину. Не поступи оно такъ, оно, можетъ быть, лишилось бы полезнаго дѣятеля, какъ можетъ быть лишится и смоленское земство г. Иванова, подобно тому, какъ неблагоразумные аѳиняне лишились Алкивіада за то единственно, что вò время не оцѣнили его заслугъ.

XI.

Исторіею русскаго земства до полной очевидности подтверждается та неоспоримая истина, что все то лучшее и все то худшее, что̀ сдѣлано человѣчествомъ въ долгій періодъ своего существованія, къ стыду коллективнаго ума человѣческаго, надо признаться, бо̀льшею частью совершается усиліями, умомъ и геніемъ единичныхъ въ человѣчествѣ личностей, что тамъ, гдѣ есть личность, толкающая массу или впередъ, или назадъ, масса почти безсознательно идетъ туда, куда ее ведутъ, безсознательно стремится впередъ, когда выдающаяся личность указываетъ ей впереди подходящій идеалъ, и такъ же безсознательно упирается, когда ей показываютъ этотъ идеалъ назади. Эти постыдныя свойства человѣчества и дѣлаютъ поступательный ходъ его въ общемъ развитіи до утомительности, до безнадежности медленнымъ. Правда, общая работа человѣчества севершается коллективно. Человѣчество коллективно вырабатываетъ даже своихъ геніевъ, давая имъ матеріалъ уже готовый для приложенія ихъ геніальности. Но безъ выдающихся единицъ оно не двигается, не шевелится. Выдумали единичныя геніальныя личности что-либо полезное или вредное — и все человѣчество хватается за эти выдумки. Два-три человѣческихъ мозга открыли силу типографскаго станка, силу и примѣненіе пара, электричество, порохъ — и человѣчество весь шаръ земной завернуло въ печатную бумагу и очертило его желѣзными дорогами, и скачетъ по нимъ, какъ безумное, за своимъ счастьемъ и своею гибелью; посредствомъ проволокъ переговаривается одно полушаріе съ другимъ, какъ-бы ихъ раздѣляла только стѣнная перегородка; одна народность жаритъ въ другую изъ пушекъ, какъ будто бы жизнь человѣческая выѣденнаго яйца не стоитъ. И все это надѣлали единичныя личности. Геніальный и пьяный

безумецъ По изобразитъ свой геніальный бредъ—и все человѣчество, захлебываясь, читаетъ его, а нервные читаютъ и зачитываются до бреда, до галлюцинацій. Сорвалось съ языка у одного геніальнаго чудака — «быть или не быть» — и все человѣчество повторяетъ эту фразу при роковыхъ вопросахъ жизни. Отпѣлъ панихиду по своей жизни геніальный владыка сочетанія звуковъ геніальнымъ «requiem» — и все человѣчество готово отпѣвать себя такою панихидою. Сорвалось съ языка у современнаго любимаго русскаго поэта фраза о томъ, какъ порвалась вѣковая историческая цѣпь, связывавшая барина съ мужикомъ, порвалась и ударила «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику» — и всякій русскій, глядя на барина и на мужика, невольно думаетъ про себя: «да, ударила—однимъ концомъ по барину, другимъ — по мужику».

Все, что до сихъ поръ сдѣлано нашимъ земствомъ и хорошаго, и дурнаго, но только болѣе или менѣе выдающагося — все это бо̀льшею частью вызвано починомъ и энергіею единичныхъ, болѣе или менѣе выдающихся личностей, а гдѣ этихъ личностей нѣтъ, на всей дѣятельности земства замѣчается какая-то рядовая дюжинность, канцеляризмъ или сонливость. Въ одномъ мѣстѣ будитъ другихъ отъ сна какой-нибудь крестьянинъ Мелединъ, Коняевъ, Скачковъ; нѣкоторымъ весьегонцамъ повидимому не даетъ спать какой-то Кисловскій; у смольнянъ, съ одной стороны выставляется голова Давыдова, съ другой—Пенскаго и т. д. Когда есть эти выдающіяся личности, то есть хоть какое-нибудь движеніе, жизнь.

Ничего этого мы не замѣтили въ харьковскомъ земствѣ, когда, въ своемъ неустанномъ шатаніи по русской землѣ, изъ Смоленска перебрались въ Харьковъ, куда еще мы не заглядывали. Ни одно имя не остается въ памяти, когда прочтешь харьковскую земскую хронику, и ни одно земское дѣло не заставитъ васъ остановиться надъ нимъ, чтобы или полюбоваться, порадоваться, или призадуматься, погрустить, поплакать земскими слезами. Нѣтъ ни именъ выдающихся, ни рельефовъ въ земской работѣ. На каждомъ шагу представляются случаи изъ земской практики, гдѣ бы земству повидимому слѣдовало пошевелить мозгами, придумать что-либо лучшее, вмѣсто худого — и между тѣмъ, земство обходитъ эти случаи, какъ обыденные, тогда какъ потому именно ихъ и не слѣдовало бы обходить, что они обыденные и, слѣдовательно, повторяющіеся. Напримѣръ, говоритъ харьковское земство объ операціи исполненія, въ 1872 году, натуральной дорожной повинности. Земствамъ разъ навсегда слѣдовало бы убѣдиться, что вообще у насъ натуральныя повинно-

сти—самыя неуравнительныя и потому самыя тяжкія для тѣхъ, кто ихъ отбываетъ; а убѣдившись разъ, слѣдовало бы подумать о томъ, какъ бы навсегда покончить со всѣми «натуральными» повинностями, завѣщанными намъ еще отъ временъ Рюрика и Синеуса, и замѣнить ихъ «ненатуральными» хотя, но болѣе соотвѣтствущими современнымъ экономическимъ условіямъ жизни. Оказывается, что въ 1872 году крестьянамъ Харьковскаго Уѣзда на исправленіе дорожныхъ сооруженій, полотна дорогъ и гатей употреблено было 6,152 рабочихъ дня, пѣшихъ, конныхъ и воловыхъ. Этотъ крестьянскій трудъ оцѣнился въ 3,818 р. 68 к., т. е. среднимъ числомъ, конный и пѣшій рабочій день обходился нѣсколько болѣе полтинника. Главныя дорожныя работы производились по почтовой чугуевской дорогѣ. Работы по этому тракту продолжались въ теченіе четырехъ недѣль и оцѣнены въ 1,088 р. 33 к. «Въ дѣйствительности же — говоритъ отчетъ харьковской управы — исправленіе обошлось гораздо дороже, такъ какъ оно производилось въ такую пору, когда хлѣбъ стоялъ на корнѣ и, за отвлеченіемъ населенія, сыпался. Усилія волостей харьковской, жихорской и роганской, прилагаемыя къ этой дорогѣ, были недостаточны, и въ облегченіе ихъ управа, *по просьбѣ г. губернатора* (а сама этого и не видѣла?), нашлась вынужденною обратиться за помощью къ волости циркуновской. Такимъ образомъ, по настоянію уѣздной полиціи и подъ непосредственнымъ ея наблюденіемъ, дорога эта была приведена, ко дню проѣзда Государя, въ дѣйствительно отличное состояніе» (журналы очер. зем. собр. Харьк. Уѣзда, 18-го—24-го сентября 1873 г. Харьковъ. 1874 г. Стр. 40—42). И никто изъ представителей земства не остановился надъ этимъ фактомъ, не указалъ на его ненормальность и на необходимость устроить на будущее время такъ, чтобы крестьянскій хлѣбъ не высыпался изъ колосьевъ, когда крестьяне заняты неотложною натуральною повинностью. Считаемъ излишнимъ указывать на другіе подобные случаи.

Правда, въ лѣтописяхъ харьковскаго земства встрѣчается имя одного дѣятеля, земскаго врача г. Лункевича; но и онъ затирается въ массѣ другихъ безцвѣтныхъ именъ, хотя, быть можетъ, дѣятельность г. Лункевича и не прошла безслѣдно для мѣстнаго населенія. Г. Лункевичъ составилъ двѣ брошюры, такъ-называемыя имъ «Бесѣды», обращенныя къ крестьянамъ. Въ одной онъ разсуждаетъ о томъ съ крестьянами, «какъ надо сдѣлать, чтобы имѣть въ волостяхъ фельдшеровъ и аптеки, съ небольшимъ капиталомъ». Въ другой онъ преподаетъ крестьянамъ наставленія для предохраненія отъ заболѣванія холерой, которая въ то время посѣтила харьковскій край. Земство пере-

дало эти «Бесѣды» на разсмотрѣніе особой комиссіи, которая нашла, что онѣ, «по способу ихъ изложенія, неудобны для напечатанія»; но что самая идея, проводимая г. Лункевичемъ въ его «Бесѣдахъ», весьма полезна и заслуживаетъ осуществленія. Чтобы сдѣлать «Бесѣды» удобонапечатаемыми, комиссія передѣлала ихъ по своему усмотрѣнію и изъ первой «Бесѣды» сдѣлала «Объявленіе» для распространенія по сёламъ, а изъ второй—«Наставленіе крестьянскому народонаселенію Харьковскаго Уѣзда для предохраненія себя отъ холеры и скорѣйшаго ея прекращенія». «Объявленіе» имѣетъ форму обращенія къ народу, чтобы онъ подумалъ о своемъ здоровьѣ. Вотъ начало этого земскаго обращенія къ народу: «Здоровье есть величайшее благо для человѣка. Оно необходимо и для богатаго, и для бѣднаго, особенно же для бѣднаго, который живетъ трудомъ своихъ рукъ. Когда заболѣетъ богатый, у него есть на что жить и прокормить и себя, и семью; бѣдный же, когда боленъ, не можетъ работать, значитъ теряетъ и доходъ, съ котораго онъ живетъ и содержитъ свою семью. Если здоровье такъ важно, то надо его беречь: надо стараться не болѣть, или если заболѣешь, то скорѣе поправиться; надобно не запускать болѣзни, а лечить ее въ самомъ началѣ. Всякую болѣзнь легче вылечить, когда она еще не укоренилась. Но чтобы это сдѣлать, надо чтобы у больного была помощь подъ рукою, чтобы не приходилось за нею идти въ городъ за десятки верстъ». Поэтому, земство совѣтуетъ крестьянамъ заводить у себя фельдшеровъ и аптеки, и при этомъ обѣщаетъ имъ свою помощь въ принятіи на себя части издержекъ. Все это дѣйствительно написано очень просто и общедоступно, равно какъ и «Наставленіе».

Вслѣдствіе того, можетъ быть, что въ харьковскомъ земствѣ незамѣчается выдающихся дѣятелей, что нѣтъ ни одного голоса, который бы нарушалъ въ собраніяхъ сонное спокойствіе, самое дѣло народнаго образованія въ этомъ краѣ идетъ какъ-то вяло и представляетъ такія явленія, словно бы всемогущее время, подобно сказочному ворону, каркающему надъ человѣчествомъ, не успѣло еще взбрызнуть харьковскій край живою и мертвою водой. Неизвѣстное лицо, имени котораго мы не находимъ въ журналахъ харьковскаго земства, такъ напримѣръ, говоритъ о дѣятельности приходскихъ попечительствъ на пользу народнаго образованія: «Обозрѣвая дѣятельность приходскихъ попечительствъ, мы, къ величайшему сожалѣнію, можемъ сообщить вамъ слишкомъ мало утѣшительнаго. Большинство попечительствъ или бездѣйствовали, или же проявляли такую дѣятельность, какая вовсе не желательна». Обозрѣватель, между

прочимъ, сообщаетъ собранію, что три липецкихъ попечительства «не дали ни одного гроша на свою школу, которая находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи до сихъ поръ и *приводила въ ужасъ* всякаго, кто посѣщалъ ее зимою». А между тѣмъ, тѣ же попечительства «затрачиваютъ значительную сумму на постройку дома на большой дорогѣ, *годнаго въ наймы подъ шинокъ*, но ненанимаемаго никѣмъ по причинѣ чрезмѣрнаго количества сихъ учрежденій въ Липцахъ». Далѣе: въ тѣхъ же Липцахъ общество купило большой каменный домъ, гдѣ помѣщался прежде этапъ, и «при покупкѣ дома *украдено* нѣсколько сотъ рублей изъ общественнаго капитала», но, «благодаря *вниманію г. мирового посредника*, утайка общественныхъ денегъ осталась не обнаруженною». Вмѣсто того, чтобы этотъ домъ приспособить подъ какое-нибудь общественное учрежденіе, его положено сломать «для кирпичей», и «это *безобразное дѣло* уже приведено въ исполненіе, такъ что на мѣстѣ двухъ-этажнаго каменнаго дома, выштукатуреннаго и покрытаго желѣзною крышею, съ дворомъ, обнесеннымъ каменною стѣною, съ такими же сараями, теперь осталась только груда мусору». Въ селѣ Полевомъ на школы и другія нужды попечительства пожертвовано было 1,907 р., и изъ нихъ 1,232 р. «*украдены* и *растрачены* предсѣдателемъ попечительства» и т. д. Картины, дѣйствительно, неутѣшительныя. Обозрѣніе школъ приводитъ почти къ такимъ же прискорбнымъ результатамъ. Въ уѣздѣ считается 40 школъ, изъ которыхъ *только одна* находится на полномъ иждивеніи земства, именно гавриловская, «открытая нѣсколько лѣтъ назадъ однимъ благотворителемъ и вскорѣ *брошенная имъ на* произволъ судьбы». Нѣкоторыя школы, какъ напримѣръ, въ Кадницѣ и Панъ-Ивановкѣ, «*носятъ какой-то призрачный характеръ*». Въ той нѣтъ учителя, въ другой нѣтъ денегъ. «Исчезнувшая изъ списковъ вертѣевская школа *умерла*, такъ сказать, естественною смертію, по недостатку учениковъ». Всѣ осмотрѣнныя 36 школъ занимаютъ своими классными комнатами 125,858 куб. футовъ, за выключеніемъ пространства, занятаго печами. Среднимъ числомъ, каждая школа вмѣщаетъ въ себѣ 3,496 куб. фут. воздуха, и на каждаго изъ 1,841 учащихся въ этихъ школахъ приходится воздуха по 68 1/3 куб. футовъ, а, за исключеніемъ одноробовской школы, весьма помѣстительной,— по 64 1/3 куб. фут. Мало того, въ лопанской школѣ каждый ученикъ дышетъ кубическимъ содержаніемъ воздуха только въ 37 куб. футовъ, въ черкасско-тимковской — въ 34 к. ф., а въ песочинской «едва хватаетъ» по 30 ф. на учащагося. Эта тѣснота гонитъ дѣтей изъ школъ, потому что они тамъ задыхаются. «Чтобы по-

нять тѣсноту школы въ Основѣ (говоритъ неизвѣстный обозрѣватель), *представьте себѣ, что каждый ученикъ посаженъ въ сундукъ, длиною въ 1¾ аршина, а шириною въ 1 аршинъ. Должно полагать, что задохнуться въ этомъ ящикѣ очень не трудно.* Эту опасность поняли вѣроятно родители учениковъ и перестали посылать ихъ въ школу послѣ того, какъ ей было предоставлено новое помѣщеніе, горшее прежняго». Неизвѣстный обозрѣватель приводитъ въ своемъ докладѣ земскому собранію весьма любопытныя выдержки нѣкоего М. И. Силамова, спеціально занимающагося начальнымъ обученіемъ и посѣтившаго экзаменъ въ липецкой школѣ, одной изъ лучшихъ по успѣхамъ обученія и «одной изъ безобразнѣйшихъ по своему помѣщенію». — «Большинство учащихся, говоря вообще, читаетъ сознательно (пишетъ г. Силамовъ) Отвѣты при разборѣ прочитаннаго стихотворенія («Утро») были весьма удовлетворительны, за немногими исключеніями: видно, что учащіеся, впродолженіе трехлѣтняго обученія въ школѣ, пріобрѣли прочный навыкъ относиться сознательно къ читанному. Малая бѣглость чтенія заставляетъ желать гораздо бо̀льшаго. Большинство затруднялось читать скоро и нерѣдко останавливалось на разборѣ довольно обыкновенныхъ словъ. Выразительность чтенія въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Я не слыхалъ ни отъ одного ученика даже сноснаго выразительнаго чтенія — получалось какое-то монотонное дьячковское процѣживаніе сквозь зубы или быстрое «рубленіе», даже безъ должныхъ остановокъ на знакахъ препинанія». Относительно *сочиненій* крестьянскихъ дѣтей г. Силамовъ говоритъ: «По изложенію, лучшія сочиненія представили стипендіаты земства, хотя тэма, на которую они писали, осталась почти не разработанною». Не надо забывать, что это—деревенскія, крестьянскія дѣти, родившіяся почти въ день смерти барщины... «Декламируются стихотворенія убійственно. Ученики, что̀ называется, рубили съ плеча, причемъ нѣкоторые даже не понимали произносимаго. Это отчасти объясняется неудовлетворительнымъ выборомъ стихотвореній, содержаніе которыхъ мало соотвѣтствуетъ развитію учащихся». Зато «отвѣты по «Міровѣдѣнію» превзошли всѣ мои ожиданія (замѣчаетъ г. Силамовъ). Ученики очень толково отвѣчали на всѣ относящіеся сюда вопросы. Одинъ, напримѣръ, очень хорошо разсказалъ про фазы луны, пользуясь лунникомъ; другой весьма удовлетворительно объяснилъ зависимость временъ года отъ вращенія земли вокругъ солнца (и это—дѣти тѣхъ темныхъ работниковъ, которые до сихъ поръ вѣрятъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ!); третій перечислилъ главнѣйшія рѣки и моря Россіи; четвертый

передалъ повѣствованіе лѣтописца объ основаніи Руси (объ основаніи Руси толкуютъ крестьянскіе ребятишки!) и т. д. Было ясно, что учитель въ передачу учащимся познаній изъ природовѣдѣнія положилъ всю свою душу. Какъ человѣкъ развитой, онъ стремился развить и своихъ учениковъ, открыть имъ глаза на окружающее, снабдивъ ихъ необходимѣйшими и полезнѣйшими естественно-историческими познаніями. Подобное отношеніе къ дѣлу имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Хорошее такъ понятно, что о немъ нечего распространяться: кто же станетъ отрицать, что начальная школа должна сообщить ученику элементарныя естественно-научныя познанія? Дурная же сторона заключается въ томъ, что учитель, весь отдавшись міровѣдѣнію, упустилъ изъ виду дать ученикамъ главнѣйшее орудіе для продолженія своего образованія: онъ не научилъ учащихся вполнѣ свободно владѣть книгой, не научилъ ихъ хорошо читать». Не происходитъ ли это, впрочемъ, и оттого, что тамъ учатся вѣроятно «хохлята», для которыхъ русская книжная рѣчь нѣсколько затруднительна. Можетъ быть, результаты ученья были бы несравненно блистательнѣе, еслибъ ихъ развивали съ помощью ихъ родной рѣчи и, вмѣсто неудобопонятныхъ стихотвореній чуждыхъ имъ поэтовъ, давали бы имъ въ руки лучшіе стихи Шевченко и другія произведенія лучшихъ украинскихъ писателей. Это бы не помѣшало крестьянскимъ мальчикамъ впослѣдствіи знать и Пушкина, и Лермонтова, и Некрасова. Во всякомъ случаѣ, это дѣти—оторванные отъ плуга, дѣти, отцы и матери которыхъ изъ міровѣдѣнія знаютъ только сказку о «Козѣ-дерезѣ», а изъ русской исторіи—«о днѣ объявленія имъ воли».

При всемъ томъ, обозрѣватель школъ жалуется на ихъ «безотрадное положеніе», на тѣсноту, недостатокъ помѣщенія, холодъ, сырость, на «полное безучастіе мировыхъ посредниковъ, неизвѣстно для чего существующихъ», и хвалитъ только «шестилѣтній неутомимый честный трудъ» учителя школы въ Липцахъ, о которой мы сейчасъ говорили, М. И. Столбина, кончившаго курсъ въ педагогическихъ классахъ, «отдающаго буквально все свое время народной школѣ, жертвующаго ей даже своими лѣтними каникулами» и т. д. Да, дѣйствительно, имена этихъ честныхъ тружениковъ должны быть извѣстны Россіи. Съ большой похвалой обозрѣватель относится также къ *женщинѣ-учительницѣ*, Евдокіи Александровнѣ Горбачевской, «которой, по его словамъ, пришлось бороться съ необычайными трудностями, благодаря множеству учениковъ, которыхъ никогда не было столько, какъ при ней» (школа въ селѣ Черкасскіе-Тишки). Менѣе всего зарекомендовываютъ себя, повидимому, отцы-законоучители.

«Въ большинствѣ школъ—говоритъ обозрѣватель — или продолжалось усердное зубреніе, или же замѣчалось крайнее нерадѣніе гг. законоучителей, *изъ коихъ иные бывали не болѣе трехъ разъ въ школѣ въ продолженіи всего учебнаго года.* Нельзя не сознаться, что платить по десяти рублей за каждый такой урокъ слишкомъ дорого. Если даже допустить, что въ каждое изъ этихъ рѣдкихъ посѣщеній излагается цѣлая масса мудрости, то все-таки она не оставитъ никакаго слѣда въ дѣтскомъ умѣ, который усвоиваетъ только при правильномъ, постоянномъ повтореніи, при постоянномъ обращеніи къ прежде усвоенному, о чемъ въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи». Непозволительная небрежность — вотъ общій отзывъ о всѣхъ почти законоучителяхъ. Г. обозрѣватель жалуется также на «совершенное отсутствіе во многихъ школахъ пѣнія хотя бы какихъ-нибудь пѣсенъ, что̀ доступно каждому *не глухому учителю*». Жалуется также на то, что въ школахъ не обращается вниманія на соблюденіе учениками «возможной» опрятности, на дозволеніе даже въ очень душныхъ и темныхъ помѣщеніяхъ сидѣть мальчикамъ въ полушубкахъ, а дѣвочкамъ съ закутанными головами, на то, наконецъ, что въ книжныхъ шкафахъ «царитъ неописанный безпорядокъ». Что касается до обращенія учителей съ дѣтьми, то, несмотря на замѣчаніе одного лица, что въ иныхъ школахъ въ этомъ обращеніи усматривается «крайняя сухость и дѣти взираютъ на учителя больше, какъ на справедливаго начальника, чѣмъ какъ на любящаго отца», обозрѣватель отрицаетъ это и говоритъ, что въ большинствѣ школъ отношенія учителей и учительницъ къ дѣтямъ «просты, естественны и вполнѣ дружелюбны», что и на учительскомъ съѣздѣ большинство преподавателей высказалось противъ карательныхъ мѣръ, «да и потребность въ нихъ исчезаетъ какъ-то сама собою послѣ того, какъ наиболѣе *свирѣпые педагоги*, къ величайшему нашему удовольствію, покинули насъ». Впрочемъ, г. обозрѣватель съ сожалѣніемъ поясняетъ, что «воспитанники и даже воспитанницы духовныхъ учебныхъ заведеній до сихъ поръ еще приносятъ оттуда убѣжденіе въ необходимости не духовныхъ, а древесныхъ средствъ воспитанія»; что «еще недавно — говоритъ онъ — мы слышали отзывъ такой воспитанницы,—интересующій насъ потому, что сія есть учительница *наша*,—что хотя пороть не слѣдуетъ, но безъ линейки никакъ нельзя обойтись»; что «нѣкоторые изъ отцовъ-законоучителей также охотно прибѣгаютъ къ этому орудію, а одинъ учитель діаконъ, по словамъ учениковъ его, ввелъ «*квадратную дисциплину*» съ помощію большого количества квадратиковъ, какимъ мы снабдили его школу совсѣмъ

съ иною цѣлью»; что «нечуждъ этихъ мѣръ кротости» оказался и одинъ изъ учителей, нами опредѣленныхъ въ недавнее время, а одна учительница, «дающая острастку» къ удовольствію нѣкоторыхъ родителей, даже въ нашемъ присутствіи не могла воздержаться отъ употребленія нѣкоторыхъ невинныхъ, по ея мнѣнію, ругательствъ». «Эти мѣры—говоритъ г. обозрѣватель — къ счастью, перестаютъ уже радовать крестьянъ, и мы вынуждены дѣлать надлежащія предостереженія любителямъ крутыхъ мѣръ. Одного же изъ такихъ учителей крестьянское общество попросило и совсѣмъ оставить свое мѣсто».

Не менѣе интересны свѣдѣнія, сообщаемыя неизвѣстнымъ обозрѣвателемъ школъ объ учительскихъ съѣздахъ земскихъ педагоговъ. Первый такой съѣздъ былъ въ 1872 году; но онъ не былъ «особенно успѣшенъ». Почти всѣ городскіе учителя и учительницы, на дружеское содѣйствіе которыхъ земство особенно разсчитывало, несмотря на то, что съѣздъ былъ въ городѣ, совсѣмъ отказались принять въ немъ участіе. Съ другой стороны, учебное начальство не допустило къ этому участію лицъ, незанимающихъ учительскихъ должностей въ какой-либо школѣ; даже лица, подавшія уже прошенія объ опредѣленіи на учительскія мѣста, были допускаемы не иначе, какъ въ качествѣ зрителей, «*съ обѣтомъ молчанія*» до тѣхъ поръ, пока они не были опредѣлены. Объ этомъ обстоятельствѣ г. обозрѣватель упоминаетъ съ особеннымъ сожалѣніемъ, такъ какъ практическія занятія на съѣздѣ могли бы доставить земству наилучшій способъ убѣдиться въ достоинствахъ и недостаткахъ кандидатовъ на учительскія мѣста, и, быть можетъ, такимъ путемъ земство избѣгло бы нѣсколькихъ ошибокъ въ выборѣ педагоговъ. Мало того, начальство учебнаго округа не допустило въ залѣ съѣзда (въ помѣщеніи земской управы) преподаванія для всѣхъ бывшихъ на съѣздѣ учителей уроковъ рисованія, которое выразила желаніе принять на себя Марья Дмитріевна Раевская — художникъ петербургской академіи. Однако, нѣкоторымъ изъ учителей и учительницъ удалось помѣститься въ школкѣ г-жи Раевской, и уроки ея принесли имъ значительную пользу. Съ особенной признательностью говоритъ г. обозрѣватель о томъ сочувствіи, какое выказали къ съѣзду лица совершенно посторонніе, какъ, напримѣръ, директоръ харьковскаго театра, г. Дюковъ, предложившій всѣмъ прибывшимъ на съѣздъ посѣщать ежедневно театральныя представленія и предоставившій безплатно необходимое число стульевъ и ложъ въ распоряженіе сельскихъ учителей и учительницъ, имѣвшихъ записки отъ земской управы. Г. обозрѣватель выражаетъ еще одно сожалѣніе или сѣто-

ваніе на училищное высшее начальство: на съѣздѣ была выработана общая для всѣхъ училищъ программа; программа эта была представлена на утвержденіе губернскаго училищнаго совѣта; совѣтъ утвердилъ ее только къ концу учебнаго года, «когда въ ней уже не было надобности»; и программа по закону божію даже и не разсматривалась. Но, несмотря на эту первую неудачу, земство въ слѣдующемъ году предположило устроить учительскій съѣздъ въ селѣ Липцахъ на счетъ членовъ управы. Эти добрые люди за цѣлый мѣсяцъ до съѣзда просили начальство въ томъ же городѣ, въ Харьковѣ, позволить имъ созвать съѣздъ на 16-е августа, — и ровно 16-го августа «едва могло только состояться соглашеніе харьковскихъ властей». И что-жь? «Думать о дальнѣйшемъ путешествіи нашего ходатайства — говорится въ запискѣ г. обозрѣвателя—было уже несвоевременно, и такимъ образомъ учительскій съѣздъ не могъ состояться»... И вотъ почти постоянно приходится задаваться однимъ изъ «проклятыхъ» вопросовъ: «кто виноватъ?» — Исторія «старая исторія». Да, говоритъ чудакъ Гейне:

Das ist eine alte Geschichte,
Die bleibt doch immer neu...

Но только онъ не объ нашей исторіи говоритъ...

Къ 1873 году всѣхъ школъ въ Харьковскомъ уѣздѣ было, какъ мы сказали выше, сорокъ. Замѣчательно время ихъ открытія:

до 19-го февраля 1861 года было всего..... 6 школъ;
послѣ 19-го февраля до введенія земскихъ учрежденій у государственныхъ крестьянъ открыто было еще..... 9 школъ;
у помѣщичьихъ крестьянъ..... 1 школа;
со времени введенія земскихъ учрежденій вновь открыто..... 24 школы;
изъ нихъ въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ..... 10 школъ.

Развитіе самостоятельнаго женскаго труда въ приложеніи къ дѣлу народнаго образованія, повидимому, все болѣе и болѣе входитъ въ общую колею жизни: такъ, въ Харьковскомъ уѣздѣ на 40 народныхъ школъ приходится девять учительницъ.

Разсматривая вѣдомости о приходахъ и расходахъ земскихъ суммъ, мы, между прочимъ, находимъ, въ числѣ приходныхъ суммъ: жертвуемыя крестьянами *«на содержаніе памятника Богдану Хмѣльницкому»* Есть, напримѣръ, такіе расходы: такимъ-то крестьянамъ «за представленныхъ 12 живыхъ *грудныхъ волченковъ*, отбитыхъ ими у волчицъ и, по распоряженію упра-

вы, убитыхъ». Или: харьковскимъ земствомъ установлена премія для домашней прислуги за хорошую и продолжительную службу, — и вотъ двумъ крестьянкамъ выдана премія за тридцатитрехлѣтнюю службу, одному крестьянину за двадцативосьмилѣтнюю службу и одной мѣщанкѣ за двадцатидвухлѣтнюю. Это — скромные юбилеи рабочаго люда (Журн. харьк. зем. собр. 1873 г.. стр. 4, 8, 9, 15, 22, 49—79, 13, 36).

XII.

Къ числу старыхъ, историческихъ формъ нашей общественной жизни принадлежитъ практикуемая у насъ донынѣ система «народнаго продовольствія». По условіямъ нашей жизни, прокормленіе народа не всегда могло быть одинаково обезпечено, особенно когда народъ постоянно находился въ правительственной или владѣльческой опекѣ, а потому правительство должно было подумать объ обезпеченіи населенія на случай всякихъ нечаянностей, и въ особенности неурожаевъ и слѣдовавшихъ за ними голодовъ, которыми полна вся наша исторія. Въ лѣтописяхъ постоянно описываются ужасы голодныхъ годовъ, слѣдовавшихъ почти непрерывною цѣпью то въ той, то въ другой мѣстности русской земли. То мы читаемъ о голодѣ въ суздальской землѣ, то въ ростовской, рязанской, то въ Псковѣ, Новгородѣ, Москвѣ. Голода вызывали народныя волненія. Было даже время, когда въ голодные годы появлялись волхвы или кудесники, которые производили народныя смуты тѣмъ, что увѣряли голодный народъ, будто урожай держатъ «лихія бабы», и эти «лихія бабы», по указаніямъ кудесниковъ, оказывались женщины наиболѣе богатыхъ родовъ въ голодающей землѣ, а темный народъ, «невѣгласи», вѣря кудесникамъ и побуждаемые голодомъ ко всякимъ неистовствамъ, требовали, чтобъ «лихія бабы» возвратили землѣ «гобино»—жито или пшеницу, а когда тѣ не возвращали—то убивали ихъ, а имущество ихъ грабили. Подобное положеніе дѣлъ, конечно, съ видоизмѣненіями, соотвѣтствовавшими тѣмъ эпохамъ, которыя переживала русская земля, продолжалось въ теченіе многихъ столѣтій, а когда начала наиболѣе формироваться государственная жизнь, правительство стало прибѣгать къ тѣмъ или другимъ способамъ обезпеченія населенія на случай голодныхъ испытаній. Самымъ естественнымъ для этого способомъ, конечно, былъ способъ хлѣбныхъ запасовъ на будущее время, на время неурожаевъ. Для этого населеніе обязывалось заводить у себя общественные запасы хлѣба въ

особо приготовленныхъ отъ населенія же хлѣбохранилищахъ, куда каждый долженъ былъ ссыпать извѣстное количество зерна, а въ случаѣ неурожая—брать оттуда на свое прокормленіе и обсѣмененіе полей. Во всей русской землѣ заведены были общественные хлѣбные запасные магазины, которые, хотя и состояли въ вѣдѣніи мірскихъ обществъ, но контролировались разными высшими и низшими властями, начиная отъ мѣстной полицейской администраціи и кончая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Для пополненія общественныхъ магазиновъ и для образованія чрезъ продажу излишняго хлѣба продовольственныхъ капиталовъ заведены были даже общественныя запашки, которыя, какъ все неблагоразумно опекаемое и несвободное, шли плохо и служили даже для противниковъ общиннаго труда и общиннаго пользованія разными имуществами и бенефиціями аргументомъ противъ идеи общинности, когда въ сущности тутъ виноватъ былъ не принципъ общинности, а его несвободное и варварское примѣненіе. Вслѣдствіе этого варварскаго и хищническаго примѣненія принципа, не только общественныя запашки шли плохо и опротивѣли крестьянамъ, которыхъ принуждали пахать для какой-то несознаваемой ими идеи, а вѣрнѣе, по ихъ понятіямъ, для начальства, но и продовольственные капиталы образовывались туго, а запасные магазины оставались часто безъ хлѣба. Крестьяне, впрочемъ, знали только одно—свои магазины: случалась у кого нужда въ хлѣбѣ, онъ шелъ къ старикамъ, и старики приговаривали дать нуждающемуся хлѣба изъ запаснаго магазина. О результатахъ общественныхъ запашекъ, на которыя они смотрѣли какъ на казенную барщину, они ничего не знали, потому что тотъ продовольственный капиталъ, для котораго ихъ принуждали работать, не имъ принадлежалъ, а невѣдомо кому, и былъ для нихъ, слѣдовательно, чужой, тоже что казенный сундукъ въ казначействѣ, въ которомъ тоже лежали крестьянскія деньги, но уже чужія, казенныя.

Эту историческую систему обезпеченія народнаго продовольствія унаслѣдовало и земство, которое замѣнило собою и комиссію народнаго продовольствія, и прочія народно-провіантмейстерскія функціи. Магазины остались тѣ же, общественныя запашки тѣ же, продовольственные капиталы тѣ же; только мужикъ сталъ немножко не тотъ, да къ тому же тутъ завелись земства, школы и больше грамотныхъ людей. Ясно, что и система обезпеченія народнаго продовольствія должна нѣсколько измѣниться, сообразно требованіямъ времени и обстоятельствъ.

Мы видѣли, въ какомъ положеніи нѣкоторыя земства нашли общественныя запасныя хлѣбохранилища. Въ такомъ положеніи

они не могли оставаться, кто бы ни былъ виноватъ въ томъ, что они найдены были отчасти въ хаотическомъ состояніи. Виноватыхъ тутъ, въ сущности, никого не было: виновата одна исторія, «старая исторія». Какъ бы то ни было, но земство, которому постоянно приходится воевать съ исторіею, должно было подумать, что̀ дѣлать съ запасными магазинами, т. е. съ системой обезпеченія народа отъ голодовокъ, которыя въ послѣднее время особенно страшны были въ архангельскомъ краѣ, а потомъ въ самомъ, повидимому, хлѣбородномъ, въ самомъ обезпеченномъ—самарскомъ. Не могло не подумать объ этомъ и правительство.

Что̀ можетъ выйти впослѣдствіи изъ этой двойственной думы—объ этомъ отчасти мы можемъ догадываться по дѣйствіямъ земства Орловской губерніи, гдѣ вопросъ о народномъ продовольствіи, о замѣнѣ старыхъ мѣховъ новыми для вливанья въ нихъ новаго вина—обсуждался, повидимому, весьма обстоятельно.

Такъ какъ продовольственная реформа должна быть очень крупнымъ явленіемъ въ нашей народно-экономической жизни, то мы надъ этимъ предметомъ и остановимся теперь въ нашихъ земскихъ шатаніяхъ по бѣлу свѣту, по матушкѣ россейской землѣ.

Иниціатива продовольственной реформы принадлежитъ земству, что̀, надо признаться, также говоритъ въ пользу жизненности самого земскаго дѣла, на которое возлагались такія обидно-скромныя надежды въ виду неумѣренно раздутыхъ надеждъ на другія реформы послѣдняго времени, особенно на судебную и цензурную. Возбужденіе вопроса о продовольственной реформѣ сопровождалось слѣдующими обстоятельствами. Одно уѣздное земское собраніе, обсуждая мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія, особенно на случай неурожаевъ, нашло, что существующій способъ обезпеченія продовольствія посредствомъ ссыпки хлѣба въ запасные магазины не достигаетъ цѣли потому, что, вслѣдствіе существовавшаго до передачи магазиновъ въ вѣдѣніе земствъ «широкаго права» крестьянъ разбирать хлѣбные запасы для текущихъ нуждъ и по отсутствію вполнѣ дѣйствительныхъ мѣръ для взысканія взятаго крестьянами въ ссуду хлѣба, въ запасныхъ сельскихъ магазинахъ оказывалась незначительная лишь часть того количества хлѣба, которое должно бы въ нихъ находиться по закону. Между тѣмъ, при замѣнѣ хлѣбнаго сбора натурою — денежнымъ сборомъ, не только были бы избѣгнуты расходы по сохраненію хлѣба (постройка и ремонтъ магазиновъ, жалованье смотрителямъ, сторожамъ и пр.), но и самый капиталъ, который образовался бы изъ денежнаго сбора, приращался бы процентами. Въ случаѣ же необходимости при неурожаѣ пріобрѣсти для населенія хлѣбъ покупкою изъ

другихъ мѣстностей, эту операцію теперь гораздо легче исполнить при проведеніи желѣзныхъ дорогъ во всѣ концы Россіи. Когда земство, придумавшее эту мѣру, представило о ней министерству внутреннихъ дѣлъ, это послѣднее отнеслось къ предположенію земства сочувственно и, желая обобщить счастливую, повидимому, мысль земства, сообщило ее въ своихъ циркуляхъ всѣмъ земствамъ русской земли для всесторонняго обсужденія и принятія къ руководству, въ случаѣ ея цѣлесообразности. Основанія продовольственной реформы должны были заключаться въ слѣдующемъ:

взамѣнъ хлѣбнаго сбора, обложить крестьянъ сборомъ по 30 к. съ души ежегодно для составленія уѣзднаго продовольственнаго капитала въ размѣрѣ, равномъ стоимости узаконенной пропорціи хлѣба, долженствующаго быть въ запасныхъ магазинахъ по числу ревизскихъ душъ всего крестьянскаго населенія:

черезъ три года послѣ введенія этого денежнаго сбора, весь хлѣбъ, который къ тому времени останется въ магазинахъ налицо, продать и вырученныя деньги обратить въ продовольственный капиталъ, который долженъ состоять въ распоряженіи земства.

Посмотримъ же, какъ отнеслось къ этой мысли земство, на которомъ мы теперь остановились въ нашемъ хожденіи по земскимъ мѣстамъ—земство орловское, собственно, ливенское Орловской губерніи, наиболѣе обстоятельно разработавшее, какъ намъ кажется, этотъ жизненный народно-экономическій вопросъ. Изъ доклада ливенской земской управы, представленнаго очередному собранію, видно, что, со времени принятія хлѣбныхъ магазиновъ въ вѣдѣніе земства, раздача хлѣба какъ на продовольствіе, такъ и на обсѣмененіе полей далеко не доходила до *одной четвертой части* общаго количества хлѣба, долженствовавшаго быть налицо въ магазинахъ, а слѣдовательно остальное количество, находясь въ магазинахъ, не только не приносило пользы, но, напротивъ, уменьшалось вслѣдствіе самовольныхъ растратъ, мышеяди и порчи отъ сырости и недостатка провѣтриванья. При раздачѣ хлѣба и при обратномъ его полученіи, часто допускаются злоупотребленія и разсчетные недосмотры со стороны магазинныхъ смотрителей, бо̀льшею частью людей неграмотныхъ, а учитывать сотни магазиновъ въ каждомъ уѣздѣ не хватитъ силъ не только одной земской управы, но и всѣхъ гласныхъ, какъ объ этомъ и заявили весьегонскіе гласные, говорившіе даже, что слѣдить за магазинами—не ихъ дѣло, да и глазъ всего земства на это не достанетъ. На этомъ основаніи, ливенская управа пришла къ положительному убѣжденію, что замѣна сбора хлѣба натурою — сборомъ денежнымъ является дѣломъ первой

важноси. Земское собраніе, которому представлены были подробныя соображенія по этому предмету, опасаясь односторонняго рѣшенія вопроса, передало его въ особую комиссію. Комиссія обставила вопросъ слѣдующими, весьма, повидимому, практическими соображеніями: въ Ливенскомъ уѣздѣ 88,000 жителей; по закону, въ запасныхъ магазинахъ должно состоять 88,000 четвертей озимаго хлѣба и 44,000 ярового; всѣхъ магазиновъ въ уѣздѣ 750; каждый магазинъ стоитъ 60 р., а всѣ они — 45,000 р.; при магазинахъ 750 сторожей и смотрителей, содержаніе которыхъ обойдется по 30 р. на каждаго въ годъ, въ 22,500 р.; ежегодно пропадаетъ хлѣба отъ усушки, утечки, мышеѣда и пр. по 10 фунтовъ на четверть, т. е. всего на 9,900 руб.; стоимость магазиновъ—45,000 р., составляя мертвый капиталъ, этой самой мертвенностью беретъ изъ народной экономіи ежегодно 5% на эту сумму или 2,250 р.; вся же ежегодная *потеря* составитъ: 2,250 р.+22,500 р.+9,900=34,650 р. или около 40 к. на душу, не считая потери на самомъ хлѣбѣ, который, лежа въ магазинахъ, составляетъ тоже мертвый капиталъ, а мертвый капиталъ или убытокъ, по законамъ политической экономіи, тождественны. Теперь, обращая запасный хлѣбъ въ деньги, получимъ: 88,000 четвертей ржи по 4 р. дадутъ 352,000 р., 44,000 четвертей овса по 1 р. 50 к. дадутъ 66,000 руб.. или всего 418,000 р.; отбросивъ изъ нихъ 100,000 р., т. е. *четвертую часть* на удовлетвореніе продовольствія, получимъ 318,000 р., изъ коихъ 200,000 р. въ долгосрочной ссудѣ дадутъ по 7% въ годъ 14,000 р., а 118,000 р. въ безсрочной ссудѣ по 5% дадутъ 5,900 р. всего 20,000 р., что вмѣстѣ съ 34,650 руб. составляетъ, при настоящей магазинной системѣ, 54,650 р. *въ годъ потери* совершенно безсмысленной, основанной единственно лишь на историческомъ недоразумѣніи или, скорѣе, на нашей историческо-гражданской неразвитости.

Повидимому, все это очень просто. Но эта-то простота и есть признакъ геніальности мысли. Всякое геніальное открытіе, всякая великая истина, когда она открыта, становится для всѣхъ очень простою: что можетъ быть проще паденія брошеннаго камня въ силу земнаго тяготѣнія? что проще силы пара или прикрѣпленія человѣческой мысли къ бумагѣ посредствомъ типографскаго станка? Просто и это открытіе, уничтожающее собою нашу историческую мышеядь. Если одинъ уѣздъ на старой магазинной системѣ теряетъ 54,000 р., то тысяча уѣздовъ всей великой русской земли, теряютъ ежегодно 54.000,000 р. А сколько потеряла Россія со времени существованія исторической мышеяди? этого даже и высчитать нельзя. Какъ же намъ, послѣ

этого, не быть бѣднымъ? На мышеяди мы теряемъ ежегодно 54.000,000 р., на внѣшней торговлѣ 1.000,000 р. — да и на чемъ мы не теряемъ? Всего и перечислить нельзя, когда станешь считать. А между тѣмъ, могли бы *ничего* не терять, а пріобрѣтать, если бы... Да что объ этомъ толковать! Извѣстно, что законъ удѣльнаго вѣса тѣлъ открылъ Архимедъ въ банѣ. Старикъ такъ обрадовался своему открытію, что забылъ надѣть на себя сорочку и панталоны, а выбѣжалъ изъ бани въ костюмѣ прародителя, крича: «эврика! эврика!». Да какъ было и не кричать? На законѣ удѣльнаго вѣса онъ убѣдился, что мастеръ, дѣлавшій золотую корону для сиракузскаго царя, укралъ значительную часть золота, назначеннаго для короны, и потому вспомнилъ, сколько же было украдено золота на коронахъ и на всѣхъ золотыхъ издѣліяхъ въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, пока старикъ не открылъ законовъ удѣльнаго вѣса! Мы полагаемъ, что радость нашихъ земствъ, открывающихъ нынѣ законъ противъ исторической мышеяди, должна дать не менѣе радости Архимеда.

Нѣчего говорить, что ливенское земство сочувственно отнеслось къ вопросу о замѣнѣ старой натуральной продовольственной системы новою, денежною. Только три голоса возвысились противъ этой системы: то были голоса — предсѣдателя собранія и двухъ гласныхъ изъ крестьянъ, Сергѣя Титкова и Никиты Кирина. Дѣвственной простотой дышетъ протестъ этихъ двухъ послѣднихъ дѣтей природы, которые *сами* изложили свое мнѣніе на бумагѣ въ слѣдующихъ, трогающихъ своею младенческою безъискуственностью выраженіяхъ, которыя мы передаемъ съ дипломатическою точностью: «Мнѣніе гласныхъ. А именно: гласнаго изъ старшинъ Знаменской волости Сергѣя Ефремова Титкова и Никиты Федорова Кирина о народномъ продовольствіи, что въ нашемъ Ливенскомъ уѣздѣ деньги достать напротивъ прочихъ уѣздовъ Орловской Губерніи очень трудно, а хлѣбъ засыпать очень легко и только тѣмъ содерживаются бѣдные и сироты запаснымъ магазиннымъ хлѣбомъ, то мы гласные Титковъ и Киринъ, обсудя свое мнѣніе и народное продовольствіе, никогда не согласны такого рѣшиться продовольствія, чтобы перевесть магазинный хлѣбъ на денежный капиталъ въ томъ и подписуемся гласные Сергѣй Ефремовъ Титковъ, Никита Киринъ».

Причина протеста противъ новаго открытія земскихъ архимедовъ со стороны Титкова и Кирина—очень понятна и законна. Ихъ младенческими устами говоритъ вся русская исторія. Титковъ и Киринъ — крестьяне и въ земскомъ собраніи представляютъ собою и отстаиваютъ крестьянскіе интересы. До сихъ поръ запасные магазины были какъ бы ихъ собственность. За-

сыпали они ихъ своимъ хлѣбомъ, а начали засыпать еще ихъ отцы и дѣды. Съ этими магазинами, какъ и съ церквами, у крестьянъ соединено много историческихъ воспоминаній: за магазины имъ нерѣдко приходилось страдать, а за что человѣкъ пострадаетъ, то онъ начинаетъ любить; за магазины, за недостачу въ нихъ хлѣба, за безпорядки крестьянъ когда-то посѣкивало начальство; за то въ тяжелые годы мужички знали, куда имъ прибѣгнуть за хлѣбцемъ—къ «магазейнамъ», не таскаясь за дозволеніями къ начальству; «бѣдные и сироты содержались» общественнымъ хлѣбцомъ, какъ говорятъ Титковъ и Киринъ; около магазиновъ каждый мужичекъ по очереди проводилъ не одну ночь, карауля мірской хлѣбецъ; около магазиновъ въ весеннее время собирались хороводы, пѣлись пѣсни; около магазиновъ почти всегда крестьянская молодежь слюбливается, спознается; въ «магазейнахъ» кровь и сердце крестьянское. И вдругъ «магазейны» сломать! Вѣдь это все равно, что сломать церковь, гдѣ всѣ Карпы и Сидоры крестились, а потомъ вѣнчались на толстокосыхъ и толстогрудыхъ Акулькахъ и Офроськахъ. Сломать магазины, продать ихъ—вѣдь это все равно, что продать и сломать крестьянскія усадьбы и деньги отдать въ казначейство. Титкову и Кирину представляется, что изъ ихъ мірскаго хлѣба выйдетъ тоже, что изъ продовольственнаго капитала, который для крестьянина представляется миѳомъ, идеею, чѣмъ-то безплотнымъ, неосязаемымъ, неуловимымъ для мужика, идеею, во имя которой ихъ принуждали къ общественнымъ запашкамъ и тоже посѣкивали, а денегъ они и въ глаза не видали. Титковъ и Киринъ справедливо думаютъ, на основаніи историческаго опыта (а они русскую исторію, ея суть, знаютъ получше Соловьева и Погодина), что и денегъ, вырученныхъ отъ продажи магазиновъ и мірскаго хлѣба имъ не видать, и за каждой копейкой придется толкаться въ переднихъ у начальства, а деньги все-таки будутъ чужія, не ихъ, не мірскія. Хоть этого, конечно, и не должно бы быть, но такъ кажется Титкову и Кирину, и оттого они боятся этого нововведенія, боятся Архимеда, который бѣжитъ по улицѣ и кричитъ: «теперь мірскимъ хлѣбомъ ни одна баба-сирота не поживится! теперь нельзя красть золото, предназначенное для царскихъ коронъ, потому что я — эврика!» Исторія пріучила Титкова и Кирина бояться «Danaos et dona ferentes. Оттого глупыя бабы выли со страху, когда въ церквахъ «волю вычитывали», навзрыдъ выли объ умершемъ и отпѣвавшемся крѣпостномъ правѣ...

Какъ бы то ни было, но орловское земство приняло въ принципѣ продовольственную реформу.

Выше мы говорили, по поводу дѣятельности харьковскаго земства, что въ дѣятельности тѣхъ именно земствъ замѣчается больше живости и движенія, больше надеждъ и стремленій, гдѣ въ числѣ земскихъ работниковъ встрѣчаются болѣе или менѣе выдающіяся, иногда даже, повидимому, безпокойныя личности. Замѣчаніе это вполнѣ можетъ быть примѣнимо къ дѣятельности ливенскаго земства. Здѣсь вы постоянно наталкиваетесь на имена, на отдѣльныя заявленія, на что-то такое «возмущающее воду», на протесты, предложенія—и все это бо̀льшею частью исходитъ со стороны двухъ-трехъ личностей, а за ними уже идутъ третьи, четвертые, пятые и т. д. вплоть до самыхъ Титковыхъ и Кириныхъ. Личности, на которыя мы наталкиваемся постоянно въ ливенскомъ земствѣ—это Селищевъ, Мацневъ, Башкатовъ, Свидерскій. Около ихъ именъ преимущественно группируется это маленькое движеніе, это—пожалуй, съ общечеловѣческой точки зрѣнія—буря въ стаканѣ воды: но если ужь нѣтъ ничего болѣе стакана, гдѣ бы можно было плавать маленькимъ кораблямъ, то и стаканъ воды, смотря по кораблю, замѣняетъ собою море и океанъ съ его бурями. Что̀жь дѣлать, когда насъ всѣхъ исторія посадила въ стаканъ воды, какъ Петра, не видавшаго еще моря, русская исторія посадила въ переславское озерцо? Сами земства невольно чувствуютъ на себѣ вліяніе этихъ единицъ и безъ нихъ, повидимому, обойтись не могутъ. Идетъ рѣчь о состояніи народнаго образованія въ уѣздѣ. Училищный совѣтъ жалуется на недостатки въ этомъ дѣлѣ, на отсутствіе энергіи, средствъ, людей, и тутъ же не можетъ не упомянуть: «причемъ нельзя пройти молчаніемъ, что училища, состоящія подъ попечительствомъ Ѳедора Аввакумовича Селищева, представили самое большое число учениковъ и съ лучшимъ развитіемъ». Заходитъ рѣчь объ эмеритальной кассѣ для служащихъ по земству—и Селищевъ напоминаетъ, что земство забываетъ полезнѣйшихъ изъ своихъ дѣятелей, народныхъ учителей, и земство не можетъ не согласиться, что, толкуя три года о своихъ дѣятеляхъ и объ обезпеченіи ихъ, они забыли про учителей. Губернаторъ настаиваетъ на необходимости постройки арестантскихъ при квартирахъ становыхъ приставовъ, настаиваетъ годъ, два, три—и гласный Селищевъ наконецъ возвышаетъ голосъ, что «надо разъ на всегда покончить» съ этимъ вопросомъ, съ этимъ пиленьемъ губернатора, и земство соглашается, что дѣйствительно «надо покончить». Многіе гласные жалуются на бездѣятельность земскихъ докторовъ, на «уклоненіе отъ исполненія своихъ обязанностей», на «непосѣщеніе больничныхъ покоевъ»; говорятъ, что надо дѣлать врачамъ «напоминанія», надо ихъ

увольнять—и Селищевъ напоминаетъ земству, что оно само тутъ отчасти виновато, что надо выработать подробную инструкцію для докторовъ, и тогда они будутъ знать, что̀ отъ нихъ требуется. Говорятъ, что крестьянскія общества должны устраивать училища съ необходимыми приспособленіями для учениковъ и съ помѣщеніями для учителей: Селищевъ говоритъ, что крестьяне бѣдны, что помѣщенія для учителей не должны быть поставляемы крестьянамъ какъ conditio sine qua non, особенно когда учителя не семейные; что желательно видѣть больше семейныхъ учителей—«это повліяло бы благотворно на образованіе дѣвочекъ»; что «присутствіе женщинъ въ училищѣ несомнѣнно вызоветъ увеличеніе числа учащихся дѣвочекъ». Селищевъ же предлагаетъ въ видѣ временной мѣры установить субсидіи для ученицъ—такъ высоко ставитъ онъ образованіе женщинъ въ народѣ. Не говоримъ о другихъ «возмущеніяхъ воды» въ стаканѣ или въ «овчей купели», которую желательно было бы видѣть въ земствѣ, чтобы всякій, кто входилъ въ нее, «здравъ былъ,—о «возмущеніяхъ», виною которыхъ былъ Селищевъ. Не менѣе рельефно выступаетъ и дѣятельность гласнаго Мацнева, которому римскій Тарквиній тоже пожалуй сбилъ бы головку. Ливенское земство, по примѣру многихъ другихъ, ведетъ неизбѣжную, не выходящую изъ предѣловъ законности и приличія, войну съ классицизмомъ. Совокупно съ городомъ Ливнами, оно устраиваетъ реальное училище, не жалѣя на это средствъ, урывая даже грошй и изъ мужицкаго кармана. Мацневъ является въ числѣ усердныхъ работниковъ въ кладкѣ зданія, которое должно помочь и Титковымъ, и Киринымъ выйти на свѣтъ Божій. Онъ даже требуетъ назначенія стипендіатовъ изъ этихъ Титковыхъ и Киринхъ, чтобъ и ихъ грошъ не пропадалъ, повидимому, безслѣдно для ихъ бѣлоголовыхъ ребятишекъ. И земство все поддерживаетъ г. Мацнева. Въ земство входитъ съ робкимъ, скромнымъ заявленіемъ учитель вышнедолжанскаго училища, Дмитрій Ильинскій; онъ даже не знаетъ, смѣетъ ли безпокоить земство—но рѣшается: «Мнѣ неизвѣстно, говоритъ онъ, могу ли я безпокоить земское собраніе своимъ заявленіемъ, въ которомъ хочу сказать кое-что о настоящемъ положеніи школъ въ нашемъ уѣздѣ. *Такъ или иначе, но я осмѣливаюсь сдѣлать это* въ надеждѣ, что земское собраніе не чуждо обратить серьёзное вниманіе на вопросъ о народномъ образованіи, тѣмъ болѣе, что *послѣднее сдѣлалось насущнымъ и для простаго люда*». Далѣе, съ такою же робостью и скромностью г. Ильинскій говоритъ, что если «образованіе въ народѣ прививается не очень быстро», то причинъ этому много—недостатокъ учебниковъ даже, необязательность ученья,

неопытность бѣдныхъ учителей, незнаніе даже учительскихъ руководствъ г. Корфа,—и оттого, прибавляетъ онъ, во многихъ школахъ «старая метода не выдохлась еще»—какое, однако, образное выраженіе въ такомъ робкомъ и скромномъ существѣ, какимъ намъ представляется г. Ильинскій. Г. Ильинскій проситъ, чтобъ земство обратило вниманіе на необходимость учительскихъ съѣздовъ, откровенно признаваясь, что совѣты опытнаго педагога «могутъ избавить насъ отъ сильныхъ ошибокъ въ нашихъ занятіяхъ». Только послѣ многихъ усилій и дружнаго содѣйствія земства, говоритъ г. Ильинскій, «школы наши сбросятъ съ себя печальный видъ, который онѣ теперь имѣютъ». И г Мацневъ возвышаетъ голосъ въ пользу робкаго предложенія г. Ильинскаго—предлагаетъ получить учебныя пособія изъ земской управы, а учительскимъ съѣздомъ—немедленно озаботиться. Далѣе, г. Мацневъ разъясняетъ земству недоразумѣніе, возникшее по поводу путаницы въ назначеніи мѣстнымъ исправникомъ пунктовъ для земскихъ лошадей въ случаѣ призыва отпускныхъ, путаницы, происшедшей отъ того, что исправникъ забылъ внести въ росписаніе какіе-то «Свинскіе постоялые дворы»—и о происшедшей оттого кутерьмѣ земство сообщаетъ губернатору, какъ о превышеніи власти со стороны исправника, который привыкъ помыкать крестьянскими лошадьми и т. д. и т. д. Такъ же почти часто, какъ имена Селищева и Мацнева, мелькаютъ имена Башкатова, Свидерскаго, Каличицкаго. Правда, буря въ стаканѣ воды разражается иногда изъ-за пустяковъ, мелочей; но мелочи и въ земской жизни, какъ и въ частной, и даже въ жизни всего человѣчества, составляютъ тотъ фундаментъ, на которомъ строятъ не мелочи, а иногда и большія дѣла. Такъ нерѣдко въ земскихъ собраніяхъ разражаются бури стаканныя изъ-за охраненія *чистоты земства*, земской идеи, земскаго свободнаго выборнаго начала—и это явленіе обще всѣмъ земствамъ. Извѣстно, что, по закону, гласный, почему-либо потерявшій право участія въ земскихъ собраніяхъ, потому ли что онъ попался подъ судъ или почему другому,—долженъ самъ заявить собранію о потерѣ своихъ правъ или о непотерѣ, когда, тотчасъ послѣ всякаго открытія собранія, «повѣряются права гласныхъ». Изъ-за этого и бываютъ нерѣдко бури. Такъ, когда открыто было въ сентябрѣ 1873 года ливенское очередное собраніе, гласный Кривцовъ заявляетъ, что надъ гласными Свидерскимъ и Семеновымъ по указу сената назначено производство слѣдствія и потому они не могутъ участвовать въ собраніи. Свидерскій объявляетъ, что слѣдствіе назначено не надъ нимъ однимъ и не надъ Семеновымъ только, а надъ дѣйствіями всѣхъ членовъ мироваго съѣзда, въ

числѣ которыхъ былъ и г. Кривцовъ; то, по мнѣнію Свидерскаго, несравненно справедливѣе было бы со стороны г. Кривцова *устранить самого себя* прежде, чѣмъ предлагать эту мѣру въ отношеніи другихъ»; но что устранить изъ собранія самого Свидерскаго нѣтъ ни основанія, ни права, потому что указъ сената ему еще не объявленъ, а кромѣ того онъ, Свидерскій, какъ предсѣдатель уѣздной управы, обязательно присутствуетъ въ земскомъ собраніи, «о чемъ г. Кривцову, какъ бывшему предсѣдателю управы, должно бы быть извѣстно. И вотъ споръ изъ-за *чистоты земства* разгорается. Въ битву вступаетъ г. Башкатовъ. Предсѣдатель собранія становится втупикъ—какъ соблюсти ему чистоту земства и какъ бы не попасть въ бѣду допущеніемъ въ собраніе нарушившихъ эту чистоту. И вотъ онъ прибѣгаетъ къ послѣдней помощи—телеграфируетъ губернатору. Ему говорятъ, что телеграфировать не слѣдуетъ, что губернаторъ тутъ не при чемъ, что законъ предоставляетъ самому собранію повѣрять права гласныхъ и блюсти свою чистоту. Предсѣдатель все-таки закрываетъ собраніе и посылаетъ губернатору телеграмму. Губернаторъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что гг. Свидерскій и Семеновъ не нарушатъ собою чистоту земства. Тогда земство возстаетъ противъ этого. Возстаетъ первый—Свидерскій! Онъ говоритъ, что телеграмма губернатора имѣетъ для собранія частное значеніе, что онъ не согласенъ считать себя чистымъ потому только, что губернаторъ считаетъ его чистымъ: пусть само земство рѣшитъ—чистъ ли онъ. Это—его законное право. И земство рѣшаетъ, что г. Свидерскій чистъ.—Мы привели здѣсь только одинъ примѣръ бури въ земскомъ стаканѣ; но примѣръ этотъ имѣетъ общее и глубокое значеніе въ жизни земствъ: пока всякія посягательства на дѣвственную чистоту идеи будутъ отражаться отъ нея служителями идеи безъ допущенія какихъ бы то ни было компромиссовъ, до тѣхъ поръ идея будетъ сильна и жизненна. Г. Свидерскій, повидимому, хорошо помнилъ эту далеко еще не азбучную у насъ истину! Онъ ея не забылъ и при слѣдующемъ, повидимому, пустячномъ обстоятельствѣ. Когда собраніемъ рѣшенъ былъ вопросъ о чистотѣ г. Свидерскаго, предсѣдатель собранія (не надо забывать, что предсѣдатель собранія—не выборное лицо отъ земства, какъ всѣ прочіе гласные, а онъ, по закону, бываетъ или предводитель мѣстнаго дворянства, или, гдѣ его нѣтъ, то лицо, назначаемое правительствомъ, какъ правительственное око и, въ подлежащихъ случаяхъ, какъ узда для слишкомъ рьяныхъ земскихъ коней)—такъ предсѣдатель собранія предлагаетъ рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли составлять отдѣльный журналъ для засѣданія 25-го сентября, когда еще не

былъ рѣшенъ вопросъ о чистотѣ г. Свидерскаго и когда собраніе было распущено предсѣдателемъ, и не лучше ли все происходившее 25-го сентября вмѣстить въ журналъ 26-го сентября, когда собраніе, послѣ телеграммы губернатора, вновь было открыто и нашло, что г. Свидерскій чистъ. Тогда встаетъ Свидерскій и требуетъ отдѣльныхъ журналовъ и для 25-го и для 26-го сентября. Сверхъ того, проситъ занести въ журналъ слѣдующія обстоятельства, предшествовавшія засѣданію: такъ какъ предсѣдатель 25-го сентября, закрывая собраніе, назначилъ гласнымъ собраться 26-го сентября къ 12 часамъ, то гласные въ числѣ 45 человѣкъ и собрались; но предсѣдателя не было; его ждали до 2½ часовъ, а онъ, вѣроятно, не являлся потому, что ждалъ телеграммы отъ губернатора; въ 2½ часа въ залу засѣданія явился письмоводитель предсѣдателя собранія и объявилъ гласнымъ, что засѣданіе отложено имъ до 6 часовъ вечера; тогда гласные поручили письмоводителю просить предсѣдателя, чтобы онъ, или лично объявилъ объ отсрочкѣ засѣданія, или извѣстилъ о томъ письменно, такъ какъ распоряженіе о явкѣ ихъ къ 12 часамъ было высказано имъ лично; послѣ этого отъ предсѣдателя получается бумага на имя земской управы, въ которой онъ проситъ объявить гласнымъ, чтобы они собрались въ залу засѣданія къ 6 часамъ. Г. Свидерскій, «въ виду напраснаго ожиданія предсѣдателя собравшимися гласными, счелъ себя вынужденнымъ объявить гласнымъ содержаніе полученнаго имъ отношенія, хотя и не считаетъ себя уполномоченнымъ на то по закону». Собраніе во всемъ согласилось съ г. Свидерскимъ.

Понятно теперь, почему въ вопросѣ о продовольственной реформѣ предсѣдатель былъ единственное въ собраніи лицо, которое пристало къ мнѣнію крестьянъ Титкова и Кирина и объявило, что Архимедовское «Эврика» не спасетъ коронъ отъ покражи предназначаемаго для нихъ золота.

Относительной жизненностью ливенскаго земства мы можемъ объяснить и то, что въ ливенскомъ уѣздѣ считается болѣе 70 училищъ для народа, въ которыхъ учится болѣе трехъ тысячъ крестьянскихъ дѣтей. Этой жизненностью мы можемъ объяснить и то, что земство не старается закрывать ротъ тѣмъ лицамъ, которыя говорятъ, что, какъ ни много, при бѣдности народа, сдѣлано для его образованія, но все еще есть школы, гдѣ нѣтъ даже ни столовъ, ни скамеекъ и гдѣ «ученики сидятъ на доскахъ, а на краю доски—учитель». Картина, дѣйствительно, рельефная. За то, «сидя на доскахъ», крестьянскіе ребятишки имѣютъ такихъ отцовъ, которые, руководимые конечно нелюбимыми Таркви-ніемъ «головками», въ одинъ годъ представили въ училищный

совѣтъ 23 приговора объ обязательномъ обученіи ихъ дѣтей. Понятно также, послѣ этого, почему присланный въ ливенское собраніе проэктъ г. Бланка объ «ипотекахъ» переработывается теперь «по даннымъ, выработаннымъ наукой», а не измышленіямъ г. Бланка. Понятно, почему нашлось 46 голосовъ изъ гласныхъ земскихъ и городскихъ, которые просили г. Башкатова быть почетнымъ попечителемъ ливенскаго реальнаго училища, въ созданіе котораго г. Башкатовъ первый положилъ свой трудовой кирпичъ, сдѣланный изъ антиклассической глины. Понятно, наконецъ, что римскій Тарквиній, заглянувъ во многія наши земства, приготовилъ бы свой классическій хлыстъ для многихъ земскихъ «головокъ» или бы бѣжалъ изъ Рима.

XIII.

Всякій разъ, когда мы, перебравъ цѣлые вороха земской бумаги—печатной, литографированной и писаной, перерывъ этотъ пересыпанный иногда необдѣланными брильянтами и кое-гдѣ тронутый рукою художниковъ-строителей мусоръ отчетовъ, журналовъ, докладовъ, мнѣній, заявленій, сметъ, раскладокъ, оцѣнокъ, преній, объясненій, пояснительныхъ записокъ, актовъ, инвентарей, реэстровъ, протестовъ, стенографическихъ отчетовъ, и прочая, и прочая, и прочая; когда, до утомленія наслушавшись и этого дѣтскаго лепетанья молодыхъ, еще не извѣдавшихъ, что̀ такое эта страшная старуха «Ананке» силъ, и старческаго, непоколебимо-безнадежнаго брюзжанья на все молодое и творческое; когда, буквально намучившись и наболѣвшись душою за иныя злополучныя, но симпатичныя земства, которыя, при всемъ своемъ до наивности юношескомъ стремленіи принести пользу народу, постоянно должны бояться и оглядываться, что если они дадутъ лишнюю тысячу на народныя школы, то у этого народа хлѣба не хватитъ до весны, а если дадутъ лишнюю тысячу народу на хлѣбъ, то ему же на лапти не хватитъ, а если дадутъ на лапти, то мостовъ къ распутицѣ не будетъ, если дадутъ еще тысячу на мосты, то повитухъ не будетъ и крестьянскіе ребятишки, эти народныя дѣти, должны будутъ приниматься «баушками» въ хлѣвахъ и своимъ рожденіемъ убивать своихъ матерей-работницъ, если же дадутъ тысячу на повитухъ, то недоимокъ нечѣмъ будетъ уплатить, а если дадутъ на уплату недоимокъ, то гдѣ-нибудь окажется еще новая земская проруха и гибель, какъ у того сказочнаго богатыря, которому на дорожномъ столбѣ было написано—или коня потерять, или самому загинуть; всякій разъ, когда это мучительное для насъ шуршанье

ворохами земской бумаги разстраиваетъ наши нервы до болѣзненности, до безсонницы, а напрасное исканіе въ безчисленныхъ сметахъ, раскладкахъ и недоимкахъ, въ этихъ милліонахъ жалкихъ цифръ какого-то невѣдомаго спасенья для народа, утомляетъ до нестерпимости наши рабочіе глаза и привычный ко всему мозгъ—всякій разъ намъ вспоминается это замѣчательное, но тяжелое, безотрадное по своей какой-то внутренней безвыходности стихотвореніе нашего единственнаго и едва ли не послѣдняго народнаго поэта:

Ужель опять наградой будетъ плугу
Голодный годъ?....
Душа болитъ, унынie ростетъ.
Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ—плохой я гражданинъ;
Но жгучее, святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
Тебя на свѣтъ?.. На смѣну колебанья
Твоихъ судебъ чего дождемся мы?.. [1]

Гдѣ герой?.. Иногда намъ кажется, что этотъ герой уже народился, но герой—не лицо, не единичный герой, а герой коллективный, почти стихійный, какъ стихійными были въ старину богатыри, языческіе боги, олицетворявшіе стихійныя силы; что герой этотъ, подобно тому, какъ Геркулесъ, будучи еще въ пеленкахъ, задушилъ страшнаго змѣя, тоже уже душитъ змѣя—народную нужду; что герой этотъ, коллективный богатырь—земство; но тотчасъ же, когда наталкиваешься на безобразія нѣкоторыхъ изъ этихъ Геркулесовъ въ пеленкахъ, какъ-то разомъ руки опускаются, и снова зудитъ въ мозгу, утомленномъ работой, этотъ неотвязчивый Некрасовъ съ своимъ «Унынiемъ», и снова не языкомъ, не мыслью, а какъ-то этими глупыми, уставшими нервами повторяется это выкрикиванье: «Народъ! народъ!..»

Есть одна безотрадная черта въ дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ, на которыя всего болѣе можно было бы, кажется, возлагать прочныя надежды; это—земства, въ которыхъ наиболѣе сосредоточены силы экономическія и, казалось бы, интеллигентныя; это—земства богатыя, земства большихъ городовъ, земства крупныхъ финансовыхъ и торговыхъ центровъ. Отъ этихъ земствъ отдаетъ какимъ-то холодомъ, эгоизмомъ, меркантильностью; тамъ всякая болѣе или менѣе крупная интеллигентная и экономическая сила преимущественно тяготѣетъ къ наживѣ, но къ наживѣ индивидуальной, а не земской, къ благосостоянію своего сытаго брюха, а не тощаго брюха земскаго. Въ такихъ земствахъ

[1] «Унынiе» Некрасова.

не видно ни дружной работы, ни даже борьбы осмысленной; выдающихся личностей также не видать, хоть шаромъ покати—все дюжинность и бездарность; въ самыхъ задачахъ земскихъ, въ рѣшеніяхъ, въ вопросахъ, заявленіяхъ—все это плоскость, плоскость и какое-то умственное мѣщанство. Печать такого мѣщанства лежитъ на дѣятельности земствъ Одессы, Саратова, Нижняго-Новгорода и еще нѣкоторыхъ крупныхъ городовъ.

Такъ, одесское земство, не смотря на «сильное желаніе народа учиться», не смотря на свое собственное, нѣсколько циническое признаніе, что, «если бы у нихъ были хорошія школы и хорошіе учителя, то желающіе учиться стали бы ломиться въ школы»,—все-таки отгоняетъ отъ школьныхъ дверей желающихъ учиться и позволяетъ ходить въ школы только 500 ученикамъ на весь уѣздъ. Одесса, всѣ улицы которой, можно сказать, усыпаны милліонами, извлеченными изъ тяжелаго труда уѣзднаго населенія; Одесса, для которой уѣздъ съ своими сосѣдями, другими уѣздами, ежегодно даетъ сотни милліоновъ пудовъ хлѣба, превращающагося потомъ въ пуды золота, векселей, акцій, облигацій и другихъ денегъ,—даетъ этому уѣзду на народное образованіе какихъ-нибудь 2—3 тысячи, а покупаетъ въ своей же земской управѣ игральныхъ картъ на 31,794 р. 45 к. въ годъ. На народное образованіе 3,000, а на одну карточную бумагу, которая ворохами выбрасывается каждый вечеръ изъ игральныхъ комнатъ—30,000. Вѣдь это, значитъ, тысячъ сто или больше «колодъ» съѣдено на счетъ земскихъ школъ и земскихъ учебниковъ. А сколько же на эти сто тысячъ колодъ проиграно денегъ и сколько выиграно? И между тѣмъ, это же земство, въ томъ же отчетѣ, въ которомъ говорится о картахъ и о томъ, что крестьянскіе ребятишки «ломятся въ школы», а ихъ туда не пускаютъ, это же одесское земство повѣдаетъ міру о своемъ безсиліи въ дѣлѣ поданія медицинской помощи хворающему населенію, о томъ, что по селамъ почти до ноги, что называется, вымираетъ молодое поколѣніе и «почти цѣлыя населенія остаются безъ подростковъ». («Отчетъ о дѣятел. одес. уѣзд. зем. управы». Одесса. 1874).

Саратовъ, тоже какъ и Одесса, растетъ не по днямъ, а по часамъ на счетъ своихъ селъ и деревень, величается «столицею Поволжья», умѣетъ родить и выростить всякую и экономическую силу, и интеллигентную, и втеченіи какихъ-нибудь 20—30 лѣтъ, успѣлъ доказать на всю Россію свою, такъ сказать, интеллигентную плодовитость, которая, какъ египетская пшеница, родитъ самъ-сто, самъ-двѣсти; а между тѣмъ, въ земскомъ дѣлѣ, этому богатому краю что-то нездоровится. Земство, съ самаго начала

своего существованія, поражается какою-то душевною болѣзнью, чѣмъ-то въ родѣ тифа, но тифа наживы, меркантилизма. И печать, и всеобщая молва разнесли по Россіи, что саратовское земство, едва только открылось, открыло аукціонъ на тамбовско-саратовскую желѣзную дорогу, которая въ то время была еще лишь только pia desideria: «кто дастъ больше?»—вотъ что было выставлено на знамени саратовскаго земства. Конечно, объ этомъ саратовская земская литература умалчиваетъ; но не молчала литература русская. Въ третьемъ году, въ одной изъ большихъ газетъ былъ изображенъ какимъ-то новымъ Мильтономъ «Потерянный рай» саратовскаго земства; въ поэмѣ этой изображены даже и названы по именамъ «отпавшіе духи», т. е. отпавшіе отъ саратовскаго земства земскіе духи, которыхъ имена мы не рѣшаемся повторять вслѣдъ за саратовскимъ Мильтономъ, держась глупаго, но доселѣ цитируемаго римскаго каламбура — nomina sunt odiosa; притомъ же, лично мы не вѣримъ всему, что говорится въ «Потерянномъ раѣ» саратовскаго земства. Какъ бы то ни было, но литература и молва разнесли, что одинъ отпавшій духъ, главный саратовскій Асмодей, взялъ до полумилліона рублей за то, чтобы продать постройку саратовской желѣзной дороги щедрымъ строителямъ и выколотить изъ всего саратовскаго края земскую гарантію этой дорогѣ, вслѣдствіе чего въ Россіи составилось убѣжденіе, что саратовская желѣзная дорога проложена «по мужичьимъ спинамъ», а крестьяне, доселѣ платящіе навязанную имъ земскимъ Асмодеемъ гарантію, называютъ ее въ простотѣ своей «желѣзнымъ подушнымъ». Далѣе молва и печать говорятъ, что саратовскій земскій Люциферъ взялъ менѣе полумилліона и тоже сталъ отпавшимъ отъ земства духомъ; третій демонъ—тоже; остальные мелкіе духи взяли сообразно своему удѣльному вѣсу и съ теченіемъ времени всѣ отпали отъ земскаго тѣла, одни—какъ насосавшіяся піявки, другіе—какъ піявки, которымъ къ сосальцу соли подсыпали, т. е. спихнули ихъ на поприща или служенія городу, или служенія Ѳемидѣ, а то и Мамонѣ.

Дѣйствительно, въ фактѣ, который уже сталъ историческимъ, въ фактѣ построенія тамбовско-саратовской желѣзной дороги саратовское земство должно нести справедливый укоръ исторіи, хотя не въ томъ предосудительномъ смыслѣ, какъ гласитъ молва, но въ томъ, что земство, подъ вліяніемъ ли увлеченія желѣзнодорожнымъ дѣломъ, по недостатку ли серьёзнаго критическаго отношенія къ столь важному экономическому вопросу, какъ обезпеченіе чужими, т. е. преимущественно крестьянскими деньгами коммерческаго предпріятія, которое могло оказаться раззорител-

нымъ для обезпечивающихъ его, какъ то и оказалось впослѣдствіи, или, наконецъ, даже подъ давленіемъ своекорыстныхъ наталкиваній нѣсколькихъ коноводовъ этого дѣла, само влѣзло въ петлю, несмотря на неоднократныя напоминанія и разъясненія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, что земству не дано закономъ права ставить на спекулятивную карту игрока имущественное достояніе всей губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ буквально вытаскивалъ нѣсколько разъ изъ этой петли саратовское земство, а между тѣмъ, оно опять въ нее лѣзло и тянуло другихъ «вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ».

Дѣло было такъ. Но прежде мы должны оговориться. Въ столь серьёзномъ и, можно сказать, священномъ актѣ, какъ занесеніе въ исторію тѣхъ или другихъ лицъ и ихъ дѣяній, имѣвшихъ роковыя историческія послѣдствія для края, само собою разумѣется, историкъ долженъ руководствоваться самою строгою и безпристрастною осмотрительностью и критикою въ выборѣ фактовъ, вносимыхъ имъ, съ извѣстною долею оцѣнки, въ свою лѣтопись, и искать эти факты въ документахъ неоспоримыхъ, въ матеріалахъ чисто-исторической важности, а если необходимость подкрѣпить, иллюстровать и окрасить, а иногда и разъяснить или же совсѣмъ опровергнуть эти факты заставитъ обратиться иногда и къ ходячей молвѣ, къ слухамъ, то историкъ не имѣетъ права обходить и ихъ, такъ какъ въ каждую данную эпоху всѣ общественные слухи имѣютъ свою долю историческаго основанія: въ Римѣ, при Цезарѣ, могли ходить только такіе слухи, которые *возможны были въ Римѣ при Цезарѣ* и не возможны въ Римѣ же при Гракхахъ, и Тацитъ, идеалъ историческаго безпристрастія, этотъ ядовитый, честный, хотя уже и отсталой для тогдашняго молодого Рима старикъ, не обходилъ бродячихъ слуховъ, а заносилъ ихъ въ свои анналы, процѣживая ихъ сквозь свое критическое «sine ira et studio». Главный источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ свѣдѣнія о грѣхопаденіи саратовскаго земства въ дѣлѣ построенія земской тамбовско-саратовской желѣзной дороги, заключается въ книжечкѣ, изданной саратовскимъ же земствомъ еще въ 1867 году и носящей заглавіе: «Выписка изъ постановленій саратовскаго губернскаго земскаго собранія о предполагаемой желѣзной дорогѣ между гг. Саратовомъ и Козловомъ».

Мысль о соединеніи Саратова, т. е. «столицы Поволожья», желѣзною дорогою съ столицею царей московскихъ возникла еще въ сороковыхъ годахъ, когда въ Россіи еще почти совсѣмъ не было желѣзныхъ дорогъ и когда николаевская дорога только еще строилась. Мысль эта была любимымъ дѣтищемъ г. Са-

фронова, который былъ тогда саратовскимъ вице-губернаторомъ, но когда г. Сафроновъ изъ Саратова попалъ въ Архангельскъ, то дѣтище его осталось, что называется, на улицѣ. Лѣтъ черезъ десять и болѣе, сиротка была взята съ улицы г. Ганомъ, занимавшимъ въ Саратовѣ видное оффиціальное положеніе, и двумя мечтателями, искавшими осуществленія одной завѣтной мечты своей, почтеннымъ нашимъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ, жившимъ тогда въ Саратовѣ и—пишущимъ сіи строки. Въ то памятное золотое для Россіи время (конца пятидесятыхъ годовъ), когда ожидалось освобожденіе крестьянъ, и когда общественный нервъ былъ сильно и хорошо возбужденъ, когда общественная молодая вѣра въ будущее еще ни разу не попадала между молотомъ и наковальнею, въ то время мечтатели эти были заняты разработкою вопроса объ открытіи въ Саратовѣ «общественнаго» университета на средства мѣстнаго населенія, съ пропорціональной долей участія каждаго сословія въ осуществленіи казавшейся тогда возможною мечты, и уже нашли in spe необходимыя для этого средства, а помѣщеніе—въ богатомъ загородномъ зданіи предположеннаго къ упраздненію монастыря. Къ этой мечтѣ объ «общественномъ» университетѣ привязана была и саратовская желѣзная дорога, какъ живой нервъ, долженствовавшій соединить Поволжье съ нашими интеллигентными центрами. Но шестидесятые годы разбили эту мечту, оставивъ слѣды ея только на нѣсколькихъ листкахъ печатной бумаги, тоже, кажется, уже съѣденныхъ временемъ. Въ 1866 году, когда только открылось саратовское земство, оно натолкнулось на неумирающую мысль мечтателей, прикрѣпленную добрыми типографскими наборщиками къ клочку бумаги, и рѣшилось осуществить ее для блага всего края, въ видѣ только соединенія Саратова рельсовымъ путемъ съ нашими экономическими центрами. Поэтому саратовское губернское земское собраніе, *въ первый свой созывъ*, 31-го мая 1866 года, постановило: поручить губернской управѣ снестись съ земствомъ Пензенской и Тамбовской губерній и съ строителями козловской желѣзной дороги, какъ для узнанія причинъ пріостановки работъ по проектированнымъ линіямъ до Саратова, такъ и о томъ: «не можетъ ли саратовское земство способствовать чѣмъ-либо къ скорѣйшей ея постройкѣ и уничтоженію тѣхъ препятствій, по которымъ она пріостановлена». Затѣмъ управѣ поручалось, собравъ необходимыя данныя, составить къ будущему собранію докладъ по этому предмету. Дѣйствительно, къ первому же очередному губернскому собранію, управа составила требуемый докладъ, и 6-го декабря 1866 года онъ былъ разсмотрѣнъ собраніемъ. Такъ какъ время было го-

рячее, то собраніе, руководимое—какъ и всегда и вездѣ почти это бываетъ—управою, тотчасъ же должно было приступить къ обсужденію вопроса о средствахъ постройки желѣзной дороги, а *раньше этого* рѣшить вопросъ: «будетъ ли саратовское земство участвовать въ гарантіи этой дороги?» Тогда многіе изъ гласныхъ тотчасъ же поняли всю опасность такого рѣшенія: это былъ роковой вопросъ, гамлетовское to be or not to be? Собраніе заволновалось и раздѣлилось на два лагеря, которые, вотъ уже около десяти лѣтъ, не соединяются подобно гвельфамъ и гибелинамъ, потому что гибелины нанесли гвельфамъ глубокую рану, которая прорѣзала и сердце, и карманъ. Гвельфы объявляютъ, что собраніе не имѣетъ права привлекать къ обязательному участію въ гарантіи все земство Саратовской губерніи, все ея населеніе, что это привлеченіе равносильно обязательному для всей губерніи самоповѣшенію. Гласный и уполномоченный отъ удѣла, Н. П. Москвинъ, доказывалъ, что въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ нѣтъ указанія на то, чтобы расходы по подобнаго рода потребностямъ могли быть обязательными для всего земства губерніи, если они разсмотрѣны и утверждены однимъ губернскимъ собраніемъ безъ согласія уѣздныхъ. Г. Москвинъ ссылался на ст. 7 Положенія. Гибелины, напротивъ, утверждали, что построеніе дороги (желѣзной-то и съ гарантіей!) относится къ потребностямъ всего земства по прямому смыслу закона (ст. 66 и п. 7 ст. 68 Полож.), и что по этому предмету земство можетъ издать *обязательное постановленіе* для всей губерніи... Дѣло становится слишкомъ горячимъ, желѣзо накаляется добѣла — тутъ-то и надо его ковать... И вотъ предсѣдатель предлагаетъ вопросъ: «имѣетъ ли губернское земское собраніе право, по вопросу объ участіи въ гарантіи отъ земства на постройку желѣзной дороги, постановить обязательное для всѣхъ уѣздовъ рѣшеніе?» Надъ наковальней поднимается 34 молота—34 гласныхъ, стоящихъ за гарантію; 18 голосовъ силятся отклонить страшный ударъ, но 36 рукъ слабѣе 68, и коллективный молотъ падаетъ на наковальню. Земство приплюснуто. Вопросъ рѣшается утвердительно. Пока приплюснутое къ наковальнѣ желѣзо не остыло, вновь поднимается молотъ и вновь раздается вопросъ предсѣдателя: «всѣ ли мѣстности губерніи должны равномѣрно участвовать въ гарантіи предполагаемой линіи желѣзной дороги, или нѣтъ?» Такъ какъ побѣжденные гвельфы уже бо̀льшею частью молчали, а побѣдители гибелины стали нѣсколько великодушнѣе, то и заявили, что, хотя всѣ мѣстности губерніи должны пропорціонально участвовать въ гарантіи, но что величина гарантіи должна падать сообразно ве-

личинѣ разстоянія каждой мѣстности отъ проектируемой линіи и соотвѣтственно количества выгодъ, которыя могутъ быть имъ доставлены проведеніемъ желѣзной дороги. Въ силу этого заявленія вопросъ рѣшается такъ: «земство Саратовской губерніи должно участвовать въ гарантіи неравномѣрно». За рѣшеніе вопроса стоять 34 гибелина, противъ рѣшенія 17 гвельфовъ (надо полагать, что одинъ изъ 18 гвельфовъ убитъ въ первой схваткѣ на земскихъ баррикадахъ).

Только уже *послѣ* этого земскаго coup d'état собраніе избираетъ изъ себя особую комиссію для разсмотрѣнія вопроса о томъ: «нужна ли со стороны земства гарантія», а равно и всѣхъ вопросовъ по самому сооруженію дороги, по избранію болѣе удобнаго направленія линіи и т. д. Въ эту комиссію вступаютъ по одному гласному отъ всѣхъ уѣздовъ, а именно: Н. С. Байшевъ, Н. Д. Давыдовъ, Н. С. Ермолаевъ, А. Н. Корбутовскій, Д. Ю. Лупандинъ, В. М. Макаровъ, А. А. Пѣвцовъ, Д. П. Свиридовъ, В. А. Сумароковъ и Д. И. Хардинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссіи этой собраніе предоставляетъ право приглашать въ свои засѣданія «постороннихъ лицъ, какъ болѣе знакомыхъ съ дѣломъ, такъ и людей, заинтересованныхъ имъ» (почему «заинтересованныхъ?»). Въ брошюрѣ, изъ которой мы извлекаемъ эти интересныя свѣдѣнія, послѣ вышеупомянутаго постановленія собранія говорится, что комиссіею, для участія въ занятіяхъ ея, были приглашены «съ правомъ голоса»: кн. В. И. Васильчиковъ, В. В. Гудковъ, Т. Е. Жегинъ, И. И. Зейфертъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. И. Недошивинъ, М. Д. Парусиновъ, Д. С. Петрококино и Д. А. Столыпинъ. Въ брошюрѣ вкралась здѣсь маленькая ошибка: г. Мордовцевъ ни разу, ни словесно, ни письменно, никѣмъ въ комиссію приглашаемъ не былъ и въ занятіяхъ ея, продолжавшихся отъ 11-го до 19-го декабря 1866 года, не участвовалъ, и только уже 18-го января 1867 года, когда въ Саратовѣ организованъ былъ новый земскій комитетъ, подъ названіемъ «желѣзнаго», г. Мордовцевъ получилъ отъ этого комитета брошюру, нынѣ нами цитируемую, при слѣдующемъ письмѣ: «М. г. Д. Л.! Саратовское губернское земское собраніе, въ видахъ усиленія въ Саратовской губерніи мѣстной производительности и вообще улучшенія народнаго хозяйства, пришло къ *крайнему* убѣжденію (дѣйствительно, крайнему), что лучшимъ средствомъ къ тому можетъ служить проведеніе линіи желѣзной дороги отъ Козлова до Саратова. Ограничившись постановкою общихъ вопросовъ, содержаніе которыхъ вы, м. г., усмотрите изъ прилагаемой при этомъ письмѣ брошюры, первое очередное саратовское губернское земское собраніе опредѣлило: составить при губерн-

ской управѣ особый комитетъ, предметы дѣйствія котораго должны заключаться въ подробной разработкѣ тѣхъ данныхъ, на которыхъ можетъ осуществиться это предположеніе собранія, и въ принятіи къ тому надлежащихъ мѣръ. Исходя изъ того убѣжденія, что разработка всякаго вопроса, а въ особенности такой важности, какъ настоящій, можетъ достигнуть предполагаемой цѣли только при всесторонней критической оцѣнкѣ всѣхъ данныхъ, входящихъ въ составъ его, комитетъ, обращаясь къ вашему просвѣщенному содѣйствію, совершенно убѣжденъ, что вы не откажетесь разсмотрѣть прилагаемую брошюру и сдѣлать съ своей стороны въ печати тѣ замѣчанія, которыя найдете нужными. Всякое заявленіе вами по этому предмету будетъ принято комитетомъ съ полною признательностію». Подписано: вице-президентъ комитета М. Каракозовъ (нынѣ Михайловъ-Рословлевъ). Намъ положительно извѣстно, что никакихъ заявленій въ печати по этому предмету г. Мордовцевъ не дѣлалъ.

Комиссія, избравъ себѣ предсѣдателемъ г. Лупандина, продолжала свои занятія, какъ мы сейчасъ сказали, отъ 6-го декабря 1866 года, т. е. отъ самаго coup d'état, до 19 декабря, и разработала вопросъ вполнѣ основательно, имѣя, конечно, за спиной уже обязательное рѣшеніе вопроса самимъ собраніемъ, которое согласилось на гарантію. И вотъ, 20 декабря, въ собраніи читается докладъ комиссіи. Снова возникаютъ пренія, но уже преимущественно между Гибелинами, сторонниками гарантіи, такъ какъ Гвельфы, ратовавшіе противъ гарантіи, бо̀льшею частью сошли съ баррикадъ за ранами и увѣчьями, чтобы дома оплакивать свое пораженіе. Послѣ преній, приводить которыя мы считаемъ излишнимъ, предсѣдатель ставитъ два новыхъ роковыхъ вопроса: 1) принимаетъ ли земское собраніе гарантію линіи саратовской желѣзной дороги со стороны земства въ размѣрѣ 1 %? и 2) согласно ли собраніе съ тѣмъ способомъ гарантіи, который предложенъ комиссіею? То-есть: при затратѣ на постройку дороги 30.000.000 руб. строительнаго капитала, принимаетъ ли земство на себя приплату гарантіи на этотъ капиталъ въ размѣрѣ 1 % или 300,000 р. въ годъ, и согласно ли оно, чтобы въ счетъ этой суммы каждая десятина земли, ближайшей къ дорогѣ, платила ежегодно по 8,56 коп., болѣе удаленной — 4,56 коп. и самой отдаленной — 3,06 коп. На первый вопросъ Гибелины отвѣчали—«принимаемъ», на второй—«согласны». Затѣмъ собраніе организуетъ особый «желѣзный комитетъ», предсѣдателемъ котораго назначается губернскій предводитель дворянства Н. Д. Давыдовъ, вице-президентомъ М. М. Каракозовъ (Михайловъ-Рословлевъ), членами—члены губернской управы гг.

Жедринскій, Гусевъ, Минхъ и Гудковъ, а также гласные Лупандинъ, Беклемишевъ и Инглези. Комитетъ имѣетъ испросить концессію и войти въ соглашеніе съ капиталистами. Для этого командируются въ Петербургъ гг. Лупандинъ, Давыдовъ и Михайловъ-Рословлевъ. Концессія получается. Капиталы и строители отыскиваются. Дорога строится и... построилась.

Вотъ, такъ сказать, сухой остовъ исторіи построенія тамбовско-саратовской желѣзной дороги и глубокаго паденія въ общественномъ мнѣніи нѣкоторыхъ представителей саратовскаго земства. Но гдѣ данныя для того, чтобы эти люди, на память которыхъ легло пятно общественнаго подозрѣнія, съ этимъ несмываемымъ пятномъ сошли въ могилу и съ этимъ же пятномъ перешли на страницы исторіи, какъ люди, сдѣлавшіе зло своему народу, и безъ того многострадальному? Этихъ данныхъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, мы ихъ не знаемъ.

Если въ чемъ виноваты эти люди передъ своимъ народомъ, такъ развѣ въ ошибкахъ, въ увлеченіи. А кто не ошибается? Если они виноваты, то виноваты въ томъ, что, въ порывѣ увлеченія, взяли на свою отвѣтственность вопросъ о гарантіи. Ихъ даже едва ли можно винить въ слишкомъ высокой оцѣнкѣ самаго построенія дороги и въ недостаткахъ этого построенія. Разъ допустивъ увлеченіе, они неизбѣжно должны были покориться условіямъ, предложеннымъ имъ строителями, особенно когда дорога дѣйствительно могла сулить ихъ краю обогащеніе, что̀ и будетъ впослѣдствіи. Они виноваты тѣмъ, что, опять-таки въ порывѣ ослѣпленія, привлекли къ гарантіи тѣ уѣзды, которые упорно сопротивлялись. Эти бѣдные Гвельфы, камышинцы и даже саратовцы, дѣйствительно поплатились и платятся своими доходами за чужое увлеченіе. Они виноваты тѣмъ, что отнимаютъ до сихъ поръ на гарантію у бѣднаго народа гроши, которые могли бы идти на школы или просто даже на лучшіе лапти. Они виноваты въ томъ, что саратовскому краю многаго недостаетъ, а взяться нечѣмъ, потому что гарантія прибавляетъ новую гирьку на чашку налоговъ, и безъ того тягостныхъ. Они виноваты, наконецъ, въ томъ, что въ Саратовѣ, въ этомъ богатѣйшемъ въ Россіи городѣ, тоже привлеченномъ ими къ гарантіи, жить нельзя—воды нѣтъ, хоть теперь она и проводится, освѣщенія нѣтъ, мостовыхъ нѣтъ, отсутствіе которыхъ превратило благословенный саратовскій край въ чахоточный, гдѣ люди задыхаются отъ пыли мостовыхъ, немощеныхъ и никогда не поливаемыхъ, и гдѣ, благодаря лишь классическому упрямству кн. В. А. Щербатова и копотливости старика Франца Ивановича Штейна, задыхающееся населеніе богатаго Саратова получа-

ешь въ свои легкія хоть скрупулезную долю кислорода отъ насаженныхъ ими по многимъ улицамъ города деревьевъ. Вѣдь эта гарантія съѣла уже не одинъ милліонъ, а эти милліоны могли бы принести много добра двухмилліонному населенію губерніи, и даже въ какой-нибудь деревнѣ Разбойщинѣ, саратовскаго уѣзда, жилось бы легче, чѣмъ живется, не говоря уже о Саратовѣ.

Не будь этого несчастнаго увлеченья вопросомъ о гарантіи, не было бы и другого, весьма вреднаго для земскаго дѣла общественнаго явленія—раздѣленія земства на Гвельфовъ и Гибелиновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не было бы и тѣхъ прискорбныхъ столкновеній между враждующими сторонами, которыя тормозятъ дружное земское дѣло. Напримѣръ, въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи возникаютъ пренія по поводу одного вопроса и продолжаются нѣсколько дней. Гласнаго г. Федоровскаго, какъ Гибелина, Гвельфы обвиняютъ въ томъ, что онъ, будто бы, своими рѣчами возбуждаетъ одно сословіе противъ другого. Г. Федоровскій въ свое оправданіе подаетъ предсѣдателю собранія, г. Шомпулеву, самому ярому Гвельфу, обширную записку, которую предварительно прочитываетъ собранію. На другой день, г. Шомпулевъ заявляетъ собранію, что въ прочитанной наканунѣ г. Федоровскимъ запискѣ допущены выраженія, оскорбительныя для чести всего русскаго народа, что, оправдывая себя отъ обвиненія въ томъ, будто онъ, г. Федоровскій, своими рѣчами возбуждаетъ одно сословіе противъ другого, онъ, г. Федоровскій, выразился будто бы, что такъ могутъ объ немъ думать только «*русскіе тупые умы*». Г. Федоровскій возражаетъ, что въ его запискѣ такого выраженія нѣтъ и такого выраженія онъ вчера не читалъ. Г. Шомпулевъ, напротивъ, утверждаетъ, что такое именно выраженіе есть въ запискѣ и г. Федоровскій его читалъ. Нѣкоторые изъ Гвельфовъ, поддерживая своего полководца, подтверждаютъ слова г. Шомпулева и говорятъ, что они вчера собственными ушами слышали, какъ г. Федоровскій прочелъ «*русскіе тупые умы*». Г. Федоровскій возражаетъ на это Гвельфамъ, что, если они вчера слышали отъ него такое выраженіе, оскорбительное для русскаго чувства, то почему же тотчасъ не остановили его? На это Гвельфы, народъ вообще не краснорѣчивый, не нашлись что отвѣчать. Тогда г. Федоровскій требуетъ отъ г. Шомпулева свою записку, чтобы доказать, что въ запискѣ нѣтъ этого несчастнаго выраженія. Г. Шомпулевъ, возвращая ему записку, заявляетъ, что теперь въ ней такого выраженія нѣтъ, но что оно было, а потомъ подчищено; что, вмѣсто *русскіе*, по подчищенному написано «*узкіе тупые умы*», но что при чтеніи ясно было произнесено «*русскіе тупые умы*». Г. Федоровскій, получивъ обратно

записку, громко протестуетъ, что въ его запискѣ, которую онъ вчера подалъ г. Шомпулеву, учиненъ подлогъ, что въ ней слово *узкіе* было написано не по подчищенному, а что теперь оно подчищено и подчищено съ сугубо злою мыслію — показать, что г. Федоровскій сначала въ своей запискѣ написалъ «*русскіе тупые умы*», но потомъ, боясь отвѣтственности, когда записка его попадетъ въ руки предсѣдателю собранія, самъ переправилъ *русскіе* на *узкіе*, а въ чтеніи все-таки употребилъ оскорбительное для всѣхъ выраженіе, зная, что, если его и поймаютъ на немъ, то онъ всегда оправдается тѣмъ, будто собраніе «ослышалось», приняло слово «узкіе» за «русскіе», да и записка будетъ служить для него оправдательнымъ документомъ. Г. Федоровскій требуетъ отъ г. Шомпулева указанія, кто сдѣлалъ подлогъ, такъ какъ записка со вчерашняго дня хранилась у него. Г. Шомпулевъ отвѣчаетъ, что подлога никто не дѣлалъ, ни самъ онъ, ни его подчиненные, а что самъ г. Федоровскій сдѣлалъ подчистку. Послѣдній снова доказываетъ, что ему не для чего было дѣлать въ своей собственной запискѣ подчистокъ, что онъ слишкомъ хорошо помнитъ, что и писалъ и читалъ — «*узкіе тупые умы*». Тогда нѣкоторые Гвельфы, слабые въ русской грамматикѣ, заявляютъ, что такого выраженія въ русской рѣчи, какъ «*узкіе тупые умы*» употребить нельзя, что «*узкіе*» и «*тупые умы*»—два качества, которыя рядомъ стоять не могутъ, что, если сказано «узкіе умы», то нельзя тутъ же сказать и «тупые умы», а что «*русскіе тупые умы*» не противно законамъ русскаго языка, и Федоровскій употребилъ именно эту фразу, а не «*узкіе тупые*». Г. Федоровскій доказываетъ, что послѣднее выраженіе—общеупотребительно и въ разговорномъ, и въ литературномъ языкѣ. Гвельфы стоятъ на своемъ — требуютъ суда надъ дѣйствіями г. Федоровскаго. Тогда послѣдній рѣшается на послѣднее средство. Онъ заявляетъ собранію, что, такъ какъ уже давно слышитъ въ этомъ самомъ собраніи обвиненія его въ неблагонамѣренности, то, составляя послѣднюю записку, въ которой г. Шомполеву угодно было найти выраженіе «*русскіе тупые умы*» въ неизвѣстно кѣмъ подчищенномъ словѣ, онъ, Федоровскій, въ огражденіе своей личной безопасности, счелъ необходимымъ заблаговременно заявить объ этомъ г. шефу жандармовъ особымъ письмомъ, что въ этомъ самомъ письмѣ, которое уже, конечно, находится въ рукахъ г. шефа и не могло быть никѣмъ подчищено, онъ, Федоровскій, употребилъ то же злополучное выраженіе «*узкіе тупые умы*», а не «*русскіе*», и что собраніе можетъ убѣдиться въ этомъ, снесясь съ г. шефомъ.

Пишущій это видѣлъ достопамятную для саратовскаго земства

записку г. Федоровскаго. Дѣйствительно, въ выраженіи — «узкіе тупые умы» слово «узкіе» написано по подчищенному. «Но кто могъ подчистить? спрашивали мы г. Федоровскаго:—и съ какою цѣлью?» Федоровскій же отвѣта не даде. Спрашивали мы потомъ и г. Шомпулева — и Шомпулевъ отвѣта не даде. Нельзя же предполагать, чтобы въ канцеляріи предводителя нашелся какой-нибудь писарёкъ-патріотъ изъ Гвельфовъ, который, подобно поэтическому Вайделотѣ, изъ патріотизма заразившему собою непріятельское войско посредствомъ лобзанія съ воинами, подчистилъ бы бумагу Гибелина за то, что тотъ подалъ голосъ въ пользу земской гарантіи.

Вотъ гдѣ та безотрадная черта въ дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ, о которой мы упомянули выше—это страсть къ земской спекуляціи, страсть къ наживѣ, замѣчаемая въ наиболѣе богатыхъ и интеллигентныхъ центрахъ русской земли. Въ этихъ центрахъ акціи, облигаціи, чеки, закладные листы, полисы и варранты закрываютъ собою скромный лапоть и сѣрый зипунъ, какъ заслонены они въ Петербургѣ, Саратовѣ и Одессѣ.

Живымъ укоромъ для Одессы является меньшой братъ этого города — Херсонъ. Въ сравненіи съ своимъ разжившимся братомъ-негоціантомъ, который потерялъ уже всякія человѣческія чувства, симпатіи и страсти и одержимъ лишь меркантильнымъ духомъ, Херсонъ, по наружности, представляется какимъ-то жалкимъ мѣщанинишкой; но въ этомъ мѣщанинишкѣ есть то, чего нѣтъ въ его разжившемся братѣ, то, безъ чего существованіе человѣческихъ обществъ немыслимо; въ немъ мы замѣчаемъ присутствіе силы творческой, тогда какъ въ его братѣ-негоціантѣ творческая сила вытѣснена окончательно инстинктомъ хищничества, слѣдовательно, разрушенія. Въ херсонскомъ земствѣ есть замѣтные дѣятели, тѣ именно выдающіяся личности, которыя всегда и вездѣ даютъ толчокъ и движеніе массѣ, которыхъ энергическій голосъ будитъ другихъ къ дѣятельности или, наконецъ, просто даже къ борьбѣ съ ними, но которыя этимъ самымъ, всетаки, «возмущаютъ воду» въ земской «овчей купели». Литература херсонскаго земства — едва ли не самая богатая во всей разнородной, цѣнной и иногда ничего не стоющей массѣ земской печати. Херсонское земство, съ самаго начала своего существованія, вотъ уже восьмой годъ, издаетъ свой собственный земскій журналъ, подъ названіемъ «Сборникъ херсонскаго земства», выходящій ежемѣсячно. Херсонское земство первое въ Россіи создало тотъ именно самостоятельный земскій органъ, недостатокъ въ которомъ давно чувствовала Россія, не знавшая самое себя, ни своего богатства, ни своей бѣдности;

оно создало земское «статистическое бюро», цѣль котораго — дать Россіи живую, органическую, а не окаменѣлую статистику, какая была до настоящаго времени. Если другія земства послѣдуютъ этой смѣлой мысли и если эта мысль будетъ умѣло выполнена, то мы будемъ видѣть Россію не «въ зерцалѣ гаданія», а лицомъ къ лицу, будемъ знать всякій ея здоровый и больной нервъ, здоровыя и больныя части, ея относительное полнокровіе и анемію.

Дать полную картину всего, что̀ было задумано и исполнено херсонскимъ земствомъ втеченіе почти десятилѣтняго существованія, какъ̀ отъ одной фазы къ другой совершалось поступательное развитіе и окрѣпленіе дѣятельности этого земства, гнилыя подпорки и надолбы замѣнялись новыми, и какъ̀, годъ отъ году, воспитывалось въ живой работѣ и борьбѣ молодое поколѣніе земскихъ дѣятелей—все это должно бы быть нашею непремѣнною задачею и базисомъ для будущаго зданія русской земской исторіи; но работа наша, по необходимости, должна быть ограничена извѣстными рамками, болѣе узкими, чѣмъ того требовала бы первая попытка начертить не сухой остовъ будущей земской исторіи, а нѣчто живое, тѣмъ болѣе, что намъ придется еще постучаться во многіе земскіе дворы, искрестить еще нѣсколько разъ всю Россію и вдоль, и поперекъ, чтобы и мертвыя земскія тѣла подобрать и снести на историческое кладбище, и на живыхъ земскихъ людей посмотрѣть. Вѣдь впереди еще стоитъ многое, что̀ нами не видано—много мертвечины по земскому полю разбросано, много пней гніющихъ стоятъ въ ожиданіи земскаго корчеванья, много и свѣжихъ порослей въ земскомъ полѣ, которымъ воли и силы не хватаетъ: на все это мы должны взглянуть хоть съ высоты птичьяго полета и остановиться лишь на исключительно выдающихся или своимъ свѣтомъ, или своею тьмою точкахъ русской земли.

Одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, который въ послѣднее время особенно занималъ и волновалъ херсонское земство—это вопросъ о предполагаемомъ отдѣленіи отъ Херсонской губерніи Одессы въ особый губернскій городъ, съ присоединеніемъ къ нему уѣздовъ одесскаго, тираспольскаго и ананьевскаго. Замѣчательно, что и въ этомъ важномъ вопросѣ пришлось думать и болѣть земскою душою за все населеніе херсонскаго края не старшему брату-богачу, не ожирѣвшей Одессѣ, а младшему брату (младшему не по возрасту, а по экономическому положенію), брату-бѣдняку, мѣщанинишкѣ; херсонское, а не одесское земство возвысило голосъ и за Херсонъ и за Одессу, когда зашла рѣчь о томъ, чтобы херсонскій край и до извѣстной сте-

пени сложившіеся уже въ живой организмъ земскіе интересы его распилить надвое. Одесскіе гласные, повидимому, и не старались изучить этотъ вопросъ, такъ какъ ихъ мысль не срослась органически съ положеніемъ внѣ одесскаго населенія и сердце ихъ лежитъ больше къ морю, а не къ землѣ, безъ которой и море ихъ не обогащало бы. Напротивъ, херсонскіе гласные, какъ кажется, добросовѣстно штудировали вопросъ о сепаратизмѣ Одессы и поставили его на очередь въ октябрьскую сессію 1874 года. Одинъ изъ гласныхъ, г. Зеленый, сдѣлалъ особое по этому вопросу заявленіе, во многихъ отношеніяхъ замѣчательное. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что вопросъ объ одесскомъ сепаратизмѣ—«это вопросъ не только о положеніи преграды для дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія земскаго дѣла въ Херсонской губерніи, но вопросъ о поддержаніи и даже существованіи всего того, что̀ сдѣлано до настоящей минуты херсонскимъ губернскимъ земствомъ необходимаго и полезнаго для мѣстнаго населенія»; что, вслѣдствіе этого, херсонское земство «обязано передъ лицомъ населенія губерніи, несущаго тягость налоговъ, не проходить этого вопроса молчаніемъ». Дѣло касается, слѣдовательно, не главенства, не роли игемона, которую Херсону не хотѣлось бы уступать Одессѣ, а того, ка̀къ почувствуетъ и вынесетъ населеніе тягость жезла игемонскаго, особенно когда одинъ херсонскій жезлъ выростаетъ въ два жезла, и оба они, какъ жезлъ Моисея, могутъ превратиться въ два змія для населенія, изъ коихъ одинъ пожретъ другого, какъ значится въ Библіи. Г. Зеленый воюетъ съ грядущимъ призракомъ отягощенія населенія современнымъ оружіемъ, меткимъ, удобопереносимымъ, не ржавѣющимъ, острымъ, но за то и обоюдуострымъ—цифрами. Онъ говоритъ, что въ херсонскомъ краѣ, въ теперешнихъ его предѣлахъ, тягость одного жезла игемона несутъ болѣе 8 милліоновъ десятинъ, обложенныхъ налогомъ. Когда будетъ два жезла—одинъ въ Херсонѣ, другой въ Одессѣ—то каждая половина изъ обложенной налогомъ земли будетъ чувствовать тягость своего жезла, и эта тягость будетъ едва ли не двойная. Мало того, всѣ недвижимыя имущества городовъ Херсонской губерніи въ настоящее время составляютъ цѣнность 52 милліоновъ рублей. Когда губернія распилится надвое, то Одесса, съ ея домами-дворцами и другими зданіями, отложитъ отъ 52 милліоновъ 45 милліоновъ—это стоимость палатъ брата-богача; а брату-бѣдняку останется только 7 милліоновъ—это стоимость скромныхъ хатокъ бѣднаго брата, разсѣянныхъ по всѣмъ городамъ губерніи. Поэтому, когда отъ Херсонской губерніи будетъ отрѣзана Одесса съ ея богатствами и населеніемъ трехъ

уѣздовъ, то на Херсонъ и на три оставляемые ему уѣзды налоги упадутъ въ такомъ размѣрѣ: на херсонскій уѣздъ до 8%, на александрійскій болѣе 8%, на елисаветградскій болѣе 9% съ доходнаго рубля. «Налогъ этотъ слишкомъ значителенъ, слишкомъ тяжелъ для землевладѣнія, чтобы не заявить объ этомъ правительству!» восклицаетъ г. Зеленый. При этомъ ораторъ приводитъ для доказательства того, что онъ имѣлъ право такъ воскликнуть, слова изъ доклада херсонской комиссіи, разсматривавшей правительственный проектъ о замѣнѣ подушной подати подворнымъ налогомъ и поземельною податью: «по глубокому убѣжденію комиссіи (сказано въ докладѣ), норма налога съ десятины земли для *всѣхъ* налоговъ, вмѣстѣ взятыхъ, не можетъ быть выше 6% съ доходнаго рубля—*иначе земля не вынесетъ обложенія*». Ясно, что населеніе не вынесетъ двухъ жезловъ, и оба они пожрутъ другъ друга. Далѣе г. Зеленый высказываетъ сомнѣніе и въ административной пользѣ раздѣленія Херсонской губерніи на двѣ. Теперь порядки не тѣ, что̀ были прежде. Прежде и земское дѣло, и судебный мировой институтъ—все сосредоточивалось въ административномъ центрѣ, и имѣть большія губерніи было невыгодно. Теперь не то: земское и городское самоуправленіе, мировой судъ, желѣзныя дороги и телеграфы, уничтожающіе и пространство, и время для администраціи—изъ всего этого вышло то, что губернаторамъ теперь, въ сущности, дѣлать нѣчего помимо простаго полицейскаго, караульнаго надзора за порядкомъ, и вся ихъ дѣятельность съузилась и свелась на дѣятельность того будочника, котораго все міровоззрѣніе ограничивалось двумя простыми понятіями, а весь словарь состоялъ изъ двухъ словъ: «доржи» и «не пушшай». А между тѣмъ, поясняетъ г. Зеленый, учрежденіе новой губерніи «увеличитъ крупной суммой государственный бюджетъ, увеличивъ и размѣръ налоговъ». Объ этомъ одесскіе гласные, повидимому, не подумали, и опять пришлось думать за нихъ херсонскимъ. «Что̀ касается собственно до Одессы (говоритъ далѣе г. Зеленый), то учрежденіе новой губерніи и наименованіе ея одесской, по моему мнѣнію, для города не принесетъ ровно ничего. Нельзя забывать того, что Одесса, въ настоящее время, составляетъ центръ многихъ округовъ и управленій: округа военнаго, инженернаго, артиллерійскаго, учебнаго, судебнаго, питейно-акцизнаго, епархіальнаго, таможеннаго, контрольнаго и друг. Неужели, послѣ всего этого, получитъ какое-либо значеніе фактъ пребыванія въ Одессѣ губернатора (теперь тамъ градоначальникъ со многими правами губернатора) и губернскаго правленія? Конечно, ровно никакого!...» (знакъ удивленія и многоточіе въ подлинникѣ).

Такимъ образомъ, Одесса, не выигрывая ровно ничего изъ того, что въ ней квартиру градоначальника займетъ новый постоялецъ, губернаторъ, проиграетъ, напротивъ, очень много: и теперь она несетъ 1/9 или 1/10 долю всѣхъ губернскихъ налоговъ, а когда пріобрѣтетъ жезлъ игемона, то будетъ платить *въ пять разъ болѣе*». «Думаю, что этотъ неопровержимый фактъ въ состояніи заставить призадуматься одесскихъ жителей надъ желаніемъ видѣть Одессу городомъ губернскимъ!» вновь восклицаетъ земскій ораторъ. Въ заключеніе же своего интереснаго заявленія, г. Зеленый говоритъ: «послѣ сказаннаго, я считаю уже излишнимъ распространяться о томъ, что до чрезвычайности трудно, если совсѣмъ не невозможно, произвесть такъ-сказать дѣлежъ всего земскаго достоянія между предполагаемыми новыми губерніями. Это—съ фактической его стороны. Что же касается до стороны, такъ-сказать, нравственной, т. е. до *справедливаго* дѣлежа, то онъ, по моему глубокому убѣжденію, положительно невозможенъ. Кто-нибудь здѣсь окажется непремѣнно обиженнымъ». Затѣмъ: «вслѣдствіе всѣхъ приведенныхъ мною соображеній и доводовъ—такъ заканчиваетъ ораторъ свою рѣчь—во имя «пользы и нуждъ» того населенія, котораго мы, гласные, являемся представителями,—я предлагаю губернскому земскому собранію ходатайствовать о томъ, *чтобы наша Херсонская губернія раздѣляема не была*».

Въ собраніи противъ этого заявленія возвысился только одинъ голосъ—гласнаго отъ Одессы, г. Соловейчика; но г. Соловейчикъ говорилъ слишкомъ слабо и положительно бездоказательно; это былъ не свистъ богатыря Соловья - разбойника, а слабый писк малиновки.

— «Честь для Одессы сдѣлаться губернскимъ городомъ не очень важна (говоритъ г. Соловейчикъ); за нее приплачивать не слѣдовало бы; съ другой стороны, и выгода прямая отъ того, что въ городѣ будетъ жить губернаторъ и будетъ находиться губернское управленіе, также не очень велика. Одесса заинтересована въ томъ, чтобы вся губернія, весь край болѣе благоденствовалъ, такъ-какъ тогда и она будетъ также болѣе благоденствовать (это похоже на рѣчь того оратора, который говорилъ на желѣзнодорожномъ съѣздѣ: «если насъ Миколай Иванычъ превзойдетъ, то и мы съ нимъ всю Расею превзойдемъ»). Но все-таки, когда рѣчь идетъ о такой мѣрѣ, которая признана правительствомъ цѣлесообразною, то нельзя не принять во вниманіе того, что, если признавать неудобнымъ, что губернскія учрежденія существуютъ не въ главномъ городѣ губерніи по населенію, а въ городѣ второстепенномъ, то для главнаго города

это неудобство должно оказаться болѣе важнымъ. Въ виду этого, я никакъ не могу согласиться, чтобы раздѣленіе губерніи отозвалось невыгодно на Одессѣ. Такъ-какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы каждая уѣздная единица высказала свое мнѣніе относительно того, что̀ для нея болѣе выгодно, то одесскимъ гласнымъ никакъ нельзя говорить въ пользу того, чтобы Одесса оставалась при настоящемъ состояніи».

Какъ бы то ни было, собраніе было слишкомъ поражено цифрами и доводами г. Зеленаго, и постановило ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о нераздѣленіи Херсонской губерніи (Сбор. хер. земства. № 1. январь. 1875, стр. 56 — 64, 157, 162).

XIV.

Въ жизни земствъ, только что еще, можно сказать, пробующихъ ходить на собственныхъ ногахъ, въ пріемахъ этого пробованья нельзя не видѣть иногда признаковъ даровитости одного земства и бездарности другого. Причины этого, конечно, лежатъ въ болѣе или менѣе удачномъ подборѣ дѣятелей, въ созданіи себѣ тѣхъ или другихъ общественныхъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ стремится то или другое земство, и, наконецъ, въ относительномъ, такъ-сказать, уровнѣ земской чести. Иныя земства стараются высоко и незапятнанно держать знамя земской чести; другія относятся къ ней безразлично, какъ-будто къ чему-то имъ чуждому, и не огорчаются, ка̀къ бы ни трепали ихъ знамя тѣ или другія личныя поползновенія. Мы бы были несправедливы, если бы сказали, что печать даровитости и творчества лежитъ на одесскомъ земствѣ; съ бездарностью граничили до сихъ поръ и симптомы дѣятельности саратовскаго замства, хотя, безспорно, даровитость нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣятелей этого послѣдняго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отрицаема. Саратовскіе и вольскіе замаскированные раскольники-капиталисты, желая подслужиться лицу, въ свою очередь тоже подслуживающемуся, жертвуютъ, напримѣръ, довольно значительныя суммы на борьбу съ католицизмомъ въ Холмскомъ краѣ и на борьбу съ германизмомъ въ Остзейскомъ и положительно не могутъ въ толкъ взять, что, если тамъ русскій элементъ требуетъ поддержки, то онъ требуетъ этого и въ Поволжьѣ, въ Саратовѣ, въ Вольскѣ, потому что въ первомъ городѣ подкрѣпленіемъ русскаго элемента озабочены—кто-бы, можно было подумать?—нѣмцы! Они на свои собственныя средства заводятъ въ Саратовѣ реальную гимназію не только для своихъ дѣтей, но и для русскихъ — и

спасаютъ русскихъ отъ глубокаго невѣжества. Одесса покупаетъ однихъ игральныхъ картъ на 30,000 рублей, а на свои народныя школы даетъ только 3,000, и положительно тоже въ толкъ не можетъ взять, почему въ ней экономически и интеллигентно все болѣе и болѣе падаетъ русскій элементъ, а крѣпнетъ и преобладаетъ элементъ еврейскій, греческій и римскій (итальянскій), почему евреи все забираютъ въ свои руки, а русскіе только плачутся на нихъ, тогда какъ тутъ плакаться надо на самихъ себя, по малороссійской пословицѣ: «плачте бісови очі, бачили бо, що куповали». На евреевъ плакаться нечего: это — будители наши отъ мертваго сна, учители нашего самосознанія, еврей въ русскомъ городѣ, это — каркающій воронъ, по русскому повѣрью, умѣющій доставать и мертвую, и живую воду. Неудивительно, послѣ этого, что когда Одесса недостаточно думаетъ о развитіи своего населенія, за нее думаетъ ея бѣдный братъ—Херсонъ. Въ числѣ стремленій, которыми заявляютъ себя наиболѣе даровитыя земства, можно указать и на стремленія къ распространенію въ населеніи реальныхъ прикладныхъ знаній, недостатокъ которыхъ такъ глубоко и пагубно отражается на всемъ строѣ нашей жизни, такъ громко заявляетъ о себѣ—нашимъ экономическимъ и техническимъ, такъ сказать, рабствомъ передъ болѣе развитыми народами. Это стремленіе мы видимъ и въ херсонскомъ земствѣ, которое, при повсемѣстномъ преобладаніи классицизма, дѣлаетъ энергическія попытки влить въ массу населенія хотя малую дозу прикладныхъ знаній. Уже въ 1872 году, херсонское уѣздное земство, совмѣстно съ тамошнимъ городскимъ населеніемъ, ходатайствовало объ открытіи въ Херсонѣ шести-класснаго реальнаго училища съ дополнительнымъ механико-техничнскимъ отдѣленіемъ, ассигновавъ въ пособіе этому училищу по 6,000 р. въ годъ и мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что «существующія въ Херсонѣ учебныя заведенія (классическія), всегда переполненныя учащимися, не удовлетворяютъ нуждамъ населенія, заявляющаго стремленіе къ образованію». Но г. министръ народнаго просвѣщенія, отклоняя это ходатайство, отозвался, что онъ не признаетъ возможнымъ удовлетворить его, главнымъ образомъ потому, что на содержаніе реальнаго училища, если даже открыть его не въ шестиклассномъ отдѣлѣ, а въ четырехклассномъ, потребуется въ годъ болѣе 9 тысячъ рублей сверхъ ассигнованныхъ земствомъ и городомъ 6 тысячъ. Но херсонское земство на этомъ отказѣ не хочетъ помириться. Въ помощь къ уѣздному земству приходитъ губернское и поручаетъ своей управѣ—къ ходатайству о реальномъ училищѣ уѣзднаго земства присоединить также ходатайство и губернскаго собранія о томъ же.

И вотъ, въ 1874 году, уѣздное земство вновь поднимаетъ старый вопросъ. Оно громко заявляетъ, о появляющемся въ массѣ сельскаго населенія стремленіи къ образованію, энергически указываетъ «на тотъ прискорбный фактъ, что, по малому числу заведеній сравнительно съ населеніемъ уѣзда, значительная часть желающихъ учиться остаются безъ образованія», далѣе заявляетъ, что на однѣ народныя школы оно затрачиваетъ почти 12% всего своего годоваго земскаго бюджета—затрата дѣйствительно тяжелая для населенія, у котораго и другихъ нуждъ, что называется, лопатами не прогребешь; что оно не въ силахъ нести больше расходовъ на расширеніе сельскихъ школъ, а тѣмъ болѣе устраивать на свой счетъ заведенія средняго и спеціальнаго образованія и конкурировать съ правительственными школами»; а потому оно, наконецъ, прямо ходатайствуетъ передъ правительствомъ, чтобы и оно, въ виду слишкомъ обременительныхъ земскихъ налоговъ, жертвовало на народное образованіе «по крайней мѣрѣ, столько же, сколько затрачиваетъ земство, такъ-какъ народное образованіе, на которомъ зиждется благосостояніе страны, есть потребность, имѣющая общегосударственное значеніе».

Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что херсонское земство очень близко, можно сказать, къ своему сердцу положило заботу о народномъ образованіи, едва ли не ближе всѣхъ другихъ заботъ. Вопросу объ учительскомъ съѣздѣ оно дало очень широкое примѣненіе: это былъ какой-то конгрессъ народныхъ учителей, которыхъ на съѣздъ 1874 года собралось болѣе ста человѣкъ, и въ то же время это былъ и общественный экзаменъ самихъ дѣятелей, и общественный праздникъ, нѣчто вродѣ олимпійскихъ игръ, гдѣ всякая даровитость могла быть замѣчена и оцѣнена, а равно не могла остаться въ тѣни и бездарность. Съѣздомъ руководилъ г. Бунаковъ. Самыя собранія учителей и учительницъ (этихъ послѣднихъ было двадцать), привлекавшія не мало посѣтителей, оживляли въ такой мѣрѣ херсонское общество, въ какой Одесса оживляется только на биржѣ и въ театрѣ. Собранія посѣщались предсѣдателемъ губернской управы, г. Фатуровскимъ, херсонскимъ губернаторомъ, г. Эрдели, преосвященнымъ Наѳанаиломъ, предводителемъ дворянства, членами управъ и, наконецъ, публикою, которая пускалась въ залъ собранія по билетамъ. Собранія представляли особенный интересъ еще и тѣмъ, что на нихъ присутствовали дѣти, ученики народныхъ школъ, съ которыми учителя и учительницы, передъ лицомъ публики, давали испытательные педагогическіе уроки: это — въ высшей степени возбудительный, такъ сказать, педагогическій пріемъ

для тружениковъ и труженицъ въ дѣлѣ народнаго развитія. Напечатанные херсонскимъ земствомъ протоколы собраній съѣзда живо рисуютъ намъ картину этого хорошаго дѣла. Тутъ же, передъ сотнями постороннихъ глазъ, и женщина публично выступаетъ, какъ общественная дѣятельница, какъ педагогъ: это—тѣ даровитыя женскія личности, которыя шли на свое дѣло, какъ на обязательное для нихъ служеніе добру и человѣческому счастью; для этого дѣла многія изъ нихъ «оставляли отца своего и матерь свою», а ихъ, какъ и *тѣхъ*, «первыхъ народныхъ учителей», «слѣпые вожди слѣпыхъ каменіемъ хотѣли побивать...» Въ числѣ замѣтныхъ дѣятельницъ послѣдняго херсонскаго съѣзда нельзя не указать на двухъ Крыжановскихъ, а также на г-жъ Лалевичъ, Тулубъ, Петрушевскую, Савичъ, Коломейцеву и Буримовичъ (Сборн. херсон. зем. 1875 г. № 1, ст. 76—79, отд. III, стр. 1—35).

Мы уже не разъ говорили, что русскому земству, которому исторія передала на руки русскую землю, во многихъ отношеніяхъ дѣвственною, приходится вести борьбу не только съ экономическою нуждою страны, съ глубокимъ невѣжествомъ населенія и съ историческою его деморализаціею, но и съ самою природою, съ дикими животными и неизслѣдованными еще наукою насѣкомыми, которыя, не хуже экономическихъ хищниковъ, безжалостно обираютъ народъ, поѣдаютъ его скудные запасы и даже на каждую его заработную копейку налагаютъ косвенные, обременительные налоги, чего давно уже не знаетъ Европа. Мы видѣли, какъ одесское земство и одесскій ученый ареопагъ были обмануты однимъ такимъ экономическимъ врагомъ крестьянина и его благосостоянія—какимъ-то «кузькою» или «кускою», просто презрѣннымъ жукомъ, и какимъ-то невѣдомымъ «адонисомъ»—тоже ничтожнымъ червякомъ. Херсонское земство видимо боится такого обмана. Да и нельзя не бояться. Какой-нибудь жалкій жукъ или червякъ разворяетъ страну не хуже того, какъ недавно разворяли Францію пруссаки. Земли южной Россіи тоже разворяютъ полчища какихъ-то враговъ, которые тамъ называются — одни «пруссами», другіе — «австріяками» (anisoplia austriaca), но только эти «пруссы» (библейскіе «прузи», вѣроятно) ходятъ не въ прусскихъ каскахъ, а въ своихъ природныхъ шишакахъ, защищающихъ ихъ отъ дождя, а «австріяки» или «кузьки», а помалороссійски «гробаки» или «гробачи» (личинки «австріяка»)—такъ тѣ ходятъ въ такомъ же бѣломъ мундирѣ, какъ и австрійскіе воины. Эти вѣчные враги крестьянина буквально заполонили его, такъ что многіе изъ мужиковъ бросаютъ свои поля, какъ во время набѣга татаръ, и прекра-

щаютъ посѣвы. А кому было прежде спасать мужика отъ этихъ его историческихъ враговъ? Подобно тому, какъ во время нашествія непріятеля, во время моровыхъ повѣтрій, пожаровъ и засухъ онъ обращался къ церкви, къ Богу, прося избавленія отъ «нашествія иноплеменниковъ, труса, огня и меча», такъ къ Богу обращается онъ за спасеніемъ отъ нашествія «прузей и гусеницъ». А «прузи и гусеницы» все приходили, все налагали непосильные сборы на беззащитную землю. И вотъ, только земства начинаютъ думать о правильной войнѣ съ этими хищниками, о войнѣ съ ними при помощи науки и усовершенствованныхъ техническихъ пріемовъ. Особенной энергіей въ этомъ отношеніи отличается херсонское земство, которое посвятило дѣлу защиты населенія отъ стихійныхъ хищниковъ столько серьёзнаго вниманія, сколько оно, по справедливости, заслуживаетъ. Въ послѣднемъ своемъ отчетѣ оно въ хронологической послѣдовательности изложило весь девятилѣтній процессъ своей дѣятельности по отношенію къ борьбѣ съ этими хищниками. Подводя, затѣмъ, итоги этой дѣятельности, оно разсматриваетъ самый вопросъ борьбы съ трехъ точекъ зрѣнія: «естественно-исторической», «технической» и «экономической». Со стороны естественно-исторической земство пришло къ заключенію, что «для успѣшной борьбы съ вредными животными и насѣкомыми прежде всего необходимо точное опредѣленіе какъ ихъ самихъ, такъ и наносимаго ими вреда во всемъ объемѣ его»; что «безъ такого опредѣленія весьма возможна ошибка въ признаніи совершенно безвреднаго животнаго за весьма вредное», что̀ и доказалъ опытъ одесскаго земства, которое даромъ затратило не мало рабочаго труда и времени для борьбы съ такимъ насѣкомымъ, свойства котораго ошибочно опредѣлены были профессоромъ Мечниковымъ — это тотъ самый «Адонисъ» (Crysomela Adonis), который скромно кушалъ бурьянъ, а на хлѣба не обращалъ никакого вниманія; что поэтому «необходимо тщательное изученіе жизни животныхъ и насѣкомыхъ, съ цѣлью найти удобные моменты къ нападенію на нихъ со всѣми шансами на успѣхъ», а что, «не заручившись такими моментами, никакія человѣческія усилія къ выигрышу борьбы не приведутъ». Для этого херсонское земство имѣетъ своего спеціалиста, который исключительно посвятилъ свою дѣятельность изученію жизни вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ. Изъ животныхъ волки и овражки изучены настолько, что они становятся уже почти не опасными врагами и истребленіе ихъ идетъ успѣшно. Саранча и пруссы также изучены обстоятельно,—первая г-мъ Кепеномъ, а послѣдніе—г-мъ Кабешговымъ, и, хотя они еще налетаютъ громадными массами на

хлѣба, однако, «совершенное истребленіе ихъ въ продолжительный періодъ времени становится дѣломъ легко исполнимымъ», какъ утверждаетъ херсонское земство. «Иное дѣло—всѣ остальные враги (говоритъ оно): куська, пьющая зерно и одолѣвающая, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, половину посѣвовъ въ губерніи; черви, копошащіеся на нашихъ поляхъ, скрывающіеся днемъ въ землѣ и только ночью выходящіе на опустошеніе (точно наши черноморскіе «пластуны» во время крымской кампаніи) и оставляющіе нерѣдко почву черною, какъ бы только что вспаханною, и многія другія насѣкомыя, представляющіяся не только для земства, но вчастую и для спеціалистовъ таинственными незнакомцами — безъ имени, безъ всякихъ свѣдѣній объ ихъ жизни» и т. д. Что-то поэтическое сквозитъ въ этомъ самомъ описаніи; это описаніе—просто оффиціальный докладъ, въ который искру поэзіи влагаетъ любовь къ дѣлу людей, которые честно хотятъ служить своему народу, а не налагать на него бичей и скорпіоновъ, подобно Ровоаму, неразумному сыну премудраго Соломона, или жестоковыйнымъ саратовскимъ Гибелинамъ, наложившимъ на свой народъ ярмо гарантіи.

Поразительны, въ самомъ дѣлѣ, данныя, сообщаемыя херсонскимъ земствомъ, относительно той страшной силы, которую и въ видѣ бичей и въ видѣ скорпіоновъ налагаетъ природа на бѣдную русскую землю, дѣйствительно до полной беззащитности еще дѣвственную. Такъ, въ теченіи 1874 года, въ двадцати одной волости истреблено 175,302 овражка; за нихъ выдано истребителямъ 1,753 р. 2 к. — по копейкѣ за одного овражка. Всѣ земли херсонской губерніи составляютъ 7.298,430 десятины. Еслибы, по расчету земства, на каждой десятинѣ истреблено было въ годъ хотя по одному овражку, то вознагражденіе рабочимъ возросло бы до громадной цифры—42,984 рублей. Такимъ образомъ, это былъ бы огромный налогъ въ пользу лишь однихъ овражковъ. Но за овражкомъ слѣдуютъ волки, поѣдающіе стада крестьянскіе и помѣщичьи: они также устанавливаютъ свой налогъ на населеніе. За волками идутъ «пруссы». На истребленіе ихъ буквально выслано было войско—*нѣсколько ротъ квартирующихъ въ губерніи полковъ люблинскаго, прагскаго и модлинскаго.* Эта война стоила земству около двухъ тысячъ рублей. Честные воины занимались самымъ честнымъ и святымъ военнымъ ремесломъ — спасеніемъ своихъ соотечественниковъ отъ «прусса!» И смѣшно, и страшно — но болѣе страшно... Даже офицеры, командовавшіе ротами въ экспедиціи противъ «прусса», штабсъ-капитаны Добровольскій и Волченко, получили отъ земства вознагражденіе. Такъ какъ нападе-

ніе врага бываетъ стремительно, то полковыя роты должны были идти противъ него форсированнымъ маршемъ, и для этого земство должно было нанимать подводы. Затѣмъ слѣдуютъ новые враги—«гробачи-австріяки» въ своихъ бѣлыхъ мундирахъ. Для обсужденія мѣръ къ войнѣ съ этими непріятелями составлена была особая комиссія, которая и разработала данный вопросъ съ полною обстоятельностью, особенно при содѣйствіи гласныхъ Рогалева и Акимова. Далѣе, земство сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: въ елисаветградскомъ уѣздѣ, втеченіи послѣдняго года, вылито водою овражковъ около 30 тысячъ; въ городѣ Бобринцѣ, на городской землѣ — болѣе 9 тысячъ; въ одномъ александрійскомъ уѣздѣ истреблено ихъ болѣе 230 тысячъ! Но замѣчательно, что въ одесскомъ уѣздѣ на истребленіе овражковъ употреблено 20,624 рабочихъ (сколько потрачено рабочей силы!) и уничтожено только—300 овражковъ, т. е. истреблено враговъ всего на 3 рубля! Эти же рабочіе истребляли и «гробачей-австріяковъ», а между тѣмъ, одни «гробачи», не личинки, впрочемъ, а уже самые жуки, истребили хлѣбовъ въ одной гросс-либентальской волости на 103,370 рублей! Вѣдь это—страшное погубленіе народнаго богатства, и понятно, что помощь, оказанная населенію полками люблинскимъ, прагскимъ и модлинскимъ, дѣлаетъ войску такую же честь, какъ еслибы оно отразило отъ русскихъ границъ цѣлую непріятельскую армію.

Херсонское земство не можетъ не видѣть всей своей безпомощности въ борьбѣ съ стихійными врагами, которые у него истребляютъ кровнаго заработка на милліоны, а между тѣмъ самая борьба съ врагами требуетъ денегъ и денегъ, которыхъ ждутъ и народныя школы, переполненныя дѣтьми, и больное населеніе, нуждающееся въ медикахъ и медикаментахъ, и рожающія бабы, нуждающіяся въ ученыхъ повитухахъ, и дороги, по которымъ чумакамъ ѣздить тяжело, и мосты, нуждающіеся въ ремонтахъ, и хлѣбные магазины, нуждающіеся въ обновленіи ихъ хлѣбомъ; на все нужны деньги, и деньги эти пожираетъ еще какой-то овражекъ да «пруссъ», не говоря уже о хищникахъ высокаго полета. При всемъ томъ, херсонское земство уже намѣтило себѣ тотъ путь, по которому оно идетъ къ избавленію края отъ всѣхъ насылаемыхъ на него и природою и не природою бѣдствій. Для борьбы съ природою оно установило смѣшанную натурально-денежную повинность, которая состоитъ въ томъ, что крестьянинъ самъ идетъ въ поле воевать съ врагомъ, и землевладѣлецъ ему платитъ за это. Такая повинность должна сближать между собою интересы землевладѣльцевъ съ интересами

крестьянъ, и потому незасѣянныя помѣщичьи земли не лишаются рабочихъ рукъ «въ моментъ борьбы съ мгновенно появившимися въ данной мѣстности массами насѣкомаго, истребить которыя можно только съ участіемъ всего наличнаго населенія». Но земство опасается, достаточно ли вознагражденіе крестьянамъ за борьбу съ насѣкомыми соотвѣтствуетъ труду, который рабочіе несутъ на общую пользу. Разъ, что вознагражденіе не будетъ оплачивать труда, мужикъ всѣми силами постарается увернуться отъ исполненія тяжелой повинности—гоньбы съ валькомъ за разными гусеницами, собиранья жуковъ и червяковъ, бѣготни за овражками по норамъ и трущобамъ, топтанья своими ногами и убиванья метлами разныхъ «кузекъ» и проч.; а онъ уже увертывается отъ нея, потому что въ иной волости, гдѣ воды мало, вылить суслика или овражка стоитъ 3 копейки, а ему даютъ копейку, а раньше давали еще меньше—четверть копейки; мало того, онъ продолжаетъ смотрѣть на овражка и на «кузьку», какъ на кару божію, отъ котораго можно избавиться только молитвой да покаяніемъ. Не такъ смотритъ на это дѣло нѣмецъ-колонистъ, котораго посѣвы тоже опустошаетъ «кузька». Одинъ изъ херсонскихъ гласныхъ, г. Бѣлоусовичъ, сообщаетъ слѣдующій многознаменательный фактъ: когда сумма вознагражденія за истребленныхъ овражковъ была возвышена съ четверти копейки на цѣлую копейку, то двѣ нѣмецкія колоніи, находящіяся въ херсонскомъ уѣздѣ, разомъ представили столько овражковъ, что одними ихъ хвостами и ушами *заплатили всѣ свои земскіе сборы*—точно хитрые нѣмцы сами рожали этихъ овражковъ!.. «Слѣдовательно—говоритъ г. Бѣлоусовичъ—если всѣ такъ же будутъ представлять овражковыя шкурки, какъ эти нѣмецкія колоніи, то размѣръ вознагражденія за истребленіе однихъ этихъ звѣрьковъ можетъ дойти до количества всѣхъ нашихъ земскихъ сборовъ»... А чѣмъ тогда содержать школы, дороги, мосты, больницы, врачей, акушерокъ, учителей и т. д. и т. д.?

Ввиду всего этого херсонское земство приходитъ къ такому заключенію: «Не въ одной херсонской губерніи вредныя насѣкомыя, животныя или растенія размножаются до того, что, наконецъ, мѣстные хозяева начали сознавать необходимость оставить на нѣкоторое время воздѣлываніе господствующаго культурнаго растенія и реорганизовать свои хозяйства, и на самомъ дѣлѣ при этомъ замѣчали тотчасъ же уменьшеніе и исчезновеніе врага, нападавшаго на ихъ посѣвы; черезъ нѣсколько времени они снова возвращались къ культурѣ того же растенія, воздѣлываніе котораго они оставили, но съ тою только разни-

цею, что, наученные опытомъ, они уже не воздѣлывали его такими громадными площадями, какія теперь занимаютъ у насъ, напримѣръ, хлѣбные злаки, а, вслѣдствіе этого, и враги растенія нападали на него гораздо умѣреннѣе прежняго. Очень не далеко то время, когда и херсонской губерніи придется ограничить свои хлѣбные посѣвы и избрать другой способъ веденія хозяйства. Тогда и многіе настоящіе враги сами самою исчезнутъ. Въ виду распространенія болѣе правильнаго пониманія значенія вредныхъ насѣкомыхъ среди крестьянства, было бы очень полезно, еслибы народные учителя земскихъ школъ въ отдѣлѣ отечествовѣдѣнія, напримѣръ, подолѣе останавливались на вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ, давали бы ученикамъ правильное представленіе о нихъ; а полезное знаніе, вынесенное изъ школы, не пропадетъ даромъ и дастъ хорошіе плоды въ будущемъ въ жизни крестьянина». Въ этихъ видахъ земство уже предположило командировать особаго депутата на съѣздъ сельскихъ хозяевъ, чтобы вопросъ о войнѣ съ насѣкомыми былъ разработанъ такъ, какъ требуетъ его громадная важность.

Съ неменьшей добросовѣстностью херсонское земство относится и къ другимъ вопросамъ, которые, такъ или иначе, предстоятъ его разрѣшенію. Въ собраніи заявляется, напримѣръ, вопросъ о томъ, что положеніе «десятинщиковъ» въ губерніи не обезпечено, что они ко всѣмъ обращаются съ своими нуждами, а всѣ отказываются отъ нихъ, какъ отъ какихъ-то бродягъ, у которыхъ нѣтъ ни роду, ни племени и которымъ не находится пристанища ни въ городѣ, ни въ селѣ: городъ чуждается ихъ — они-де не принадлежатъ міру. Дѣйствительно, «десятинщины» — это зерно нашего пролетаріата; это—птицы небесныя, которыя сѣютъ тамъ, гдѣ имъ позволятъ, и жнутъ, когда имъ позволятъ. «Десятинщики» — это или бывшіе дворовые, не получившіе надѣла, или иные люди Божіе, которые никогда не были въ состояніи сказать, что прахъ земной, пристающій иногда и къ ихъ подошвамъ—прахъ съ ихъ земли: даже земля, приставшая къ ихъ подошвамъ—чужая земля... Когда однимъ изъ гласныхъ заявлено было херсонскому земству, что «десятинщики» нуждаются, собраніе приняло этотъ вопросъ очень близко къ сердцу. Пренія о ссудѣ «десятинщикамъ» были очень оживленныя. Одни говорили, что «десятинщикамъ» рисковано выдавать ссуду, потому что за нихъ никто не поручится; другіе настаивали на пособіи тотчасъ же, хотя бы изъ безвозвратныхъ пособій. Сбитый съ позиціи предсѣдатель собранія предлагаетъ, наконецъ, передать вопросъ для разработки въ управу, а не въ комиссію, которая слишкомъ занята. «Люди голодаютъ теперь,

такъ надо же дать имъ что-нибудь», возражаетъ гласный Павловскій. Его поддерживаетъ гласный Ганскій, настаивая на томъ, что надо «теперь же обезпечить тѣхъ, кто голодаетъ». И собраніе рѣшаетъ вопросъ въ пользу голодающихъ.

Но не такъ земство рѣшаетъ вопросы, которые ему кажутся нравственно-щекотливыми. Одесса, желая выразить свое сочувствіе генералъ губернатору Коцебу, предполагаетъ устроить глазную лечебницу, подъ именемъ «лечебницы графа Коцебу», и проситъ херсонское земство принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Едва докладъ управы по одесскому предложенію былъ прочитанъ собранію, какъ тотчасъ же въ рядахъ гласныхъ слышится возгласъ: «Сочувствуемъ предложенію, но не желаемъ принимать участія». — «Развѣ у насъ нѣтъ глазныхъ больныхъ?» ядовито-благонамѣренно спрашиваетъ гласный Сильванскій.—«Для этого мы имѣемъ больницу въ Елисаветградѣ», отвѣчаетъ гласный Курисъ.—«Я полагаю, что здѣсь возбуждается вопросъ не о необходимости имѣть въ краѣ глазную лечебницу, а собственно о выраженіи сочувствія генералъ-губернатору. Что касается лично меня, то я полагаю, что основаніемъ къ учрежденію земствомъ чего-либо должна служить только потребность, а не заявленіе сочувствія кому бы то ни было», брякнулъ гласный Никитинъ.—«Тутъ и нейдетъ дѣла о заявленіи сочувствія, и такъ какъ учреждается глазная больница, то намъ и предлагаютъ принять участіе» (возражаетъ гласный Петровъ, повидимому, господинъ съ большимъ гражданскимъ тактомъ: онъ даже въ экстазъ приходитъ). «Помилуйте! вѣдь, это—важное дѣло: у насъ въ цѣломъ краѣ нѣтъ глазной лечебницы...— «А въ Елисаветградѣ?» гудятъ голоса со всѣхъ сторонъ. — «Тамъ только для приходящихъ даютъ даромъ пособія; но что же такое Елисаветградъ? это не есть центръ всей губерніи», отмахивается отъ этихъ голосовъ господинъ гласный съ тактомъ.—«Одесса также не есть центръ губерніи», ворчитъ г. Курисъ.—«Но — настаиваетъ гласный съ тактомъ — Одесса соединена со всѣми пунктами желѣзною дорогой». — «Которая проходитъ и черезъ Елисаветградъ», продолжаетъ ворчать г. Курисъ. — «Въ чемъ же *они* просятъ принять участіе?» невинно спрашиваетъ гласный съ тактомъ.—«Предлагается только: не желаемъ ли мы принять участіе въ пожертвованіи на одну кровать», отвѣчаетъ г. Фатуровскій. — «Такъ какъ Одесса ассигновала 40,000 рублей, то земству, кажется, незачѣмъ прибавлять», поясняетъ гласный Ганскій, тотъ Ганскій, который еще недавно настаивалъ, чтобъ поскорѣе накормили голодныхъ десятинщиковъ.—«Отчего же намъ не имѣть свою кровать для каждаго уѣзда?» снова невинно спрашиваетъ

*

гласный съ тактомъ. — «Если кого-нибудь понадобится лечить, такъ будутъ лечить и безъ пожертвованій со стороны земства», упрямствуетъ г. Ганскій. — «Это устраивается собственно для пользы страждущихъ глазными болѣзнями», вставляетъ свое слово предсѣдатель собранія. Тогда г. Никитинъ, гласный совершенно безъ такту, снова бухнулъ: «О пользѣ страждущихъ тутъ ничего не говорится, а только говорится, что это дѣлается въ память г. Коцебу». Ему возражаетъ предсѣдатель: «Одесса только въ честь памяти г. Коцебу избрала этотъ день для открытія такого полезнаго учрежденія; но еслибы и не было г. Коцебу, то лечебница современемъ устроились бы». — «Я никакъ не могу согласиться вполнѣ съ только что высказаннымъ мнѣніемъ (снова вмѣшивается гласный безъ такту, точно его кто дергаетъ за языкъ). На практикѣ нерѣдко бываетъ, что нѣкоторыя учрежденія возникаютъ только вслѣдствіе желанія ознаменовать извѣстный день. Надо было что-нибудь придумать — вотъ и остановились на устройствѣ глазной лечебницы...» Опять приходится спорить съ непослушными гласными самому предсѣдателю. — «Какой бы двигатель ни руководилъ этимъ дѣломъ (говоритъ онъ), но, безъ сомнѣнія, это—мысль благодѣтельная. Неужели изъ-за того только, что лечебница носитъ названіе, мы должны отказаться принять участіе? Я полагалъ бы, что такому полезному учрежденію слѣдуетъ прійти на помощь». — «Я бы просилъ прійти на помощь больницѣ, не носящей никакого имени, а именно елисаветградской земской глазной больницѣ, которая сдѣлала громадные успѣхи, о которой отзываются съ похвалою не только страждущіе, но и врачи отдаютъ ей справедливость (возражаетъ гласный К Соколовъ-Бородухинъ). Такъ какъ больница эта не носитъ громкаго имени, то я просилъ бы оказать ей помощь». — «Это—другой вопросъ», соглашается предсѣдатель. Но гласный съ тактомъ не выноситъ этого.—«Я не знаю (восклицаетъ онъ), какіе извѣстные спеціалисты есть въ елисаветградской больницѣ, тогда какъ въ Одессѣ извѣстный Шмидтъ, Вагнеръ, ученики знаменитаго Греффе, который отдавалъ имъ полную справедливость. Я полагаю, что на тотъ центръ, гдѣ есть такія знаменитости, намъ и нужно обратить болѣе вниманія». Гласные снова мѣняются любезностями. Вопросъ становится все болѣе и болѣе щекотливымъ: тутъ нужны деньги, чтобъ воевать съ «кузькой», выливать овражковъ, а тамъ еще требуютъ денегъ на одесскую лечебницу, когда ихъ едва хватаетъ для прокорма голодныхъ десятинщиковъ. Тогда гласный П. Фатуровскій такъ выводитъ собраніе изъ того нравственнаго и гражданскаго капкана, въ который защемилъ его гласный съ тактомъ: «На

основаніи того принципа, что въ настоящее время уѣздныя земства пользуются извѣстнымъ пособіемъ на медицинскую часть изъ губернскихъ суммъ, принципа, который примѣняется и къ городу Одессѣ, и въ виду того, что вновь учреждаемое заведеніе входитъ въ область медицинской части, я полагалъ бы, что не слѣдуетъ ничего давать въ настоящемъ случаѣ, т. е. просто не принимать предложенія». И когда послѣ этого предсѣдатель отнесся къ собранію съ вопросомъ: «угодно ли ему оказать пособіе глазной лечебницѣ подъ именемъ «лечебницы графа Коцебу»—собраніе постановило: приглашеніе къ участію въ расходахъ по содержанію лечебницы—отклонить (Сборн. херсон. земс. 1875 г., № 3-й, стр. 255—252, отд. II).

Ту же самую неподатливость выказало земство и въ вопросѣ о поддержаніи пансіона при херсонской гимназіи. Дѣло было такъ. Директоръ херсонской гимназіи, г. Бѣлый, обратился къ предсѣдателю херсонскаго земскаго собранія съ письмомъ, прося его о назначеніи единовременнаго пособія отъ земства, въ размѣрѣ 1,500 р., для гимназическаго пансіона, который своимъ существованіемъ обязанъ былъ особому вниманію министра народнаго просвѣщенія къ подобнаго рода закрытымъ заведеніямъ. Предсѣдатель сообщаетъ эту просьбу г. Бѣлаго собранію. Тогда на просьбу г. Бѣлаго г. Зеленый, одинъ изъ гласныхъ, тотъ самый, который такъ энергически возставалъ противъ одесскаго сепаратизма, замѣчаетъ, что собственныя ихъ земскія школы слишкомъ сами нуждаются въ поддержкѣ, чтобъ отъ ихъ грошоваго содержанія отрывать еще кусокъ въ пользу пансіона. Предсѣдатель собранія горячо поддерживаетъ просьбу г. Бѣлаго и уговариваетъ собраніе помочь пансіону только теперь, послѣдній разъ. Тогда г. Ганскій, тотъ самый, который стоялъ за голодныхъ «десятинщиковъ» и не хотѣлъ давать ни копейки въ пользу «лечебницы графа Коцебу», справедливо замѣчаетъ: «Я полагаю, что эта поддержка со стороны земства не будетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ это будетъ поддержка чисто искусственная: еслибы пансіонъ вызывался потребностью, то было бы достаточное количество пансіонеровъ и онъ существовалъ бы самъ безъ всякой помощи. Поэтому я полагаю предложеніе отклонить». Предсѣдатель снова ублажаетъ собраніе, говоритъ, что родители взяли изъ пансіона дѣтей по случаю неурожая, что въ такое несчастное время надо помочь пансіону, поддержать его только на годъ. «Я не понимаю, говоритъ на это г. Фатуровскій:—въ чемъ собственно должна заключаться поддержка, чего недостаетъ гимназіи въ данномъ случаѣ? Гимназія получаетъ по 280 рублей за пансіонера; на эти деньги, кажется, можно содержать ихъ. Если-

бы вопросъ былъ поставленъ такъ, что на ту тысячу, которую у насъ просятъ, гимназія будетъ содержать четырехъ пансіонеровъ безплатно, я бы понялъ подобнаго рода предложеніе; но когда говорится—для поддержанія пансіона, то является вопросъ: въ чемъ же должно заключаться поддержаніе? Въ прибавленіи пищи? Я думаю, что нѣтъ. Количество ртовъ не прибавляется, такъ какъ за каждаго получается плата. Въ надзорѣ за нимъ?—Онъ существуетъ.—Въ учителяхъ?—Есть учителя, какъ для приходящихъ, такъ и для неприходящихъ. Помѣщеніе есть и даже болѣе обширное, чѣмъ требуется, такъ какъ оно устроено на 50 пансіонеровъ, а ихъ содержится всего 33. Я не понимаю постановки вопроса, въ какой поддержкѣ именно нуждается этотъ пансіонъ, и, такъ какъ г. директоръ не выставляетъ опредѣленныхъ нуждъ, не указываетъ, для чего нужна поддержка, то я полагаю, что такое предложеніе не можетъ быть принято». Тоже подтверждаетъ вновь и г. Зеленый. Дѣло кончилось тѣмъ, что г. Бѣлому было отказано въ пособіи.

Говоря о нравственной щекотливости херсонскаго земства не можемъ умолчать еще объ одномъ выдающемся фактѣ.

Херсонское земство, какъ извѣстно, устроило у себя прекрасное сельскохозяйственное училище съ фермою, а при ней, для защиты училищнаго сада отъ наноса мусора и воды изъ прилегающей балки (оврагъ), соорудило плотину. Плотину эту, еще впрочемъ недоконченную, прорвало при первомъ же сильномъ дождѣ. Земство всполошилось, и тотчасъ же исправило плотину. Но мѣстный техникъ, г. Бертье-Делагардъ, подъ руководствомъ котораго строилась плотина, вслѣдствіе «возбужденныхъ въ городѣ толковъ о небрежномъ будто бы отношеніи техника къ своимъ обязанностямъ», поспѣшилъ прислать предсѣдателю земской управы 557 р., которые издержаны земствомъ на поправку плотины послѣ ея разрыва, самъ какъ бы сознаваясь въ своей технической небрежности, которая ввела земство въ излишній расходъ. Кому неизвѣстно, что чиновникъ-техникъ добраго стараго времени никогда бы этого не сдѣлалъ? Кто не знаетъ, сколько у насъ на Руси прорвало плотинъ, начиная отъ Рюрика и кончая г. Бертье-Делагардомъ, и прорвало по небрежности, а иногда и по излишней ревности къ казеннымъ и общественнымъ сундукамъ господъ техниковъ, а между тѣмъ ни за одну изъ этихъ плотинъ не возвращены кому слѣдуетъ деньги. Кто не знаетъ, сколько у нихъ разрушилось богатѣйшихъ казенныхъ зданій, сколько обломилось и и провалилось церквей, сколько погибло мостовъ, а вмѣстѣ съ ними и людей, уже не отъ Рюрика начиная, а хоть бы съ г. фонъ-Дервиза и первыхъ строителей нашихъ желѣзныхъ дорогъ? И

что-жь? Деньги опять-таки никѣмъ не возвращены. Всѣ, строившіе мосты, плотины, церкви, остроги, присутственныя мѣста, казармы, учебныя заведенія, желѣзныя дороги и наконецъ всю Россію—всегда слѣдовали принципу, открытому г-мъ Щедринымъ: «схватилъ кусокъ—и бѣжать». А тамъ общественное мнѣніе что ни говори, потому что рано ли, поздно ли, все предается «волѣ Божіей и вѣчному забвенію». Но вотъ г. Бертье-Делагардъ поступилъ иначе: это—первый примѣръ въ мірѣ, не только въ Россіи, что человѣкъ самъ отдаетъ деньги, когда ихъ у него не требуютъ и даже не хотятъ брать, и притомъ еще человѣкъ этотъ—техникъ! Видно, что совершилось что-то неисповѣдимое. Скептики, впрочемъ, скажутъ, что техникъ возвратилъ деньги потому, что изъ 557 р. не стоило рукъ марать, а еслибъ было 50,000—не возвратилъ бы. Можетъ быть, и такъ; но нашъ національный, историческій техникъ не воротилъ бы и 50 копеекъ.

Какъ бы то ни было, но это, первое въ мірѣ, небывалое явленіе совершилось въ херсонскомъ земствѣ. Управа, получивъ отъ техника деньги, не знаетъ, что съ ними дѣлать — принять или не принять, и докладываетъ собранію. Въ собраніи поднимается буря: точно произошло что-либо необыкновенное, точно эти возвращенныя деньги—дорогой покойникъ, котораго никто не ожидалъ, но который вышелъ изъ могилы и возвратился въ домъ свой, а дома ему и рады, и принять боятся мертвеца. Вотъ какая произошла сцена въ херсонскомъ земскомъ собраніи по случаю появленія этого мертвеца—557 рублей.

Гласный Декарьеръ. Я не могу не выразить своего удивленія, какимъ образомъ управа рѣшается доложить собранію, что она не хотѣла принять отъ Бертье-Делагарда эти 500 р. Еслибы управа распоряжалась своими собственными деньгами, то, конечно, она имѣла бы полное право подарить эти деньги г. Бертье-Делагарду; но вѣдь управа знаетъ, какъ знаемъ и мы всѣ, что она распоряжается деньгами цѣлой губерніи. Г. Бертье-Делагардъ дѣйствительно понялъ свою обязанность, понялъ, что въ сметѣ, которую онъ составлялъ, сдѣланы упущенія, вслѣдствіе чего постройка, произведенная по его сметѣ, оказалась непрочною. Онъ совершенно справедливо сознялъ, что долженъ былъ возвратить эти деньги, а управа намъ докладываетъ, что она его настоятельно просила оставить эти деньги за собой.

Предсѣдатель. Только до собранія.

Декарьеръ. Все равно: и до собранія она не имѣла права просить оставить эти деньги у себя.

Предсѣдатель. Управа не имѣла никакихъ данныхъ принимать эти деньги. Она хотѣла оставить это дѣло до собранія. **Я не знаю, въ чемъ тутъ можно обвинять управу.**

Декарьеръ (спуская тонъ). Я нахожу, что г. Бертье-Делагардъ поступилъ совершенно правильно, и собраніе должно отдать ему должную честь, да оно уже и отдало эту честь, встрѣтивъ сочувственно тостъ, предложенный за его здоровье на обѣдѣ, данномъ въ день открытія сельскохозяйственнаго училища.

Буря разыгрывается все больше и больше. Встаютъ новые ораторы—Фатуровскій, Значко-Яворскій, Бѣлоусовичъ, Прилуцкій, Зерваницкій, Любовичъ. Г. Значко-Яворскій говоритъ, что отнимать у Бертье-Делагарда деньги—несправедливо, что errare и т. д. «Если мы будемъ, въ виду такихъ случайностей, подвергать отвѣтственности тѣхъ спеціалистовъ, которые имѣютъ дѣло съ земствомъ, то эти лица станутъ относиться къ намъ съ крайнимъ недовѣріемъ», горячо доказываетъ онъ. На это г. Бѣлоусовичъ замѣчаетъ, что плотина, построенная г. Бертье-Делагардомъ, стойтъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ ее непремѣнно будетъ прорывать, какъ и прежде прорывало, и что жители предупреждали объ этомъ техника. «Я даже знаю нѣкоторыхъ (говоритъ онъ), которые готовы были идти на пари, что плотину вырветъ, и, несмотря на то, техникъ упорно стоялъ на томъ, что ее не вырветъ». Буря идетъ все въ гору; предсѣдатель уже волнуется — говоритъ, что это уже «полемика»: г. Прилуцкій думаетъ остановить бурю и только усиливаетъ ее. «Я предлагаю собранію возвратить деньги г. Бертье-Делагарду (говоритъ онъ). Присылая ихъ въ управу, онъ, быть можетъ, желалъ только уничтожить тѣ нареканія, которыя волей-неволей долженъ былъ выслушивать». Буря стихаетъ только тогда, когда г. Любовичъ вмѣшивается въ споръ и поддерживаетъ Прилуцкаго. «Я полагаю — говоритъ онъ — что техникъ возвратилъ деньги по своей щекотливости, выслушавши нареканія такихъ лицъ, которыя, по неспеціальности своей, судятъ о немъ слишкомъ строго, и полагаю, что собраніе не должно пользоваться такою деликатностью г. Бертье-Делагарда. Онъ заслужилъ эти деньги, онѣ принадлежали ему по праву, и я полагаю, что собраніе должно отклонить это, такъ сказать, пожертвованіе, которое вызвано неправильными, быть можетъ, нареканіями». Желая совсѣмъ успокоить бурю, предсѣдатель проситъ всѣхъ, согласныхъ съ мнѣніемъ Любовича, встать: тогда встаетъ бо́льшая половина собранія. И мы опять-таки повторяемъ, что это — явленіе рѣдкое, небывалое, особенно ввиду нашего повальнаго хищничества.

Это же самое херсонское земство показываетъ, на сколько измѣнились наши нравы втеченіи послѣднихъ десяти земскихъ лѣтъ. Наше земство, какъ извѣстно, переживаетъ только десятую весну. Тѣ дѣятели, которые вышли на сцену земскаго теа-

тра при его открытіи, бо́льшею частью живы и нынѣ; но и у нихъ уже теперь лицо не то, что́ было, или, по крайней мѣрѣ, если лицо ихъ, физіономія не измѣнилась, то они—хорошіе актёры, гримируются отлично и угождаютъ господствующему *вкусу* публики. А это уже *много* значитъ. Вотъ, напримѣръ, хоть бы въ херсонскомъ земскомъ театрѣ идетъ на сценѣ нравственная пьеса, подъ заглавіемъ: «Контролированіе техническихъ сметъ». Главные актёры: гг. Декарьеръ, Бѣлоусовичъ, Фатуровскій, Бошнякъ, Значко-Яворскій, Григорій Соколовъ-Бородкинъ, Прилуцкій, Зеленый—лица, болѣе или менѣе извѣстныя намъ. Изъ нихъ: г. Григорій Соколовъ-Бородкинъ—первый трагикъ, г. Бошнякъ—первый любовникъ (секретарь собранія), г. Зеленый—въ роли резонёра, которая, десять лѣтъ назадъ, принадлежала г. Соколову-Бородкину. Теперь г. Соколова-Бородкина положительно узнать нельзя, и еслибъ онъ не былъ разоблаченъ другими актёрами, то мы бы подумали, что онъ рожденъ трагикомъ, тогда какъ онъ по природѣ—комикъ. Посмотримъ же г. Соколова-Бородкина на сценѣ. Открывается занавѣсъ. Все вниманіе зрителей поглощено трагикомъ. Въ живой, игривой пьесѣ—«Контролированіе техническихъ сметъ» — г. Бородкинъ громитъ свое земство за его небрежное отношеніе къ интересамъ края, за неэкономность расходованія земскихъ суммъ, говоритъ, что «никогда возводимыя частными лицами зданія не подвергаются такимъ частымъ рискамъ, какъ зданія общественныя», земскія, что земство и особенно управы должны сами наблюдать за постройками, а не надѣяться на техниковъ, что, наконецъ, земство должно дрожать надъ каждою народною копейкою». У насъ волосъ становится дыбомъ, когда мы слушали г. Соколова-Бородкина—трагика. Первый любовникъ, г. Бошнякъ, объясняетъ ему, что земство еще не такъ виновато, ка̀къ думаетъ трагикъ, что казнить его нѐ за что, что прежде самъ требовалъ огромныхъ суммъ на общественныя постройки и на техниковъ, а теперь играетъ не свою роль. Трагикъ выходитъ изъ себя и уже хочетъ поразить перваго любовника картоннымъ земскимъ мечомъ за двѣ излишне издержанныя земскія копейки, какъ выходитъ на сцену резонёръ, г. Зеленый, и говоритъ, обращаясь къ партеру: «Г. Бошнякъ заявилъ, что когда Григорій Соколовъ-Бородкинъ былъ членомъ елисаветградской управы, то онъ проектировалъ должности уѣзднаго земскаго техника и двухъ его помощниковъ:—г. Соколовъ-Бородкинъ возразилъ, что этого *никогда не было*... Я долгомъ считаю засвидѣтельствовать передъ собраніемъ слѣдующее: когда открылась елисаветградская уѣздная управа, то бывшему члену ея Григорію Соколову-Бородкину

было поручено осмотрѣть дорожныя сооруженія вмѣстѣ съ техникомъ г. Гертепанъ и представить въ управу примѣрную смету на ихъ исправленіе. Смета эта была представлена г. Соколовымъ-Бородкинымъ, и затѣмъ доложена елисаветградскому собранію въ 1865 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. По сметѣ этой, на 1866 годъ было исчислено бывшимъ членомъ управы Григоріемъ Соколовымъ-Бородкинымъ съ техникомъ на одно исправленіе въ елисаветградскомъ уѣздѣ сооруженій,—которыхъ было вдвое менѣе тогда,—на почтовыхъ дорогахъ *болѣе 40,000 рублей — на одинъ годъ*!—причемъ проектировались г. Соколовымъ-Бородкинымъ въ уѣздѣ должности уѣзднаго техника и двухъ его помощниковъ съ жалованьемъ технику 3,500 р. въ годъ, а сколько назначалось помощникамъ — не помню, но, кажется, 1,500 рублей...» Изъ этого монолога мы видимъ, какъ десять лѣтъ земской жизни измѣнили людей и даже земскихъ актёровъ (Сборн. херс. земс. 1875 г., № 2, отд. I, стр. 20—23, отд. III, стр. 169—284; № 3, отд. I, стр. 10—12, отд. II, стр. 210—217, 255—258, 292—304 и др.).

Въ печати и въ устной молвѣ, въ палатахъ охранителей и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, за канцелярскимъ столомъ и за типографскимъ станкомъ, не мало слышится голосовъ, и громкихъ, какъ рыканье неразумнаго звѣря, и тихихъ, какъ шипѣнье мудрой змѣи, что земское дѣло у насъ идетъ отвратительно, что земскіе дѣятели—не друзья народа, что сиротскія слезы—кулакомъ утираются, что будто, какъ говоритъ Шевченко, —

... и ніхто не бачe,
Що мала дитина за коміномъ плаче...

Но едва ли это такъ. Правда, много обнаруживается и продолжаетъ обнаруживаться въ земской жизни не хорошаго. Правда, правда... Не хорошее есть. Но *гдѣ* же, у кого нѣтъ этого нехорошаго! *Гдѣ* лучше? Общественная совѣсть, положа руку на свое общественное сердце, должна будетъ сказать, что лучше—нигдѣ, а хуже — вездѣ, и если земская «дитина» продолжаетъ еще «за коміномъ» плакать, то у нея, по крайней мѣрѣ, отыскалась уже мать, которая, рано или поздно, утѣшитъ ребенка, если его у нея не отнимутъ. Одно мы можемъ положительно утверждать—что нѣкоторыя земства обнаруживаютъ несомнѣнную чуткость въ исканіи того идеала жизни, который гдѣ-то затерялся и котораго вся прошедшая исторія человѣчества тщетно искала и найти не могла. Примѣровъ, показывающихъ эту чуткость, мы видѣли уже не мало, хотя не всѣ, можетъ быть, поняли ихъ такъ, какъ они того стоили. Мы полагаемъ, что будетъ не излишне, если мы приведемъ еще хоть одинъ примѣръ того, что

разумѣется подъ исканіемъ идеала общественной жизни, хотя эти поиски производятся иногда ощупью, неумѣло и робко. Еще въ самомъ началѣ существованія своего, нѣкоторыя земства возбудили передъ правительствомъ ходатайство о томъ, чтобы за несвоевременный взносъ земскихъ платежей виновные подвергались бы штрафу или пени въ видѣ наложенія на сумму недоимки извѣстнаго процента. Надо замѣтить, что нѣкоторыя земства въ этомъ отношеніи выказали и достаточный тактъ, и достаточную деликатность: въ своемъ ходатайствѣ они обошли собственно самый щекотливый пунктъ — крестьянское добро и крестьянскую землю. Они просили, чтобы имъ дозволено было налагать пени *только* не землевладѣльцевъ и не налагать на крестьянъ. Иныя мотивировали свою видимую рыцарскую деликатность по отношенію къ крестьянамъ тѣмъ, что, если у мужика есть чѣмъ уплатить земскій налогъ, то онъ непремѣнно уплатитъ и оттягивать взносы не будетъ просто изъ боязни полиціи, ибо — говорили землевладѣльцы — «крестьянинъ болѣе имѣетъ уваженія къ тому, что̀ мы называемъ полиціею, между тѣмъ какъ крупный владѣлецъ не обращаетъ на полицію никакого вниманія» (слова гласнаго херсонскаго земства, г. Значко-Яворскаго). Другія просто сознавались, что недоимки всегда накопляются преимущественно на крупныхъ землевладѣльцахъ, а не на крестьянахъ, которыхъ поэтому и пугать штрафомъ нечего, когда ихъ можетъ испугать всякій становой. Въ виду этихъ ходатайствъ правительство и издало законъ 22-го ноября 1872 года, и именно такой, какого земства просили. Въ этомъ законѣ, собственно въ исходатайствованіи его, уже обнаруживается несомнѣнный признакъ исканія того идеала, о которомъ мы говоримъ. Но современемъ земства почувствовали, что этотъ законъ тяжеловатъ для землевладѣльцевъ, особенно когда дѣйствію его не подлежатъ такіе крупные землевладѣльцы, какъ казна и города, на которыхъ земскія недоимки накоплялись еще въ болѣе огромныхъ суммахъ, чѣмъ на землевладѣльцахъ-лицахъ. И вотъ, нѣкоторыя уѣздныя земства Херсонской губерніи, придавленныя какъ этимъ рыцарски ими исходатайствованнымъ закономъ, такъ и неурожаями послѣднихъ лѣтъ, находятъ себя вынужденными сознаться, что они поступили рыцарски-необдуманно, и ходатайствовать о томъ, чтобы за невзносъ къ сроку земскихъ платежей на землевладѣльцевъ не налагались пени. Поступаютъ эти ходатайства въ херсонское губернское собраніе и возбуждаютъ оживленныя пренія. Представители не могутъ не видѣть, что, настаивая на этихъ ходатайствахъ, они поступаютъ ребячески: недавно просили дать имъ законъ, теперь просятъ

взять его отъ нихъ. Гласный Зеленый, который, какъ мы видѣли, ратовалъ противъ одесскаго земскаго сепаратизма, а потомъ въ роли резонёра сорвалъ съ г. Гр. Соколова-Бородкина плащъ трагика, Зеленый, который, вмѣстѣ съ Бѣлоусовичемъ и П. Фатуровскимъ, представляетъ, повидимому, нѣчто въ родѣ единицы херсонскаго земскаго тріумвирата, потому что у этихъ троихъ земскихъ богатырей лбы, какъ видится, на двѣ пяди шире другихъ лбовъ и оттого въ этомъ тріумвиратѣ, повидимому, сосредоточивается все херсонское земское «слово и дѣло»,—г. Зеленый заявляетъ, что уѣздныя земства вовсе не ходатайствуютъ объ отмѣнѣ закона, дающаго земству очень важное право, но просятъ только не взыскивать пеней *теперь*, потому что вся тяжесть взысканія ляжетъ на однихъ землевладѣльцевъ, и безъ того придавленныхъ неурожаемъ, но что на будущее время земства желаютъ удержать за собою право вѣшать мечъ Дамоклеса надъ тѣми, которые того заслужатъ. Г. Зеленаго поддерживаетъ другая единица тріумвирата, г. Бѣлоусовичъ. Я—говоритъ онъ—совершенно присоединяюсь къ высказанному мнѣнію, потому что кто у насъ неплательщики? У насъ неаккуратные плательщики—тѣ, которые нуждаются въ деньгахъ, а тѣ, которые нуждаются, занимаютъ ихъ на солидные проценты—свыше 12. Конечно, такому господину гораздо выгоднѣе занять капиталъ и платить процентъ свыше 12, нежели ему платить по повинностямъ и платить пеню только 12%. Но затѣмъ къ самому ходатайству я полагалъ бы отнестись осторожнѣе уже для того, чтобы соблюсти, такъ сказать, солидность и послѣдовательность, потому что мы же сами просили о наложеніи этихъ пеней, а теперь мы же станемъ ходатайствовать о сложеніи ихъ». Г. Зеленый идетъ далѣе. «У насъ, говоритъ онъ, самыми неисправными плательщиками являются *города*, которые подолгу не вносятъ въ земскую кассу ни копейки, а между тѣмъ, пеня на нихъ не насчитывается. За что же будутъ платить пеню землевладѣльцы?..» Но, подступивъ въ своемъ ратоборствѣ съ невидимыми противниками къ самому барьеру, г. Зеленый начинаетъ пятиться назадъ: онъ боится, что земской палицей своей задѣнетъ ни въ чемъ неповиннаго мужика. «Если мы, говоритъ онъ нерѣшительно, распространимъ взысканіе пени и на городскія земли, то мы, чтобъ быть послѣдовательными, можемъ точно также говорить и о наложеніи пени при невзносахъ сельскими обществами»... Но г. Бѣлоусовичъ не останавливается и передъ барьеромъ—его палица свиститъ уже надъ самой мужичьей нечесанной побѣдной головушкой. «Справедливость требуетъ, говоритъ онъ, чтобы пеня взыскивалась *со всѣхъ сословій* равно-

мѣрно. Другая причина, почему пеня должна быть взыскиваема, заключается еще въ томъ, что, какъ хорошо извѣстно тѣмъ, кто служитъ или служилъ въ управахъ, управамъ очень часто приходится занимать деньги и платить проценты. Управы очень много денегъ задаютъ впередъ почтсодержателямъ, учителямъ и т. п., а ужь коль скоро деньги заданы впередъ, то необходимо, чтобы параллельно выдачамъ шли и взносы въ кассу управы. А этого-то и нѣтъ — и вотъ управы поставлены въ необходимость брать деньги взаймы и платить процентъ». Выступаетъ, наконецъ, г. Значко-Яворскій.

— По моему мнѣнію, говоритъ онъ, наше земское собраніе положительно можетъ признать города и общества за земскую единицу и привлечь ихъ къ платежу пени. Что̀ касается до селъ, т. е. до мелкихъ землевладѣльцевъ, *до крестьянъ*, то я все-таки утверждаю, что слѣдуетъ ходатайствовать, чтобы и они были привлечены къ пенѣ. Страхъ о томъ, что эти мелкіе собственники не уплатятъ во̀-время, мнѣ кажется нѣсколько преждевременнымъ: мелкій землевладѣлецъ, т. е. крестьянинъ, болѣе имѣетъ уваженія къ тому, что̀ мы называемъ полиціею, между тѣмъ, какъ крупный землевладѣлецъ не обращаетъ на полицію никакого вниманія и всѣ недоимки по бо̀льшей части лежатъ именно на крупныхъ землевладѣльцахъ. Я даже знаю такого рода отзывы, гдѣ говорятъ: «что̀ же такое пеня?—12%! а мнѣ приходится платить 36%. Пусть насчитываютъ!..» Но все-таки же есть хотя 12%, которые заставляютъ подумать о платежѣ, тогда какъ, при отсутствіи пени, лучше гораздо имѣть деньги въ карманѣ, чѣмъ идти занимать ихъ и платить 36 процентовъ».

Тогда П. Фатуровскій, третья единица въ херсонскомъ тріумвиратѣ, подобно Цезарю, приближается къ Рубикону и говоритъ:

— По поводу предложенія г. Значко-Яворскаго я считаю нужнымъ добавить, что слѣдуетъ ходатайствовать о наложеніи пени на *казенныя земли*. Я могу сослаться на тотъ фактъ, что, дѣйствительно, неисправныя поступленія казенныхъ сборовъ заставляетъ земство нести извѣстнаго рода расходы. За казенными имуществами, въ настоящее время, числится свыше 40,000 руб.; еслибы они были внесены въ срокъ, въ началѣ марта мѣсяца одна половина и въ январѣ другая, то земство, очень можетъ быть, и не прибѣгало бы къ займамъ и не платило бы по этому случаю процентовъ. Такъ какъ казна, пользуясь своими доходами, за непоступленіе ихъ въ срокъ налагаетъ извѣстный штрафъ, то я полагаю, что и земскія учрежденія, не получая

своихъ сборовъ, вслѣдствіе чего они не могутъ удовлетворять своихъ настоятельныхъ потребностей, должны пользоваться тѣми же правами, какъ казна и казенныя вѣдомства. Поэтому я полагаю, что слѣдовало бы ходатайствовать о распространеніи пени на всѣ взносы земскіе, кому бы они ни принадлежали: городу ли, обществу, казнѣ или частнымъ лицамъ.

Мы знаемъ, что̀ ждало Цезаря по переходѣ черезъ Рубиконъ. Г. П. Фатуровскаго на другомъ берегу земскаго Рубикона ждалъ гласный Сильванскій, обломокъ, если можно такъ выразиться, стараго земскаго Рима, когда еще существовало «особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе» подъ предсѣдательствомъ губернатора. Г. Сильванскій защищаетъ Римъ — говоритъ, что на казну нельзя налагать пени.

— Съ *кого* вы будете взыскивать пеню? спрашиваетъ обломокъ стараго Рима.

— Кто будетъ виноватъ, тотъ и долженъ будетъ платить — это—дѣло казны отыскать виновныхъ, отвѣчаетъ Цезарь.

Тогда выступаетъ Брутъ, какъ извѣстно, другъ Цезаря—гласный А. Фатуровскій: это—тоже обломокъ древняго Рима.

— Кромѣ сказаннаго г. Сильванскимъ, говоритъ онъ:—можно еще добавить, что подобное ходатайство противорѣчило бы всѣмъ принципамъ русскаго законодательства, такъ какъ нашъ законъ, наше правительство не признаетъ возможнымъ употреблять понудительныхъ мѣръ относительно правительственныхъ учрежденій. Даже въ судебномъ порядкѣ, въ судебныхъ процессахъ сдѣлано въ этомъ отношеніи исключеніе, и тамъ, послѣ постановленія рѣшенія судомъ, не допускается понудительныхъ мѣръ, относительно правительства: оно само заботится объ исполненіи судебнаго рѣшенія, которое идетъ по общимъ, установленнымъ для этого порядкамъ. Такимъ образомъ, ходатайство наше шло бы въ разрѣзъ со всѣмъ государственнымъ устройствомъ.

Римскія хроники говорятъ, что, когда Цезарь въ числѣ своихъ убійцъ увидалъ и друга своего, Брута, то воскликнулъ: «Tu quoque, Brute!»—а потомъ завернулся въ тогу и палъ мертвый къ подножію статуи Помпея. Херсонскій Цезарь, П. Фатуровскій, пораженный херсонскимъ Брутомъ, А. Фатуровскимъ, ничего не сказалъ, а молча опустился на свой стулъ. Но вмѣсто него сталъ на трибуну г. Значко-Яворскій.

— Почтенный гласный находитъ (сказалъ онъ въ свою очередь), что предложеніе мое шло бы въ разрѣзъ съ общимъ принципомъ нашего законодательства; но я полагаю, что въ принципѣ законодательства и существуетъ именно *справедливость*. Если земледѣльцы должны нести пеню, а государственныя зем-

ли ея не несутъ, то здѣсь-то и будетъ страдать принципъ справедливости, а слѣдовательно, и принципъ законности также, я полагаю. По поводу объясненія г. Сильванскаго я могу замѣтить, что, если мы будемъ обращать вниманіе на факторовъ, которые помѣшали каждому изъ насъ внести въ срокъ платежъ, то, конечно, мы должны также обратить вниманіе на то, что землевладѣлецъ не внесъ въ данный срокъ платежа потому, что ему не заплатилъ посессоръ, крестьяне не внесли вò-время оброка и т. д., и т. д. Однако, мы этого не разбираемъ; мы смотримъ, что данная земская единица не взноситъ платежа, и мы налагаемъ пеню; также точно государственныя имущества суть данная земская единица, и при невнесеніи ею налога мы также налагаемъ пеню; здѣсь принципъ справедливости и будетъ дѣйствовать. Я полагаю, что наше правительство всегда руководствовалось этимъ принципомъ...

На это ни Сильванскій, ни А. Фатуровскій — эти Брутъ и Кассій—не нашлись, что̀ отвѣчать.

Какъ бы то ни было, собраніе не рѣшилось вмѣстѣ съ своимъ Цезаремъ перейти за Рубиконъ: оно постановило ходатайствовать о дозволеніи облагать пенею всѣ имущества, кромѣ казенныхъ (Сборн. Хер. Зем. 1875 г., № 2, отд. III, стр. 184—195).

Сказаннаго здѣсь, мы полагаемъ, достаточно на первый разъ для ознакомленія съ характеромъ дѣятельности херсонскаго земства и его наиболѣе замѣтными дѣятелями. Многое, по недостатку мѣста и времени, мы оставляемъ: мы не говоримъ ни объ организаціи медицинской части, на которую предполагается ежегоднаго расхода до полутораста тысячъ — солидная цифра, ни о лѣсоразведеніи, которое херсонское земство считаетъ «вопросомъ жизни и смерти» своего края, и говоритъ— «мы погибли, если не подумаемъ теперь же о спасеніи», ни объ открытіи обществъ взаимнаго кредита, ссудосберегательныхъ товариществъ и пр., ни о широкомъ примѣненіи, наконецъ, требованій народнаго образованія, поднятіи экономическаго уровня населенія—во всемъ этомъ чувствуется подъемъ общественнаго пульса, удары котораго слышатся въ печати, созданной самимъ же земствомъ, которое не дѣлаетъ изъ своихъ дѣяній, какъ бы они подчасъ ни были даже неблаговидны, той глубокой, подозрительной тайны, которою окутываются всѣ остальные факторы нашей общественной жизни, начиная отъ желѣзнодорожнаго дѣла и т. д.

XV.

Перекочевывая съ своимъ страническимъ посохомъ, въ качествѣ земскаго пилигрима, изъ одного конца русской земли въ другой, присматриваясь и прислушиваясь ко всему, что̀ въ ней достойно вниманія, мы съ особеннымъ интересомъ остановились на рязанской землѣ—на исторической могилѣ нѣкогда славнаго Рязанскаго Княжества, на могилѣ злополучнаго князя Олега рязанскаго, непонявшаго когда-то, что подъ бокомъ у его рязанскаго царства народилось и выростало изъ пелёнокъ гигантъ-царство, царство московское, для котораго впослѣдствіи все царство рязанское, боровшееся съ этимъ младенцемъ-гигантомъ, должно было составить ни болѣе, ни менѣе, какъ мелкую губернскую и земскую дробь великой русской государственной единицы. Современная жизнь бывшаго рязанскаго царства представляетъ много поучительнаго, а одна сторона этой жизни — земская — даетъ немало матеріаловъ для капитальныхъ выводовъ и историка, и экономиста. Рязанское земство — одно изъ особенно выдающихся, но выдающихся не тою странною эксцентричностью залежавшагося провинціала, не тою боярскою спѣсью, граничащею съ недалекостью, какою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выдается смоленское земство, но тою самобытностью отношенія къ дѣлу, тою зоркостью общественнаго глаза и тѣмъ политическимъ тактомъ, котораго, можетъ быть, не доставало у злополучнаго Олега рязанскаго. Въ лицѣ такихъ замѣтныхъ земскихъ дѣятелей, какъ А. И. Кошелевъ, князь С. В. Волконскій, Д. Д. Дашковъ и другіе, неименуемые нами, рязанское земство имѣло бы болѣе права назвать себя «солью» русскаго земства, чѣмъ смоленское — провозгласить себя интеллигентною и политическою «солью» всей русской земли; но оно этого не дѣлаетъ. Переработавъ, въ теченіи десяти послѣднихъ лѣтъ, очень немало, оставивъ довольно глубокіе слѣды своей дѣятельности и на рязанской общественной, такъ сказать, нивѣ, почва которой замѣтно удобряется, и въ печати, которой рязанское земство подарило немало цѣнныхъ изданій—это земство, въ концѣ десятилѣтія, оглядывается назадъ на всю имъ пройденную въ эти десять земскихъ лѣтъ историческую стадію. Оглядыванье назадъ, это—хорошій признакъ, это—признакъ критики, потребность исторической отчетности передъ самимъ собой, потребность подведенія историческаго итога. Мы не говоримъ о томъ оглядываньи назадъ, съ цѣлью не поворотиться

вновь лицомъ и волею впередъ, о томъ оглядываньи косности, которое жену Лотову превратило въ соляной столбъ: это—оглядываньe безсилія, старчества, которое чувствуетъ, что нѣтъ ему мѣста въ новомъ строѣ жизни. Нѣтъ, есть оглядываньe другого рода, которое не исключаетъ стремленія впередъ, жажды жизни и работы впереди, и критики того, что̀ назади, что̀ сдѣлано и чего не сдѣлано. Это послѣднее оглядываньe не превращаетъ въ соляной столбъ, а, напротивъ, даетъ новыя силы—и это-то оглядываньe позволило себѣ теперь рязанское земство. Въ весьма почтенной, по объему и содержанію, кучѣ изданій этого земства, которую мы перерыли съ настойчивостью рудокопа, мы выбрали именно то, въ чемъ обнаруживается оглядываньe рязанскаго земства на свое недалекое, но уже ставшее историческимъ прошлое. Это—составленный кн. Волконскимъ, въ формѣ доклада земскому собранію, «Обзоръ земской дѣятельности Рязанской Губерніи за девятилѣтіе съ 1866 по 1875 годъ». Небольшая, но капитальная, по собраннымъ и умѣло освѣщеннымъ въ ней богатымъ даннымъ, книга кн. Волконскаго невольно подкупаетъ васъ тою симпатичностью, тою топлотою и искреннею любовью къ дѣлу, которыя заставляютъ вѣрить, что земство имѣетъ хорошую будущность, что, если кругомъ насъ, а особенно тамъ, куда воронъ еще не заносилъ и костей цивилизаціи, слишкомъ много тьмы непроглядной, то-есть уже тамъ и свѣтлыя точки, которыя побѣждаютъ это море мрака, по писанію: «свѣтъ свѣтится во тьмѣ, и тьма его не объятъ». И опять, при чтеніи этой книги, у насъ изъ головы не выходилъ неотвязчивый стихъ Некрасова съ такимъ же оглядываньемъ назадъ, съ требованіемъ отчета въ прожитомъ и подведенья итоговъ этому прожитому...

Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ... О, юноши! грозитъ
Она и вамъ; судьба не пощадитъ:
Наступитъ часъ разсчитываться строго
За каждый шагъ, за цѣлой жизни трудъ,
И мстящаго, зовущаго на судъ,
Въ душѣ своей вы ощутите бога.
Богъ старости—неумолимый богъ...
Отъ юности готовьте вашъ итогъ!

Но для земства еще не наступила старость. Зима не убѣлила еще земскія кудри. Оно отъ юности начинаетъ готовить свой итогъ: это—опять признакъ хорошій.

«Земскія учрежденія Рязанской Губерніи вступаютъ въ четвер-

тое трехлѣтіе своего существованія. Девять лѣтъ ими уже прожиты. Мало это, или много?

«Если для полезной, энергической дѣятельности человѣка равно необходимы и бодрость ума, и бодрость физическихъ силъ, и если допустить, что, за немногими исключеніями, большинство людей сохраняетъ эту бодрость до шестидесятилѣтняго возраста, то окажется, что въ теченіи прожитаго девятилѣтія современное намъ поколѣніе, имѣвшее право голоса въ земскихъ учрежденіяхъ Рязанской Губерніи въ годъ ихъ открытія, принесло уже на службу земству четвертую часть всѣхъ своихъ земскихъ способностей. Такой періодъ времени стоитъ того, чтобы оглянуться назадъ и посмотрѣть, что мы сдѣлали для самихъ себя.

«Съ экономической точки зрѣнія, прожитое девятилѣтіе тоже заслуживаетъ вниманія. Въ теченіи этого времени мы израсходовали земскихъ денегъ 8,251,890 руб.

«Конечно, небезъинтересно вспомнить, куда и какъ мы ихъ израсходовали.

«Кромѣ того, изъ числа 85-ти гласныхъ первоначальнаго состава губернскаго собранія (1865 г.) осталось въ составѣ нынѣшняго 18-ть; остальные всѣ новые. Чтобы ознакомиться съ прошлою дѣятельностью земскихъ учрежденій, имъ нужно бы прочесть десять томовъ журналовъ губернскаго земскаго собранія и нѣсколько десятковъ томовъ уѣздныхъ. Разобраться въ этой массѣ матеріала нелегко, а между тѣмъ, для стройнаго и правильнаго хода земскаго дѣла необходима послѣдовательная связь между его прошлымъ и его будущимъ. И съ этой точки зрѣнія весьма важно время отъ времени заглядывать въ прошлое».

Такъ начинаетъ кн. Волконскій свою земскую исповѣдь, чувствуя, что «мстящій», «неумолимый богъ»—время, этотъ жестокій классическій Кроносъ, поѣдающій своихъ дѣтей, потребуетъ къ отчету своихъ дѣтей, дѣятелей времени, и съѣстъ ихъ, однихъ только съ честію, другихъ — съ безчестіемъ, однихъ — на вѣчную славную память, другихъ—на вѣчный позоръ, на вѣчное безславіе, хорошо, если только на вѣчное забвеніе. Надо отдать честь кн. Волконскому: онъ далекъ нетолько отъ самовосхваленія или отъ канцелярскаго «благополучнаго всеобстоянія», но и отъ весьма простительнаго самоизвиненія; подчасъ онъ даже жестокъ, но жестокъ, какъ человѣкъ, у котораго сердце надрывается при взглядѣ на любимое дѣтище, для котораго безсильныя руки отца не съумѣли заработать куска хлѣба. Въ его выводахъ изъ всей девятилѣтней земской работы слышится

что то горько-безнадежное, отчаянное, еслибъ самое отчаяніе это не звучало силой, хотя захирѣлой, крикомъ, требующимъ жизни. Онъ говоритъ, что прожитыя земствомъ девять лѣтъ уже оставили настоящему поколѣнію свое наслѣдство; но какое это наслѣдство! Это—тѣ историческіе обноски, тѣ жалкія тряпки, которыя послѣ покойниковъ отдаютъ нищимъ. Вотъ все, что изъ этого наслѣдства современное поколѣніе должно принять «по описи», чтобъ потомъ, «по описи» же, сдать своимъ дѣтямъ:

«Для внутренняго сообщенія (говоритъ кн. Волконскій) намъ достаются плохія дороги съ плохими наполовину мостами и съ гатями, невсегда и невездѣ проѣздными.

«Для обезпеченія продовольствія—истощенныя поля и пустые запасные магазины.

«Для охраненія здоровья—чистый воздухъ, и то для бо̀льшей части населенія внѣ дома, а для заболѣвающихъ—три сельскія и двѣнадцать городскихъ больницъ, изъ которыхъ при трехъ по одному только врачу одновременно на больницу и на весь уѣздъ.

«Для призрѣнія неимущихъ—двѣ богадѣльни на 60 мужчинъ и 50 женщинъ на всю губернію.

«Для обезпеченія отъ пожаровъ—застроенные проулки въ селеніяхъ и соломенныя крыши на деревянныхъ постройкахъ и

«Для приведенія всего этого въ порядокъ—огромныя недоимки въ земскихъ сборахъ и менѣе 400 начальныхъ школъ на полуторамилліонное населеніе.

«Но подождемъ обвинять земскихъ дѣятелей перваго девятилѣтія»...

Эта-то честная деликатность въ снисходительной оцѣнкѣ работы прежнихъ дѣятелей, неуспѣвшихъ и неимѣвшихъ силы превратить историческіе обноски стараго времени въ цѣнную одежду, и составляетъ достоинство труда одного изъ лучшихъ, повидимому, работниковъ рязанскаго земства. Кн. Волконскій слѣдитъ шагъ за шагомъ за коллективною работою своего земства въ первый, такъ сказать, юношескій періодъ земской жизни, начиная отъ самой первой сессіи земства и кончая послѣднею. Въ заслугу первой сессіи онъ ставитъ выработку формальной организаціи внутренняго строя, которому должна была подчиниться вся послѣдующая земская работа: это—тотъ строй, «при которомъ (говоритъ онъ) ни одна дѣльная мысль гласнаго не пропадаетъ безслѣдно, ни одна баллотировка не остается не огражденной отъ случайности внѣшнихъ давленій». Исполненіе того, что̀ выработала первая сессія, «обращается уже въ привычку—обстоятельство, достойное вниманія въ средѣ общества,

нисколько неприученнаго прошлою замкнутостью жизни къ публичной дѣятельности». Дѣйствительно, лучшая сторона проявленія дѣятельности рязанскаго земства—та, что оно не закутываетъ ни своихъ дѣлъ, ни своихъ словъ въ туманъ канцелярской тайны: все, и хорошее, и дурное, умную мысль, честное слово одного и нечистое поползновеніе другого дѣятеля, земство это отдаетъ на судъ общественнаго мнѣнія, не боясь бросить все это и на острый зубокъ широкой гласности. Протоколы засѣданій земства, передавая въ точности весь процессъ преній и выработку тѣхъ или другихъ рѣшеній, составляютъ богатый матеріалъ для будущей исторіи органическаго роста и политическаго развитія русскаго общества. Жаль только, что въ декабрскую сессію прошлаго года, по предложенію гласнаго Аѳанасьева, а затѣмъ Кошелева, о томъ, чтобы, въ видахъ сбереженія времени, въ журналы собраній не заносились дословно пренія гласныхъ, рязанское земство грозитъ превратить свои драгоцѣнныя для будущей внутренней исторіи Россіи земскія изданія въ безцвѣтные канцелярскіе отчеты, подобные изданіямъ нѣкоторыхъ темныхъ земствъ, въ томъ числѣ и петербургскаго губернскаго, въ которыхъ, вмѣсто собственныхъ именъ дѣятелей, употребляются такія имена, какими хитрый Одиссей отдѣлывался отъ глупаго циклопа Полифема, называя себя «Никѣмъ» (Oudeis). Хитроумный Одиссей, желая обмануть простоватаго великана-циклопа, сказалъ, что его зовутъ «Никто», а потомъ выкололъ этому дураку единственный глазъ; когда ослѣпленный Полифемъ началъ кричать отъ боли и на крикъ его сбѣжались другіе циклопы, такіе же, какъ и онъ, глупые, то на вопросъ этихъ послѣднихъ: «кто тебя ослѣпилъ?»—сообразительный Полифемъ отвѣчалъ: «никто». То же самое постигнуть можетъ рязанское и другія земства, если они въ своихъ протоколахъ будутъ, вмѣсто собственныхъ именъ своихъ дѣятелей, предлагавшихъ тѣ или другія мѣры, отстаивавшихъ тѣ или другія мнѣнія, печатать, какъ это и дѣлаютъ иныя земства: «нѣкто», «одинъ», «нѣкоторые». Ясно, что въ земствѣ можетъ найтись какой-нибудь Одиссей, который и выколетъ глазъ циклопу Полифему—русскому народу, а исторія не будетъ даже знать имени этого ослѣпителя и запишетъ его на свои страницы подъ именемъ «нѣкто». Мы, напротивъ, думаемъ, что одною изъ наиболѣе вѣрныхъ гарантій сохраненія въ земствѣ творческаго начала, одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ силъ, могущихъ вести земское дѣло впередъ. не темными путями, не при тускломъ освѣщеніи канцелярскаго ночника, который всякую тѣнь превращаетъ во мракъ, а свѣтлую сторону затемняетъ и обезцвѣчи-

ваетъ, не при ночникѣ, повторяемъ, но при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, когда всякая хищная ночная птица прячется въ свою трущобу, звѣрь—въ логовище, а воръ поневолѣ превращается въ честнаго гражданина до ночи — что одною изъ такихъ гарантій является именно то, чтобы всякое слово гласнаго, всякая дѣльная и даже недѣльнае мысль, смѣлая рѣчь честнаго убѣжденія и робкое шипѣнье всякаго земскаго вора, выползающаго изъ трущобы инсинуацій—чтобы все это заносилось въ протоколы земскихъ собраній съ именами, а не въ видѣ темныхъ намековъ на какихъ-то «нѣкто», «одинъ», и тѣмъ не давалась бы возможность разнымъ земскимъ Одиссеямъ выкалывать послѣдніе глаза у нашихъ бѣдныхъ циклоповъ-Полифемовъ. Чтобы земское дѣло сослужило русскому народу свою службу, необходимо, чтобы народъ зналъ, кто стучится въ его скромную и тёмную избушку съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ—Григорій ли Бланкъ съ всесословною волостью, или князь Волконскій съ своею исповѣдью: «ина слава лунѣ, ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ». Если земскіе дѣятели будутъ знать, что ни одно ихъ предложеніе, ни одно даже честное и всякое иное заявленіе не канетъ въ рѣку канцелярскаго забвенія, а будетъ прикрѣплено къ безсмертному клочку газетной бумаги посредствомъ типографскихъ чернилъ, невытравляемыхъ даже всевытравляющимъ временемъ, если они будутъ увѣрены, что къ каждому слову ихъ будетъ прикрѣплено и ихъ имя, то ради своей собственной чести, ради дѣтей своихъ, которыя когда-нибудь прочтутъ имена своихъ родителей рядомъ со всесословною волостью или инымъ измышленіемъ, ради, наконецъ, нравственной чистоплотности, они будутъ осмотрительнѣе въ выраженіяхъ, будутъ обдумывать каждое свое слово, каждое движеніе честнаго или несовсѣмъ таковаго сердца и тогда уже говорить. Оттого, вѣдь, такъ и страшенъ людямъ страшный судъ, что на немъ «разогнутся книги» жизни, а въ книгахъ этихъ съ стенографическою точностью будетъ записано все: и всесословная волость, и «мекленбургскій трудъ», и проч. и проч., и все съ собственными именами: «рабъ такой-то», «раба такая-то» и т. д. Поэтому, нельзя не пожалѣть, что рязанское земство, которое девять лѣтъ вело свое земское дѣло при яркомъ дневномъ свѣтѣ, въ декабрѣ 1874 года снизошло къ предложенію г. Аѳанасьева, подкрѣпленному словомъ г. Кошелева — не заносить въ журналы засѣданій дословныхъ преній гласныхъ—и во вторую половину послѣдней своей сессіи поставило на свой столъ канцелярскій ночникъ. Но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что рязанское земство прибѣгло къ этой мѣрѣ только по недо-

статку времени, и то лишь на данную сессію, потому что и въ предложеніи г. Кошелева значится: «въ журналы *настоящей* сессіи не заносить преній дословно» (Жур. рязян. губ. зем. собр. десятаго очередного созыва. Рязань. 1875 г., стр. 302, 347, 348).

Но послѣдуемъ далѣе за земскою исповѣдью кн. Волконскаго. Говоря о самой первой сессіи своего земства, онъ объясняетъ, что тогда же положенъ былъ и первый камень въ основу будущаго зданія народнаго развитія: камень этотъ—записка гласнаго священника Молчанова о приходскихъ училилищахъ. Земство горячо приняло-было мысль о. Молчанова; но само же потомъ засыпало мусоромъ камень, положенный въ основу зданія, можетъ быть, потому, что камень оказался негоднымъ, недоброкачественнымъ, рыхлымъ. Мысль о «приходскихъ училищахъ» кое-какъ держалась пять лѣтъ, а 8-го декабря 1870 года рязанское земство порѣшило—засыпать камень: «признать вопросъ о попечительствахъ достаточно исчерпаннымъ и подлежащимъ окончательному рѣшенію самихъ приходовъ, *а не земства*». Кн. Волконскій съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что «избранники земства сами первые наложили руку на учрежденіе, за которымъ вначалѣ признали-было завидную будущность»; но едва ли это такъ: значитъ, въ самомъ учрежденіи не было задатковъ живучести, оно не вызывалось жизнью, а было лишь выдумано; въ противномъ случаѣ, оно не умерло бы, и камень о. Молчанова не былъ бы засыпанъ мусоромъ. Сама исповѣдь князя Волконскаго подтверждаетъ эту мысль. Когда земство отнеслось къ населенію съ предложеніемъ о приходскихъ училищахъ, населеніе отвѣтило на призывъ земства глубокимъ молчаніемъ; но когда земство задумало открыть около Рязани училище, центральное заведеніе для приготовленія изъ мѣстныхъ жителей учителей для сельскихъ школъ, то крестьяне Троицкой Слободы подъ Рязанью «нетолько согласились уступить нужную подъ александровское училище землю съ готовымъ при ней садомъ, въ количествѣ 4½ десятинъ, но, несмотря на двоекратное разъясненіе управы, что земля эта, какъ находящаяся подлѣ станціи желѣзной дороги, имѣетъ значительную цѣнность и будетъ дорожать съ каждымъ годомъ, приговоромъ постановили: «подъ училище они жертвуютъ землю даромъ, *лишь бы обучали дѣтей ихъ грамотѣ*». Вслѣдствіе-то этого, земство, принявъ крестьянскій даръ, обязалось содержать при училище еще двѣ даровыя начальныя школы—мужскую и женскую. «Этотъ даръ крестьянъ въ пользу училища не служитъ ли указаніемъ того, что въ данную минуту школа нужна большинству земства и что ря-

занское земство вò-время угадало эту свою потребность?» спрашиваетъ кн. Волконскій. «Дà, угадало; но удовлетворило ли ее? Нѣтъ, и нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ же кн. Волконскій. Въ теченіи всего существованія училища, слушавшихъ учительскіе курсы перебывало въ заведеніи 462 человѣка, а выпущены съ правами преподавателей не всѣ, и далеко не всѣ, да и тѣ изъ нихъ— одни ушли въ другія губерніи, другіе бросили учительское званіе. Гдѣ же взять учителей для школъ, которыхъ въ губерніи считается 390? Ихъ взять нѐгдѣ. И кн. Волконскій правъ, говоря, что земство «въ теченіи всего истекшаго девятилѣтія постоянно и усердно преслѣдовало принятую имъ на ссбя задачу— снабженія школъ учителями; но выполнило ли оно эту задачу? Нѣтъ, и не могло выполнить!» Точно также кн. Волконскій считаетъ не вполнѣ обезпеченнымъ народное образованіе и со стороны матеріальной, денежной. Несмотря на то, что въ началѣ своего девятилѣтія всѣ уѣздныя рязанскія земства ассигновали на содержаніе начальныхъ народныхъ школъ менѣе 25 тысячъ, а теперь ассигнуютъ болѣе 70 тысячъ, и въ томъ числѣ одинъ Данковскій Уѣздъ болѣе 46 тычячъ, а Михайловскій менѣе 3½ тысячъ (въ земской семьѣ, какъ и во всякой, не безъ урода, то-есть, не безъ Михайловскаго Уѣзда), при всемъ томъ «даже существованіе самихъ школъ (говоритъ кн. Волконскій) до того шатко, что для многихъ изъ нихъ достаточно одного какого-нибудь мѣстнаго несчастья, напримѣръ, большого пожара, градобитія, чтобы онѣ были закрыты, а учителя ихъ искали другихъ занятій». Самое снабженіе школъ учителями, говоритъ онъ, «отстаетъ отъ духа времени, не стоитъ на уровнѣ потребностей земства». А все оттого, что силъ нѣтъ, не обезпечено существованіе нашихъ сѣрыхъ титановъ: кàкъ они ни ворочаютъ Сизифовъ камень — свою нужду, которая лычкомъ подпоясана за неимѣніемъ ремня, а Сизифовъ камень все ни съ мѣста, и титаническій трудъ сѣрыхъ каменьщиковъ оплачивается фиктивнымъ двугривеннымъ въ день.

Если, въ теченіи девяти лѣтъ, земствомъ одержана какая-нибудь побѣда надъ Сизифомъ, такъ это — почти побѣда нравственная. Земская нужда взвѣшена, лыковый поясокъ ея оцѣненъ, все положено на счеты, и земскія копейки становятся горячими, жгутъ руки, хотя, къ сожалѣнію, не всякія. «Въ настоящее время (говоритъ кн. Волконскій), нѣкоторыя собранія требуютъ уже отъ своихъ управъ отчетности не въ однѣхъ суммахъ, но и въ исполненіи другихъ своихъ постановленій, и въ средѣ нашего земства становится замѣтнымъ слѣдующее явленіе: авторитетъ личностей и шумиха словъ, нѣкогда имѣвшіе

громадное вліяніе на рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, все болѣе и болѣе отодвигаются на задній планъ — наружу выплываетъ дѣло». Но гдѣ Сизифъ остается непобѣдимъ, такъ это тамъ, гдѣ тяжелый камень его приходится ворочать однимъ сѣренькимъ титанамъ: это—въ содержаніи путей сообщенія, и въ особенности полотна дорогъ, гдѣ весь трудъ падаетъ на одно сословіе, которое одно должно выровнять своими лаптями милліоны верстъ проѣзжихъ дорогъ, искрестившихъ собою все необъятное и мало заселенное пространство русской земли. Топтаніе лаптями всѣхъ грунтовыхъ дорогъ имперіи, и только одними лаптями, князь Волконскій считаетъ «аномаліею»; но аномалія эта — пока еще фактъ, невычеркнутый изъ жизни, не отпѣтый, не снесенный еще на историческое кладбище. Что же сдѣлало рязанское земство для улучшенія своихъ путей сообщенія?» спрашиваетъ князь-исповѣдникъ. «Очень немного, отвѣчаетъ онъ.—Оно проложило *около десятка верстъ* (о! неизмѣримая Россія!) новыхъ грунтовыхъ дорогъ, упразднило 161 версту старыхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя опять уже возстановлены, а другія должны быть возстановлены... Всѣ существующія дороги остаются почти въ томъ же видѣ, въ какомъ были до введенія земскихъ учрежденій. Можно сказать, что до сего времени у насъ нѣтъ еще дорогъ, есть только проѣзды, не всегда безопасные и которые ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ названія путей сообщенія, такъ какъ по нимъ вовсе нѣтъ сообщенія». Это ужь слишкомъ жестоко. Князь Волконскій отрицаетъ даже наши историческіе пути, по которымъ ходили наши предки радимичи, дреговичи и вятичи на заселеніи великой русской территоріи—тѣ пути, на которыхъ остается неизгладимый слѣдъ нашего историческаго лаптя, столь же тяжелаго, какъ и шапка Мономаха, слѣдъ отъ Кіева до Питера, отъ Питера до Архангельска, отъ Архангельска до Камчатки, отъ Камчатки до Хивы, отъ Хивы до библейскаго Арарата и до нашей священной Москвы, тѣ пути, по которымъ эта Москва гналась за Мамаемъ послѣ куликовскаго побоища, тѣ, наконецъ, пути, по которымъ исторически-великій лапоть несетъ свой исторически-великій грошъ въ уѣздное казначейство и въ земскую управу. Вообще, иронію надъ нашими путями сообщенія, конечно, природными, грунтовыми, мы готовы считать, по малой мѣрѣ, неумѣстною. Если все рязанское земство, соединенными усиліями работы девяти лѣтъ и коллективными силами всѣхъ уѣздовъ, потративъ на пути сообщенія болѣе 761,000 руб., осилило проложить только *десять верстъ* или даже *около* десяти, то сколькимъ же милліонамъ лаптей должно было истоптаться, сколько честнымъ рукамъ милліо-

намъ и милліардамъ мотыкъ, кирокъ и заступовъ измозолиться и одервенѣть, чтобы, не тратя ни копейки, исколесить дорогами всю безконечную русскую землю на милліоны верстъ? А вѣдь эти лапти и руки пролагали наши пути «натурою», своимъ собственнымъ тѣломъ. Да и вообще нападеніе на наши пути сообщенія, въ виду той системы, которою они поддерживались доселѣ, мы считаемъ неделикатнымъ. Если гдѣ умѣстна сдержанная, вполнѣ свѣтская иронія кн. Волконскаго, такъ это въ обсужденіи дѣятельности рязанскаго земства въ сессію 4-ую, 5-ую и 6-ую, въ трехлѣтіе 1868—1870 годовъ.

«Консервативная», какъ ее называетъ кн. Волконскій, дѣятельность этого трехлѣтія очерчивается такъ: «По закрытіи третьей сессіи собранія, начинается рядъ сессій — четвертая, пятая и шестая—не отличающихся ни энергическимъ возбужденіемъ новыхъ вопросовъ, ни такими рѣшеніями возбужденныхъ уже вопросовъ, которыя могли бы установить какія-либо новыя раціональныя основанія для будущей дѣятельности земства». Вся работа сводилась на «рѣшеніе текущихъ дѣлъ». Все новое «отлагалось» или «вовсе отклонялось». Только «два дѣла, въ теченіи трехъ лѣтъ, «нарушили этотъ общій характеръ» и въ свое время вызвали горячія пренія: по пятой сессіи—запрещеніе земскимъ учрежденіямъ безплатно пересылать по почтѣ свою корреспонденцію, и на шестой—по вопросу о новыхъ правилахъ содержанія проселочныхъ дорогъ. На обсужденіе перваго изъ нихъ потрачено три засѣданія сряду и, въ заключеніе, рѣшено ходатайствовать о возвращеніи земскимъ учрежденіямъ права пересылать свою корреспонденцію по почтѣ даромъ; на обсужденіе втораго—два засѣданія, и рѣшено оставить все по старому. Такимъ образомъ, въ сущности, и эти два дѣла не нарушили консервативнаго характера сессій, на которыхъ они обсуждались. Но, добавляетъ кн. Волконскій:—«шестая сессія была послѣдняя въ этомъ ряду сессій». А не потому ли, спросимъ мы гадательно, что съ этого времени кн. Волконскій участвуетъ въ земской работѣ въ качествѣ предсѣдателя губернской управы? Почему и не такъ? Въ коллективной работѣ земства, какъ и во всякой человѣческой работѣ, во всякомъ творчествѣ и даже въ разрушеніи, мы всегда признавали великое значеніе личности, и особенно велика бываетъ сила одного человѣка, когда онъ примѣняетъ къ работѣ не одинъ свой мускульный трудъ, но силу своего генія, силу мозговыхъ мускуловъ: свернуть Сизифовъ камень голыми руками не сможетъ ни одинъ богатырь; но хитрымъ механизмомъ, основаннымъ на законахъ блока и рычага. Архимедъ обѣщалъ свернуть земной шаръ съ дороги, еслибъ только было

гдѣ укрѣпить рычагъ. Но, въ интеллектуальномъ значеніи, рычагъ этотъ есть гдѣ опереть генію — на силѣ своего же генія. Милліоны человѣческихъ усилій не могли перекинуть клочокъ бумаги, письмо, одно слово, одинъ звукъ за тысячи верстъ въ нѣсколько мгновеній ока, а геній цѣлыя массы словъ перекидываетъ черезъ океаны съ помощью проволоки и силы, которую онъ же посадилъ въ эту проволоку и т. д. Это, впрочемъ—азбучная истина, какъ и всѣ великія истины. Неудивительно, если и рязанское земство двинулось послѣ трехъ лѣтъ сидѣнья, потому отчасти, что въ земскія ноги введенъ былъ токъ электричества такими новыми дѣятелями, какъ кн. Волконскій, Дашковъ и другіе.

Къ «консервативнымъ» сессіямъ рязанскаго земства кн. Волконскій причисляетъ и 2-ю экстренную 1871 года, когда рѣшался вопросъ о податной реформѣ. Обстоятельства этого дѣла, особенно какъ ихъ представляетъ кн. Волконскій, заключаютъ въ себѣ интересъ высокой важности. Губернская управа, которой поручено было разработать этотъ вопросъ, и особая комиссія изъ гласныхъ вынесла такой отвѣтъ земству: безусловно признавалось:

«что бремя налоговъ тяжело;

«что податныя силы достигли крайняго напряженія;

«что облегчить податныя сословія посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ между тѣми же сословіями не представляется никакой возможности;

«что проектъ правительственной комиссіи, основанный на обремененіи податями одного крестьянскаго сословія, оказывается совершенно несостоятельнымъ;

«что слѣдуетъ распространить податную обязанность на всѣ имущественныя и личныя силы:

«что земскія учрежденія, какъ учрежденія всесословныя, не могутъ отнестись къ дѣлу о замѣнѣ подушныхъ окладовъ другими сборами иначе, какъ съ точки зрѣнія всесословной;

«что несправедливо, чтобы въ одномъ и томъ же государствѣ были люди, ничего неплатящіе на государственныя надобности, и были сословія, обремененныя тяжкими налогами;

«что это тѣмъ болѣе несправедливо, что услугами и выгодами государственнаго благоустройства наиболѣе пользуются неплатящіе податей классы;

«что, наконецъ, наши податныя сословія совершенно истощены налогами

«и что нѣтъ никакой возможности оставлять это дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ теперь оно находится».

Собраніе раздѣлилось на двѣ стороны, почти равносильныя, изъ которыхъ одна сторона отвергала всесословность налога, какъ личное оскорбленіе, допуская, однако, всесословность волости, какъ личное наслажденіе. Какъ бы то ни было, вопросъ было прошелъ благополучно; только послѣ словъ «личныя силы» рѣшились поставить въ скобкахъ слово «трудъ»: налогъ-де не на «личныя силы», а на «трудъ», все же ближе къ мужику. Но оказалось, что и этого мало—въ душѣ многихъ таилось не то. «Ждали только случая, чтобы выразить это *не то* гласно, говоритъ съ грустью кн. Волконскій. — Случай не замедлилъ представиться. Когда приступили къ обсужденію составленнаго губернской комиссіей проекта положеній по налогу на строенія, то снова былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что̀ понимать подъ выраженіемъ «личныя силы» или «трудъ?» Снова начались тѣ же пренія, но исходъ ихъ былъ другой, небывалый еще въ исторіи рязанскаго губернскаго земскаго собранія: не окончивъ дѣла, гласные разъѣхались; при закрытіи собранія присутствовали только 11 гласныхъ. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? спрашиваетъ кн. Волконскій.—Удовольствовались ли гг. гласные принятымъ рѣшеніемъ о распространеніи податной обязанности на всѣ имущественныя и личныя силы губерніи и торопились разнести эту добрую вѣсть по своимъ уѣздамъ, или, напротивъ, недовольные рѣшеніемъ, они хотѣли своимъ отсутствіемъ положить предѣлъ его дальнѣйшему развитію?.. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ остается одно безспорнымъ—что губернскіе гласные второго чрезвычайнаго созыва не исполнили своего долга. Но дѣло совѣсти каждаго гласнаго—результатъ пониманія его обязанностей относительно своихъ избирателей. Съ земской точки зрѣнія, несравненно важнѣе другое послѣдствіе этого грустнаго факта—послѣдствіе, котораго нельзя не замѣтить, когда перечитываешь журналы нашихъ собраній». Это—раздѣленіе губерніи на два враждебные лагеря, почти равные по силамъ... «Но, говоритъ въ заключеніе князь-исповѣдникъ: — не будемъ больше вспоминать объ этомъ грустномъ старомъ времени» (обзоръ зем. дѣят., стр. 1, 77, 2, 6, 8, 9, 11—15, 17, 18, 39, 52, 57—59).

Въ слѣдующее затѣмъ трехлѣтіе (1871—1873 г.), въ составъ земства Рязанской Губерніи входятъ новыя силы—гласные новаго избранія. Вопросъ о податной реформѣ не могъ не оставить по себѣ, какъ утверждаетъ кн. Волконскій, «глубокаго слѣда». Дѣятельность земства круто мѣняется, но мѣняется къ лучшему, и опять-таки, можетъ быть, потому, что въ земскій организмъ влиты были новыя силы. Земскіе вопросы становятся разнообразнѣе, и къ нимъ относятся менѣе сдержанно. Обезпеченіе

народнаго продовольствія, оздоровленіе населенія, понятіе экономическаго уровна титановъ, ворочающихъ Сизифовъ камень— вотъ что̀ на первомъ планѣ. Говоря, въ общемъ, что, при всемъ своемъ усиліи, земство дѣлаетъ мало, кн. Волконскій спрашиваетъ: «Но одно ли оно виновато, что сдѣлало такъ мало? Намъ кажется, что нѣтъ!» Да, виновата опять-таки исторія: это—та «здоровая голова», на которую валятъ всѣ «больныя». «Подождемъ, говоритъ кн. Волконскій въ заключеніе своего «Обзора»:— подождемъ обвинять земскихъ дѣятелей перваго десятилѣтія. Они видѣли *все*... но, вникнувъ въ дѣло, они не могли не придти къ убѣжденію, что скоро помочь горю нельзя; что на это нѣтъ средствъ; что новые источники земскаго дохода еще неизслѣдованы, а старые почти изсякли; что земство отвыкло (не привыкло, то-есть?) быть хозяиномъ земскаго дѣла; что у него нетолько нѣтъ людей, привыкшихъ вести его хозяйство, но что у него нѣтъ даже достаточнаго числа грамотныхъ людей, которыхъ можно бы было пріучить къ этому; что на занятіе высшихъ должностей, содержимыхъ земствомъ, слишкомъ мало является конкуррентовъ изъ лицъ, достаточно для того образованныхъ, такъ что на завѣдываніе дѣломъ часто приходится тратить больше, чѣмъ слѣдовало бы, а иногда и больше, чѣмъ стоитъ самое дѣло. Убѣдившись же разъ, что у нихъ нѣтъ ни силъ, ни средствъ бороться съ самимъ зломъ, земскіе дѣятели перваго десятилѣтія начали борьбу съ причинами его создавшими, такъ какъ послѣдствія не могутъ не зависѣть отъ причинъ. Вся исторія дѣятельности гласныхъ перваго девятилѣтія подтверждаетъ это ихъ направленіе. Перечтите постановленія губернскаго собранія по крупнымъ вопросамъ, и вы увидите, что къ описи принимаемаго нами наслѣдства мы должны прибавить выработанныя ими коренныя начала земскаго дѣла, которыя одни только и могутъ возстановить наши земскія силы». Это— распространеніе образованія, отчетность въ каждомъ земскомъ грошѣ подъ контролемъ широкой гласности, изученіе экономическихъ силъ страны, возможное уравненіе для всѣхъ сословій тяготы Сизифова камня. «То или другое изъ этихъ основаній, такъ оканчивается вообще симпатичная рѣчь рязанскаго князя-работника: — заложено подъ каждую часть нашего земскаго хозяйства, и будущимъ дѣятелямъ, какъ намъ кажется, нѣчего бояться непрочности этихъ основаній. Будемъ же надѣяться, что и они увѣруютъ въ ихъ прочность и не найдутъ нужнымъ передѣлывать начатое, и пожелаемъ имъ того, чего прежнимъ дѣятелямъ не всегда доставало—побольше энергіи въ преслѣдованіи разъ избранной цѣли» (тамъ же, стр. 77, 78).

Такою мягкою, задушевною кистью, очерчена картина девятилѣтней дѣятельности рязанскаго земства, когда эта кисть была въ рукѣ у художника, личность котораго занимаетъ не послѣднее мѣсто на этой картинѣ. Но не совсѣмъ такого характера выходитъ живопись, когда картину начинаетъ рисовать постороннее лицо, художникъ другой школы. Это—художникъ-губернаторъ, открывающій земское собраніе послѣ девяти лѣтъ существованія земства. Правда, и онъ относится къ дѣятельности собственно губернскаго земства съ большимъ уваженіемъ, которое безспорно раздѣляетъ вся Россія; рязанское земство высоко поднимаетъ голову надъ цѣлой массой безцвѣтныхъ, приниженныхъ и экономическою, и духовною нищетою русскихъ земствъ. Губернаторъ строго выдѣляетъ губернское земство изъ семьи уѣздной земщины. Въ первомъ онъ видитъ безспорную «заботливость» о нуждахъ населенія: онъ говоритъ, что богоугодныя заведенія содержатся «отлично»; что домъ умалишенныхъ «приспособленъ ко всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки»; что учительская семинарія воспитываетъ «хорошихъ учителей»; что разработка правильной разцѣнки предметовъ обложенія и переложенія «тягостныхъ натуральныхъ повинностей» въ денежныя основана на «самыхъ справедливыхъ началахъ»; что ко всѣмъ вопросамъ, передаваемымъ правительствомъ на обсужденіе земства, оно всегда относится съ «чрезвычайнымъ вниманіемъ и добросовѣстностью», и разработка ихъ—«образцовая»; что бюджетъ «не особенно отягощаетъ» плательщиковъ, что земскіе дѣятели своею «безукоризненностью и неутомимостью» заслужили «всеобщее глубокое уваженіе»... Но — здѣсь кисть художника становится жестка, образы на картинѣ выходятъ ярки, но не симпатичны—губернаторъ обращается къ дѣятельности уѣздной земщины и находитъ въ ней «поразительную неравномѣрность», «непонятное равнодушіе» и такія явленія, которыя ему кажутся «немыслимыми». Тамъ, въ углахъ, онъ находитъ такія земства, «гдѣ всѣ старанія направлены къ тому, чтобы на повинности не обязательныя *не давать ничего*» и чтобы «онъ *неизбѣжнаго* существованія земства оставалось какъ можно менѣе послѣдствій». Такимъ губернаторъ считаетъ михайловское земство въ семьѣ всѣхъ рязанскихъ, по пословицѣ—«въ семьѣ не безъ... михайловца». Въ то время, когда данковское земство, въ теченіи перваго девятилѣтія, израсходовало на народное образованіе 47 тысячъ, сапожковское—36, касимовское и зарайское—по 35, михайловское за всѣ эти девять лѣтъ отвалило 3 тысячи съ небольшимъ, но и отъ этой «ничтожной суммы» оставались «значительные остатки». Это—дѣйствительно экономія того ску-

пого, который принималъ своего друга, вечеромъ, безъ огня и безъ нижняго бѣлья, ради экономіи. «Причиною такого скуднаго назначенія на предметъ столь важный, говоритъ губернаторъ:— выскавляется нежеланіе крестьянъ учить своихъ дѣтей и давать что-либо на школу. Но почему же въ уѣздахъ данковскомъ, сапожковскомъ, касимовскомъ и другихъ, гдѣ было обращено вниманіе на народное образованіе, крестьяне жертвуютъ большія суммы, значительныя же средства, ассигнуемыя земствомъ, не въ состояніи нерѣдко удовлетворять всѣмъ просьбамъ объ открытіи школъ? Конечно, не недостатокъ средствъ тому причиною, такъ какъ платежныя силы Михайловскаго Уѣзда гораздо больше касимовскихъ, данковскихъ и многихъ другихъ». Губернатору кажется невозможнымъ, «разительнымъ» сопоставленіе расходавъ на медицинскую часть по Михайловскому Уѣзду и по другимъ: когда Сапожковскій Уѣздъ даетъ *100 тысячъ* на оздоровленіе своего народа, михайловскій отваливаетъ *семь*! Тамъ по нѣскольку больницъ и врачей на уѣздъ, здѣсь—ни одной больницы и одинъ врачъ въ городѣ! Поэтому губернаторъ считаетъ необходимымъ преподать вѣжливое внушеніе михайловцамъ и читаетъ въ собраніи такой урокъ: «Въ виду разительныхъ примѣровъ того благосостоянія, какое вызвано повсюду, гдѣ земство исполнило свой долгъ, я полагалъ бы полезнымъ, чтобы губернская управа, время отъ времени, представляла собранію подробные доклады о ходѣ дѣла по разнымъ отраслямъ земскаго хозяйства во всѣхъ уѣздахъ: гг. гласные, знакомясь съ тѣмъ, что̀ сдѣлано въ губерніи, и сопоставляя то, что̀ сдѣлано хорошаго одними, и то, чего не сдѣлано другими—внесутъ въ свои уѣздныя собранія какъ знанія, основанныя на опытѣ другихъ, такъ и сознаніе, *какъ дурно не дѣлать ничего*».

Выше мы говорили, что придаемъ особенную важность дословному записыванію всего, что̀ происходитъ и говорится на земскихъ собраніяхъ. Съ одной стороны, стенографическое воспроизведеніе важнѣйшихъ моментовъ въ жизни земства это — живая исторія Россіи или, по малой мѣрѣ, драгоцѣнные осколки этой исторіи, изъ которыхъ процессомъ мозаическаго подбора можетъ быть создана полная картина нашего бытія; съ другой—вѣрное воспроизведеніе словъ и дѣяній каждаго земскаго лица предохраняетъ нашего циклопа-Полифема отъ непріятности не знать, какіе изъ земскихъ Одиссеевъ—его друзья и какіе—враги. Но кромѣ того, въ стенографическомъ воспроизведеніи важнѣйшихъ моментовъ земской жизни мы можемъ видѣть, какъ иногда до смѣшного и грустнаго доходитъ въ земствахъ борьба знанія и невѣжества, борьба соціальныхъ страстей, и какъ

изъ этого смѣшного и грустнаго вырабатывается то, въ чемъ наиболѣе нуждается Россія. Въ этомъ же, подчасъ смѣшномъ и грустномъ обнаруживается, сколько труда предстоитъ земствамъ въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ, когда изъ-за какого-нибудь пустого выраженія, изъ-за того, какъ понимать слово «просить» и «приказать», изъ-за видимаго вздора, изъ-за выковавшейся канцелярскою практикою стилистики приходится биться по два и по три часа. А между тѣмъ, это неизбѣжно: насъ исторія не пріучила ни къ чему публичному и земству приходится пріучаться къ публичной дѣятельности съ азовъ — съ умѣнья публично хоть бы носъ утереть себѣ и сосѣду.

Такъ, рязанское губернское собраніе намѣревается утереть носъ касимовской уѣздной управѣ за то, что она, вопреки закону, допустила храненіе на рукахъ у члена управы болѣе 500 рублей земскихъ денегъ. Но какъ утереть носъ? какимъ порядкомъ и въ какой формѣ? Одна часть собранія утверждаетъ, что касимовской управѣ слѣдуетъ «вмѣнить въ обязанность» исполненіе утвержденныхъ правилъ счетоводства и отчетности, другая — что болѣе умѣстно «просить», а не «вмѣнять». Гласный Кошелевъ высказывается за необходимость въ процессѣ публичнаго утиранья носовъ употреблять вѣрныя выраженія и находитъ, что «вмѣнить въ обязанность» и есть то настоящее слово, которое должно исходить отъ собранія въ данномъ случаѣ. Съ другой стороны, гласный Алянчиковъ напоминаетъ, что касимовская управа теперь совершенно измѣнилась въ своемъ составѣ и что лица, составляющія ее въ настоящее время, не могутъ отвѣчать за то, что̀ сдѣлано другими. За что̀ же имъ вмѣнять?»

— Конечно, говоритъ на это гласный Левашовъ: — сущность дѣла—прежде выраженія, но и выраженіе также важно. Если собраніе употребитъ въ данномъ случаѣ слово «просить», то лицо, незнакомое съ его дѣятельностью, вправѣ заключить, что правило, о соблюденіи котораго «просятъ», вводится въ первый разъ. На самомъ же дѣлѣ—далеко не такъ. О соблюденіи этого правила губернское собраніе повторяетъ изъ года въ годъ, и новости оно ни для какой управы не составляетъ.

— Я вполнѣ присоединяюсь къ предложенію гласнаго Кошелева, вступаетъ въ споръ новый и опытный земскій ораторъ, г. Дашковъ:—вводить въ деликатность въ случаяхъ, подобныхъ данному, крайне опасно. Извѣстныя общеупотребительныя въ свѣтѣ формы, конечно, имѣютъ большое значеніе, когда въ дѣловыя отношенія входятъ начала свѣтскаго обращенія — неиз-

вѣстно, гдѣ провести границы для нихъ. Собраніе такъ же относилось всегда и къ другимъ управамъ; зачѣмъ же для касимовской дѣлать исключеніе? Далѣе: пренія о «вмѣнить» и «просить» становятся смѣшными и, въ то же время, крайне поучительными, потому что, повторяемъ, исторія не научила насъ ни публично сморкаться, ни публично утирать носъ.

— Я нахожу, говоритъ гласный Бабинъ, что выраженіе «просить» гораздо сильнѣе и имѣетъ болѣе понудительный характеръ, чѣмъ слово «вмѣнить въ обязанность», такъ какъ обязанность эта и безъ того лежитъ на всѣхъ уѣздныхъ управахъ. Въ настоящемъ случаѣ, важнѣе всего результатъ.

Ему возражаютъ кн. Волконскій, уже знакомый намъ, и г. Порозовъ. Первый говоритъ, что губернская управа, какъ и губернское собраніе, представляютъ собою всѣ 12 уѣздовъ губерніи: если одинъ уѣздъ не слушается одиннадцати, то одиннадцать вправѣ требовать повиновенія. Г. Порозовъ проситъ формы «менѣе рѣзкой»—не «вмѣнять», не грозить.

— Не признаетъ ли собраніе, предлагаетъ онъ:—возможнымъ употребить въ данномъ случаѣ обыкновенное выраженіе: «обратить вниманіе касимовской управы на уклоненіе?» Въ такомъ выраженіи не будетъ ни *просьбы*, ни *порицанія*.

На арену борьбы изъ-за «вмѣнить» и «просить» выходятъ вновь: гг. Дашковъ, Алѣевъ, Алянчиковъ, кн. Волконскій, Кошелевъ, Аѳанасьевъ, Бабинъ, другой кн. Волконскій (Н. С., а не С. В.), Баклевскій, Наумовъ.

Г. Алѣевъ—противъ порицанія. Онъ совѣтуетъ лучше привлечь къ отвѣтственности виновныхъ.

— Я въ недоумѣніи, восклицаетъ г. Дашковъ: — нѣкоторые гласные, въ томъ числѣ г. Алянчиковъ, находятъ слово «просить» мягче, чѣмъ слова «вмѣнить въ обязанность», а гл. Бабинъ, напротивъ, полагаетъ, что слово это жестче. Такъ не лучше ли избѣгать употребленія такихъ словъ, которыя понимаются такъ различно, и взять слово *не мягкое* и *не жосткое*, а вѣрное.

Г. Алянчиковъ обиженъ — онъ не предлагалъ слова «просить»...

— Губернское собраніе никогда ни о чемъ *не просило* свою управу, а всегда или *поручало* ей что-либо, или *вмѣняло* въ обязанность, объясняетъ кн. Волконскій. — Почему же оно будетъ говорить съ уѣздными управами на другомъ языкѣ?

Г. Аѳанасьевъ отстаиваетъ слово «просить», употребляемое начальствомъ даже тамъ, гдѣ оно увѣрено, что его не посмѣютъ

ослушаться. Г. Кошелевъ требуетъ точныхъ выраженій—жостки ли они, мягки ли—все равно, лишь бы были точны.

Г. Бабинъ начинаетъ иронизировать. Ему кажется, что споръ идетъ о «стриженомъ» и «бритомъ».

— Когда я предложилъ слово «просить», то еще не зналъ полнаго его анализа, такъ подробно выяснившагося въ настоящее время (говоритъ онъ съ злою иронiею). Оказывается, что оно, въ одно и то же время, *и мягко, и жестко*. Тѣмъ лучше. Поэтому я вновь имѣю честь предложить его. Для меня непонятно только, что пренія о словѣ продолжаются такъ долго, и я желалъ бы окончанія ихъ.

Кн. Н. С. Волконскій побиваетъ и г. Бабина, и г. Аѳанасьева, и самое слово «просить» новыми аргументами. Онъ говоритъ, что всякое постановленіе собранія — актъ власти законодательной, въ которомъ должны встрѣчаться только точныя слова. а губернская управа можетъ говорить съ другими управами какъ ей угодно, т. е. «можетъ употреблять какія угодно выраженія».

— Нѣтъ, возражаетъ другой кн. Волконскій, нашъ старый знакомый:—я считаю далеко не безразличнымъ употребить то или другое выраженіе. Выраженія эти имѣютъ вліяніе на характеръ отношеній губернскаго земства къ уѣзднымъ управамъ. Девять лѣтъ собраніе устанавливало эти отношенія, и теперь на десятый предлагаютъ измѣнять ихъ, уничтожать девятилѣтнюю работу. Дѣло это, я снова повторяю, съ земской точки зрѣнія, крайне важно.

Битва подходила къ концу — губернская сила одолѣла уѣздную. Собраніе постановило: «вмѣнить» — и «вмѣнили» (Журн. Ряз. губ. зем. собр. десятаго очер. созыва. Рязань. 1875, стр. 1—3, 25—29).

Конечно, все это можетъ казаться мелочнымъ канцеляризмомъ, войной на полѣ писарскей этимологіи. Но историческій опытъ говоритъ не то: мы знаемъ, что еще недавно Франція объявила войну Пруссіи изъ-за того только, что король Пруссіи Вильгельмъ не «просилъ» посла Франціи, Бенедетти, а «вмѣнилъ»— и Франція была унижена, раззорена, потеряла Эльзасъ и Лотарингію, пять мильярдовъ золота, императора, армію, пережила коммуну, разрушеніе Парижа и до сихъ поръ не можетъ оправиться потому только, что не хотѣла, чтобъ ей «вмѣняли».

XVI.

Хотя намъ и не слѣдовало бы останавливаться такъ долго на Рязани, когда въ перспективѣ у насъ еще такъ много городовъ, и старыхъ, и молодыхъ, богатыхъ жизнью и богатыхъ мертвенностью, однако, мы позволяемъ себѣ промедлить лишній денёкъ въ этомъ «градѣ Олега» коварнаго, тѣмъ болѣе что то, что дѣлаетъ одно умное земство, гораздо поучительнѣе того, что дѣлаютъ десять земствъ неумныхъ, да и самыя ошибки ума безспорно внушительнѣе ошибокъ глупости.

Земскія сметы – безъ сомнѣнія, самый жизненный нервъ въ земскомъ организмѣ. Въ этомъ нервѣ—узлы и сплетенія всѣхъ нервовъ земскаго тѣла. Каковы отношенія земствъ къ своимъ сметамъ, къ своему насущному бюджету—таковы и жизненныя отправленія самихъ земствъ.

Разсмотрѣніе сметъ въ рязанскомъ собраніи всегда поглащаетъ много времени и много вниманія у этого земства. Убить такъ или иначе свою и мужичью копейку, пустить въ трехпроцентный или въ стопроцентный ростъ свой и мужичій пятакъ, превратить этотъ пятакъ въ положительную или отрицательную величину, въ творческую или мертвящую силу, въ самомъ дѣлѣ—это не одно и то же. Поэтому, почти каждая статья сметы, внесенная въ собраніе, вновь выносится изъ него для спеціальнаго изученія и изслѣдованія всѣхъ условій, ее вызвавшихъ и давшихъ ей тотъ или другой экономическій профиль. Только съ нѣкоторыми неважными статьями собраніе поканчиваетъ тотчасъ же, на мѣстѣ. Нѣкоторыя земства давно чувствуютъ, что въ числѣ обязательныхъ повинностей, возложенныхъ на населеніе, есть такія, которыя мозолятъ земскій глазъ, которыя не вызываются требованіями жизни, а остаются на этой жизни, какъ историческіе лишаи, требующіе лишь безполезнаго расхода. Такимъ лишаемъ на земствѣ давно всѣми признанъ институтъ «полюбовнаго размежеванія» и питающіеся соками этого лишая паразиты «посредники полюбовнаго размежеванія». Поэтому, когда въ рязанскомъ собраніи чтеніе сметы дошло до статьи на содержаніе органовъ полюбовнаго размежеванія, А. И. Кошелевъ первый возвысилъ голосъ. «Долго ли будутъ показываться въ земскихъ сметахъ расходы на этотъ предметъ? сказалъ онъ.—Кажется, и дѣятельность посредниковъ полюбовнаго размежеванія почти прекратилась, а между тѣмъ, расходъ слишкомъ въ

3,000 обременителенъ для земства. Собраніе не разъ ходатайствовало передъ правительствомъ и часто успѣшно. Не рѣшится ли оно ходатайствовать и по этому предмету, въ видахъ если не упраздненія посредниковъ по полюбовному размежеванію, то преобразованія этихъ учрежденій и сокращенія расходовъ на нихъ?» Къ голосу г. Кошелева присоединяются голоса гг. Наумова, Н. Хрущова, Малашкина и другихъ. Г. Дашковъ заявляетъ, что у него уже изготовленъ проектъ по этому предмету и что ходатайство будетъ возбуждено. Надо надѣяться поэтому, что историческій лишай будетъ сведенъ съ земскаго тѣла и въ экономіи всего русскаго земства можетъ оставаться ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ рублей—поддержаніе лишая обходилось Россіи недешево.

Читаютъ статью сметы о расходахъ на содержаніе губернской управы. Нѣкоторые гласные заявляютъ, что, вмѣсто шести членовъ, управа можетъ ограничиться четырьмя, и спрашиваютъ мнѣнія объ этомъ предметѣ кн. Волконскаго. Этотъ послѣдній отвѣчаетъ: «Можно имѣть шесть членовъ, можно обойтись и съ четырьмя:—иные четыре члена, даже два члена, больше сдѣлаютъ чѣмъ другіе въ шестеромъ. Отъ собранія зависитъ выбрать такихъ людей, которые будутъ работать. Въ послѣднее время, по случаю выбытія нѣкоторыхъ членовъ, вся работа управы, кромѣ Д. Д. Дашкова, не получавшаго вознагражденія, но работавшаго никакъ не менѣе, если не болѣе членовъ, получавшихъ его, лежала на двухъ членахъ—А. Н. Левашовѣ и К. И. Федоровскомъ. Если собранію угодно знать мое мнѣніе, то я полагалъ бы, что трудолюбивыхъ и преданныхъ дѣлу членовъ достаточно четырехъ». И собраніе остановилось на четырехъ членахъ. Но обсужденіе статьи расхода на содержаніе собственно канцеляріи управы вызываетъ продолжительныя пренія. Дѣло въ томъ, что управа испрашивала для себя увеличенія канцелярской суммы собственно на предметъ *печатанья* земскихъ изданій журналовъ, особыхъ записокъ, докладовъ и т. д. Управа сознавала, что въ печати ея сила, ея нравственная опора, какъ и опора всего земства. Тогда собраніе, не имѣя ничего сказать противъ этой, такъ можно выразиться, субсидіи типографскому станку, требуетъ отъ управы, чтобы она внесла въ свою смету канцелярскіе расходы не огульно, а выдѣлила бы въ отдѣльныя рубрики жалованья секретарю, бухгалтеру, техникамъ и т. д. На это г. Дашковъ замѣчаетъ, что дѣленіе сметы на рубрики поведетъ лишь къ увеличенію всѣхъ рубрикъ. Управа, не смѣя покрывать недостатки одной рубрики остатками другой, но не-

обходимости будетъ стремиться вносить въ смету большія цифры—для безопасности. «Если же собраніе желаетъ (говоритъ онъ), чтобы канцелярія управы не была въ обидѣ, то пусть ревизіонныя комиссіи ревизуютъ все дѣлопроизводство управы, *до ниточки*. Такое отношеніе къ дѣлу будетъ серьёзнѣе и добросовѣстнѣе». На это г. Порозовъ возражаетъ, что онъ не видитъ основанія держать секретаря и бухгалтера управы *на задѣльной платѣ*, что должности эти такого рода, что жалованье ихъ можно было бы выдѣлить и въ отдѣльныя статьи, и что, хотя онъ ничего не имѣетъ противъ выдачи имъ наградъ, но думаетъ, что «ради достоинства этихъ лицъ, выдѣленіе ихъ было бы важно».—«Я далекъ отъ мысли, прибавилъ онъ:—отрицать вліяніе подробной ревизіи, но думаю, что и мѣры предупредительныя, устраняющія возможность извѣстнаго зла или извѣстныхъ уклоненій отъ порядка, неменѣе важны». Г. Порозову возражаетъ г. Левашовъ. «Прежде всего, говоритъ онъ:—*я не вижу въ задѣльной платѣ никакого униженія* достоинства лица, ее получающаго: большинство гласныхъ, здѣсь присутствующихъ, получаютъ эту задѣльную плату. Я не вижу также никакого возвышенія достоинства секретаря или бухгалтера, если цифра назначеннаго имъ вознагражденія будетъ стоять въ сметѣ въ отдѣльной статьѣ. Сущность дѣла отъ этого также не перемѣнится»... Но многіе, все-таки, настаиваютъ на «выдѣленіи». Г. Кошелевъ увѣряетъ, что управа легко можетъ теперь же опредѣлить, сколько, напр. въ будущемъ году предполагаетъ употребить на техника. «Управа совсѣмъ этого опредѣлить не можетъ (отвѣчаетъ на это кн. Волконскій); ей могутъ понадобиться архитекторы, техники, ученые, профессора, присяжные повѣренные и множество лицъ, которыхъ она теперь и не имѣетъ въ виду, такъ какъ работы ея весьма разнообразны». Г. Кошелевъ, все-таки, настаиваетъ на своемъ, не смотря на то, что говоритъ управѣ любезности, что̀ называется, въ упоръ. «Я не хочу вѣрить (говоритъ этотъ старый дипломатъ изъ стаи славянофильскихъ орловъ—Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ)—я не хочу вѣрить, чтобы губернская управа, *сама пріучившая собраніе къ точности*, не нашла возможности распредѣлить сметные расходы по рубрикамъ... Если управа затрудняется представить свои соображенія въ настоящую сессію, въ чемъ я опять-таки сомнѣваюсь въ виду ея опытности, то я согласенъ ассигновать испрашиваемую ею прибавку съ тѣмъ, чтобы *просить* ее или *поручить* ей, такъ какъ самой управѣ ненравится это выраженіе, къ будущему собранію разработать этотъ вопросъ».—И вопросъ былъ разрабо-

танъ управою въ эту же *ночь*, а утромъ прошелъ въ собраніи. Видно, что потомки Олега рязанскаго и Прокопія Ляпунова не утратили энергіи своихъ предковъ подобно «курянамъ» дмитріевцамъ, которые изъ «сѣрыхъ волковъ, скачущихъ въ полѣ и ищущихъ себѣ чести, а князю славы», какъ о ихъ предкахъ выражается пѣвецъ «Слова о полку Игоря», выродились въ сонныхъ земляныхъ звѣрковъ, круглый годъ сосущихъ свою и земскую лапу. Рязанцы остаются все тѣми же неподатливыми древле-московскими сепаратистами, которые не хотѣли даже ѣсть когда-то изъ общей миски съ Москвою, пить съ нею изъ одной «братины». Они и теперь противъ «общей миски», но уже въ современномъ значеніи этого слова и, притомъ, только въ буквальномъ, а не въ государственномъ, не въ соціальномъ, не въ общинномъ. Г. Дашковъ, неизмѣнный и упрямый борецъ за народное образованіе, за широкое развитіе бѣлоголовыхъ рязанскихъ, данковскихъ, касимовскихъ, скопинскихъ, пронскихъ и иныхъ крестьянскихъ ребятишекъ, постоянно выколачиваетъ у своего земства копейку за копейкой въ пользу этихъ пострѣлятъ, будущихъ просвѣтителей своихъ же быстроглазыхъ и босоногихъ Акулекъ да Парашекъ. Теперь онъ требуетъ новаго расхода на то только, чтобы отучить этихъ ребятишекъ, воспитанниковъ александровскаго училища, ѣсть изъ «общей миски».

— Я предлагаю, говоритъ онъ: новый расходъ на посуду оловянную или деревянную, какъ угодно, и на введеніе тарелокъ вмѣсто мисокъ или чашекъ, изъ которыхъ ѣдятъ нѣсколько человѣкъ. Я знаю, что мнѣ могутъ сдѣлать на это постоянно высказываемое въ собраніи возраженіе, что ученики александровскаго училища не должны удаляться отъ быта ихъ отцовъ и матерей и отъ крестьянскаго сословія, въ средѣ котораго имъ придется жить. Но въ александровскомъ училищѣ слишкомъ сто человѣкъ; посуду, изъ которой ѣдятъ, и столы, на которыхъ ѣдятъ, нельзя держать такъ чисто, какъ двѣ или три ложки и столы въ крестьянской семьѣ, гдѣ за вещами этими смотрятъ двѣ или три бабы. Поддерживать установившіеся въ крестьянскомъ населеніи, въ силу необходимости, обычаи въ ученикахъ училища, взятыхъ изъ того же населенія, необходимо, но не менѣе необходимо соблюдать условія чистоты и здоровья. Соблюденіе это становится крайне трудно, когда изъ одной миски ѣдятъ шесть человѣкъ. Можетъ быть, со стороны учениковъ училища и есть нѣкоторая небрежность, увеличивающая нечистоту, но, во всякомъ случаѣ, ѣсть чисто на нѣкоторомъ разстояніи отъ миски невозможно. Всякаго посѣтителя поразить запахъ кушанья, распространяющійся изъ столовой. Управа нѣсколько

лѣтъ старается водворить чистоту въ этомъ отношеніи; она пробовала ввести скатерти и принуждена была замѣнить ихъ клеенками. Въ настоящее время, приходится бросать и клеенки, и скатерти, и замѣнить ихъ окраскою столовъ масляною краскою, но и это средство, вѣроятно, окажется недостаточнымъ. Хорошо поддерживать разумный обычай, но обычай ѣсть изъ общей миски, какъ вредный, слѣдуетъ не поддерживать, а искоренять. Изъ отчетовъ врачей Данковскаго Уѣзда за пять лѣтъ слѣдуетъ, что на 100 лицъ, зараженныхъ сифилисомъ, обращающихся къ врачу, приходится 80, которые заразились случайно, оттого что, живя вмѣстѣ съ больными, не принимали должныхъ мѣръ къ огражденію себя отъ зараженія; въ одинъ годъ въ больницу было доставлено 10 мальчиковъ, заразившихся благодаря общей мискѣ. Обычай этотъ есть лучшій путь для распространенія сифилиса, и желательно отучить отъ него воспитанниковъ александровскаго училища. На пріобрѣтеніе посуды потребуется расходъ до 300 р.; опасаться же, что ученики усвоятъ привычку, которая будетъ выше средствъ ихъ, нѣчего, потому что жалованье сельскаго учителя всегда даетъ ему возможность имѣть такую роскошь какъ нѣсколько тарелокъ.

И собраніе изрекло свое veto противъ «общей миски».

Сейчасъ мы видѣли, какъ жестко рязанскій губернаторъ въ своей рѣчи отнесся къ тѣмъ земствамъ, которыя держатъ слишкомъ въ чорномъ тѣлѣ народное образованіе, какъ, напр., земство михайловское, прославившееся на поприщѣ держанія въ чорномъ тѣлѣ всего своего уѣзда. Но урокъ губернатора, повидимому, былъ еще недостаточно жостокъ. Доказательство этому тотчасъ же представилъ князь Крапоткинъ своимъ уѣздно-школьнымъ сепаратизмомъ. Дѣло было такъ. Когда вопросъ объ «общей мискѣ» былъ порѣшенъ, неутомимый по школьной части Дашковъ дѣлаетъ новое заявленіе, закидываетъ удочку все въ тотъ же благодатный прудъ, гдѣ и рыба, и раки зимуютъ. Онъ говоритъ, что, хотя съ іюля 1874 года введено новое положеніе о народныхъ училищахъ, по которому канцелярія совѣта содержится на счетъ правительства, однако, было бы очень полезно, по старому, ассигновать на эту канцелярію 240 р. «Вся администрація народныхъ училищъ (продолжаетъ онъ) подверглась въ настоящее время коренному измѣненію. Собраніе, по моему мнѣнію, должно встрѣтить это измѣненіе гостепріимно, показать, что оно ничего не имѣетъ противъ администраціи училищъ въ томъ видѣ, какъ она является въ настоящее время. Если, отъ чего Боже упаси, отношеніямъ земства и новой администраціи суждено испортиться, то пусть это останется не на

отвѣтственности земства, *а на душѣ тѣхъ, которые внесутъ раздоръ*. Собраніе же готово сдѣлать и сдѣлаетъ все, что̀ въ его власти, для того чтобы дѣло народнаго образованія не страдало отъ дурныхъ отношеній между земствомъ и администраціею народныхъ училищъ, установленною правительствомъ». Видно, что г. Дашковъ привыкъ говорить и имѣетъ тактъ и чутье. Видно также, что онъ даромъ не сталъ бы говорить о раздорѣ, о томъ, что чему-то «суждено испортиться» при новой администраціи училищъ: въ благодатный прудъ, повидимому, забрались новые рыбаки и хотятъ ловить рыбу не на честную удочку, а на ядовитый кукельванъ. На заявленіе г. Дашкова г. Кошелевъ замѣчаетъ, что назначать суммы на содержаніе правительственнаго учрежденія неудобно, особенно когда земство объ этомъ не просятъ: это значитъ показывать, что правительство мало отпускаетъ средствъ своему учрежденію. Тогда г. Аѳанасьевъ предлагаетъ такой компромиссъ: подъ видомъ одного сдѣлать другое—дать на разъѣзды членамъ училищнаго совѣта, а совѣту, будто бы, не давать. Мысль эта всѣмъ понравилась тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, главная цѣль губернскаго училищнаго совѣта—это имѣть земское школьное око въ уѣздахъ, наблюдать этимъ земскимъ окомъ за ростомъ своего дѣтища—народнаго образованія, и помогать этому росту. Но тутъ является кн. Крапоткинъ съ чѣмъ-то «неудобосказуемымъ», съ какимъ-то непонятнымъ уѣзднымъ задоромъ.

— Я не понимаю (говоритъ онъ съ уѣздною обидчивостью), зачѣмъ члены губернскаго училищнаго совѣта будутъ ѣздить въ наши уѣзды, какъ будто бы въ уѣздныхъ совѣтахъ меньше *смыслящихъ членовъ*, чѣмъ въ губернскомъ совѣтѣ! И что̀ будетъ дѣлать членъ губернскаго училищнаго совѣта, пріѣхавъ одинъ одинёхонекъ въ школу? Кому онъ будетъ читать тамъ лекціи и кому давать инструкціи ка̀къ вести дѣло? Да никому этого и ненужно. Члены уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ выбираются изъ тѣхъ же гласныхъ, какъ и члены губернскихъ совѣтовъ, а потому знаютъ дѣло не хуже послѣднихъ...

На эту уѣздную филиппику г. Аѳанасьевъ замѣчаетъ сердитому князю, что если для уѣздовъ интересно знать, *ка̀къ* идутъ школы уѣзда, то для губерніи не менѣе интересно знать, *ка̀къ* идетъ дѣло народнаго образованія во всей губерніи. На это скромное замѣчаніе сердитый князь отвѣчаетъ не менѣе сердито: «Губернское земство можетъ судить о томъ по отчетамъ членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ».

Желая смягчить уѣздное сердце князя, самые почтенные изъ дѣятелей рязанскаго земства спѣшатъ къ нему на помощь съ

своими кальмативами. А И. Кошелевъ первый прописываетъ для князя успокоительное. «Для меня, говоритъ онъ:—совершенно ясна польза назначенія средствъ на разъѣзды членовъ губернскаго совѣта по школамъ. Назначеніе это можетъ доставить губернскому собранію такіе прекрасные отчеты, какими дарилъ его бывшій членъ совѣта, гласный Дашковъ, и которые, конечно, стоятъ не 200 р.» Г. Лукинскій самымъ скромнымъ образомъ даетъ кн. Крапоткину тоже своего рода успокоительное лекарство, посыпая только пепломъ уѣздную гордость своего противника. Онъ говоритъ: «Я сомнѣваюсь, чтобы въ Ряжскомъ Уѣздѣ нашлись *такіе же* члены училищнаго совѣта, *какимъ* былъ гласный Дашковъ въ губернскомъ совѣтѣ». Можно себѣ представить, что̀ должна была чувствовать уѣздная гордость кн. Крапоткина, если и онъ самъ — изъ Ряжскаго Уѣзда. Но этого мало. Послѣ гг. Кошелева и Лукинскаго, поднимется г. Левашовъ. Онъ говоритъ къ кн. Крапоткину: «На вопросъ, предложенный гласнымъ кн. Крапоткинымъ, что̀ будутъ дѣлать члены губернскаго совѣта въ школахъ? я поставлю другой вопросъ: а что̀ будутъ дѣлать эти члены въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, если они не будутъ объѣзжать школы?» Затѣмъ кн. Крапоткину читаетъ наставленіе г. Порозовъ: «Если губернскому земству нужно слѣдить за ходомъ народнаго образованія въ губерніи, то ему необходимо имѣть своихъ агентовъ, точно такъ же, какъ и уѣздамъ. Губернскому собранію нельзя полагаться на отчеты членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта, имъ не выбираемыхъ. Оно должно имѣть своихъ *соглядатаевъ*, своихъ четыре зоркихъ глаза, которые будутъ смотрѣть за тѣмъ, что̀ дѣлается въ губерніи, и докладывать о томъ собранію. Кромѣ пользы для дѣла, отъ такого наблюденія ничего не можетъ быть. Не всѣ уѣзды относятся къ дѣлу какъ слѣдуетъ, и, можетъ быть, усердіе губернскаго земства возбудитъ рвеніе и въ уѣздныхъ земствахъ». Выступаетъ, наконецъ, и г. Дашковъ, и, по своему обыкновенію, выступаетъ тяжело вооруженный логикой и фактами, особенно когда дѣло касается нечесаныхъ ребятишекъ и ихъ школъ. «Я очень радъ, говоритъ онъ:—что моя изба съ краю и что, не будучи членомъ губернскаго училищнаго совѣта, я могу говорить о дѣлѣ, какъ о дѣлѣ, не касающемся до моей личной дѣятельности: Я желаю указать на одну сторону дѣятельности земскихъ членовъ губернскаго училищнаго совѣта, а именно—на характеръ ихъ надзора за дѣломъ. Никогда еще губернское земское собраніе не придавало своимъ органамъ значенія *соглядатаевъ* другъ надъ другомъ и дай Богъ, чтобы и впредь не было та-

кого соглядатайства. Уѣздные училищные совѣты дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и ведутъ дѣло сообразно съ своими взглядами на него; но для губернскаго собранія небезъинтересно знать, какіе результаты получаются отъ примѣненія тѣхъ или другихъ взглядовъ, приложенныхъ на практикѣ того или другаго уѣзда, и сопоставить эти результаты, съ цѣлью выработки вѣрнаго воззрѣнія на дѣло. Гласный кн. Крапоткинъ желалъ бы, чтобы члены губернскихъ училищныхъ совѣтовъ посѣщали школы какъ можно меньше, а ограничивались бы для своихъ работъ лишь письменными отчетами членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Но пусть онъ представитъ себѣ положеніе члена отъ земства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, которое, во всякомъ случаѣ, должно быть равноправное съ положеніемъ другихъ членовъ того же совѣта, хотя бы въ слѣдующемъ случаѣ: представляется отчетъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта на разсмотрѣніе губернскаго совѣта. Члены губернскаго совѣта, *не земскіе*, оспариваютъ его, говорятъ: свѣдѣнія, въ немъ изложенныя—неточны, даже невѣрны. Членъ отъ земства станетъ защищать его. Его будутъ бить фактами, ему отвѣтятъ: «вы судите только на бумàгѣ, а мы убѣдились личнымъ осмотромъ». Доказать свои словà онъ не можетъ и долженъ будетъ замолчать. Совсѣмъ не то, когда знаютъ, что членъ отъ земства можетъ во всякое время посѣтить любую школу и повѣрить личнымъ осмотромъ всѣ обстоятельства, какія онъ найдетъ нужнымъ повѣрить. Тогда только онъ можетъ занимать въ училищномъ совѣтѣ такое же почетное мѣсто, какъ и прочіе члены, и голосъ его будетъ имѣть такое же значеніе, какъ и голоса прочихъ членовъ».

Сбитый съ позиціи, кн. Крапоткинъ, все-таки, силится отстоять свой уѣздный сепаратизмъ. Онъ машетъ своею уѣздною шпагою, зажмуря глаза, и попадаетъ не туда, куда слѣдуетъ. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, чувствуя свое безсиліе:—назначать членамъ отъ земства какое-либо вознагражденіе за ихъ *почетную* и *полезную* дѣятельность значило бы оскорблять ихъ». Видя безсиліе противника, гласный Бабинъ говоритъ ему: «не туда-де, князь, машете вашей уѣздной шпагой». «Князь Крапоткинъ, говоритъ г. Бабинъ:—болѣе всѣхъ возстающій противъ членовъ губернскаго училищнаго совѣта, въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи находитъ ихъ *безполезными*, въ другомъ — считаетъ эту должность *почетной* и *полезной*. Вамъ бы слѣдовало остановиться на чемъ-нибудь одномъ».—«*Иногда слѣдуетъ читать и между строкъ*», отвѣчаетъ на это кн. Крапоткинъ умирающимъ голосомъ. А что̀ читать между строкъ, когда тамъ

ничего не написано, кромѣ оскорбленнаго уѣзднаго самолюбія? Какъ бы то ни было, но и собраніе признало кн. Крапоткина побѣжденнымъ. По этому образчику можно судить, что и умнымъ земствамъ не всегда легко достаются умныя побѣды.

Хотя, впрочемъ, казалось бы, что настоящая война съ кн. Крапоткинымъ едва ли была настолько необходима, чтобы на нее стòило тратить усилія всего собранія и терять изъ общей земской работы нѣсколько часовъ, и что война эта, составляя не особенно крупный эпизодъ изъ жизни русскаго земства, не стòила того, чтобы ее заносить въ нашу земскую хронику, однако, такое мнѣніе будетъ ошибочно. Война эта, только по нѣкоторымъ пріемамъ воюющихъ сторонъ, напоминаетъ Гомерову «Ватрахоміомахію»; но въ существѣ затронутаго ею вопроса кроется нѣчто капитальное для земства. Тутъ ставится на карту рѣшеніе того вопроса, который задалъ себѣ Гамлетъ передъ своею погибелью: «to be, or not to be?» «Быть или не быть» земству для народнаго образованія *тѣмъ, чѣмъ* оно *можетъ быть*. Кн. Крапоткинъ могъ не понимать всей важности этого вопроса; но г. Дашковъ, кажется, понялъ его или только угадалъ своимъ сильно развитымъ земскимъ чутьемъ. Онъ, повидимому, понялъ, что давленіемъ откуда-то извнѣ, невѣдомо, а можетъ быть, и вѣдомо откуда и зачѣмъ, стираются или просто порѣшили оттереть земства отъ народнаго образованія, т. е. не совсѣмъ оттереть, а оттереть только такъ, чтобы оно давало деньги на народное образованіе, а въ школы бы не заглядывало, какъ того, повидимому, желаетъ и кн. Крапоткинъ; чумазыхъ крестьянскихъ ребятишекъ не баловало бы оловянною посудою, тарелками и тому подобнымъ либеральничаньемъ, а во всемъ слушалось бы начальства, которое умѣло вести дѣло народнаго просвѣщенія уже и тогда, когда земства еще и на землѣ не было, и теперь умѣетъ вести его лучше, чѣмъ земство, юное и неопытное земство, у котораго еще и молоко на губахъ не обсохло. Г. Дашковъ, кажется, унюхалъ это своимъ черезъчуръ развитымъ земскимъ носомъ и нетолько побилъ на ратномъ полѣ кн. Крапоткина за его недогадливость, а можетъ быть, и излишнюю догадливость, но неблагоразумно вздумалъ считаться и съ начальствомъ, за что̀, конечно, и получитъ достойное наказаніе. Дѣло это представляется въ такомъ видѣ. 1-го іюля 1874 года, рязанскій губернаторъ увѣдомилъ рязанскую земскую управу, что высочайше утвержденное 25-го мая (6-го іюня) положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ должно быть приведено въ дѣйствіе съ 1-го іюля, а потому и просилъ управу сообщить ему имена членовъ училищнаго со-

вѣта отъ земства. Управа сообщила, что члены эти — г. Дашковъ и г. Счастневъ. Но 1-го октября, г. Дашковъ вдругъ входитъ въ управу съ бумагой такого содержанія: «При семъ имѣю честь препроводить въ управу копію съ особаго мнѣнія, поданнаго мною въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ по поводу состоявшагося въ немъ постановленія: обратиться къ г. попечителю московскаго учебнаго округа за разъясненіемъ вопроса о *правѣ членовъ губернскаго совѣта посѣщать школы въ губерніи*. Такъ какъ прочіе члены совѣта, въ случаѣ порученія имъ со стороны ихъ прямаго начальства посѣтить нѣкоторыя школы, должны будутъ исполнить такое порученіе, каково бы ни было постановленіе совѣта по этому предмету, то очевидно, что вопросъ касается только членовъ отъ земства въ совѣтѣ. Не говоря уже о томъ, что члены совѣта, лишенные возможности лично знакомиться съ ходомъ училищнаго дѣла въ губерніи, осуждены на чисто формальное къ нему отношеніе и ограничены въ своей дѣятельности разсмотрѣніемъ восходящихъ до совѣта бумагъ, что̀ не будетъ соотвѣтствовать намѣреніямъ земскаго собранія—я не считаю возможнымъ оставаться представителемъ земства въ учрежденіи, гдѣ возникаетъ вопросъ о неравноправности членовъ отъ земства съ прочими членами, и потому слагаю съ себя должность члена губернскаго училищнаго совѣта». Не хорошо, трикраты не хорошо! сказалъ бы г. Дашкову тотъ добрый священникъ, который былъ огорченъ, что его духовная дочь имѣетъ «àманта». Не даромъ г. Дашковъ высказывалъ опасеніе, кàкъ бы не «испортились» добрыя отношенія земства къ новой администраціи, и заявлялъ, что грѣхъ этотъ ляжетъ на душу тѣхъ, которые «внесутъ раздоръ» въ эти отношенія. Видно, что «раздоръ» уже внесенъ; но кѣмъ, зачѣмъ—мы этого не видимъ, хотя можемъ только догадываться, по римской пословицѣ: «sapienti sat», т. е. намъ, мудрымъ, достаточно одного заявленія кн. Крапоткина, чтобы видѣть, откуда вѣтеръ дуетъ.

Замѣчательно, однако, что рязанское земство, выслушавъ докладъ объ исторіи г. Дашкова съ училищнымъ совѣтомъ, постановило и, притомъ, *единогласно*, въ составѣ *семидесяти* гласныхъ: «вмѣнить въ обязанность будущимъ членамъ губернскаго училищнаго совѣта отъ земства осматривать начальныя школы». Еще болѣе замѣчательно то, что и кн. Крапоткинъ былъ въ числѣ этихъ семидесяти гласныхъ, постановившихъ такое рѣшеніе. Видно, что рязанское земство не хочетъ, чтобы его оттирали отъ народнаго образованія.

У рязанскаго земства вообще есть чему поучиться остальнымъ

земствамъ на святой Руси. Еслибы всякая земская единица знала, что̀ дѣлаютъ ея сестры, далекія и близкія, большія и малыя, умныя и глупыя, на всѣхъ широтахъ и долготахъ русской земли; еслибы эти сестры, хотя взаимно, обмѣнивались между собою заочными привѣтами, поклонами и взаимно узнавали о здоровьѣ и расположеніи духа каждой сестрицы; еслибы онѣ довѣдывались, ка̀къ живетъ та или другая ихъ сестрица, что̀ она подѣлываетъ съ своими маленькими дѣтками, хорошо ли ихъ поитъ-кормитъ, обуваетъ и одѣваетъ, хорошо ли учитъ ихъ уму-разуму; еслибы сестры не теряли одна другой изъ виду, подавая вѣсть о себѣ тѣмъ, что каждая сестра посылала бы всѣмъ сестрамъ по серьгамъ—по книжкѣ своихъ постановленій; еслибы сестры видѣли, что одна изъ нихъ разсылаетъ всѣмъ золотыя и брилліантовыя сережки, а другая—мѣдныя, что̀ бываютъ у кучеровъ въ ушахъ, ободочки, и дознавались бы, отчего это происходитъ; еслибы, однимъ словомъ, всѣ земства могли спѣваться по капитальнымъ вопросамъ жизни, то, безъ сомнѣнія, единый всероссійскій земскій хоръ вышелъ бы поразительно внушительнымъ и земство имѣло бы полное право пропѣть: «славься, славься, святая Русь!» Къ сожалѣнію же, у рѣдкаго земства есть своя земская библіотечка, въ которой находились бы земскія изданія всѣхъ земскихъ сестеръ-единицъ, а если у иного и есть библіотечка, такъ не полная, безсистемная, разрозненная, какъ у того букиниста, который покупаетъ и продаетъ книги по корешкамъ, да на вѣсъ, на пуды. Слѣдить за тѣмъ, что̀ и ка̀къ дѣлается у другихъ земствъ, провѣрять свою работу чужими, свои задачи задачами цѣлой группы земствъ—этого у многихъ земствъ нѣтъ и въ обычаѣ, и большинство изъ нихъ бродитъ во тьмѣ, до всего доходя своимъ умомъ, какъ Кифа Мокіевичъ, и иные, дѣйствительно, додумываются стрѣлять въ созданное своимъ же воображеніемъ чудовищное яйцо изъ пушки. А между тѣмъ, пока земскіе Кифы Мокіевичи додумаются до яйца и пушки, земскія силы тратятся непроизводительно, вочеловѣченіе русскаго народа идетъ слишкомъ медленно, да и то полосами, какими-то разношерстными и разнокачественными лядинами.

Такъ, мы полагаемъ, что весьма многія земства могли бы взять у рязанцевъ, хотя напрокатъ, нѣсколько вопросовъ, поставленныхъ ими на очередь, и попробовать разрѣшить ихъ сообразно мѣстнымъ условіямъ. Теперь, между прочимъ, рязанцы занялись одною весьма смѣлою задачею, съ удачнымъ выполненіемъ которой могутъ быть связаны важныя послѣдствія для всего экономическаго быта Россіи. Они задумали маленькую пе-

ретасовку населенныхъ мѣстностей своего края, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и созданіе новыхъ поселеній. Это значитъ пересоздавать отчасти физіономію своей страны и ея будущую исторію. Въ 1873 г., рязанцы, по предложенію гласнаго Л. Н. Шишкова, поставили себѣ задачей—выселять охотниковъ-крестьянъ, кои имѣютъ растянутый и удаленный отъ селеній надѣлъ, на этотъ самый надѣлъ и образовывать, такимъ образомъ, новые поселки. Этимъ охотникамъ предполагается выдавать извѣстныя ссуды на подъемъ и на обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ. Чѣмъ вызывается подобная земская фантазія, какъ назвалъ бы ее кн. Кропоткинъ, ратующій противъ нея такъ же смѣло, какъ и противъ членовъ училищнаго совѣта? Рязанцы говорятъ: «Задачи земства—хозяйственныя. Но хозяйничать должно земство не про нынѣшній только день: заботы дня не могутъ исчерпать его дѣятельность. Оно должно видѣть возникающія потребности населенія и, одновременно съ ихъ развитіемъ, подготовлять средства къ ихъ удовлетворенію. Что же ждетъ впереди обывателей нашихъ селеній?» спрашиваютъ рязанцы.—«Ихъ ждетъ гибель, отвѣчаютъ рязанцы:—русскія селенія ростутъ, все болѣе и болѣе скучиваются, а огонь пожираетъ ихъ. Какъ фениксъ изъ пепла, возникаютъ новыя села и жмутся еще тѣснѣе, а скоро и селиться будетъ нѣкуда. А огонь, все-таки, будетъ приходить и пожирать ихъ до тла въ 24 года, какъ онъ пожираетъ въ 24 года всю Россію, т. е. цѣнность всего на ея обширныхъ земляхъ выстроеннаго. И вотъ, Россія горитъ и строится, горитъ и строится и при этомъ съѣдаетъ свой лѣсъ на эту стройку, съѣдаетъ свои рабочія силы, съѣдаетъ, наконецъ, свои капиталы, какъ тотъ дьяконъ Ахилла, съѣвшій нечаянно прилипшіе къ сдобнымъ лепешкамъ двѣсти рублей. «Сколько безполезнаго передвиженія цѣнностей, сколько дароваго труда, сколько даромъ убитаго времени и, сверхъ всего этого, сколько страданій и лишеній! горѣть и строиться, строиться и горѣть, и вертѣться въ этомъ кругу до безконечности...» Такъ говорятъ рязанцы своему земскому собранію. Они же говорятъ, что каждый годъ идетъ до мильйона на земскія нужды и столько же «на дымъ», на пожаръ, на умилостивленіе огненнаго бога. «Двѣ земскія сметы, вмѣсто одной—и какъ же тутъ не быть недоимкамъ!» Рязанцы же говорятъ, что и нравственное вліяніе пожаровъ на населеніе ужасно, если еще не болѣе страшно: «народъ привыкаетъ къ пожарамъ», ужь онъ относится къ нимъ «равнодушно», ждетъ страховаго вознагражденія за гнѣвъ божій. «Привычка періодически горѣть неминуемо убиваетъ привычку копить запасъ про-черный день», и вотъ народныя сред-

ства «таютъ, а не ростутъ». Спасти страну отъ огня—вотъ одна изъ задачъ земства: спасеніе отъ огня спасаетъ для каждой губерніи ежегодно мильйонъ по малой мѣрѣ. Спасеніе это рязанское земство видитъ въ разбивкѣ крупныхъ селеній на мелкіе поселки и *въ созданіи*, чрезъ это, *новыхъ цѣнностей*. Русская земля уже старѣется, дряхлѣетъ, становится чахлой. Въ большинствѣ случаевъ, безъ удобренія, она уже не кормитъ никого. Чѣмъ ближе къ полю поселокъ, тѣмъ удобнѣе народу поддерживать въ землѣ производительную силу навозомъ. А иные крестьянскіе надѣлы растянуты лентами сотни верстъ, отъ города до города. Эти ленты обречены на скорую смерть, на неизбѣжное истощеніе. «Допускать ли подобное явленіе, спрашиваютъ рязанцы:—или дать ему выступить въ видѣ послѣдовательныхъ неурожаевъ со всѣми ихъ горькими послѣдствіями, чтобы тогда сокрушаться надъ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ и, чего добраго, собирать подаянія по широкой Руси? что̀ изъ двухъ достойно земскихъ учрежденій? въ которомъ случаѣ будемъ мы вправѣ считать свой долгъ исполненымъ передъ нашими избирателями?»

Одинъ человѣкъ во всемъ рязанскомъ земствѣ пошелъ противъ этой смѣлой попытки создать въ Россіи новый порядокъ жизни, и этотъ одинъ былъ кн. Крапоткинъ. Когда губернское собраніе передало вопросъ о переселеніи крестьянъ на полевые участки въ уѣздныя собранія, кн. Крапоткинъ, какъ предводитель ряжскаго дворянства и предсѣдатель ряжскаго земскаго собранія, *не допустилъ* этотъ вопросъ къ обсужденію въ своемъ собраніи, какъ вопросъ, будто бы, «сословный», т. е. исключительно мужицкій, который, по 7-й ст. полож. о земск. учрежд., не входитъ, будто бы, въ кругъ земскихъ занятій. Когда, затѣмъ, въ послѣднемъ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, кн. Крапоткинъ долженъ былъ стать передъ лицомъ всего земства своей губерніи и объяснить мотивы, руководящіе имъ въ неповиновеніи губернскому земству, подсудимый держалъ себя такъ, какъ та классическая героиня Леэна, которая, дабы не сказать то, что̀ отъ нея требовали враги, откусила себѣ языкъ и за это была потомъ боготворима греками въ видѣ львицы съ разинутой пастью и съ откушеннымъ языкомъ. Правда, кн. Крапоткинъ не откусилъ себѣ языка, но сказалъ, что, если онъ не позволилъ своему земству обсуждать вопросъ о выселеніи крестьянъ на полевые участки, то сдѣлалъ это такъ потому, что такъ хотѣлъ сдѣлать: что это—вопросъ «сословный». Неповиновеніе кн. Крапоткина вызвало горячія пренія въ собраніи. Въ поступкѣ кн. Крапоткина собраніе должно было видѣть по-

сягательство на права земства. «Для губернскаго собранія необходимо ограждать себя отъ такого противодѣйствія со стороны собраній уѣздныхъ, говоритъ губернская управа въ своемъ докладѣ собранію.—Въ жизни рязанскаго земства губернское собраніе еще въ первый разъ сталкивается съ такимъ противодѣйствіемъ. Ему приходится опредѣлить предѣлы своей власти». Но, въ данномъ случаѣ, кн. Крапоткинъ остался непобѣдимымъ: когда одна часть собранія настаивала на томъ, чтобы просить министра внутреннихъ дѣлъ «о разъясненіи кн. Крапоткину предѣловъ его власти, такъ какъ пониманіе его расходится съ закономъ», другая, болѣе сильная, превышавшая первую тремя голосами, отвергла это предложеніе, и кн. Крапоткинъ остался со щитомъ, а не на щитѣ, какъ въ битвѣ противъ членовъ училищнаго совѣта.

Что же касается самаго вопроса, изгнаннаго кн. Крапоткинымъ изъ ряжскаго земства и изъ Ряжскаго Уѣзда, то, въ виду его капитальной важности, собраніе передало окончательную разработку его особой комиссіи.

Едва ли не болѣе капитальной задачей задалось рязанское земство и по отношенію къ той сторонѣ земской жизни, которая, такъ сказать, составляетъ примитивную «клѣточку» въ земскомъ и государственномъ организмѣ—клѣточку, отъ того или другаго патологическаго состоянія которой зависитъ то или другое патологическое состояніе всего государства. Клѣточка эта, основа государственной и общественной жизни—это наша сельская волость, это самъ народъ въ своемъ общественномъ хозяйствѣ и въ своемъ микроскопическомъ самоуправленіи; это, однимъ словомъ—«міръ», «космосъ», который, по справедливости, можетъ быть названъ «микрокосмомъ». Волость—это, повидимому, міръ въ періодѣ зачаточнаго, до-форменнаго броженія матеріи въ пространствѣ, клѣточка вселенной въ ея хаотическомъ состояніи, хаотическомъ до грандіознаго. А между тѣмъ, на этой клѣточкѣ держится все государство, какъ оно держится на неграмотномъ мужичкѣ. Чтобы сдѣлать изъ этой хаотической клѣточки *что-нибудь*, чтобы, по крайней мѣрѣ, извлечь этотъ «міръ» изъ «хаоса довременности», выражаясь языкомъ поэтовъ, рязанское земство рѣшилось на трудный подвигъ—на ревизію волостей; т. е. не на ревизію въ старомъ, чиновничьемъ значеніи этого слова, а въ смыслѣ разумнаго изученія волости, научнаго изслѣдованія «клѣточки». Правда, и здѣсь оно встрѣтило препятствія или въ равнодушіи нѣкоторыхъ изъ земскихъ дѣятелей, или въ непониманіи глубины задачи: такъ, касимовцы высказались, что считаютъ изученіе волостей «безполез-

нымъ», что имъ «все извѣстно» и безъ изученія; однако, въ общемъ, изученіе было произведено, и рязанское земство вынесло самое безнадежное заключеніе изъ того, что̀ оно узнало. Если только представить себѣ все, что̀ предстоитъ земству сдѣлать, чтобы изъ хаоса создать живую, стройно-дѣйствующую силу, то неудивительно, что честные земскіе работники должны впасть въ отчаяніе, руки опустить отъ безнадежности. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, что̀ говоритъ рязанское земство, взявшееся за тяжелый подвигъ—создать изъ нашей «клѣточки» хоть *что̀-нибудь*. Для этого *что̀-нибудь* долженъ «потребоваться продолжительный и усиленный трудъ цѣлой массы людей... И эти труды будутъ каплею въ морѣ безъ помощи людей грамотныхъ, которые помогли бы слѣпому народу въ волостныхъ правленіяхъ, на волостныхъ и сельскихъ сходкахъ разобраться въ своихъ путанныхъ и перепутанныхъ счетахъ. А гдѣ взять этихъ людей? Ихъ не создать никакими указаніями и никаками предписаніями»... Вездѣ, во всѣхъ «клѣточкахъ» одинъ и тотъ же довременный хаосъ: «тотъ же сборъ неграмотными старостами денежныхъ платежей различныхъ наименованій (до 10-ти и больше); та же путаница и отсутствіе всякаго обезпеченія для плательщиковъ; тѣ же отмѣтки по окладнымъ книгамъ, веденнымъ полуграматными писарями; та же масса дѣлъ, лежащихъ на волостныхъ правленіяхъ; та же небрежность въ денежныхъ книгахъ; тѣ же утраты и растраты, учесть которыя не представляется почти никакой возможности; то же сгнаиванье прежнихъ запасовъ хлѣба и самыхъ магазиновъ, и произвольные дѣлежи свѣжихъ запасовъ; тѣ же предписанія безъ цѣли, безъ конца отъ высшихъ инстанцій къ низшимъ, и тѣ же отписыванья отъ низшихъ къ высшимъ; та же темная и безпомощная безграматность кругомъ, о которую разбивается всякая начальническая строгость...

«Безграматность», мракъ абсолютный—вотъ та скала, о которую *все* разбивается и будетъ разбиваться. Нищета — вотъ то основаніе, на которомъ стоитъ эта несокрушимая скала, стоитъ и долго будетъ стоять.

«Я нашелъ въ обревизованныхъ мною волостяхъ множество уклоненій отъ законнаго порядка, но уклоненія эти или вызывались необходимостью, или совершенно оправдывались *общею неграматностью и бѣдностью* населенія». Такъ говоритъ въ началѣ своего доклада А. Н. Левашовъ, членъ рязанской губернской управы, одинъ изъ тѣхъ тружениковъ, которые взялись изслѣдовать жизнь земской «клѣточки», волости, и ея отправленія. Эти добросовѣстные земскіе подвижники считали песокъ

морской — такая страшная масса собранныхъ ими во время поѣздокъ по губерніи свѣдѣній, цифръ, наблюденій, замѣтокъ, грандіозныхъ безобразій... Цѣлую книгу, изданную особо, составилъ ихъ докладъ въ 224 печатныхъ страницы, и книга эта, изданная рязанскимъ земствомъ, вмѣстѣ съ другими его изданіями, прибавляетъ новый вкладъ въ историческую библіотеку будущихъ изслѣдователей неисповѣдимыхъ судебъ Россіи. Громадный геній долженъ быть у будущаго историка Россіи, чтобы освѣтить и оживить весь этотъ хаосъ данныхъ, накопляемыхъ современною жизнью. Мы же не беремся и не осмѣливаемся исчерпывать его, а возьмемъ лишь нѣсколько атомовъ изъ этого хаоса... Земскій подвижникъ ищетъ по уѣзду продовольственнаго капитала, который по закону долженъ быть, и не находитъ; его нѣтъ и быть не можетъ все по тѣмъ же *двумъ* причинамъ: «Все дѣло ограничивается только перепискою; управа напоминаетъ волостному начальству, волостное начальство—сельскому, и послѣднему въ пору заботиться только о сборѣ внесенныхъ въ раскладку платежей. И это-то трудно запомнить и счесть безграматному сельскому старостѣ! Куда ужь тутъ высчитывать, почемъ съ души придется продовольственнаго капитала: блàго граматное начальство не считаетъ, а безграматному и Богъ велѣлъ...» (Доклады членовъ рязанск. губерн. зем. управы о ревизіи волостей уѣздовъ: Зарайскаго, Данковскаго, Пронскаго, Егорьевскаго и Скопинскаго. Рязань 1874, стр. 10, 23). А народъ хочетъ учиться, хочетъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, подростающіе, бѣлоголовые ребятишки вывели ихъ изъ тьмы непроглядной. «Крестьяне и сельскіе жители другихъ сословій, признаютъ школы дѣломъ крайней необходимости, съ большою охотою посылаютъ въ нихъ дѣтей, ясно сознавая, что граматный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше неграматнаго, и если сожалѣютъ о чемъ, то только о недостаткѣ школъ» (тамъ же, 45). Есть школы, въ которыя *приходятъ* дѣти изъ другихъ сёлъ, даже изъ другихъ уѣздовъ, таща «съ собою изъ дому весь запасъ, который могутъ захватить». И тутъ не безъ честныхъ подвижниковъ и подвижницъ: въ селѣ Струпнѣ, Зарайскаго Уѣзда, подвизается отецъ Надеждинъ, священникъ, и его дочь-дѣвушка: подвижники убиваютъ на школу по 8 часовъ въ сутки—и почти даромъ! Только съ прошлаго года, земство положило 230 р. А гдѣ нѣтъ подвижниковъ, тамъ опять тьма: «и дѣти не ходятъ въ школу, и родители не видятъ пользы въ ученьи, и сходъ скупится на расходы; а принялись за дѣло (подвижники), и мальчиковъ множество, отцы и матери сами шлютъ ихъ въ школу, и общество усердно помогаетъ имъ». А есть и такія

волости, какъ, напримѣръ, козловская, гдѣ *нѣтъ ни одной школы*: «По этому ли, или по другимъ причинамъ, только въ козловской волости темь непроходимая, грамотныхъ совсѣмъ нѣтъ, и путаются неграматные старшины, старосты и сборщики, путаются до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не запутаются! Нѣсколько разъ собираются сходы ихъ учитывать, каждый разъ получаютъ новые результаты начёта, такъ что и не знаешь, чему вѣрить. Тѣмъ временемъ, вступило въ должность новое лицо, не успѣло побыть нѣсколько мѣсяцевъ въ должности—и запуталось. Опять начётъ и опять цѣлый рядъ цифръ и соображеній, въ которыхъ потеряется нетолько неграматный человѣкъ, но и любой бухгалтеръ, и бьются бѣдняки до пота лица—и все даромъ. Трудно темному, неграматному человѣку разобрать запутанные счеты, и нѣтъ ни одного граматѣя во всемъ уѣздѣ, который взялся бы емȕ помочь. Да что̀ помочь—лишь бы только не мѣшался. А то въ этой брошенной волости послѣдніе три года смѣнилось двое старшинъ и до десяти человѣкъ писарей, и что̀ не новый писарь, то путаетъ» (тамъ же, 47, 62, 63). А посмотримъ, ка̀къ ведется бухгалтерія у этихъ бѣдныхъ русскихъ бушменовъ, въ чемъ состоятъ ихъ конторскія и казначейскія книги. Міръ дастъ старостѣ длинную бичеву: это—бухгалтерская книга! На бичеву нанизываются четырехгранныя бирки, по порядку дворовъ въ селеніи по биркѣ на каждый дворъ. Каждая бирка распилена на двѣ половины, снабженныя деревянными колышками и дырочками, такъ что колышекъ одной половины какъ-разъ приходится въ дырочку другой. На толстомъ концѣ каждой половинки, сходящемся съ тонкимъ концомъ другой половинки, отмѣчается сколько во дворѣ душъ и сколько съ нихъ приходится оклада. Затѣмъ, обѣ половинки бирки складываются и на составляющихся отъ этого граняхъ отмѣчается уплата знакомъ, такъ что одна половина знака приходится на одной половинѣ бирки, а другая на другой. Послѣ отмѣтки уплаты, одна половина бирки остается у старосты на бичевѣ (въ книгѣ!), а другая отдается плательщику (квитанція!). Чтобъ счетъ былъ признанъ вѣрнымъ, надо, чтобы нетольки бирки пришлись другъ къ другу, но чтобъ полузнаки на нихъ составили цѣльные знаки. И вотъ, въ податной тетрадкѣ отмѣчается противъ двора, положимъ, Карпа Сидорова: ⊛⊛⊛××××III≡. Это значитъ, что со двора Карпа Сидорова получено податей *3 р. 43¾ к.* Вѣдь, это—даже не іероглифы египетскіе, существовавшіе до изобрѣтенія азбуки, а это—нѣчто еще болѣе древнее, болѣе примитивное и дикое: это—«черты и рѣзы» славянскіе и скандинавскіе, находимые на скалахъ и въ пещерахъ отъ того времени, когда наши предки

жили еще пещерною жизнью въ каменномъ вѣкѣ и, по развитію, стояли не выше дикихъ бушменовъ и папуасовъ. И эти «черты и рѣзы» существуютъ въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка, и попадаются не въ пещерахъ, не на скалахъ, а въ офиціальныхъ, начальственныхъ документахъ!.. (Тамъ же, стр. 71, 113, 114).

О другихъ волостяхъ читаемъ въ докладѣ: «Крестьяне посылаютъ въ школы дѣтей очень охотно, что̀ доказывается переполненностью всѣхъ школъ и, сравнительно съ числомъ учащихся, тѣснотою ихъ помѣщеній. По отзывамъ крестьянъ, грамотный человѣкъ всегда вдвое больше сто̀итъ неграматнаго: и служить обществу можетъ, и поможетъ ему въ своихъ счетахъ разобраться, и во всемъ отвѣтъ дать можетъ, да и то ужь хорошо, что *отъ мальчиковъ многіе отцы и матери молитвамъ выучились*...» Яица курицу учатъ, вопреки русской пословицѣ... А вотъ въ какомъ состояніи запасные продовольственные магазины, это ожидаемое страною спасеніе въ страшные голодные годы: магазинъ выстроенъ общій на волость—огромное каменное зданіе въ 105 аршинъ длины, покоемъ, въ два крыла. «Подъѣхали къ одному крылу (говоритъ г. Левашовъ въ своемъ докладѣ), бились полчаса и не могли отпереть совершенно заржавѣвшій замокъ, пригласили кузнеца и сломали его. Огромная стая голубей поднялась съ нашимъ входомъ. Поднялись по лѣстницѣ на верхнюю площадку; по обѣимъ сторонамъ ея—глубокіе закромà, устроенные на самыхъ раціональныхъ основаніяхъ, такъ, чтобы воздухъ свободно проходилъ межъ ними и стѣнами. Но въ этихъ закромахъ лишь одинъ голубиный помётъ. Рожь оказалась, по словамъ старосты, раскраденною, да мало того, что рожь—начали красть доски, изъ которыхъ построены закромà. Да и не мудрено: магазинъ остается неприступнымъ для старосты, а воры давно уже выбили себѣ слуховое окно и изъ него устроили прекрасную лѣстницу...» Въ другихъ волостяхъ магазины—пусты. И вотъ, о всѣхъ волостяхъ Данковскаго Уѣзда г. Левашовъ отзывается: «Во всѣхъ волостяхъ дѣло идетъ такъ, что не знаешь, радоваться или печалиться тому, что хлѣбъ разворовывается: *по крайней мѣрѣ*, хоть вору въ пользу пойдетъ, а то все равно съѣдятъ мыши да голуби, или еще хуже—сопрѣетъ» (тамъ же, стр. 81, 82, 85). А отчего воры? — Все *отто̀го же*. Посмотримъ, ка̀къ достается хлѣбъ рабочимъ. Напримѣръ, одна волость живетъ преимущественно добываніемъ жерноваго камня. Камень лежитъ подъ краснымъ пескомъ на глубинѣ 8 и болѣе аршинъ, сплошнымъ пластомъ. «Добываніе его самое первобытное и напоминаетъ древнія египетскія рабо-

ты (отъ которыхъ Моисей спасъ евреевъ). Жизнь рабочихъ до того тяжелая, что остается удивляться, какъ можетъ выносить ее природа человѣческая. Желающіе добывать жернова соединяются въ одну общую артель, которая, за право пользованія камнемъ, выплачиваетъ помѣщику по 30 р. съ человѣка. Артель ощупываетъ камень особеннымъ щупомъ или буромъ и, удостовѣрившись въ его присутствіи, начинаетъ рыть яму, дорывается до камня и, продолбивъ его, всыпаетъ въ сдѣланное отверстіе нѣсколько фунтовъ пороху. Тогда въ атрели выбирается смѣльчакъ и отправляется зажигать порохъ. Онъ прощается со всѣми, и на проводахъ товарищи угощаютъ его виномъ. И есть причины прощаться. Зажиганье пороха дѣлается такъ: берется желѣзная лопата съ жаромъ и изъ рукъ бросается огонь въ порохъ. Часто зажигающій погибаетъ или приходитъ искалѣченнымъ, но еще чаще авоська вывозитъ—и тогда нѣтъ конца торжеству. Виновнику его предоставляется право втораго выбора изъ всѣхъ, имѣющихъ быть добытыми камней, а первый выборъ принадлежитъ цѣловальнику, который давно уже купилъ лучшій камень рублей за 12, далъ впередъ деньги или вина и, получивъ его, черезъ годъ продаетъ за 90 рублей. Разорвавъ каменное гнѣздо, артель устраиваетъ ступенями спускъ въ яму и начинаетъ подрываться подъ отдѣльные куски камня, развороченные взрывомъ. Земля при этомъ передается на верхъ со ступеньки на ступеньку. Если оторванный кусокъ слишкомъ великъ, то его отсѣкаютъ желѣзными клиньями. Когда кусокъ достаточно окопанъ, его поддѣваютъ веревками и воротомъ вытаскиваютъ наружу. Тамъ уже окончательно обдѣлываютъ камень посредствомъ клиньевъ и клюва (остраго молота) и придаютъ ему форму жернова. Очень часто въ ямѣ случаются обвалы, придавливающіе рабочихъ... Во все время этой работы, артель живетъ въ землянкахъ, въ сырости, холодѣ, а подчасъ и голодѣ. Послѣ страшныхъ трудовъ, при скудной пищѣ, является сильная страсть къ вину; но и вино-то такой рабочій пьетъ не какъ люди, какъ выразился одинъ изъ крестьянъ: наскоро напьется, какъ тёлокъ—и готовъ». Спрашиваютъ: отчего пьянство въ народѣ?—Все *оттого же*.—Наемнымъ рабочимъ жизнь также тяжкая—и многіе бѣгаютъ съ работы. Ихъ сѣкутъ розгами и велятъ отрабатывать забранныя деньги. Но «сѣченый работникъ—не работникъ». Говорятъ: не надо впередъ давать имъ денегъ; «но и этого нельзя, потому что иные, если не получатъ впередъ денегъ, *будутъ съ голоду помирать*» (тамъ же, стр. 106, 107, 120).

Вотъ тутъ земство и вертись между Сциллой и Харибдой. И

вертится. Пригоршнями, что̀ называется, можно брать поразительныя данныя о томъ, что̀ сообщаетъ намъ земская литература изъ нашей внутренней жизни и съ чѣмъ земству приходится сталкиваться. Но всего исчерпать нельзя, какъ нельзя было бѣднымъ грекамъ исчерпать ящикъ Пандоры.

Въ положеніи древнихъ грековъ передъ ящикомъ Пандоры мы застаемъ и наши земства передъ тѣмъ ящикомъ, который называется русской волостью или, вѣрнѣе, волостью Пандоры. Комиссія, назначенная рязанскимъ земствомъ для обревизованія этого ящика, пришла наконецъ къ положительному отчаянію и разрѣшила волостное «быть или не быть» такъ: или всѣхъ и все отдавать подъ судъ и ссылать въ Сибирь, или всѣхъ и все простить. Но остановилась на послѣднемъ. Вотъ ея конечное заключеніе: «Не возбуждать дѣлъ объ уклоненіяхъ отъ законнаго порядка въ волостяхъ, такъ какъ уклоненія эти, какъ онѣ ни вредны и ни грубы, встрѣчаются во *всѣхъ* волостяхъ и составляютъ какъ бы *нормальный* порядокъ веденія въ нихъ дѣлъ» (Жур. ряз. губ. зем. соб. 10 соз. 1875, стр. 267). А относительно волостныхъ судовъ *всѣ* земства Рязанской Губерніи, изслѣдовавшія волостной вопросъ, что̀ называется, отъ корки до корки, въ большинствѣ случаевъ высказались, что, «хотя приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ иногда грѣшатъ противъ справедливости, бываютъ даже безобразны и часто внушены личными отношеніями судей къ подсудимымъ, къ истцамъ и отвѣтчикамъ, или пристрастіемъ къ тѣмъ, кто ихъ лучше угостилъ виномъ, однако, трудно и почти невозможно для маловажныхъ исковъ и проступковъ крестьянъ обойтись безъ близкаго, дешеваго, такъ сказать, домашняго для нихъ суда»; что «вліяніе волостныхъ писарей, нынѣ весьма вредное, должно, по мѣрѣ усиленія граматности въ крестьянствѣ и по мѣрѣ лучшаго ими пониманія своихъ правъ и обязанностей, постепенно сокращаться» и что, поэтому, волостные суды, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ, должны быть сохранены и на будущее время». (Тамъ же стр. 348).

Не перечисляемъ всей пестрой массы другихъ вопросовъ, затронутыхъ рязанскимъ земствомъ. Видно, въ десять лѣтъ оно много передумало и, хотя не много сдѣлало, то по, крайней мѣрѣ, хотя вѣхи поставило надъ пропастями, съ указаніемъ, что тамъ голову сломать можно, тамъ съ голоду помереть опасайся, тамъ и конь, и всадникъ погибнетъ, и что пропасти эти будутъ засыпаны, когда силъ на это хватитъ. Это — не то, что какое-нибудь оханское земство, Казанской Губерніи.

Изслѣдовали мы его изданія, какъ какую-нибудь пустыню без-

плодную, ища колодца, ручейка маленькаго, чтобы жажду утолить — и ничего не нашли. Тахъ и хочется подписать подъ этими всѣми оханско-канцелярскими синодиками, говорящими только о смерти всего живого и разумнаго, подобно синодику Грознаго, такъ, повторяемъ, и хочется надъ ними подписать или вмѣстѣ съ Гоголемъ: «не гляди, ибо здѣсь не хорошо», или вмѣстѣ съ Дантомъ: «lasciate ogni speranza...» Ни въ постановленіяхъ оханцевъ, ни въ докладахъ, ни въ мнѣніяхъ — ничего нѣтъ, хоть шаромъ покати. Глазу не на чемъ остановиться только читаешь: «слушали, постановили»; а что̀ «слушали», какъ «слушали», чѣмъ «слушали» и, главное, что̀ при этомъ думали—о томъ одинъ Богъ вѣдаетъ. Когда, наконецъ, въ заключеніе этихъ ничего не говорящихъ «слушали», предсѣдатель собранія обращается ко всему сонму земства и спрашиваетъ: «есть ли въ полѣ кто живъ человѣкъ?»—то въ полѣ не нашлось даже той мертвой головы, которая отвѣчала Руслану, что она — хоть мертвая голова, но говорить умѣетъ. На вопросъ предсѣдателя—«имѣетъ ли *хотъ кто нибудь, хотъ что̀ нибудь* заявить?»—всѣ отвѣчали: «никто и ничего не имѣютъ». Вотъ тутъ и учись одно земство у другого всему полезному и умному. Чему, хотѣли бы мы спросить, можно научиться другимъ земствамъ хоть бы у оханскаго, курскаго, дмитріевскаго, золотоношскаго и имъ подобныхъ? Хотя русская пословица и утверждаетъ, что «умъ хорошо, а два лучше»; но она не имѣла въ виду такого положенія, когда приходится спросить: умъ хорошо, а каково полтора ума, полтретья ума, три съ половиной ума? Вѣдь, тутъ уму приходится сопрягаться съ величиною отрицательной, съ полууміемъ; и изъ математики извѣстно, что если къ положительной величинѣ прикладывается отрицательная, то сумма становитси меньше перваго слагаемаго; а когда положительная величина *умножается* отрицательною, то сама становится отрицательною же, *минусомъ*, полууміемъ.

Чтобы перейти къ другимъ земствамъ, болѣе или менѣе работающимъ для будущаго, мы закончимъ нашъ обзоръ дѣятельности рязанскаго земства послѣдними двумя-тремя штрихами. Рязанское земство, напр., не прячетъ своихъ слабыхъ сторонъ. Оно говоритъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ медицинская часть буквально кричитъ о подмогѣ и реорганизаціи, что какой нибудь одинъ докторъ на уѣздъ и на городъ, это—обѣдъ того хохла, который ѣлъ хлѣбъ съ саломъ, когда сало висѣло у него на матицѣ, а онъ, глотая сухой кусокъ хлѣба, взглядывалъ на сало; это—то же, что̀ пить чай съ сахаромъ «въ приглядку»: глотать одну горячую воду и глядѣть на кусокъ сахару. Есть та-

кіе уѣзды, гдѣ врачъ въ одинъ день объѣзжаетъ по три и по четыре волости и часто не успѣваетъ «видѣть въ глаза ни одного больного», а за каждой ложкой хотя бы касторовaго масла мужикъ, въ рабочую пору, долженъ ѣхать въ городъ за десятки верстъ; «ветеринаръ же существуетъ для шутки» (Жур. ряз. губ. зем., стр. 71, 80). Въ Рязанской же Губерніи, изобилующей волками, которые опустошаютъ крестьянскія стада, *каждый волкъ*, по разсчету гласнаго Оленина, *обходится населенію въ 127 рублей въ годъ!* (Тамъ же, стр. 103). Вѣдь, это значитъ, что *содержаніе одного волка дороже содержанія сельскаго учителя*, хотя бы этотъ учитель былъ изъ числа тѣхъ подвижниковъ, какихъ мы встрѣтили въ священникѣ Надеждинѣ и въ дѣвицѣ Надеждиной, его дочери. Далѣе. Въ то время, когда рязанскіе волки, состоя на обязательномъ земскомъ содержаніи, сами себѣ ассигнуютъ въ годъ по 127 рублей, на себя и на свое волчье семейство, нѣкоторыя земскія школы совершенно лишены земскаго содержанія по недостатку средствъ, и относительно этихъ школъ одинъ изъ членовъ зарайскаго училищнаго совѣта восклицаетъ: «Съ ужасомъ долженъ сказать, что большинство школъ уѣзда въ такомъ положеніи, что почти невозможно ожидать отъ нихъ какихъ-нибудь хорошихъ результатовъ въ развитіи образованія народа». (Тамъ же, стр. 376). Наконецъ, въ рязанскомъ земствѣ, собственно въ касимовскомъ, раздается голосъ гласнаго Тимоховича противъ пьянства, раздается, правда, какъ-то странно, крикливымъ диссонансомъ, но, повидимому, задушевно, искренно — и этому голосу сочувственно внимаетъ рязанское земство. Г. Тимоховичъ внесъ въ собраніе оригинальную записку противъ пьянства. Мы не рѣшаемся знакомить читателя съ подробностями; но скажемъ только, что г. Тимоховичъ предлагаетъ вести противъ кабаковъ разумныя контрмины: это—*чайныя*, доступныя для народа. Г. Тимоховичъ предсказываетъ «чайнымъ» побѣду надъ историческимъ кабакомъ, хотя и оговаривается такимъ не безъосновательнымъ образомъ: «если въ моемъ проектѣ найдутъ ту слабую сторону, что дѣйствіе «чайныхъ» будетъ въ этомъ случаѣ слишкомъ медленно—я съ этимъ даже согласенъ, но зато, возражаю я на это, оно будетъ прочно; да наконецъ, за какія такія наши добродѣтели мы можемъ ждать отъ неба такого чуда, чтобы зло, скоплявшееся надъ нами цѣлыми столѣтіями, могло быть уничтожено въ какія-нибудь недѣли?» (Тамъ же, стр. 398—404). Это послѣднее замѣчаніе г. Тимоховича, при своей кажущейся наивности, имѣетъ глубокій историческій смыслъ: зло, скопляющееся вѣками, не недѣлями уничтожается. Это—та же глубокая мысль, которую нашъ

любимый поэтъ выразилъ только сильнѣе и безсмертнѣе: «дѣло вѣковъ поправлять не легко...»

Въ заключеніе, добавимъ, что и рязанское земство, подобно херсонскому, въ порывѣ земской горячности, размахнулось кистенемъ надъ своей и мужичьей головой. Въ послѣднюю сессію принято къ разсмотрѣнію предложеніе гласнаго Базина о томъ, чтобы за несвоевременный взносъ земскихъ налоговъ подвергать пени земли и имущества, нетолько принадлежащія землевладѣльцамъ, но городамъ, казнѣ и крестьянамъ. (Тамъ же, стр. 214—216). Оба умныя земства точно сговорились попытать сомнительнаго счастья.

XVII.

Изучая земскую жизнь во всѣхъ ея разновидныхъ проявленіяхъ и подъ всѣми градусами широты и узкости—широты пониманія земскаго идеала, которая невольно бросается въ глаза въ дѣятельности иныхъ земствъ, и подъяческой узкости, до которой этотъ идеалъ ссохся въ мозгахъ другихъ земствъ — мы наталкивались иногда на такіе аномальные процессы этой жизни, что едва-ли можемъ найти для нихъ какое-либо подходящее объясненіе, какъ вообще нелегко объясняются всѣ отклоненія въ жизненныхъ процессахъ, отклоненія, напр., отъ нормы человѣческаго ума до ненормальной, повидимому, высоты генія, равно отклоненія отъ нормы этого человѣческаго ума до уровня идіотизма, отклоненія отъ рядовыхъ формъ человѣческаго лица до поразительной красоты съ одной стороны и до невообразимаго уродства—съ другой. Почему изъ одной головы выростаетъ геній, изъ другой—идіотъ, изъ одного куска мяса природа вырѣзываетъ ослѣпительную и обаятельную красоту, изъ другого такого же куска—поражающее, отталкивающее безобразіе? Совершенно такія же необъяснимыя отклоненія отъ нормы видимъ мы и въ земской сферѣ.

Изъ древней Рязани и изъ Оханска, куда мы забрели нечаянно, изъ любопытства, не предполагая, что вынесемъ оттуда впечатлѣніе заброшеннаго кладбища, перенесемся теперь снова на югъ, въ тѣ земли, которыми еще не такъ давно хозяйничало турецкое земство, сластолюбивые паши и голодные янычары, гдѣ не далѣе, какъ при Петрѣ Великомъ и послѣ него, лилась русская кровь для удобренія земли, нынѣ засѣваемой русскою пшеницей, и гдѣ долго привелось на турецкой каторгѣ-галерѣ топтаться, побрякивая кандалами, и многострадальному лаптю нашего мужичка, и подбитому гвоздемъ каблуку русскаго ротнаго

человѣка и пропитанному дегтемъ чоботу чубатаго и усатаго казака-запорожца, попадавшаго въ турецкую неволю. Земли эти — земли Азова, Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани. Турецкая земля, изъ-за которой долго бились и донскіе казаки, и царскіе ратные люди—теперь русская земля. Ею хозяйничаетъ ростовское-на-Дону земство. Земство это представляетъ собою, подобно Австріи, агломератъ всѣхъ народностей: въ числѣ земскихъ гласныхъ есть и чисто-великорусскія фамиліи: Баташовъ, Кривошеинъ, Шеболдаевъ, и коренные украинцы: Палій, Ященко, Клименко, и поляки: Войцеховскій, Шидловскій, Шебельскій (ляхи обрусѣвшіе), и братья славяне: Драшковичъ, и нѣмцы-космополиты: Эрихсъ, Ольденборгеръ, и греки, потомки Одиссея и Герострата: Алфераки, Аргиропуло, Сарандинаки, и евреи, потомки царей Соломона и Ирода: Коганъ, Исаакъ Соломоновичъ Безчинскій, и армяне, хитрые потомки хитраго константинопольскаго императора Іоанна Цимисхія: Исаакъ Эммануиловичъ Аладжаловъ, Минасъ Александровичъ Халыбовъ и т. д. Недостаетъ только самоѣдовъ и краснокожихъ индѣйцевъ. Въ наукѣ существуетъ положеніе, что, чѣмъ разнообразнѣе элементы, изъ которыхъ сплотилась какая-либо государственная или общественная единица, тѣмъ болѣе даровитости и творчества проявляетъ эта единица и тѣмъ болѣе у нея данныхъ для прогресса, подобно тому, какъ наиболѣе разнообразная пища, входящая въ человѣческій организмъ, помогаетъ нетолько наибольшему развитію и укрѣпленію самого организма, но способствуетъ и наибо̀льшему развитію его духовныхъ силъ и мозговыхъ отправленій, питающихся и фосфоромъ, и золотомъ, и сахаромъ, и горчицей, хлѣбомъ и ядомъ. И фосфоръ, и золото, и сахаръ, и горчица, и хлѣбъ, и ядъ, и всякія противоядія — все входитъ въ организмъ земства, на которомъ мы теперь остановились. Кажется, что̀ бы могло быть даровитѣе этого земства и представлять болѣе задатковъ творчества? А напротивъ, творчества-то мы и не видимъ въ эгомъ земствѣ, изъ турецкаго превратившемся въ русское. Все есть, кромѣ творчества. Мало того: по настоящее время въ немъ обнаруживались всѣ признаки мертворожденности, физическія и духовныя несовершенства выкидыша. Видѣли мы разныя земства: есть такія, въ которыхъ, повидимому, людей недостаетъ, руководящаго ума и руководящей руки нѣтъ, ни одной головы свѣтлой—«человѣка не имамъ, человѣка не имамъ», можетъ говорить такое земство, какъ евангельскій разслабленный; есть земства, у которыхъ и люди есть, и головъ, повидимому, умныхъ не одна, не двѣ, да головы эти сонъ одолѣлъ — рукой и ногой шевельнуть не хочется, и земскіе мозги

спятъ, бездѣйствуютъ. Есть, наконецъ, и такія земства, какъ ростовское, гдѣ и головы есть, и сна на эти головы нѣтъ, и руки рабочія, и ноги ходячія—да все это не для земскаго дѣла, не для земскаго поля, на которомъ хоть и трава не рости.

Вотъ въ высшей степени интересныя доказательства этого и сами по себѣ въ высшей степени интересные факты. Въ ростовскомъ земствѣ, составляющемъ земскую федерацію изъ городовъ Ростова, Нахичевани, Таганрога, Азова и принадлежащихъ имъ уѣздовъ, представителей отъ этихъ пяти земскихъ государствъ считается 58, т. е. 58 гласныхъ земскаго собранія. Между тѣмъ, оказывается, что изъ этой довольно крупной цифры земскихъ представителей въ собраніи бываетъ, бо́льшею частью, не болѣе 18 человѣхъ собственно постоянныхъ посѣтителей; всѣ же остальные 40 человѣкъ, что̀ называется, глядятъ вонъ. А что̀ всего замѣчательнѣе, такъ это слѣдующее обстоятельство, причины котораго кроются гдѣ-то глубоко. Пишущій это лично знаетъ отчасти биржевой курсъ интеллигенціи того общества, о которомъ говоритъ. Въ обществѣ этомъ не мало умныхъ, даровитыхъ и безспорно дѣятельныхъ людей. Сонныхъ людей въ этомъ царствѣ наживы, вообще, мало. И вотъ, оказывается, что наиболѣе дѣятельныя и даровитыя личности этого царства эмигрировали изъ него, собственно изъ земской сферы, точно старые поляки изъ царства польскаго. Это подтверждается особымъ «Спискомъ», напечатаннымъ въ «Постановленіяхъ» ростовскаго земства и обнаруживающимъ, *кто* изъ гласныхъ посѣщалъ собранія и *кто* нѣтъ. Возьмемъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и посмотримъ, кто совсѣмъ эмигрировалъ заграницу земства, а кто только находится во временныхъ бѣгахъ, въ абсентеизмѣ: г. Яновичъ, одна изъ наиболѣе дѣльныхъ и уважаемыхъ всѣми личностей, не былъ въ собраніи *ни разу*; г. Садомцевъ—такая же замѣтная личность—*ни разу*; оба Шабельскіе, и Помпей, и Иванъ—*ни разу*; Занаревскій Леонидъ, Погопатъ, Палама—*ни разу*; даже аккуратный нѣмецъ Тиммерманъ—*ни разу*. Это уже, повидимому—безвозвратные эмигранты. Г. Корсуновъ былъ всего *два раза*: это—абсентеистъ, живущій за-границей земства, въ новой Ниццѣ или Люрихѣ. Изъ представителей Ростова, Нахичевани и Азова: *ни разу* не были—г. Бойченко, одна изъ крупныхъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, и г. Кузьминъ; *по одному* только *разу* были: г. Драшковичъ—сила, которая вездѣ была бы замѣтна, священникъ Ручкинъ, считающійся авторитетомъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ; наконецъ, Хлытчіевъ и Шачиновъ; *по два раза* были: г. Баташевъ—личность, особенно выдающаяся и въ настоящее время держащая въ своихъ рукахъ жезлъ игемона

города Ростова, г. Максимовъ — бывшій игемонъ, г. Ященко — сынъ игемона старыхъ временъ, и, наконецъ, Теръ-Грегоріанцъ. Все это—личности, потеря которыхъ для земства очень чувствительна, и не оплакивать ея оно не можетъ, если только понимаетъ, что одной ногой оно стоитъ уже въ могилѣ. Затѣмъ, лучшіе представители Таганрога тоже бѣжали изъ земства, если не ногами, то духомъ: это — г. Алфераки (Ахиллесъ), Аргиропуло, Добровольскій и Шидловскій. Изъ представителей сельскихъ обществъ можно считать умершими для земства (если только они, какъ Лазарь, не встанутъ изъ своего земскаго гроба): Андреева, Ряпчинскаго, Шеболдаева и даже потомка, а можетъ быть, однофамильца безсмертнаго героя Украины—Палія. Кто же остался въ земствѣ? На кого можно указать, какъ на болѣе или менѣе крупную интеллигентную силу? Даже г. Мигринъ, этотъ несмѣнный диктаторъ ростовскаго земства, предсѣдатель управы, и тотъ *три раза* бѣгалъ отъ своей диктатуры и *три раза* былъ призываемъ обратно несчастнымъ земствомъ для спасенія земскаго отечества, подобно тому, какъ римскій Цинциннатъ, сложившій съ себя диктатуру римскаго земства и ушедшій къ своимъ воламъ, былъ униженно призываемъ Римомъ на диктатуру для спасенія вѣчнаго города отъ погибели. Подобно Цинциннату, и г. Мигринъ снова возложилъ на себя знаки диктатора; но спасетъ ли онъ свой Римъ, какъ ни усердно онъ ему служитъ?

Дѣйствительно, вотъ то безвыходное положеніе, въ которомъ находятся интеллигентныя силы ростовскаго земства. Все лучшее или ушло, или уходитъ изъ него. Изъ остающихся силъ, хотя и есть такія, которыя до нѣкоторой степени могли бы замѣнить ушедшихъ, но ихъ слишкомъ мало. Наиболѣе дѣльные земскіе солдаты выбыли изъ строя, въ которомъ торчатъ два-три закаленныхъ въ бою общественныхъ вопросовъ гренадера; а въ остальныхъ рядахъ—или новобранцы, неумѣющіе и ружья-то земскаго держать, или музыканты да барабанщики. Что же причиною, что лучшіе дѣятели, такъ-сказать, вымираютъ въ ростовскомъ земствѣ? Намъ кажется, что въ основаніи этого явленія лежитъ одна общая всѣмъ земствамъ причина, и другая—индивидуальная, такъ-сказать, мѣстная. Общая причина та, что данное земство не создало себѣ идеала и не носитъ его въ душѣ, какъ иныя молодыя, а иногда и старыя земства въ родѣ рязанскаго, или херсонскаго. Лучшіе земскіе дѣятели, не видя передъ собой этого идеала, какъ солдаты знамени, не знаютъ, куда имъ идти и зачѣмъ идти. Тутъ нѣтъ земскаго знамени, около котораго могли бы сомкнуться лучшія силы. А идеала нѣтъ оттого, что ихъ создаютъ только личности, носящія въ себѣ ого-

нѣкъ Прометея, а если не огонёкъ, то хоть уголёкъ изъ рабочаго горна Прометея, разогрѣтаго тѣмъ огонькомъ, который онъ похитилъ, по преданію, съ неба, изъ-подъ носа у самого Юпитера-громовержца. Огонёкъ этотъ—творчество; а въ данномъ земствѣ нетолько ни разу не блеснулъ огонёкъ Прометея, но даже уголёкъ не задымилъ ни разу. Всѣ обходились простымъ земскимъ глинянымъ «каганцомъ» изъ черепка, съ фитилемъ отъ «очкура», намоченнаго въ нечистое сало. Но и отсутствіе огня Прометея, отсутствіе творчества должно имѣть свою причину. Причина эта — плутократическая деморализація, проникшая въ общество, подобно тому, какъ она проникла въ общество одесское, саратовское и другія. Всѣ лучшія силы земства, не видя передъ собой болѣе высокаго общественнаго идеала, невольно, безсознательно тяготѣютъ къ идеалу плутократизма, который, повидимому, легче достигаемъ, чѣмъ тотъ, къ которому должно бы стремиться земство и къ которому оно, рано ли, поздно ли, будетъ стремиться. Дѣйствительно, тѣ же самыя личности, которыя эмигрировали изъ земства или же только «устами чтутъ его, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ него»—эти самыя личности проявляютъ и энергію, и даже нѣкоторую долю творчества хотя бы, напримѣръ, въ городскомъ общественномъ самоуправленіи или же въ сферѣ коммерческой дѣятельности. Тамъ они охотно посѣщаютъ собранія городской думы, охотно возбуждаютъ вопросы въ «гирловомъ комитетѣ», умны и находчивы въ коммерческомъ совѣтѣ, на биржѣ, не спятъ въ городской управѣ; а въ земскомъ собраніи они или не бываютъ совсѣмъ, или бываютъ не умны, не находчивы, сонливы, спятъ и на голосованіи земскихъ вопросовъ. Въ области городской общественной жизни ихъ вездѣ можно встрѣтить озабоченными, расторопными—и на пристани, гдѣ они воюютъ съ желѣзнодорожными обществами изъ-за вершка городской земли, на которую упалъ рельсъ и помѣшалъ имъ распоряжаться на полѣ битвы, какъ Наполеону насморкъ помѣшалъ при Бородинѣ и Ватерлоо; ихъ можно видѣть и на улицѣ, гдѣ они, какъ Гамбетта въ провинціяхъ Франціи, читаютъ зажигательныя рѣчи насчетъ выбоины въ мостовой, проложенной по «таганрогскому проспекту»; ихъ голосъ слышенъ и въ «ротондѣ» общественнаго сада, гдѣ они, подобно парижской коммунѣ, готовы сжечь старый городской театръ, чтобы имѣть удовольствіе на общественныя деньги построить новый; ихъ голосъ слышенъ и на границахъ нахичеванской земли, которую они рѣшились отвоевать у армянъ, какъ Бисмаркъ отвоевалъ у французовъ Эльзасъ и Лотарингію; голосъ ихъ слышенъ на сушѣ и на морѣ—на сушѣ, гдѣ они проводятъ

обводныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ, чтобъ онѣ не стѣсняли ихъ пристаней, и на морѣ, гдѣ они хотятъ построить свой каботажный флотъ, чтобы этою непобѣдимою армадою задавить на моряхъ англійское торговое мореходство; они готовы на ножахъ рѣзаться другъ съ другомъ изъ-за того, чтобы вымостить асфальтомъ и освѣтить газомъ свои грязныя, безобразныя улицы, по которымъ удобнѣе было бы скакать и на биржу, и въ театръ для наслажденія игрою г. Вальяно, и въ клубъ на пульку; и есть между ними такіе Цезари и Помпеи, которые увѣряютъ, что стоитъ имъ только топнуть ногою объ землю, чтобъ изъ нея вышли мильйоны, и такіе, которые, подобно Козьмѣ Минину, готовы заложить жонъ и дѣтей, лишь бы получить сотни тысячъ для устройства новаго моста черезъ Донъ, для урегулированія городской пристани, углубленія порта въ Таганрогѣ, шерстомоенъ на Темернихѣ и т. д. Понятно, что сердце такихъ дѣятелей, нѣсколько уже отравленное ядомъ плутократизма, свободнѣе и живѣе бьется въ городской, чѣмъ въ земской атмосферѣ, и уже не лежитъ къ скромнымъ земскимъ вопросамъ. Для постройки новаго городскаго театра охотно соберутся деньги, на городское реальное или ремесленное училище также деньги найдутся, а на жалкія крестьянскія школы денегъ нѣтъ; на городской мостовой, на городскомъ мосту мы—Гамбетты и Лессепсы, а на чумацкомъ трактѣ, гдѣ гибнутъ чумацкіе возы и волы, на какомъ-нибудь уѣздномъ мосту мы—Плюшкины и Коробочки. Отсюда происходитъ, какъ мы уже не разъ замѣчали, война городовъ съ земствами и такъ-называемый городской сепаратизмъ. Плутократизмъ не можетъ сживаться съ охлократизмомъ, съ массою, съ сѣрымъ людомъ, съ земщиною. Плутократизмъ, это—родной братъ аристократизма, только прижитый внѣ брака, незаконно. У обоихъ братьевъ этихъ личные интересы не сходятся съ интересами ихъ старушки матери—«Охлосъ» (по гречески—толпа, масса), которая и вѣчно была и будетъ стара, и вѣчно была и будетъ молода, вѣчно богатая и вѣчно нищая, вѣчно геніальная и вѣчно глупая, вѣчно могущественная до непобѣдимости ея всѣми легіонами міра и пушками всѣхъ государствъ и вѣчно безсильная до невозможности сопротивляться одному городовому. Еще законный сынъ оборванной старушки, воспитанный въ барскихъ хоромахъ, въ атласѣ и бархатѣ, на чужомъ для старушки языкѣ, могъ, понятно, и отвыкнуть отъ матери, забыть ея колыбельныя пѣсни, которыя были заглушаемы французскими «фолишонами», забыть вкусъ молока ея неистощимой груди, могъ разучиться и понимать ее, входить въ ея интересы, могъ-бы стыдиться своей вѣчно юной старушки и вѣчно старой мо

*

лодухи: это такъ естественно, такъ неизбѣжно, такъ исторически послѣдовательно, что винить его за это было бы несправедливо; притомъ, подобно англійскому лорду, онъ бываетъ часто добръ и ласковъ съ доброю старушкою, не стыдится называть ее своею родною матерью, помогаетъ ей своими богатствами, которыя для него она же, старушка, скопила. Но незаконнорожденный сынъ старушки, родившійся подъ ея соломенною крышею, вскормленный до отвалу, до величины годовалаго теленка или даже до «бузимка» неизсякаемымъ молокомъ ея богатырской груди, взлелѣянный ея тоскливою, но задушевною колыбельною пѣснью, нерѣдко потомъ ѣвшій съ нею вмѣстѣ скудный хлѣбъ съ древесною корою, ходившій въ ея неизносимыхъ историческихъ лаптяхъ, бродившій вмѣстѣ съ нею за сохою и за плугомъ по ея неисходимымъ полямъ, вмѣстѣ съ нею молившійся о спасеніи ея родимой земли отъ бездождія, отъ труса, огня, меча и нашествія иноплеменныхъ, вмѣстѣ съ нею ѣвшій изъ деревянной «общей миски» толокно и щи пустыя, нерѣдко съ нею позвякивавшій кандалами отъ Владиміра, Саратова, Астрахани и Таганрога до самаго Нерчинска, этотъ сынъ не могъ бы, казалось, отвыкнуть отъ своей святой матери, забыть ея колыбельную пѣсню, пѣтую подъ соломенною крышею, забыть вкусъ молока, не рѣдко горьковатаго, отъ ея доброй груди, вкусъ хлѣба съ древесною корою, разучиться молиться о спасеніи родной земли отъ всякихъ бѣдствій, позабыть жосткость и промокаемость ея лаптей и звуки звякающаго желѣза, перекованнаго изъ рала и серпа во что-то обидное для человѣчества — этотъ сынъ, повторяемъ, не долженъ бы забывать своей матери. А между тѣмъ, онъ для многаго и многократно забываетъ ее. Но забывая ее, онъ забываетъ и то, что, если его мать не будетъ достаточно накормлена, не будетъ достаточно оберегаема отъ безпрестанно поражающихъ ее болѣзней, не будетъ имѣть больничнаго покоя, гдѣ бы ей можно было спастись и вылежаться въ тяжкомъ недугѣ, не будетъ имѣть помощи при родахъ, при воспроизведеніи на свѣтъ мильйоновъ дѣтей, будущихъ работниковъ на старшихъ братьевъ и кормильцевъ самой матери-старушки; если у старушки не будетъ достаточно школъ, гдѣ бы учились мильйоны ея дѣтей, мильйоны работниковъ, учились, какъ лучше пахать землю и шить сапоги на старшихъ богатыхъ и гордыхъ братьевъ; если старушка, вѣчно бродящая и убивающаяся о своихъ дѣтяхъ, не будетъ находить ни дорогъ, по которымъ ея дѣти-работники могли бы возить свой хлѣбъ въ города къ богатымъ братьямъ, не угрязая по ступицы въ грязи и болотахъ, ни мостовъ, по которымъ работники могли бы провести своихъ

лошадокъ и своихъ воловъ, не ломая ни себѣ, ни имъ шеи; если ничего этого не будетъ, то и старшимъ братьямъ нѣчего будетъ ни кушать, ни дѣлать въ своихъ дѣловыхъ кабинетахъ, ни на биржахъ, ни въ «гирловыхъ комитетахъ», ни въ коммерческихъ совѣтахъ, ни въ городскихъ думахъ; сундуки ихъ казначействъ будутъ наполнены новою монетою—недоимками; биржи доведутъ россійскій курсъ до нуля; въ кассахъ старшихъ братьевъ, вмѣсто денегъ, будутъ одни опротестованные и неоплаченные векселя; на базарахъ, пристаняхъ, въ портахъ будутъ стоять пустые магазины и корабли съ остатками недоѣденнаго саранчею и сусликомъ хлѣба; таганрогскій рейдъ останется неуглубленнымъ, таганрогскій проспектъ недомощеннымъ, новый мостъ недодѣланнымъ, улицы не освѣщенными, городская «ротонда» развалится, труппа Вальяно разойдется, «гирловой комитетъ» закроется, потому что по гирламъ нѣчего будетъ провозить, какъ это уже Россія и чувствуетъ нѣсколько лѣтъ сряду, Нахичивань отъ Ростова отторгнется, Ростовъ отторгнется отъ земства, г. Мигринъ въ четвертый разъ и уже навсегда бѣжитъ изъ земщины, солнце померкнетъ и придутъ новые варяги, всякіе языци и поплѣнятъ въ плѣнъ вавилонскій, т. е. заберутъ въ свои руки торговлю народа іудейскаго—земли ростовской, азовской, нахичеванской и таганрогской, и будутъ послѣдняя горше первыхъ.

Но обратимся къ фактической сторонѣ дѣятельности земства соединенныхъ штатовъ Ростова, Нахичевани, Таганрога и Азова. Послѣдній отчетъ этого земства открывается краткимъ изложеніемъ хода занятій по управѣ и по дѣлопроизводству—о томъ, кто изъ дѣятелей земства работалъ болѣе и кто менѣе, кто непосредственно имѣлъ дѣло съ старушкою «Охлосъ», съ ея хлѣбными магазинами, дорогами, мостами, больницами, кто истреблялъ сусликовъ, кто покупалъ хлѣбъ для голодающей по случаю неурожая старушки (это г. Абрамовъ), а кто заглядывалъ иногда въ тѣ бѣдныя школки, въ которыхъ старушка учитъ своихъ дѣтокъ-работниковъ (это гг. Панченко, Сластовниковъ и Осинскій). Относительно этого послѣдняго предмета ростовское земство говоритъ, что оно «не есть только казначей», но и распорядитель и попечитель ввѣренныхъ ему предметовъ, «изъ которыхъ одинъ изъ самыхъ важныхъ, *если не важнѣйшій*, есть народное образованіе»; что оно, однако же, «было привлечено *силою обстоятельствъ* къ ближайшему завѣдыванію народными училищами» (отчего же «силою», а не своею охотою?); что, въ общемъ, «дѣло народнаго образованія подвинулось значительно и стало на прочную почву»—положительно все то же, тѣ же фразы даже, которыя повторяются во

всѣхъ земствахъ, даже въ такихъ, какъ михайловское-рязанское, гдѣ школы наводятъ «ужасъ» на членовъ училищнаго совѣта именно потому, что онѣ нетолько не стали на прочную почву, но не имѣютъ надъ собою даже крышъ, а подъ собою никакой почвы. Что это отчасти такъ и въ ростовскомъ земствѣ, видно изъ его же собственныхъ слёзъ, проливаемыхъ надъ училищами въ виду того, что «полному успѣху народныхъ училищъ до сихъ поръ препятствовалъ недостатокъ сочувствія и содѣйствія со стороны бо̀льшей части законоучителей, которые, несмотря на получаемое ими отъ земства ежегодное вознагражденіе въ 100 руб., нетолько занимались небрежно преподаваніемъ закона Божія, этой столь важной части народнаго образованія, но даже иногда вовсе не посѣщали училищъ и смотрѣли на нихъ вообще или равнодушно, или даже *непріязненно*»; что отъ этого приносился существенный вредъ образованію, такъ какъ батюшки враждовали съ свѣтскими учителями; что объ этомъ земство представляло даже «на усмотрѣніе его преосвященства, епископа екатеринославскаго и таганрогскаго, который, обративъ просвѣщенное вниманіе свое на этотъ предметъ, призналъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе законоучителямъ, предписавъ имъ въ точности исполнять свои обязанности по законоученію въ народныхъ училищахъ» (мы подозрѣваемъ, что это удружилъ лѣнивымъ батюшкамъ отецъ Сластовниковъ, у котораго подъ священнической рясой бьется сердце Дистервега и который часто заглядывалъ въ школы почтенной старушки). Неравномѣрность земскаго сочувствія къ старшимъ и младшимъ дѣтямъ старушки видна даже и изъ того, что на 20 школъ младшихъ ея дѣтокъ ассигновано всего 8 тысячъ рублей, а на реальное училище въ городѣ для старшихъ дѣтокъ, на *одно* училище—6 тысячъ, да на студентовъ-стипендіатовъ и будущихъ акушерокъ (Касаткиной и Краснѣевой) 1,200 р. И оказывается, что даже сама судьба не долюбливаетъ младшихъ дѣтокъ старушки: такъ, когда въ мѣстечкѣ Качальникѣ сами дѣтки задумали основать образцовое двухклассное училище, собрали на этотъ предметъ по нѣскольку рубликовъ и копеекъ съ сапога и лаптя и представили по начальству объ открытіи у нихъ этого училища, то вышло, что инспекторъ мѣстныхъ народныхъ училищъ «потерялъ и самое дѣло объ этомъ, а качальничане теперь уже боятся жертвовать, чтобъ и денегъ ихъ не «потеряли» (постанов. IX очер. ростовскаго на Дону уѣз. зем. соб. 1874 г. Ростовъ 1875, стр. 4—9, отд. I).

Что старшіе сыновья старушки «Охлосъ» нетолько ее забываютъ, но подчасъ и обижаютъ, мы можемъ видѣть изъ слѣ-

дующаго обстоятельства. Въ Таганрогѣ существуетъ такъ-называемый ремесленный курсъ. Содержится онъ насчетъ старушки, но ей тяжело содержать ораву своихъ маленькихъ ребятишекъ нетолько по бѣднымъ селамъ, но еще и по богатымъ городамъ, и вотъ старушка, въ костюмѣ ростовской мѣщанки-крестьянки семской управы, является къ старшему сыну въ Таганрогъ и докладывается почетной экономкѣ его, городской управѣ, такъ: «Имѣя, дескать, въ виду, что таганрогскій ремесленный курсъ служитъ преимущественно для пользы жителей гор. Таганрога и имѣетъ полное право на полученіе пособія со стороны городскаго общества, прошу-де васъ, матушка, доложить таганрогской думѣ о необходимости ассигновать таковое пособіе». Старушку въ шею. У насъ-де у самихъ *нѣтъ средствъ*, да и земство ваше отказываетъ въ пособіи таганрогскимъ приходскимъ училищамъ». А старушка и говоритъ: «Сударыня-дума выпустила изъ виду, что мое земство содержитъ въ Таганрогѣ одно народное училище, а о выдачѣ пособій вашимъ приходскимъ училищамъ никогда не было заявляемо въ земскомъ собраніи ни вашею экономкой, городскою управою, ни вашими молодцами, земскими гласными, да и не представлялось въ томъ, повидимому, никакой надобности». А потомъ заплакала и пошла прочь. Но на душѣ у старушки осталось горькое чувство, и, уже когда Ростовъ началъ къ ней подбиваться съ слезницей «о преобразованіи, *съ участіемъ земства*, существующаго въ Ростовѣ при уѣздномъ училищѣ ремесленнаго класса», то старушка и сама заупрямилась и отвѣчала: «Твоя-де, сударь, экономка, городская управа, не пришла еще къ соглашенію съ моею хозяюшкою, земскою управою, почему послѣднею и не было выдано пособіе изъ губернскихъ суммъ на содержаніе этого класса». И при этомъ указано Ростову на дверь (тамъ же, стр. 11). Вообще, старушкѣ не везетъ ни въ соединенныхъ штатахъ Ростова, Нахичевани, Таганрога и Азова, ни въ ихъ сельскихъ колоніяхъ. Хотѣла было она открыть ремесленный курсъ при одномъ начальномъ сельскомъ училищѣ, но «бывшіе три года сряду неурожаи привели сельскія общества въ крайнюю бѣдность», и потому «ни одно изъ нихъ доселѣ не приняло предложенія управы устроить помѣщеніе для ремесленнаго класса, съ отнесеніемъ остальныхъ издержекъ на земскія суммы». А въ м. Кагальникѣ жители отозвались, что они «не имѣютъ въ томъ надобности, такъ какъ въ м. Кагальникѣ есть всѣ нужные для мѣстныхъ жителей мастера». Кромѣ того, ростовское земство плачется на свое губернское, екатеринославское земство, которое, будто бы, нетолько тормозитъ дѣло народнаго образованія,

но и ставитъ ножку всѣмъ «важнымъ вопросамъ», исходящимъ изъ Ростова и доходящимъ до губернскаго города. Такъ, екатеринославское земство завязало петлю на шеѣ проектированной ростовскимъ земствомъ учительской семинаріи, говоря, что, вмѣсто ростовской семинаріи, надо расширить екатеринославскую фельдшерскую школу и прибавить къ ней педагогическіе курсы. Когда же ростовское земство вновь настаивало на своемъ, то екатеринославское земство взяло да и «разъѣхалось». Вслѣдствіе этого, ростовское земство и начинаетъ бунтовать противъ своего губернскаго, хочетъ отъ него отдѣлиться совсѣмъ и образовать свою губернію. «Можно сказать положительно (говоритъ оно, воздѣвая руки къ небу), что, пока въ здѣшней мѣстности не будетъ образована губернія, вопросъ объ учительской семинаріи, какъ и другіе важные вопросы, не получитъ удовлетворительнаго разрѣшенія» (тамъ же, стр. 12). Какъ на замѣчательное обстоятельство, обнаруживающее полное отсутствіе солидарности между городами и уѣздами нетолько въ ихъ обоюдныхъ интересахъ, но даже и въ характерѣ, въ физіономіи этихъ интересовъ, въ характерѣ самыхъ потребностей, укажемъ на петровское реальное училище, открытое въ Ростовѣ и поддерживаемое земствомъ въ размѣрѣ 6-ти тысячъ рублей ежегодной судсидіи. Отъ желающихъ учиться въ этомъ училищѣ, что̀ называется стѣны ломятся. Для удовлетворенія, по возможности, валящей въ училище молодёжи, пришлось открыть параллельные классы. И что̀ же оказывается? Изъ всей этой молодёжи на долю крестьянъ приходится *одинъ*, сынъ покровскаго крестьянина, принятый въ училище безплатно. Этимъ, конечно, доказывается, что городское населеніе нетолько сильно нуждается въ знаніяхъ, но и знаетъ хорошо, въ *какихъ* именно, т. е. болѣе въ реальныхъ, а не въ классическихъ, а сельское населеніе еще даже не знаетъ, въ *какихъ* знаніяхъ оно нуждается: ясно, что оно нуждается еще больше, чѣмъ городское, а въ какихъ—оно само вамъ скажетъ, когда вы его научите понимать, въ *чемъ* именно оно во этомъ отношеніи нуждается, подобно тому солдату, брошенному въ степи и умиравшему отъ голода и жажды, который на вопросъ, чего онъ хочетъ, чтобы не умереть: пить или ѣсть, отвѣчалъ: «Я самъ незнаю *чего;* кажется, что ужь *ничего* не хочу». Такъ иногда отвѣчаютъ и крестьяне.

Здѣсь, какъ и въ другихъ земствахъ, мы видимъ повтореніе общихъ явленій, повидимому, невѣроятныхъ, но, въ силу исторической давности и повторяемости, ставшихъ какъ бы нормальными: хаосъ въ волостяхъ и селеніяхъ, растраты общественныхъ запасовъ и денегъ, ужасное счетоводство, первобыт-

ный судъ, существовавшій еще до Солона и Дракона, и все это, по признанію земства—результатъ неграмотности и райскихъ понятій о добрѣ и злѣ, такъ что судить виновныхъ не за что, да они и невинны, какъ ребёнокъ, бросившійся изъ окна третьяго этажа на мостовую за любимой собаченкой. И здѣсь, какъ и вездѣ, то же неизбѣжное голоданье и грызенье древесной коры, вмѣсто хлѣба, при первомъ неурожаѣ и даже бездождьѣ, потому что хлѣба взять не откуда, а пока земство закупитъ и вышлетъ его для *самыхъ* голодныхъ, они уже успѣютъ испортить себѣ желудки или тѣмъ, что набьютъ ихъ древесной корой, или же тѣмъ, что ровно ничѣмъ не набьютъ. И вотъ, земство, въ «видахъ предупрежденія развитія болѣзней и смертности отъ употребленія вредной пищи и, вообще, *отъ недостатка ея*», поручаетъ земскимъ врачамъ «принять къ сему, съ своей стороны, зависящія мѣры, для чего, какъ лично, такъ и чрезъ фельдшеровъ, слѣдить, по возможности, за недопущеніемъ употребленія въ пищу веществъ, могущихъ принести вредъ здоровью, какъ-то: лебеды, мякины, древесной коры и т. п., а также принимать своевременно мѣры (!!), какія будутъ признаны нужными къ прекращенію болѣзней отъ дурной пищи...» (тамъ же, стр. 51). Лучше, вмѣсто лекарствъ, дать хлѣба, такъ нѣтъ—приходится лечить отъ голода. А между тѣмъ, тутъ же докторъ Нелюбинъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ земству, что тамъ именно медицина его безсильна остановить даже кровавый поносъ, гдѣ населенію ѣсть нѣчего, или гдѣ крестьяне, выходя далеко въ поле на работу и не имѣя ни куска хлѣба, должны питаться, положимъ, не древесной корой, а рыбой, которую они поймали бреднемъ съ недѣлю назадъ и которая у нихъ въ полѣ, подъ жаркимъ солнцемъ, разложилась до гніенія.

Между тѣмъ, какъ ни безотрадно во многомъ положеніе земскаго дѣла, представители его находятъ, что оно могло бы быть и хуже, а что то, что̀ мы считаемъ худымъ—хорошо. Такъ, по крайней мѣрѣ, надо понимать всю рѣчь одного изъ Іисусовъ Навиновъ ростовскаго земства, остановившаго солнце, предсѣдателя земской управы, Ф. И. Мигрина, который въ незлобіи сердца своего думаетъ, что онъ, вмѣстѣ съ своими земскими друзьями, остановилъ голодъ, какъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце. Г. Мигринъ говоритъ, что уже пять лѣтъ ростовское земство не выходитъ изъ бюджета въ 125 тысячъ на всѣ земскія потребности; что цифра эта выражаетъ собою норму ежегодныхъ расходовъ здѣшняго земства, которой не слѣдуетъ превышать въ настоящее время, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и понизить ее безъ ущерба для земскихъ потребностей, сложившихъ-

ся по опыту восьми лѣтъ: «идя, мало-по-малу, впередъ, мы достигли извѣстной высоты, гдѣ намъ надо утвердиться, но спуститься съ нея—было бы паденіемъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Тяжелы были эти послѣдніе годы; другой край и другое земство пришли бы отъ нихъ въ конечное раззореніе; но нашъ край и наше земство живучи: они выдержали постигшія ихъ бѣдствія собственными силами и не остановились на своемъ пути къ прогрессу». Въ училищномъ совѣтѣ, на которомъ лежала нравственная забота о народномъ образованіи, г. Мигринъ выражается, что совѣтъ ихъ «существовалъ, какъ нѣчто отвлеченное, какъ принципъ, а не фактъ, и получалъ жизнь только отъ тѣснаго сближенія съ земскою управой», какъ женихъ съ невѣстой. Что положеніе земства могло быть хуже и солнце могло быть не остановлено, видно изъ слѣдующаго мѣста рѣчи г. Мигрина, гдѣ онъ проситъ земство, какъ Цинциннатъ, позволить ему сложить съ себя знаки диктатора: «Всякія служебныя занятія (говоритъ онъ) мнѣ были запрещены еще тому назадъ полтора года, и, если я послѣ того еще два раза бралъ на свои плечи тяжелую земскую ношу, то только по стеченію особенныхъ обстоятельствъ: въ прошедшемъ году я вернулся на службу по случаю угрожавшаго здѣшней мѣстности голода...» (тамъ же, стр. 27—35, отд. IV). Но и г. Мигринъ, какъ мы сказали, бѣжитъ изъ земства. Бѣжитъ и г. Яновичъ, прося земство не считать его болѣе въ своемъ составѣ и даже не выбирать въ почетные мировые судьи (стр. 258).

Изъ всего этого и многаго, чего мы перечислять не беремся въ виду слишкомъ обширной программы нашей задачи, которую, въ противномъ случаѣ, намъ положительно невозможно было бы выполнить, изъ всего даже сказаннаго нами нельзя не видѣть, что ростовское земство, какъ ни кратковременно было его существованіе, носитъ уже въ себѣ зародышъ смерти. Иныя земства, какъ слабыя, болѣзненныя дѣти, съ лѣтами крѣпнутъ и развиваются; въ ростовскомъ же замѣчается обратное явленіе: повидимому, здоровый ребенокъ начинаетъ чахнуть, все его перестаетъ занимать, и, наконецъ, является то патологическое состояніе, которое врачи обыкновенно считаютъ самымъ безнадежнымъ—равнодушіе, признакъ внутренняго съѣданія послѣднихъ силъ. Эту опасную черту въ жизни ростовскаго земства замѣчаетъ даже ревизіонная комиссія. Она говоритъ: «Въ свое время, земство интересовалось отчетами, знакомящими съ общимъ положеніемъ дѣлъ; теперь оно уже пережило его...» Земство ожидаетъ «фактовъ», а «фактовъ» нѣтъ, въ фактахъ «пробѣлъ». Такъ и врачъ ожидаетъ у чахоточнаго найти легкія, а легкихъ

нѣтъ, въ легкихъ «пробѣлъ». Относительно народнаго образованія, о которомъ управа докладывала собранію, что оно стало уже «на прочную почву», ревизіонная комиссія говоритъ, что и тутъ, кажется, не хватаетъ одного легкаго у больнаго земскаго ребёнка. «Отчетъ по народному образованію есть только повтореніе предшествовавшихъ (замѣчаетъ комиссія): тѣ же жалобы на законоучителей и на отсутствіе порядка и продолжительности ученія. Не виня вообще управу за составленіе такого отчета, потому что, въ сущности, едва ли можно сказать что̀-нибудь новое по этой части, комиссія полагаетъ, что земство, вполнѣ знакомое уже съ общимъ состояніемъ дѣлъ по народному образованію, интересовалось бы статистическимъ матеріаломъ, чтобы изъ него заключить объ успѣхахъ или неуспѣхахъ принятыхъ имъ мѣръ, не ограничиваясь принятіемъ на вѣру заключенія управы. Такъ, напримѣръ, земская управа говоритъ, что введенныя ею правила въ нѣкоторыхъ училищахъ принесли достаточную пользу съ водвореніемъ порядка и продолжительности обученія; почему же не сказать, въ какихъ именно училищахъ и откуда это управа заключила? Если бы управа показала намъ цифровыя данныя, изъ которыхъ мы увидѣли бы, что въ этихъ училищахъ дѣйствительно сократилось число пропущенныхъ уроковъ, или время обученія было продолжительнѣе противъ прежнихъ лѣтъ, или въ чемъ-либо другомъ выразилось бы водвореніе порядка, мы дѣйствительно дали бы себѣ отчетъ объ успѣхахъ земскихъ мѣропріятій по этой части; изъ нынѣшняго же отчета самостоятельныхъ выводовъ сдѣлать невозможно»... Ревизіонная комиссія, какъ видно, сомнѣвается даже, было ли остановлено солнце земскимъ Іисусомъ Навиномъ; но здѣсь мы положительно протестуемъ: комиссія видимо придирается. Такъ въ одномъ мѣстѣ она говоритъ, что по отчету о дорожныхъ сооруженіяхъ она «не можетъ дать никакихъ заключеній, потому что не видѣла ихъ и не имѣетъ въ виду освидѣтельствованія свѣдущихъ людей». А почему она не видѣла ихъ? Кто ей мѣшалъ все видѣть? Или, наконецъ, комиссія брезгливо говоритъ и объ отчетѣ управы по исполненію натуральной повинности: «отчетъ о натуральной повинности ничего новаго не представляетъ». А чего бы ей еще новаго нужно? новыхъ натуральныхъ повинностей? Такъ довольно ужь и старыхъ. Но комиссія, вѣроятно, разумѣетъ то, что, когда во многихъ земствахъ большинство тяжкихъ и несоразмѣрныхъ натуральныхъ повинностей переложено уже въ денежныя и по возможности уравнительно, безобидно и для сапога, и для лаптя, ростовское

земство для достиженія того же и у себя палецъ объ палецъ не ударило.

Въ заключеніе этого поверхностнаго обзора дѣятельности ростовскаго земства, нельзя не выразить сожалѣнія о томъ грустномъ явленіи, которое замѣчается въ отношеніяхъ уѣздныхъ земствъ къ губернскимъ и наоборотъ. Это—отсутствіе солидарности въ рѣшеніи земскихъ задачъ, недостатокъ взаимнаго пониманія нуждъ и стремленій одного земства другимъ и даже подчасъ явный антагонизмъ между губернскими и уѣздными земскими единицами, точно при созданіи однимъ всемірнымъ народомъ, до его разсѣянія по землѣ, вавилонской башни: одинъ проситъ воды, а другой, не понимая его, подаетъ глины; тотъ требуетъ камня, а ему подаютъ стаканъ воды. Но тутъ въ основѣ лежитъ не столько непониманіе языковъ передъ ихъ смѣшеніемъ, сколько эгоистическій партикуляризмъ, нѣчто вродѣ сепаратизмовъ—губернскаго и уѣздныхъ, а равно городскихъ и земскихъ. Уѣздное земство представляетъ губернскому, что въ губернскомъ капиталѣ лежитъ земскихъ уѣздныхъ суммъ, положимъ, тысяча рублей, а уѣздному земству изъ этой тысячи нужно позаимствовать сто рублей на лапти для уѣзднаго населенія. На это губернское земство отвѣчаетъ, что оно ста рублей не дастъ, и употребитъ изъ уѣздной доли губернскихъ суммъ пятьсотъ рублей на сапоги для губернскаго города и т. д. Уѣздное земство жалуется по начальству, что лапоть обиженъ сапогомъ; начинается переписка, и, такъ какъ губернія стоитъ ближе къ начальству, чѣмъ уѣздъ, а сапогъ выше лаптя въ земской іерархіи, то въ большинствѣ случаевъ лапоть и остается побѣжденнымъ. Такъ, наприм., ростовскій лапоть, въ виду неурожая, проситъ у екатеринославскаго сапога 70 тысячъ изъ губернскаго продовольственнаго капитала не деньгами даже, а открытіемъ кредита. «Вмѣсто ожидавшихся поддержки и содѣйствія» лаптю, сапогъ, «задавшись главною цѣлію опровергнуть его», лаптя, сдѣлалъ изъ представленія лаптя «только поверхностныя извлеченія и вывелъ нѣкоторые отдѣльные факты и цифры съ превратнымъ толкованіемъ ихъ», а денегъ не далъ, да еще и обвинилъ ростовскую управу въ томъ, что «истребованный ею для осеннихъ посѣвовъ капиталъ, до 20 тыс. руб., затраченъ нетолько непроизводительно, но съ ущербомъ, такъ какъ, будучи обращенъ въ хлѣбъ, онъ, вмѣсто приращенія процентами, уменьшается отъ порчи и мышеѣда». Жалуясь на эту обиду и несправедливый попрёкъ своему земству, ростовскій лапоть весьма деликатно замѣчаетъ, что указываетъ на подобныя злоухищренія екатеринославскаго губернскаго сапога, «какъ на новое до-

казательство, какимъ образомъ принимаются ходатайства ростовскаго земства о самыхъ существенныхъ нуждахъ этого края и съ какими затрудненіями получаются пособія на эти нужды изъ средствъ губернскаго земства, которое получило изъ доходовъ здѣшней мѣстности въ губернскій сборъ болѣе 200 тыс. руб. въ продолженіи семи лѣтъ, а изъ нихъ, послѣ настоятельныхъ ходатайствъ, удѣлило только около 50 тыс. на губернскія потребности въ Ростовскомъ Уѣздѣ». Дѣйствительно, это—очень печальная сторона въ жизни всѣхъ земствъ, потому что подобный антагонизмъ самъ въ себѣ ничего утѣшительнаго не заключаетъ; но онъ можетъ имѣть весьма роковыя послѣдствія для земствъ: ихъ могутъ лишить права распоряжаться и тѣми суммами, которыми они доселѣ самостоятельно распоряжались, и земская сила будетъ подрѣзана у самаго корня. «Не умѣли-де хозяйничать сами, постоянно ссорились, такъ мы за васъ будемъ хозяйничать», и земство, его идея, его будущее и надежды, на него возлагаемыя, перейдутъ въ область исторіи и археологіи, какъ архивный матеріалъ для будущей «Русской Старины». Мы думаемъ, что для того, чтобы эта участь не постигла земство и чтобы предупредить возможность подобнаго несчастія, земству надо искать спасенія въ самой широкой, честной и откровенной гласности. Пусть все, что̀ ни дѣлается въ земствѣ, въ земскихъ собраніяхъ, управахъ, комиссіяхъ, все, что̀ ни говорится на этихъ собраніяхъ, утверждается или отрицается, хвалится или порицается, пусть каждое слово каждаго гласнаго, каждая цифра расходовъ и приходовъ, каждый шагъ земскихъ дѣятелей въ земскомъ дѣлѣ—пусть все предается немедленно земскому тисненію, и притомъ дословно, стенографически, до послѣдней фразы и до послѣдней копейки, какъ это и дѣлается отчасти рязанскимъ, херсонскимъ и нѣкоторыми другими земствами. Тогда видно будетъ, кто въ этихъ невольныхъ земскихъ прекаліяхъ правъ — сапогъ или лапоть, губернскія единицы или уѣздныя, потому что, при такой системѣ земской жизни, *все* будетъ у *всѣхъ* на виду и ничего ни отъ кого утаить будетъ нельзя.

XVIII.

Много уже мы обошли земствъ по всему пространству необозримой русской земли и много еще предстоитъ намъ обойти неосмотрѣнныхъ нами глухихъ закоулковъ и бойкихъ центровъ, но, по крайней мѣрѣ, мы утѣшаемъ себя тою мыслью, что бо̀льшее

и главное уже пройдено, а осталось непройденнымъ мѣньшее и менѣе главное. И тогда уже, въ виду послѣдняго изъ всѣхъ земствъ, мы можемъ съ утѣшеніемъ повторить евангельскія слова: «нынѣ отпущаеши» и положить свой дорожный посохъ. Но и тогда мы едва ли разстанемся со всѣми нашими добрыми знакомыми, многоразличными земствами русской земли, съ которыми намъ пришлось дѣлить и горе, и радость въ нашемъ утомительномъ странствіи, и тогда, повторяемъ, едва ли мы разстанемся съ добрыми земствами и ихъ многокачественными дѣятелями безъ горькаго чувства сознанія, что, какъ ни кратковременна была жизнь нашихъ земствъ, но и въ этой кратковременности было для нихъ много горя, обидъ и несправедливаго нареканія, что ни одно изъ нашихъ учрежденій, при самомъ рожденіи своемъ, не было поставлено въ такія исключительныя условія, какъ этотъ земскій ребёнокъ, на котораго всякій встрѣчный и поперечный предъявлялъ право, какъ на чужое дитя, незнавшее ни роду, ни племени, и всякій считалъ себя вправѣ нетолько поправить на ребёнкѣ рубашечку, но и щипнуть его, нетолько причесать головку, но и «скубнуть», а подчасъ изъза забора и камушкомъ бросить, а ужь утереть носъ ребёнку— то на это всякій былъ мастеръ. О земскомъ ребёнкѣ дѣйствительно можно было сказать:

Малютка-цыганенокъ,
Всѣмъ чужой ребенокъ...

Его, можно сказать, не любилъ никто—это было нелюбимое дитя въ семействѣ. Бывшіе помѣщики, а особенно же потерявшіе изъ нихъ кредитъ въ обществѣ, не любили земства, съ одной стороны, за то, что оно обошло ихъ—не выбрало въ гласные, съ другой—и это была законная причина не любить — за то, что земство описало и оцѣнило земли, за которыя прежде никуда ни копейки не платилось. Эти же старые помѣщики не взлюбили земство и за то, что имъ, старикамъ, не всегда удавалось ораторствовать въ собраніяхъ, куда попалъ значительный контингентъ дѣльной молодёжи, послѣ 19-го февраля 1861 года искавшей себѣ заработка и находившей его до извѣстной степени въ земствѣ. О земствѣ, какъ о предметѣ неприкосновенномъ, какъ о явленіи, совершенно цензурномъ, можно было говорить и писать, и часто обиженные земствомъ, оттертые съ земской сцены становились корреспондентами газетъ, особенно тѣхъ, которыя не отличались излишней нравственной чистоплотностью. Наконецъ, дѣйствительно въ земствѣ было обнаружено не мало печальныхъ исторій—растратъ земскихъ суммъ, подлоговъ и т. д., и, если тогда къ земству отнеслась очень

строго и честная литература, и чѣмъ сердечнѣе она относилась къ дѣлу, чѣмъ больше сама требовала идеальной нравственной чистоты, тѣмъ болѣе способна была отдѣльные случаи земской недобросовѣстности, единичные факты злоупотребленій возводить въ общее явленіе, издѣваться надъ земствомъ, какъ поиздѣвались въ свое время надъ волостнымъ судомъ, т. е. надъ тѣмъ, что̀ наиболѣе беззащитно. Наконецъ, земство всѣ не взлюбили за то, что для развитія народнаго образованія, для обезпеченія народнаго продовольствія, для приведенія въ возможно лучшій видъ путей сообщенія, наконецъ, для оздоровленія народа оно потребовало значительно бо̀льшихъ жертвъ со стороны населенія, чтобы потомъ эти же самыя жертвы, впослѣдствіи, принесли такой же приплодъ добра, какъ египетская пшеница, и вотъ всѣ заговорили, что земство изнурило населеніе налогами, а старички не у дѣлъ прямо доказывали, что «это все *они* себѣ на жалованье, оклады это *они* себѣ такіе положили, что скоро раззорятъ всѣхъ насъ». *Они*—это-то и были тѣ, которые были дѣльнѣе ихъ и которые обществомъ не были обойдены. А что налоги дѣйствительно тяжелы, такъ противъ этого спорить никто не станетъ; но не одно земство сдѣлало ихъ тяжелыми, а если оно на спину русской клячи, сильно погнувшуюся отъ положенной на нее мірской и государственной ноши, положило еще и, съ своей стороны, вязанку сѣнца, такъ отчасти для того, чтобы потомъ этимъ же сѣнцомъ самое клячонку покормить.

Ка̀къ бы то ни было, но земскій ребёнокъ не встрѣтилъ ни въ комъ ласковаго пріема, а потому оставитъ о своемъ дѣтствѣ не особенно отрадныя воспоминанія: и больной-то онъ былъ, и одежёнка-то на немъ была плоха, и кормился-то онъ впроголодь, да впоколоть. А все оттого, что онъ—общественный ребёнокъ; что нянька у него—всякая встрѣчная баба, а ужь когда у семи только нянекъ дитя глазъ теряетъ, то у семидесяти мильйоновъ нянекъ можно, дѣйствительно, и голову потерять; что, наконецъ, надъ нимъ—всякій судья. Но вотъ именно это-то и есть величайшее достоинство и величайшее благо земства, что надъ нимъ—всякъ судья. Тутъ уже ему нельзя укрыться ни за какой авторитетъ, какъ становой укрывается за авторитетъ исправника, а исправникъ—за губернатора. Тутъ самъ за себя отвѣчай. И вотъ оттого-то на земство и явилось всего болѣе нападокъ и часто—излишнихъ, несправедливыхъ.

Вотъ почему у земства много хулителей и ни одного хвалителя.

Передъ нами пермское земство, въ среду котораго, наконецъ, привело насъ наше нескончаемое странствіе. Во все наше зем-

ское паломничество мы едва ли могли встрѣтить другое такое земство, вся прошедшая исторія котораго служила бы такимъ полнымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами выше о томъ, что земство не знало счастливой молодости и что судьи его были подчасъ не въ мѣру жостки. Пермскому земству пришлось видѣть, что вся его жизнь, все его прошедшее и настоящее очерчено самымъ обиднымъ образомъ, и очерчено въ печати. Можетъ быть, и дѣйствительно о пермскомъ губернскомъ земствѣ можно, отчасти, сказать словами поэта:

«А на душѣ твоей, увы! какъ много
Грѣховъ тяжелыхъ налегло».

Но едва ли уже до такой степени много и до такой степени тяжелыхъ грѣховъ, какъ говоритъ неизвѣстный авторъ одной газеты, о которомъ поднимался было особый вопросъ въ пятую чрезвычайную сессію пермскаго губернскаго земства—вопросъ, разрѣшенный, однако, «презрѣніемъ» со стороны земства.

Дѣло было такъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и правительствомъ, и пермскимъ земствомъ возбужденъ былъ вопросъ объ исправленіи сибирскаго тракта. Пермское земство, будучи не въ силахъ поддерживать этотъ растянутый на огромное протяженіе трактъ, имѣющій, притомъ, нестолько мѣстное, сколько общегосударственное значеніе, испрашивало на этотъ счетъ у правительства субсидіи. Тогда въ «Биржѣ» явилась неизвѣстно кому принадлежащая статья, направленная, вообще, противъ всей дѣятельности пермскаго земства, и, конечно, не могла быть не замѣчена этимъ послѣднимъ. Это было въ прошломъ году, какъ разъ передъ пятымъ чрезвычайнымъ собраніемъ пермскаго земства, когда долженъ былъ разсматриваться вопросъ о сибирскомъ трактѣ. Въ число докладовъ пермской управы занесено было и указаніе на статью газеты «Биржи». Одинъ изъ гласныхъ земства, отъ акцизнаго вѣдомства, нѣкто А. М. Благовидовъ, подалъ даже по поводу этой статьи особое мнѣніе, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что помянутая статья «содержитъ въ себѣ выраженія непристойной брани, лжи и клеветы, направленной къ оскорбленію достоинства пермскаго земства и его представителей и къ возбужденію, *«особенно въ крестьянахъ, неуваженія и вражды къ этому учрежденію»*. Затѣмъ, все «мнѣніе» г. Благовидова состоитъ въ выборкѣ изъ статьи «Биржи» самыхъ неблаговидныхъ обвиненій неизвѣстнымъ авторомъ пермскаго земства въ томъ, будто сибирскій трактъ земствомъ этимъ «доведенъ до безобразія», будто «громадная сумма употребляется на этотъ трактъ непроизводительнымъ образомъ и только незначительная часть ея уходитъ по

назначенію»; будто авторъ спрашиваетъ: «куда же дѣваются деньги, или, лучше сказать, кто ихъ крадетъ?»; будто просьба о правительственной субсидіи на сибирскій трактъ «есть не что̀ иное, какъ поползновеніе на карманы своихъ ближнихъ, но только другихъ губерній»; что по поводу приглашенія изъ Смоленской Губерніи лица, знающаго леченіе чумы, авторъ выразился, будто «пермское губернское земство спятило съ ума»; что для народнаго образованія пермское земство «не сдѣлало ровно ничего», что автора статьи «возмутило то направленіе губернскаго земства, которое, въ сущности, есть не что̀ иное, какъ самая грубая эксплуатація бѣдныхъ крестьянскихъ кармановъ»; что «забота о реальныхъ училищахъ есть не что̀ иное, какъ эгоистическая забота о своемъ только сословіи и безцеремонное обращеніе къ тощимъ кошелькамъ нашей мѣньшей братіи»; что въ личномъ составѣ пермскаго земства «замѣчательными земскими дѣятелями являются волостные писаря, торговцы, купеческія дѣти, родители которыхъ пользовались въ своей мѣстности такой извѣстностію, что, несмотря на то, что они уже давно умерли, память о нихъ сохранилась до сихъ поръ подъ разными именами, напримѣръ, «Темной Копейки» или что̀-нибудь въ этомъ родѣ»; что «*дворянскаго тормаза* для ихъ дѣятельности не имѣется»; что, наконецъ, «вся трехлѣтняя дѣятельность пермскаго губернскаго земства укладывается въ нѣсколькихъ словахъ: уничтоженіе земской случной конюшни и доведеніе сибирскаго тракта до невозможности проѣхать». Затѣмъ, г. Благовидовъ такъ заключаетъ свое мнѣніе: «Смыслъ вышеизложенныхъ выраженій такъ ясенъ, что не трудно доказать непристойную брань и клевету въ разсматриваемой статьѣ, направленныя къ оскорбленію достоинства пермскаго земства и его представителей, и къ возбужденію противъ него недовѣрія, неуваженія и вражды, особенно въ крестьянахъ. А это даетъ губернскому собранію право и, въ интересѣ земства, налагаетъ на него обязанность поручить губернской управѣ возбудить противъ редакціи «Биржи», гдѣ разсматриваемая статья напечатана въ видѣ приложенія, и противъ автора статьи преслѣдованіе, на основаніи ст. 1,039, 1,040 и 1,535-й улож. о наказ. (изд. 1866 года)».

Дѣйствительно, порицаніе земства—слишкомъ полное и слишкомъ огульное. Но оно тѣмъ болѣе подрываетъ свою собственную цѣну, что обнаруживаетъ невольно тотъ мутный источникъ, въ который неизвѣстный авторъ статьи мокалъ свое перо—источникъ, безповоротно отравленный исторіей и окончательно засыпаемый силою обстоятельствъ: чуется, изъ какого лагеря исхо-

дитъ это обвиненіе земства—ex ungue... non leonem, sed.. musculum suppressum (мышь, которую прищемили). Авторъ статьи оплакиваетъ крестьянскіе кошельки, которые будто бы опустошаются земствомъ. Жаль, если это такъ. Но едва ли слѣдуетъ жалѣть о томъ, что въ дѣятельности пермскаго земства не достаетъ «дворянскаго тормаза», потому что самое понятіе и назначеніе «тормаза»—отрицаніе дѣятельности, препятствіе для нея. Такъ зачѣмъ «тормазъ» тамъ, гдѣ надо дѣло дѣлать, а не тормозить? Inde irae...

Когда пермскому собранію доложено было объ этой статьѣ и собраніе было спрошено: какое постановленіе ему угодно сдѣлать относительно этого предмета? то единогласно было постановлено: «отнестись съ презрѣніемъ къ безъименнымъ ругателямъ пермскаго земства, о чемъ записать въ журналѣ» (Журналы пермск. губернск. земск. собр. пятой чрезвычайной сессіи. Пермь, 1874 г., стр. 28, 110, 111).

Этотъ характерный эпизодъ изъ исторіи пермскаго земства напоминаетъ намъ другой эпизодъ изъ исторіи другого земства, тоже Пермской Губерніи, именно—екатеринбургскаго. Это было за годъ до пермскаго собранія. Въ сентябрскую сессію 1873 г., въ екатеринбургскомъ земствѣ обсуждался вопросъ о народныхъ школахъ. Гласный Штейнфельдъ, одинъ, повидимому, изъ замѣтныхъ дѣятелей земства всей Пермской Губерніи, между прочимъ, высказываетъ, что средства на народное образованіе слѣдуетъ увеличить съ 15-ти тысячъ на 24. Ему возражаетъ другой гласный, г. Кокшаровъ, говоря, что эта сумма слишкомъ велика, не по платежнымъ средствамъ населенія; что учебныя пособія, на которыя тоже требуется прибавка, не всѣ же вѣдь истрепались, «что̀-нибудь да остается же...» Г. Кокшарову возражаетъ гласный Мелединъ, тотъ *крестьянинъ* homo novus, о которомъ мы уже не разъ упоминали, какъ о чемъ-то рѣдкомъ, какъ о бѣломъ воробьѣ. Мелединъ говоритъ, что учебныя пособія «требуются каждый день и, расходуясь, должны же пополняться» (можетъ быть, самъ Мелединъ, учась грамотѣ, не мало истрепалъ букварей и часослововъ—и вышелъ дѣльнымъ человѣкомъ). Тогда на Меледина возстаетъ г. Русановъ и упрекаетъ народныя школы въ томъ, что для нихъ выписываются «серьёзные журналы!..»—«Мнѣ извѣстно, говоритъ онъ: — что для нашихъ деревенскихъ школъ выписывается, между прочимъ, «Вѣстникъ Европы». Такой серьёзный журналъ едва ли по силамъ учащимся азбукѣ, и едва ли эта трата земскихъ суммъ полезна». Но не въ этомъ все дѣло—г. Русановъ чѣмъ-то задѣтъ, его безпокоитъ что̀-то еще невысказанное, потому что то, что̀

высказано, не облегчаетъ его земскую душу. А сказать то, что̀ хочется—неловко, боязно какъ-то. «Высказавъ все это (рѣшается онъ, однако, досказать до конца), я опасаюсь, чтобы заявленіе мое и другихъ гласныхъ не было перетолковано, какъ это ужь бывало. Я полагаю, многимъ изъ гг. членовъ собранія извѣстно, что въ одной изъ книжекъ журнала «Дѣло», за прошлый годъ, было напечатано свѣдѣніе о ходѣ народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ. Въ этой статьѣ прямо высказывалось, что землевладѣльцы Екатеринбургскаго Уѣзда несочувственно отнеслись къ дѣлу народнаго образованія, и только благодаря энергіи и настояніямъ представителя отъ горнаго вѣдомства, полковника Штейнфельда, школы получили необходимое обезпеченіе...» Такъ вотъ *что* хотѣлось высказать г. Русанову: печать *ихъ* обидѣла. Но г. Русановъ едва ли правъ. Честная печать, не та, которая дѣйствительно обидѣла пермское земство и которая, по своей нравственной нечистоплотности, не была принята на столбцы «Биржи», а пріютилась къ этой газетѣ на запятки, въ видѣ приложенія, какъ какое-нибудь объявленіе зубнаго врача или ручнаго закладчика, честная печать не обижаетъ тѣмъ, что говоритъ правду. А что она говорила правду екатеринбургскому земству, то это подтвердилъ самъ же г. Русановъ, который, говоря крестьянину Меледину, что народныя школы слишкомъ много пожираютъ денегъ, такимъ цицероновскимъ *quousque tandem Catilina* заканчиваетъ свою рѣчь противъ прожорливости народныхъ школъ: «Назадъ тому три года, земство назначило на народныя школы 5 тысячъ. Оказалось мало. Назначило на другой годъ 8½ тысячъ—опять оказалось мало! Прошлый годъ 15 тысячъ—опять мало! Требуютъ уже чуть не вдвое...» Какъ же тутъ не воскликнуть противъ новаго Катилины-Меледина: Quousque tandem abutere, Meledine, patientia nostra!.. («Постан. 4-го очередн. екатер. уѣзд. зем. собр. 1873 г.». Екатеринбургъ, 1874, стр. 47—54).

Обращаясь, вообще, къ дѣятельности пермскаго земства, мы, конечно, не скажемъ, что дѣятельность эта принесла краю за всѣ мильйоны, извлеченные изъ него, одинъ-единый даръ—«уничтоженіе случной конюшни». Давно вошло въ моду винить пермское земство за такъ-называемый сибирскій трактъ, тотъ историческій трактъ, по которому проходятъ вотъ уже нѣсколько столѣтій мильйоны русскаго люда, мильйоны «несчастненькихъ», побрякивая цѣпями, тотъ трактъ, по которому, какъ въ загробную жизнь, большинство невольныхъ путешественниковъ проходятъ затѣмъ, чтобы никогда оттуда не возвратиться, никогда не пройти второй разъ по этому загробному проспекту, а если нѣ-

которые изъ нихъ и возвращаются, то это—люди о двухъ головахъ, или не имѣющіе ни одной, «пропащія головы», и возвращаются не въ видѣ человѣка, а въ видѣ волка, который боится дневнаго свѣта, котораго всякій обязанъ ловить, чтобы снова и уже на-вѣки отправить по загробному проспекту въ тотъ край, гдѣ, вопреки русской пословицѣ, «не хорошо, хоть и нѣтъ тамъ насъ». Пермское земство всѣ корятъ тѣмъ, что въ этотъ сибирскій трактъ оно ухлопало слишкомъ много мильйоновъ, больше даже, чѣмъ сколько прошло по этой замогильной дорогѣ ногъ человѣческихъ, въ кандалахъ и безъ кандаловъ, вольныхъ и невольныхъ. Но дѣйствительно ли виновато въ этомъ земство? Вотъ каково его положеніе передъ общественнымъ судомъ. Пермское земство—это *первое* въ Россіи по тяжести отбываемыхъ имъ обязательныхъ повинностей, стоимость которыхъ вдвое и втрое превышаетъ то, что̀ отбываютъ другія земства. Это *единственное* земство въ Россіи, которое несетъ тяготу за *всю* Россію: по землѣ этого земства проходятъ *всѣ* арестанты, всѣ тѣ выброски человѣческаго общества, которые извергаетъ изъ себя *вся* Россія. Пермская Губернія занимаетъ своею площадью болѣе шести тысячъ квадратныхъ миль, т. е. она обширнѣе многихъ изъ самыхъ обширныхъ государствъ Европы, обширнѣе Италіи, обширнѣе даже Англіи и почти равна Пруссіи, не говоря уже о мелкихъ европейскихъ государствахъ. Въ то время, когда въ Англіи приходится по $5^1/_2$ тысячъ душъ населенія на одну милю, въ Бельгіи болѣе 9-ти тысячъ—въ Пермской Губерніи приходится на милю только 353 человѣка. И при такомъ рѣдкомъ населеніи, черезъ Пермскую Губернію, кромѣ множества уѣздныхъ, почтовыхъ, коммерческихъ и просёлочныхъ трактовъ, проходитъ еще этотъ ужасный историческій сибирскій трактъ, въ 732 версты длиною. По этому тракту ежегодно провозится болѣе 10-ти мильйоновъ пудовъ разныхъ тяжестей, начиная отъ золота и кончая арестантскими кандалами, проѣзжаетъ до 200,000 вольныхъ и невольныхъ пассажировъ и прогоняется до 15,000 арестантовъ. Всѣ эти человѣческія ноги, лошадиныя копыта и колеса всевозможныхъ тарантасовъ, колясокъ, каретъ и простыхъ телегъ постоянно выбиваютъ сибирскій трактъ. Провозится по сибирскому тракту кабель для подводнаго телеграфа—и каждый возъ вѣситъ до 300 пудовъ, такъ что весь обозъ, проходя трактомъ, оставляетъ на немъ не колеи, а «цѣлые рвы», а когда возы съѣзжаютъ съ горъ, то, вмѣсто тормазовъ, срубаютъ цѣлыя березы, привязываютъ ихъ къ возамъ и цѣлыми рвами бороздятъ дорогу, а рвы превращаются въ водороины... И вотъ, пермскому мужичку приходится постоянно за-

равнивать эту дорогу, заравнивать и слѣды провезеннаго подводнаго телеграфа, и слѣды провезеннаго золота, и слѣды, оставляемые телегами съ кандалами—все это приходится улаживать одному пермскому мужичку за всю Россію, за все ея золото и за всѣхъ ея арестантовъ. Понятно, что тяжело пермскому мужичку работать на всю Россію, тяжело и земству содержать этотъ трактъ ужасный, на свои и на мужичьи деньги. Не споримъ, что при этомъ много и воровалось мужичьихъ денегъ и мужичьяго труда, но и безъ воровства было нелегко населенію. Кромѣ поддержанія тракта, земство должно было платить ежегодно по 187,000 руб. содержателю вольныхъ почтъ, купцу Михайлову—и все это, опять-таки, бо̀льшею частью на свозку «несчатненькихъ» всей Россіи и счастливенькихъ, а иногда и несчастненькихъ чиновниковъ, тоже всей Россіи, заглядывающей по дѣламъ службы даже въ Сибирь.

Но виновато и земство. Оно виновато тѣмъ, что не дрожитъ надъ мужичьей копейкой, а это—его прямая обязанность. Мужичья копейка, это—тѣ горячіе уголья, которые земство собираетъ на свою голову. За этою копейкою не вездѣ достаточный надсмотръ; а гдѣ мало досмотра—тамъ воровство, и въ этомъ воровствѣ исторія обвинитъ самое же земство. Въ каждомъ земствѣ есть свои паразиты, которые пробираются вездѣ и, подобно одесскому «кузькѣ», пожираютъ народное достояніе. Паразиты эти—разные подрядчики, смотрителя, надсмотрщики, мостовщики, дорожники и проч. Они съѣли мильйоны народнаго труда и подъ носомъ у пермскаго земства, а сотни тысячъ подѣлили съ милостивцами. Пермское земство само видитъ, что подрядчики, загребая десятки тысячъ на исправленіе сибирскаго тракта, вмѣсто доставки на дорогу новаго хряща, «разгребаютъ кучи хряща стараго, чтобы придать имъ видъ вновь вывезенныхъ въ счетъ подряда», а деньги кладутъ въ карманъ; паразиты входятъ въ стачку съ смотрителями, какъ Морозовъ и Подчиненовъ стакнулись съ смотрителемъ Дементьевымъ, а красноуфимское земство этого не доглядѣло—не доглядѣлъ даже тотъ воротило этого земства, крестьянинъ Скачковъ, котораго мы назвали Микуломъ-Селяниновичемъ, не доглядѣлъ потому, что и богатырей ѣдятъ паразиты. Посылаетъ пермское земство на работы своего члена, г. Дягилева—и паразиты знать его не хотятъ. «Благодушество подрядчиковъ-рабочихъ дошло до такой степени, что всякое требованіе г. Дягилева они принимали съ удивленіемъ», жалуется пермское земство—и кому же? самому себѣ! Но ни Дягилевъ, ни Ахлюстинъ, другое земское «око», не могутъ ни настигнуть всѣхъ паразитовъ, ни передавить ихъ: паразиты за-

бираются даже подъ земскую рубашку. И губернское земство, и пермскій губернаторъ, г. Андреевскій, удостовѣряются обстоятельно, что паразиты заползли подъ рубаху камышловскаго земства. Паразитовъ ловитъ г. Штейнфельдъ, уже знакомый намъ земскій дѣятель, но «осязательно» поймать ихъ не можетъ, какъ выражается само земство. Паразитовъ ловитъ и губернаторъ, Н. Е. Андреевскій, ловитъ по оставленному ими запаху: «подрядъ на поставку матеріала для исправленія сибирскаго тракта отдается камышловскою управою *одному изъ земскихъ* врачей...» Врачъ-подрядчикъ! Ужь не ученикъ ли это того знаменитаго русскаго врача, о которомъ недавно писали, что онъ завелъ у себя подрядъ отдачи съ торговъ своихъ рецептовъ?.. Пермское земство, узнавъ, что у него врачи—подрядчики, вновь плачется: «Фактъ этотъ имѣетъ значеніе, въ особенности для Камышловскаго Уѣзда, гдѣ существуетъ такъ-называемый *совѣтъ нечестивыхъ*... виноватъ—*врачей*, который самъ составляетъ сметы на содержаніе медицинской части въ уѣздѣ, на которую ассигновано въ настоящемъ году уѣзднымъ собраніемъ до 35,000 р., и врачи сами распоряжаются въ своихъ участкахъ расходованіемъ ассигнованныхъ земствомъ суммъ» («Журн. пермск. губ. земск. собран.» Пермь, 1874 г. стр. 96—100). Послѣ оказалось, что губернаторъ ошибался: подрядчикъ не былъ врачъ (тамъ же, стр. 16).

Что-жь удивительнаго, если, послѣ этого, простой почтосодержатель, купецъ Михайловъ, обижаетъ пермское земство, а оно на него плачется. «Плачте, бісові очи, бачили бо що купували...» Пермское земство плачется теперь публично, что изъ главной конторы вольныхъ почтъ г. Михайлова станціоннымъ смотрителямъ разосланы книги съ подписью: «Контора вольныхъ почтъ проситъ покорнѣйше гг. проѣзжающихъ записывать свои жалобы о состояніи сибирскаго тракта, заготовленія ремонта и для исправленія онаго матеріаловъ». На что же тутъ плакаться? Надо благодарить гг. проѣзжающихъ, если они записываютъ свои жалобы: «Дитя не плачетъ—мать-земство не разумѣетъ». А земская мать обижается на это, говоритъ, что «записываемыя такимъ образомъ жалобы, нерѣдко, подъ различными *псевдонимами*, наполненныя неприличными выраженіями, отсылаются въ редакцію газеты «Биржа» и печатаются въ ней съ различными оскорбительными для земствъ комментаріями». Но, во-первыхъ, «неприличныя выраженія» въ печати не допускаются, а во-вторыхъ—кто же и повѣритъ голой неправдѣ, если у нея нѣтъ на тѣлѣ рубашки правды? Земство плачется что къ этимъ обидамъ «присоединяются тенденціознаго содер-

жанія телеграммы, публикуемыя въ газетахъ, огромныя статьи съ вымышленными подписями, имѣющія цѣлью, вообще, уронить авторитетъ пермскаго земства, преимущественно губернскаго, столь необходимый для успѣшности мѣропріятій земства». Оно плачетъ, какъ рѣка льется, что «въ статьяхъ этихъ, наполненныхъ неправдами, клеветою и ругательствами съ начала до конца, пермское земство выставляется какимъ-то «сборищемъ проходимцевъ»; что «законныя дѣйствія его называются безцеремонною эксплуатаціей крестьянскихъ кармановъ»; что ставится ему въ укоръ полученная отъ правительства субсидія на поддержаніе ужаснаго сибирскаго тракта; что выставляется въ смѣшномъ видѣ попытка, будто бы сдѣланная депутаціею, бывшею въ Петербургѣ, удержать за земствомъ содержаніе вольныхъ почтъ, для наживы, «чего на самомъ дѣлѣ никогда не было». Земство всѣмъ повѣдаетъ, что такія постыдныя статьи печатаются особыми прибавленіями въ двухъ столичныхъ газетахъ, въ огромномъ количествѣ высылаются въ Пермь, нарочно распространяются въ публикѣ и имѣются на каждой станціи вольныхъ почтъ. «Правда (говоритъ земство въ заключеніе своей петиціи къ общественному мнѣнію), сибирскій трактъ находится далеко не въ такомъ состояніи, какъ бы этого было желательно; но это еще не даетъ права частному лицу, подрядчику Михайлову, устанавливать свой контроль надъ дѣйствіями земскихъ учрежденій и распространять завѣдомо лживыя извѣстія о нихъ. Мы не претендуемъ на идеальную безупречность нашихъ дѣйствій: и въ нашей средѣ, какъ въ любомъ общественномъ учрежденіи, могутъ встрѣчаться равнодушіе къ дѣлу, крупныя ошибки и даже злоупотребленія, и мы не вправѣ быть недовольными, если дѣйствія наши, которымъ мы всегда старались придать возможную гласность, обсуждаются людьми благонамѣренными, желающими добра земству; но когда злонамѣренная диффамація, построенная на клеветѣ и имѣющая въ виду достиженіе частныхъ корыстныхъ цѣлей, стремится нанести вредъ общественному дѣлу и уронить авторитетъ земства, необходимый для успѣшности его мѣропріятій и гарантированный за нимъ высочайше дарованнымъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ; когда частный человѣкъ, подрядчикъ, вторгается въ область дѣятельности земства и устанавливаетъ надъ нимъ свой контроль—тогда необходимы мѣры, которыя напомнили бы такому лицу, что онъ—некто иной, какъ подрядчикъ» и т. д.

Земскіе паразиты, это—язва всѣхъ земствъ, и они-то бросаютъ тѣнь недовѣрія даже на самыя честныя мѣропріятія земскихъ учрежденій. Вывести у себя паразитовъ, это—прямой долгъ и

самое первое требованіе земской нравственной чистоплотности. Въ противномъ же случаѣ, паразиты всегда будутъ оставлять пятна на страницахъ исторіи земства, и пятна эти будутъ кровавыя, несмываемыя, потому что паразиты пьютъ народную кровь. Болѣе, чѣмъ для какого-либо другого земства, присутствіе паразитовъ должно быть чувствительно для пермскаго земства, у котораго на плечахъ сибирскій трактъ, могущій съѣдать ежегодно на одно свое исправленіе до полумильйона рублей. Паразиты, конечно, были отчасти причиной того, что пермяки, не въ силахъ будучи нести на своихъ плечахъ этотъ злополучный трактъ, два раза ходатайствовали у правительства о перечисленіи его въ разрядъ государственныхъ путей сообщенія и оба раза получали отказъ, а наконецъ, въ 73 году, послали депутацію просить о субсидіи. Это послѣднее ходатайство ихъ было уважено, и высочайше утвержденнымъ положеніемъ государственнаго совѣта пермскому земству назначена субсидія по 200 тысячъ руб. въ годъ, впредь до открытія движенія по уральской желѣзной дорогѣ. По этому случаю, въ августѣ прошлаго года, состоялось чрезвычайное губернское собраніе, при открытіи котораго губернаторомъ Н. Е. Андреевскимъ было засвидѣтельствовано пермскому земству, что полезная дѣятельность его не ограничивалась уничтоженіемъ лишь земской случной конюшни, какъ утверждали враги земства, но выразилась и другими полезными результатами. Такъ, губернаторъ заявилъ, что труды земства по народному образованію не были безплодны и что созданная, такъ сказать, земствомъ новая рабочая молодая сила уже несетъ свои знанія на пользу всего края. «Пріятнымъ долгомъ считаю заявить собранію о полезной дѣятельности молодыхъ воспитанниковъ земскаго ветеринарнаго училища (сказалъ губернаторъ въ концѣ своей рѣчи). Въ теченіи нынѣшняго лѣта, внезапно, во многихъ уѣздахъ появилась на скотѣ сибирская язва. Благодаря принятымъ мѣрамъ, болѣзнь сія почти повсемѣстно или прекращена, или ослаблена. Дѣятельность воспитанниковъ была крайне полезна, и можно надѣяться, что юноши сіи, по окончаніи ими курса наукъ, явятся вполнѣ полезными дѣятелями въ губерніи». Юноши эти—земскія уже дѣти.

Время покажетъ, каковъ будетъ сибирскій трактъ послѣ затраты въ него такихъ огромныхъ суммъ, какія ассигнованы на текущій годъ—400,000 рублей: вѣдь, это около $5^1/_2$ тысячъ на версту! Но замѣтно, что и само земство, послѣ всѣхъ горькихъ уроковъ, преподанныхъ ему печатью и общественнымъ мнѣніемъ, гораздо осмотрительнѣе принялось за пенел опину ткань—за свою «сибирскую» дорогу. Такъ, гласный П. Д. Дягилевъ, въ одномъ

изъ засѣданій собранія заявилъ: «въ предстоящій 1875 годъ начнутся *серьёзныя* работы по сибирскому тракту, вслѣдствіе ассигнованія на производство оныхъ четырехъ-сотъ тысячъ рублей. Для сохраненія и удержанія вполнѣ *величія*, *стойкости* и *справедливости* земскихъ учрежденій, необходимо, чтобы всякій поводъ къ злоупотребленію былъ преслѣдуемъ со строгостію, энергіею и безпощадно...» Затѣмъ, когда, въ другое засѣданіе, зашла рѣчь о порядкѣ производства работъ и когда гласный Базилевскій предлагалъ обыкновенную систему подрядовъ, гг. Дягилевъ и Штейнфельдъ возражали, что «находятъ этотъ способъ нехозяйственнымъ, дающимъ возможность *наживаться* нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ и, въ случаѣ невыполненія подряда, влекущимъ за собою нескончаемые процессы». Вообще, споровъ изъ-за этого было не мало. Предсѣдатель губернской управы, Д. Д. Смышляевъ, заявилъ даже при этомъ, что онъ несогласенъ съ проектомъ особой комиссіи, выработавшей планъ исполненія работъ по сибирскому тракту, не согласенъ потому, что въ основѣ проекта проведены какія-то «ложныя идеи». Во всякомъ случаѣ, только время покажетъ, удержитъ ли пермское земство на сибирскомъ трактѣ «величіе, стойкость и справедливость» и докажетъ ли, что дни земскихъ паразитовъ сочтены.

Говоря вообще, на пермскомъ земствѣ и, повидимому, на всей Пермской Губерніи лежитъ какой-то странный нравственный отпечатокъ. Это—какое-то царство обвинителей и обвиняемыхъ: всѣ буквы губернскаго и земскаго алфавитовъ обвиняютъ поочереди одна другую, а затѣмъ сами обвиняются вновь—и вновь обвиняютъ. *Азъ* обвиняетъ *буки*; *буки*, обвиняя *азъ*, въ то же время, нападаютъ на *вѣди*. Озлобленныя *вѣди* припутываютъ къ обвиненію *глаголь* и *добро*, ни въ чемъ неповинное. Оскорбленное *добро* накидывается на *есть*, на *живете* и на самую *землю* и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстный сотрудникъ «Биржи» обвиняетъ все губернское земство хуже, чѣмъ въ казнокрадствѣ—въ народокрадствѣ, въ проходимствѣ, въ происхожденіи отъ «Темной копейки». Земство обвиняетъ почтосодержателя Михайлова въ возмущеніи проѣзжающихъ по сибирскому тракту, въ составленіи тенденціозныхъ телеграммъ, въ наводненіи Пермской Губерніи ругательными статьями. Г. Благовидовъ обвиняетъ «Биржу» въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1039, 1040 и 1535 улож. о наказаніяхъ. Г. Дрягинъ обвиняетъ дорожнаго смотрителя Дементьева въ стачкѣ съ подрядчиками Морозовымъ и Подчиненовымъ, а красноуфимскую управу, съ предсѣдателемъ ея крестьяниномъ Скачковымъ—въ потворствѣ Дементьеву. Скачковъ, защищаясь отъ обвиненія, обвиняетъ цѣлыя земскія соб-

бранія въ избраніи «на должности предсѣдателей и членовъ управъ лицъ, неоправдывающихъ этого назначенія», и, говоря, что «примѣровъ тому не мало въ Россіи», цѣлой Россіи тычетъ въ глаза восклицательнымъ знакомъ! (тамъ же, стр. 120). Губернаторъ обвиняетъ камышловское земство въ томъ, что тамъ земскіе подрядчики—земскіе врачи. Губернское пермское земство обвиняетъ уѣздное камышловское же въ томъ, что тамъ врачи сами лазятъ въ земскій сундукъ и берутъ 35 тысячъ. Земскій инженеръ Немира обвиняетъ телеграфный кабель въ томъ, что, при провозкѣ его по сибирскому тракту, онъ «оставлялъ за собою не колеи, а цѣлые рвы»; обвиняетъ всѣхъ арестантовъ въ томъ, что они по шести человѣкъ садятся на телегу и «прорѣзаютъ въ сырую погоду кору сибирскаго тракта до основанія». Гласный Русановъ обвиняетъ народныя школы, что онѣ выписываютъ «серьёзный» журналъ «Вѣстникъ Европы», и журналъ «Дѣло» обвиняетъ въ томъ, что онъ будто бы говоритъ, что екатеринбургскіе землевладѣльцы не сочувствуютъ народнымъ школамъ. Гласный, крестьянинъ Мелединъ, шадринскій Микула-Селяниновичъ, обвиняетъ гласнаго Казанцева въ томъ, что реальныя училища и женскія гимназіи такъ же «доступны для народа, какъ буфетъ при собраніи: онъ открытъ для всѣхъ, но нашему брату-мужику не по карману». Гласный Штейнфельдъ обвиняетъ шадринское земство въ томъ, что обсужденіе сметы на школы—это не обсужденіе, а «торгъ», и притомъ «торгъ огуломъ». Г. Дягилевъ, посланный для присмотра за подрядчиками, обвиняетъ ихъ въ циническомъ «благодушіи» и неповиновеніи. Подрядчикъ Устюжанинъ обвиняетъ предсѣдателя камышловской управы Калакуцкаго въ томъ, что Калакуцкій не допускалъ никого на торги по исправленію сибирскаго тракта за тѣмъ, чтобы произвести это исправленіе «хозяйственнымъ образомъ», и его, Устюжанина, тоже явившагося на торги, выгналъ «вонъ изъ управы», совершивъ такимъ образомъ преступленіе, предусмотрѣнное 347 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Вѣдь, это—все уголовщина! Далѣе, камышловскій же становой приставъ и судебный слѣдователь обвиняютъ гласнаго камышловскаго же земства и члена управы Давыдова—«въ подлогѣ по службѣ», и правительствующій сенатъ признаётъ это обвиненіе «дѣйствительнымъ». Гласный Казанцевъ обвиняетъ исетскій заводъ за какую-то «лопату», говоря, что «одна лопата для Екатеринбургскаго Уѣзда была сдѣлана въ исетскомъ заводѣ, но ее проработали такъ долго, что Екатеринбургскій Уѣздъ остался безъ лопатъ», а красноуфимскую управу обвиняетъ за то, что, по требованію инженера, она не хотѣла дѣлать для

себя «визирки и ватерпасы», и такъ далѣе—все обвиненія, обвиненія и обвиненія!

Всѣхъ этихъ встрѣчныхъ и поперечныхъ обвиненій рѣшительно не въ силахъ перечислить никакой земскій историкъ. Онъ точно въ царство сикофантовъ брошенъ: сикофанствуетъ все, начиная отъ праваго и виноватаго, словно въ Аѳинахъ въ эпоху нравственнаго разложенія аѳинскаго народа, когда Аристофанъ обвинялъ народнаго вождя Клеона во взяточничествѣ, а Клеонъ обвинялъ Аристофана въ безбожіи, когда Демосѳенъ обвинялъ Эсхина въ продажности, а Эсхинъ, въ своей безсмертной рѣчи «pro corona», обвинялъ Демосѳена въ неповиновеніи властямъ. Но, вѣроятно, и въ пермскомъ народѣ, какъ аѳинскомъ, чувствуется, что нравственная почва подъ ногами разрыхлѣла: въ Аѳинахъ Демосѳенъ и Эсхинъ боролись не изъ-за преміи собственно, не изъ-за золотого вѣнца побѣдителя на олимпійскомъ земскомъ собраніи, а изъ-за того, что чувствовали загребистую лапу Филиппа Македонскаго, уже протянутую надъ бѣдною Грецією. Пермяки же борятся на своихъ земскихъ олимпійскихъ играхъ изъ-за того, чтобы новые Филиппы Македонскіе, разные подрядчики, не засунули свою загребистую лапу въ карманъ пермскаго народа.

Но пермскія обвиненія не останавливаются на одной земской почвѣ. Обвиненія идутъ дальше, вглубь этой почвы, до самой подпочвы. Встрѣчныя и поперечныя обвиненія идутъ между земствомъ и пермской маріинской женской гимназіей. Предсѣдатель губернской управы, онъ же и членъ попечительнаго совѣта гимназіи, Д. Д. Смышляевъ, обвиняетъ совѣтъ гимназіи и директора ея И. Ф. Грацинскаго очень во многомъ. Онъ обвиняетъ г. Грацинскаго и всю женскую гимназію, во-первыхъ, въ мраколюбіи, въ боязни гласности и въ намѣренномъ непечатаніи, вопреки закона, постановленій совѣта, а слѣдовательно и въ неблаговидномъ сокрытіи всего, что̀ въ гимназіи дѣлается; во-вторыхъ, въ удержаніи г. Грацинскимъ у себя на рукахъ, тоже вопреки закону, около 15 тысячъ рублей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; въ третьихъ въ построеніи дома женской гимназіи такъ, опять-таки вопреки строительному уставу, что туда «ни конному, ни пѣшему попасть невозможно»; въ четвертыхъ, что начальница гимназіи, г-жа Чернѣевская, совершенно оттерта г. Грацинскимъ, и опять вопреки закону, отъ всего, что̀ ей вмѣнено въ обязанность закономъ; въ пятыхъ, что совѣтъ гимназіи занятъ постоянно такими пустяками и формальностями, что все это «у людей дѣловыхъ, состоящихъ членами совѣта, отбиваетъ охоту посѣщать это заведеніе»; въ шестыхъ, въ седьмыхъ... и

такъ далѣе до безконечности, такъ что перечислять все это было бы очень утомительно. Затѣмъ, на основаніи этихъ обвиненій, г. Смышляевъ проситъ свое земство прекратить субсидію, которую оно выдавало женской гимназіи.—Въ свою очередь, г. Грацинскій обвиняетъ г. Смышляева, во-первыхъ, «въ холодности къ дѣлу преуспѣянія женской гимназіи и въ бездѣятельности»; во-вторыхъ, что г. Смышляевъ мѣшается не въ свое дѣло, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Съ одной стороны, споръ доводится до свѣдѣнія губернскаго собранія, съ другой, «по особой важности дѣла»—до свѣдѣнія попечителя казанскаго учебнаго округа.

Чѣмъ объяснить это странное настроеніе пермскаго земства и всего пермскаго края? Вѣдь, не можетъ же пермскій край отвѣчать на это одною изъ горькихъ сатиръ Некрасова.

Я сегодня такъ грустно настроенъ,
Такъ болитъ мой озлобленный умъ...

Правда, онъ можетъ отвѣчать и такъ, что давно уже онъ «грустно настроенъ» и болитъ его озлобленный умъ; но причины-то озлобленія должны быть очень глубокія, если вся дѣятельность края сводится на пререканія и обвиненія. Есть что̀-то болѣзненное въ почвѣ этого края, и потому всѣмъ земскимъ дѣятелямъ при-рифейскаго царства, сосѣдямъ говоръ и магоговъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ въ пермско-рифейскія горы, всѣмъ этимъ поправителямъ того зла, какое принесъ пермскому краю неудавшійся ученикъ Аристотеля, македонскій кавалергардъ, всѣмъ этимъ Базилевскимъ, Безпаловымъ, Брызгаловымъ, Васильевымъ, Горбуновымъ, Дягилевымъ, Казанцевымъ, Китаевымъ, Манухинымъ, Назухинымъ, Пермяковымъ, Поповымъ, Пушкаревымъ, Роговымъ, Сиговымъ, Скачковымъ, Смышляевымъ и Сысковымъ предстоитъ честная задача—оздоровить больную почву пермскаго края и выпустить на волю остальныхъ заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ въ рифейскія горы говъ и магоговъ—честныя рабочія силы и молодое ихъ поколѣніе. (Тамъ же, стр. 4, 12, 13, 16, 23, 24, 51—70, 71, 73, 76, 98, 99, 101—103).

XIX.

Чухлома... чухломское земство... чухломскіе гласные... чухломское земское собраніе... Странно! Пишущему это, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, всегда почему-то казалось, что города Чухломы нѣтъ на свѣтѣ, что городъ этотъ кѣмъ-то выдуманъ въ насмѣшку, что такого города никогда и нигдѣ не было, какъ

не было царя Гороха, тоже выдуманнаго для дѣтей, что городъ Чухлома, это—то же самое, что островъ Буянъ на морѣ на океанѣ или греческій «муравьиный городъ», городъ мирмидоновъ. Впослѣдствіи, набираясь школьной мудрости, пишущій это узналъ изъ географіи, что въ Костромской Губерніи есть городъ Чухлома; но опять-таки остался при своемъ мнѣніи, что городъ Чухлома выдуманъ только такъ, «для экзаменовъ», и что его нѣтъ на свѣтѣ, какъ нѣтъ, въ дѣйствительности, на землѣ ни тропиковъ, ни экватора, какъ нѣтъ въ природѣ ни «козерога», ни «водолея», а что все это выдумано «для экзаменовъ». Скептицизмъ этотъ глубоко потомъ засѣлъ въ мозгъ пишущему сіе: по окончаніи всей школьной мудрости—и гимназической, и университетской — пишущій сіе едва встрѣчалъ въ газетахъ извѣстіе о городѣ Чухломѣ, о чухломскомъ исправникѣ, о чухломскомъ патріотизмѣ, то никакъ не могъ отмахаться отъ прежняго убѣжденія, что Чухлома—выдумана для смѣху, какъ Щедринъ выдумалъ и обезсмертилъ городъ Крутогорскъ, городъ Глуповъ, что и Чухлому кто-нибудь раньше Щедрина выдумалъ и обезсмертилъ—или Гоголь, или Грибоѣдовъ...

И вдругъ, передъ нами—«Сборникъ постановленій чухломскаго уѣзднаго очереднаго земскаго собранія», такого-то года, «изданіе уѣздной управы». Книжечка голубенькая, а наконецъ, и нѣсколько голубенькихъ книжечекъ. Печатана въ Костромѣ, въ типографіи Андроникова. На оборотѣ перваго листа значится: «Печатано съ разрѣшенія г. костромскаго губернатора». Значитъ—дозволенное. Значитъ—чухломское земство существуетъ, не выдумано на смѣхъ.

И дѣйствительно существуетъ. Но все это—такое миніатюрное, такое жалкенькое, бѣдненькое. И гласныхъ-то всего въ собраніи 12—13 человѣкъ. И предсѣдателя-то у нихъ настоящаго нѣтъ, потому что неизвѣстно куда дѣвался чухломскій предводитель. И вопросы-то у нихъ все маленькіе, дѣйствительно какъ въ городѣ мирмидоновъ. Читаемъ въ журналѣ, что въ такомъ-то засѣданіи собранія происходили «продолжительныя и разнородныя пренія»—и изъ-за чего же? Изъ-за того: дать ли по 40 руб. въ годъ двумъ волостямъ на открытіе почтовыхъ станцій въ селахъ Судаѣ и Бушневѣ, или не дать? дать ли судайской почтовой конторѣ, за пріемъ и выдачу корреспонденціи, тоже 40 руб., или не дать? Послѣ «продолжительныхъ и разнородныхъ преній», рѣшено дать. Это все равно, что, сто лѣтъ тому назадъ, когда, еще до Пугачева, въ Царицынѣ появился первый самозванецъ, Богомоловъ, назвавшій себя Петромъ III-мъ, то, въ одной донской станицѣ, Пяти-Избахъ, казаки на станич-

номъ сборѣ разсуждали: «дать ли явленному въ Царицынѣ императору Петру III-му помощь отъ станицы!»—и приговорили: «дать рубль». Точно также въ чухломскомъ земствѣ идутъ оживленныя пренія, по заявленію гласнаго, Д. А. Александрова, о томъ, дать или не дать «на обученіе бабокъ» добавочную сумму—и постановлено: дать 40 руб. Далѣе: дочь бѣднаго чиновника, дѣвица Сигорская, поступила въ костромскую земскую школу учительницъ, но бѣдной дѣвушкѣ жить нечѣмъ, и вотъ миніатюрное и миніатюрно-сердобольное чухломское земство приходитъ на выручку будущей учительницѣ народа: оно назначаетъ дѣвицѣ Сигорской стипендію по 5-ти руб. въ мѣсяцъ. Все это микроскопически, но все это сердечно, добро, умилительно. Но тяжко жить бѣдному чухломскому земству: край бѣдный, забытый, населеніе бѣдно, заработка нѣтъ, земля чахоточна, подати тяжки. И вотъ, собираются властители микроскопическихъ судебъ чухломскаго края, гласные: Моллеръ, Ильичевъ, Поляковъ, Добрецовъ, Волхонскій, Завьяловъ, Терещенко, Большаковъ, Золотиловъ, Шиповъ и Степановъ, а во главѣ ихъ Нелидовъ. Это—все чухломское земство, «совѣтъ двѣнадцати». И расуждаютъ они: какъ помочь горю, какъ облегчить населеніе отъ излишней тяготы? Начинаютъ сокращать свой бюджетъ, обрѣзывать, что-называется, ногти до живаго мяса—и, наконецъ, обрѣзали: расходъ на разъѣзды исправника уменьшить 50-ю рублями; прекратить выписку газеты «Голосъ», единственнаго источника, изъ котораго чухломитяне узнавали, что свѣтъ еще стоитъ, что въ Москвѣ все еще царь-пушка существуетъ и не стрѣляетъ, а царь-колоколъ существуетъ и не звонитъ—и прекратили выписку «Голоса» на 16 р. И что же оказалось? «Голоса» лишились—и теперь не знаютъ, что дѣлается на свѣтѣ, а исправника обидѣли, разгнѣвали: суровый начальникъ чухломскаго края тотчасъ же шлетъ отношеніе-ультиматумъ: «о нежеланіи, за сдѣланнымъ собраніемъ уменьшеніемъ съ 1875 года суммы на разъѣзды его, получать разъѣздныя деньги и о учрежденіи въ уѣздѣ станцій для разъѣздовъ полиціи». Вотъ тебѣ и на! Пришлось бѣднымъ чухломитянамъ вновь увеличивать налоги на учрежденіе новыхъ станцій въ уѣздѣ и при этомъ вспомнить, что изъ-за гнѣва греческаго исправника Ахиллеса погибла Троя и что какъ бы и чухломскому Гомеру не пришлось написать чухломскую Иліаду, которая бы начиналась: «Гнѣвъ, богиня, воспой чухломскаго исправника, Зевсова сына...» и т. д., смотря по обстоятельствамъ дѣла.

Положеніе такихъ бѣдныхъ земствъ, какъ чухломское, вообще, безотрадно. Еслибы даже и явилась творческая сила у земскихъ

дѣятелей, то и творить-то добро не изъ чего: матеріала нѣтъ, опереться не на что. Здѣсь и выдающіяся личности безсильны; развѣ только геній можетъ создать все изъ ничего и изъ чахлаго края выжать творческую искру—дать населенію благосостояніе? Но геніи такъ рѣдки на свѣтѣ. И вотъ, бьются бѣдные дѣятели, придумываютъ, какъ бы осчастливить хотя микроскопическимъ счастьемъ свой чахленькій уголокъ: думаютъ, что будетъ легче, если въ штрафной таксѣ за потравы полей и луговъ измѣнятъ 1-й пунктъ, «отнеся свиней, причисленныхъ къ числу мелкаго скота, къ крупному, какъ приносящихъ вредъ не менѣе коровъ и лошадей», и относятъ свиней къ высшему чиновному рангу. А все не легче. Думаютъ завести у себя земскій банчишко—и все не легче: денегъ мало. Признаютъ пользу образованія; есть у нихъ и школки свои, и пособьица учебныя есть—да все мало, все нечѣмъ взяться («Сборн. постан. чухлом. уѣздн. земск. собр.», Кострома, 1874 г., стр. 5, 6, 8, 14, 15, 16, 19 и др.).

О такихъ земствахъ и, вообще, о такихъ краяхъ не мѣшало бы подумать: вѣдь тутъ *весь земскій бюджетъ* едва доходитъ до 26-ти тысячъ, тогда какъ иныя земства, тоже уѣздныя, на одни народныя школы могутъ отваливать въ годъ по 26-ти и болѣе тысячъ. «Овому талантъ, овому два...»

Другое дѣло—такія земства, которыя и могли бы сдѣлать что-нибудь изъ своихъ силъ, изъ своего положенія, да, повидимому, не хотятъ или не умѣютъ. Всматриваясь въ сонную работишку такихъ земствъ, такъ и видишь, что у нихъ все изъ рукъ валится, какъ у той пряхи, которая рано встаетъ, да мало прядетъ. Вотъ хоть бы калужское земство... Калуга—городъ губернскій. Есть не мало основаній, по которымъ бы можно было надѣяться, что Калуга духовно и экономически не захирѣетъ. А она хирѣетъ. Говорятъ, что Калуга, какъ и Чухлома—заброшенный край. Ее обошли даже желѣзныя дороги. Калуга, это—Сандрильона, та всѣми презираемая, сказочная замарашка, которая, рано ли, поздно ли, удивитъ всю Россію. Такъ думаютъ иные; а теперь, говорятъ, она забыта, забыта даже послѣ того, какъ въ ней въ почетномъ плѣну жилъ знаменитый старецъ Кавказа—Шамиль, эта издыхавшая духовная сила Востока. Но, перебирая слѣды вялой работишки земства этого города, отыскивая въ нихъ хоть намёкъ какой-нибудь на огонёкъ Прометея, все какъ-то ничего не находишь, а на языкѣ постоянно вертится старое, старое изреченіе о «рабѣ лѣнивомъ», котораго «надъ малымъ поставили», а онъ и малое-то это умалилъ. Да и самые калужане не могутъ не видѣть этого. Десять лѣтъ они

топчутся земскими ногами, и все топчутся на одномъ мѣстѣ, и работишка-то земская имъ самимъ кажется неприглядною, и не тянетъ ихъ сдѣлать ее приглядною. На десятый годъ этого топтанья на мѣстѣ имъ, какъ школьникамъ, приходится слышать сказанныя имъ въ глаза жосткія слова—и они не обижаются, а проморгаютъ и снова топчутся. Передъ глазами всего собранія г. Ергольскій, предводитель ихъ и предсѣдатель собранія, говоритъ имъ: «Нѣкоторые изъ господъ гласныхъ баллотируются въ члены управы и, будучи выбранными, совершенно пренебрегаютъ своими обязанностями». А другіе гласные тутъ же «возражаютъ» г. Ергольскому, что «*подобныхъ* людей не слѣдуетъ выбирать, какъ *безполезныхъ*», что «*подобные* люди не должны баллотироваться», что, «наконецъ, собраніе должно обращать болѣе вниманія на качества тѣхъ людей, которыхъ оно баллотируетъ въ члены управы» и проч. («Журналы калужск. Х-го очер. уѣздн. земск. собр. 1874 г.» Калуга, 1875 г., стр. 4). И тутъ же мѣняютъ составъ управы: предсѣдателемъ выбираютъ Н. Б. Штриттера, а членами—Д. В. Тимченко и А. А. Гейера.

И все какъ-то идетъ тутъ нехотя. Задумываетъ начальство открыть около Калуги образцовое двухклассное училище при деревнѣ Фроловой, чтобы образованіемъ разогнать нѣсколько раскольничью тьму, окутавшую эту мѣстность. Обращаются къ мужичкамъ. Мужички тотчасъ же и кладутъ свою мужичью резолюцію: «бывъ-де сего числа на общемъ нашемъ сходѣ... изъявили-де наше желаніе и дали свое согласіе...» Ладно. Тутъ же «Дарофей Михайловъ и руку приложилъ» за неграматныхъ. Сунулось затѣмъ начальство къ земству. Земство отвѣчаетъ, что «постройка двухкласснаго училища поведетъ къ довольно значительнымъ затратамъ», а потому «обратиться-де къ землевладѣльцамъ, сочувствующимъ дѣлу народнаго образованія и извѣстнымъ своею благотворительностью». Тѣмъ и покончили. Въ другой разъ обращается начальство къ земству, проситъ выдать маленькое пособіе учителямъ и учительницамъ: Піуновскому 40 руб., Лебедевой 25 руб. и Воскресенской 25 руб. И земство опять лаконически отвѣчаетъ: «въ выдачѣ пособія, большинствомъ 15-ти голосовъ противъ 8-ми, отказать». И отказали. «Иди, небого—я тебя не бью». Или: Чухлома, бѣдная, подозрѣваемая даже въ подлинности существованія на свѣтѣ Чухлома, при всей своей скудости, дала на народное образованіе 2,500 руб., т. е. 10% изъ всего нищенскаго земскаго бюджета. А Калуга, въ которой былъ когда-то, говорятъ, Наполеонъ I-й, а потомъ жилъ издыхавшій духъ Востока, Шамиль, губернская Ка-

луга дала на народныя школы только 1,440 р., что̀, при бюджетѣ почти въ 72 тысячи, составляетъ только 2%!

Что̀-жь дольше останавливаться отдѣльно на подобныхъ земствахъ? Ихъ слѣдуетъ валить въ одну кучу по нѣскольку земствъ, смѣшать ихъ всѣ въ одномъ мѣшкѣ исторіи и, вынимая изъ мѣшка, показывать—которое хуже. Мы такъ и будемъ дѣлать. А теперь—мимо, мимо, земская мертвечина! Мы лучше перенесемся въ такіе края, гдѣ хоть что̀-нибудь есть, гдѣ хоть чувствуется земская война, жаркія пренія, взаимныя обвиненія: все же это—исканіе чего-то, а не мертвечина.

И вотъ, поневолѣ изъ мертвыхъ центровъ мы направляемъ свой страннический посохъ къ далекимъ окраинамъ, изъ старой Европы переходимъ въ молодую Азію—въ Сибирь. Мы еще не были въ Ирбити. Правда, городъ этотъ—узаконенное дитя пермскаго края, въ которомъ мы уже были мимоходомъ; но у ребёнка этого есть свои типическія черты—черты матери-Сибири. Въ ирбитскомъ земствѣ мы встрѣчаемъ знакомыхъ уже намъ дѣятелей и, между прочимъ, г. Смышляева, того самаго Смышляева, котораго мы видѣли въ единоборствѣ съ г. Грацинскимъ, директоромъ пермской гимназіи. Г. Смышляевъ и въ Сибири не измѣняетъ своему знамени: онъ и здѣсь—такой же боецъ, какимъ мы его видѣли въ Перми. Всякій разъ, когда мы читаемъ его заявленія, его всегда оживленныя рѣчи, мы всегда представляемъ его себѣ тѣмъ рыцаремъ, о которомъ говорится въ пѣснѣ, что онъ былъ—«статный воинъ, первый Даніи боецъ», хотя стихъ этотъ, по отношенію къ г. Смышляеву, долженъ быть измѣненъ:

... статный воинъ,
Первый земщины боецъ.

Дѣйствительно, едва только открыто было первое собраніе ирбитскаго земства втораго трехлѣтія, какъ г. Смышляевъ заявляетъ, что все ирбитское земское собраніе перваго трехлѣтія было «оскорблено». Онъ объясняетъ новому собранію, что ирбитская уѣздная управа не хотѣла исполнить многихъ распоряженій прежняго земскаго собранія и что самыя выраженія, которыя управа допустила въ объяснительной запискѣ къ сметамъ и раскладкамъ, г. Смышляевъ считаетъ оскорбительными для собранія. «На основаніи ст. 114-й полож. о земск. учр., я вношу обвиненіе управы въ губернское земское собраніе», говоритъ онъ, какъ гласный губернскаго пермскаго земства. Но первый боецъ земщины оказывается дѣйствительнымъ бойцомъ, которыхъ желательно было бы побольше такимъ мертвымъ земствамъ, какихъ, кромѣ чухломскаго и калужскаго, а равно охан-

скаго и курскаго-дмитріевскаго, мы встрѣчали въ своемъ путешествіи очень немало: еслибы въ каждомъ изъ мертвыхъ земствъ было хоть по одному бойцу, то земскія дѣла навѣрное пошли бы нѣсколько лучше. Этимъ снова подтверждается высказанное нами прежде, что человѣческая личность, какъ она ни ничтожна передъ массами, а заставляетъ эти массы повиноваться себѣ.

Г. Смышляевъ внесъ въ ирбитское земское собраніе замѣчательную записку, которая могла бы служить урокомъ и указательнымъ пальцемъ для всѣхъ земствъ русской земли. Записка эта излагаетъ процессъ раскладокъ земскаго сбора и указываетъ, на какихъ поразительныхъ неравномѣрностяхъ бо̀льшею частью основываются эти раскладки. Обидная неравномѣрность раскладокъ, это—исходный пунктъ, отъ котораго г. Смышляевъ отправляется въ бой, можно сказать, со всею русскою земщиною и ея исторіею. «Значеніе раскладки земскихъ налоговъ въ ряду другихъ предметовъ земскаго вѣдѣнія (говоритъ онъ, между прочимъ) можно опредѣлить сравненіемъ ея съ фундаментомъ зданія. Какъ отъ прочности фундамента и качества матеріаловъ, употребленныхъ на его постройку, зависитъ устойчивость всего зданія, такъ и благосостояніе мѣстнаго населенія находится въ непосредственной зависимости отъ степени равномѣрности раскладки налоговъ, упадающихъ на плательщиковъ. Ка̀къ бы ни была хорошо устроена медицинская часть; ка̀къ бы ни было много открыто школъ для народнаго образованія, но, если расходы на эти предметы раскладываются неравномѣрно и одна часть плательщиковъ чрезмѣрно обременена налогами, поглощающими бо̀льшую часть ея заработковъ, то въ результатѣ окажется, что ни медицинская помощь, ни школы не принесутъ желаемой пользы, потому что безполезно лечить людей больныхъ отъ плохаго питанія или отъ неимѣнія теплой одежды и хорошо устроеннаго жилища, а къ школамъ эта часть населенія отнесется съ полнымъ равнодушіемъ, въ силу новѣйшей пословицы, что «голодное брюхо—къ ученію глухо». Дѣйствительно, г. Смышляевъ правъ, что это—«новѣйшая» пословица, потому что старинная ея сестра—«сытое брюхо—къ ученію глухо», заимствована у обжоръ-римлянъ, которые, вообще, плохо учились, а когда, послѣ завоеванія Греціи, они продолжали смотрѣть на ученье, какъ на прихоть, дозволительную только дѣтямъ патриціевъ, а не голодному плебсу, и когда затѣмъ поручали своихъ откормленныхъ сынковъ голоднымъ грекамъ, которые одни считались учеными и кормились отъ науки, а сынки-кавалергарды (equites) больше любили кушать устрицы

и кутить съ камеліями-гетерами, то и сочинили свою пословицу: satur venter non studet libenter. Г. Смышляевъ правъ и относительно того, что безполезно лечить людей, больныхъ отъ голода и отъ холода: это мы замѣчали и ростовскому земству, приказывавшему своимъ врачамъ лечить народъ отъ голода—отъ питанія древесною корой, по-заячьи. Говоря далѣе о неравномѣрности раскладокъ, г. Смышляевъ поясняетъ, что отъ неравномѣрности налоговъ «можетъ быть даже и то, что, чѣмъ болѣе будутъ совершенствуемы разныя отрасли земскаго хозяйства, тѣмъ труднѣе и хуже будетъ существованіе той части плательщиковъ, которая будетъ обложена несоразмѣрно съ своими средствами, потому что усовершенствованіе поведетъ за собою и увеличеніе расходовъ, оплачиваемыхъ плательщиками». Но самая существенная часть записки г. Смышляева—цифровая. Это—бойко набросанная изъ цифръ картина того, *насколько процентовъ* были обижены ирбитскимъ земствомъ ирбитскіе крестьяне въ первый годъ существованія земства; насколько процентовъ потомъ уменьшена была эта обида во второй годъ, когда земство поняло всю несправедливость этой обиды, и насколько, наконецъ, процентовъ спустили опять эту обиду въ третій годъ земской жизни, когда видѣли, что обида все еще тяжка. Безспорно, это—въ высшей степени поучительная картина, ловко скомпонованная и эффектно освѣщенная цифрами. Мы не станемъ приводить всѣхъ цифръ—и безъ того слишкомъ много цифровыхъ красокъ въ этой картинѣ—а возьмемъ только конечные выводы изъ картины, сдѣлаемъ изъ нея фотографическій снимокъ безъ красокъ. Сравнивая валовыя суммы налоговъ, падавшихъ на имущества крестьянъ, землевладѣльцевъ, города, на имущества казенныя и на торговые документы, сравнивая всѣ эти налоги по цѣнности предметовъ обложенія и по ихъ доходности и переводя все это на проценты, г. Смышляевъ выводитъ изъ этого такія кричащія цифры, которымъ положительно нельзя бы было повѣрить, еслибы это не было такъ, какъ оно есть, еслибы, однимъ словомъ, этого нельзя было взвѣсить, смѣрить и, такъ сказать, перстами ощупать.

Вотъ эти кричащія цифры. Въ первый годъ существованія ирбитскаго земства, всѣхъ земскихъ налоговъ, процентно, падало:

на государственныя имущества	1,0%
» торговые документы . . .	4,1%
» имущества землевладѣльцевъ	7,0%
» городскія имущества . . .	8,9%
» крестьянскія имущества!!! .	79,0%

*

Городской сапогъ обиженъ на 4 процента, щегольской помѣщичій ботинокъ на 7 процентовъ, а деревенскій мочальный лапоть на 79 процентовъ, т.-е. мочальный лапоть оказался драгоцѣнностью въ сравненіи съ сапогомъ и ботинкомъ. «Кому меньше дано, съ того больше взыщется»: такъ исторія извратила великую евангельскую истину.

Но на другой годъ земство одумалось. Оно видитъ, что лапоть слишкомъ много несетъ. Сбавили съ лаптя, накинули на другихъ. Во второмъ исправленномъ изданіи земской обиды налоги падали:

на государственныя имущества уже не	1,0%	а	3,50%
» торговые документы . . »	»	4,1%	»	3,42%
» имущества землевладѣльцевъ »	»	7,0%	»	9,29%
» городскія имущества . . »	»	8,9%	»	6,04%
» лапоть . . . . . »	»	79%	»	77,75%

Съ лаптя *сбавили* $1^1/_4$%. Годъ земской жизни и земскаго опыта, значитъ, не прошелъ даромъ, и зато земству лапоть долженъ поклониться до земли, а, вмѣстѣ съ лаптемъ, и мы, лаптевы дѣти, земно кланяемся.

Еще проходитъ годъ. Выходитъ третье, вновь исправленное изданіе земской обиды. Но къ этому мы должны прибавить весьма важное обстоятельство: смета, облегчившая лапоть на $1^1/_4$%, была опротестована губернаторомъ и представлена въ сенатъ. За что̀—мы не знаемъ. Какъ̀ бы то ни было, ирбитское земство стояло на своемъ. На третій годъ своей жизни оно еще облегчило лапоть. Процентно, оно такъ распредѣлило свои налоги:

на казну . .	9,81%	т. е. противъ 1-го года	*возвысило*	на	8,81%
» помѣщика	14,90%	»	»	»	»	»	7,90%
» купца . .	4,80%	»	»	»	»	»	0,79%
» городъ .	15,13%	»	»	»	»	»	6,23%
» лапоть .	55,36%	»	»	»	*облегчило*	»	22,64%

Такимъ образомъ, два года земской жизни уже успѣли дать незамѣнимые результаты по нѣкоторымъ земствамъ: снята значительная часть тягостей съ тѣхъ именно сословій, которыя наиболѣе въ этомъ нуждались. Еслибы то же самое было и по другимъ земствамъ, то историкъ имѣлъ бы право сказать, что та историческая обида, которая выпала на долю значительной части населенія русской земли — обида, которую пѣвецъ слова о полку Игоря назвалъ бы «обидою Дажбога внука»—сходитъ съ лица русской земли, какъ историческій загаръ, и очищаетъ этотъ величавый о̀бразъ. Какъ̀ бы то ни было, но еслибы возможно было на основаніи всей массы цифроваго матеріала, который

накопился въ теченіи десятилѣтняго существованія русскаго земства, составить полную статистическую сводку, за всѣ десять лѣтъ и по всѣмъ земствамъ, всѣхъ земскихъ сметъ и раскладокъ, съ показаніемъ всѣхъ предметовъ обложенія и основаній этого обложенія, а равно всѣхъ расходовъ попредметно, съ процентными отношеніями къ населенію, къ землѣ, къ имуществу, къ заработку, къ доходности имуществъ, еслибы подобная капитальная работа была выполнена, то она могла бы послужить и русскому земству, и государству тѣмъ спасительнымъ клубкомъ Аріадны, который помогъ бы имъ въ безконечномъ лабиринтѣ историческихъ ошибокъ и экономическихъ недоразумѣній найти и уничтожить страшнаго Минотавра, цѣлыя тысячелѣтія пожирающаго и экономическія, и нравственныя силы Россіи. Повторяемъ, еслибъ въ каждомъ земствѣ было хоть по одному такому работнику, какимъ является ирбитскій гласный, «потомственный почетный гражданинъ» Смышляевъ, то исполненіе сейчасъ названнаго нами статистическаго труда было бы вполнѣ возможно, а русскую статистическую науку трудъ этотъ обогатилъ бы драгоцѣннымъ вкладомъ.

Но какъ у всякаго мудреца, хотя бы и Сократа, есть своя сварливая Ксантиппа, которая во всѣхъ геніальныхъ рѣчахъ величайшаго философа древности находила какую-либо слабую сторону и грызла ему за это голову, а иногда самымъ недостойнымъ образомъ обливала благородную лысину философа помоями, такъ и у г. Смышляева нашлась своя Ксантиппа: это — гласный Дмитрій Ѳадѣевичъ Юшковъ. Свойство ли это вообще всего пермскаго края—придирчивость и обидчивость, или г. Смышляевъ своею безпокойною земскою дѣятельностью создаетъ себѣ враговъ и завистниковъ — неизвѣстно; только г. Юшковъ накинулся на г. Смышляева за ту дѣльную записку о раскладкахъ земскихъ сборовъ, о которой мы сейчасъ говорили, и накинулся не на сущность дѣла, а вообразилъ, что г. Смышляевъ намѣренно наступилъ на земскую мозоль г. Юшкова и на мозоль всего ирбитскаго земства, носящаго, повидимому, слишкомъ узкіе земскіе сапоги. Г. Юшковъ подалъ въ собраніе весьма странное заявленіе такого содержанія: «Въ утреннее засѣданіе земскаго собранія въ 20-е сего сентября, гласный Смышляевъ передалъ своимъ товарищамъ, то-есть, прочимъ гласнымъ, въ томъ числѣ и мнѣ, по печатному экземпляру записки о раскладкахъ. Въ какой типографіи и съ какого разрѣшенія печатана эта записка, о томъ надписи на ней нѣтъ, также она не подписана и самимъ Смышляевымъ. Впрочемъ, не въ томъ дѣло, а въ слѣдующемъ. Смышляевъ изволилъ въ ней выражаться такъ: «*предла-*

гаю (или *приказываю*—переводъ г. Юшкова) гг. гласнымъ сдѣлать то-то», «*предлагаю* (или *приказываю*—тоже вольный переводъ г. Юшкова) земскому собранію его программу утвердить». Зная, что въ настоящее время Смышляевъ несетъ обязанность предсѣдателя губернской управы, по объясненнымъ выраженіямъ я прихожу въ затрудненіе, какъ признавать Смышляева въ собраніи—такимъ ли гласнымъ, какъ я, или инымъ чѣмъ? Покорнѣйше прошу собраніе вывести меня изъ этого затрудненія, разъяснивъ, какъ признавать Смышляева—гласнымъ ли собранія, или какимъ-либо начальствующимъ лицомъ; если же Смышляевъ такой же гласный, какъ и я, то покорнѣйше прошу собраніе порекомендовать ему воздержаться отъ предложеній, въ прямомъ смыслѣ—приказаній собранію и гласнымъ. По прочтенію сего, покорнѣйше прошу приложить оное къ журналу собранія». Дѣйствительно, оное и приложено. Мало того, собраніе должно было читать это предостереженіе и разсуждать объ немъ. Впрочемъ, г. Пушкаревъ, другой гласный, тотчасъ же указалъ г. Юшкову на его незнакомство съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, гдѣ въ ст. 83-й сказано, что собранія приступаютъ къ разсмотрѣнію дѣлъ по «предложеніямъ» предсѣдателя или «членовъ» собранія. «Слѣдовательно (пояснилъ г. Пушкаревъ), гласный дѣлаетъ предложеніе въ собраніи не какъ начальствующее лицо, а какъ равный равному». Кромѣ того, г. Юшкову пояснено было, что г. Смышляевъ въ запискѣ своей ужь исправилъ ужасныя выраженія, такъ оскорбившія г. Юшкова, и, вмѣсто «предлагаю», написалъ собственною рукою «имѣю честь предложить». Только послѣ этого, строгая ирбитская Ксантиппа успокоилась.

Опасаясь, въ ущербъ другимъ земствамъ, долго засиживаться въ ирбитскомъ и возбуждать неудовольствіе тысячъ другихъ земскихъ дѣятелей похвальбою такихъ дѣльныхъ азіатовъ, какъ Смышляевы, Тугариновы, Уринцевы, Иконниковы, Лукины, Трапезниковы, Шеломенцовы, Шальковы и иные сибиряки, мы не станемъ особенно распространяться ни о томъ, что въ ирбитскомъ земствѣ, къ удивленью нашему, въ запасныхъ магазинахъ найденъ нами хлѣбъ, а не мыши и не голубиный пометъ, какъ въ другихъ земствахъ; ни о томъ, что народъ лечится отъ голода хлѣбомъ, а не рецептами, и врачъ Рудольскій вообще очень жарко ратуетъ противъ того, что въ медицинѣ признано именовать «голодною діэтою», доводящею голодныхъ крестьянъ до тифа; ни о томъ, что азіаты эти посылаютъ крестьянскихъ дѣтей нетолько въ школы, но въ гимназіи и въ университеты, какъ мужичонка-ирбитяка Зенкова, нынѣ студента казанскаго

университета; ни о томъ, наконецъ, что азіяты эти хлопочутъ объ «отвлеченіи народа, посредствомъ полезнаго и занимательнаго развлеченія, отъ кабака» и даже подумываютъ о вечернихъ чтеніяхъ для взрослыхъ мужичковъ; что учитель Ляпустинъ сочинилъ даже для азіатовъ особую программу чтенія, и азіатскія фантазіи ирбитяковъ такъ понравились начальству, что оно желало бы само раньше прочесть то, что̀ будутъ слушать мужички, и требуетъ, чтобы даже г. министръ народнаго просвѣщенія прочелъ сочиненіе ирбитяковъ и одобрилъ ихъ и чтобы они «не говорились, а читались» народу по тексту, одобренному министромъ народнаго просвѣщенія, а иначе необразованные азіаты могутъ ошибаться, говоря наизустъ свои сочиненія и т. д. Вообще, повторяемъ, мы не хотимъ дразнить другія земства, хваля сибиряковъ, изъ опасенія, чтобы этимъ послѣднимъ отъ другихъ земствъ не досталось тоже, что̀ досталось отъ Бога Аполлона одному музыканту, игравшему лучше самого Аполлона, этого Рубинштейна древняго міра (Журн. четвер. очер. ирбит. уѣзд. зем. собр. и доклады и т. д. *Ирбитъ*, 1874, стр. 4, 7—24, 30, 32, 33, 301—304, 321, 374, 379).

XXI.

Мы—въ городѣ Брянскѣ, Орловской Губерніи. Это—тотъ старомосковскій «Брянескъ», гнѣздо царское и московское слуховое окно, откуда зоркая Москва наблюдала когда-то, что̀ дѣлаетъ ея старшая, безталанная сестрица-вдовица Малороссія, только что разорвавшая брачныя связи съ безгосподарною, гульливою Рѣчью Посполитою, а бояринъ и воевода князь Сенька Щербатой, царское «недреманное око», сидѣвшій во Брянскѣ, «накрѣпко смотрѣлъ» и доносилъ «тишайшему» царю Алексѣю Михайловичу всея Русіи, какъ вѣрные холопи и воеводы его царскаго величества, Петрушка Шереметевъ, князь Гришка Ромодановской, князь Гришка Козловской да Митька Рагозинъ и товарищи, московскимъ платьемъ обряжали и московскимъ хлѣбомъ кормили бѣдную сестру вдовицу, голодную и раззоренную съ ея безталанными и талантливыми гетманами, Юраскою Хмельницкимъ, Демкою многогрѣшнымъ да Петрушкою Дорошенкомъ, и вдоволь ли снабжалася горькая вдовица, старшая сестрица Украина, и царскими ратными людьми, и царскимъ кормомъ, и царскою казною съ платьемъ цвѣтнымъ, съ пищалями затинными... И все-то съ тѣхъ поръ крѣпко измѣнилось—и талантливая, удачливая Москва, младшая сестрица всероссійская, и безталан-

ливая, неудачливая Малороссія, старшая сестрица всея Русіи, и гульливая Рѣчь Посполитая, и этотъ городъ Брянескъ, гдѣ сидѣлъ вѣрный слуга «тишайшаго» царя, князь Сенька Щербатой, царское «недреманное око». Бояре и воеводы стали земскими дѣятелями, въ томъ числѣ и потомки князя Сеньки Щербатова, князья Щербатовы, и самъ городъ Брянескъ сталъ земскимъ городомъ... Не тотъ уже это городъ, что̀ былъ, не тѣ уже это люди, что̀ были, не тѣ уже у нихъ рѣчи...

Послушаемъ же этихъ новыхъ рѣчей, а старыя—не помянемъ лихомъ: скажемъ имъ, какъ и людямъ, говорившимъ ихъ, «вѣчную память», «вѣчную историческую память».

Передъ нами—дитя нашего времени. Это—молоденькая дѣвушка, дочь священника брянской христорождественской церкви, Анастасія Знаменская, которую руководящій голосъ времени ведетъ на трудъ, незнакомый прежней русской женщинѣ, на подвигъ своего рода, тотъ подвигъ, который, будучи совершенъ въ иной формѣ, высоко поставилъ въ человѣческой памяти имена такихъ древнихъ русскихъ женщинъ, какъ Іуліанія Лазаревская, Евфросинія Полоцкая и иныя: подвигъ этотъ—служеніе своему ближнему.

«Предъ вами, господа гласные, молодая дѣвица, желающая посвятить себя на пользу человѣчеству и сознающая въ себѣ силу къ честному исполненію обязанности, на которую она себя опредѣляетъ. Но у нея нѣтъ средствъ пробить себѣ путь; нѣтъ никакой возможности стать на ноги. Къ вашему человѣколюбію, господа гласные, обращаюсь я».

Съ такимъ словомъ относится къ брянскому земству молоденькая дѣвушка. Да́, это—не тѣ рѣчи, не старыя. Это—даже не тѣ рѣчи, которыя мы слышали уже отъ крестьянскаго мальчика, Яши Соколова, воспитанника седьмого класса тверской гимназіи, обращенныя къ бывшимъ своимъ «господамъ» съ просьбою—дать крестьянскому сыну возможность увидѣть свѣтъ науки и внести этотъ свѣтъ въ то темное царство, изъ котораго весьегонскій крестьянскій сынъ самъ вышелъ. Здѣсь уже дѣвушка проситъ о субсидіи для поступленія на женскіе курсы при петербургской медико-хирургической академіи.

«Я не съ тѣмъ прошу васъ, господа гласные (говоритъ она далѣе), чтобы оказаться неблагодарною земству, помогшему мнѣ, но съ любовью беру на себя трудъ отслужить впослѣдствіи земству на своей родинѣ срокъ, который будетъ угодно ему наложить, или же, если земству не угодно будетъ этого, обязуюсь выплатить то, что̀ издержитъ оно на помощь мнѣ. Смѣю надѣяться, что земство не отнесется недовѣрчиво къ моимъ силамъ, какъ си-

ламъ молодой женщины. *Силы духа и энергіи измѣряются не мѣтами и поломъ*, но сознаніемъ долга и любовью къ человѣчеству. Искреннее желаніе мое—поступить на женскіе медицинскіе курсы—не можетъ быть выполнено безъ содѣйствія вашего, господа гласные. Докажите своимъ пожертвованіемъ, что вы и въ провинціи сочувствуете святому и полезному дѣлу серьёзнаго женскаго образованія, и не откажите въ просьбѣ женщинѣ, изъ среды васъ же идущей на трудъ».

Это говоритъ молоденькая поповна изъ города Брянска, изъ того Брянска, гдѣ, за двѣсти лѣтъ до этого, сидѣлъ воеводою князь Семенъ Щербатой и не подозрѣвалъ, что въ Брянскѣ когда-то будетъ земское собраніе, не такое собраніе, какъ былъ ихъ московскій «земскій соборъ», осудившій патріарха Никона за ересь и «новшества», и что на этомъ собраніи будетъ слышенъ голосъ русской женщины, русской дѣвушки, молодой поповны, которая уже не монашескаго ищетъ подвига, а другого, мірского подвига, и ищетъ достигнуть его изученіемъ того, отчего у князя Семена Щербатова волосы на головѣ дыбомъ стали бы.

Посмотримъ же, каково это земство — брянское, къ которому обращается съ такими рѣчами женщина.

Если что̀ безошибочно можно сказать о брянскомъ земствѣ, такъ это то, что оно—живое земство. Это—не сонный субъектъ въ земщинѣ, не мертвечина, какихъ мы видѣли не мало, а что̀-то въ высшей степени подвижное, дѣятельное, неугомонное. Брянскіе гласные, это—все народъ, какъ кажется, горячій, все это народъ—спорщики. И то хорошо: все лучше, чѣмъ спать и нетолько ничего не дѣлать, но лѣниться даже говорить о дѣлѣ. Не таковы брянцы: если они не много, можетъ быть, дѣлаютъ, но зато много суетятся, много спорятъ, ссорятся до обиды, до болѣзненнаго раздраженія. Безспорно, что они хотятъ что̀-либо сдѣлать, и, конечно, сдѣлаютъ. Такъ, едва только открылось очередное собраніе 1873 года и, по избранію секретаремъ сессіи г. Жадкевича, предсѣдательствующій гласный Нарожницкій предложилъ на̀ разсмотрѣніе собранія проектъ правилъ о порядкѣ въ засѣданіяхъ, какъ это сдѣлано многими земствами, война въ собраніи запылала немедленно. Гласный Невіандтъ заявляетъ, что никакого регламента для собраній не нужно, что если регламентъ утвердить, то въ основаніе постановленій можетъ «вкрасться поспѣшность» и вопросы должны будутъ постоянно перерѣшаться и т. д. Напротивъ, гласный Ротрофи доказываетъ, что регламентъ необходимъ. «Нельзя составить себѣ идеальнаго понятія объ абсолютной безошибочности дѣйствій гласныхъ (говоритъ онъ) и нельзя лишить ихъ права

поправить свою ошибку, буде они ее сознаютъ: подобные регламенты приняты даже и въ губернскихъ собраніяхъ, гдѣ уѣзды избираютъ людей, пользующихси наибольшимъ довѣріемъ». На Ротрофи нападаетъ гласный Зебергъ... Странно, въ Брянскѣ, въ въ томъ чисто-московскомъ гнѣздѣ, гдѣ сидѣлъ когда-то царскій глазъ, князь Семенъ Щербатой, въ этомъ русскомъ гнѣздѣ попадаются теперь все не русскія, не славянскія даже фамиліи—Ротрофи, Невіандтъ, Зебергъ... Впрочемъ, дальше будутъ и русскія. Дѣйствительно, такимъ чисто-русскимъ является гласный Азаровъ-Храповъ. Это—одна изъ самыхъ безпокойныхъ личностей брянскаго земства: это, буквально—крикунъ, голосъ котораго въ собраніи слышенъ постоянно, и притомъ въ тонѣ настойчивомъ, азартномъ, въ тонѣ прапорщика, готоваго вызвать на дуэль всякаго, кто подвернется. Это—одна изъ тѣхъ хорошихъ, широкихъ натуръ, широкихъ не по мозгу, а по темпераменту, о которыхъ говорится. «на правду чортъ». Такъ, едва прочли вторую статью регламента, гдѣ говорится, что всякій прибывающій и выбывающій изъ собранія гласный записывается секретаремъ для счета голосовъ, какъ г. Азаровъ-Храповъ уже возвышаетъ голосъ, что подобное записыванье прибывающихъ и выбывающихъ «будетъ стѣснять свободу дѣйствій гласныхъ». Читаютъ третью статью о томъ, что всякій гласный, подававшій голосъ въ собраніи, долженъ подписать общій журналъ, а если желаетъ подать особое мнѣніе, то прилагаетъ его къ журналу—и г. Азаровъ-Храповъ опять недоволенъ: «недопущеніе отдѣльной личности исправлять сказанное имъ и невѣрно занесенное въ журналъ, по его мнѣнію, будетъ вести къ подчиненію словъ гласнаго волѣ секретаря». Ему возражаетъ г. Ротрофи, что, если допустить каждаго гласнаго исправлять редакцію журнала, «то можно будетъ завтра отрицать то, что̀ было сказано сегодня». Но г. Азаровъ-Храповъ не унимается: онъ не терпитъ никакого подчиненія своей воли чьей бы то ни было другой волѣ. По поводу 11-й статьи регламента—что секретарь записываетъ въ черновую записку все, что̀ происходитъ въ собраніи—г. Азаровъ-Храповъ заявляетъ, что это—«нарушеніе правъ гласныхъ», что гласные «обязаны дать отчетъ только своимъ избирателямъ по закону и принятой присягѣ», что «мнѣніе свое они не обязаны подчинять волѣ собранія», что «нечитаніе тѣхъ заявленій, которыя подаются въ собраніе, несправедливо, какъ наносящее подавшей личности нравственное оскорбленіе» и пошелъ, и пошелъ... Каждый пунктъ регламента г. Азаровъ-Храповъ беретъ въ обѣ руки и вытряхиваетъ изъ него все: цѣлымъ онъ не оставляетъ ни одного слова. Мало того—во всю сессію не умолкаетъ его го-

лось, и буквально каждаго гласнаго, каждое заявленіе, каждую мысль г. Азаровъ-Храповъ вызываетъ на словесный поединокъ и—или побиваетъ ихъ, или самъ остается побитымъ; но затѣмъ опять тотчасъ же идетъ въ бой.

Вообще, нельзя не замѣтить, что почти во всѣхъ земствахъ, особенно въ наиболѣе живыхъ, есть или свои вожаки, которые всѣхъ будятъ своимъ голосомъ, или свои Киты Китычи, какъ г. Азаровъ-Храповъ, которые тоже отчасти дѣйствуютъ возбудительно. Все первое засѣданіе, какъ мы видѣли, голосъ г. Азарова-Храпова покрывалъ все собраніе. На другой день—тоже самое. І. Жадкевичъ, секретарь собранія, читаетъ журналъ предыдущаго собранія. Г. Азаровъ-Храповъ замѣчаетъ, что его рѣчь «неясно изложена въ журналѣ». Журналъ исправляютъ, но г. Жадкевичъ объявляетъ, что онъ, «по случаю болѣзни, не можетъ болѣе оставаться секретаремъ собранія». И г. Азаровъ-Храповъ тотчасъ же выражаетъ «удивленіе, что, вслѣдъ за указаніемъ лишь на неясно изложенное въ журналѣ, секретарь собранія объявилъ себя больнымъ». И г. Жадкевичъ удаляется изъ собранія, о чемъ лаконически записывается въ журналъ: «выбылъ гласный Жадкевичъ». Избирается новый секретарь—г. Эльтеновъ. Собраніе приступаетъ къ обсужденію сметы земскихъ расходовъ на слѣдующій годъ—и здѣсь парламентскіе таланты г. Азарова-Храпова выказываются въ поразительномъ блескѣ. Нескончаемую войну вызываетъ расходъ на подводную повинность, которую земство изъ натуральной желало бы превратить въ денежную, хоть по частямъ. Г. Азаровъ-Храповъ возстаетъ противъ этого всею силою своего краснорѣчія. Мало того: онъ не довольствуется громомъ своихъ рѣчей. Онъ идетъ дальше Цицерона: у того были только Катилина и Верресъ, которыхъ онъ громилъ; а у брянскаго Цицерона всѣ—Верресы и всѣ—Катилины. Онъ подаетъ въ собраніе, на особомъ бланкѣ Азарова-Храпова, письменную катилинаду, въ которой обнаруживаетъ, что онъ нетолько не въ ладу со всѣми гласными, но не въ ладу и съ русской грамматикой, постоянно имъ оскорбляемой. Видно, что онъ не желаетъ подчинять свою волю не только «волѣ собранія», но и деспотизму русской этимологіи и русскаго синтаксиса: онъ самъ—этимологія и синтаксисъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой катилинады, воспроизводимыя нами съ дипломатической, мало того—съ палеографической точностью, изъ опасенія, чтобы г. Азаровъ-Храповъ не напалъ на насъ за искаженіе его рѣчи, какъ онъ напалъ на секретаря Жадкевича и заставилъ его даже захворать. «Усмотрѣвъ изъ отчетовъ управы вредъ для всего земства и отправленія службы чиновниками, отъ установле-

нія подводной повинности въ денежную въ той формѣ, какъ принято къ исполненію брянскимъ земскимъ собраніемъ, который заключается въ слѣдующемъ: 1) для земства я предвижу увеличеніе суммы 21,490 руб. на подводную повинность; ибо наемъ станцій 27 съ слѣдователемъ Ястребовымъ обошлось 20,003 р. 58 к., слѣдовательно остается 1486 р. 42 к., на разъѣзды внѣ станцій по селеніямъ, чего недостаточно; 2) предвижу необходимость въ каждой деревнѣ имѣть лицо, которое, за 10 верстъ могло бы сходить за лошадьми, слѣдовательно, еще сумма; 3) по случаю неосторожнаго найма слѣдователя Ястребова, за 252 руб. на выѣздъ изъ мѣста жительства до станціи, предвижу требованіе отъ всѣхъ слѣдователей денегъ на выѣзды; 4) предвижу требованіе отъ судебныхъ приставовъ; 5) требованіе перевозчиковъ по рѣкамъ, за перевозы земской почты и проч. Я предвижу, что эти требованія возвысятъ бюджетъ подводной повинности до полнаго раззоренія земства и, все-таки, не удовлетворятъ чиновниковъ; вредъ при отправленіи службы чиновниковъ слѣдующій: 1) чиновники на станціяхъ будутъ ждать лошадей; 2) послать 10 верстъ за лошадьми и обратно 20 верстъ и ждать когда придутъ, и сидѣть по суткамъ въ ожиданіи посланнаго, когда, можетъ быть, и ѣхать-то верстъ 5. Я считаю мѣрой неразумной и противузаконной, возлагающей на брянское земство всю тяжесть отвѣтственности за парализованіе дѣятельности службы предъ судомъ и дающей право требовать отъ земства убытки, которые могутъ произойти отъ замедленія чиновниковъ». Вѣдь, все это дѣйствительно дѣльно, хотя выражено немножко по-цицероновски. Далѣе, г. Азаровъ-Храповъ говоритъ, что чиновникамъ слѣдуетъ выдать разгонныя шнуровыя книги съ прогонными деньгами для разъѣздовъ по дѣламъ, что̀ и будетъ служить для земства указаніемъ, какія дѣла̀ и «*полезна ли служба*». Значитъ, онъ предоставляетъ земству даже контролировать полезность и безполезность службы чиновниковъ. Развѣ это—не дѣло, особенно когда г. Азаровъ-Храповъ на грошъ не вѣритъ новымъ чиновникамъ, въ родѣ слѣдователей, говоря, что «они ограничиваются ввденіемъ дѣлъ почти въ своихъ квартирахъ, а слѣдственныя дѣла̀ нетолько открываютъ, но, напротивъ, своею недѣятельностью закрываютъ»... Во время преній по этому предмету, г. Ротрофи выражаетъ опасеніе, что, если полиціи не дать разъѣздныхъ денегъ, то «неизбѣжно явится много неудовольствій со стороны полиціи и столкновеній съ нею». На это г. Невіандтъ возражаетъ, что «бояться столкновеній въ благоустроенномъ обществѣ нѣчего», а г. Азаровъ-Храповъ успокоиваетъ собраніе, что земству нѣчего бояться «притѣсненій со

стороны полиціи». Но другіе гласные настаиваютъ, что деньги для полиціи нужны, чтобъ нанимать свободныхъ подводчиковъ, а иначе законтрактованнымъ лошадямъ будетъ слишкомъ тяжело. «Опасаются, что полиція загоняетъ лошадей (снова вставляетъ свое слово г. Азаровъ-Храповъ): значитъ, вдвое нужно увеличить расходъ, чтобы она не загоняла лошадей...» При всемъ томъ, г. Азаровъ-Храповъ остается побѣжденнымъ: собраніе рѣшаетъ внести въ смету сумму на разъѣзды полиціи. Тогда г. Азаровъ-Храповъ требуетъ хоть въ журналъ занести, что эта сумма «вносится земствомъ въ смету *изъ боязни*, чтобы полиція не загоняла подводъ...»

Но вотъ собраніе приступаетъ къ обсужденію катилинады г. Азарова-Храпова, выдержки изъ которой мы привели выше. И снова въ собраніи завязывается бой—«и грянулъ бой—полтавскій бой!» Г. Мальцевъ отрицаетъ законность катилинады—право земства требовать отъ чиновниковъ отчетовъ въ деньгахъ и дѣлахъ — и говоритъ, что азарово-храповской шнуровой книги чиновники не примутъ. «Я нахожу эту книгу пріятнымъ воображеніемъ и не отвергаю желанія гласнаго Азарова-Храпова услужить земству, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю лишнимъ терять время на обсужденіе предложенія, противнаго существующимъ законамъ». Это — вызовъ г. Азарова-Храпова на смертный бой. Г. Мальцева поддерживаетъ г. Ротрофи. «Я жалѣю, что столкнулся съ личнымъ нежеланіемъ принять мою систему», ядовито замѣчаетъ г. Азаровъ-Храповъ, а потомъ, обращаясь къ г. Ротрофи, какъ къ предсѣдателю управы, еще ядовитѣе поясняетъ:—«Я желалъ бы, чтобы мой проектъ отнюдь не обсуждался *членами управы*...» Но г. Ротрофи остается неуязвимъ. «Такъ какъ г. Азаровъ-Храповъ, въ своихъ заявленіяхъ, относится лично ко мнѣ (говоритъ онъ), то я считаю нужнымъ заявить, что оставляю его заявленіе безъ возраженія, опираясь на довѣріе собранія». Какъ ни одинокъ, повидимому, г. Азаровъ-Храповъ, но и у него является союзникъ — гласный Сморчевскій, который говоритъ, что прежняя система взиманія у крестьянъ лошадей не легка для крестьянъ. «Если гласные изъ крестьянъ находятъ (прибавляетъ онъ), что жалобъ на эту систему отъ крестьянъ нѣтъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что система хороша: крестьяне не жалуются, когда берутъ теперь 10 подводъ, какъ не жаловались и прежде, когда брали 100 подводъ». А г. Азаровъ-Храповъ еще ярче иллюстрируетъ смыслъ рѣчи г. Сморчевскаго, говоря: «Прежде крестьянинъ не платилъ, но везъ, а теперь платитъ—и попрежнему везетъ...» И снова говоритъ, что жалобы на старую систему есть, только ихъ не предъявляютъ собранію:

это—намёкъ на г. Ротрофи. Наконецъ, и г. Ротрофи не выдерживаетъ этого испытанія со стороны непобѣдимаго Карла XII—Азарова-Храпова, и проситъ собраніе прочесть жалобы. «Въ виду страшныхъ обвиненій гласнаго Азарова-Храпова и возможности зарожденія въ умахъ гласныхъ понятія о какой-то страшной виновности моей, я прошу собраніе дозволить мнѣ немедленно прочитать жалобы и дать на нихъ объясненія», говоритъ онъ не безъ раздраженія. Затѣмъ читаются жалобы, даются на нихъ объясненія. Карлъ XII раненъ — онъ уже на носилкахъ передъ войсками: «и слабымъ маніемъ руки на русскихъ двинулъ онъ полки». Онъ говоритъ, что крестьяне безропотно возятъ чиновниковъ; зачѣмъ же еще имѣть особые станціонные пункты и издерживать на нихъ 21 тысячу? «Крестьяне должны возить и теперь, какъ возили и до платежа означенной суммы: поэтому лучше было сжечь эту 21 тысячу!..» Онъ такъ и остался при этомъ мнѣніи—«сжечь 21 тысячу».

Въ третьемъ засѣданіи — та же война. Тутъ уже рѣчь идетъ не о подводахъ, а о народномъ образованіи. Нѣкоторые гласные заявляютъ о «холодности крестьянъ къ школамъ». Другіе говорятъ, что въ холодности этой виноватъ училищный совѣтъ—никто носу не показываетъ въ школы, никто объ нихъ не заботится. Г. Зебергъ обращаетъ вниманіе на то, что училищная казенная администрація вовсе не заботится о воспитаніи дѣвочекъ. Г. Мальцевъ говоритъ, что посредники также совершенно не посѣщаютъ школъ—не заохочиваютъ и крестьянъ къ ученью. Пока шла рѣчь объ училищахъ, г. Азаровъ-Храповъ молчалъ; но, когда заговорили о мировыхъ посредникахъ, о ихъ бездѣятельности, г. Азаровъ-Храповъ выражаетъ свое «сочувствіе» г. Мальцеву и заявляетъ, что, «когда у него произошла порубка и когда староста не оказалъ никакой помощи...» Но тутъ совершается нѣчто необыкновенное: предсѣдатель собранія останавливаетъ г. Азарова-Храпова, проситъ—не отклоняться отъ предмета преній. Но остановить г. АзароваХрапова, это—все равно, что остановить шаръ земной, заставить Волгу идти вспять.. «Гласный Азаровъ-Храповъ (значится въ журналѣ) *продолжаетъ* свое заявленіе...» Предсѣдатель его вновь останавливаетъ... «Гласный Азаровъ-Храповъ *продолжаетъ* свое заявленіе...»

Въ четвертомъ засѣданіи—снова бой Азарова-Храпова съ Ротрофи. Предсѣдатель снова останавливаетъ шаръ земной—но все напрасно.

Замѣчательна въ брянскомъ земствѣ система записыванія въ журналъ *всего*, что происходитъ въ собраніи. Такъ, когда въ четвертомъ засѣданіи шли пренія о прибавкѣ жалованья чле-

намъ управы и когда вопросъ уже долженъ былъ вотироваться, въ журналѣ записано: «Выбылъ гласный Азаровъ-Храповъ». А черезъ три строки, гдѣ сказано, что собраніе постановило прибавить управѣ жалованье, записано: «Прибылъ гласный Азаровъ-Храповъ». Слѣдовательно, онъ былъ въ отсутствіи—за дверью, не болѣе двухъ минутъ, чтобы только не подать своего голоса ни за, ни противъ. Стойкость замѣчательная.

Но онъ же, непобѣдимый г. Азаровъ-Храповъ, выступилъ борцомъ и противъ той дѣвушки, уже знакомой намъ Анастасіи Знаменской, симпатичное слово которой къ брянскому земству мы привели выше. Видно, что г. Азаровъ-Храповъ—не рыцарь прекраснаго пола и не сторонникъ «женскаго вопроса» и «женскаго труда». Когда въ собраніи прочитано было заявленіе г-жи Знаменской, то большинство гласныхъ сочувственно откликнулись на голосъ бѣдной дѣвушки: говорили, что они вполнѣ признаютъ «всю ту пользу, которую можетъ принести женщина-медикъ»; что «только зарождающемуся столь полезному дѣлу слѣдуетъ помочь»; что помочь бѣдной дѣвушкѣ слѣдуетъ «и въ уваженіе къ заслугамъ отца ея, всѣми уважаемой личности»; что, наконецъ, слѣдовало бы дѣвушку именовать стипендіаткою брянскаго земства; говорили даже, что ей слѣдуетъ дать стипендію безъ всякихъ съ ея стороны обязательствъ служить земству, что «лучшимъ обязательствомъ будетъ ея нравственный долгъ земству». И вотъ, собраніе, большинствомъ 29 голосовъ *противъ одного*, постановило выдавать дѣвушкѣ стипендію. Этотъ *одинъ* былъ — г. Азаровъ-Храповъ. «Гласный Азаровъ-Храповъ (значится въ журналѣ) просилъ записать его *въ меньшинствѣ*»: онъ одинъ составилъ это «меньшинство»—онъ, «губернскій орловскій и брянскій уѣздный гласный межеваго корпуса топографовъ штабс-капитанъ и кавалеръ Николай Ивановичъ Азаровъ-Храповъ», какъ онъ подписался подъ своею катилинадою полнымъ своимъ титуломъ. Подобно Людовику XIV, говорившему: «l'état-c'est moi», г. Азаровъ-Храповъ можетъ сказать также: «меньшинство, это—я». И дѣйствительно, г. Азаровъ-Храповъ—меньшинство...

Какъ бы то ни было, но эти безпрестанныя войны въ собраніи, несомнѣнно, впрочемъ, доказывающія, что брянское земство кладетъ у самаго сердца свою земскую работу, что земское дѣло для него—родное, кровное дитя, а не пасынокъ, не пріемышъ, какъ у нѣкоторыхъ другихъ земствъ, эти бурныя, но нисколько не предосудительныя схватки дѣятелей, повидимому, вредно отражаются на здоровьѣ секретарей брянскаго собранія: такъ, мы видѣли, что Жадкевичъ, избранный секретаремъ 30-го

сентября, на другой же день захворалъ отъ нанесенной ему г. Азаровымъ-Храповымъ раны; избранный на его мѣсто г. Эльтеновъ могъ выдержать боевую жизнь только три дня—три засѣданія: 4-го октября, и онъ уже заявляетъ, что «чувствуетъ себя нездоровымъ» и проситъ замѣнить его другимъ лицомъ на настоящее засѣданіе. Его замѣняютъ, временно, г. Исуповымъ. Но г. Эльтеновъ не можетъ поправиться отъ ранъ, полученныхъ на полѣ земской чести, и на другой день, 5-го октября, окончательно слагаетъ съ себя боевые доспѣхи. На его мѣсто выбираютъ г. Алымова. Одинъ только Азаровъ-Храповъ не сходитъ съ своего боеваго коня. Когда заходитъ рѣчь объ учрежденіи въ Брянскѣ земской больницы, г. Азаровъ-Храповъ направляетъ своего боеваго коня прямо на городъ, съ которымъ онъ еще не воевалъ. Г. Азаровъ-Храповъ своимъ рыцарскимъ сердцемъ чувствуетъ, что городъ, выпивающій сòки изъ уѣзда, не хочетъ нести равную тяготу съ уѣздомъ и поражаетъ за это городъ. Онъ требуетъ съ него контрибуцію въ пользу земской больницы. Затѣмъ, когда собраніе выражаетъ свою благодарность управѣ за ея дѣятельность, г. Азаровъ-Храповъ тоже выражаетъ ей благодарность, но «въ то же время, не можетъ умолчать о мировыхъ судьяхъ, которые, не исполняя должность, получаютъ содержаніе, и полагалъ бы вмѣнить въ обязанность предсѣдателя управы таковымъ судьямъ жалованья не выдавать и доводить о томъ до свѣдѣнія земскаго собранія, указывая на то, что мировой судья Васильевъ, какъ ему извѣстно, давно уже не занимается дѣлами, а Карышевъ не служитъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, а содержаніе имъ идетъ, причемъ выразилъ желаніе, чтобы управа слѣдила за суммами, выдаваемыми судьямъ, въ интересахъ земства, и если отправлялось правосудіе, то за это слѣдуетъ только благодарить г. Сутоцкаго, но общество все-таки страдало»... Итакъ—вездѣ Азаровъ-Храповъ, вездѣ его зоркій глазъ, слѣдящій за земскою копейкою, какъ зоркій глазъ орлицы слѣдитъ за молодыми орлятами. Наконецъ, когда г. Мальцевъ предложилъ собранію повторить предъ правительствомъ ходатайство объ учрежденіи въ Брянскѣ реальнаго училища и когда г. Невіандтъ доказывалъ, что имъ нужно не реальное училище, а классическое, чтобы юноши имѣли «доступъ къ университету» и чтобы брянское земство могло «обладать тѣми умственными силами, которыя были бы способны къ высшему образованію», г. Азаровъ-Храповъ благородно выступилъ за реальное образованіе и говорилъ, что «хотя надежды на разрѣшеніе вопроса о реальномъ училищѣ слабы, но еще не потеряны...» (Журналы брянск. уѣзд. земск. собр. Орелъ, 1874 г., стр. 1, 2,

4, 6, 25, 27, 29—38, 40, 42, 49—52, 63—66, 70 75, 76, 79, 86, 91, 92, 96, 97, 108, 132, 133, 135, 193).

Разставаясь съ брянскимъ земствомъ, мы не можемъ не выразить самаго искренняго сочувствія опять-таки г. Азарову-Храпову за то, что его живое слово, съ которымъ, правда, не всегда можно соглашаться, будитъ и призываетъ на земскую работу всѣхъ, подобно той сербской пѣснѣ, которою всегда какой-нибудь сербъ-юнакъ запѣвало возбуждаетъ своихъ земляковъ къ войнѣ съ турками, монотонно день и ночь повторяя:

Устај, устај, србине!
Устај на оруже!

И сербины встаютъ и идутъ на работу.

А гдѣ нѣтъ земскихъ запѣвалъ, гдѣ нѣтъ ни Азаровыхъ-Храповыхъ—брянскихъ, ни Смышляевыхъ—пермскихъ-ирбитскихъ, ни Мелединыхъ—екатеринбургскихъ, ни Коняевыхъ—соликамскихъ, ни Кисловскихъ—тверскихъ-весьегонскихъ, ни Скачковыхъ—красноуфимскихъ, тамъ земства спятъ непробуднымъ сномъ.

Вотъ, хоть бы сосѣднее съ брянскимъ земство—трубчевское, тоже Орловской Губерніи. Сейчасъ замѣтно, что тутъ чего-то недостаетъ; а недостаетъ именно Азарова-Храпова. Вообще, трудно сказать, чтобы въ дѣятельности трубчевскаго земства можно было на чемъ-либо остановиться съ интересомъ: все это—какая-то плоскость, безцвѣтность, отсутствіе жизненности. Ищешь какихъ-либо мѣропріятій относительно обезпеченія народнаго продовольствія—и не находишь ничего сколько-нибудь замѣтнаго. Мѣропріятія санитарныя, объ оздоровленіи населенія—опять таже незамѣтность. Народное образованіе—и къ нему земство относится какъ-то бокомъ. Въ 1874 году, на народное образованіе было ассигновано всего 1,370 руб.—сумма очень скромная, даже слишкомъ стыдливая. На 1875 годъ назначаютъ 3,370 руб., на 2 тысячи болѣе—и собраніе почти молчкомъ проходитъ этотъ актъ своей дѣятельности, оставляя въ своемъ журналѣ только тотъ слѣдъ, что сказанная сумма «должна поступить въ распоряженіе училищнаго совѣта, члены котораго, избранные отъ земства, обязываются доставлять земству ежегодно отчотъ въ расходованіи этихъ денегъ»—и только. Хоть бы слово о школахъ—никто даже и не пикнулъ. Правда, управа въ своемъ докладѣ пропищала нѣчто въ пользу народнаго образованія, сказала, что восьмилѣтняя дѣятельность земства по отношенію къ распредѣленію налоговъ, къ переложенію на деньги натуральныхъ повинностей подводной и дорожной, къ устройству медицины «способствовала если не къ замѣтному увеличенію благосостоянія, то къ видимому уменьшенію бѣдности трудоваго на-

селенія уѣзда» и что земству «предстоитъ» еще рѣшеніе вопроса «объ образованіи подростающаго населенія для упроченія и развитія будущаго благосостоянія народа»; но тутъ же огрызнулась, что, до организаціи новаго училищнаго совѣта и до полученія отъ него свѣдѣній о школахъ, «всѣ земскіе расходы на нихъ пріостановить», а школы, содержимыя самими крестьянами и благотворителями—«оставить на прежнемъ положеніи», и что «земство не можетъ принять на себя громадный расходъ на устройство и содержаніе школы». Вотъ и все. Мало того: прибавка въ 2 тысячи рублей на школы въ 1875 году свалилась собственно съ неба—ее потому только допустили, что уничтожились мировые посредники, а съ ними и ихъ синекура.

Задумало трубчевское земство пріобрѣсти для своихъ помѣщеній и для больницы домъ. Такой домъ нашелся у своего же брата, гласнаго Курындина. По предложенію гласнаго П. П. Брусилова, котораго поддерживалъ гласный Ульященковъ, земство, не думая долго, покупаетъ этотъ домъ за 25 тысячъ. Но на другой же день обдумывается—пускаетъ въ ходъ русскій умъ, т. е. «задній». Секретарь собранія, тоже Брусиловъ, но не Платонъ Павловичъ, а А. И., вдругъ заявляетъ, что вопросъ о покупкѣ дома, вопросъ «весьма важный», разрѣшенъ собраніемъ «слишкомъ поверхностно», что, ассигновавъ на покупку дома 25 тысячъ, собраніе не объяснило, «изъ какихъ суммъ» произвести этотъ расходъ, что... Но тутъ оратора «останавливаетъ» предсѣдатель собранія, предводитель трубчевскаго дворянства, А. Я. Полетико: говоритъ, что сужденія о домѣ теперь «несвоевременны», что, если собраніе желаетъ «перерѣшить» вопросъ, то и онъ не прочь отъ этого «перерѣшенія». И собраніе, рѣшаясь «перерѣшить» вопросъ, «отмѣняетъ» свое вчерашнее постановленіе и постановляетъ новое. Развѣ г. Азаровъ-Храповъ допустилъ бы это въ Брянскѣ? А не будь въ Трубчевскѣ А. И. Брусилова, трубчевское земство купило бы себѣ домъ на невѣдомыя деньги.

Затѣмъ, на другой день, въ собраніи происходитъ такая исторія. Г. Полетико, предсѣдатель собранія и съѣзда мировыхъ судей, предлагаетъ собранію увеличить сумму на канцелярскіе расходы съѣзда и, обращаясь къ гласному А. И. Брусилову, проситъ его, чтобы онъ, г. Брусиловъ, какъ гласный и судья, поддержалъ его. Г. Брусиловъ отвѣчаетъ, что онъ «слышитъ объ этомъ въ первый разъ и проситъ пяти минутъ времени для совмѣстнаго обсужденія этого вопроса съ нимъ, предсѣдателемъ, или съ кѣмъ-либо изъ товарищей». Но предсѣдатель, «не давъ

на это отвѣта», вотируетъ свое предложеніе—и оно проваливается. Далѣе, обсуждаются вопросы по медицинской части. Собраніе благодаритъ врачей за ихъ полезную дѣятельность. Оно благодаритъ и членовъ такъ-называемой медицинской комиссіи за содѣйствіе врачамъ. Но тутъ гласный Борзенковъ почему-то начинаетъ подмигивать духовными очами на «кого-то» изъ земства и предлагаетъ собранію вопросъ: слѣдуетъ ли благодарить «одного» изъ членовъ комиссіи, не раздѣлявшаго съ нею мнѣнія и не высказавшаго ей этого мнѣнія, а въ первый разъ доложившаго его собранію? На это духовное подмигиванье А. И. Брусиловъ отвѣчаетъ, что «мнѣнія гласныхъ не могутъ быть ни преслѣдуемы, ни ставиться въ укоръ тѣмъ, кому они принадлежатъ, и что достоинство собранія требуетъ, чтобы оно одинаково справедливо относилось ко всѣмъ дѣятелямъ, принимающимъ участіе въ трудахъ по предложеніямъ собранія». Послѣ этого, г. Борзенковъ болѣе не подмигиваетъ. Но зато на г. Полетико находитъ крайній скептицизмъ. Онъ подаетъ особое мнѣніе по медицинской части. Говоритъ, что онъ не вѣритъ «длиннымъ отчетамъ» врачей; что въ нихъ онъ усматриваетъ только желаніе этихъ послѣднихъ выставиться своею дѣятельностью, которую собраніе не въ силахъ провѣрить; что, такъ какъ общественное мнѣніе не жалуется на недостатки въ медицинской части и не требуетъ улучшеній, то ясно, что «всѣ эти улучшенія нужны болѣе врачамъ, чѣмъ обществу»—однимъ словомъ: «ужь я не вѣрю увѣреньямъ, ужь я не вѣрую въ любовь». И, затѣмъ, на *шестомъ* засѣданіи все кончается—больше собранію дѣлать нѣчего, и оно благодаритъ за это своего предсѣдателя и секретаря. Опять повторяемъ—г. Азаровъ-Храповъ не дозволилъ бы этого.

Больше о дѣятельности трубчевскаго земства сказать нѣчего. Замѣтимъ развѣ только одно: что, въ то время, когда азіаты-ирбитяки на свои народныя школы ассигновали-болѣе 18% изъ *всего* своего земскаго бюджета, трубчевцы, ближе стоящіе къ Европѣ, чѣмъ ирбитяне, отсыпали на все свое народное образованіе, и то благодаря уничтоженію мировыхъ посредниковъ, всего только 4½% (постановленія 9-го очер. трубч. уѣзд. земск. собр. Орелъ, 1875 г., стр. 7, 15, 19—21, 23, 24, 27, 29, 31, 32, 78, 80 и 82).

XXI.

Изъ тѣхъ священныхъ мѣстъ старой исторической Руси, которыя охраняло когда-то «недреманное око» царскихъ слугъ, князей Щербатовыхъ, Ромодановскихъ, Козловскихъ, бояръ Шереметевыхъ, Ординъ-Нащокиныхъ, Долгоруковыхъ и иныхъ, перенесемся теперь въ тѣ далекія мѣста, до которыхъ даже не досягало «страховитое око» московское, въ тѣ мѣста, гдѣ властвовала когда-то воля турецкая и татарская и гдѣ нынѣ властвуетъ, какъ и надъ Брянскомъ и Трубчевскомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, таже единая воля московско-русская.

Крымъ... Перекопъ... перекопскіе и крымскіе татары... ханы крымскіе... Бахчи-Сарай... Гиреи—орда татарская... невольники... И вдругъ, вмѣсто хановъ крымскихъ, вмѣсто татаръ перекопскихъ—перекопское земство!

Мысль, напоенная историческими воспоминаніями, какъ-то не можетъ оторваться отъ былого и перенестись разомъ къ современному, оторваться отъ мертваго, погребеннаго и истлѣвшаго и перенестись къ живому, цвѣтущему, молодому. Такъ и встаютъ передъ глазами «бѣдные невольники» казаки, томившіеся въ крымскихъ тюрьмахъ, забывавшіе даже дни, года, времена года. Въ памяти сама собой поется не одна «невольницкая пѣсня» о томъ хоть бы, какъ —

Изъ-за гори, гори,
Зъ темненькаго лісу
Татари идуть,
Волиночку везуть.
У волиночки коса—
Зъ золотого волоса,
Щирий зіръ освітила,
Зелену діброву
И биту дорогу.
За нею въ погоню
Батенько ii...

И татаре ведутъ эту волыночку-полоняночку въ Крымъ, на Перекопъ, и гонится за золотокосою дочкою своею отецъ полоняночки.

И все это прошло. И хорошо сдѣлало, что прошло... Теперь—крымскіе и перекопскіе татаре, потомки тѣхъ, которые вели въ полонъ золотокосую волыночку, которые водили тысячи полоняновъ и полоняниковъ-казаковъ — теперь эти татаре засѣдаютъ въ земскомъ собраніи города Перекопа, подобно тому, какъ по-

томки князя Семена Щербатого засѣдаютъ въ земствахъ другихъ городовъ. Татарскіе мурзы, когда-то грабившіе хлѣбъ и топтавшіе поля украинскія, выжигавшіе на цѣлыя сотни верстъ засѣянныя пшеницею нивы казацкія, теперь разсуждаютъ о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, объ общественной запашкѣ, о просушкѣ въ амбарахъ зерна, о переложеніи хлѣбной натуральной повинности въ денежную. Мурзы, проливавшіе кровь русскихъ и малороссіянъ на степяхъ и на «битыхъ шляхахъ казацкихъ», на «шляхахъ (дорогахъ) чумацкихъ», и не знавшіе другихъ дорогъ, кромѣ земли и воды, по которымъ они ходили по землѣ цѣликомъ, напрямки, какъ сороки летаютъ, по водѣ вбродъ и вплавь, безъ мостовъ—теперь эти мурзы чинно и братски съ русскими мужичками и запорожскими казаками бесѣдуютъ въ перекопскомъ и иныхъ татарско-русскихъ земскихъ собраніяхъ о почтовыхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, проселочныхъ, государственныхъ и даже желѣзныхъ дорогахъ, строятъ мосты и переправы черезъ балки и овраги, по которымъ когда-то ихъ дѣды пробирались на грабежъ, словно дикія козы, и въ эти же овраги сбрасывали тѣла убитыхъ и умершихъ русскихъ полоняниковъ и полонянокъ. Эти же мурзы, жившіе только войною, разносившіе вездѣ боевыя раны и смерть и не знавшіе другого леченья, кромѣ воли Аллаха, теперь хлопочутъ объ устройствѣ земскихъ больницъ, о заручкѣ лучшими и ученѣйшими врачами, объ устройствѣ земскихъ аптечекъ по татарскимъ селамъ. Наконецъ, эти же мурзы, приводившіе изъ русской земли русскихъ женщинъ только въ видѣ полонянокъ, подобно волыночкѣ съ золотою косою, эти мурзы устроили для русскихъ дѣвушекъ и для своихъ татарочекъ женскую прогимназію въ самомъ Перекопѣ (въ предмѣстьи), въ которой и обучается около ста дѣвочекъ. Тамъ же, въ перекопскомъ земствѣ, между переродившимися въ европейцевъ татарами-мурзами, между вездѣсущими евреями, между всеотрицающими и всепризнающими русскими завелись и умные, всеядные нѣмцы, изъ коихъ одинъ, землевладѣлецъ перекопскій, Д. О. Люстингъ, великодушно открылъ на свой счетъ въ деревнѣ Ташлы-Кипчакъ (и имя-то самое татарское, самое историческое, напоминающее намъ Кипчакъ-Золотую Орду и «татарское иго»)—открылъ народную школу на 40 человѣкъ; кромѣ того, на свой счетъ содержитъ 10 бѣднѣйшихъ мальчиковъ и на семь лѣтъ обезпечилъ существованіе школы доходами съ 4,262 десятинъ земли, той земли, которую когда-то, вмѣсто плуга, пахали копыта боевыхъ татарскихъ коней. И все это въ татарскомъ Перекопѣ... (Журналы перекопскаго очер. уѣзд. зем. собр. Симферополь, 1874, стр. 32—35).

А еще дальше, куда нетолько не досягало «недреманное око» московское, но куда не залетала даже и дума московская и куда, все-таки, уже доплелся непобѣдимый русскій лапоть, мы открываемъ *самое крайнее* русское земство—земство, стоящее на краю русской земли, на рубежѣ ея съ древнею червонною, нынѣ австрійскою Русью или Галиціею. Это—земство города Хотина, за которымъ начинается уже то, что̀ принято называть Европою. Это—уже не Перекопъ, не кладбище крымскаго царства, а такая русская окраина, отъ которой должно бы было отдавать Европою, запахомъ ея разлагающейся цивилизаціи. Но замѣчательно, что именно отъ хотинскаго земства ни Русью не пахнетъ, ни запахомъ разлагающейся западной цивилизаціи не отдаетъ нисколько. Казалось бы, что тамъ—иныя, далеко иныя условія жизни, не похожія ни на тѣ, что̀ въ Брянскѣ и Трубчевскѣ, ни на тѣ, что̀ въ Чухломѣ и Ирбити, ни на тѣ даже, что̀ въ Петербургѣ и Петергофѣ; что условія эти должны были указать хотинскимъ земскимъ дѣятелямъ и пути иные, и пріемы иные для выполненія земскихъ задачъ. Хотинъ—городъ не безъ осмысленнаго историческаго прошлаго, не безъ воспитанія. У него подъ бокомъ Европа съ ея образцами, и эти образцы не могли бы, кажется, не выработать въ умахъ тамошнихъ дѣятелей идеи чего-то болѣе хорошаго, чѣмъ доморощенныя идеи шадринскихъ, весьегонскихъ, ирбитскихъ и соликамскихъ бурлаковъ новаго времени. Но оказывается, что тутъ нѣтъ доли того, что̀ есть въ татарскомъ Перекопѣ.

Въ другомъ мѣстѣ и въ другое время (годъ тому назадъ), говоря объ этомъ именно краѣ, однимъ локтемъ, что̀ называется, задѣвающемъ Европу, другимъ—Турцію, мы высказали, можетъ быть, странное, но едва ли не неосновательное предположеніе, что тѣ именно края нашей обширной русской земли страдаютъ и духовной, и экономической анеміей, куда даровитый русскій человѣкъ, преимущественно великороссіянинъ, вмѣстѣ съ своимъ неизносимымъ лаптемъ и вѣчно изношеннымъ зипуномъ, не пронесъ своей эластической дѣловитости и, можно сказать, геніальнаго терпѣнія и выносливости. Гдѣ не хватаетъ здоровой крови русскаго народа и его исторической, такъ-сказать, и расовой живучести, тамъ все чахнетъ, сохнетъ, мельчаетъ и вымираетъ, несмотря на богатое прошлое, на сравнительно хорошее настоящее. Въ этомъ неотразимомъ вліяніи русскаго народа на все, къ чему онъ ни прикоснется своею корявою, но закаленною мозолями рукою и надъ чѣмъ ни подумаетъ его нечесанная, но умная русая голова—въ этомъ несомнѣнный признакъ творческой силы, пока еще мертвой, но присущей природѣ русскаго

народа. Но ни русской руки, ни русской головы, ни даже русскаго неизносимаго лаптя не знаютъ наши далекія русскія окраины, о которыхъ мы говоримъ. Это мы говоримъ и о бессарабской окраинѣ, особенно же о хотинской. Въ числѣ земскихъ дѣятелей и крупныхъ землевладѣльцевъ этого края вы только и встрѣчаете имена Дракуловъ (эта фамилія такъ и переноситъ насъ въ сказочно-литературный міръ древней Руси, и само собой вспоминается сказаніе о «царѣ Дракулѣ»), Мултяновъ, Гицико, Маразли, Кристи, Скордули, Яманди. Нерѣдко попадаются польскія фамиліи. Рѣдко прозвучитъ имя какого-нибудь Кожухара или Панка, напоминающее южную Русь, но все же Русь. Ядро населенія—царане. Тамъ нѣтъ даже особенно крупныхъ землевладѣльцевъ. Всей владѣльческой земли считается 163.000 десятинъ, поселянской—148.000, *заграничныхъ* монастырей (вотъ это здѣсь—*крупные землевладѣльцы*: монастырь ватопедскій, нѣкоторые аѳонскіе)—10,000 дес., государственныхъ крестьянъ—6,000 десятинъ.

Но, повторяемъ, отсутствіе русскаго, настоящаго русскаго «крестатого» лаптя, который, вслѣдствіе самобытнаго способа плетенія «крестами», и слѣдъ на землѣ оставляетъ крестный, отсутствіе этого лаптя—плохая примѣта. Гдѣ нѣтъ лаптя, тамъ нѣтъ и юркой чуйки, этой жизненной выжиги, которая выжигаетъ въ темномъ лѣсу дорожку для разрѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ будущаго, нѣтъ тамъ и плутоватой головы, обстриженной въ скобку, которая рожь на обухѣ молотитъ, нѣтъ тамъ и нашего стрижа, всегда предвѣщающаго ненастье, нашего мастерового, который шиломъ брѣется, дымомъ грѣется; гдѣ нѣтъ, наконецъ, лаптя, тамъ нѣтъ и нашего семинариста—этихъ прессованныхъ дрожжей, безъ которыхъ общественная квашня никогда не поднимется и тѣсто впору не окиснетъ.—Въ описываемой нами русской окраинѣ ничего этого нѣтъ. Зато вы не видите здѣсь и земскихъ задачъ, которыя сулили бы хотя возможность будущей жизни. Хотинское земство, въ своемъ послѣднемъ собраніи, отклонило даже отъ себя вопросъ о народномъ образованіи, сваливъ его на личное усмотрѣніе предсѣдателя училищнаго совѣта, г. Гаевскаго. Во всякомъ случаѣ, хотинское земство не можетъ служить поучительнымъ примѣромъ для другихъ, развѣ только въ видѣ перста недоумѣнія, и потому намъ на немъ останавливаться было бы безполезно (Журналы хотин. уѣзд. 1-го (второго трехлѣтія) очереднаго зем. собр. Каменецъ-Подольскъ, 1874).

Между тѣмъ, у этой же самой окраины, только поближе къ русскому лаптю, между Бугомъ и Тилигуломъ, гдѣ развивался

когда-то запорожскій чубъ, знаменовавшій безпокойныя, поэтическія, нерѣдко талантливѣйшія украинскія головы, тутъ уже шевелится жизнь, и не та, которая чувствуется въ Одессѣ, а своеобразная и болѣе обнадеживающая. Это шевеленье живой мысли вы невольно ощущаете хотя бы въ Ананьевѣ... Впрочемъ, зачѣмъ изъ Хотина прямо проходить въ Ананьевъ, когда, слѣдуя внизъ по Днѣстру, можно подплыть къ самому Кишиневу, столицѣ земли бессарабской, и, порадовавшись на земскую работу этого крупнаго экономическаго центра, болѣе чѣмъ съ стотысячнымъ населеніемъ, можно уже оттуда, черезъ рѣчку Куяльникъ, пробраться и въ скромный градъ Ананьевъ?—Кишиневъ дѣйствительно—столица Бессарабіи. Это—одно изъ тѣхъ историческихъ мѣстъ старинныхъ, гдѣ, уже отчасти по исторической привычкѣ и по историческимъ причинамъ, отчасти же вслѣдствіе счастливыхъ экономическихъ условій, сплотилась для постоянной жизни, работы, наслажденія и горя, большая масса людей. Въ Россіи немного такихъ мѣстъ, какъ Кишиневъ: выше Кишинева стоятъ только три города во всей русской землѣ—Петербургъ, Москва и Одесса; а уже Рига, Саратовъ и Кіевъ, эта троица крупныхъ русскихъ городовъ, осталась назади у Кишинева. Кишиневъ и Кишиневскій Уѣздъ населены богатыми, родовитыми людьми земли бессарабской. Бессарабскіе *бояре*, доселѣ удержавшіе это громкое титулованіе древней Руси и славянщины, и бессарабскіе дворяне, это—все люди видные и своею родовитою крупностью, и крупностью вотчинною. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь нѣтъ ни русскаго лаптя, ни русской чуйки, ни умной головы въ скобку, ни русскаго стрижа-мастерового, ни русскаго семинариста. Здѣсь есть *бояре* и дворяне: Миклеско, Мазараки, Катакази, Томулецы, Манухъ-беи, Ботезаты, Ботезатулы, Манухъ-Мерзіяновы и иныя чуждыя русскому уху фамиліи, фонетика которыхъ не напоминаетъ намъ ничего родного, московскаго, кіевскаго, саратовскаго, рязанскаго. Въ Кишиневѣ—десятки первогильдейскихъ и первостатейныхъ купцовъ, негоціантовъ, банкировъ; нѣсколько сотъ купцовъ второй гильдіи; въ городѣ и уѣздѣ до 400 винныхъ погребовъ; шинковъ и корчемъ—до 1.200 штукъ. Бояре и негоціанты кишеневскіе знаются съ Европой и лоскомъ европейскимъ покрыты... А что же дѣлаетъ кишиневское земство? Насколько сердце представителей страны лежитъ къ населенію, къ ядру живому своего края, къ почвѣ, изъ которой все выростаетъ, и люди богатства? А метрономъ для земскаго сердца, это—народныя школы. Поставимъ этотъ метрономъ и сосчитаемъ его удары, тогда узнаемъ, какъ бьется земское сердце въ пользу своего края. А

вотъ какъ оно бьется: въ земскомъ бюджетѣ Кишинева и его уѣзда на 1875 годъ, подъ ст. 21-й, значится: «въ пособіе училищному совѣту на канцелярскія потребности, а также на устройство съѣзда народныхъ учителей и вознргражденіе лучшихъ изъ нихъ—50 р.», т. е., чтобы кто-либо не ошибся и не подумалъ, что 5.000 р., мы напишемъ прописью—*пятьдесятъ рублей*; мало того—слѣдовало бы эту сумму напечатать золотыми буквами въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ. Дѣйствительно, пособіе училищному совѣту на канцелярію, потомъ—на всѣ расходы по устройству съѣзда народныхъ учителей и *даже* на награды лучшимъ изъ нихъ—пятьдесятъ рублей, это—сумма баснословная, или это шутка. Но мы увидимъ сейчасъ, что это—не шутка. Далѣе, подъ ст. 23 бюджета, значится: на стипендіатовъ въ учительской семинаріи въ мѣстечкѣ Байратчѣ—500 р., вотъ и *весь* бюджетъ на народное образованіе всего центральнаго района царства бессарабскаго, если не считать еще 300 р.—«на вознагражденіе за истребленіе волковъ», каковой расходъ пріютился подъ знаменемъ народнаго образованія въ ст. 24 бюджета. Бюджетъ подписанъ предсѣдателемъ кишиневской уѣздной управы Н. Семиградовымъ и членами—гг. Кропивницкимъ и Хащинскимъ. И не дрожала у этихъ почтенныхъ земскихъ дѣятелей рука, подписывая такой бюджетъ?—Впрочемъ, привычная рука не дрожитъ и тогда, когда подписываетъ смертный приговоръ. Но у всего кишиневскаго земскаго собранія, какъ кажется, дрогнула рука—и оно не подписало смертнаго приговора своимъ народнымъ школамъ: къ 50-ти рублямъ на канцелярію училищнаго совѣта, на устройство съѣзда народныхъ учителей и на вознагражденіе лучшимъ изъ нихъ оно прибавило *еще* 600 р. и—подписалось, и во главѣ всѣхъ подписей—г. Доничь, предсѣдатель земскаго собранія (Сметы и раскладки кишиневскаго уѣзднаго земскаго собранія на 1875 г.).

Таково-то царство бессарабское, прошедшее котораго рисуется намъ, какъ г. Спасовичу рисуется прошедшее царства польскаго—«въ пурпурѣ и златѣ».

А вотъ нашъ «господинъ Псковъ», какъ его когда-то величали наши лѣтописцы вмѣстѣ съ «господиномъ Великимъ-новымградомъ», симпатичный Псковъ, одна изъ русскихъ древнихъ республикъ, долго не коривщаяся могучей Москвѣ и Грозному Ивану-царю, «господинъ Псковъ» не ходилъ «въ пурпурѣ и златѣ» и не представляется намъ такимъ пурпурнымъ. «Господинъ Псковъ» ходилъ въ лаптяхъ да въ сафьянныхъ сапогахъ, кто побогаче; «господинъ Псковъ» ходилъ въ зипунѣ. Псковомъ, на вѣчѣ, не всегда заправляли сапоги, а часто лапти—«худые му-

жики-вѣчники» да «рольники», какъ ихъ называетъ лѣтописецъ. Симпатичный Псковъ и теперь остался городомъ «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ», и все стоитъ въ нашемъ воображеніи такимъ же симпатичнымъ, какимъ былъ въ XIV и XV вѣкѣ. Симпатичнымъ онъ рисуется намъ потому, что въ его древней, давно умершей жизни было поэзіи много и дѣтской простоты; не кичился онъ своею силою и своими богатствами, а первый на Руси уважилъ женщину, какъ дѣятеля, и, когда царевна Софья Палеологъ ѣхала въ невѣсты и въ жены царю московскому Ивану Васильевичу, псковичи первые встрѣтили ее съ великою честію, пили за ея здоровье меды и вина изъ кубковъ и роговъ злащеныхъ и подарили ей «въ почесть 50 рублевъ пѣнязми»— вотъ какую сумму отвалила вся республика въ приданое царской невѣстѣ. Симпатичнымъ и поэтичнымъ представляется онъ намъ и потому, что его лѣтописцы-старцы были лучшіе, симпатичнѣйшіе лѣтописцы во всей русской землѣ, и любили свой родной край больше всего на свѣтѣ, и въ трогательныхъ до слезъ картинахъ изобразили намъ паденіе своего милаго города, какъ не изображалъ исторію своихъ городовъ ни одинъ лѣтописецъ земли русской. И вотъ оказалось, что слезы, честныя, святыя слезы историковъ-лѣтописцевъ, падавшія съ ихъ очей на пожелтѣвшій пергаментъ, слезы, которыми они оплакивали и свой городъ, и святую Софію, и своихъ посадниковъ, и бояръ, и «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ» — слезы эти не высохли до сихъ поръ, не испарились, не съѣдены всепожирающимъ временемъ и не пропали даромъ для края. Живое доказательство этого—современная дѣятельность псковскаго земства.

Возьмемъ тотъ же метрономъ для земскаго сердца, какой мы брали въ Кишиневѣ. Метрономъ этотъ—смета земскихъ расходовъ на 1875 годъ—говоритъ, что псковское уѣздное земство ассигновало на этотъ годъ въ пользу народнаго образованія 35.095 р. 45 к. Въ богатомъ Кишиневѣ, бояре котораго считаются одними изъ самыхъ крупныхъ вотчинниковъ въ Россіи и земли которыхъ славятся, какъ плодороднѣйшія зѣмли во всей Европѣ—тамъ на народное образованіе нашлось только 550 р., если не считать тѣхъ 600 р., которые стыдъ заставилъ земское собраніе насильно втиснуть въ бюджетъ, а въ бѣдномъ «господинѣ Псковѣ», каждый «въ почесть» царской невѣстѣ и византійской царевнѣ могъ сколотиться на «50 рублевъ пѣнезми» и земли котораго нынѣ считаются самыми истощенными, самыми чахлыми въ Россіи—этотъ Псковъ далъ на народное образованіе столько, сколько не давало ни одно земство въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ народилась наша земщина, а именно болѣе 35 ты-

сячъ, это — геройство, достойное потомковъ князя Довмонта, когда-то заправлявшаго «господиномъ Псковомъ». Подъ такою цифрою, какъ 35 тысячъ на народныя школы, не стыдно было подписаться достойнымъ дѣтямъ «господина Пскова»: Н. Вагапову, предсѣдателю земской управы, и членамъ ея — С. Нотгафту и Д. Иванову (Сметы, росписи и раскладки уѣзд. зем. повинн. на 1875 г. по Псковскому Уѣзду. Псковъ, 1875 стр. 6, 12, 14).

Кстати, для бо̀льшей наглядности, приведемъ здѣсь сравнительный процентъ ассигновокъ на народное образованіе по отношенію къ земскимъ бюджетамъ земствъ, недавно нами осмотрѣнныхъ. Вотъ нисходящая градація этого процента отъ Пскова до Кишинева:

Псковъ—этотъ городъ «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ», далъ на свои школы 30%

Ирбитъ—городъ непросвѣщенныхъ азіатовъ, лѣтописныхъ гоговъ и магоговъ, далъ 18%

Чухлома—городъ, считавшійся городомъ выдуманнымъ въ насмѣшку, подобно щедринскому Крутогорску и сказочному Буяну-острову, далъ на свои школки 10%

Трубчевскъ—городъ, въ которомъ, къ сожалѣнію, не достаетъ г. Азарова-Храпова, далъ 4½%

Калуга—въ коей жилъ Шамиль, дала 2%

Кишиневъ—славная столица Бессарабіи 0,7%

Увлекшись сопоставленіемъ боярскаго кишиневскаго земства съ «мужицкимъ» (по увѣренію лѣтописца) псковскимъ, мы невольно отклонились отъ города Ананьева, куда намѣревались пробраться прямо изъ Кишинева. Теперь воротимся на нѣсколько минутъ уже изъ Пскова въ Ананьевъ, чтобы лично убѣдиться, что тамъ умная русская нечесанная голова и красивый украинскій чубъ дѣлаютъ свое хорошее дѣло. Изъ отчетовъ ананьевскаго земства мы узнаемъ, что тамъ крестьяне въ одинъ годъ составили *26 приговоровъ* объ открытіи въ ихъ селеніяхъ школъ и хотятъ, чтобы слѣдующее за ними молодое поколѣніе не бродило во тьмѣ, какъ приходилось бродить отцамъ и дѣдамъ. Ананьевское земство само смотритъ на это дѣло глазами умныхъ мужичковъ и говоритъ, что въ школахъ, о которыхъ просятъ крестьяне, земство увидитъ «великую силу къ поднятію общаго уровня благосостоянія» населенія—«эту (поясняетъ земство) конечную цѣль нашихъ усилій», и—прибавляетъ затѣмъ—«мы сами согласимся, что изъ всѣхъ земскихъ затратъ расходы по народному образованію—*самыя производительныя и благодарныя*». Тутъ же, рядомъ съ нечесанной умной головой и красивымъ чубомъ, выступаетъ и другая современная земская сила—женщина, мо-

жетъ быть, праправнучка тѣхъ татарскихъ плѣнницъ «волыночекъ» и «подоляночекъ», которыхъ хищники водили продавать въ невольницы на невольничьи рынки городовъ Кафы, Бендеръ, Азова и Евпаторіи, которыхъ золотыя косы своею красотою освѣщали и «лѣсъ темный», и «зеленую дубровушку», и «битый шляхъ». Ананьевское земство съ благодарностью относится къ двумъ такимъ женщинамъ-дѣятелямъ, къ М. С. Гижицкой и Н. О. Шишкиной. Первая изъ нихъ работаетъ въ уѣздѣ, между нечесанными головами и красивыми, а подчасъ и безобразными чубами, а послѣдняя «возмущаетъ воду» въ овчей купели—въ аристократическихъ, чиновныхъ и денежныхъ слояхъ ананьевскаго общества. Можно сказать, что почти единственно усиліямъ г-жи Шишкиной и ея энергіи ананьевская женская прогимназія обязана своимъ существованіемъ: для зданія прогимназіи она въ очень короткое время успѣла собрать до 7 тысячъ рублей, и земство выражаетъ ей «чувство искренней признательности за ея энергію и настойчивость» въ преслѣдованіи цѣлей народнаго образованія.

А вотъ какъ дѣйствуютъ сами крестьяне въ этой мѣстности. Въ с. Врадіевкѣ они подарили казнѣ свой общественный домъ подъ двухклассное училище. Мало того: изъ своихъ мірскихъ пятаковъ они сколотили на содержаніе училища 1,000 рублей, да 200 р. на другія училищныя нужды. Вѣдь, это для нихъ—тоже, что̀ «50 рублевъ пѣнязми», отсыпанными «господиномъ Псковомъ» племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Константина Палеолога, Софьѣ Палеологъ.—Въ двухъ другихъ селеніяхъ Ананьевскаго Уѣзда есть уже и ремесленныя школы для крестьянскихъ дѣтей. Тамъ же, вмѣсто того, чтобы, подобно Кишиневу, ассигновать на съѣздъ учителей и на награды лучшимъ изъ нихъ 50 р., земство задумало уже о радикальной мѣрѣ для обезпеченія будущности руководителей народнаго образованія—объ «учительскихъ пенсіяхъ» (Постановл. ананьев. уѣзд. зем. собр. Ананьевъ, 1874, стр. 18—21, 29 и 30). Въ Ананьевѣ, наконецъ, и книги печатаются: значитъ, типографскій станокъ пустилъ въ землю свои корни, потому что тамъ, гдѣ есть жизнь и движеніе, типографскому станку найдется работа, такъ какъ эта работа болѣе другихъ человѣческихъ работъ предназначена служить силѣ творческой, созидающей, обогащающей и счастливящей человѣчество, хотя сами труженики этого станка, слуги его, начиная отъ наборщиковъ и кончая ихъ молочными братьями, писателями, часто умираютъ въ нищетѣ, подобно тому, какъ солдатики первые умираютъ отъ не-

пріятельскихъ пуль, отъ которыхъ они защищаютъ родную землю.

Перекопъ, Хотинъ, Кишиневъ, Псковъ, Ананьевъ съ земствами—все это, и хорошее, и жалкое, втиснуто нами въ одинъ земскій мѣшокъ, который мы и переносимъ отъ одной главы нашего обзора до другой, словно отъ станціи до станціи. Въ этотъ же мѣшокъ должна войти и Тамбовская Губернія, по крайней мѣрѣ, часть ея.

Вступивъ въ Тамбовскую Губернію съ Спасскаго Уѣзда, мы были поражены, если можно такъ выразиться, земскимъ безмолвіемъ. Въ насъ явилось даже сомнѣніе: существуютъ ли тамъ земскія учрежденія не живетъ ли Спасскій Уѣздъ еще въ доземскомъ, дореформенномъ или, вѣрнѣе, въ исправническомъ періодѣ развитія? Оказалось—нѣтъ. Мы отыскали даже книжку (слѣды земской прессы), на оберткѣ которой напечатано: «постановленія очереднаго спасскаго уѣзднаго земскаго собранія, бывшаго въ сентябрѣ 1873 г. Съ приложеніями. Тамбовъ, 1874». И что-жъ оказывается? Книга состоитъ *изъ полуторы странички*, на которыхъ напечатано счетомъ *тридцать четыре строчки съ половиною*. Это буквально, фактически вѣрно: книга — въ 34 1/2 строки; еще понятно было бы—въ 34 1/2 страницы, а то—книга въ 34 1/2 строки. А дальше слѣдуютъ «приложенія», т. е. разграфленныя таблицы съ цифрами. И такъ, вся спасская земская литература заключается въ 34 1/2 строчкахъ. Но, думали мы, можетъ быть, на этихъ полутора страничкахъ вмѣстилась вся земская дѣятельность, подобно тому, какъ божественныя заповѣди вмѣстились на двухъ только скрижаляхъ, а, между тѣмъ, начертаннымъ на нихъ нравственнымъ закономъ держится весь міръ уже много, много вѣковъ и тысячелѣтій. Оказалось, что оно отчасти и такъ: 34 1/2 строки исчерпываютъ всю спасскую земскую дѣятельность; но дѣятельность-то эта, какъ видится, была слишкомъ скромна, даже болѣе, чѣмъ дѣвственно скромна. Въ то время, когда другія земства своими постановленіями пополняютъ цѣлые томы; когда въ этихъ томахъ васъ останавливаетъ масса высказанныхъ мнѣній, заявленій, протестовъ; когда пренія объ одномъ земскомъ предметѣ занимаютъ нѣсколько засѣданій и воспроизводятся на десяткахъ и сотняхъ страницъ; когда, перечитывая все это, вы нетолько знакомитесь съ характеромъ земской дѣятельности, но даже съ характеромъ, темпераментомъ и даже, кажется, физіономіею дѣятелей-гласныхъ, какъ, напримѣръ, г. Азарова-Храпова изъ Брянска, г. Смышляева изъ Ирбита, Кисловскаго изъ Весьегонска и т. д., въ то время, когда при помощи земской литературы передъ вами

встаетъ во-очію земская жизнь съ добромъ и недобромъ, съ ея даже личными человѣческими дрязгами и съ явленіями, достойными глубокаго уваженія—тутъ, въ спискѣ, васъ поражаетъ одно молчаніе, глубокое, упрямое молчаніе. *Вся* работа очередной сессіи, *вся* сущность постановленій этой сессіи, короче, донесеніе Цезаря сенату: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ». Тутъ даже и этого нѣтъ, тутъ есть только вотъ что: «не пришелъ, ничего не видѣлъ, ничего не сдѣлалъ», т. е. «non veni, nil vidi, nil feci». Дѣйствительно, спасскія постановленія гласятъ: «1873 года, сентября 18-го дня, спасское уѣздное земское собраніе, въ числѣ *13 гласныхъ*, имѣли (sic) слѣдующее сужденіе: въ комиссію для повѣрки суммъ управы назначены: Ф. А. Хвощинскій, А. И. Хохловъ, Л. П. Поляковъ и Е. Г. Щегловъ; но — въ комиссію прибылъ *одинъ* г. Хохловъ; а г. Хвощинскій не прибылъ «за болѣзнію», г, Щегловъ—«за отсутствіемъ», г. Поляковъ—«за назначеніемъ вмѣсто него другого, г. Видмана, который *тоже* не прибылъ». Поэтому собраніе постановило: избрать ревизіонную комиссію изъ наличныхъ гласныхъ—изъ гг. Хохлова, Мукина и Карасева. Эти три почтенные мужа провѣрили денежный отчетъ управы и «нашли его правильнымъ». Затѣмъ, гг. гласные собрались на другой день, 19-го сентября, но уже не 13 человѣкъ (несчастное число, отчего, вѣроятно, и шло все такъ неудачно), но только 12, и постановили: «отчеты управы утвердить». Все. Собраніе закрыто. Впрочемъ, зачѣмъ его было и открывать? При такой дѣвственной стыдливости собранія, зачѣмъ его, въ самомъ дѣлѣ, открывать, разоблачать наготу дѣвственнаго земскаго тѣла? Спасское земство можетъ съ похвальною скромностью сказать себѣ:

Quod potui—feci: faciant meliora potentes!

Къ этимъ «potentes» оно, конечно, могло бы причислить одно изъ сосѣднихъ съ нимъ земствъ, именемъ козловское, которое, дѣйствительно, въ сравненіи съ проявленною спасскимъ земствомъ земскою импотенціею, могло бы быть вполнѣ потентнымъ, еслибы тоже не страдало какою-то земскою золотухою, не вслѣдствіе экономическаго или интеллигентнаго худосочія, а какого-то другого. Козловъ—городъ изъ замѣтныхъ въ Россіи. Въ козловскомъ земствѣ не мало всякихъ силъ — есть чѣмъ взяться. Въ собраніяхъ его присутствуютъ нерѣдко болѣе 60 гласныхъ, и между ними не мало крупныхъ землевладѣльцевъ или другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей—Сабуровы, Муравьевы, Чичерины, Каменевы, Однобишины, Верещагины, Мацневы, Гурье-

вы, Рахманиновы, Горстины, Вердеревскіе, Никифоровы, Барсуковы. Козловскій Уѣздъ—одинъ изъ богатыхъ уѣздовъ въ Россіи: это—не какое-нибудь захолустье, стоящее на отшибѣ, а городъ и уѣздъ на бойкомъ мѣстѣ. Но, при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы дѣятельность Козловскаго Уѣзда представлялась выдающеюся хотя чѣмъ-либо изъ ряда вонъ Объ ней можно сказать, что она рядовая, отчасти хорошая рядовая, но могла бы быть и лучше: это—тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ—мы разумѣемъ — генераломъ въ земствѣ, земскимъ генераломъ, въ родѣ рязанскаго, херсонскаго и очень немногихъ другихъ.

Познакомимся вкратцѣ хотя съ нѣкоторыми сторонами этой дѣятельности. Просуществовавъ девять лѣтъ, земство, въ избраніи гласныхъ, что̀ называется, въ чтеніи земской азбуки дѣлаетъ ошибки: между прочимъ, оно избираетъ ошибочно трехъ гласныхъ и въ томъ числѣ извѣстнаго своею судейскою дѣятельностью С. С. Жихарева. Разумѣется, выборы эти опротестованы губернаторомъ, который разъясняетъ земству, что г. Жихаревъ не можетъ быть избираемъ въ гласные по прямому смыслу 36 ст. полож. о зем. учр., такъ какъ состоитъ прокуроромъ саратовской судебной палаты, къ округу которой принадлежитъ и Козловскій Уѣздъ. Далѣе — избранная земскимъ собраніемъ такъ-называемая сметная комиссія, составленная изъ членовъ В. Н. Чичерина, Ю. А. Ознобишина, С. В. Рахманинова, Д. Н. Ненашева, Н. А. Муравьева, Н. И. Давыдова, Д. П. Придорогина, Ф. И. Мацнева, Н. Л. Строителева и Д. К. Мартынова, открываетъ немало слабыхъ сторонъ въ веденіи управою земскаго хозяйства, дѣлаетъ весьма дѣльныя представленія земству, а управѣ—весьма вѣскія замѣчанія, и, при всемъ томъ, земство кончаетъ нетолько пальятивно, но просто ничѣмъ. Никто, повидимому, не хочетъ настоять на томъ, чтобы дѣло шло такъ, а не эдакъ—чего-то вообще недостаетъ, нравственной упругости не хватаетъ. Вотъ хоть бы взять словесныя и бумажныя препирательства комиссіи съ управою: комиссія говоритъ: «не такъ», а управа возражаетъ — «нѣтъ, такъ», или — «а хоть бы и не такъ, такъ что̀-жь изъ этого?» Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого препирательства, расположивъ ихъ такъ, какъ онѣ расположены въ докладѣ комиссіи, т. е. дѣловыя указанія комиссіи на *лѣвой* сторонѣ страницы и странныя отнѣкиванья управы—на *правой:*

Замѣчанія комиссіи:	*Отпѣкиванья управы:*
«Расходы по спеціальнымъ книгамъ произведены неправильно и несогласно сметнымъ назначеніямъ...»	«Управа считаетъ нужнымъ сказать, что она неправильныхъ расходовъ не производила и не производитъ...»
«По книгѣ уѣзднаго сбора записаны въ расходъ 1,000 руб., отосланные въ банкъ на храненіе, а на приходъ, вмѣсто нихъ, записано: *книжечка*».	«Что 1,000 р., отосланные въ банкъ, записаны въ расходъ, а полученная на нихъ разсчетная книжка записана на приходъ—*то это вѣрно*».
«Устройство дорожныхъ сооруженій желательно было бы собранію сдавать съ торговъ, а не производить хозяйственнымъ образомъ и, кромѣ того, составлять сметы каждому сооруженію».	«Управа предложеніе это находитъ совершенно непримѣнимымъ къ дѣлу, такъ какъ, пока будутъ составляться сметы, слишкомъ много придется потерпѣть проѣзжающимъ».
«Счетоводство по сельскимъ запаснымъ магазинамъ находится въ такомъ безпорядкѣ, что нѣтъ никакой возможности его обревизовать: всѣ цифры этого счетоводства—гадательныя».	«Это—*неправда*: счетоводство управы въ должномъ порядкѣ; цифры нисколько не гадательныя».
«Въ отчетѣ управы показано на канцелярскіе и другіе мелочные расходы 435 р. 46 к.; въ этой суммѣ значится и *молоко*».	«Что въ отчетѣ управы показаны израсходованными 435 р. 46 к., для больницы на канцелярскіе и мелочные расходы, въ томъ числѣ и на *молоко—то это вѣрно!*»
«Въ земской больницѣ обращены на дрова кровати, столы, боченки, ванны, корыта, а также выданы въ аптеку на ветошь, корпію, бинты и употреблены на починку рубашки, подштанники, чулки, простыни, халаты, полотенцы, салфетки, юпки, кофты, чепчики, колпаки и платки, по требованію доктора и распоряженію смотрителя, а до свѣдѣнія управы не доводилось».	Молчаніе.
«Пріобрѣтены для больницы совершенно излишніе предметы, какъ-то, напримѣръ, спичечница и пепельница».	Молчаніе.
«Въ 1873 году, собраніемъ предположено женское отдѣленіе больницы изъ нижняго сырого этажа перевести въ верхній, отдѣлить комнату для женщинъ привилегированныхъ сословій, гдѣ могутъ помѣщаться и роженицы во время разрѣшенія отъ бремени; но все это остается въ прежнемъ видѣ и женское отдѣленіе до сихъ поръ остается внизу, въ сыромъ помѣщеніи».	Глубокое молчаніе.
И такъ далѣе, и такъ далѣе.	

Между тѣмъ, замѣчанія комиссіи, хотя бы, напримѣръ, о производствѣ дорожныхъ сооруженій нехозяйственнымъ образомъ, имѣютъ капитальную важность: на пути сообщенія у насъ обыкновенно тратятся значительныя суммы, кромѣ затратъ народнаго труда, а, между тѣмъ, русская земля славится своимъ безпутіемъ, и все по милости того, что ея пути устраиваются «хо-

зяйственнымъ» образомъ, устраиваются такъ, чтобы, какъ говоритъ пѣсня: «по тѣмъ по дороженькамъ, никто не проѣзживалъ къ Любушкѣ-сударушкѣ». Мы, напротивъ, знаемъ, что другія земства очень осторожно обращаются съ вопросомъ о дорожныхъ сооруженіяхъ и нетолько составляютъ и обстоятельно разсматриваютъ сметы при участіи мѣстныхъ техниковъ, но возбуждаютъ даже вопросы (херсонское, напримѣръ, земство) о разсмотрѣніи земскихъ строительныхъ сметъ спеціальными техническими комитетами. Исторія пермскаго земства и злополучнаго сибирскаго тракта у всѣхъ на виду: тамъ убиты въ землѣ милліоны рублей русскаго добра, убиты тоже «хозяйственными» способами, а сибирскій трактъ, все-таки, остается «сибирнымъ», адскою дорогою. Слѣдовательно, отнестись такъ благодушно къ тому, что̀ составляетъ нашу общественную мозоль, это недостойно солидности земскихъ учрежденій.

Также, повидимому, ничего не вышло изъ заявленій гг. Озно-бишина и Чичерина о «неудовлетворительномъ» состояніи медицинской части въ уѣздѣ. Козловское земство какъ-будто въ первый разъ услыхало отъ г. Чичерина, что въ сосѣднихъ земствахъ, подъ бокомъ, у кирсановцевъ и у борисоглѣбцевъ, существуютъ какія-то двѣ системы—больничная и амбулаторная, и что надо бы надъ козловцами хоть какую-нибудь изъ нихъ испробовать. Недостаточную энергію выказало козловское земство и въ вопросахъ объ обязательномъ обученіи и реальномъ училищѣ. По первому вопросу земство представило уже было губернатору, что предполагаетъ ввести обязательное обученіе для мальчиковъ отъ 10 до 13 лѣтъ; но губернаторъ отозвался, что вопросъ этотъ касается всей губерніи и подлежитъ разсмотрѣнію губернскаго земства. Козловцы сгоряча, въ благородномъ порывѣ, собрали было уже свѣдѣнія, что въ ихъ уѣздѣ дѣтей указаннаго возраста будетъ не болѣе 7,100; но какъ узнало, что въ уѣздѣ всѣхъ селеній 412, а земство не въ силахъ будетъ вездѣ открыть школы, для крестьянъ же расходъ на школы будетъ «непосиленъ», то и порѣшило: отпустить на всѣ школы 500 р. для устройства школьныхъ библіотечекъ, чтобы крестьянскіе ребятишки, оставляя школу, не забывали всего, чему тамъ учились, какъ кукушка забываетъ гнѣздо, куда она яйца кладетъ.—По вопросу объ открытіи въ Козловѣ реальнаго училища земство великодушно рѣшилось пожертвовать въ фондъ училища 75 тысячъ руб. акціями, подаренными земству строителями козловско-тамбовской желѣзной дороги, а городъ отъ себя прибавлялъ по 4 тысячи въ годъ; но министръ народнаго просвѣщенія отозвался, что этого мало. Земство еще было прибавило; го-

родъ тоже прибавилъ—но и это мало оказалось. Гласный Каменевъ сдѣлалъ еще одно предложеніе о прибавкѣ; но земство не приняло предложенія, а рѣшилось ограничиться, на первое время, хотя тѣмъ, что̀ успѣло сколотить, и просило даже г. Строителева ходатайствовать передъ начальствомъ о реальномъ училищѣ. Что̀ изъ этого выйдетъ—неизвѣстно; между тѣмъ г. Никифоровъ сбиваетъ уже земства: онъ говоритъ, что, вмѣсто того чтобы убивать деньги на училище, лучше отдать ихъ на устройство «сельскаго землевладѣльческаго кредита». Точно мало для нихъ кредитныхъ учрежденій: вѣдь, въ эти-то кредиты ухнуло все землевладѣльческое, даже тѣ кровные рысаки, которыми такъ славились козловцы и тамбовцы—спеціалисты «лошадинаго вопроса», возбуждавшіе даже, въ послѣднее время, вопросъ о «кобыльихъ курсахъ» для улучшенія и развитія крестьянскихъ матокъ. Понятно, послѣ этого, почему козловское земство такъ холодно отнеслось къ «слушательницѣ женскихъ курсовъ, Фанни Личкусъ» и къ студенту казанскаго университета, Нилу Соколову, просившихъ земство о стипендіи: просьбы ихъ оставлены «безъ послѣдствій».

Вообще, участіе козловскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія—довольно пассивное. Изъ 93 сельскихъ школъ, существующихъ нынѣ въ Козловскомъ Уѣздѣ, *только одна* содержится на счетъ земства. Въ другихъ земствахъ гласные наперерывъ стараются попасть въ число лицъ, которымъ довѣрено было наблюденіе за тѣмъ, что̀ дѣлаютъ бѣлоголовые крестьянскіе ребятишки въ школахъ, а козловскіе гласные, охотно посѣщающіе «кобыльи курсы» (случныя конюшни), свалили всю заботу надзора за учащими на штатнаго смотрителя, г. Лебедева, и даже положили ему за это 700 р. жалованья. Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ за охота шляться по школамъ, когда пріятнѣе можно провести время на скачкахъ и видѣть, какъ караковая кобыла «Клеопатра» опередила рыжую кобылу «Семирамиду» на полноздри. При всемъ томъ, мужички сами себѣ учатся, такъ что и учащихся ребятишекъ у нихъ считается теперь около 4 1/2 тысячъ: это лучше цѣлаго табуна заводскихъ жеребцовъ; мужичкамъ въ ихъ дѣлѣ помогаютъ добрыя барыньки и барышни, которыхъ около десяти найдется въ числѣ подвижниковъ идеи вочеловѣченія нашего сѣраго люда. Въ то время, когда мужички сами тратятъ на свои школы 18,000 р. кровныхъ денежекъ, земство вспомоществуютъ народному образованію только въ размѣрѣ 2.569 р.

NB. Замѣчателенъ и оригиналенъ взглядъ козловцевъ на народное образованіе. Извѣстно, что земскіе бюджеты подраздѣ-

ляются на рубрики, которыя и носятъ наименованіе: «потребности обязательныя» (т.-е. расходы на дорожную, постойную и др. обязательныя по закону повинности) и «потребности необязательныя». Послѣднія потребности козловцы раздѣлили на двѣ категоріи: на *необходимыя* и на *полезныя*, значитъ, не «необходимыя»; «необходимыя» это—жалованье членамъ управы, а «полезныя», но не «необходимыя», это—земская медицина и народное образованіе... то пріятное, а это—только полезное... (Журн. козлов. уѣзд. зем. собр. 1874 г. Тамбовъ, 1875 г., стр. 1—5, 15—18, 21, 22, 25, 27, 39, 45, 58—65, 149—156, 333, 335).

XXII.

«Знаете ли вы городъ Пирятинъ?—Нѣтъ, вы не знаете города Пирятина»... Невольно вспомнились намъ эти простыя, но почему-то памятныя для насъ слова, которыми начинаетъ одинъ изъ своихъ разсказовъ давно забытый всѣми украинскій писатель Гребенка, столь любимый нами во дни златой юности... «Нѣтъ, вы не знаете города Пирятина», повторяли мы мысленно, подходя къ этому укромному уголку, съ нашею тяжелою земскою сумою и вспоминая свою юность, когда мы еще любили читать Гребенку, давно умершаго и забытаго, и когда еще не существовало земскихъ учрежденій, вспоминая все прошлое Малороссіи, тоже давно умершее, но вѣчно памятное, когда, вмѣсто земскихъ собраній, существовали «рады» и «громады» съ гетманами и атаманами... Грустное чувство охватывало насъ, когда мы подходили къ Пирятину, и чувство это не могло быть подавлено даже воспоминаніемъ того, съ какимъ симпатичнымъ юморомъ покойный Гребенка, описывая запустѣлость и безлюдіе Пирятина, говоритъ, что въ городскомъ трактирѣ «на бильярдѣ сидитъ курица»... Тотъ ли это Пирятинъ, какимъ онъ представлялся нашему воображенію въ прошедшихъ судьбахъ Малороссіи, когда... когда еще не существовало земскихъ учрежденій? Да, мы опять тутъ, въ этой глубоко симпатичной, глубоко поэтической Малороссіи, съ нашею земскою сумою, въ которой смѣшалось все—и казаки съ татарами, своими бывшими врагами, и москали съ нѣмцами и потомками волжскихъ золото-ордынцевъ, своихъ бывшихъ властителей, нынѣ прислуживающими москалямъ и нѣмцамъ и казакамъ-запорожцамъ у Дюссо и Бореля съ салфетками на плечахъ, вмѣсто ханскихъ ярлыковъ—все смѣшалось въ просторной земской сумѣ: Москва и Сибирь,

коварная Олегова Рязань и непокорная Тверь, финскія болота и южныя степи, бывшіе господа и бывшіе рабы, богатые и бѣдные.

Вступаемъ мы въ пирятинское земское собраніе—и тутъ тоже смѣшеніе: казакъ Омелько Прокопенко, крестьянинъ Михайло Мягкій и—князь Н. В. Репнинъ, точно въ «Полтавѣ» Пушкина передъ Петромъ Великимъ его «птенцы» въ бою со шведами.

И Брюсъ, и Боуръ, и *Репнинъ*,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ...

Маіоръ Андрей Лаврентьевичъ Плакса и купецъ Мордохъ Кельмановичъ Ароновъ, можетъ быть, потомокъ Аарона, брата Моисеева, Гришко, Васько, Гайдай, Собко, Свѣчка и—графъ С. С. Де-Бальменъ, можетъ быть, тотъ самый графъ Де-Бальменъ, къ которому покойный пѣвецъ Малороссіи, безсмертный кобзарь Шевченко, обращается въ одномъ изъ своихъ глубоко-поэтическихъ посланій. Все это—гласные пирятинскаго земства.

Посмотримъ же на ихъ дѣятельность. Изъ всего того, что̀ мы находимъ въ самихъ журналахъ пирятинскаго земства, въ докладахъ управы, въ разныхъ приложеніяхъ и пр., трудно вывести опредѣленное заключеніе о характерѣ этой дѣятельности и вообще о конечныхъ результатахъ коллективной работы всего земства. Но, къ сожалѣнію, не можемъ не замѣтить, что работа эта не настолько энергична, насколько было бы желательно. Видно, что выборъ земства, собственно въ подборѣ ближайшихъ исполнителей земскихъ задачъ, падалъ на неудачныя личности и оттого вся дѣятельность земства представляется вялою, безцвѣтною. Само земство, т.-е. земское собраніе, составъ котораго, повидимому, не страдаетъ отсутствіемъ даровитыхъ личностей, вполнѣ поняло слабую сторону своего исполнительнаго персонала и съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ отмѣтило всѣ земскія прорѣхи, допущенныя этимъ неудачнымъ персоналомъ. А это—хорошій знакъ. Такъ бичевать въ своихъ «жартахъ» своего же брата, если онъ того сто̀итъ способенъ только украинецъ, изъ коихъ во всякомъ сидитъ маленькій Гоголь или, по крайней мѣрѣ, искорки его генія. Пирятинское земство, въ лицѣ своей ревизіонной комиссіи, буквально «жартуетъ» съ своимъ земскимъ исполнительнымъ персоналомъ—съ управою; но отъ этихъ «жартъ» никому не поздоровится. Вотъ, между прочимъ, что̀ докладываетъ собранію ревизіонная комиссія о дѣятельности своего исполнительнаго персонала. «Отчетъ управы за послѣдній годъ (говоритъ она) полученъ нѣсколькими членами ревизіонной ко-

миссіи только 9 мая, а гласными—и того позднѣе (т.-е. дня за два, за три до собранія), и, при *обычномъ* отсутствіи оглавленія, представляетъ собою болѣе или менѣе точный снимокъ съ предыдущихъ отчетовъ; строй и система его давно знакомы собранію, и, если комиссія не можетъ сказать, что ничего уже въ этомъ отношеніи не остается желать, то и не беретъ на себя смѣлости указать лучшіе способы составленія отчетовъ, раздѣляя то мнѣніе, что только болѣе или менѣе близкое знакомство съ земскимъ дѣломъ, *усидчивое занятіе имъ* и опытъ скорѣе всего укажутъ управѣ средства улучшенія, а не регламентація людей, стоящихъ внѣ исчисленныхъ условій». Ясно, что «жарты» намекаютъ на незнакомство управы съ дѣломъ, на отсутствіе усидчивости въ трудѣ и на отсутствіе даже опыта. «*Количественная скудость* докладовъ управы, вѣроятно, замѣчена уже и господами гласными (говоритъ далѣе маленькій Гоголь), а о *качественности* ихъ ни комиссія, ни собраніе не могли судить до настоящихъ засѣданій, такъ какъ управа не придерживается того хорошаго обычая, чтобы, изготовивъ заблаговременно хотя важнѣйшіе изъ своихъ докладовъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ, сообщать ихъ гг. гласнымъ до собранія, по крайней мѣрѣ, за недѣлю»... Далѣе, комиссія деликатно шпыняетъ своихъ исполнителей «стереотипностью» веденія дѣлъ, «нѣкоторою медленностью»—до двухъ и *болѣе* мѣсяцевъ—въ исполненіи самыхъ легкихъ бумагъ; шпыняетъ тѣмъ, что управа не интересуется даже, какой ходъ возъимѣли ея представленія по порученіямъ земства, а «*спокойно, сложа руки, ждетъ у моря погоды*»; жартуетъ и надъ тѣмъ, что, устроивъ помѣщеніе «всесословное», для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, управа не поинтересовалась даже узнать, что «арестованные грѣшники», всѣхъ половъ и возрастовъ, помѣщаются въ «трехъ низкихъ, холодныхъ и сырыхъ комнатахъ, почти безъ мебели», вповалку, и наблюдаютъ за ними лица, которыхъ скорѣе слѣдовало бы арестовать. Говоря о финансовыхъ операціяхъ исполнительнаго персонала земства, жартливая комиссія замѣчаетъ: «Къ слову сказать, что около трехъ десятинъ грунта (земли), стоившаго земству болѣе 1,200 рублей, дадутъ въ этомъ году дохода 5 р., причемъ, исправленіе забора около грунта принято съемщикомъ на свой счетъ, т. е. *получится чистой прибыли отъ сказаннаго капитала около полупроцента*». Или: «одинъ излишекъ расходовъ не внесенъ въ графу передержекъ, вслѣдствіе чего и станетъ въ отчетѣ 1874 года *нечаянностью*, могущею вселить серьёзное смущеніе въ будущихъ составителяхъ его». Или: «цифра остатка отъ 1873 года сочтена невѣрно, *зане* въ составъ ея не во-

шли 2,000 рублей». Еще лучше комиссія жартуетъ надъ тѣмъ, что ни управа, ни комиссія не могутъ опредѣлить остатковъ земскихъ суммъ къ 1874 году, и комиссія серьёзно рекомендуетъ собранію *объявить нѣкоторую премію «тому изъ чиновъ казначейства, который возьметъ на себя трудъ отыскать* по книгамъ казначейскимъ доподлинную *цифру* уѣздныхъ земскихъ *недоимокъ* по 1874 годъ», и собраніе, дѣйствительно, назначило премію за это открытіе «одному изъ болѣе компетентныхъ чиновниковъ уѣзднаго казначейства», который и явился чѣмъ-то въ родѣ пирятинскаго Колумба, открывшаго недоимки. Но вѣнецъ малороссійской жартливости комиссія обнаруживаетъ въ *поздравленіи* собранія съ тѣмъ, что у земства деньги «утеряны», какъ когда-то Юрасемъ Хмельницкимъ «утеряна» была гетманская булава. Сказавъ, что управа *«не сопричла* процентовъ къ денежному фонду», комиссія объявляетъ: «мало этого, *комиссія поздравляетъ собраніе съ утерею процентовъ»* по серіямъ. Наконецъ, по отношенію къ полиціи, комиссія предостерегаетъ земство такъ, какъ «кобзарь» предостерегаетъ «дівчатъ чорнобровихъ» по отношенію къ «москалямъ»:

Кохайтеся чорнобриві,
Та не зъ москалями,
Бо москали чужі люде
Роблять лихо зъ вами.

Такъ, комиссія говоритъ, что поступленіе земскихъ сборовъ, идетъ слишкомъ туго, а потому управа должна была дѣлать займы, и только съ помощью этихъ средствъ *«утолять денежную жажду иныхъ земскихъ кормильцевъ кое-какъ, а недавно воссоединенныхъ къ нимъ чиновъ полиціи—болѣе чѣмъ исправно, даже за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ.* Причина этого всѣми гласными замѣченнаго факта воочію понятна и, главнѣйше, кроется въ извѣстной также всему обществу дѣятельности по взысканію недоимокъ обязанныхъ къ тому должностныхъ лицъ—дѣятельности, неутомимость которой проявляется съ такою, по истинѣ, замѣчательною силою въ назойливыхъ требованіяхъ отъ управы извѣстнаго *гонорарія»*...

Дѣятельность земскаго исполнительнаго персонала также вызываетъ саркастическую улыбку на уста жартливой комиссіи. Такъ, она говоритъ, что «не видѣла никакихъ слѣдовъ исправленій» по дорогамъ, но на бумагѣ, на цифрахъ, исправленія эти были, «если только цифрамъ можно дать вѣру». Какіе все Ѳомы невѣрующіе! «Что-же касается *удовлетворительнаго* состоянія путей сообщенія (жартуетъ далѣе комиссія), то она находитъ, что всѣ сооруженія, вновь устроенныя, остаются хорошими

только въ теченіи очень короткаго времени, а затѣмъ быстро разрушаются, потому что никакой ремонтировки не бываетъ, самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ чему можетъ служить яготинская плотина на почтовой дорогѣ, исправленная очень хорошо въ 1868 году, а пришедшая, въ настоящее время, въ *самое отвратительное состояніе.* Нераспорядительнесть же управы ясно выразилась при постройкѣ мостовъ по зарѣчинской плотинѣ, гдѣ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, весенняго и ярмарочнаго, ѣзды не существовало»...

Наконецъ, самую добродушную и наивную малороссійскую веселость какъ въ самой комиссіи, такъ и въ управѣ, надъ которою комиссія жартовала, вызвала одна петербургская бумага, надъ которой сначала управа ломала голову и не поняла, а потомъ ревизіонная комиссія ломала голову—и тоже не поняла, такъ что изъ жартливаго положенія всѣ очутились въ положеніи комическомъ. Комичность заключается именно въ томъ, что добродушные украинцы стали въ тупикъ передъ такимъ выраженіемъ петербургской бумаги, надъ которымъ москаль никогда бы не задумался. Дѣло въ томъ, что пирятинцы представили по начальству на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ таксу сбора за проѣздъ по Калиновому Мосту и ждали разрѣшенія на это представленіе. Такъ какъ представленіе шло черезъ губернатора, то и разрѣшеніе получено было отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ черезъ него же. Эта-то бумага и привела всѣхъ въ тупикъ: утверждена такса, или не утверждена? задавали себѣ вопросъ пирятинцы. «Сдается, що утверждена, а сдается, що ні... А що, братці, якъ москаль, може, жартуе зъ нами—ні, треба підождати, що громада скаже»... И пирятинцы ждали «громады», т. е. собранія земства, и таксу не приводили въ исполненіе. «Сбора за проѣздъ по Калиновому Мосту до сихъ поръ не производится (докладываетъ уже сама комиссія громадѣ), но комиссія не можетъ поставить этого обстоятельства въ вину управѣ, такъ какъ полученная отъ начальника губерніи бумага, отъ 26 марта, за № 2,369, *до такой степени непонятная*, что управа очень благоразумно поступила, не рѣшившись своими силами сама ее истолковывать, а представила это собранію». Что-же собственно непонятнаго-то нашли добрые украинцы въ бумагѣ губернатора? А вотъ что для нихъ показалось непонятнымъ. Въ бумагѣ губернатора говорится, что «его превосходительство, установленную пирятинскимъ экстреннымъ земскимъ собраніемъ таксу представлялъ на усмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, который, отъ 16 марта, за № 2,641, увѣдомилъ его превосходительство, что со стороны министерства

внутреннихъ дѣлъ *не встрѣчалось бы* препятствія къ допущенію взиманія въ пользу земства Пирятинскаго Уѣзда сбора по означенной таксѣ, съ тѣмъ, чтобы такса эта была приведена въ дѣйствіе въ установленномъ порядкѣ, съ объясненіемъ въ оной, что опредѣленные въ ней сборы установлены съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 92, Пол. о зем. учр.» Что-же тутъ непонятнаго? Да, для г. Евдошенка, предсѣдателя пирятинской управы, для г. Ар. Ляшка и г. Поповича, членовъ управы, повидимому, все тутъ непонятно, а особенно слово *не встрѣчалось бы*. И отчего бы москалю прямо-де не сказать, что такса утверждается? А то нѣтъ—съ хитрецой—«не встрѣчалось бы». А Богъ его знае, що воно таке е се *не встрѣчалось бы*... А якъ лихо встрінеться? Ну, и добрые украинцы «злякались»—«нехай громада розбере». И громада разобрала, потому что какой же москаль не знаетъ, что всѣ москали говорятъ такъ дипломатично: «съ моей стороны не встрѣчалось бы препятствія откусить вамъ носъ», или что-нибудь иное подобное? А простые украинцы прямо лупятъ: «ведкушу у тебѣ нісъ»—и концы въ воду. Но добрымъ украинцамъ нѣчего было ломать голову надъ смущавшимъ ихъ «не встрѣчалось бы», выраженнымъ какъ бы въ условной формѣ. Добрымъ украинцамъ стòило только развернуть одинъ изъ томовъ распоряженій правительства по дѣламъ земскихъ учрежденій (это—изданія хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя, безъ сомнѣнія, должны имѣться въ каждой земской управѣ, какъ и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и, вѣроятно, имѣются также и въ библіотекѣ пирятинской управы), такъ добрымъ пирятинцамъ стòило только развернуть это изданіе на любой страницѣ и они нашли бы, что «не встрѣчалось бы»—самая обыкновенная и самая удачная форма правительственныхъ разрѣшеній на всѣ вопросы изъ земской практики, представляемые на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ—форма, особенно прочно, какъ намъ кажется, установившаяся въ редакціяхъ бумагъ хозяйственнаго департамента этого министерства, что̀ и весьма раціонально: въ министерство входятъ съ вопросомъ, «можно ли допустить то-то, можно ли сдѣлать то-то?», и министерство отвѣчаетъ, что можно, но отвѣчаетъ какъ бы условно, «не встрѣчалось бы препятствія допустить то-то», «сдѣлать то-то», и тутъ же прибавляетъ, «съ тѣмъ, чтобы»... и т. д., желая, что̀ весьма понятно, выразить этимъ, что министерство допускаетъ такую-то мѣру въ такомъ только случаѣ, если при приведеніи ея въ исполненіе будутъ соблюдены всѣ установленныя закономъ общія правила. Вотъ и вся хитрость. Но добрымъ

украинцамъ, какъ видно, московская рѣчь до сихъ поръ еще не совсѣмъ вразумительна, какъ она была не вполнѣ для нихъ вразумительна 200 лѣтъ назадъ.

Чѣмъ же, говоря вообще, болѣе или менѣе рельефно выразилась дѣятельность пирятинскаго земства? Мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что ничѣмъ. Пусть добрые украинцы не заподозрятъ насъ въ пристрастіи, въ московскомъ даже нерасположеніи къ нимъ: положа руку на сердце, мы можемъ сказать, что это была бы неправда. По нѣкоторымъ, весьма глубокимъ причинамъ, которыя мы называемъ и этнографическими, и физіологическими, пишущій это тяготѣетъ сердцемъ скорѣе къ югу, чѣмъ къ сѣверу Россіи, и всегда тяготѣлъ именно въ этомъ направленіи—обратно тяготѣнію магнитной стрѣлки; но и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи онъ находитъ и то, надъ чѣмъ плачутъ его старыя очи, и то, что̀ ихъ радуетъ, и не скрываетъ ни того, ни другого, а, напротивъ, старыя очи его наиболѣе плачутъ никому невидимыми слезами сквозь видимый всѣми смѣхъ надъ тѣмъ именно, что̀ имъ наиболѣе дорого—надъ тѣмъ, къ чему старое сердце его упрямо тянется вопреки указаніямъ компаса, наперекоръ законамъ магнитнаго тяготѣнія. Старыя, но еще зоркія очи пишущаго это отыскали хорошее и въ какомъ-нибудь Весьегонскѣ, и въ Сибири, и въ Полтавѣ, и въ Перекопѣ, и въ Псковѣ—отыскали и, радуясь, указали на это; старыя очи отыскали и горькое нѣчто—въ Смоленскѣ и въ Петербургѣ, и въ Саратовѣ, и въ Кишиневѣ, и въ Золотоношѣ, и въ Прилукахъ—отыскали и, плача надъ этимъ, указали и на это; но съ особенно горькими слезами указали туда, куда птицы на зиму летаютъ, туда, въ теплый край, въ «ирій», и указали даже на тѣхъ, которые—

Край счастливый, край веселый та и занапастили...

Отличительною чертою въ занятіяхъ пирятинскаго земскаго собранія является то, что на каждое засѣданіе у нихъ избирается особый секретарь, не такъ, какъ въ другихъ земствахъ—на всю сессію: такъ, въ разсматриваемую нами десятую сессію, секретарями были—и г. Лебедевъ, и г. Гербаневскій, и г. Богдановичъ, и графъ де-Бальменъ. Это доказываетъ, можетъ быть, то, что въ Малороссіи есть изъ кого выбирать, что тамъ контингентъ образованныхъ людей болѣе значителенъ, чѣмъ гдѣнибудь въ Красноуфимскѣ, гдѣ на все земство отыскивается одинъ образованный и наиболѣе дѣльный человѣкъ, и этотъ одинъ—*крестьянинъ* Скачковъ. Но, при всемъ томъ, дѣятельность земства — безцвѣтна. Нѣкоторые изъ секретарей пирятинскаго земства, уважая права̀ личности и требованія гласности, вносятъ

въ журналы подлинныя рѣчи гласныхъ, ихъ мнѣнія, ихъ разногласія, и г. Лизогубъ требуетъ «не вносить въ текстъ журналовъ подробно всѣхъ выраженій, которыя происходятъ въ засѣданіи, а ограничиваться лишь только запискою того, что̀ служитъ поводомъ извѣстнаго постановленія и самое постановленіе». Въ пирятинскомъ уѣздномъ училищѣ имѣлись земскіе стипендіаты, и вдругъ, по предложенію г. Лизогуба, пріемъ земскихъ стипендіатовъ въ училище прекращается и пособіе имъ не выдается (Журн. X-го очеред. пирят. уѣзд. зем. собр. Полтава, 1874 г., стр. 3, 5, 6, 27—37, 43, 125, 126).

Подвигаясь нѣсколько восточнѣе по «лѣвобережной» Малороссіи, мы наталкиваемся на городъ Зѣньковъ, тоже Полтавской Губерніи. Населеніе и здѣсь—чисто украинское. Дѣятели земства—украинцы. Вступая въ земское собраніе и прислушиваясь къ фамиліямъ гласныхъ, вы чувствуете, будто попали на островъ Хортицу, въ Запорожье, въ одинъ изъ куреней, а передъ вами все сѣчевики, хотя они уже и не смотрятъ тѣми закопченными порохомъ запорожцами. Батьку-атамана изображаетъ Г. С. Лейбинъ, мѣстный предводитель дворянства. «Товариство», это—казаки: Тимченко, Яресько, Войтенко, Хлонь, Дубяга, Евсѣенко, Щека, Мигодій, Тетерятникъ, Передерій, Куликъ, Рябко, Духъ. Тутъ есть и Желѣзнякъ, можетъ быть, потомокъ того Максима Желѣзняка, о которомъ осталась такая кровавая память въ «правобережной» Украинѣ. Какъ г. Лейбинъ, фамилія котораго напоминаетъ что̀-то далеко некровное для Малороссіи, сталъ предводителемъ дворянства въ этомъ украинскомъ уголкѣ—мы положительно объяснить не можемъ, потому что не знаемъ его генеалогическаго дерева.

Что̀ же дѣлаютъ эти новые сѣчевики? А дѣлаютъ они то же, что̀ дѣлаютъ всѣ земскіе люди во всѣхъ концахъ обширной русской земли. Сперва принимаютъ присягу. Потомъ г. Лейбинъ объявляетъ имъ, что тотъ, кто находится подъ судомъ или лишенъ права по закону присутствовать въ собраніи, тотъ долженъ самъ заявить объ этомъ «товариству». Но казаки всѣ оказались «лицарями», чистыми отъ пятна и укора. Избираютъ затѣмъ секретаря—это такого изъ себя граматнаго казака, который былъ бы для «товариства» тѣмъ, чѣмъ былъ когда-то для Украины писарь виговскій, Мазепа, когда еще былъ помоложе—однимъ словомъ, ловкаго и умѣющаго бойко читать московскую или лядскую бумагу и всякую такую писаную штуку. Товариство обратилось прямо къ казаку Щекѣ. Г. Щека, какъ значится въ спискѣ гласныхъ—не дворянинъ, не панъ, а простой казакъ, и, безъ сомнѣнія, казакъ образованный, получив-

шій, вѣроятно, университетское образованіе. Но г. Щека отвѣчаетъ собранію, что онъ, «имѣя честь присутствовать въ собраніи еще первый разъ, а потому не бывъ знакомъ съ ходомъ земскаго дѣла, при всей своей готовности, принять предложенія не можетъ». Вотъ какъ теперь уже казаки говорятъ передъ своимъ «товариствомъ», точно паны-ляхи передъ своимъ «крулемъ уродзонымъ». Тогда собраніе обращается къ гласному Ф. И. Войтенку, и онъ единогласно избирается секретаремъ.

Здѣсь, въ зѣньковскомъ земствѣ, мы не видимъ уже тѣхъ «жартъ», съ которыми пирятинская ревизіонная комиссія относилась къ своему земскому исполнительному персоналу. Здѣсь, напротивъ, комиссія нашла въ дѣлахъ управы полный порядокъ, и смѣяться было не надъ чѣмъ. Но только оказалось, что запорожцы остались до нѣкоторой степени вѣрны сами себѣ. Прежде, бывало, запорожцы все свое добро носили съ собой: «ратище», «рушницю» и «чересъ», въ которомъ зашиты были червонцы. Земля была божья, значитъ—казацкая, потому что казаки—божьи дѣти. А теперь земля подѣлена людьми и, въ томъ числѣ, казаками. Землю, «грунтъ», не зашьешь въ «чересъ», какъ червонцы, или не привяжешь на крестъ, какъ, бывало, казаки привязывали къ себѣ на крестъ щепоть родной землицы, чтобъ, если придется пасть на чужой сторонѣ—въ Крыму, въ Турціи, въ лядской землѣ—то, все-таки, хоть на груди будетъ родная землица, когда казакъ будетъ лежать въ чужой сырой землѣ. Такъ теперь казаки ухитрились прятать и самую землю, «грунтъ», поля и нивы, и вотъ ревизіонная комиссія предлагаетъ собранію «употребить мѣры къ *открытію земель, скрытыхъ владѣльцами*, для обложенія налогами, а также и заводовъ, *ускользнувшихъ* отъ налога».

На вспомоществованіе народному образованію зѣньковское земство назначаетъ болѣе 5-ти тысячъ рублей: это—около 10% всего земскаго бюджета; значитъ, болѣе, чѣмъ пирятинцы, которые дали на школы не болѣе 7%. Зѣньковскіе казаки открываютъ на *свои* средства женскую прогимназію, въ которой теперь и учатся чернобровыя украиночки, которыя, впрочемъ, всегда были образованнѣе московокъ, особенно стараго пошиба. Зѣньковцы хлопочутъ объ открытіи образцовыхъ училищъ, и, хотя гласный Петровъ, вѣроятно, изъ москалей, какъ можно судить по фамиліи, предложилъ-было казакамъ «открыть образцовыя училища *насчетъ закрытія нѣкоторыхъ сельскихъ школъ*, имѣющихъ малое значеніе для народнаго образованія», однако, казакъ П. П. Соколовичъ («нехай ему легенько згадается») отрѣзалъ на это москалю, что, «закрывая школы, значило бы отнять средства у

простого народа выучиться граматѣ», что народъ «и при существованіи въ ближайшихъ мѣстностяхъ школъ, не охотно учитъ дѣтей, а при отдаленности училищъ—и подавно, такъ какъ жители преимущественно стѣсняются въ наймѣ квартиръ». За казака Соколовича сталъ казакъ Тимченко, говоря, что «товариству» бояться затратъ на училища нѣчего и т. д., и т. д. И хитрый москаль долженъ былъ замолчать. Затѣмъ говорили казаки: Тетеряпникъ, Щека, Хлонь, Мигодій, и все—за народныя школы, такъ что москалю и пикнуть не дали. Далѣе, казаки положили стипендію студенту кіевскаго университета Куликову, а если другому студенту, г. Уралову, и отказали, то очень деликатно и имѣя на это свои причины. Добрые казаки говорили, что «какъ ни желательно было бы оказывать пособіе молодымъ людямъ, находящимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для окончанія курса наукъ, но земство Зѣньковскаго Уѣзда, при огромныхъ расходахъ, съ каждымъ годомъ увеличивающихся, не можетъ назначать пособія безвозвратно; назначить же стипендію на условіяхъ, предложенныхъ г. Ураловымъ, равносильно заимообразу, ничѣмъ, впрочемъ, со стороны г. Уралова негарантированному и, можетъ быть, впослѣдствіи, для него очень стѣснительному, такъ какъ онъ долженъ будетъ нести обязательную службу земству въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ».

Наконецъ, казаки очень хорошо умѣютъ учить, какъ и прежде учили всѣхъ, незаконно посягающихъ на ихъ права и вольности. Такъ, они проучили своего судебнаго слѣдователя, коллежскаго совѣтника Филонова, и родственника его, коллежскаго секретаря Волжина. Г. Филоновъ, 12-го марта 1874 года, прислалъ въ зѣньковскую земскую управу эстафету, въ которой изъяснялъ, что, получивъ увѣдомленіе отъ своихъ родныхъ изъ хутора Филонова о болѣзни своего малолѣтняго племянника, онъ послалъ просить земскаго врача, живущаго отъ этого хутора верстахъ въ десяти, отправиться въ домъ къ г-жѣ Волжиной и подать помощь ребёнку, но что «вышедшая въ квартирѣ доктора къ его посланному какая-то старая дама сказала, что докторъ спитъ, что будить его нельзя, да что иначе, какъ не пришлютъ за нимъ лошадей, онъ и не поѣдетъ». Поэтому, г. Филоновъ просилъ земскую управу эстафетою—«*распорядиться разбудить земскаго врача* и предложить ему исполнить свой долгъ—отправиться для поданія помощи больному» и тутъ же, въ эстафетѣ, выражалъ свои догадки, что, вѣроятно, не одинъ онъ получилъ подобный отвѣтъ отъ доктора, и «потому многіе плачутся на то, что въ зѣньковскомъ земствѣ докторъ—70-лѣтній старикъ, отъ коего другого отвѣта и ожидать трудно». Понятно,

что казаки, то-есть, управа, точасъ же «съ нарочнымъ» послали «будить» своего врача, г. Олтаржевскаго, и требовать отъ него объясненія. Г. Олтаржевскій отвѣчалъ, что, 12-го марта, возвратившись изъ своей поѣздки въ Глинскъ, «измученный и промокшій, онъ хотѣлъ согрѣться и отдохнуть»; что, въ это время, дѣйствительно, отъ г. Филонова приходилъ какой-то чиновникъ, требуя врача «къ больной матери его»; что посланнаго встрѣтила г-жа Скальская, теща доктора, и сказала ему, что измученнаго и промокшаго зятя своего она будить не рѣшается, и прибавила: «спустя часа полтора или два пришлите лошадей, и мой зять поѣдетъ, ибо онъ никому не отказуетъ». Но лошадей г. Филоновъ не прислалъ, а посланный его не сказалъ даже, куда врачу ѣхать. Врачъ ждетъ весь день — лошадей нѣтъ. Его ждутъ другіе больные. «На основаніи, наконецъ, истины, что не врачъ больного, а больные ищутъ врача» (говоритъ г. Олтаржевскій), онъ, предполагая, что у Филонова и Волжина миновалась надобность въ докторѣ, уѣхалъ къ другимъ своимъ паціентамъ уже на другой день. Какъ бы то ни было, казаки командируютъ предсѣдателя управы на мѣсто происшествія разслѣдовать дѣло, тѣмъ болѣе, что г. Филоновъ грозитъ уже 872 ст. улож. о наказаніяхъ. Оказывается, что г. Филоновъ погорячился. И вотъ что отвѣчали казаки г. Филонову на его эстафету, въ которой онъ просилъ управу «разбудить» своего врача: «Въ вашемъ заявленіи есть такія выраженія, на которыя, еслибы они были написаны человѣкомъ простымъ, необразованнымъ, управа не обратила бы вниманія, приписавъ ихъ неблаговоспитанности и незнанію сношеній съ коллегіальными мѣстами, учрежденными правительствомъ; но какъ заявленіе написано вами, человѣкомъ образованнымъ, давно служащимъ и, въ настоящее время занимающимъ должность судебнаго слѣдователя, то управа не можетъ не обратить на нихъ вниманія и, считая нѣкоторыя выраженія болѣе, чѣмъ неумѣстными, на первый разъ проситъ васъ обращаться къ ней тѣмъ порядкомъ, который установленъ закономъ и принятъ въ общежитіи». Вотъ какъ казаки теперь отвѣчаютъ: это—уже не то, что крымскому хану, котораго они оффиціально назвали «нашего Бога дурнемъ» и болѣе крѣпкими словами, какъ это было напечатано въ «Русской Старинѣ».

Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе, выносимое изъ знакомства съ дѣятельностью зѣньковскаго земства, таково, что, хотя дѣятельность эта и не изъ выдающихся, но все же въ ней есть задатки чего-то хорошаго и видимое присутствіе живыхъ силъ и живыхъ людей (Постанов. зѣньков. уѣзд. зем. собр. X созыва 1874 г.,

Полтава, 1874, стр. 2, 3, 8, 11, 27—29, 61, 124—130, 204 и другія).

Мы понимаемъ, что добрые украинцы вполнѣ убѣдятся въ безпристрастіи нашихъ отзывовъ о дѣятельности тѣхъ или другихъ земствъ дорогой намъ Украины, если послѣдуютъ за нами въ неменѣе дорогую для насъ московщину и пороются съ нами въ массахъ земской бумаги, исписанной москалями. По дорогѣ изъ Зѣнькова и Пирятина къ Москвѣ, мы забредемъ вторично въ Калугу, въ которой уже были однажды, но познакомились только съ дѣятельностью калужскаго уѣзднаго земства. Теперь мы заглянемъ въ собранія и губернскаго земства—можетъ быть, тамъ лучше. Первое, что̀ поражаетъ насъ при входѣ въ калужское собраніе, это—малочисленность гласныхъ. Въ обширной залѣ вы насчитываете отъ 20 до 25 дѣятелей на всю губернію, тогда какъ въ какомъ-нибудь Козловѣ, уѣздномъ городѣ, вы находите въ собраніи болѣе 60 человѣкъ. Затѣмъ васъ поражаетъ то обстоятельство, что почти вся иниціатива въ земской работѣ исходитъ не изъ самого земства, а откуда-то извнѣ: то отъ губернатора, то отъ городского головы, то отъ попечителя московскаго учебнаго округа. Точно у самого земства глазъ нѣтъ — на все ему указываютъ другіе: то губернаторъ «требуетъ оказать вспомоществованіе нуждающейся части населенія Мосальскаго Уѣзда»; то онъ предлагаетъ земству пригласить въ губернію ветеринаровъ, такъ какъ чума ежегодно пожираетъ и земскія стада, и земскія рабочія силы; то губернаторъ указываетъ на необходимость исправленія дома умалишенныхъ, гдѣ нѣтъ даже колодца для ваннъ, нѣтъ вентиляціи, гдѣ посѣтители дома проходятъ черезъ общій залъ умалишенныхъ и т. д.; то губернаторъ напоминаетъ, что «на недавно передѣланномъ мосту на р. Суходровѣ, подъ д. Тауровою, мостовое полотно сильно дрожитъ при проѣздѣ по немъ, а перила сдѣланы не изъ доброкачественнаго матеріала и такъ плохо устроены, что, при незначительномъ усиліи, могутъ быть сброшены съ моста»; что «прижимные брусья ничѣмъ не укрѣплены, боковыя части при съѣздахъ ничѣмъ не защищены» и т. д., и т. д.; то городской голова предлагаетъ земству устроить въ Калугѣ губернское реальное училище и находитъ жертвователей на 25 тысячъ рублей; то земству извнѣ предлагаютъ открыть въ Калугѣ учительскую семинарію; то крестьяне съ своими, чисто-земскими нуждами, помимо земства, обращаются къ губернатору, и губернаторъ принимаетъ на себя роль ходатая передъ земствомъ за крестьянъ; то земству указываютъ, что березуйскій мостъ опасенъ для проѣзда. Протесты губернатора по распоряженіямъ земства, невсегда обдуманнымъ,

невсегда основаннымъ на обстоятельномъ изученіи каждаго предмета и всего земскаго дѣла, идутъ въ земство десятками — и земство, видя правду на сторонѣ губернатора, по необходимости, покоряется. Значитъ, и москали ошибаются или мало дѣлаютъ того, что̀ слѣдуетъ: бываетъ и на Москву-старуху проруха.

А между тѣмъ, въ общемъ, оглядывая разомъ всю коллективную работу всего русскаго земства, обѣихъ ея половинъ, и Великой, и Малой — этихъ двухъ сестеръ отъ одной матери, оглядывая работу и центровъ, и окраинъ, старыхъ частей великаго тѣла и молодыхъ его наростовъ, метрополій и колоній неизносимаго лаптя, оглядывая сразу эту работу, то дружную и бойкую, то подъ часъ вялую и неохотную, видишь, все-таки, что работа эта идетъ, что доброе дѣло зрѣетъ и спѣетъ помаленьку, и старое сердце стараго обозрѣвателя этой работы радуется, что умирать ему будетъ легче, глядя отъ могильнаго уже рубежа своего на это спѣющее дѣло.

А оно даже и въ Пирятинѣ спѣетъ, и въ Чухломѣ спѣетъ, въ Калугѣ спѣетъ. Калужане заводятъ рѣчь о реальномъ училищѣ. Жертвуютъ деньги. Городской голова зоветъ и земство въ складчину. И земство думаетъ объ этомъ. Гласный Кашкинъ, выражая сочувствіе самой идеѣ реальнаго образованія, все-таки, совѣтуетъ земству разрѣшеніемъ вопроса о долѣ участія въ затратахъ на училище — «пріостановиться», пока не скажетъ послѣдняго слова городъ. Гласный Шумовскій возражаетъ на это, что «пріостанавливаться» тутъ нельзя, что Калужская Губернія «годъ отъ году утрачиваетъ значеніе губерніи хлѣбородной», что «для поддержки благосостоянія края остается лишь желать развитія промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній, для успѣха которыхъ необходима извѣстная степень образованія», что, поэтому, разрѣшеніе вопроса объ училищѣ «откладывать нельзя, тѣмъ болѣе потому, что съ потерею времени можетъ утратиться и фондъ, имѣющійся въ распоряженіи правительства для пособія на устройство реальныхъ учнлищъ». Но г. Шумовскій, все-таки, остается въ собраніи въ меньшинствѣ. Далѣе, когда зашла рѣчь объ устройствѣ учительской семинаріи, то съ рѣчью опять выступаетъ г. Кашкинъ. Онъ говоритъ, что земство затрачиваетъ значительный капиталъ на народное образованіе, но затраты эти—«непроизводительны», потому что нѣтъ учителей, а которые и есть, то и тѣ «ловятъ минуту», чтобъ бѣжать изъ земства и т. д. — давно уже извѣстная намъ пѣсня. Поэтому, г. Кашкинъ предлагаетъ не устраивать семинаріи на свои деньги, а воспользоваться предложеніемъ правительства. «Было бы жаль (говоритъ

онъ) предоставить въ этомъ дѣлѣ преимущество тульскому земству, уже рѣшившемуся затратить на этотъ предметъ болѣе 21 тысячи рублей». Начинается споръ. Г. Загаринъ говоритъ, что туляки богаче калужанъ—за ними-де, не утягаешься. Г. Кондыревъ возражаетъ, что этимъ дѣломъ медлить нельзя, что, пока будетъ тянуться вопросъ о семинаріи, пройдетъ лѣтъ шесть, а калужане, все-таки, будутъ безъ учителей, что, поэтому, нужно хоть стипендіатовъ-то своихъ посылать въ чужія семинаріи, и т. д. Г. Шумовскій заявляетъ, что мировые судьи слишкомъ дорого обходятся земству, что, поэтому, надо установить въ пользу земства пошлину со всякихъ прошеній, претензій, исковъ, жалобъ, т. е. дорогой судъ сдѣлать для населенія еще болѣе дорогимъ и уже окончательно недоступнымъ для бѣдняковъ. Обращаются къ калужскому земству за пособіемъ дѣвица Софья Обрицкая и студентъ Петерманъ, и земство «отклоняетъ» ихъ просьбы. Калужское земство хотѣло также, въ 1873 году, въ извѣстный «самарскій голодный годъ», *отклонить* и предложеніе своего предсѣдателя, г. фон-Розенберга—принести голодающимъ «и свою лепту», какъ онъ выразился; но это оказалось невозможнымъ, потому что было бы ужь изъ рукъ вонъ стыдно. Когда гласный Полтарацкій заявилъ, «имѣютъ ли право губернскіе гласные, какъ повѣренные отъ земства, безъ уполномочія довѣрителей, оказывать жертвы внѣ предѣловъ Калужской Губерніи», то г. Тетеревенко возразилъ на это, что «земства всѣхъ губерній Россіи составляютъ какъ бы общую семью, и, облегчая бѣдствія Самарскаго Края, калужское земство имѣетъ право ожидать, что и въ его тяжелыхъ обстоятельствахъ ему окажутъ повсемѣстное пособіе». Г. Загаринъ добавилъ, что самарцамъ «угрожаетъ голодная смерть—такое поражающее несчастіе, что надо спѣшить протянуть руку помощи» и т. д., и т. д.

Что калужское земство—тоже не изъ выдающихся, а, если и можетъ быть названо выдающимся, то отрицательно, достаточно видѣть изъ того, что гласные его, которыхъ явилось въ собраніе не болѣе 25 человѣкъ, не могли высидѣть болѣе пяти засѣданій въ послѣднюю сессію, и, когда открылось шестое засѣданіе, то зала была почти пустая, и это—не первый случай. Тогда предсѣдатель, для котораго подобное явленіе было не новость, заявляетъ, что, «за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ, занятія собранія не могутъ продолжаться», и посылаетъ доложить объ этомъ губернатору. Г. Шевичъ является и объявляетъ собраніе закрытымъ. А въ Саратовѣ, сколько намъ извѣстно, въ дни открытія земскихъ сессій, губернаторъ часто, бывало, надѣваетъ мундиръ и ожидаетъ приглашенія его на

открытіе собранія: прождетъ часъ, два, три — и снимаетъ мундиръ. Это значитъ, что не собрали узаконеннаго числа гласныхъ, которые, вмѣсто собранія, предпочитали сидѣть въ трактирѣ Барыкина и слушать пѣніе цыганокъ. А между тѣмъ, въ рязанскомъ земствѣ, въ теченіе всего десятилѣтняго существованія земства, гласные всего только одинъ разъ, не успѣвъ или не хотѣвъ рѣшить податного вопроса, разъѣхались раньше окончанія двадцатидневнаго срока сессіи, и князь Волконскій оглашаетъ это событіе, какъ нѣчто необыкновенное и въ высшей степени «грустное». Нѣтъ, настоящаго то грустнаго кн. Волконскій, какъ видно, не видалъ.

Думаемъ, что на калужскомъ земствѣ намъ долѣе останавливаться нѣчего (Журналы IX очеред. калуж. губ. зем. собр. съ 10-го по 15-е декабря 1873 года. Калуга, 1874, стр. 3, 18, 19, 21, 29, 34, 36—37, 41. Приложенія къ журналамъ. Калуга, *въ земской типографіи*, 1874; страницы не обозначены въ изданіи).

XXIII.

Любуясь тихою земскою работою по всей русской землѣ, а подчасъ и мыкая земское горе «по степному кавылу», мы исколесили почти уже всю Русь. Почти всю... Но она далеко еще не вся. Цѣлыя бывшія царства остались еще нами не осмотрѣнными — царство Казанское, царство Астраханское, и прочая, и прочая, и прочая. Но въ одни царства намъ не удалось еще попасть, для другихъ еще не настала земская жизнь и они стоятъ на череду преобразованій. Царство Казанское уже попало въ чередъ. Царство это живетъ земскою жизнію уже десятый годъ. Но почему-то намъ не удалось попасть въ самую столицу царства — въ Казань, въ которую когда-то и Грозному удалось попасть съ немалымъ трудомъ и немалымъ пролитіемъ русской крови. Мы не находимъ въ земской литературѣ слѣдовъ земской работы столицы Казанскаго Царства: видно, она скупо разсылаетъ по русской землѣ отчеты о своей дѣятельности, потому что отчетовъ этихъ мы нигдѣ не можемъ найти. Намъ попадаются преимущественно отчеты свіяжскаго и чебоксарскаго земствъ, съ которыми мы и познакомимся.

Свіяжскій Уѣздъ, кромѣ русскихъ, населенъ также и потомками бывшихъ подданныхъ царства казанскаго — татарами. Хотя процентъ ихъ въ населеніи и весьма значителенъ, однако, въ земскомъ дѣлѣ татарскій элементъ положительно незамѣтенъ. Всѣ земскіе дѣятели — почти исключительно русскіе: предсѣда-

тель земства—г. Козаковъ; гласные землевладѣльцы—Геркенъ, Ильинъ, Левашовъ, Обуховъ, Пахомовъ; священники—Матвѣевскій, Рутовъ; крестьяне — Балдинъ, Берниковъ, Ланскихъ, Щукинъ, Кириловъ. Наиболѣе живою личностью изъ всѣхъ свіяжскихъ земцовъ представлается намъ г. Пахомовъ, онъ же и секретарь собранія. Но, вообще, дѣятельность свіяжскаго земства обнаруживаетъ мало жизни: въ ней есть что̀-то канцелярское, какъ бы только пассивное исполненіе того, что̀ на него кѣмъ-то возложено, словно бы это было невольное отправленіе земской натуральной повинности. Но зато въ дѣятельности свіяжцевъ нѣтъ и тѣхъ безобразій, которыя подчасъ замѣчаются въ другихъ земствахъ подъ какимъ-либо болѣе или менѣе благовиднымъ плащомъ, а иногда и въ голомъ видѣ.

Если и можно на что̀-либо обратить вниманіе въ дѣятельности свіяжскаго земства, такъ это развѣ на попытки его къ возможному уравненію дорожной повинности—это той именно египетской работы русскаго сѣраго люда, которую мы не можемъ ни съ чѣмъ другимъ сравнить, какъ съ баснословнымъ рытьемъ Меридова Озера. Въ Свіяжскомъ Уѣздѣ считается болѣе 1,126 верстъ протяженія почтовыхъ дорогъ. Дороги эти, по трудности ихъ исправленія сообразно качеству грунта и инымъ условіямъ, дѣлятся на три разряда: на исправленіе одной версты перваго разряда требуется въ годъ 100 рабочихъ дней; на исправленіе версты второго разряда — 200 рабочихъ дней; на исправленіе версты третьяго разряда—400 дней. Такимъ образомъ, наличные работники Свіяжскаго Уѣзда каждый годъ употребляютъ на эту египетскую работу по 26,550 рабочихъ дней, въ десять лѣтъ—болѣе четверти мильйона рабочихъ дней. И при всемъ томъ, пути наши — наше больное мѣсто; да еще тѣмъ особенно тяжко это больное мѣсто, что рытье Меридова Озера лежитъ почти вездѣ все еще на шеѣ одного сословія. Теперь свіяжцы думаютъ отнести эту повинность на деньги, т. е. на предметы обложенія, чтобы въ рытьѣ баснословнаго озера участвовали, по возможности, всѣ сословія. Точно также, они, свіяжцы, хлопочутъ, хотя въ весьма скромныхъ размѣрахъ, о снабженіи всѣхъ своихъ волостей «волостными повитухами», изъ которыхъ нѣкоторыя получили образованіе при клиникѣ казанскаго университета; но, въ послѣднее время, профессоръ Козловъ почему-то «отказался продолжать обученіе» земскихъ повитухъ повивальному искуству, и онѣ должны учиться акушерству на мѣстѣ. Г. Пахомовъ и въ этомъ дѣлѣ принимаетъ, повидимому горячее участіе. Но что̀ печально въ свіяжскомъ земствѣ, такъ это—дѣло народнаго образованія. Несмотря на пожертвованія г. Гремѣева

въ пользу мѣстныхъ школъ, свіяжцы продолжаютъ выдавать учителямъ самыя ничтожныя преміи «за выучку» — *по 3 р. въ годъ за ученика!* Странная система школьнаго гонорара. При этомъ, конечно, и говорить нѣчего о томъ, что, если какой-либо бѣдный студентъ, хотя бы, напримѣръ, г. Баршевскій, попроситъ у свіяжцевъ стипендію, то непремѣнно встрѣтитъ «отклоненіе» ходатайства.

Но, все-таки, свіяжцы бьются надъ многими вопросами, бьются и плачутся, а экономической силёнки не хватаетъ: населеніе бѣдно до нищенства и темно непроходимо. Задумали свіяжцы помочь мужичку улучшеніемъ породы рабочей лошади; выпросили у главноуправляющаго государственнымъ коннозаводствомъ двухъ жеребцовъ — «Либерала» и «Каракипчака». И оказалось, что глупые мужики обѣгаютъ «Либерала», потому что онъ — «чалой масти»: хотимъ-де вороныхъ и сѣрыхъ жеребцовъ. Но земство надѣется, что «въ недалекомъ будущемъ крестьяне оставятъ такую прихотливую разборчивость, когда увидятъ, что полученный отъ чалыхъ жеребцовъ чалый приплодъ далеко превосходитъ въ работѣ ихъ вороныхъ и сѣрыхъ лошадокъ». Бьются свіяжцы и съ улучшеніемъ хлѣбопашества посѣвомъ особенно культурныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ—и все пока напрасно. Бьются и съ другими своими мелкими, но добрыми задачками, бьются и когда-нибудь да добьются же чего-нибудь, по пословицѣ: «бей галку и ворону, добьешься и до яснаго сокола». (Постанов. свіяж. уѣзд. зем. собр., Казань, 1874 г., стр. 18, 19, 25, 53, 55, 68, 147 и др.).

Дѣятельность другой земской области бывшаго казанскаго царства — чебоксарской — представляетъ болѣе интересныхъ явленій, но, въ то же время, и много страннаго, характеризующаго невообразимую дѣтскость россіянъ въ пониманіи требованій общественно-гражданской жизни и общественно-гражданской работы въ пользу своего края. Въ одномъ мѣстѣ, одинъ и тотъ же россіянинъ, такъ вотъ и кажется, обогналъ уже самаго передоваго американца, въ другомъ — онъ пятится назадъ упрямѣе самаго отсталаго бушмена и открыто признаётъ законность бушменскихъ принциповъ. И «царь», и «рабъ», и «богъ» и «червь», бушменъ и янки—все это укладывается въ даровитой и сумасбродной русой головѣ.

Въ чебоксарскомъ земствѣ, на десятой годъ мирнаго существованія его, совершается вдругъ такое стеченіе обстоятельствъ, что *земство само собой могло исчезнуть съ лица русской земли.*

Дѣло было такимъ образомъ. Въ августѣ прошлаго года, предсѣдатель чебоксарской управы, г. Кожевниковъ, заявляетъ

своей управѣ, что, переѣзжая на жительство въ Казань, со всѣмъ семействомъ, онъ необходимо долженъ отправиться туда никакъ не позже 20-го сентября, а что, послѣ этого времени, переѣздъ цѣлымъ домомъ будетъ затруднителенъ и даже просто невозможенъ, и потому проситъ управу, уволивъ его отъ должности предсѣдателя, принять отъ него должность и кассу. Членъ управы, г. Савельевъ, заявляетъ на это г. Кожевникову, что этого сдѣлать нельзя, что до земскаго собранія онъ долженъ остаться на своемъ мѣстѣ. Г. Кожевниковъ остается. Но вдругъ, 18-го сентября, г. Савельевъ, который «находилъ неловкимъ оставлять должность» до собранія и которому не предстояло никакой надобности отправляться куда-либо со всѣмъ своимъ домомъ, самъ исчезаетъ изъ управы—сообщаетъ ей къ «свѣдѣнію», чтобъ она «считала его выбывшимъ». Бѣгство свое изъ управы онъ объяснялъ тѣмъ, что онъ — городской голова и ему нельзя соединять обязанности головы съ обязанностями члена управы, тогда какъ, два года сряду, онъ находилъ это соединеніе возможнымъ—и соединялъ. И вотъ, злополучная управа остается, какъ она сама выражается, «двухчленною»; а какъ г. Савельевъ «бѣгу ялся» передъ самымъ собраніемъ, то «двухчленная» управа должна была, по необходимости, «вдвоемъ исполнять всю подготовительную работу» («а ея не мало» — прибавляетъ она въ скобкахъ, жалуясь объ этомъ собранію) — разсчеты, доклады, сметы, раскладки и т. д. Ясно, что, еслибъ и остальные члены «бросили должностныя обязанности», то, какъ справедливо высказываетъ свои опасенія чебоксарское земство, могло «все закрыться и весь ходъ земскаго управленія остановиться». Дѣйствительно, чебоксарское земство прекратило бы свое существованіе, а изъ пепла его, какъ фениксъ, вновь возродился бы исправникъ; земскія же учрежденія для чебоксарцевъ признаны были бы равновременными. И вотъ, изъ опасенія, чтобы, по смерти чебоксарскаго земства, не возродился старый исправникъ съ эпитетомъ «земскаго», чебоксарцы, въ сессію 1874 г., къ тремъ членамъ управы выбрали еще *«трехъ запасныхъ»*. А если и запасные бѣгутъ? Но такимъ вопросомъ задаваться — преждевременно.

Видно, однако, что въ чебоксарскомъ земствѣ людей нѣтъ: «человѣка не имамъ, человѣка не имамъ» можетъ оно сказать вмѣстѣ съ евангельскимъ разслабленнымъ. Собраніе избираетъ предсѣдателя управы. За неимѣніемъ «человѣка», оно обращается къ г. Кожевникову, который собрался переѣзжать въ Казань. Г. Кожевниковъ положительно отказывается. Тогда изъ Петербурга получается телеграмма отъ какого-то г. Ширка-

лина, который предлагаетъ себя въ предсѣдатели. Его и избираютъ. Но гдѣ взять членовъ, когда всѣхъ гласныхъ — только 12 человѣкъ? Начинаютъ, однако, сами себя баллотировать. Семь человѣкъ гласныхъ отъ баллотировки отказываются. Остается пять человѣкъ. Баллотируютъ этихъ—*всѣ* оказались «неудостоенными» избранія. Въ отчаяніи, гласные «вторично» начинаютъ сами себя баллотировать. На этотъ разъ выборы были счастливѣе: удостоены—казенный ревизоръ Успенскій и волостной писарь Петровъ. Еще болѣе трагическая исторія повторяется съ выборомъ мировыхъ судей и повторяется *три раза*. «Такъ какъ лицъ (говоритъ управа въ своемъ докладѣ), удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ закона, у насъ въ уѣздѣ *нѣтъ* (опять-таки—«человѣка не имамъ»), то, по закону, необходимо *единогласное* уже избраніе другихъ лицъ, желающихъ баллотироваться. Такихъ желающихъ является шестеро. Начинается баллотировка. Четырехъ забаллотировываютъ, а единогласно выбираютъ только двухъ судебныхъ слѣдователей, г. Магнитскаго (историческая фамилія) и г. Шестакова. Но этихъ избранныхъ сенатъ *не утверждаетъ*, ибо они избраны только одиннадцатью гласными, такъ какъ больше одиннадцати таковыхъ Чебоксарскій Уѣздъ не имѣлъ (опять «человѣка не имамъ»). И вотъ, жалуется управа, «несмотря на всѣ *хлопоты*, составъ мировыхъ судей въ уѣздѣ, *все-жъ-таки*, не пополнился». Тогда г. Кожевниковъ, «преслѣдуя до конца достиженіе этой цѣли», т. е. избранія мировыхъ судей, самъ отправляется въ Казань и лично проситъ губернское собраніе — избрать судей для Чебоксарскаго Уѣзда, и опять-таки единогласно, по закону. Собраніе ему обѣщаетъ. Начинаютъ баллотировать и, несмотря на обѣщаніе, всѣхъ шестерыхъ кандидатовъ опять забаллотировываютъ! И вотъ, бѣдная управа, жалуясь собранію на сиротство своего уѣзда и объясняя, что единственный судья уѣзда, г. Леонтьевъ, «въ съѣздѣ никогда не бываетъ», такъ слезно причитаетъ: «вслѣдствіе всего этого и не желая, во вредъ дѣлу, пріостановиться на полдорогѣ, управа, для успѣшнаго достиженія цѣли выборовъ, вновь ходатайствуетъ объ этомъ передъ собраніемъ и спѣшитъ при этомъ воспользоваться законнымъ для выбора судей составомъ гласныхъ, *что для насъ—большая рѣдкость*, такъ какъ число гласныхъ составляется всего лишь только изъ 12 человѣкъ». И вотъ собраніе сжалилось надъ слезами управы—баллотируетъ: но тутъ же забаллотировываетъ г. Ширкалина; къ счастью, сердце собранія окончательно смягчилось, и оно избрало двухъ судей—купцовъ Короткова и Швеина.

Но видно, что бѣднымъ чебоксарцамъ, вообще — не задача.

Еще въ 1872 году они, въ своемъ собраніи, постановили «имѣть книжный складъ при управѣ». Ассигновали на покупку книгъ и сумму въ 300 р. Но, такъ какъ иниціатива въ этомъ дѣлѣ шла отъ правленія чебоксарской публичной библіотеки, то г. Кожевниковъ, съ которымъ намъ приходится такъ часто встрѣчаться и котораго личная земская дѣятельность, кажется, превышаетъ коллективную дѣятельность всѣхъ чебоксарянъ, неоднократно, въ теченіе двухъ лѣтъ, просилъ публичную библіотеку, и особенно предсѣдателя ея правленія, «указать, какія именно книги, по его мнѣнію, какъ мнѣнію спеціалиста, могутъ и должны быть съ пользою выписаны»; просила объ этомъ и управа, но библіотека пребывала нѣма. Тогда собраніе, узнавъ объ этомъ оскорбленіи своего исполнительнаго органа, лаконически постановило: «книжный складъ не учреждать, за неимѣніемъ въ немъ надобности». Такъ разрушаются многія прекрасныя начинанія земствъ.

Земства бывшаго казанскаго царства, между прочимъ, коснулись одного очень-очень стараго вопроса, унаслѣдованнаго русскою землею еще отъ временъ Рюрика, Олега, Игоря и отъ первыхъ христіанскихъ правителей русскаго народа. Вопросъ этотъ—переложеніе *руги* на деньги. Не всѣмъ, вѣроятно, извѣстно даже, что̀ такое руга. «Руга», это—первобытный, младенческій способъ собиранія дани съ народа тѣми лицами, которыя имѣютъ право на народную дань. Въ самой древней Руси, когда еще не существовало даже писаныхъ законовъ, правители руской земли, князья кіевскіе, черниговскіе, сѣверскіе и другіе, правили своимъ народомъ такъ, какъ только могутъ править своими подданными главы младенческихъ народовъ, когда ни присутственныхъ мѣстъ, ни чиновниковъ, ни законовъ нѣтъ, а есть полудикія общества, живущія въ лѣсу и поляхъ и во время опасности скрывающіяся въ свои загороженныя, полузвѣринныя логовища. Править такими обществами нѣчего—они сами между собою управляются: кто поймалъ вора—тотъ и убилъ безъ суда; сосѣдъ убилъ у тебя отца—ты убивай отца или мать у сосѣда, ты убивай его самого и т. д. Чтобы собирать съ такихъ молодцовъ, какими были наши предки, подати и оброки, нельзя было посылать къ нимъ окладныхъ листовъ съ становыми — ничего этого не было. Надо было князю самому со своею дружиною объѣзжать свои владѣнія, останавливаться въ иныхъ мѣстахъ на роздыхи, на ловлю звѣрей и пр., а, въ это время, полудикіе подданные и несли князю подати: кто бѣлку, кто куницу, кто веверицу, кто ушатъ меду, кто кусокъ воску—и вотъ всѣ подати. Поѣздка князя за податями называлась «полюдьемъ»—ѣз-

дить «по людямъ«. Когда у насъ введено было христіанство, то служители церкви, какъ и князья, жили отъ народа. А отъ народа можно было жить только тѣмъ, что надо было ходить по полудикимъ логовищамъ и собирать съ него хлѣбъ, медъ, воскъ на свѣчи, ленъ на рубахи и на церковныя ризы. Это собиранье духовенствомъ дани съ народа, съ паствы, и называлось «ругою». Такъ какъ церковь, по принципу, должна быть консервативна, то цѣлое тысячелѣтіе, прошедшее надъ русскою землею, неисчислимыя реформы, отъ 862 года, отъ Рюрика, до 1875 года избородившія почву русской жизни вдоль и поперекъ, тысячи перемѣнъ въ судьбахъ русскаго народа, войны, моры, счастье и горе государственное въ горькія эпохи нашей жизни—однимъ словомъ, ни время, ни люди не тронули «руги». И по настоящее время, сельское духовенство наше, подобно Игорю или Олегу съ дружиною, каждый годъ, преимущественно въ осеннее время, послѣ окончанія полевыхъ работъ, отправляется на «полюдье», за «ругою»: священникъ изображаетъ изъ себя древняго князя; его дружина—дьяконъ, пономарь, звонарь и сторожъ церковный. Этотъ кортежъ объѣзжаетъ всю свою паству—близкія и далекія деревеньки. Какъ Игорю и Олегу несъ русскій народъ бѣлокъ, веверицъ, медъ, воскъ, такъ онъ продолжаетъ сносить эту же дань своимъ духовнымъ пастырямъ: кто несетъ горсточку соли, кто ковшъ крупы, кто льну на рубахи, яицъ, куръ, а кто и овцу за рога ведетъ. Отъ «руги» живетъ сельское наше духовенство, потому что деньгами отъ мужичка много не возьмешь: деньги онъ несетъ въ казначейство, а батюшкѣ-попу—мѣшокъ овсеца или годовалую свинку.

Духовенство давно сознаетъ неудобство и унизительность питанья мірскимъ подаяніемъ, ибо времена апостольскія прошли, когда ученики Христа питались, срывая въ полѣ колосья и перетирая ихъ между пальцами. Духовенство давно желало бы жить жалованьемъ, но не «ругою»... «Что̀ такое руга?» спрашиваетъ дьячка его маленькій сынокъ. — «А вотъ, когда тебѣ ѣсть нѣчего, ты пойдешь просить милостыню, и отъ всѣхъ слышишь *ругань*—вотъ тебѣ и *руга*», отвѣчалъ родитель, плохой знатокъ филологіи и отечественной исторіи.

По иниціативѣ козмодемьянскаго земства, казанское губернское земское собраніе, въ 1874 году, передало на разсмотрѣніе всѣхъ уѣздныхъ земствъ вопросъ о переложеніи руги на деньги, съ раскладкою на земли. Не безъ иронiи докладываетъ чебоксарская управа своему собранію этотъ «податной вопросъ» нашего духовенства—вопросъ, затянувшійся рѣшеніемъ еще отъ Влади-

міра Мономаха. Цѣль духовенства, достиженіе которой оно такъ *непреклонно* преслѣдуетъ, само собой разумѣется, заключается въ улучшеніи своего быта: «безспорно, что, по переложеніи руги на деньги и включеніи таковыхъ въ земскія сметы, духовенству будетъ очень удобно и легко получать ежемѣсячно изъ управы довольно приличный окладъ содержанія и, затѣмъ уже, не входить ни въ какія непосредственныя отношенія по этому предмету къ воспитываемымъ имъ духовно и нравственно своимъ сельскимъ прихожанамъ, такъ что, разсматривая вопросъ съ этой только точки зрѣнія, нельзя не радоваться вмѣстѣ съ духовенствомъ, глядя на возможность осуществленія такой для нихъ прекрасной мысли». Но это сладкое пѣніе—затаенная язвительность хитрыхъ чебоксарцевъ. Они говорятъ далѣе, что, если ругу разложить на земли, то налогъ составитъ 30 коп. за каждую десятину или болѣе 40,000 р.; а изъ этого хитрые чебоксарцы дѣлаютъ прямой выводъ, что уничтоженіе рюриковой руги заставитъ земство «*удвоить земскія сметы*», такъ, какъ въ настоящее время, весь бюджетъ чебоксарскаго земства не превышаетъ 40,000 р. «Такимъ образомъ (поютъ далѣе чебоксарцы въ своемъ докладѣ собранію), содержаніе духовенства земству будетъ стòить тоже, чтò стòитъ ему содержаніе въ настоящее время медицинской, продовольственной, судебной, административной и всѣхъ прочихъ многочисленныхъ частей земскаго управленія, которыя наше земство, рѣшившись поправлять состояніе здѣшняго духовенства, уже тогда, къ великому сожалѣнію, не въ силахъ будетъ поддерживать надлежащимъ и правильнымъ образомъ»... Вотъ чтò значитъ дотрогиваться до нѣкоторыхъ столбовъ, которые врыты въ русскую почву еще во время Рюрика, Синеуса и Трувора и которыми поддерживаются до сихъ поръ главныя части нашего государственнаго зданія.—«Затѣмъ (продолжаютъ консерваторы-чебоксарцы, анализируя петицію новаторовъ-священниковъ и реформаторовъ-дьячковъ)—затѣмъ, вознаградивъ настоящимъ образомъ трудъ нашего сельскаго духовенства и улучшивъ его положеніе, можетъ ли земство съ полной увѣренностью разсчитывать на такое же улучшеніе сельскаго населенія?»—Нѣтъ, отвѣчаютъ на это чебоксарцы-консерваторы. «Вполнѣ признавая великое воспитательное и нравственное значеніе нашего сельскаго духовенства въ средѣ народа (говорятъ они), управа, *все-жъ-таки*, осмѣливается усомниться въ томъ, чтобъ содержаніе духовенства, по переложеніи руги на деньги, ограничилось *бы* исключительно тѣмъ денежнымъ окладомъ, какой будетъ имъ получаться отъ земства, и чтобъ въ нѣкоторыхъ, и даже въ бòльшей части случаевъ, не осталась бы еще и даже

на долгое время таже руга. Вслѣдствіе этого, управа рѣшается думать, что для отстраненія такихъ казусовъ необходимъ будетъ контроль; но спрашивается: возможенъ ли и даже мыслимъ-ли онъ здѣсь? Развѣ земство съ этой цѣлью не учредитъ ли, можетъ быть, какое-нибудь особое управленіе съ приличнымъ содержаніемъ его?.. Итакъ, вотъ какія улучшенія могутъ произойти въ земствѣ съ установленіемъ денежной оплаты труда сельскихъ священниковъ отъ земства». Но консерваторы не останавливаются на этомъ: они говорятъ, что духовенство должно само замѣнить новыми столбами тѣ столбы, которые поставилъ подъ русскую крышу Рюрикъ, а потомъ Владиміръ-Ясное Солнышко, а затѣмъ другой Владиміръ-Мономахъ. «Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ вопросъ о переложеніи руги и признавая вполнѣ, что духовенство, по разрѣшеніи этого вопроса въ благопріятномъ для него смыслѣ, будетъ обезпечено нетолько хорошо, но даже превосходно, если принять еще во вниманіе находящуюся и остающуюся въ ихъ пользованіи и распоряженіи церковную землю (продолжаютъ язвительные чебоксарцы)—управа, тѣмъ не менѣе, считаетъ переложеніе руги на деньги и принятіе содержанія духовенства на земскій счетъ нетолько невозможнымъ, но *просто немыслимымъ*, а потому и не можетъ, къ сожалѣнію, отнестись съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ къ этому вопросу, съ какимъ отнеслось къ нему козьмодемьянское земство». Что-же даютъ чебоксарцы духовенству взамѣнъ руги? А просто добрый совѣтъ—идти къ цѣли «правильнымъ и раціональнымъ путемъ». Какой же это путь? А вотъ какой: «Вращаясь постоянно въ народѣ и имѣя возможность постоянно вліять какъ на умственное, такъ на нравственное и духовное его развитіе, духовенству очень легко будетъ, достигнувъ своими высокими нравственными качествами любви, расположенія и уваженія своихъ прихожанъ, войти непосредственно съ ними въ соглашеніе о замѣнѣ руги деньгами». Чебоксарцы говорятъ съ увѣренностью, что «крестьяне, получивъ довѣріе къ своимъ духовнымъ воспитателямъ, готовы будутъ вознаграждать ихъ совершенно приличнымъ образомъ—вотъ тотъ правильный и вполнѣ согласный съ обстоятельствами сего дѣла путь, коимъ духовенство можетъ легко улучшить свое матеріальное благосостояніе, а, соотвѣтственно сему, улучшить и отношенія свои къ своимъ прихожанамъ, такъ сильно нуждающимся въ нравственной и духовной поддержкѣ со стороны просвѣщеннаго сельскаго духовенства».

Да, совѣты легко давать. Совѣты эти духовенство слышитъ отъ самой исторіи вотъ уже нѣсколько столѣтій. Не чебок-

сарцамъ учить наши духовныя сословія уму и умѣнью обращаться съ народомъ: русское духовенство, вотъ уже около тысячелѣтія, выноситъ на своихъ плечахъ много, очень много; чуть ли не всю русскую землю оно вынесло на своихъ плечахъ, какъ ковчегъ Ноя вынесъ остатки человѣчества изъ допотопной эпохи въ послѣ-потопную; широки эти плечи русскаго духовенства: на этихъ плечахъ своихъ оно выдержало два вѣка татаръ, а потомъ, на этихъ же широкихъ плечахъ донесло ихъ, вмѣстѣ съ Пересвѣтомъ и Ослябью, до Куликова Поля и выбросило за рубежъ русской земли; вынесло оно на этихъ плечахъ и Грознаго, хотя само, въ лицѣ мученика, митрополита московскаго Филиппа, позорно высидѣло на кобылѣ лицомъ къ хвосту; вынесло оно на этихъ плечахъ и смуты 1612 года, отстаивая русскую землю изъ крошечной лавры, подъ командою монаха, у котораго въ рукахъ чотки были сильнѣе пушекъ московскихъ. Духовенство дало русской землѣ не одну геніальную личность, начиная отъ Никона и кончая Сперанскимъ. Духовенство дало, въ послѣдній вѣкъ цѣлый контингентъ лучшихъ въ Россіи дѣятелей, о которыхъ можно сказать, что—«однихъ ужь нѣтъ, а тѣ—далече»... Государственный механизмъ часто чинили руки нашихъ поповичей, и теперь они стоятъ машинистами у этой громадной машины, въ видѣ разныхъ директоровъ департаментовъ, вице-директоровъ и пр. Духовенство наше бросило въ нашъ общій жизненный муравейникъ немало поповичей (а ихъ у него дома осталось еще немало), которые умѣли крѣпко и съ тактомъ держать руль русской печати, русской литературы, русской науки. Духовенство, однимъ словомъ, умѣетъ думать, и не чебоксарцамъ учить его этому думанью. А есть что-то органическое, глубоко проросшее въ русскую почву и закрѣпленное русскою исторіею, что мѣшаетъ духовенству быть не тѣмъ, чѣмъ оно поневолѣ должно быть, и просить у земства—отмѣны исторической руги...

Какъ бы то ни было, чебоксарское земство отвергло вопросъ о ругѣ, постановивъ: «мнѣніе управы принять безъ всякихъ измѣненій, какъ вполнѣ правильное и основательное».

Говоря вообще, «ружный вопросъ», занимающій теперь земства бывшаго казанскаго царства, какъ и вопросъ объ улучшеніи отношеній русскаго духовенства къ народу и къ земству, это—все вопросы историческіе, которые не легко разрѣшаются: ихъ разрѣшаетъ совокупный ходъ всей исторической жизни народа. Кажется, чего бы легче было для русскихъ земствъ вывести русскій народъ изъ бѣдности и мрака невѣжества? Это же—притомъ, и прямая задача русскихъ земствъ по смыслу положенія о земскихъ учрежденіяхъ. А, между тѣмъ, какъ рыба объ ледъ, бьют-

ся многія земства объ эту бѣдность и объ это невѣжество, а чѣмъ взяться? Денегъ нѣтъ и ума нѣтъ, знаній у народа нѣтъ. Вотъ, хоть бы тетюшинское земство Казанской Губерніи хлопочетъ о народномъ образованіи, о томъ, чтобы уѣздные учительскіе съѣзды были замѣнены «губернскимъ» центральнымъ съѣздомъ, чтобы на этотъ съѣздъ «былъ приглашонъ *кто-нибудь изъ авторитетовъ* въ дѣлѣ народнаго образованія, пользующихся всеобщею извѣстностью въ Россіи». Объ этомъ хлопочетъ и чебоксарское земство; ассигнуетъ на центральный съѣздъ полтораста рублей—а больше гдѣ же взять?—у того же бѣднаго и невѣжественнаго мужика... Г. Ширкалинъ, просившійся, какъ мы видѣли, въ предсѣдатели чебоксарской управы, посредствомъ телеграммы изъ Петербурга, изъ Петербурга же хлопочетъ—и все о томъ же: о народномъ образованіи, о «наивозможномъ» увеличеніи числа школъ—въ нихъ только и спасеніе. Г. Мельниковъ, членъ чебоксарскаго училищнаго совѣта, такъ этотъ вотъ какъ даже восклицаетъ не своимъ голосомъ о «*поголовномъ* развитіи граматности»: «Высокая цѣль преслѣдуется разработкой вопроса объ обязательномъ обученіи дѣтей граматѣ: *поголовное* развитіе граматности въ средѣ сельскаго населенія. Нельзя не сочувствовать, не желать достиженія этой цѣли въ возможно близкомъ будущемъ. Еще не такъ давно граматный крестьянинъ считался рѣдкостью въ средѣ сельскаго населенія, *наводившей на крестьянъ*, однодеревенцевъ, *опасеніе за животы свои*, какъ кандидатъ на сельское начальство, когда съ ужасомъ родители видѣли приближеніе къ деревнѣ сельскихъ властей, *выхватывающихъ изъ семьи дѣтище для обученія граматѣ*. Сколько слезъ проливалось бѣдными родителями при прощаніи съ Сенюшами, Ванюшами, забираемыми въ школы! Богатые—особь статья: тѣ умѣли сладиться съ сельскими властями, и дѣти ихъ оставались въ семьѣ родной неучами». А отчего это было? Г. Мельниковъ объясняетъ это по своему: «Не видѣли, въ то время, крестьяне пользы въ образованіи, не желали они, чтобъ дѣти ихъ, будучи отрѣзаны отъ семьи на время пребыванія ихъ въ школахъ, были *хищными* (?) среди безгласныхъ и добродушныхъ поселянъ. Зло одно видѣли тогда крестьяне въ образованіи, насильственно навязываемомъ имъ.—Не стану поднимать завѣсы на прошедшее—картина грустная, непривлекательная... Прошло, слава Богу, то время, и не вернется больше, какъ не посмѣетъ повторить въ настоящее время никто убѣжденія о вредѣ народнаго образованія, выраженнаго въ мнѣніи человѣка даровитаго, высокообразованнаго и близко стоящаго (—*вшаго*) къ народу, В. И. Даля. Правъ онъ былъ въ свое время» (!). Но теперь, говоритъ г. Мельни-

ковъ—не то: крестьяне требуютъ школъ, подобно тому, какъ римскій плебсъ, голодный и дикій, требовалъ «panem et circenses». Въ десять лѣтъ, народъ доросъ до пониманія пользы свѣта и вреда тьмы. Но полно—въ десять ли только лѣтъ?—Какъ бы то ни было, но г. Мельниковъ восклицаетъ къ чебоксарскимъ гласнымъ: «Устройте въ *каждомъ* селеніи школу, дайте ей правильную организацію, найдите хорошихъ, опытныхъ въ дѣлѣ обученія учителей, и тогда, смѣло могу сказать, не будетъ *ни одного* неграматнаго изъ дѣтей». Но тутъ-то сейчасъ и повторяется эпическое сказаніе о «хвостѣ» и «носѣ»... «хвостъ вытащилъ—носъ увязъ; носъ вытащилъ—хвостъ увязъ». Что-нибудь да должно увязнуть. «Но, спрашивается (спрашиваетъ самъ себя г. Мельниковъ): *гдѣ же земство найдетъ средства* на содержаніе этихъ школъ въ каждомъ селѣ?» И самъ же отвѣчаетъ, что *нигдѣ не найдетъ*: надо будетъ заставлять дѣтей *ходить* изъ деревень въ села ежедневно верстъ за 10—12, особенно зимой, да ходить безъ сапогъ. Самъ г. Мельниковъ сознаётся, что это будетъ—«по меньшей мѣрѣ, негуманно».

И вотъ, чебоксарское земство, не припасшее еще сапогъ всѣмъ дѣтямъ своего уѣзда, отвѣчаетъ на восклицанія г. Мельникова: «введеніе обязательнаго обученія граматѣ—преждевременно!»

Все преждевременно... И уничтоженіе «руги», и обязательное обученіе, и замѣна рытья Меридова Озера натурой рытьемъ деньгами, и замѣна древесной коры хлѣбомъ, лучины—свѣчой, лыка—кожей—все это для насъ, пока, «преждевременно». Наконецъ, даже леченіе больного мужика оказывается «преждевременнымъ»: пусть умираетъ безъ леченья, «безъ попа и безъ савана, безъ свѣчей, безъ ладону», какъ онъ самъ метко выражается о своей смерти. Въ самомъ дѣлѣ, чебоксарское земство, въ 1872 году, на излеченіе больныхъ мужиковъ израсходовало: въ теченіи 9,807 дней леченья—95 пудовъ бѣлаго хлѣба (т. е. по пуду бѣлаго хлѣба на 103 дня леченья *одного* больного или 0,39 фун. на день больному) и 557 кружекъ молока (т. е. одна кружка на 17 дней). Въ 1873 году, больные мужики уже стали прожорливѣе: въ 7,088 дней они съѣли 98 пудовъ бѣлаго хлѣба (т. е. пудъ съѣли въ 72 дня или въ день по полуфунту—0,57 ф.). Наконецъ, въ 1874 году, больные мужики почти всю больницу съѣли: въ семь мѣсяцевъ они сожрали 164 пуда бѣлаго хлѣба и выглотали 2,750 кружекъ молока (т. е. пудъ бѣлаго хлѣба уничтожали безсовѣстно скоро, меньше, чѣмъ въ 40 дней, именно по 1,14 ф. въ день). Понятно, что въ больницѣ мужикъ, особенно выздоравливающій, падокъ до бѣлаго хлѣба, который онъ въ больницѣ считаетъ *чужимъ*, даровымъ, а оказывается, что

онъ ѣстъ тамъ *свой же* хлѣбъ, такъ что, еслибъ узналъ, что это—*его* хлѣбъ, то онъ, пожалуй, и ѣсть бы не сталъ, а понесъ своимъ ребятишкамъ. Ясно, что мужика и лечить нельзя—это «преждевременно», ибо онъ съѣстъ самъ себя на бѣломъ хлѣбѣ и на молокѣ. Отчасти эту умную мысль проводила чебоксарская ревизіонная комиссія, ревизуя свою больницу: нашла, что больные мужики ужасно много ѣдятъ бѣлаго хлѣба и выпиваютъ слишкомъ много земскаго молока: въ первый годъ выпили только 557 кружекъ, во вторый уже—1070, а въ третій выдули 4714 кружекъ! Да эдакъ необразованное мужичье выпьетъ все земское молоко... И потому несомнѣнно, что его лечить—преждевременно. Но ужь тутъ за мужика, а, главное—за себя, вступилась чебоксарская управа. Она говоритъ:—мало того, что необразованные мужики выпили столько земскаго молока и съѣли столько бѣлаго земскаго хлѣба—они много также истребили и «крупичатой муки, да еще чаю, сахару, столоваго вина (мужики-то!), минеральныхъ водъ и проч.!» Но теперь время не то, какъ говоритъ у Щедрина одинъ посѣтитель деревенскаго трактира: «Нынче слободно! нынче батюшка-царь всѣмъ волю далъ! Нынче, коли ты хочешь сидѣть—сиди! И ты сиди, и мужикъ сиди, всѣмъ сидѣть дозволено! То есть, чтобы никому... чтобы ни-ни... сиди, значитъ, и оглядывайся... вотъ какъ царь батюшка повелѣлъ!» Такъ говоритъ и чебоксарская управа своему собранію: «Методъ леченія новѣйшаго времени, какъ управѣ извѣстно *по слухамъ* отъ врачей, заключается главнѣйшимъ образомъ въ поддержаніи силъ больного извѣстнаго рода пищей и питьемъ, а не въ пичканіи его, попрежнему, большимъ количествомъ разнообразныхъ лекарствъ. Вотъ этой-то системы леченія держится врачъ земскій и вотъ почему расходъ на вышеизчисленные предметы чуть не учетверился противъ прежняго. Результаты таковаго леченія настолько хороши, что останавливать врача въ отношеніи принятаго имъ способа леченія управа не находила и не находитъ возможнымъ, да даже и не считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться въ распоряженіе по этому предмету»... Совершенно справедливо. «Нынче слободно... нынче, коли ты хочешь сидѣть—сиди! И ты сиди, и мужикъ сиди, всѣмъ сидѣть дозволено! то есть, чтобы никому... чтобы ни-ни... сиди, значитъ, и оглядывайся...» А, все-таки, мужика лечить «преждевременно»: онъ самъ себя на бѣломъ хлѣбѣ съѣстъ. (Постанов. X очеред. чебокс. уѣзд. зем. собр. Казань, 1875 г., стр. 5, 6, 17, 18, 20, 23, 26—32, 67—72, 86, 87, 100—103 и др.)

XXIV.

Въ исторіи земства много значатъ два-три года, а особенно три: это—трехлѣтній люстръ земской жизни, обновленіе жизненныхъ соковъ, обновленіе состава гласныхъ, вливаніе въ жизнь земства новыхъ силъ вмѣстѣ съ новыми дѣятелями. Иногда край оглядится въ три года, пойметъ, что его представители, облеченные его довѣріемъ, не оправдали этого довѣрія—спали или, что̀ еще хуже, дѣйствовали, какъ «наемники» и не радѣли объ «овцахъ». Край сознаетъ свою ошибку—и избираетъ новыхъ дѣятелей, которые не обманули бы его довѣрія.

Примѣры этого мы видимъ нерѣдко. Года 2—3 тому назадъ, мы заходили въ городъ Оханскъ, поглядѣли на дѣятельность его земства и, признаемся, вынесли оттуда тяжелое впечатлѣніе. Объ этомъ впечатлѣніи мы сказали мимоходомъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Но Оханскъ лежалъ у насъ на сердцѣ, и лежалъ камнемъ. Мы не хотѣли согласиться, что такой богатый край, какъ оханскій уголъ Пріуралья, носитъ въ себѣ задатки смерти. Тамъ гласнымъ *не позволяли даже говорить* въ собраніи свои же братья гласные—не давали слова, не позволяли даже оправдываться въ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. Мы не хотѣли остаться при такомъ горькомъ убѣжденіи — и рѣшились вновь заглянуть въ оханскій уголъ, чтобы провѣрить наше впечатлѣніе въ *другой люстръ* земской жизни. Мы зашли туда въ концѣ 1874 года—въ концѣ пятаго года существованія оханскаго земства, т. е. въ серединѣ второго люстра молодости. Составъ дѣятелей мы нашли слѣдующій: предсѣдатель земскаго собранія—г. Суворовъ; гласные—Нагибинъ, Шиловъ, Путинъ, Носковъ, Вологдинъ, Пономаревъ, Голиковъ, Вершининъ, Брызгаловъ, Ивановскій. Прежней мертвенности въ жизни самого собранія мы не замѣтили или, по крайней мѣрѣ, хоть два-три вопроса намекали на то, что и для оханскаго земства будущее не невозможно. Оно назначаетъ уже на народное образованіе болѣе 12 тысячъ руб., и, открывъ такія пять волостей, въ которыхъ училищъ *«никогда не было»* (это—волости: усть-бубинская, бубинская, зюкайская, екатерининская и кизвинская), рѣшается помочь горю, хотя тѣмъ, что предполагаетъ для этихъ дикихъ волостей завести «переѣздныхъ учителей» или учителей «ходебщиковъ», о которыхъ мы уже, кажется, говорили выше. Ходебщики-учителя, это—тѣже «офени» или коробейники: только послѣдніе выражаютъ собою факторовъ экономическаго воздѣйствія промысловыхъ мѣстностей на непромысловыя, а ходебщики-учи-

теля являются факторами дѣла педагогическаго. Учителя-ходебщики распредѣляются по участкамъ, которые раздѣлены пунктовъ на шесть, и круглый годъ странствуютъ изъ пункта въ пунктъ; такъ что одинъ ходебщикъ двигаетъ дѣло народнаго образованія разомъ какъ бы въ шести школахъ. Конечно, система эта жалкая, но лучше, за неимѣніемъ средствъ, дать народу хоть что̀ нибудь, чѣмъ ничего. На эту странствующую школу оханское земство ассигнуютъ на 1875 г. 600 р.—и то хорошо. Школы эти оно само называетъ «подвижными». Въ видахъ развитія замледѣлія и вспомоществованія крестьянскому ручному труду, земство это даетъ средства крестьянамъ пріобрѣсти жатвенныя и молотильныя машины. Но и оханское земство, по примѣру всѣхъ пермскихъ, не можетъ обойтись безъ «пререканій», «споровъ», обвиненій и вообще всякихъ неблаговидныхъ общественныхъ потасовокъ. Такъ, земскій врачъ Семеновъ жалуется, что управа «связала его по рукамъ и по ногамъ», что существующіе въ оханскомъ земствѣ порядки—«тормазъ» для медицинскаго дѣла, что «врачъ не можетъ даже приказать сторожу больницы переставить съ одного мѣста на другое скамейку», и т. д., и т. д. А г. Семенова обвиняютъ въ томъ, что онъ не посѣщаетъ больныхъ, что онъ ведетъ войну съ больничными «собаками», что «разрѣшаетъ больнымъ въ палатахъ курить табакъ», и т. п., и т. п. Предсѣдатель управы, съ своей стороны, «завиняетъ», какъ онъ выражается, врача и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ. Его же обвиняютъ и другіе члены земства—Чешухинъ и Пьянковъ. Защищаетъ врача г. Наумовъ, и т. д. И опять-таки, въ собраніи допускается нѣчто странное: одинъ гласный «проситъ собраніе дать врачу Семенову право слова»; проситъ объ этомъ самъ г. Семеновъ; но «собраніе большинствомъ голосовъ признаетъ излишнимъ выслушивать г. Семенова»... Какъ бы то ни было, но лишать человѣка права говорить, когда его обвиняютъ—это въ земскихъ собраніяхъ видѣть какъ-то неловко.

Вотъ, пока все, что̀ можно сказать объ оханскомъ земствѣ. Будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени объ немъ можно будетъ сказать и побольше, и получше (Журналы 5-го очеред. оханск. уѣзд. зем. собр. Казань, 1875 г., стр. 8, 9, 14, 15, 32, 43, 125, 136 и др.).

Но въ числѣ нашихъ земствъ есть, къ сожалѣнію, и такія, по отношенію къ которымъ даже надежда на будущее неприложима—по крайней мѣрѣ, на близкое будущее. У насъ есть, можно сказать, нищенскія земства, все хозяйство которыхъ, какъ у мужика-бобыля, «веретеномъ встряхнуть», какъ говорится. Охан-

ское земство раскинуло свои территоріи на сотни верстъ въ окружности; площадь, занимаемая землями оханскаго земства, это—площадь цѣлаго нѣмецкаго государства. Оханское земство беретъ налогъ съ 1.136,000 десятинъ земли—есть на чемъ разгуляться въ будущемъ. Но въ центральной, въ метропольной Россіи, тамъ, гдѣ все уже урѣзано исторіею, гдѣ крестьянскія поля огорожены, какъ огороды, и гдѣ весь уѣздъ можно загородить тыномъ, гдѣ населеніе роетъ эту землю своею жалкою сохою, со времени изобрѣтенія славянами сохи, и гдѣ эта земля уже чахоточно кашляетъ, тамъ и будущее не особенно радуетъ, если оно не будетъ построено на иныхъ экономическихъ началахъ. Вотъ хоть бы взять тульскія земства и наиболѣе характерное изъ нихъ—бѣлевское. Тутъ уже землицы—всего только 150,000 десятинъ; это—почти въ десять разъ меньше, чѣмъ у оханцевъ. А между тѣмъ, бѣлевцы—старый историческій народъ. Въ то время, когда оханской земли еще и не существовало въ географіи, бѣлевская земля уже переживала всѣ фазисы исторіи русскаго народа, московскаго и иныхъ русскихъ царствъ и княжествъ. По ней гуляли и рати удѣльныхъ князей, и рати великихъ князей московскихъ, и кровавая метла опричниковъ Грознаго, и толпы самозванщины и, наконецъ, чинные воинскіе люди «тишайшаго» царя Алексѣя Михаиловича. И вотъ эта земля захирѣла, да и не много ея—нѣгдѣ земскимъ силамъ развернуться, а новыхъ пріемовъ жизни наши русыя историческія головы еще не выдумали: живемъ по старинѣ, по «Домострою» благочестиваго попа Сильвестра.

Вотъ составъ дѣятелей бѣлевскаго земства: отъ землевладѣльцевъ—гг. баронъ Черкасовъ, князь Львовъ, Елагинъ, Подышовъ, Юній, Левицкій-Бунинъ, Позняковъ, Бурцевъ, Андреевскій, Карпачевъ, Бровцынъ, Николаевъ; отъ города—все первогильдейскіе купцы, *потомственные* почетные граждане: Сорокинъ, Игнатовъ, Киселевъ; отъ крестьянъ—мужички: Мамонтъ Матвѣевъ, Кирила Еременъ, Иванъ Ѳаддѣевъ, Максимъ Семіоновъ, Михайло Филатовъ, Ефремъ Териховъ, Филиппъ Зайцевъ. Все это—аборигены русской земли. Въ ихъ избушки, которыя стояли на мѣстахъ, гдѣ и теперь стоятъ ихъ такія же первобытныя избушки, не разъ, конечно, стучались татарскіе темники, баскаки и иные мурзы, требуя «чорный боръ» и «выходъ». Теперь уже не стучатся татары въ ихъ избушки—стучитъ своя родная рука, земскаго сборщика. А бѣлевцы, исключая, конечно, немногихъ первогильдейцевъ, все нищенствуютъ, и оттого земство ихъ нищенское, и задачи его—нищенскія. Весь земскій бюджетъ едва доходитъ до 35 тысячъ, тогда какъ иныя земства, хоть бы псков-

ское, даютъ на одни школы 36 тысячъ. И понятно, что дорога для бѣлевцевъ земская копейка. Въ первое же засѣданіе, г. Позняковъ требуетъ «внезапныхъ ревизій» земскихъ суммъ; а и суммъ-то всѣхъ меньше, чѣмъ, можетъ быть, въ мошнѣ у сорокинскаго приказчика. Изъ всѣхъ задачъ и вопросовъ, возникающихъ въ бѣлевскомъ земствѣ, видно, что бѣдному земству взяться нечѣмъ. Такъ, редакція газеты «Еженедѣльникъ» предлагаетъ бѣлевцамъ «заявлять ей о вопросахъ, которые бѣлевское земство желало бы разработать». Мало ли вопросовъ, которые оно желало бы разработать и само—да чѣмъ ихъ разработаешь? а разработаешь—какъ и чѣмъ выполнишь?—на все нужны деньги. И бѣлевское земство опредѣляетъ: «принять къ свѣдѣнію». Такъ, съ другой стороны, предлагаютъ ему озаботиться пріисканіемъ мѣръ «къ улучшенію породы крестьянскихъ лошадей». Сами бѣлевцы видятъ, что надо улучшить эту породу, что крестьянская лошаденка выродилась, измельчала, какъ выродилась и рожь у него; что крестьянская лошаденка, которая еще когда-то съ половцами да съ печенѣгами воевала, выродилась въ мышь или въ добраго поросенка; мало того, самъ бѣлевецъ, ходившій подъ знаменами Мономаха на половцевъ, выродился, измельчалъ отъ скуднаго питанія; все это видно бѣлевцамъ самимъ; знаютъ они, что надо бы улучшить породу крестьянской лошади, что пора бы улучшить и породу самаго мужичка бѣлевскаго, хотя бы лучшимъ родомъ пищи—а чѣмъ возьмешься? Нечѣмъ. И опять собраніе опредѣляетъ: «принять къ свѣдѣнію». А тутъ волки заѣли бѣлевцевъ. Хотѣли-было и это дѣло «принять къ свѣдѣнію», да нельзя—звѣрь всю остальную скотинку съѣстъ, и овцу бѣдную, и мышеподобную лошадку. И вотъ положили-было бѣлевцы выдавать премію за убитыхъ волковъ—за волка и волчицу рубль, за волченка—полтину, да потомъ сами испугались. А какъ мужики набьютъ волковъ столько, что горы шкуръ навалятъ, да нанесутъ этихъ шкуръ полну управу? Гдѣ тогда денегъ взять? А тутъ чужіе мужики, не бѣлевскіе, станутъ таскать волковъ изъ другихъ уѣздовъ, а волки-то будутъ ужь чужіе, не бѣлевскіе. И за нихъ платить? Ну, и положили—платить только за своихъ волковъ. Да мало ли чего нужно бѣлевцамъ? Вотъ хоть бы земскаго врача. Въ иныхъ уѣздахъ ихъ по два, по три, по пяти. А у бѣлевцевъ—ни одного. А, вѣдь, бѣлевскіе мужики тоже могутъ хворать, особенно по глухимъ деревнямъ—не въ городъ же имъ тащиться? Ну, и рѣшили: въ случаѣ появленія въ уѣздѣ врача—приглашать таковаго изъ города. И это—только на случай эпидемій. А обыкновенными болѣзнями бѣлевцамъ дозволяется умирать безпрекословно.

Вотъ какъ, поневолѣ, дѣйствуютъ нищенскія земства. И это не потому, чтобъ они не понимали своей задачи, не хотѣли допускать умнаго ея рѣшенія. Нѣтъ, у бѣлевцевъ ума на это хватитъ, можетъ быть, больше, чѣмъ у богатыхъ земствъ—у земствъ-аристократовъ. Силу ума бѣлевцы признаютъ и покланяются ему. Вонъ они отъ своего нищенства, да и то ежегодно ассигнуютъ по 300 р. на бѣлевскую публичную библіотеку, основанную въ память В. А. Жуковскаго. Мало того: они въ земскомъ собраніи избираютъ своего директора въ библіотеку, которымъ и былъ купецъ Сорокинъ. Эта библіотечка, сколоченная на жалкія земскія денежки, имѣетъ уже около 3 тысячъ томовъ и выигрышный билетъ, который г. Сорокинъ проситъ оставить неприкосновеннымъ «въ ожиданіи счастливаго выигрыша, на который можно бы было устроить классическую гимназію въ память Жуковскаго». Въ кассѣ этой библіотеки оказалось, во время земской сессіи, *1 р. 2 к.* денегъ—не много же! Но бѣдность—не порокъ. Но и эту бѣдную библіотечку земскую обижаютъ нѣкоторые неблаговоспитанные бѣлевцы. Г. Сорокинъ жалуется земству, что «старшины бѣлевскаго общественнаго собранія не заплатили ему денегъ за чтеніе въ земской библіотекѣ книгъ и газетъ», что онъ жаловался на озорниковъ мировому судьѣ, «только удовлетворенія не получилъ». Надо полагать, что «бѣлевскій мировой судья руководствуется не всегда закономъ, но и здравымъ смысломъ, что̀ видно изъ заявленій бѣлевскаго земскаго землемѣра Древитца, который говоритъ по поводу измѣренія бѣлевскихъ земель: «Никакой законъ не можетъ никого заставить принимать двѣ десятины за четыре или пять за три, ибо для этого *есть другой, высшій законъ—здраваго смысла*». Этимъ-то закономъ, вѣроятно, и руководствовался мировой судья, доведшій земскую библіотеку до того, что въ ней осталось всѣхъ капиталовъ только *1 р. 2 к.*

Бѣдность, бѣдность и бѣдность—вотъ все, что̀ мы можемъ сказать о бѣлевскомъ земствѣ. (Постанов. X-го очеред. бѣлев. уѣзд. земск. собр. Тула, 1874, стр. 3—5, 8, 9, 14, 15, 20, 21, 32. Прилож. стр. 46, 52, 63 и др.).

«Зачѣмъ все бѣдность да бѣдность?» скажемъ мы вмѣстѣ съ Гоголемъ. А что̀-жь дѣлать, когда въ большинствѣ случаевъ наталкиваешься все на бѣдность? Въ V главѣ настоящаго нашего «земскаго путешествія», какъ читатель, можетъ быть, помнитъ, мы говорили о «курянахъ-дмитріевцахъ»; о томъ, что не тѣ уже это стали «куряне», какими ихъ рисуетъ пѣвецъ «Слова о полку Игоря», что исторія была для нихъ не матерью, а, повидимому, мачихою злою, которая ни чему не научила своихъ

дѣтей, не одѣла, не обула ихъ, а босикомъ на морозъ выгнала, и потому земское собраніе само себѣ выражаетъ *«крайнее сожалѣніе* за равнодушіе къ интересамъ земства». Теперь, по поводу этого, мы получили очень интересное письмо отъ одного «курянина», изъ Суджи, который такъ объясняетъ современное состояніе «курянъ» и ихъ земскую дѣятельность: «Да, пѣвецъ «Слова о полку Игоря» упоминалъ о курянахъ, какъ о добрыхъ воителяхъ, о свѣдомыхъ кметяхъ, коимъ и пути вѣдомы, и яруги знаемы, коихъ стрѣлы изощрены, и тули отворены, кои подъ трубами повиты, подъ шеломомъ взлелѣяны и концомъ копія вскормлены, кои рыщутъ въ полѣ, аки сѣрые волки, хотятъ испити шеломомъ Дона-великаго, ищучи себѣ чти, а князю—славы. Да и нынѣ куряне ходятъ къ Дону-великому и къ Каялѣрѣцѣ, но уже не затѣмъ, зачѣмъ ходили прежде: ходятъ они не затѣмъ, чтобы гнать Гзака и Кончака, а затѣмъ, чтобы косить по найму сѣно и рожь у казака донского; ходятъ не затѣмъ, чтобы бить поганыхъ половчанъ, а чтобы служить и работать у нѣмцевъ-колонистовъ и слушать ихъ понуканья; ходятъ не со стрѣлами изощренными, а съ косами и серпами; ходятъ не затѣмъ, чтобы искать себѣ чти, а князю—славы, а затѣмъ, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба насущнаго, а князю и земству податей. Тѣ поля, гдѣ прежде можно было добыть «чти и славы», нынѣ засѣяны уже инымъ добромъ, и обрѣтаются на нихъ только рубли да тычки по шеѣ. Таковы-то блага, принесенныя курянамъ исторіею и цивилизаціею, отъ временъ Игоря Сѣверскаго, внука Олегова, и Яра-тура-Всеволода! А курянинъ все по прежнему смотритъ на Донъ-великій, и пути туда ему вѣдомы, и яруги знаемы, и стремится онъ каждый годъ къ Дону и къ Каялѣ, въ землю половецкую, хотяще не шеломомъ воды испити, а чернаго хлѣба вкусити».

Въ виду этого письма, мы, чтобы провѣрить первыя впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ знакомства съ земскою дѣятельностью «курянъ», вновь заходимъ въ ихъ историческую землю и останавливаемся на городѣ Рыльскѣ, отъ котораго уже недалеко до Путивля—этого славнаго историческаго Путивля, гдѣ на городской стѣнѣ когда-то плакала Ярославна о своемъ князѣ миломъ, о героѣ русской земли, плакала, обращаясь къ вѣтру: «О, вѣтре, вѣтрило! зачѣмъ ты вѣешь на дружины моего князя, а не дуешь жестокою грозою на орды половецкія?..» Рыльскъ—тоже старый, историческій русскій городъ. На немъ, какъ и на Путивлѣ, лежитъ толстый слой священной для русскаго сердца пыли: это—пыль историческихъ воспоминаній, пыль отъ костей нашихъ предковъ, отъ ихъ дѣяній, давно забытыхъ,

священная могильная пыль, которая также должна быть дорога намъ, русскимъ, какъ недавно отрытая изъ-подъ земли пыль и ржавчина отъ сокровищъ безсмертной Трои и ея безсмертныхъ сыновъ и дочерей — Гектора, Андромахи, Пріама, дорога всему цивилизованному міру, сердце котораго, конечно, въ лицѣ нѣкоторыхъ его представителей, до сихъ поръ щемитъ при воспоминаніи о Патроклѣ погибшемъ и о всей погибшей Троѣ. Наша мѣстная, провинціальная исторія далеко еще не разработана, будучи сконцентрирована вся на государственныхъ центрахъ; а покопались бы историки въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ, заброшенныхъ и не съѣденныхъ еще мышами архивовъ провинцій, да въ могилахъ забытыхъ—нашлись бы и у насъ свои дорогія воспоминанія, поучительныя въ своемъ родѣ.

Но ни Путивлю, ни Рыльску исторія не судила стать замѣтными въ многочисленной семьѣ современныхъ городовъ русской земли. Многіе молодые города давно ихъ обогнали и своимъ богатствомъ, и своею дѣятельностью, и своею славою. Этихъ славныхъ стариковъ давно оставила за собою молодёжь—города, возникшіе въ такихъ мѣстахъ русской земли, по которымъ только и ходила, во времена славы Путивля и Рыльска, нога дикаго половчанина, печенѣга да татарина. А теперь тамъ—богатство и слава; теперь тамъ, повидимому, и умъ пріютился, потому что и умъ избираетъ себѣ мѣстопребываніемъ тѣ мѣста, гдѣ—жизнь, движеніе, развитіе, богатство, духовное и матерьяльное, и слава, а не тѣ, гдѣ — застой, бѣдность и смерть. Какъ былъ Путивль маленькимъ городкомъ въ тѣ далекія времена, когда на городской путивльской стѣнѣ горькою кукушкою куковала Ярославна, такъ и остался маленькимъ, незамѣтнымъ. Та же участь выпала и на долю Рыльска, гдѣ когда-то ковали русское государственное дѣло московскіе кузнецы—бояре да воеводы царскіе, и откуда московское царство грозило и степямъ татарскимъ, и не всегда безопасной Украйнѣ, съ ея безпокойными казаками. Весь бюджетъ рыльскаго земства не достигаетъ 45 тысячъ рублей, а на народное образованіе это земство можетъ пожертвовать только 2,000 руб. на всѣ народныя школы, да 300 руб.—жалкіе триста рублей, идущіе на пособіе *пяти ученикамъ*, обучающимся въ ивановскомъ образцовомъ училищѣ и въ бѣлгородской учительской семинаріи. Правда, рыльское земство хлопочетъ объ открытіи въ своемъ городѣ мужской и женской прогимназій, но контры съ городомъ—повсемѣстное печальное явленіе — едва ли не убьютъ въ зародышѣ это доброе дѣло. Контры эти начались съ весьма комическаго обстоятельства. Рыльское земство, задумавъ учредить въ своемъ горо-

дѣ прогимназію и чувствуя, что оно одно не въ силахъ выдержать расходъ на такое дѣло, проситъ помощи у города. Городъ отвѣчаетъ, что онъ готовъ быть въ союзѣ съ земствомъ—жертвуетъ, въ теченіи пяти лѣтъ, по 1,000 р. на содержаніе мужской прогимназіи. Земство видитъ, что этого мало: на одну мужскую прогимназію нужно 11,000, которыхъ земство, по бѣдности, собрать не можетъ; и потому рѣшается «отказаться» отъ мужской прогимназіи, а у города спрашиваетъ: «не пожелаетъ ли онъ назначенныя имъ въ пособіе для открытія *мужской* прогимназіи деньги, тысячу рублей, опредѣлить на *женскую*?» Городъ обижается этимъ и отвѣчаетъ, что «городское общество, признавая *преимущественно* необходимымъ открыть для городскихъ жителей *мужскую* прогимназію, и при существованіи таковой, еслибы земство впослѣдствіи признало нужнымъ открыть и *женскую*, то общество, кромѣ участія его въ совмѣстномъ содержаніи *мужской* прогимназіи, выказало бы свою готовность сдѣлать пособіе и для открытія *женской* прогимназіи; но какъ земское собраніе не нашло возможнымъ открыть *мужской* прогимназіи, то и общество не изъявляетъ согласія обращать опредѣленной имъ суммы 1,000 р. въ пособіе для открытія *мужской* прогимназіи на *женскую* прогимназію». Вотъ тебѣ и на! Земство—за дѣвочекъ, а городъ—за мальчиковъ. У каждаго, значитъ, свои соображенія: земство—за Ярославну, а городъ—за Буй-Тура-Всеволода. Земству, послѣ такого афронта, ничего не оставалось, какъ отказъ города «принять къ свѣдѣнію». Ясно, что послѣ этого и мысль о женской прогимназіи, въ которой должны бы были обучаться современныя Ярославны, должна быть принята только «къ свѣдѣнію». Вотъ что̀ значитъ земская бѣдность! Но тѣмъ съ большимъ правомъ земство могло дѣйствовать на зло городу въ другихъ своихъ дѣлахъ. Такъ, предсѣдатель училищнаго совѣта, г. Маховъ, докладываетъ земству о состояніи *женскаго* образованія въ Рыльскомъ Уѣздѣ и высказываетъ мнѣніе о необходимости обязательнаго образованія для дѣтей *обоего пола*. Изъ доклада г. Махова оказывается также, что, благодаря участію г. Терещенко, успѣшнѣе другихъ *женскихъ* училищъ идетъ дѣло въ глушковскомъ *женскомъ*; но что на открытіе новыхъ *женскихъ* училищъ (все *женскихъ!*) у училищнаго совѣта средствъ нѣтъ. Собраніе особенно благодаритъ г. Терещенко за глушковское *женское* училище, а на открытіе новыхъ училищъ ассигнованные въ прежніе годы 2,000 р. позволяетъ расходовать «на *женскія* училища *предпочтительно передъ мужскими*»... Городу закуска—и ясно, что городъ этой закуски никогда не проститъ земству. Но мы думаемъ, что по-

бѣда не будетъ на сторонѣ города. Есть основанія догадываться, что въ рыльскомъ земствѣ уже работаетъ животворная женская мысль, женская энергія; а то дѣло, которое взяла въ свои руки женщина—то дѣло одинаково близко кладется ею и къ сердцу, и къ мозгу, и мы предвѣщаемъ рыльскому земству побѣду надъ своей темной долей въ ближайшемъ будущемъ. Женская рука выведетъ этотъ городъ изъ неизвѣстности, подобно тому, какъ «плачъ Ярославны», простой женскій плачъ, простыя женскія слезы, которымъ творческій геній древнерусскаго поэта далъ безсмертіе—эти простыя женскія слезы не дадутъ никогда умереть исторической памяти Путивля. Но женская мысль еще живуче женской слезы; творчество женской мысли еще не измѣрено исторіею, и тѣ земства, которыя поняли это, которыя дошли до убѣжденія, что если маленькая Лиза идетъ по бѣлу свѣту, чтобъ искать знанія, дѣла и, можетъ быть, славы, то она увлечетъ за собой и Володю, десять, двадцать Володей, которые тоже захотятъ учиться, а не быть Буй-Турами—Рыльскимъ земствомъ, повидимому, понято это.

Что-же еще дѣлало рыльское земство? Почти то же, что и другія земства, хотя задачи его очень скромны—задачки все маленькія, ничѣмъ не выдающіяся. Да и на что опереться широкимъ задачамъ? Силы нѣтъ, денегъ нѣтъ, почвы нѣтъ. Правда, почва-то есть, какъ это и доказываетъ задача о развитіи женскаго образованія; но почва-то можетъ питаться только соками населенія, а оно худосочно; широкія задачи должны опираться на плечи мужицкія, и хоть плечи эти все выносятъ, да карманъ-то не вынесетъ. Дорожная, квартирная, подводная повинность—все это не легко для бѣднаго населенія, особенно несущаго эти повинности натурою, слѣдовательно—неравномѣрно. Земство думаетъ облегчить населеніе—переложить натуральныя повинности въ денежныя; но тутъ же выражаетъ сомнѣніе, что «это переложеніе едва ли поведетъ къ облегченію крестьянъ, такъ какъ есть случаи, гдѣ натуральная повинность незамѣнима, и крестьянамъ придется платить налогъ за подводы и исполнять, въ тоже время, эту повинность натурой». Гласный Асмоловъ заявляетъ, что можно было бы избавить крестьянъ хоть отъ обязанности поставлять подводы въ городскую полицію и что эту повинность можно было бы разложить на другія сословія; но и тутъ соглашеніе не послѣдовало.—Гласный Васьяновъ, поддерживаемый купцами Секеринымъ и Выходцевымъ, вызываетъ у земства рѣшимость—при неимѣніи своей гимназіи, дать возможность юнымъ рыльцамъ изучать латинскій и нѣмецкій языки въ уѣздномъ училищѣ; но и это не вывозитъ: попечитель учеб-

наго округа не находитъ это полезнымъ и отказываетъ рыльцамъ въ ихъ полуклассическомъ ходатайствѣ. А тутъ еще губернаторъ, при посѣщеніи рыльской земской больницы, замѣчаетъ, что въ ней мало бѣлья, теплыхъ одѣялъ и халатовъ. Огорченное своею бѣдностью и замѣчаніями губернатора, рыльское собраніе постановляетъ: «бѣлья, одѣялъ и халатовъ—достаточно». Мало того—даже случные жеребцы «Пѣтухъ» и «Поросенокъ», и тѣ въ тягость бѣдному земству. О послѣднемъ землевладѣлецъ Н. Н. Правиковъ докладываетъ земству, что «Поросенокъ» по старости лѣтъ, дѣлается къ случкѣ неудобнымъ», а потому, «въ виду его непригодности къ означенному дѣлу»—лучше бы совсѣмъ покончить съ «Поросенкомъ». И земство благоразумно находитъ, что дѣйствительно пора покончить: жеребцы стоятъ земству около 1,000 р., а доходу «за случку съ матками» дали только 20 р. Порѣшили: продать этихъ негодныхъ кавалеровъ съ публичнаго торга. Еслибъ это сдѣлано было раньше, то тысяча рублей и пошла бы на женскую прогимназію.

Но вотъ какая разница между земствами старыхъ городовъ, какъ Рыльскъ, и новыхъ, какъ Чебоксары: въ Рыльскѣ, дѣтищѣ московской и кіевской Руси — есть люди; въ Чебоксарахъ, дѣтищѣ казанско-татарской Руси—людей нѣтъ, и мировыхъ судей выбрать не изъ кого. А здѣсь, въ историческомъ Рыльскѣ, избираются въ мировые судьи такія личности: генерал-фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій, кн. В. И. Барятинскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аѳанасенко, Н. И. Аристарховъ, И. В. Васьяновъ, П. С. Воропановъ, М. С. Денисовъ, М. С. Деменковъ, П. И. Износковъ, С. А. Терещенко, А. И. Черторижскій, Н. В. Аладьинъ. Кстати о г. Аладьинѣ. При разсмотрѣніи дѣятельности «курянъ» дмитріевскихъ, мы видѣли, что тамъ руководители земской управы, два брата Аладьины, П. Д. и Е. Д., «полнымъ равнодушіемъ къ интересамъ земства», какъ выразилось собраніе въ своемъ постановленіи, возбудили негодованіе всего земства и оно публично, журнальнымъ постановленіемъ, выразило своему исполнительному персоналу «крайнее сожалѣніе». Здѣсь же, напротивъ, въ рыльскомъ земствѣ, другой Аладьинъ вызываетъ къ себѣ повидимому глубокое сочувствіе земства, и, въ то время, когда остальные земскіе дѣятели избираются въ мировые судьи большинствомъ 3, 4, самое большое 17 голосовъ, г. Аладьинъ избирается большинствомъ 31 голоса: это—рѣдкое большинство въ какомъ бы то ни было земствѣ. Ясно, что въ этомъ земствѣ есть люди; а есть они потому, что въ ихъ работѣ уже замѣтно принимаетъ участіе творческая мысль женщины: тутъ уже есть свои Ярославны... (Журналы

рыльс. очеред. уѣзд. зем. собр. Курскъ, 1874, стр. 42, 91, 92, 95, 96, 98, 99, 134, 135, 140).

XXV.

Долго мы ходили по русской землѣ; на многое насмотрѣлись—пора и отдохнуть, хоть и многое осталось еще невиданное-неслыханное. Да всего-то за одинъ разъ и обнять нельзя: ковшомъ моря не исчерпаешь, неба пядью не измѣряешь.

Передъ концомъ, однако, нашего долгаго земскаго странствія, какъ бы на прощаніи, мы заглянемъ мимоходомъ въ нѣкоторые уголки нашего царства, и непремѣнно въ Малороссію, гдѣ намъ не удалось все высмотрѣть, такъ какъ мы не были въ сердцѣ ея—въ Кіевѣ и во всей «правобережной» Украинѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, земскія учрежденія еще не введены, а потому и нельзя дѣлать болѣе или менѣе общаго заключенія о всей Малороссіи: что̀ новаго и живительнаго влито въ ея жизнь свѣжею земскою силою? Въ этой половинѣ Россіи мы можемъ, поэтому, остановиться только на двухъ, такъ-сказать, главныхъ нервныхъ узлахъ живого тѣла Украины и въ этихъ узлахъ измѣрять силу біенія земскаго пульса: это—на Полтавѣ и на Харьковѣ, хотя Харьковъ—уже не Украина, а дитя старой Украины, молодая Украина, колонія сѣдого старика Кіева. Самыя фамиліи харьковскихъ земскихъ дѣятелей показываютъ, что это—не старыя запорожскія фамиліи, а уже молодыя поросли. Фамиліи эти бо̀льшею частію именныя—отъ именъ «батька» и «дѣда», а не отъ казацкаго рыцарскаго когномена въ родѣ Перебійносовъ, Тупу-Тупу-табунець-буланыхъ. Но все же это—малороссійскія фамиліи—Фесенко, Войтенко, Гордѣенко, Даценко, Ященко, Марченко, Щербиненко, Цымбалъ, Олѣйникъ, Черненькій, Сѣрикъ. Одна только фамилія изъ всѣхъ харьковскихъ земскихъ гласныхъ отдаетъ кореннымъ запорожскимъ духомъ, когда казаки давали другъ другу прозвища по какимъ-либо особенно-характернымъ качествамъ, по внѣшнимъ принакамъ и проч. Фамилія эта принадлежитъ гласному В. В. Задери-Хвостъ. Фамилія нѣсколько забавная, но чисто казацкая и, притомъ, совершенно созданная въ русскомъ духѣ, хотя и напоминаетъ Щедринскаго героя Неуважай-Корыто.

Мы уже были разъ въ Харьковѣ; но послѣ того прошелъ годъ, а въ земской жизни и годъ иногда многое значитъ. Въ одинъ годъ харьковское земство замѣтно возмужало и все опредѣленнѣе и строже очерчиваетъ свои задачи, строже и опредѣленнѣе относится къ своему призванію. Такъ, мы уже видимъ, что харь-

ковское губернское земство не стѣсняется ассигновать 40.000 р. на постройку зданія для реальнаго училища, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы и харьковское уѣздное земство «дало отъ себя такую же сумму». Требованіе губернскаго земства поддерживаютъ гг. Сыценко и Гордѣенко. Но сумма слишкомъ солидна, чтобъ не возбудить между гласными преній—и пренія разгараются. Г. Павловскій заявляетъ, что до сихъ поръ ему приходилось слышать только словесныя увѣренія со стороны города о томъ, что если уѣздъ окажетъ хотя нѣкоторое пособіе городу въ этомъ дѣлѣ, то все остальное добавитъ городъ, а между тѣмъ, для уѣзда «слишкомъ обременительно уплатить такую большую сумму на дѣло, въ которомъ городъ во всякомъ случаѣ гораздо больше заинтересованъ, чѣмъ уѣздъ». Это, какъ видитъ читатель—старая пѣсня, давно запѣваемая земскими Горацiями и Куріацiями; а послѣдуетъ ли союзъ этихъ двухъ воюющихъ сторонъ — едва-ли можно сказать утвердительно.—Г. Павловскому возражаетъ г. Корнѣенко, говоря, что «средства у города съ уѣздомъ общи» и что «уѣздъ постоянно беретъ лишнее съ города» (едва ли!).

— «Я не намѣренъ касаться земскихъ счетовъ города съ уѣздомъ (говоритъ на это г. Павловскій). Я охотно признаю и общность ихъ суммъ, и общность интересовъ здѣсь, въ уѣздномъ земскомъ собраніи. Но у города, и уѣзда есть много потребностей болѣе существенныхъ, чѣмъ постройка великолѣпнаго зданія реальнаго училища. Ни городъ, ни уѣздъ не имѣютъ до сихъ-поръ ни одного вполнѣ удобнаго помѣщенія для народной школы. Городъ въ этомъ, пожалуй, нуждается еще болѣе, чѣмъ уѣздъ, а потому я только тогда рѣшился бы поддерживать предложеніе объ ассигнованіи 40,000 р. на зданіе реальнаго училища, когда одновременно будетъ ассигнована такая же сумма на постройку сколько-нибудь пристойныхъ помѣщеній для начальныхъ школъ какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ».

Но голосъ г. Павловскаго не имѣлъ силы въ собраніи: оно ассигновало 40 тысячъ на реальное училище, а на школы не ассигновало. Тогда, въ интересахъ народной школы и наиболѣе въ интересахъ сельскаго населенія, желающаго не ограничиваться школою, а идти и далѣе, возвысилъ голосъ г. Задери-Хвостъ. Онъ требовалъ, чтобы при реальномъ училищѣ устроено было, по крайней мѣрѣ, особое помѣщеніе, въ которомъ могли бы жить деревенскіе ученики, ищущіе болѣе широкихъ знаній въ городѣ. Но и голосъ г. Задери-Хвостъ не побѣдилъ: собраніе согласилось съ г. Бразолемъ, что у земства «нѣтъ средствъ» для такихъ помѣщеній...

Если что̀ невольно заставляетъ снисходительно относиться ко

многимъ слабымъ сторонамъ земскаго дѣла, такъ это то, что сами земства въ большинствѣ случаевъ, смиряясь передъ очевидностью факта, не прячутъ его подъ сукно, а сами же добросовѣстно выставляютъ его, какъ знаменіе публичнаго покаянія, и, подобно гордому римлянину, своимъ невѣдѣніемъ принесшему зло своей отчизнѣ, не стыдятся восклицать съ горестью: «mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa!» Это—уже хорошій признакъ. Въ этомъ отношеніи, и харьковское земство не лицемѣритъ, а честно говоритъ—«судите меня: кто чище меня, тотъ пусть первый броситъ въ меня камень». Оно въ своихъ слабыхъ сторонахъ винитъ и себя, и населеніе. Это населеніе постоянно безобразитъ оспа, а борьба противъ этого естественнаго зла со стороны населенія совершенно пассивна. На цѣлую волость иногда попадается одинъ оспопрививатель, который, какъ коробейникъ, и бродитъ изъ села въ село съ своею «оспенною матеріею», и часто безполезно—не застаетъ матерей дома. «Совершивъ, разъ, два пѣшее круговое странствованіе, оспопрививатель охотно откладываетъ доброе дѣло на лучшія времена. Если на цѣлую волость—одинъ оспопрививатель, то общество, пособляя такимъ образомъ, хочетъ представить изъ него нѣчто вродѣ *perpetuum mobile*». Или, напримѣръ, «привѣтствуя земское собраніе въ обновленномъ составѣ и сдавая ему свои полномочія, старая управа» *сама* говоритъ о себѣ, что нѣкоторыя, «наиболѣе важныя отрасли» земскаго вѣдѣнія—попеченіе о народномъ здоровьѣ и народномъ продовольствіи — «обращали на себя слишкомъ недостаточное вниманіе земскихъ дѣятелей истекшаго трехлѣтія, и мы можемъ только пожелать будущей управѣ имѣть въ своемъ составѣ лицо, *болѣе насъ знакомое* съ этими отраслями». Это уже не чиновничествомъ пахнетъ и не служебнымъ фарисействомъ. А докладъ собранію о народномъ образованіи, такъ это просто—самобичеваніе земскихъ дѣятелей. «Приступая къ послѣдней бесѣдѣ съ вами о той отрасли земской дѣятельности, которой принадлежали всѣ наши симпатіи (говоритъ докладъ), мы должны прежде всего сознаться, что единичныя симпатіи имѣютъ въ этомъ дѣлѣ слишкомъ малую цѣнность. Она будетъ идти черепашьими шагами до тѣхъ поръ, пока мы будемъ разсчитывать только на частную инціативу, барскую прихоть и благородные порывы. Все это—вещи очень хорошія, которыя могутъ принести свою долю пользы. Но всѣ эти прелести слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми результатами, какіе вытекаютъ изъ всеобщаго признанія пользы и неотложной необходимости извѣстнаго дѣла. Обязательность обученія, о которой такъ много толкуютъ и которой приписываютъ какое-то магическое вліяніе на народное просвѣщеніе, вовсе

не такъ желательна, какъ думаютъ люди, смотрящіе на дѣло изъ прекраснаго далека. *При настоящемъ положеніи нашего школьнаго дѣла, обязательность обученія была бы вопіющимъ безобразіемъ.* Воображеніе наше отказывается представить себѣ картину обязательнаго обученія, въ смыслѣ непремѣннаго посѣщенія школы всѣми дѣтьми школьнаго возраста: напримѣръ, въ песочинской школѣ, *гдѣ учитель имѣетъ квартиру на печкѣ въ классной комнатѣ*, вмѣстимостью въ 900 куб. футовъ. Постройте сначала достаточное число просторныхъ школьныхъ помѣщеній, снабдите ихъ всѣмъ необходимымъ, приготовьте учителей и дайте имъ возможность человѣческаго существованія, и только тогда вы будете имѣть право думать объ обязательномъ обученіи»... Далѣе изъ этого самобичеванія мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ значатся школы, но «вполнѣ фантастическія», а зато иныя школы улучшились — «исчезла течь въ крышахъ, вѣтеръ пересталъ валить прямо со двора въ школу». Есть мѣсто въ докладѣ, гдѣ, вмѣсто словъ, поставлено нѣсколько строкъ *точекъ*, вѣроятно, такое голое самобичеваніе, котораго не могла даже дозволить губернаторская цензура. Есть школы, гдѣ на экзамены сходится такъ много родителей-крестьянъ, что помѣститься нѣгдѣ, а то и «никого нѣтъ, даже сельское начальство не интересуется школою»; въ иныхъ школахъ экзаменъ—«настоящій праздникъ»; въ другихъ — «одна скука и для экзаменатора, и для учениковъ». По отзыву доклада, «наибольшей выразительности чтенія достигаютъ учительницы», а не учителя, и лучше вообще идутъ дѣвочки, чѣмъ мальчики: опять женщина даетъ себя знать... зато «ариѳметика у учительницъ вообще не далеко ушла», наивно замѣчаетъ докладъ. Докладъ говоритъ, что воинская повинность нѣсколько припугнула взрослыхъ — и «парубки» теперь умоляютъ, чтобъ ихъ учили. И опять женщина идетъ на помощь испугавшимся парубкамъ: «Одна изъ учительницъ устроила даже особые вечерніе классы для взрослыхъ парней, но классы эти скоро должны были прекратиться за чрезмѣрнымъ утомленіемъ учительницы, которой, конечно, было не по силамъ нести такую двойную работу». Зато на священниковъ докладъ очень сѣтуетъ. Есть школы, гдѣ законоучитель бываетъ въ годъ всего раза три, а въ должанской школѣ законоучитель былъ за все время *только 55 минутъ*. «Согласитесь (восклицаетъ докладъ), что жалобы такихъ законоучителей на скудость возмездія несовсѣмъ основательны: *30 рублей за 55 минутъ; это—вознагражденіе, какого не получаетъ у насъ ни одинъ профессоръ*». Правда—только г. Бредифъ получалъ по 30 р. за свой спиритистическій сеансъ. Докладъ съ удовольствіемъ заявляетъ, что на призывъ правитель-

ства харьковское дворянство «выразило полную готовность *ополчиться противъ невѣжества*». А между тѣмъ, когда великодушный защитникъ крестьянскихъ ребятишекъ, будущихъ реалистовъ, г. Задери-Хвостъ, требовалъ самой ничтожной жертвы въ пользу этой учащейся молодежи — ему отказали, и ревизіонная комиссія сама пожимаетъ съ удивленіемъ плечами, говоря, что въ гор. Жихорѣ школа даетъ на учащагося воздуху всего только 26 куб. футовъ, а въ другихъ—около того, и что «если въ такихъ помѣщеніяхъ зимою люди не задыхаются, то можно объяснить развѣ только выносливостью русской натуры» (Журналы очеред. зем. собр. Харьковскаго Уѣзда 1874 г., Харьковъ, 1874, стр. 1, 7, 8, 41, 63, 69, 139, 142—153).

Если въ чемъ особенно рельефно высказался историческій геній Малороссіи, къ сожалѣнію, повременамъ засыпающій, такъ это въ попыткахъ полтавскаго губернскаго земства къ возможному объединенію дѣятельности и направленія земской работы во всѣхъ концахъ русской земли и къ созданію этимъ путемъ общаго земскаго знамени и общаго лозунга въ дѣлѣ будущаго развитія народа. Мысль эта высказана полтавскимъ губернскимъ гласнымъ, Яцевичемъ, десятому очередному полтавскому губернскому земскому собранію.

— Съ глубокимъ убѣжденіемъ въ благотворныхъ послѣдствіяхъ предлагаемаго дѣла, если только оно приведется въ исполненіе, осмѣливаюсь представить благосклонному вниманію земскаго собранія нѣкоторыя соображенія объ изданіи отъ земства «Полтавской земской газеты», заявляетъ г. Яцевичъ. — Изданіе это по своему направленію, разумѣется, будетъ достойно представителей земства. Жить не эгоистическою, а міровою жизнію, это— одна изъ самыхъ глубокихъ потребностей человѣческаго духа. Доказательствомъ тому служитъ наше здѣсь собраніе. Оставивъ семейства и домашнія заботы, бо̀льшая часть изъ насъ, по положенію губернскаго города, прибыла сюда издалека—по благородному стремленію быть полезными своей странѣ, развивая общими усиліями жизнь нравственную въ обществѣ и заботясь о его благосостояніи. Земство доказало это открытіемъ гимназіи и щедрымъ вспомоществованіемъ образованію сельскаго населенія. Счастливъ тотъ, кто живетъ въ средѣ самыхъ просвѣщенныхъ и всесторонне-развитыхъ людей; но тяжело проводить жизнь среди невѣжества и грубости. Слѣдовательно, для нашего же блага мы должны заботиться о народномъ развитіи. Нельзя дѣло развитія народа предоставлять времени: безъ идей, способныхъ производить глубокое впечатлѣніе, время — плохой учитель. Сто̀итъ только взглянуть поближе, чтобы убѣдиться, до какой степени у насъ необходимо оживить умственную жизнь

народа. Нужно, чтобы въ каждой мѣстности люди пріучались самостоятельно думать, разъяснять свои мѣстные интересы и приводить ихъ въ согласіе съ интересами страны. А для этого именно и пригодна мѣстная газета, корреспондентомъ которой можетъ быть каждый землевладѣлецъ въ губерніи, всѣ тѣ люди, которые дорожатъ развитіемъ и благосостояніемъ страны. Можно вполнѣ надѣяться на всеобщее участіе въ нашей газетѣ, такъ какъ въ земство входятъ всесословные элементы; а для здороваго состоянія страны умственное движеніе необходимо нетолько въ высшихъ классахъ общества, но и въ массахъ населенія. Повторяю, за корреспондентами не будетъ остановки, потому что сообщать свои мысли и мнѣнія составляетъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка; а извѣстно, что и радость наша не полна, если не съ кѣмъ раздѣлить ее, какъ равно затаенное горе тяжелѣе высказаннаго. Возразятъ, что хорошія книги достаточны для предположенной цѣли. Но та часть прессы, которая всего болѣе способствуетъ правильному и стойкому развитію народныхъ отношеній и чувствъ, состоитъ именно изъ газетъ: безъ періодическихъ изданій, появляющихся во всѣхъ частяхъ государства, защищающихъ настолько же общіе, насколько и мѣстные интересы, доводящихъ до всеобщаго свѣдѣнія всѣ мѣстныя страданія и интересы — печать не можетъ достигнуть своей цѣли. Измѣненіе существовавшихъ порядковъ пробудило въ народѣ жажду сознательной дѣятельности въ новыхъ формахъ жизни. Движенію этому и правильному его ходу пусть поможетъ осмысленная, здравая литература, которая заставитъ народъ серьёзно смотрѣть на свою жизнь, расположитъ его къ умственнымъ и нравственнымъ напряженіямъ... Населеніе увеличивается со дня на день; жизнь при прежнихъ условіяхъ дѣлается все болѣе тягостною; явленія, которыя мы видѣли въ недавнее время при неурожаѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, когда массы населенія бѣжали изъ тѣхъ мѣстъ въ отчаяніи, куда глаза глядятъ; смертность, которая мѣстами уничтожала десятую часть населенія — вотъ послѣдствія несообщительности литературной между отдѣлами одного и того же государства. Самые выборы и представительныя собранія имѣли бы гораздо болѣе правильности при мѣстномъ органѣ печати. Доказательствомъ тому можетъ служить, при текущей сессіи, выборъ мирового судьи Роменскаго Уѣзда. Совершенно не зная избираемаго лица, кладемъ шаръ направо для того только, чтобы состоялся выборъ; а между тѣмъ, своимъ шаромъ, можетъ быть, я навязываю извѣстной мѣстности лицо нелюбимое, и непопулярное. А когда бы имѣлся мѣстный органъ печати, кандидатъ на эту должность давно бы обрисовался передъ нами, и намъ, при вы-

борѣ, оставалось бы только своими шарами утвердить общественное мнѣніе и исполнить желаніе жителей данной мѣстности... (Сводъ журн. полтавс. губ. зем. собр. X-го очер. соз. 1874 г. Полтава, 1874 г., стр. 148—151).

Развѣ въ этомъ не оказался историческій геній Малороссіи—самостоятельное, всегда независимое творчество и даровитость, также исключительная, этой половины русскаго народа? Въ рѣчи Яцевича вы слышите историческую рѣчь Юрія Немирича, того Немирича, котораго политическій геній могъ бы измѣнить лицо всей восточной Европы, еслибы Богданъ Хмельницкій и Выговскій стояли на одномъ уровнѣ политическаго развитія съ этимъ Немиричемъ. Но какъ рѣчи Немирича, такъ и рѣчь Яцевича останутся для Малороссіи и для всей Россіи только историческими рѣчами.

XXVI.

Оглянемся теперь назадъ, на все пройденное нами пространство, чтобы, если можно, охватить разомъ картину всего, что̀ принесла Россіи десятилѣтняя коллективная работа лучшихъ (въ силу болѣе или менѣе свободнаго избранія) представителей всѣхъ земскихъ силъ бо̀льшей половины населенія русской земли, покрытой, такъ-сказать, сѣтью земскихъ учрежденій.

Десять лѣтъ—не большой періодъ въ исторіи народа, формы общественной и государственной жизни котораго выковывались и отливались въ теченіи ровно тысячи лѣтъ и притомъ подъ воздѣйствіемъ извѣстныхъ, почти неизмѣнныхъ въ своемъ направленіи факторовъ исторической ковки и отливки, въ теченіи тысячи лѣтъ окрѣпали или сглаживались, смотря по матеріалу, изъ котораго производилась ковка и отливка, и, наконецъ, въ теченіи тысячи лѣтъ входили въ историческую привычку, во вторую натуру, въ плоть и кровь. Десять лѣтъ—слишкомъ мало для исторіи, чтобы успѣть перевоспитать то, что̀ въ теченіи тысячи лѣтъ воспитывалось въ силу извѣстныхъ жизненныхъ принциповъ, и вновь воспитать то, что̀ тысячу лѣтъ совсѣмъ не воспитывалось. Если мы взглянемъ на десятилѣтніе результаты земской работы съ такой исторической точки зрѣнія, то намъ придется сказать, что въ теченіи десяти лѣтъ земство *почти ничего* не сдѣлало, потому что «дѣло вѣковъ исправлять не легко». Если же мы отрѣшимся отъ задаванья такими слишкомъ широкими задачами, то найдемъ, что въ десять лѣтъ русскимъ земствомъ сдѣлано для будущей исторіи Россіи, въ извѣстномъ направленіи, хотя и немного, очень немного, но все же больше, чѣмъ вся Россія успѣла сдѣлать въ этомъ направленіи въ теченіи ста пред-

шествовавшихъ десятилѣтій. Такъ въ теченіи ста десятилѣтій, Россія, говоря отчасти гиперболически, ни разу, такъ-сказать, не перемѣрила и не просушила у мужика скуднаго запаснаго хлѣба на случай голодухи; а земство въ десять лѣтъ нетолько перемѣрило и просушило этотъ хлѣбъ, но и намѣрено сдѣлать его матеріаломъ, стоящимъ внѣ условій времени и погоды. Россія, въ теченіи ста десятилѣтій не сдѣлала прочной насыпи надъ оврагомъ Прорвой, въ которомъ ломались русскія широкія шеи отъ самаго Гостомысла до самаго Угрюмъ-Бурчеева; а земство ее сдѣлало. Въ теченіи ста десятилѣтій баба-Россія рожала своихъ дѣтей въ свиномъ хлѣву и повитухой у нея подчасъ бывала свинья, тотчасъ же и съѣдавшая ребенка, будущаго работника Россіи, а теперь земство пріучаетъ бабу-Россію рожать въ родильномъ пріютѣ и при помощи повитухъ, слушавшихъ женскіе медицинскіе курсы. Десять столѣтій Россія ѣла щи изъ «общей миски» и часто заражалась вслѣдствіе нечистоты этой миски и ложки, а земство намѣрено дать и уже даетъ ей и чистую ложку, и чистую миску. Десять столѣтій въ волости Забытой не было ни одной школы, а земство и въ волость Забытую послало учителя «ходебщика», который сдѣлалъ то, что забытовскіе ребятишки слушаютъ ужь, конечно, немногіе, въ родѣ Яши Соколова изъ Весьегонска, университетскій курсъ.

Но, вѣдь, земство, повторяемъ, только начинаетъ жить, начинаетъ осматриваться. Оно находится еще въ томъ періодѣ, который въ исторіи народовъ называется періодомъ младенчества, когда изъ сѣрой, скорѣе, темной массы, живущей стадною жизнью, только начинаютъ выступать личности, чтобъ потомъ, по совершеніи тріады историческаго роста, уступить мѣсто этой массѣ, но уже не темной, а болѣе или менѣе свѣтлой. Оно находится въ томъ періодѣ младенчества исторіи, когда люди начинаютъ смутно сознавать, что такой-то учитъ ихъ ковать желѣзо, такой-то выдумываетъ имъ азбуку, этотъ изобрѣтаетъ плугъ и т. д. Младенческій народъ невольно выдѣляетъ изъ себя эти личности, которыя отъ него же все получили, и дѣлаетъ ихъ богами или полубогами, и изъ всей первобытной исторіи у него остается въ памяти, что Эскулапъ научилъ его врачеванью, Бахусъ, а, по другимъ, козелъ—дѣлать виноградное вино, Вулканъ—ковать желѣзо, Церера—жать, Діана—ловить звѣрей. Мало того, самъ Юпитеръ оказывается въ непосредственной зависимости отъ Амальѳеи, козы, которая воспитываетъ его своимъ молокомъ («ужь не Сидорова ли это коза»). Затѣмъ, въ исторіи младенчествующихъ народовъ являются герои и мудрецы, выдѣляющіеся изъ массы просто, повидимому, пустяками, но для массы пустяками важными: одинъ, какъ Геркулесъ, убиваетъ льва немей-

скаго, очищаетъ отъ навозу конюшни у царя Авгія, достаетъ золотыя яблоки или, можетъ быть, просто апельсины и т. д... другой говоритъ какой-нибудь жизненный провербъ, въ родѣ «познай самого себя» и т. д.

Это же младенчество исторіи повторяется и на нашемъ земствѣ. Картины общей исторической земской жизни еще нѣтъ; нѣтъ ничего стройнаго, цѣльнаго, а все—какіе-то обломки: хлѣбные амбары, мышеядь, поломанные мосты, незасыпанные овраги, родящія въ хлѣвахъ бабы, война противъ всего этого отдѣльныхъ личностей, какъ война съ навозомъ царя Авгія. И вотъ изъ-за этого мусора земскаго матеріала выдаются головы, спины, руки, ноги, слышатся голоса и перебранка, и пѣсни самихъ рабочихъ, и то смутно, какъ эхо въ лѣсу. Но рабочіе все-таки выдѣляются изъ-за мусора, щебня, лѣсу и другого строительнаго матеріала. На первомъ планѣ, какъ и слѣдуетъ, голова барона *Корфа*, отдѣляющаяся отъ полотна, вдѣланнаго въ золочоную рамку: это—одинъ изъ самыхъ видныхъ рабочихъ петербургскаго столичнаго земства, которое его и помѣстило первымъ въ свой земскій пантеонъ. На заднемъ планѣ, въ тѣни, виднѣется фигура *г. Анненскаго*, окутанная дымкой земскаго недовѣрія. Затѣмъ, въ сторонѣ, выдѣляются симпатичныя женскія фигуры земскихъ дѣятельницъ — г-жи *фонъ-Крузе*, г-жи *Перонiусъ*, г-жи *Кусовой*, г-жи *Кетцлеръ*, дѣйствующихъ во имя облегченія народной бѣдности. Далѣе—г. *Безъобразовъ*, выражающій опасеніе, что питаніе крестьянскихъ дѣтей коровьимъ молокомъ, вмѣсто женскаго, можетъ развить въ дѣтяхъ «животные инстинкты и наклонности», и врачи *Коминъ* и *Сочава*, успокоивающіе его, что наука едвали признаетъ возможность такого явленія и законность такого опасенія. Тутъ же и г. *Кусовъ*, заявляющій любопытный фактъ, что воспитательный домъ посылаетъ своихъ питомцевъ «для обрусенія—въ нѣмецкія колоніи», и г. *Аврамовъ*, земскій педагогъ, честно воюющій съ историческимъ минотавромъ и силящійся вырвать изъ его пасти живое молодое поколѣніе, родившееся и выросшее—на волковомъ кладбищѣ, между могильныхъ памятниковъ.

А вотъ и въ далекихъ земскихъ захолустьяхъ, изъ-за строительнаго мусора выдаются цѣлыя фигуры, головы, руки, ноги, спины, а иногда слышатся живые, сильные голоса земскихъ рабочихъ вмѣстѣ съ плачемъ и руганью. На сѣверовосточныхъ окраинахъ Россіи, ближе къ Сибири, въ массѣ земскихъ рабочихъ рельефнѣе выдаются четыре *крестьянскія* фигуры: *крестьянина Коняева*, который, въ своей рѣчи къ земскому собранію, ссылается на доктрины Риля, Смайльса и другихъ свѣтилъ западнаго міра и котораго голосъ рѣзко выдѣляется во всемъ

гамѣ голосовъ соликамскаго земства; фигура *крестьянина Мелединa*, въ Екатеринбургѣ, который почти одинъ ратуетъ за самое широкое развитіе образованія въ народѣ, за поднятіе уровня образованія въ рабочемъ, и на замѣчаніе противниковъ, что городскія гимназіи и реальныя училища для всѣхъ доступны, отвѣчаетъ: «да, доступны, какъ буфетъ здѣсь, при собраніи, открытъ для всѣхъ, да нашему-то брату мужику не по карману»; фигура *крестьянина Скачкова*, который, повидимому, и работаетъ, и думаетъ, и, говоритъ одинъ за всю красноуфимскую земскую артель и въ тоже время, задѣтый за живое въ губернскомъ земствѣ неудачнымъ выборомъ дорожнаго смотрителя, тычетъ восклицательнымъ знакомъ въ глаза всей Россіи за ея невсегда удачные выборы своихъ представителей; наконецъ, фигура *крестьянина Начапкина*, предсѣдателя шадринской земской управы. А тутъ же, рядомъ съ крестьянскими зипунами, въ томъ же земскомъ мусорѣ, за тою же черною земскою работою вы видите скромныя, но достойныя всякаго уваженія фигуры князей Рюриковичей, Гедиминовичей, прямыхъ потомковъ удѣльныхъ князей, графовъ, бароновъ и другого родовитаго дворянства. Тамъ, въ богатомъ Поволжьѣ, въ убійственно неблагоустроенномъ и убійственно пыльномъ Саратовѣ, *князь Щербатовъ*, истый Рюриковичъ-устроитель земли, мститъ непроѣзжія улицы, роетъ колодцы для снабженія водою стоящаго у Волги, но умирающаго отъ безводья города, и посадкою по пыльнымъ улицамъ деревьевъ спасаетъ не менѣе 15% населенія, страдающаго разстройствомъ легкихъ, отъ чахотки и отъ пыльнаго задушенія и ослѣпленія. Тутъ, въ центрѣ старо-исторической Руси, въ отчинѣ Олега рязанскаго, *князь Волконскій* одинъ работаетъ за десять дюжихъ мужиковъ и, въ тоже время, является Ѳукидидомъ своего земства—успѣваетъ написать его исторію. Здѣсь, въ центрѣ Малороссіи, *князь Репнинъ* роется въ пирятинскомъ земскомъ мусорѣ рядомъ съ потомками гайдамаковъ—съ *Гайдаемъ*, *Мягкимъ*. Тутъ же виднѣется фигура и *графа Дебальмена*, можетъ быть, потомка тѣхъ аристократовъ старой Франціи, которыхъ первая революція заставила искать пріюта въ гайдамацкой землѣ, въ Пирятинскомъ Уѣздѣ.

Наконецъ, въ земскомъ строительномъ гамѣ и стукѣ слышатся голоса множества другихъ рабочихъ, смѣлыхъ и робкихъ, молодыхъ и старыхъ, заурядныхъ и изъ ряду вонъ выдающихся, одобряемыхъ и возносимыхъ общественнымъ мнѣніемъ и неодобряемыхъ. Братья *Аладьины*-дмитріевскіе «куряне», вызывающіе «крайнее сожалѣніе» земства за свою дѣятельность, и *Аладьинъ*-рыльскій, привлекающій къ себѣ общую симпатію

земства за то, что онъ—не дармоѣдъ въ земской рабочей артели; *Бѣлуха-Кохановскій* и *Савичъ*, грозящіе золотопольскому земству бѣдственными послѣдствіями за апатичное отношеніе къ интересамъ края; *Воейковъ*-сызранскій, преклоняющій «экономическія выгоды отдѣльныхъ личностей» передъ «пользою всѣхъ» и ставящій стихійное рѣшеніе «рабочаго вопроса» въ Поволжьѣ на дорогу рѣшенія экономическаго; *Воейковъ*, въ которомъ земство почтило и «дѣятеля» и «человѣка»; *Насокинъ*-сызранскій же, стрѣляющій земскою стрѣлою въ буржуазный карманъ города и, въ тоже время, огорчающійся, что, въ интересахъ земства, ему поручаютъ контролировать «волчьи хвосты и уши»; священникъ *Кульчинскій*-самарскій, заявляющій своему земству, что въ дѣлѣ народнаго образованія прилагается поговорка о «семи нянькахъ» у одного ребёнка; *Аристовъ*-самарскій же, котораго *Кнорринъ* необдуманно обвиняетъ въ томъ, будто онъ подговаривалъ крестьянъ не помогать бѣднымъ дворянамъ въ открытіи школъ для дѣтей этихъ бѣдныхъ дворянъ; *Яша Соколовъ*, весьегонскій мужичонокъ, родившійся, можетъ быть, въ хлѣвѣ, по бѣдности, и теперь, при помощи «господъ гласныхъ», пробирающійся, а, быть можетъ, и пробравшійся уже въ университетскую аудиторію слушать послѣднее слово науки; *Корсаковъ*-весьегонскій же, ехидствующій противъ земской лѣни и апатіи и доказывающій, что многимъ мировымъ судьямъ дѣлать нѣчего и, слѣдовательно, нѣчего и истощать земскую мошну; *Кисловской*, весьегонскій Муцій-Сцевола, увлекшій все земство считать и провѣрять крестьянскіе хлѣбные запасы и требующій радикальнаго леченія «періодически голодающей Россіи»; *Арефій Авдѣевъ*, весьегонскій мужикъ, первый подавшій въ земствѣ голосъ о томъ, что мужикъ бѣденъ «не отъ лѣни»; *Бирюлевъ*, весьегонскій же, доказывающій, что запасные магазины никогда не спасали и не спасутъ народъ отъ голода, и что для этого нужны другія мѣры; старикъ *Европеусъ*, весьегонскій же, въ теченіи 14 лѣтъ замѣнявшій собою всю медицину своего уѣзда и подъ конецъ жизни обиженный земствомъ; *Дементьевъ*, тоже весьегонскій, сокращеніемъ судебнаго мироваго института намѣревающійся «объять необъятное»; *Зеленый*-херсонскій, ратующій противъ сепаратизма Одессы въ земскомъ дѣлѣ и противъ раззоренія чрезъ такой эгоистическій сепаратизмъ всего сельскаго населенія края; *Бѣлоусовичъ*-херсонскій же, доказывающій, что, если херсонское населеніе займется истребленіемъ овражковъ, какъ исполненіемъ земской повинности, то одними овражками оно пополнитъ всѣ земскіе налоги, и въ земской кассѣ, вмѣсто денегъ, останутся только лапки, уши и хвосты овражковъ; *Фитуровскій*, тоже херсонскій, проектирующій положеніе

штрафной пени на казну за несвоевременный взносъ земскихъ платежей; *Значко-Яворскій*, заявляющій, что полиція «не имѣетъ никакого значенія» для крупныхъ землевладѣльцевъ и что ее «уважаютъ» только «мелкіе землевладѣльцы», т.-е. крестьяне; *Соловейчикъ*, доказывающій, что для Одессы «не велика честь»—быть губернскимъ городомъ и имѣть у себя губернатора; *Бертье-Делагардъ*, техникъ, самъ возвращающій херсонскому земству деньги, отъ которыхъ земство отбивается и руками, и ногами, только вслѣдствіе городскихъ толковъ, что техникъ небрежно построилъ для земства плотину; *Никитинъ*, тоже херсонскій боецъ, доказывающій, что земство не должно помогать своими суммами глазной лечебницѣ собственно потому, что она носитъ «громкое имя» (графа Коцебу); *Азаровъ-Храповъ*-брянскій, противникъ «женскаго вопроса», требующій «сжечь 21 тысячу», лишь бы деньги эти недоставались содержателямъ земскихъ станцій; *Смышляевъ*-пермскій и ирбитскій, фактически доказывавшій, что одинъ крестьянскій лапоть въ ирбитскомъ земствѣ несетъ земскихъ налоговъ 79%, а всѣ сапоги земскіе, какъ-то городскіе, казенные, помѣщичьи и купеческіе—несутъ только 21%, т.-е. не болѣе 5% каждый; *Кикинъ*-шадринскій, доказывающій опасность для земства, если «женщина будетъ развитѣе мужчины»; священникъ *Нечаевъ*-камышинскій, доказывающій, что нѣмцы въ поволжскомъ земствѣ также завладѣли русскимъ Камышинскимъ Уѣздомъ, какъ они завладѣли французскими—Эльзасомъ и Лотарингіею; *Дашковъ*-рязанскій, доказывающій гибельность «общей миски», изъ которой заразилось почти все сельское населеніе; *князь Кропоткинъ*, возставшій противъ всего рязанскаго земства и изгнавшій изъ своего уѣзда вопросъ объ образованіи мелкихъ крестьянскихъ поселеній въ видахъ спасенія Россіи отъ выгоранія дотла въ 24 года; *Бабинъ*-рязанскій же, ратующій за мягкость выраженій въ земскихъ бумажныхъ сношеніяхъ, не желающій допускать выраженій вродѣ «вмѣнить въ обязанность» и т. п. и находящій въ словѣ «просить» и «мягкій», и «жосткій» смыслъ; *Юшковъ*-ирбитскій, тоже требующій осторожности въ выраженіяхъ и не позволяющій *Смышляеву* что-либо просто «предлагать» земству, а «имѣть честь» заявлять; *Оленинъ*, рязанскій, остроумно высчитавшій, что каждый волкъ обходится рязанскому земству въ 127 р. въ годъ—т.-е. содержаніе волка оказывается дороже, чѣмъ содержаніе учителя народной школы; *Тимоховичъ*, тоже рязанскій, предсказывающій возможность убіенія пьянства и кабаковъ посредствомъ «чайныхъ» для народа и подтверждающій великую истину, что «дѣло вѣковъ исправлять не легко»; *Мигринъ*, ростовскій, три раза убѣгавшій изъ земства и три раза

возвращавшійся, чтобъ спасти свой край отъ голода; *Яновичъ*, тоже бѣгущій изъ ростовскаго земства; *Баташовъ*, *Ященко*, *Бойченко*, *Драшковичъ*, тоже почему-то невыносящіе земской атмосферы; *Русановъ*-екатеринбургскій, волнующійся и тѣмъ, что «Дѣло» указало на равнодушіе екатеринбургскихъ землевладѣльцевъ къ дѣлу народнаго образованія, и тѣмъ, что въ народныя школы выписывается «Вѣстникъ Европы»—«слишкомъ серьёзный журналъ»; *Дягилевъ*-пермскій, требующій отъ земства «величія, стойкости и справедливости», особенно въ устроеніи сибирскаго тракта, этого прокустова ложа русской земли; *Ергольскій*-калужскій, брасающій въ глаза земства замѣчаніемъ, что въ земскіе дѣятели избираются такіе люди, которые ничего не дѣлаютъ; врачъ *Рудольскій*, возстающій противъ невольной «голодной діэты», которая доводитъ крестьянъ до тифа; *Брусиловъ*-трубчевскій, заявляющій, что «мнѣнія гласныхъ не могутъ быть преслѣдуемы»; *Люстигъ*, перекопскій нѣмецъ и гласный, заводящій школы для перекопскихъ татаръ и русскихъ тамъ, гдѣ когда-то находились только земляныя татарскія тюрьмы для русскихъ полоняниковъ; бессарабскіе бояре и дворяне—Дракулы, Ботезаты, Катакази, Манукъ-Мерзіяновы и др., снимающіе пятно съ своего земства, которое, въ лицѣ своего исполнительнаго персонала, *Семиградова* и др., назначили было на расходы по канцеляріи училищнаго совѣта, на устройство съѣзда народныхъ учителей и на награды лучшимъ изъ нихъ—всего 50 рублей; *Ваганов*ъ, возвышающій славу «Господина Пскова» въ великой семьѣ русскихъ городовъ ассигнованіемъ на народное образованіе болѣе 36 тысячъ; *Хохловъ*-спасскій, одинъ явившійся въ собраніе вмѣсто цѣлой ревизіонной комиссіи и тѣмъ напомнившій своему земству текстъ евангельскій—«много званныхъ» и т. д.; *Однобишинъ* и *Чичеринъ*-козловскіе, оживляющіе хотя нѣсколько своимъ словомъ богатое силами, но бѣдное энергіею козловское земство; *Никифоровъ*-козловскій же, ищущій для земства временныхъ благъ въ «землевладѣльческомъ» кредитѣ», но не вѣчнаго спасенія — въ развитіи края; *Лизогубъ*-пирятинскій, по непонятной слѣпотѣ протестующій и *противъ* «внесенія въ журналы земскихъ собраній подлинныхъ выраженій гласныхъ», и *противъ* евреевъ; казакъ *Щека*, скромно отклоняющій отъ себя честь, предлагаемую ему зѣньковскимъ земствомъ; *Соколовичъ*-зѣньковскій же, готовый только тогда помириться съ роскошною обстановкою городскихъ реальныхъ училищъ, когда на обстановку народныхъ школъ будетъ ассигноваться равная съ городскими училищами сумма; *Филоновъ*, судебный слѣдователь, по эстафетѣ требующій, чтобы

зѣньковское земство «разбудило» своего спящаго врача *Олтаржевскаго; Шумовскій* - калужскій, требующій, чтобы земство, въ виду того, что земледѣліе Калужской Губерніи иетдъ къ гибели, искало спасенія въ промысловой жизни; *Тетеревенко* и *Загаринъ*-калужскіе же, требующіе спасти отъ голода самарцевъ, чтобъ впослѣдствіи самарцы могли и ихъ спасти отъ голода, и *Полторацкій*, доказывающій, что земство не должно помогать «чужимъ»; *Савельевъ*-чебоксарскій, хитростью заставляющій *Кожевникова* не уходить изъ управы, чтобъ самому изъ нея уйти, и тѣмъ возбудившій въ чебоксарскомъ земствѣ опасеніе, что, если всѣ будутъ такъ поступать, какъ *Савельевъ*, то земству можетъ грозить самоуничтоженіе и занятіе земской трибуны исправникомъ; *Мельниковъ*-тоже чебоксарскій, требующій «поголовной» граматности для народа и бросающій горсть песку на могилу покойнаго Даля; *Сорокинъ*-бѣлевскій, жалующійся, что бѣлевскіе граждане раззоряютъ публичную библіотеку имени Жуковскаго; *Маховъ* и *Терещенко* - рыльскіе, требующіе земской помощи «женскимъ» училищамъ передъ «мужскими», въ принципѣ; *Павловскій*-харьковскій, доказывающій, что обязательное обученіе народа будетъ до тѣхъ поръ «вопіющимъ безобразіемъ», пока народные учителя, за неимѣніемъ помѣщеній, будутъ жить на школьныхъ «печкахъ»; *Яцевичъ*-полтавскій, требующій самой широкой земской гласности для всей русской земли и только въ ней видящій спасеніе; *Задери-Хвостъ*-харьковскій же, хотя и носящій смѣшную фамилію, но, повидимому, имѣющій на плечахъ дѣльную голову и требующій не пренебрегать удобствами помѣщенія крестьянской учащейся молодежи, этой великой надежды русскаго народа—вотъ что мы слышимъ въ нестройномъ, повидимому, земскомъ рабочемъ гамѣ, въ этой пестрой «смѣси племенъ, нарѣчій, состояній». Намъ кажется, что во всемъ этомъ больше утѣшительнаго, чѣмъ неутѣшительнаго, и, если во всемъ земскомъ говорѣ и много пустой болтовни, а не дѣла, въ рѣчахъ—много воды, то все-таки въ этой водѣ есть и процентъ «воды живой», которую сказочный воронъ приносилъ когда-то къ мертвому русскому богатырю.

А самарское земство, которое обнаруживаетъ растраты земскихъ сборовъ полиціею; а нижегородское земство, которое выдаетъ сельскимъ покровителямъ народнаго образованія такіе же похвальные листы, какъ «за тушеніе пожаровъ»; а чердынское земство, возглашающее на молебнѣ «многолѣтіе земскимъ дѣятелямъ»?.. А, наконецъ, эти женщины и дѣвушки, то непосредственно принимающія участіе въ земской работѣ, то готовящіяся къ этому народному труду при помощи земствъ: эта дѣвица

Знаменская, еще слишкомъ юная, чтобъ не заявить гордо, что «силы духа и энергіи измѣряются не лѣтами и не поломъ»; или *Гижицкая* и *Шишкина*—въ Ананьевѣ, *Арсеньева*—въ Нижнемъ, *Сарычова*, *Семакина*, *Утробина*, *Аммосова-Сарычова*, *Чемоданова*, *Мышкина*—въ Орловѣ, *Еганова* и *Книзе* въ Красноуфимскѣ, *Амброзанцева-Нечаева*, *Пустошкина*, *Граббе*, *Бестужева*—въ Сызрани, *фон-Райзеръ*—въ Весьегонскѣ, *Китарева* и *Казанова*—въ Кунгурѣ, *Мордвинова*, *Луковникова*, *Никонова*, *Шумова*, *Шахларева*, *Коренева*—въ Самарѣ, это—русскія Антигоны, водящія своего слѣпаго отца, Эдипа-царя—слѣпой русскій народъ и кормящія его во время голода.

При всемъ томъ ничего стройнаго, цѣльнаго, законченнаго не представляетъ собою картина земской работы. Это—какіе-то обломки отъ стараго зданія съ мусоромъ и «пылью вѣковъ», недодѣланные, необожженные кирпичи для новаго зданія, новые и отбитые старые карнизы, стѣны изъ разныхъ кирпичей, окна безъ рамъ, откуда виднѣются и молодыя, свѣжія лица веселыхъ работниковъ и, скелеты мертвецовъ. А сколько костей сухихъ въ кучахъ мусора! При видѣ этой грандіозной, хотя нестройной, по своей задуманности, картины, само собою повторяется въ памяти то глубоко-поэтическое мѣсто изъ видѣній пророка Іезекіиля, гл. 37, гдѣ онъ говоритъ о полѣ, усѣянномъ костями человѣческими. «И бысть на мнѣ руки Господня (говоритъ пророкъ), и изведе мя въ Дусѣ Господни, и постави мя средѣ поля, се же бяше полно костей человѣческихъ. И обведе мя окрестъ ихъ около, и се многи зѣло на лицы поля, и се сухи зѣло. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія? И рекохъ: Господи Боже, ты вѣси сія. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, прорцы на кости сія, и речеши имъ: кости сухія, слышити слово Господне: се глаголетъ Адонаи Господь костемъ симъ: се азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и увѣсте, яко азъ есмь Господь. И прорекохъ, яко же заповѣда ми Господь. И бысть гласъ внегда ми пророчествовати, и се трусъ, и совокупляхуся кости, кость къ кости, каяждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилы, и плоть растяше, и протяжеся имъ кожа вверху—духа же не бяше въ нихъ. И рече ко мнѣ: прорцы о Дусѣ, прорцы, сыне человѣчь, и рцы духови: сія глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди, душе, и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ. И прорекохъ, якоже повелѣ ми, и вниде въ ня духъ жизни, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ, соборъ многъ зѣло».

В 2
РУССКАГО
ЗМ
364 187